

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 1996 ГОД

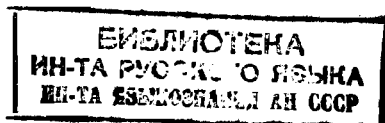
Основан в 1957 году
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"
1998

УДК 930
ББК 63.2
А 87

8(п)
А-87

88943

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:
Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ,
Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, Б.Г. ЛИТВАК,
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ

Рецензент
академик В.Л. ЯНИН

Археографический ежегодник за 1996 год. – М.: Наука, 1998. – 429 с.
ISBN 5-02-008510-3

Ежегодник содержит статьи, обзоры и публикации по проблемам археографии, источниковедения и архивоведения. Значительная часть материалов посвящена юбилеям: 40-летию Археографической комиссии РАН, 90-летию Пушкинского Дома, 65-летию Историко-архивного института РГГУ и 30-летию ВНИИДАД. В книге исследуются письменные источники отечественной истории с XVI в. до наших дней, публикуются материалы по истории архивного дела и археографии, о деятельности видных историков и археографов М.П. Погодина, С.Ф. Платонова, Д.Б. Рязанова, М.Н. Покровского, Н.П. Чулкова, А.А. Амосова, С.В. Житомирской, польских историков Ю. Бардаха, А. Гейштора.

Для историков, филологов, архивистов, преподавателей и всех интересующихся историей.

ТП-97-1-№ 9
ISBN 5-02-008510-3

© Коллектив авторов, 1998
© Издательство "Наука", художественное оформление, 1998
© Российская академия наук, 1998

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1996 ГОДА, ПОСВЯЩЕННЫЕ 40-ЛЕТИЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН

Хроника заседания

6 июня состоялись традиционные Тихомировские чтения, ежегодно проводимые Археографической комиссией. Чтения были приурочены к знаменательной дате: 40 лет назад, 13 апреля 1956 г., по инициативе академика М.Н. Тихомирова была создана (точнее – воссоздана) Археографическая комиссия. И поэтому не случайно вниманию собравшихся предлагались доклады, лейтмотивом которых стало желание если не подвести итог, то хотя бы суммировать сделанное Археографической комиссией в той или иной области, в том или ином направлении.

Чтения открыл председатель комиссии академик РАО *С.О. Шмидт**. Минутной молчания собравшиеся почтили память членов Археографической комиссии, ушедших из жизни за год: академика-секретаря Отделения истории РАН И.Д. Ковальченко, члена-корреспондента РАН В.И. Буганова, иностранного члена Польской Академии наук члена бюро Археографической комиссии В.А. Дьякова, замечательного вологодского историка, бывшего председателя Северного отделения Археографической комиссии профессора П.А. Колесникова, талантливого петербургского археографа и источниковеда А.А. Амосова.

С приветственным словом к присутствовавшим обратился директор Института славяноведения и балканистики РАН, профессор *В.К. Волков*, который отметил, что все 40 лет сотрудничества Института славяноведения и балканистики с Археографической комиссией были чрезвычайно плодотворными и что М.Н. Тихомиров не ошибся, доверив свое "детище" существовавшему тогда еще только 10 лет институту. От Государственной архивной службы России с приветственным словом выступила *Т.Ф. Павлова*; от Архива РАН – *Т.М. Королева*; были зачитаны телеграммы, пришедшие в адрес комиссии от археографов Санкт-Петербурга и Ярославля; *С.О. Шмидт* передал поздравления всем сотрудникам и членам комиссии от академика *Д.С. Лихачева*.

В фойе конференц-зала Института российской истории была устроена выставка книг, изданных за 40 лет Археографической комиссией или при ее непосредственном участии. Ученый секретарь комиссии *В.А. Черных* посвятил доклад изданиям Археографической комиссии. О работе над Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг рассказал *А.А. Турилов* (ИСБ РАН).

Живой интерес собравшихся вызвал доклад *А.Д. Степанского* (РГГУ) "Проблемы публикации исторических источников в трудах Археографической комиссии". По замечанию *С.О. Шмидта*, некоторые темы, затронутые в докладе

* Вступительное слово *С.О. Шмидта* и доклады в виде статей публикуются ниже.

вполне могли бы стать темами диссертационных сочинений. С докладом "О становлении и развитии полевых археографических исследований" выступила *И.В. Поздеева* (МГУ). Проблемам историографии в трудах Археографической комиссии было посвящено сообщение *С.В. Чиркова* (РГГУ).

Об издательской деятельности Государственной архивной службы, о тех практических и теоретических проблемах, которые возникают при публикации остроактуальных или недавно рассекреченных архивных документов, а также об основных направлениях в этой области деятельности Государственной архивной службы рассказала *Т.Ф. Павлова*. В выступлении были освещены проблемы подготовки совместных проектов архивов с зарубежными фондами и научными учреждениями и их осуществления.

В заключительном слове *С.О. Шмидт* поблагодарил докладчиков за интересные сообщения, а собравшихся – за живой интерес к проблемам археографии и за удовольствие видеть их в столь знаменательный для Археографической комиссии день.

А.Л. Лифшиц

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Празднование 40-летия Археографической комиссии Российской академии наук в момент сильной общественной взбудораженности кануна президентских выборов в своем роде показательно. Веря в обновление России и стремясь к этому, верим и в то, что интерес и уважение к историко-культурному наследию Отечества будут возрастать. И наш долг обеспечить сохранность источниковой базы этого наследия и возможности его изучения и использования. Дальнейшая демократизация общественной жизни обусловлена в значительной мере развитием просвещения и науки.

О деятельности организованной академиком М.Н. Тихомировым Археографической комиссии и воплощении в этой деятельности традиций прежней Археографической комиссии, основанной в 1830-е годы и прикрытой в начале 1930-х годов, и других учреждений и общественных объединений прежних лет, уже приходилось писать – особенно в связи с 25-летием Комиссии. Этому юбилею были посвящены Тихомировские чтения 1981 года, материалы которых опубликованы¹. Статья о деятельности комиссии и задачах развития археографии напечатана затем в "Вестнике Академии наук" (1984. № 10). Недавно В.А. Черных при моем участии написал о Комиссии в книге, подготовленной в связи с 50-летием Института славяноведения и балканистики РАН (с перечнем всех ее изданий).

Приятно отметить, что в издании, подготовленном в 1996 г. Самарским государственным университетом, "Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы межвузовской научной конференции" (Вып. 3) помещена статья Л.В. Храмкова и Е.Л. Храмковой «История второй мировой войны на страницах "Археографического ежегодника"» (С. 21–27).

В пору 25-летия нашей Комиссии, в период "трапезниковщины", когда в возглавляемом С.П. Трапезниковым Отделе науки ЦК КПСС поддерживали тенденцию тогдашних руководителей МГИАИ С.И. Мурашова и М.С. Селезнева – ущемить права Комиссии и очернить председателя (на этом поприще особое рвение проявлял сотрудник Отдела В.И. Куликов), приходилось прилагать усилия к обоснованию значения проводимой работы и противопоставлять некачественной негативной критике данные о научной и общественной результативности сделанного Комиссией и запланированных ею начинаний. Мы благодарны поддержавшим нас в то время руководителям и членам Отделения истории Академии наук, а также руководителям исторического факультета Московского университета (нашему постоянному другу и автору "Археографического ежегодника" академику В.Л. Янину, декану академику Ю.С. Кукушкину, заведовавшему кафедрой отечественной истории периода феодализма профессору А.Д. Горскому), сумевшим показать несостоятельность выдвинутых об-

¹ См.: АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 230–263 (Шмидт С.О. 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР; Князевская О.А., Черных В.А. Вопросы описания документальных памятников в трудах Археографической комиссии; Литвак Б.Г. Вопросы публикации источников на страницах "Археографического ежегодника"; Афиани В.Ю. Хроника заседания).

винений. Особенно много сделали в этом плане, отстаивая также самостоятельность Комиссии, академики Б.А. Рыбаков и А.М. Самсонов.

Представление о фундаментальном значении специальных исторических и филологических наук утверждалось в широкой научной среде постепенно. Они долго воспринимались исключительно как вспомогательные. Социологическим конструкциям и общеисторическим концепциям придавали намного большее значение, чем конкретн-историческим построениям, основанным на анализе исторических источников или введению в научный оборот малоизвестных ранее материалов и новых методических приемов. Развитие исторической мысли ставили в прямую зависимость от общественно-политических взглядов, и в выявлении подобных закономерностей усматривали главную задачу историографии. М.Н. Тихомиров, возрождая Археографическую комиссию и основывая кафедру источниковедения в Московском университете, мудро предвидел дальнейший ход развития исторических знаний и обучения приемам овладения ними.

Сотворенное академиком М.Н. Тихомировым – теперь это стало еще очевиднее – имело в ту пору принципиальное значение для развития исторической исследовательской мысли и отражало настроения и надежды, характерные для "оттепели", наступившей после XX съезда КПСС. Новое в развитии исторической мысли выражалось не только в обращении к ранее запретным темам и лицам, в возвращении вычеркнутых из историографии имен и отказе от навязываемых ранее истолкований прошлого, но и в возможности изучения исторических источников без обязательной привязки к политической конъюнктуре. "С изучения источников начинается всякая серьезная историческая работа", – утверждает в Предисловии к первому выпуску основанного академиком М.Н. Тихомировым "Археографического ежегодника за 1957 год" (М., 1958. С. 3).

Организатор Археографической комиссии учел и все более очевидную тенденцию взаимопроникновения специальных исторических и филологических дисциплин (особенно при изучении памятников культуры периода Средневековья) и то, что научные открытия все чаще происходят на стыке наук. И в значительной мере этим руководствовался, избрав как академик-секретарь Отделения исторических наук, местом службы образуемого коллектива сотрудников комиссии Институт славяноведения, где сфера занятий – проблемы исторических, и филологических наук. При образовании Комиссии ее организатор рассчитывал на участие и видных филологов, советовался с ними – писал об этом В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачеву, В.И. Малышеву в Ленинград.

М.Н. Тихомиров на личном опыте исследователя (автора научных трудов и подготовителя документальных публикаций), преподавателя вуза, сотрудника музея и архива убедился в теснейших взаимосвязях специальных исторических дисциплин, в том, что в основе всего – собственно источниковедческий подход. И подобно академику С.Ф. Платонову – последнему руководителю прежней Археографической комиссии и его сотрудникам и ученикам, отнюдь не сводил археографическую деятельность только к издательской, как это было принято полагать в те годы в среде преподавателей МГИАИ и архивистов Главархива. М.Н. Тихомиров сразу разработал широкую программу деятельности Археографической комиссии и издания "Археографического ежегодника", использующую опыт смежных научных дисциплин и предусматривающую дальнейшее совершенствование и их методики, и линий взаимосвязи.

С 1961 г., когда Комиссия стала и научно-проблемным советом Академии наук, место проблематики архивоведения и организации архивного дела в ее деятельности еще более заметно – ибо задача этого научно-проблемного совета, в отличие от всех других подобных советов Отделения истории, не только изучение и использование исторической информации, чтобы сделать ее доступным

достоянием науки и более широкой общественности, но и координация и обеспечение современного уровня работы по учету, охране, описанию таких памятников истории. При жизни первого председателя Комиссии образовалось и первое местное Отделение ее – в Ленинграде во главе с С.Н. Валком, положено было и начало еще одному ежегоднику – сборнику статей "Вспомогательные исторические дисциплины".

После кончины Михаила Николаевича в сентябре 1965 г. последующие председатели Комиссии старались следовать программе, намеченной М.Н. Тихомировым, тихомировским традициям, знакомить с тихомировским научным наследием. Зимой 1971/72 г. вехой в судьбе Археографической комиссии – и как коллектива сотрудников, и как научно-проблемного совета Академии наук – стало обсуждение доклада академика Д.С. Лихачева на заседании Президиума Академии наук о задачах изучения памятников русской письменности и литературы. Академик-секретарь Отделения исторических наук В.М. Хвостов, деятельно участвовавший в его обсуждении, сразу же поставил вопрос о расширении работы Археографической комиссии и добился существенного увеличения штата ее сотрудников. (В разговоре со мной он даже поднял вопрос об организации особого института по типу зарубежных институтов рукописей.)

В настоящее время положение Археографической комиссии существенно упрочилось. И вряд ли нас упрекнут в нескромности, если скажем, что деятельность Комиссии признают полезной, плодотворной и научно перспективной и в нашей стране, и за ее рубежами. Помехой в реализации начинаний Археографической комиссии являются лишь сложные экономические условия нашего времени – мы, естественно, ограничены в возможностях наших публикаций, организации научных конференций, в научных командировках. А потому особенно признательны тем лицам и учреждениям, которые и в этой непростой ситуации помогали и помогают нам. И показательно, что докладчиками на Тихомировских чтениях посвященных 40-летию Комиссии выступают не только сотрудники самой Комиссии (т.е. Института славяноведения и балканистики РАН), но и сотрудники Института российской истории РАН, Государственной архивной службы Российской Федерации, Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Московского университета. Результаты работы нашей Комиссии освещаются как бы и со стороны, свидетельствуя о творческом содружестве с этими учреждениями.

Особо нужно отметить поддержку со стороны руководителей Института славяноведения и балканистики, уважительное и заинтересованное отношение к работе сотрудников Комиссии, сохранение в штатах преданных делу работников высокой квалификации, достигших пенсионных лет, и в то же время поддержку наших просьб о пополнении штатов Комиссии молодыми сотрудниками. И приятно и почетно видеть здесь директора Института В.К. Волкова, который пришел на собрание ветеранов и друзей Комиссии. Существенно важно и то, что наши издательские планы помогают реализовать директор издательства "Наука" советник РАН по издательской и книготорговой деятельности В.И. Васильев и его сотрудники редакции "Наука-история". Без материального соучастия мы не смогли бы осуществить наши издания, которые воспринимаются ныне, как совместные: "Археографический ежегодник" начиная с книги за 1991 г. издается совместно с Государственной архивной службой Российской Федерации, только что вышедший в свет библиографический указатель "Михаил Николаевич Тихомиров", подготовленный в своей основе еще покойной Ириной Евгеньевной Тамм, а теперь пополненный и изданиями последующих лет, издан Научной библиотекой РГГУ, тезисы и сборники докладов научных конференций (по историческому краеведению, о В.О. Ключевском, о культуре российской провинции), организованных при руководящем участии Археографической комис-

сии, изданы благодаря поддержке Департамента культуры администрации Пензенской области.

Еще прежде выходили совместные издания материалов (тезисов, докладов) научных конференций, проведенных Археографической комиссией при активном участии ее Отделений (а часто и других учреждений) – в Вологде (центре Северного отделения), в Новосибирске (центр Сибирского отделения), а также на Урале, в Екатеринбурге и в Уфе (центры Уральского и Южноуральского отделений). Благодаря содействию Архива РАН совместно изданы книги трудов академика М.Н. Тихомирова. До прихода к руководству в Библиотеке РАН в Петербурге В.П. Леонова постоянной и плодотворной была практика совместных изданий и научных конференций: новый руководитель – увы, обнаружил нецивилизованное отношение к нашему рукописному наследию и к тем высококвалифицированным специалистам, которые преданно сохраняют и изучают это наследие.

Многим мы обязаны, конечно, Отделению истории РАН и руководству Института российской истории, в помещении которого ведется наша работа. И по существу наши издания, особенно "Археографический ежегодник", могут рассматриваться как результат работы и этого Института – в книгах Ежегодника значительная часть материала – труды сотрудников Института и его Санкт-Петербургского филиала: ответственный редактор уже почти 40 лет сотрудник Института. То же самое можно сказать и о ежегоднике "Вспомогательные исторические дисциплины", ответственным редактором которого всегда был директор или сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института.

Большинство сотрудников Комиссии имеют, как это принято в системе РАН, темы индивидуальной научной работы. Такие темы могут и не совмещаться с плановыми работами Комиссии (как многолетние исследования В.А. Черных об Анне Ахматовой, отмеченные и грантами и докладами на международных конференциях, подготовка В.В. Морозовым издания дневника тотемского крестьянина², В.Ю. Афиани – издания сочинений Н.М. Карамзина, С.В. Чирковым – сочинений Н.П. Павлова-Сильванского³ и М.Н. Тихомирова, составление Б.Н. Морозовым банка данных о "чиноначальниках" в России XVI–XVII вв. и др.), но обычно они идут в русле основных направлений ее деятельности.

Конечно, особенно ощутимые и долговременные результаты деятельности Комиссии, это – подготовленные ею издания и организованные ею научные конференции. О том, что сделано было в этом плане в первые 25–30 лет существования Комиссии, имеется информация в названных уже статьях. Работы в определившихся тогда направлениях продолжались и после, – издавались труды М.Н. Тихомирова, материалы о его жизни и творчестве, вышла в свет подготовленная в основном ленинградскими коллегами книга С.Н. Валка "Избранные труды по археографии" (СПб., 1991). Начата – совместно с Национальной российской библиотекой – работа над собранием сочинений академика С.Ф. Платонова, возглавлявшего прежнюю Археографическую комиссию в 1919–1929 гг. Не ослабевает деятельность по подготовке коллективных справочно-охранного типа исследовательских трудов – обоих каталогов (древних рукописных книг и личных фондов историков), регулярно выходят из печати книги "Археографических ежегодников".

Продолжается практика академического типа публикаций уникальных памятников письменности – совместно с сотрудниками Исторического музея и славис-

² Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы / Публикацию подгот. В.В. Морозов и Н.И. Решетников. (Сер. Библиотека российского этнографа). М., 1995.

³ Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России (Сер. Памятники исторической мысли). М., 1988; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М., 1997.

тами Фрайбургского университета в Германии. Н.А. Кобяк готовит издание Четых Миней митрополита Макария⁴. Ожидается, наконец, выход из печати хранящейся в РГАДА "Выписки из посольских книг" о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. (подготовлена к печати Б.Н. Морозовым)⁵ – эта публикация может рассматриваться и как продолжение серийного издания описей документов Царского архива и архива Посольского приказа.

О Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в нашей стране – начинании М.Н. Тихомирова, задуманном им на века, писали не раз, и этой теме посвящен доклад А.А. Турилова, ставшего фактическим руководителем этой работы. Составление Каталога – пример организации совместной работы многих хранилищ и многих специалистов – историков, филологов, искусствоведов. Не жала сил для Каталога многолетний сотрудник Института языкознания РАН Л.П. Жуковская, последние годы своей жизни работавшая в РГБ. Первый том Каталога, куда входят сведения о рукописях по XIII в. включительно, издали в 1983 г. Это получило немалый резонанс и в СССР, и за рубежом; особый интерес вызвали система описания и набор указателей. Подготовке Каталога был посвящен доклад на Международном конгрессе славистов. Сейчас готовятся уже две объемные книги о рукописях XIV столетия и пересматриваются данные о прежних описаниях рукописей и, конечно, пополняются сведения о рукописях XV–XVI вв. Из сотрудников Комиссии в работе непосредственно участвуют Н.Б. Шеламанова, привлеченная к ней еще М.Н. Тихомировым, О.А. Князевская (одновременно ведущая многообразную работу по публикации древних памятников южнославянской письменности и описанию славянорусских рукописей в зарубежных хранилищах), Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов. Хочется надеяться, что станет достоянием читателей подготовленный довольно давно еще один выпуск "Методического пособия по описанию славяно-русских рукописей". Вероятно, было бы полезно выпустить новое дополненное издание материалов этих пособий, особенно сейчас, когда возрос интерес к изучению сочинений религиозного содержания не только как памятников письменности и культуры.

О Каталоге личных фондов отечественных историков достаточно подробно написано в статье, основой которой стал доклад на конференции, организованной ВНИИДАД совместно с Археографической комиссией в декабре 1994 г.⁶ Предварительный список был издан в 1984 г. Там учтено около 2500 имен лиц, материалы фондов которых находились тогда примерно в 300 хранилищах СССР: системы и Главархива, и Министерства культуры, и Академии наук и других. К 1989 г. число лиц увеличилось более чем на 800 имен. Сейчас уже почти подготовлен к печати (и на это получен грант) каталог фондов историков, живших в XVIII в. (при издании Каталога руководствуемся не алфавитным, а хронологическим принципом). Это – главная плановая работа В.Ю. Афиани и М.П. Мироненко. К ней приобщаются и совсем молодые сотрудники, недавно пришедшие работать в Комиссию. Очевидно, необходимо еще в большей мере привлечь к выявлению и первичному описанию фондов (особенно малоизвестных теперь уже краеведов, организаторов музеев и архи-

⁴ Великие Миней Четы митрополита Макария. Успенский список. 1–11 марта / Weiher. Freiburg im Breisgau 1997.

⁵ "Выписка из посольских книг" о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Сост. Б.Н. Морозов. Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1997. 332 с. (Сер. Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. II / Ред. серии И. Граля).

⁶ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Архивоведение и источниковедение Отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на Всероссийской конференции 20–23 декабря 1994 г. М., 1995. С. 72–74.

вов, коллекционеров) местных историков и архивистов, преподавателей провинциальных вузов, включить такую работу составной частью в программу "Культура российской провинции" и "Краеведение", научным руководителем которых является автор настоящего сообщения и к которым все в большей мере причастна и Археографическая комиссия.

"Археографический ежегодник" сумел в эти нелегкие для продолжающихся изданий времена удержаться на плаву. Конечно, при поддержке Отделения истории, издательства "Наука", Государственной архивной службы Российской Федерации, руководитель которой Р.Г. Пихоя согласился разделить расходы на издание с Академией наук. Организация и редактирование материалов этого издания – основная работа Н.А. Долдобановой, которая уже со второй книги, по приглашению М.Н. Тихомирова стала ответственным секретарем редакции и для многих представляется олицетворением заботы об издании, Ю.В. Андрушайтите, более 25 лет оберегающей Комиссию и редколлегию от "ушибов" на таком ответственном участке, как материалы о нынешнем столетии и в то же время ведущей новаторскую исследовательскую работу в области истории филологии отдаленного от нас времени, и С.В. Чиркова, опубликовавшего немало статей по источниковедению историографии и подготовившего докторскую диссертацию о взаимосвязях источниковедения и археографии в России на рубеже XIX и XX столетий. Скоро выйдет в свет 40-я книга (за 1996 год), где, согласно нашей традиции, будет помещен составленный Н.А. Долдобановой перечень материалов, напечатанных в ежегодниках последнего десятилетия.

В ежегодниках постоянные разделы "Статьи и сообщения", "Тихомировские чтения" (материалы ежегодных пленарных заседаний, приуроченных к годовщине со дня рождения М.Н. Тихомирова), "Обзоры, описания, библиография", "Публикации", "Хроника" и – увы! – почти всегда некрологи (с портретами, и подписные). Иногда вводятся специальные для отдельных номеров рубрики: "АЕ за 1993 год" начинается особым разделом "К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова". Этой же проблематике посвящены были Тихомировские чтения 1993 года; в "АЕ за 1994 год" – к 150-летию со дня рождения председателя Археографической комиссии предреволюционных лет графа С.Д. Шереметева и "К 75-летию со дня кончины академика А.С. Лаппо-Данилевского". В "АЕ за 1995 год", естественно, выделен большой раздел "50 лет Победы в Великой Отечественной войне" (это – тема "Тихомировских чтений 1995 года").

Тематика материалов Ежегодника – широкая по хронологическим рамкам, но она всегда в сфере археографии, источниковедения, архивоведения, смежных научных дисциплин. Начинаются книги со статей более широкого профиля. Некоторые объемные материалы разделяются на части, публикуемые в нескольких книгах, такие как справочного типа исследования о Ближней думе Ивана Грозного (С.Н. Богатырева) или список участников II Всероссийского съезда Советов 1917 г. (А.С. Покровского). Особое внимание уделяется материалам по источниковедению историографии (статьи о трудах и архивах историков, публикации их малоизвестных сочинений, библиографии и др.). Круг авторов широк – от академиков до студентов, из Москвы, Петербурга и других городов России и из зарубежья. Всегда печатаются материалы Тихомировских чтений, хроника о занятиях Комиссии и ее Отделений, о конференциях, проходивших с ее участием.

Сейчас в связи с 40-летием деятельности Археографической комиссии запланирована подготовка книги с перечнем всех материалов, изданных под грифом Комиссии и ее отделений за эти годы (т.е. будут расписаны и сборники статей и тезисов), с именованными указателями. Библиографические данные об изданиях Отделений готовятся силами самих Отделений. Уверен, что подобное

издание окажется полезным широкому кругу специалистов и станет важным источником для историографов, изучающих развитие отечественной мысли во второй половине XX в.

Научно-организаторская роль Комиссии проявляется не только в ее изданиях, но и в организуемых по ее инициативе или при ее участии конференциях и заседаниях, в контактах с широким кругом ученых и общественности. Проблематика многообразна – археография, архивоведение, памятниковедение, смежные с ними научные дисциплины, в последние годы все в большей мере и краеведение⁷. Это – и Тихомировские чтения, и конференции в Москве и других городах (всесоюзные⁸, всероссийские, региональные). В Археографической комиссии настойчиво стараются закрепить практику совместных (с другими учреждениями и общественными организациями) научных конференций, заседаний, изданий. Так, совместно с кафедрой Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ в январе 1996 г. провели научную конференцию "Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании" (изданы Тезисы докладов и сообщений). В начале 1997 г. планируется совместная научная конференция "Исторический источник: человек и пространство"*.

Если можно говорить об определенных достижениях Археографической комиссии, то обусловлено это, пожалуй, в наибольшей мере характерной для коллектива ее сотрудников атмосферой дружелюбия и преданности своему делу. Пожелаем, чтобы это сохранялось на долгие годы.

⁷ См. кн.: Историческое краеведение: По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению (1989). Пенза, 1993; Русская провинция. Культура XVIII–XIX веков: Материалы конференции 1991 г. М., 1992; III Всероссийская научная конференция "Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни". Тез. Пенза, 1995.

⁸ Материалы Первого всесоюзного совещания по филиграноведению в Москве (1987) опубликованы в кн.: Филигранологические исследования: Теория. Методика. Практика. Л., 1990.

* Тезисы докладов и сообщений конференции напечатаны в 1997 г. в издательстве РГГУ.

В.А. Черных

ОБ ИЗДАНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

За 40 лет работы Археографической комиссии количество книг и брошюр, изданных ею самостоятельно или совместно с другими учреждениями достигло 100. А если учесть также издания региональных отделений комиссии, то это количество превысит 160. Многие из этих изданий представлены сегодня на выставке.

В кратком докладе невозможно даже просто перечислить все эти издания, да и вряд ли такой сухой библиографический перечень может представлять существенный интерес. Тем более, что полная библиография изданий Археографической комиссии скоро увидит свет¹. Поэтому буду говорить не о каждом издании в отдельности, а скорее об основных *жанрах* изданий Археографической комиссии.

При том, что все наши издания находятся в круге проблем археологии как научной дисциплины, занимающейся вопросами выявления, собирания, изучения, описания и публикации документальных памятников истории и культуры, жанры изданий Археографической комиссии и ее региональных отделений весьма разнообразны. Среди них такие продолжающиеся издания как "Археографический ежегодник", ежегодник "Вспомогательные исторические дисциплины", региональные археографические ежегодники и сборники; собрания сочинений выдающихся историков, археологов и источниковедов, сборники статей в их честь или их памяти; тематические сборники по проблемам археологии и смежных с ней историко-филологических дисциплин (палеографии, текстологии, кодикологии, филиграноведения и др.); материалы научных конференций, проведенных Археографической комиссией, как правило, совместно с другими академическими научными учреждениями, высшими учебными заведениями, хранилищами рукописей и документов, общественными организациями, в частности с Союзом краеведов России; научные описания памятников письменности; справочные, научно-методические, библиографические пособия и, наконец, издания исторических источников, историографических текстов и памятников славянорусской письменности.

Среди всех изданий Археографической комиссии наибольшей известностью пользуется, несомненно, "Археографический ежегодник", основанный создателем и первым председателем Археографической комиссии академиком М.Н. Тихомировым и регулярно издающийся с 1957 г. С 1968 г. его ответственным редактором является С.О. Шмидт, а бессменным ответственным секретарем (фактически с самого начала) – Н.А. Долдобанова. "Археографический ежегодник" – это подлинное лицо комиссии, трибуна археографической мысли и зеркало археографической деятельности в нашей стране. Твердо выдерживая свой профиль ведущего научного издания по проблемам археологии, архивоведения и других историко-филологических дисциплин, связанных с изу-

¹ См.: Черных В.А. Труды Археографической комиссии (1956–1995) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 363–370.

чением рукописей и документов, "Археографический ежегодник", вместе с тем, отличается не меньшим жанровым разнообразием, чем издания Археографической комиссии в целом. Наряду с фундаментальными научными статьями по широкому кругу проблем изучения документальных памятников отечественной истории с древнейших времен до наших дней, в ежегоднике систематически помещаются обзоры и описания архивных фондов и рукописных собраний, публикации исторических источников, многочисленные персоналии, хроника и библиография. Не менее разнообразен и круг авторов "Археографического ежегодника" – от известных ученых – академиков и профессоров до аспирантов, студентов, научных сотрудников центральных и периферийных архивов, музеев и библиотек, энтузиастов-краеведов. Напомню, что ориентироваться в многообразном содержании томов ежегодника помогают сводные указатели, помещенные в каждом десятом томе (за 1966, 1976, 1986 и 1996 гг.).

Продолжающиеся научные издания по проблемам археографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин издаются также региональными отделениями Археографической комиссии. Санкт-Петербургское отделение издает ежегодник "Вспомогательные исторические дисциплины", основанный в 1969 г. выдающимся источниковедом профессором С.Н. Валком. Сибирское отделение с 1975 г. выпускает серийное издание "Археография и источниковедение Сибири", его тома регулярно выходят (под разными названиями) под общим научным руководством академика Н.Н. Покровского. В 1970-е и 80-е годы были изданы также пять томов "Северного археографического сборника" под редакцией профессора П.А. Колесникова, четыре тома "Уральского археографического ежегодника", два выпуска "Южноуральского археографического сборника". Все эти издания внесли весьма существенный вклад в теорию археографии и практику археографических исследований, способствовали введению в научный обиход широкого круга исторических источников, развитию собирания и изучения письменных памятников на местах.

Можно, пожалуй, сказать, что почти все научные жанры и темы изданий Археографической комиссии и ее отделений зарождались на страницах "Археографического ежегодника" и региональных сборников и лишь затем, постепенно расширяясь и углубляясь, перерастали в отдельные самостоятельные издания.

Значительное место в издательской деятельности Археографической комиссии занимают проблемы *научного описания* исторических источников и памятников письменности. Крупнейшей программой, осуществляемой комиссией совместно с рукописными хранилищами России и других стран СНГ, является исчерпывающее выявление и научное описание всех славяно-русских рукописных книг (по XV в. включительно) и подготовка на этой основе Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек на всей территории бывшего СССР. Этой теме сегодня посвящен специальный доклад А.А. Турилова. Напомню лишь, что осуществление этой беспрецедентной научной программы, рассчитанной не на один десяток лет, породило уже целую библиотеку изданий научно-справочного и методического характера. Среди них инструкции и пособия, призванные обеспечить необходимый научный уровень и единообразие приемов описания рукописных книг, предварительные списки рукописей, фиксирующие их местонахождение и содержащие элементарные учетные данные о них. Здесь и вышедший в 1984 г. под редакцией профессора Л.П. Жуковской первый том каталога, включающий подробные описания древнейших славянских рукописей и фрагментов XI–XIII вв.

Другой крупной научной программой, осуществляемой Археографической комиссией совместно с архивами и другими хранилищами, является составление Сводного каталога личных архивных фондов отечественных историков с

XVIII в. до наших дней (руководитель С.О. Шмидт). В 1984 г. был размножен на ротапринтере Предварительный список фондов для этого каталога, содержащий свыше 2300 персоналий. В результате последующего выявления и изучения архивных фондов этот список увеличился в настоящее время в 1,5 раза. Заканчивается подготовка к изданию 1-го выпуска, содержащего описание фондов историков XVIII в.

Среди других программ описания письменных памятников, осуществленных и осуществляемых Археографической комиссией и ее отделениями, нельзя не упомянуть об уникальном опыте подробного научного описания рукописных и старопечатных книг и документов с древнейших времен до наших дней, хранящихся в музеях такого обширного и богатого памятниками региона, как Вологодская область. В результате этой работы, проведенной коллективом археографов Москвы. С. Петербурга и Вологды под общим научным руководством профессора П.А. Колесникова, при действенной помощи А.А. Амосова, издано пять частей (11 выпусков) каталога-путеводителя, послуживших примером для описательных работ в ряде других регионов нашей страны.

Одной из важнейших задач Археографической комиссии было и остается *научное издание памятников письменности, исторических и историографических текстов*. Как известно, публикацией памятников истории и культуры занимаются в нашей стране многие учреждения, в первую очередь – архивы и рукописные хранилища, а также академические институты – каждый в соответствии со своим научным профилем. Археографическая комиссия нашла в этой сфере свою "нишу", стараясь сотрудничать с другими учреждениями, но не дублировать их.

Вкладу Археографической комиссии в дело издания исторических источников посвящен доклад А.Д. Степанского. Напомню, что на заре своей деятельности Комиссия издала под руководством академика М.Н. Тихомирова ряд факсимильных воспроизведений выдающихся памятников русской письменности – таких как Новгородская харатейная летопись, Мерило праведное по рукописи XIV в. В 1971 г. была издана уникальная рукопись Судных списков Максима Грека и Исаака Собака, обнаруженная экспедицией Сибирского отделения Археографической комиссии, руководимой Н.Н. Покровским.

Особое место в эдиционной деятельности Археографической комиссии занимает издание трудов классиков отечественной исторической науки, археологии и смежных дисциплин – основателя комиссии академика М.Н. Тихомирова (в 1968–1979 гг. изданы 6 томов его собрания сочинений, сгруппированных в сборники по отдельным крупным темам: "Древняя Русь", "Русское летописание", "Русская культура X–XVIII веков" и др.), В.И. Шункова (1974), С.Н. Валка (1991). В настоящее время готовится к изданию собрание сочинений академика С.Ф. Платонова – председателя Археографической комиссии в 1918–1929 гг. К этой же группе изданий примыкает перевод труда Э. Лауцявичюса "Бумага в Литве в XV–XVIII веках", осуществленный Ю.В. Андрушайтите (1979). Нельзя не упомянуть также публикации таких выдающихся памятников российского архивного дела как Описи архива Посольского приказа XVI–XVII вв., изданных под редакцией С.О. Шмидта. О.А. Князевская совместно с болгарскими коллегами подготовила капитальное научное издание одной из древнейших славянских рукописей – "Саввиной книги".

Археографическая комиссия, как проблемный научный совет и координационный центр исследований в области археологии, архивоведения и смежных историко-филологических дисциплин, совместно с другими научными учреждениями, вузами, хранилищами рукописей регулярно проводит конференции по различным проблемам сохранения и введения в научный обиход документальных памятников истории и культуры. В этих конференциях нередко

деятельное участие принимают и коллеги из ближнего и дальнего зарубежья. Естественно, что среди изданий комиссии и ее региональных отделений значительное место занимают материалы этих конференций. Здесь мы тоже встречаемся с разными жанрами информационной и научной литературы – от кратких хроникальных заметок в периодической печати, через сборники тезисов докладов и сообщений до фундаментальных сборников научных статей, написанных на основе докладов, прочитанных на конференциях. Упомяну хотя бы некоторые из таких сборников: "Древнерусское искусство. Рукописная книга" (1972); "Проблемы палеографии и кодикологии в СССР", подготовленный по инициативе и под редакцией А.И. Люблинской (1974); "Проблемы полевой археологии" (1979); "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности" (1981); "Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры" (1982); "Филигранологические исследования" (1990); "Историческое краеведение" (1993); "В.О. Ключевский: Сборник материалов" (1995). Этот перечень дает некоторое представление о круге проблем, которыми занимается Археографическая комиссия.

Определенное место в научно-координационной деятельности комиссии заняла разработка и издание *учебно-методической литературы*, предназначенной не для ученых-специалистов, а для гораздо более широких кругов энтузиастов, любителей, краеведов, вовлеченных в сферу собирания, хранения и изучения документальных памятников истории и культуры не только и даже не столько давних веков, сколько нашего времени. Потребность в такой литературе особенно возросла в предперестроечные годы, когда глубокое общественное равнодушие к памятникам и свидетельствам истории сменилось вдруг взрывом интереса к историческим корням и урокам. Размах этого движения, охватившего и пионеров, и пенсионеров, вступил в опасное противоречие с полной его методической и организационной непродуманностью и неподготовленностью. Археографическая комиссия постаралась по мере сил смягчить это противоречие и выпустила с этой целью серию учебно-методических пособий. В последние годы комиссия уделяет все большее внимание изучению драматической и поучительной истории отечественного краеведения.

По необходимости краткий обзор печатной продукции Археографической комиссии за истекшие 40 лет позволяет сделать вывод, что комиссия в общем адекватно и гибко реагировала на научные и общественные запросы этих лет и внесла своими изданиями определенный вклад в дело охраны и исследования отечественного культурного достояния.

А.А. Турилов

О РАБОТЕ НАД "СВОДНЫМ КАТАЛОГОМ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ XIV в."

(К 30-летию выхода в свет "Предварительного списка
славяно-русских рукописей XI–XIV вв.")*

Работа по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописных книг в хранилищах России и бывших союзных республик принадлежит к числу основных направлений научной деятельности Археографической комиссии, определившихся еще при жизни ее основателя – академика М.Н. Тихомирова¹. Необходимым началом работы явилось составление Н.Б. Шеламановой Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (ПС XI–XIV), вышедшего в свет в 1966 г.²; позднее хронологические рамки Сводного каталога были расширены – в 1986 г. опубликован Предварительный список рукописей XV в.³, а в 1993 г. – Дополнения к нему⁴ (оба издания, помимо основной хронологической части, включали и дополнения к ПС XI–XIV⁵. ПС XI–XIV включал сведения о 1492 рукописных книгах (вместе с отрывками, вплоть до фрагментов листа)⁶ из 38 хранилищ СССР, в дополнениях были учтены сведения еще о 165 рукописных книгах и их фрагментах XIII–XIV вв. На базе ПС XI–XIV совместными усилиями сотрудников хранилищ и Археографической комиссии был подготовлен СК XI–XIII, вышедший в свет в 1984 г. (редакционную коллегию серии бессменно возглавляет академик РАО С.О. Шмидт, ответственным редактором тома была покойная ныне Л.П. Жуковская). Справочник вызвал значительное число откликов со стороны советских и зарубежных специалистов, и получил в целом высокую оценку⁷.

* Краткий вариант. Полный текст будет опубликован в качестве вступительной статьи к тому I "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в. в хранилищах России, стран СНГ и Балтии". Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ См. об этом: Шмидт С.О. О Сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. С.3. (Далее: СК XI–XIII).

² АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 177–272.

³ Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986 (Далее: ПС XV).

⁴ Дополнения к "Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)". М., 1993. (Далее: ПС XV_д).

⁵ ПС XV. С. 367–373; ПС XV_д. С. 43–47.

⁶ Всего в перечне 1493 номера, но № 826 и 1435 относятся к одной рукописи – Лестнице ГИМ. Чуд. № 218.

⁷ См., например, рец. А.А. Амосова (СА. 1986. № 5. С. 71–72), В.П. Вомперского (ИЮЛЯ. 1986. № 2. С. 366–367), Н.М. Дылевского (Palaeobulgarica. 1988. № 2. С. 113–119), О.А. Князевской (Информ. бюл. МАИРСК. 1986. № 4. С. 74–76), А.И. Копанева (ВИ. 1986. № 12. С. 131–133), Р. Марти (Russian Linguistics. 1986. № 10. Р. 333–351), Н.А. Мещерского (Вопр. языкознания. 1986. № 6. С. 129–132), А.С. Мильникова (ИСССР. 1987. № 1. С. 192–195), Х. Роте (Език и литература. 1985. № 4. С. 106–115), Н.И. Толстого (ВАН. 1987. № 2. С. 128–131).

После выхода в свет СК XI–XIII и ПС XV на повестку дня встала подготовка СК XIV. Справочник, посвященный рукописям XIV в., в рамках ПС XI–XIV в 2 раза с лишним превышает разделы XI–XIII вв. (475 и 1017 номеров). Это соотношение сохраняется в основном и на уровне каталогов, хотя набор конкретных рукописей в них может существенно меняться⁸ (известно, что уже в процессе подготовки СК XI–XIII 40 номеров было переведено в XIV из XIII в. и 30 в обратном направлении, при этом общее число номеров в СК возросло по сравнению с ПС на 19, в основном за счет рукописей, не учтенных в последнем)⁹. С учетом данных ПС XV и ПС XV_д число рукописей, которые войдут в новый справочник (преимущественно это кодексы и отрывки южнославянского происхождения)¹⁰ возрастает почти на 15%¹¹, но в процессе работы непосредственно над СК XIV не менее 56 номеров, входивших в ПС XI–XIV, было передатировано в XV¹², а 10 – в XIII¹³ в. В целом качественные перемены значительно превосходят количественный рост – колебания в составе между ПС XI–XIV и СК XIV приближаются к 30%. Разумеется, работа над СК XIV потребовала большего времени, чем подготовка к печати предшествующего выпуска.

На определенном этапе подготовка справочника осложнилась геополитическими обстоятельствами, как это ни забавно звучит по отношению к мирному и далекому от политики историко-филологическому изданию. После распада СССР в 1991 г. само название (и, соответственно, реальное наполнение каталога) потребовало кардинального переосмысления. Его требовалось либо ограничить пределами Российской Федерации, либо продолжить работу в масштабах, намеченных ПС XI–XIV, но уже согласовав ее название с фактом существования бывших союзных республик, как независимых государств.

После продолжительных колебаний редакционная коллегия СК XIV остановилась во втором варианте – подготовке к изданию каталога славянских кириллических и глаголических рукописей в хранилищах России, стран СНГ и Балтии, несмотря на соблазн пойти по первому, более легкому пути. Решение это продиктовано целым рядом обстоятельств, отнюдь не связанных с "имперскими

⁸ О масштабах подобных колебаний между предварительными списками и каталогами и причинах этого см.: *Турилов А.А.* Предисловие (опыт авторецензии) // ПС XV_д. С. 5–12.

⁹ СК XI–XIII. С. 13.

¹⁰ О причинах преобладания среди них южнославянских рукописей см.: *Турилов А.А.* Предисловие... С. 5–10.

¹¹ Не все рукописи, датированные XIV в. в Приложении к ПС XV и в ПС XV_д, войдут в СК XIV. Среди рукописей, вошедших в Приложение, № 50–51 датируются ныне второй половиной XIII в., а № 30, 68, 70–72 – началом или первой четвертью XV в.; № 704, 1038, 1058 ПС XV дублируют сведения ПС XI–XIV. Нуждается в дополнительной проверке датировка № 29, 1553, 3410, отнесенных в ПС XV_д к XIV в. Подсчеты выполнены с учетом этих колебаний.

¹² ПС XI–XIV, № 283, 427, 530, 558, 705, 710, 711, 727, 832, 835, 850, 882, 918, 964, 975, 999, 1024, 1080, 1190, 1211, 1224, 1229, 1265, 1297, 1301, 1308, 1310, 1319, 1321, 1324, 1332, 1336, 1340, 1367, 1370, 1373, 1377, 1388, 1389, 1392, 1399–1402, 1404, 1408, 1412, 1421, 1422, 1434, 1445, 1452, 1454, 1460, 1474, 1489. Первые два номера перечня были перенесены в XIV в. в ходе подготовки СК XI–XIII, обособление их новой датировки см.: *Турилов А.А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия "Мемнона-книгописца" // Информ. бюл. МАИРСК. М., 1992. Вып. 26. С. 15–46; *Он же.* Предисловие... С. 7–8). Большая часть списка включена в ПС XV_д.

¹³ ПС XI–XIV, № 716 (Миния служебная, март–август. ГИМ, Хлуд. 156. Сербск., конец XIII–начало XIV в.); 759 (Триодь постная и цветная ГИМ. Хлуд. 138. Среднеболг., XIII и XIV вв.); 904 (Апостол апракос. Там же. № 36. Серб., конец XIII–начало XIV в.); 911 (Апостол апракос. РНБ. Q. п. I. 46. Серб., конец XIII–начало XIV в.); 973 (Евангелие апракос. РГАДА. Син. тип. № 12. Древнерус., конец XIII–начало XIV в.); 1111 (Пандекты Никона Черногорца. РГАДА, Собр. Мазурина, № 1698. Древнерус., конец XIII–начало XIV в.); 1120 (Паремейник. РГАДА. Син. тип. № 50. Древнерус., первая половина XIII в.); 1159 (Пролог. ГИМ. Хлуд. 191. Среднеболг., конец XIII в.); 1162 (Пролог. Отрывок. ГИМ. Щук. 97. Древнерус., XIII в.); 1207 (Пандекты Никона Черногорца с дополнениями. РНБ. Q. п. I. 27. Серб., конец XIII–начало XIV в.).

88943

амбициями". Прежде всего, жалко ту работу, которую проделали сотрудники хранилищ и Археографической комиссии. Кроме того, формирование рукописных собраний на территории Российской империи и СССР в XIX и XX вв. происходило таким образом, что немалое число фондов, которые оказались ныне в разных государствах, теснейшим образом связаны между собой.

Так, коллекции В.И. Григоровича и архимандрита Антонина (Капустина) поступили частями, согласно воле владельцев в разные собрания: первая оказалась поделенной между библиотекой Новороссийского университета в Одессе (ныне ОГНБ) и Московским Публичным и Румянцевским музеями (РГБ)¹⁴, вторая же между библиотекой Киевской духовной академии (Киев, ЦНБ НАН Украины) и Публичной библиотекой в Петербурге (РНБ)¹⁵. Рукописные отрывки, подаренные Я.Ф. Головацким в Виленскую публичную библиотеку (ЦНБ АН Литвы), собирались им в Галиции¹⁶, и должны обязательно изучаться вместе с отрывками львовских хранилищ. Еще одна причина состоит в сравнительно малом количестве рукописей XIV в. в собраниях бывшего СССР за пределами России – оно не превышает 10% от их общего числа в ПС XI–XIV¹⁷. Это лишь незначительно увеличивает объем справочника, но позволяет вводить эти рукописи в научный оборот в широком контексте, дающем возможность наглядно продемонстрировать их место во всем комплексе славянских (в первую очередь кириллических) кодексов XIV в. (здесь уместно напомнить, что СК XIV включает сведения приблизительно о 95% мирового фонда восточнославянских рукописей и о 40% южнославянских). Отрадно, что идея Сводного каталога славянских рукописных книг XIV в. в масштабах СНГ и Балтии встретила понимание и поддержку коллег бывших союзных республиках.

С 1993 г. работа над СК XIV финансируется в качестве научной программы РФФИ (с 1995 г. – РГНФ). Эта поддержка позволила создать компьютерную базу данных для СК, что значительно облегчило работу с объемным материалом. Наиболее острой на современном этапе продолжает оставаться проблема (финансирования научных командировок в ближнее зарубежье для работы в хранилищах (многолетняя практика показывает, что проверка данных описаний сотрудниками АК, производимая на месте – особенно в отношении датировок – является необходимым условием надежности сведений, содержащихся в СК). Проблему удалось пока решить лишь частично (для Литвы) при поддержке Института "Открытое общество" в рамках совместной научной программы с кафедрой славистики филологического факультета Вильнюсского университета.

СК XIV является непосредственным продолжением СК XI–XIII, но по структуре он будет отличаться от вышедшего в 1984 г. тома. В СК XI–XIII описания были расположены в хронологическо-алфавитном порядке: рукописи распределялись по векам, внутри столетий помещались сначала точно датированные, затем датируемые первой половиной века, далее – столетием без уточнения датировки внутри него, второй половиной века, и рубежом веков. Внутри этих разделов рукописи размещались в алфавитном порядке, кодексы одинакового содержания располагались в соответствии с алфавитом хранилищ и собраний.

¹⁴ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель. М., 1983. Т. I, вып. 1. С. 170–172.

¹⁵ См.: Салмина М.А. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 420–430.

¹⁶ Добрянский Ф.Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильно, 1882. С. 15, 21, 24.

¹⁷ По данным ПС XI–XIV в этих хранилищах находились 124 рукописи XI–XIV вв. из 1492 (ПС XI–XIV. С. 181). Позднее это число возросло за счет передатировок и находок новых отрывков, но в целом пропорция сохранилась.

СК XIV включает рукописи только одного столетия, но он значительно больше по объему предыдущего справочника, и будет состоять из трех томов, приблизительно равных СК XI–XIII. Сохранение прежнего принципа организации материала по существу исключает возможность последовательной работы над выпусками. Поэтому новый каталог организован по алфавитно-хронологическому принципу, его основу составляет алфавит названий рукописей. Первый том будет включать памятники на буквы А–Л (Апокалипсис толковый – Летопись Лаврентьевская), второй – на М–Р (Маргарит – Ритуал), третий – на С–Ш (Сборник – Шестоднев служебный). Рукописи одного наименования располагаются в хронологическом порядке, начиная с точно датированных и кончая рубежом XIV–XV вв. (памятники с одинаковой датировкой размещаются в соответствии с алфавитом хранилищ и фондов). В первый том, включающий наиболее распространенные в рукописной традиции типы памятников – Апостолы и Евангелия всех разновидностей, войдет наибольшее количество номеров – около 40% от общего числа. В других двух томах, включающих Минеи, Прологи и различного вида сборники, значительно увеличивается размер описательных статей за счет росписи содержания, и это уравнивает в целом объем всех трех книг.

За единицу описания в СК XI–XIII была принята единица хранения, т.е. все части одного, разделенного по каким-то причинам в прошлом, кодекса помещались под отдельными номерами¹⁸, в то время как сборники-конволюты, составленные из отрывков, описывались как единое целое¹⁹. В СК XIV применяется смешанный принцип: части одного кодекса, находящиеся в разных хранилищах и фондах, получают в каталоге особые номера, но под отдельными номерами описываются и все аллигаты XIV в. в составе коллекционных конволютов²⁰ (как правило, в таких составных единицах хранения отдельные отрывки обладают литерным или дробным цифровым номером); подобный же принцип действует и по отношению к листам из рукописей XIV в., использованным в качестве защитных в славянских кодексах того же времени. Это позволит сконцентрировать в одном месте информацию о частях рукописи, входящих в состав разных конволютов, либо существующих и в качестве самостоятельного отрывка и в виде аллигата в конволюте. Исторически сложившиеся, а не составленные исследователями и коллекционерами, конволюты описываются как единое целое, вместе с более поздними частями.

Отождествлению частей рукописей, находящихся в разных хранилищах и фондах, в новом справочнике уделяется не меньше внимания, чем в СК XI–XIII. Фонд славянских рукописных книг XIV в. изучен в меньшей мере, чем древнейший (при том, что он, как уже сказано, более чем вдвое превышает последний), поэтому значительная часть таких отождествлений была сделана уже в процессе работы над СК XIV. Были учтены и проверены все атрибуции такого рода в публикациях последних лет²¹, кроме того, целый ряд отождествлений был сделан О.А. Князевской, Н.Б. Тихомировым и автором этих строк в процессе

¹⁸ Наиболее показателен в этом отношении пример Слепенского Апостола XII в., включенного в СК XI–XIII под пятью номерами (110–114), с отсылкой к еще одному фрагменту, в собрании Народной библиотеки в Софии.

¹⁹ Впрочем, есть и исключения. Например, защитные листы XIII в. при более позднем кодексе описаны как отдельная единица (№ 249), тогда как в конволютах из собрания И. Берчича в РНБ (№ 318) – лишь аллигаты XIII в.

²⁰ При этом позднейшие части только упоминаются с указанием листов.

²¹ См., например: *Цернић Л.* Њека запажања о српским рукописима у збиркама Лењинграда // Археографски прилози. Београд, 1980. [Кн.] 2. С. 359–364; *Она же.* О атрибуцији средњовековних српских рукописа // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 335–357; *Иванова К.* Малки бележки врху рукописа от библиотеката на Зографския манастир // Старобългарска литература. София, 1994. [Кн.] 28–29. С. 93–100.

описания рукописей для СК XIV²². Удалось установить, что отрывки рукописей, входящих в СК XIV, находятся не только в собраниях на территории бывшего СССР, но и в хранилищах Болгарии, Великобритании, Дании, Греции (афонские монастыри Зограф, Св. Павла, Пантелеймонов и Хиландарь), Египта (монастырь Св. Екатерины на Синае), Румынии, Чехии, Швеции и Югославии. Отождествлений с рукописями зарубежных собраний едва ли не больше, чем для собраний бывшего СССР. Причина этого достаточно прозаична: описания рукописей зарубежных собраний в последнее время сопровождаются обычно хорошими палеографическими альбомами, содержащими богатый материал для таких отождествлений²³.

В целях увеличения информативности справочника в СК XIV решено отказать от пересказа записей и от формулировок типа "запись эмоционального характера" (или "содержания"), а воспроизводить их независимо от размера. Греческие и латинские записи приводятся на языке оригинала и в переводе.

Еще одно изменение в СК XIV, относящееся к записям. В СК XI–XIII в разделе "Записи" воспроизводились или пересказывались те из них, которые датировались временем не позднее рубежа XVII–XVIII вв.; более поздние помещались в разделе "Дополнительные сведения". Более целесообразным представляется, однако, применение не только хронологического, но и типологического принципа. В СК XIV в последнем разделе будут даваться лишь записи, относящиеся к истории изучения рукописи и ее бытования в научных или антикварных коллекциях. Записи же, относящиеся к судьбе кодекса до его поступления в коллекцию или научное собрание (старобюджетские, или же южнославянских книжников и читателей XVIII–XIX вв.) помещаются в рубрике "Записи".

Важной составной частью первого выпуска СК XIV являются помещаемые в приложение к нему дополнения к СК XI–XIII. Они состоят из двух частей. Первая содержит исправления и уточнения к опубликованному тому. Они касаются основных разделов описательной статьи, таких как датировка, содержание, отождествление частей рукописи или почерков с другими кодексами, палимпсесты, употребление глаголицы, реставрация кодекса или его переплета, прочтение (или уточнение прочтения) записей, сведения по истории рукописи. Уточнения могут сопровождаться дополнительной библиографией (новыми работами, либо не включенными в СК XI–XIII); при отсутствии других элементов уточнения библиография не дается. Такие уточнения разного объема приводятся не менее, чем к 48 номерам СК XI–XIII²⁴, при этом как минимум в 10 случаях речь идет о передатировке рукописей из XIII в XIV в. (порой не самый ранний)²⁵.

Вторую часть дополнений составляют описания рукописей XIII в. и рубежа

²² См., например: Шёберг А. Славянские пергаменные отрывки в Швеции // *Palaeobulgarica*. 1981. № 4. С. 86–94; Турилов А.А. Московский отрывок Святотомашевского бревиария // *Slavia*. 1992. № 4. С. 409–418; Он же. Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ // *Palaeobulgarica*. 1994. № 4. С. 15–21.

²³ См., например: *Tarnanidis J. The Slavonic Manuscripts, discovered in 1975 at St. Catharine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988; Штавлинин-Йорђевић Љ. и др. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ. I: [Приложение] (Палеографски албум: Припремила Л. Цернић). Београд, 1991; Райков Б. и др. Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.*

²⁴ СК XI–XIII. № 1, 28, 34–36, 74, 162, 176, 177, 186, 223, 226, 227, 229, 259, 269–271, 279, 292–294, 300, 304–305, 308, 321, 322, 327, 331, 342, 354, 362, 392, 400, 411, 419, 426, 427, 429, 450, 451, 453, 457, 465, 473, 474, 477, 479, 480, 488.

²⁵ СК XI–XIII. № 293 (первая половина или середина XIV в.), 294 (вторая половина (середина?) XIV в.), 300 (вторая половина (конец?) XIV в.), 362 (вторая половина (конец?) XIV в.), 384 (первая половина XIV в.), 392 (то же), 427 (конец XIV в.), 465 (то же), 477 (начало XIV в.) 479 (около 1316 г.), 488 (конец XIV в.).

XIII–XIV вв., не включенных в основной корпус СК XI–XIII. На данный момент их уже около 60. Частично это отрывки, выявленные после выхода в свет СК XI–XIII, но в целом столь значительный прирост отражает общие тенденции Сводного каталога славяно-русских рукописных книг. При составлении ПС XI–XIV в хранилищах не проводилось дополнительной проверки датировки рукописей (либо не в полном объеме)²⁶, накопленный же опыт показывает, что в идеале она должна была включать и пергаменные рукописи XV в. и южнославянский фонд по XVI в. включительно. Положение было частично исправлено в процессе составления СК XI–XIII, когда 30 рукописей были передатированы из XIV в XII в., а 40 – в противоположном направлении, но целиком проблема не была решена. В этом смысле отрицательно сказалось и отсутствие сводной рабочей фототеки, которая позволяла бы установить или уточнить датировку без непосредственного обращения к памятникам (особенно хранилищ вне Москвы).

Среди дополнений к СК XI–XIII есть ряд кодексов, новая (или возвращенная из забвения) датировка которых занимает еще более достойное место в ряду источников исследований по славянской филологии и истории (известно, что степень внимания исследователей к той или иной рукописи зачастую определяется степенью ее древности, хотя это далеко не всегда справедливо). Из древнерусских рукописей это: Паренесис Ефрема Сирина (РНБ. Пог. 71a) – галицко-волынская рукопись, написанная между 1262 и 1288 гг., содержащая древнейший полный список памятника²⁷; Пандекты Никона Черногорца (РГАДА. Собр. Мазурина. № 1698), рубеж XIII–XIV вв., третий или четвертый по древности русский список²⁸; Сказание о чудесах Николая Мирликийского в русском домонгольском переводе (ГИМ. Хлуд. 215) – новгородская рукопись второй половины XIII в., второй по древности список; Праздники со вставками из Триоди (РГАДА. Тип. 133) – псковская рукопись второй половины XIII в.

Среди рукописей южнославянского происхождения нельзя не отметить Служебник пресвитера Николая (ГИМ. Хлуд. 117) – западноболгарскую рукопись конца XIII в., весьма архаичную в отношении письма (почерк имеет много общего с почерком второго писца Охридского апостола конца XII в.), языка и оформления, содержащую (на листах, восполненных сербским писцом на рубеже XIV–XV вв.) глаголический палимпсест XI в. богослужебного содержания, письмо которого обнаруживает большую близость с почерками Синайской глаголической псалтыри²⁹. Большой интерес представляет также сербский список Пандект Никона Черногорца рубежа XIII–XIV вв. (РНБ, Q. п. I. 27) с дополнениями, включающими, среди прочего, древнейшие южнославянские выписки

²⁶ Исключение составляет лишь Отдел рукописей РГБ(ГБЛ), где такая проверка проводилась в 1960-х годах, частично в связи с ПС XI–XIV, отчасти для справочника рукописных фондов хранилища.

²⁷ В научной литературе существовало две датировки кодекса: указанными годами (И.И. Срезневский) и 1492 г. (А.И. Соболевский), при этом долгое время преобладала вторая (См.: *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; репринт – М., 1979. С. 47, № 31). Сейчас получила признание ранняя датировка. См.: ПС XV. С. 367. № 1; Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 60–61; СПб., 1992. Вып. 2. С. 5; *Турилов.* О времени и месте создания... С. 39–40; *Он же.* Предисловие... С. 27–28). Текст списка издан: *Vojkovsky G.* *Paraenesis: Die altbulgarisch Übersetzung van Werken Ephraims des Syrers.* Freiburg. 1984–1989. Bd. I–III.

²⁸ Описание рукописи см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1.

²⁹ Палимпсест был обнаружен М.Н. Сперанским в конце 1920-х годов при составлении дополнительного описания Хлудовского собрания ГИМ. В печати о нем уже сообщила М.В. Щепкина (Описание пергаментных рукописей ГИМ. Ч. 2 // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 283; сам кодекс здесь датирован началом XV в.), но в позднейшие сводки данных о славянских палимпсестах он не вошел.

из Пчелы³⁰; сербская Минея служебная рубежа XIII–XIV вв. на март–август с проложными житиями (ГИМ. Хлуд. 156)³¹, одна тетрадь из которой (ГИМ. Шук. 48) описана в СК XI–XIII (№ 279); наконец, датируемое тем же временем сербское Евангелие тетр, недавно обнаруженное в фондах НБ СПбГУ. Эти дополнения по числу номеров вполне сопоставимы с фондом рукописей XIII в. в собраниях Болгарии или бывшей Югославии. Новые дополнения и уточнения, которые несомненно еще возникнут при работе над СК XIV, будут даны в приложении к третьему тому справочника. Все это в совокупности позволит значительно повысить информативность, репрезентативность и надежность уже опубликованного тома и Сводного каталога в целом.

³⁰ О рукописи см.: *Турилов А.А.* "Поучение Моисея" и Сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских литературных связей) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: К 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 83–103.

³¹ Под 6 апреля (л. 38–39) в рукописи помещен текст неизвестной службы славянскому первоучителю Мефодию. См.: *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* "Моравские земли велед граждан" (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию // Славяноведение. 1998. № 4 (в печати).

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В "АРХЕОГРАФИЧЕСКОМ ЕЖЕГОДНИКЕ"

Вклад АЕ в развитие отечественной "эдиционной" археографии столь велик, что для его освещения требуется уже диссертационное исследование (а может быть, и не одно). Поэтому здесь мы затронем лишь некоторые общие вопросы. Указанная проблематика присутствует на страницах ежегодника в трех жанрах: 1) собственно публикации; 2) статьи по вопросам теории, методики и истории публикации источников; 3) хроника. Остановимся на втором жанре. Напомним, что по первым 23 томам подобная работа уже была проделана Б.Г. Литваком¹. Нам остается продолжить его дело.

В 1980–1990 гг. в ежегоднике продолжала успешно разрабатываться традиционная публикаторская проблематика. К ней относятся теоретико-методические вопросы эдиционной археографии, история археографической мысли, история издания источников (включая историю соответствующих учреждений и журналов), опыт издания конкретных источников, их видов и комплексов, деятельность выдающихся отечественных археографов. В данный момент нам хотелось бы прежде всего остановиться на первом из указанных сюжетов.

Дело в том, что в рассматриваемый период в АЕ (прежде всего в статьях Б.Г. Литвака) был выдвинут и обоснован ряд положений, позволивших существенно изменить устаревшие представления о характере эдиционной археографии как специальной научно-исторической дисциплины. В частности, эти новые идеи весьма способствовали радикальной перестройке преподавания археографии в Историко-архивном институте.

Во-первых, были уточнены представления об объекте эдиционной археографии. В указанной статье 1981 г. Б.Г. Литвак поставил давно назревший вопрос: "Являются ли областью археографии публикации актов в Собрании узаконений Рабоче-Крестьянского правительства?" Отрицательный ответ был им убедительно обоснован.

Во-вторых, Литвак вынес на обсуждение проблему расширения предмета археографии² Речь шла о включении в последний изучения состава и содержания опубликованных источников (как это делал С.Н. Валк в монографии 1948 г. – идея, к сожалению, долго не имела продолжения). Автор АЕ справедливо указывал, что наши учебные пособия характеризуют лишь методику публикаций, "не вдаваясь в характеристику роли этих публикаций в историографии и источниковедении" (С. 20).

Наконец, весьма злободневным оказалось выступление Б.Г. Литвака против "публикации-исследования"³, т.е. против господствовавшего в советской археографической практике тематического вида публикаций, когда документы отби-

¹ Литвак Б.Г. Вопросы публикации источников на страницах "Археографического ежегодника" // АЕ за 1981 год. М., 1982.

² Литвак Б.Г. Серийные издания в советской публикаторской практике // АЕ за 1985 год. М., 1986.

³ Литвак Б.Г. Археография и историческое исследование // АЕ за 1992 год. М., 1994.

рались не для открытия новых фактов, а для иллюстрации априорных (официозных) схем. Между тем вся наша нормативно-методическая и учебная литература была ориентирована на подготовку именно тематических публикаций. Необходимость обновления здесь очевидна.

В той же работе Литвак указал на схожесть ситуаций в археографии 1980-х и 1920-х годов, связанных в обоих случаях с "открытием архивов". Последняя тема была продолжена в том же плане в статье Б.Д. Гальпериной. По ее словам, «возникающая в обществе потребность коренного переосмысления пройденного исторического пути, как правило, сопровождается резким взрывом публикации исторических источников. Такое состояние в нашей стране наблюдалось не раз. Это было и в царствование Александра II, тогда слово "гласность" впервые появилось в русском политическом словаре, и после революции 1905 г., отмечившей предварительную цензуру, и в первые годы советской власти, когда возник острый интерес к последним годам свергнутой династии, и во время хрущевской "оттепели"»⁴. Думается, что указанные исторические параллели имеют теоретическое значение для понимания судеб отечественной археографии.

В плане истории археографической мысли уникальной в своем роде является статья Г.И. Королева "Иностранные интерпретации статуса теории и методики издания исторических источников"⁵. Зарубежной археографии посвящены его же статьи в АЕ за 1992 и 1993 годы. Основные положения статьи Е.М. Добрушкина "О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии" (АЕ за 1987 год) были развиты в его учебных пособиях "История отечественной археографии: современные проблемы и задачи изучения" (М., 1989) и "Основы археографии" (М., 1992). Заметим, кстати, что и учебное пособие Г.И. Королева и С.В. Чиркова "Факсимильное издание исторических источников" (М., 1990) параллельно публиковалось в АЕ за 1992 год. Истории разработки правил издания исторических источников в России в XIX – начале XX в. посвящены содержательные работы С.В. Чиркова (АЕ за 1984 и 1995 годы). И сегодня с интересом читается обзор М.Г. Белогурова и С.И. Кузьмина «Проблемы отечественной археографии в журнале "Советские архивы"» (АЕ за 1983 год).

На страницах АЕ освещались многие аспекты истории археографической деятельности в России, не включавшиеся по каким-либо причинам в учебные курсы. Здесь прежде всего надо назвать цикл статей В.Ю. Афиани о развитии журнальной археографии (АЕ за 1987, 1988, 1989, 1989 годы) и Л.И. Шохина о публикаторской деятельности МАМЮ (АЕ за 1985, 1988, 1989, 1993 годы). В АЕ за 1993 год обращают на себя внимание сообщения В.Г. Бухерта о Д.Н. Блудове и археографических проектах 1840–1850-х годов, Е.А. Чирковой – об издательской деятельности МИД в 1860–1870-х годов, А.А. Александрова – о комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского. К ним примыкает и работа В.Г. Бухерта "Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского" (АЕ за 1984 год). Особый интерес приобретает сейчас статья Л.М. Паровой о Кавказской археографической комиссии (АЕ за 1988 год).

Для истории археографической деятельности советского периода интересны работы Е.Н. Кушевой об Археографическом совете и публикаторской работе Института истории в 1948–1951 гг. (АЕ за 1984 год) и М.П. Ирошниковой – об издательской деятельности по отечественной истории ЛОИИ (АЕ за 1986 год). Своего рода сенсацией стало сообщение В.А. Черных "Археография и власть" (АЕ за 1991 год) о попытке создания Государственной археографической

⁴ Гальперина Б.Д. Документальные публикации по истории трех российских революций. (Опыт публикатора) // АЕ за 1992 год.

⁵ См.: АЕ за 1989 год. М., 1990.

комиссии в 1944 г. Проблемы прошлого, настоящего и будущего нашей археографии соединяются в один узел в юбилейных статьях С.В. Мироненко к 60-летию серии "Восстание декабристов" (АЕ за 1986 год) и И.Р. Грининой и С.С. Илизарова к 40-летию серии "Научное наследство" (АЕ за 1989 год).

Среди работ, посвященных опыту издания отдельных источников и групп источников прежде всего нужно назвать статью С.М. Каштанова "Из опыта актов археографии" (АЕ за 1981 год) и его же цикл "Современные принципы издания латинских грамот" (АЕ за 1983–1986, 1989 годы). Это направление развивают также работы А.А. Амосова "Повести о Куликовской битве в отечественной археографии" (АЕ за 1980 год), Е.Б. Емченко "Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника" (АЕ за 1992 год), В.Г. Бухерта «Из истории публикации документов "Дела о патриархе Никоне"» (АЕ за 1993 год), О.И. Елисейевой "История и перспективы издания переписки Екатерины II и Потемкина" (АЕ за 1993 год). Оригинальна по замыслу статья В.Ю. Афиани «Археографические особенности изданий "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина» (АЕ за 1991 год). Ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов опубликованные в АЕ за 1980 год статьи К.Н. Тарновского, З.Н. Тихоновой и К.Г. Ляшенко, Е.Д. Ореховой, Н.А. Хомяковой об археографических приемах издания переписки В.И. Ленина – речь идет о ценнейшем профессиональном опыте.

Трудно найти сколько-нибудь заметного деятеля отечественной археографии (покойного или ныне здравствующего), о котором не были бы сказаны добрые слова в АЕ. Перечислить все здесь невозможно. Отметим лишь, что дело никогда не ограничивается славословиями, неизменно дается серьезный научный анализ трудов "персонажа". В результате мы имеем существенный вклад в историографию археографии. И все же хотелось бы особо отметить юбилейные циклы, посвященные 100-летию С.Н. Валка (АЕ за 1988 год), 150-летию С.Д. Шереметева (АЕ за 1994 год), 75-летию со дня кончины А.С. Лаппо-Данилевского (Там же).

В заключение хотелось бы внести одно практическое предложение: издать сборник статей из АЕ по вопросам публикации источников. Во всяком случае такой сборник очень нужен нашим студентам.

С.В. Мироненко

АРХИВНАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НА СТРАНИЦАХ "АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ЕЖЕГОДНИКА"

Как известно, понятие "археография" раскрывается в словарях, как вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся публикацией исторических источников. Однако – старый спор – в действительности этим термином, кроме того, обозначается как собирание документальных материалов и вообще памятников письменности, так и их научное описание (что прямо отвечает языковому смыслу термина). Всем этим – или непосредственно, или координируя соответствующую деятельность других учреждений, занимается Археографическая комиссия РАН. Естественно, что археографии во всех толкованиях этого слова предоставлены страницы ее органа, издающегося почти 40 лет, – "Археографического ежегодника" (основан в 1957 г.).

Сама структура этого издания уже включает в себе особые разделы для обзоров, описаний, публикации отдельных документов. Но и в основном разделе "Статьи и сообщения" главное место занимают исследования (часто также описания) разнообразных документов или их групп. Очевидно, что в преобладающей своей части ежегодник точно соответствует своему названию, состоит как из собственно археографических работ, так и из исследований более широкого источниковедческого характера. И тот, кто работает в любом из этих научных направлений, из года в год находит в этом издании богатый материал.

Если же проследить, какие другие отрасли знания достаточно обильно представлены в АЕ, выходя, в сущности, за пределы его назначения, то это прежде всего теория и практика архивного дела. Объем относящихся к ней работ так велик, что вряд ли удалось бы их проанализировать в рамках небольшой статьи. Поэтому постараемся выяснить, что же из этой достаточно широкой области закономерно находит отражение в АЕ, составляя его заслуги перед читателями – историками и архивистами, а что, кажется, могло бы скорее появиться в других специальных изданиях, таких как "Советские архивы" (теперь "Отечественные архивы") или Труды ВНИИДАД. Какова в этом смысле тенденция развития ежегодника?

Понятно, что некоторые жанры публикаций АЕ – обзоры архивных фондов, история археографической деятельности архивных учреждений – в равной степени принадлежат и к археографии, и к собственно архивному делу, и систематическая публикация таких работ именно в данном издании вполне естественна. Так, в 1950-х – начале 1960-х годов в АЕ была опубликована целая серия статей, характеризующих археографическую деятельность Централхива и вообще государственных архивов в 1920-е – 1940-е годы¹, а

¹ Рейхберг Г.Е. Издание серии документальных сборников о Великой Октябрьской социалистической революции и местные архивы // АЕ за 1957 год. М., 1958; Тальман Е.М. Археографическая деятельность Централхива в 1920–1930-х годах // АЕ за 1960 год. М., 1962; Ивницкая Т.В. Археографическая деятельность архивных органов и государственных архивов в предвоенные годы (1935–1941) // АЕ за 1961 год. М., 1962; Эпштейн Д.М. Археографическая деятельность государственных архивов во время Великой Отечественной войны // АЕ за 1960 год.

позже – статьи по истории археографической деятельности в союзных республиках².

Начиная с 60-х годов в ежегоднике постоянно печатаются обзоры – от классического жанра обзора одного личного фонда³ до фонда учреждения⁴ и, наконец, кратких обзоров фондов целых архивов. (Например, посмертно опубликованный доклад М.Н. Тихомирова о фондах ЦГАДА⁵ и ряд других.) Очень близки к ним и такие источниковедческие работы как статья В.И. Буганова о документах ЦГАДА, относящаяся к периоду Ливонской войны, исследование крестьянского архива XVI в. А.А. Амосова, работа К.Г. Межовой о протоколах Фондовой комиссии Государственного литературного музея⁶.

Большую группу материалов, опубликованных на страницах АЕ составляют статьи, так или иначе рассматривающие проблемы описания документальных материалов. Признав выше, что описание входит составной частью в понятие археографии, мы должны согласиться с закономерностью этой тематики в ежегоднике. Однако именно здесь можно заметить ту грань, которая отделяет теоретические проблемы описания от чисто практических профессиональных споров или прямого обмена опытом архивистов. Первые, на наш взгляд, являются неотъемлемой частью археографии, той частью, которая сближает ее с общим источниковедением, а в современном мире – с проблемами информатики. Вторые, разумеется, не менее важны, но принадлежат к другой дисциплине – архивному делу, и в изданиях, специально предназначенных для нее, должен их искать и находить читатель.

Попробуем рассмотреть этот тезис на нескольких примерах. Очень давно, почти одновременно, в АЕ были напечатаны две работы о проблемах описания документальных материалов⁷. Первая из них, А.В. Елпатьевского, посвященная дифференцированному описанию документов в зависимости от их информационной ценности, сводится к полемике с "Основными правилами работы государственных архивов" (М., 1962), и содержит некоторые предложения по совершенствованию заголовков дел в описях. Для привлечения к этой полемике реально действующих архивистов и достижения практических результатов подобные работы (несмотря на ряд выдвинутых в них теоретических положений) были бы уместны скорее в специальных "архивных" органах печати.

Еще более это справедливо по отношению к другой статье, посвященной описанию архива В.И. Ленина в ЦПА⁸. Рассказав, как формировали (и расчленили) этот фонд, автор демонстрирует придуманные архивистами приемы, при помощи которых им удалось, не разрушая уже созданный искусственно фонд авторских документов Ленина, сформировать другой фонд документов, отложившихся в ходе его деятельности в качестве председателя Совнаркома. Этот

² Козлов О.Ф. Очерк археографической деятельности архивных учреждений союзных республик // АЕ за 1983 год. М., 1985.

³ См., например: Букалов А.С., Трусова Н.С. Обзор личного фонда М.Н. Покровского; Михайлова Н.Г. Обзор документальных материалов фонда Н.В. Устюгова // АЕ за 1968 год. М., 1970; и др.

⁴ Тельчаров А.Д. Фонд Владимирской ученой архивной комиссии // АЕ за 1985 год. М., 1986.

⁵ Тихомиров М.Н. Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки // АЕ за 1965 год. М., 1966.

⁶ Буганов В.И. Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны // АЕ за 1968 год; Амосов А.А. Крестьянский архив XVI столетия; Межова К.Г. Протоколы заседания Фондовой комиссии как источник по истории комплектования рукописных фондов Гос. литературного музея в Москве // АЕ за 1973 год. М., 1974.

⁷ Елпатьевский А.В. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // АЕ за 1968 год; Альшиц Д.Н. Вопросы теории и практики научного описания исторических источников // АЕ за 1969 год. М., 1971.

⁸ Любшьева В.А. К истории научной обработки архива председателя СНК В.И. Ленина в ЦПА // АЕ за 1969 год.

опыт при всей своей оригинальности вряд ли может представлять общий теоретический и археографический интерес.

Совершенно иначе обстоит дело с обширной работой Д.Н. Альшица, хотя она, на первый взгляд, касается более узкого круга исторических источников – не безбрежного моря делопроизводственных материалов, поступающих в государственные архивы, о которых пишет А.В. Елпатьевский, а сравнительно ограниченного числа рукописных книг, памятников древнерусской письменности и отечественных рукописных хранилищах⁹.

Рассмотрев все крупнейшие описания славянских рукописей вплоть до современности, историю их систематизации, показав слабые и сильные стороны различных ее способов, автор предлагает свой вариант решения проблемы, открывающий и перспективные возможности перехода впоследствии к электронному справочному аппарату и поиску. Работы такого рода, выходящие за пределы узкопрофессиональных задач, как нам представляется, особенно ценны на страницах "Археографического ежегодника". Они не теряют своей актуальности и теперь, почти через 30 лет и несмотря на коренные изменения, совершившиеся с тех пор в стране.

Аналогичное сопоставление двух типов работ, напечатанных в АЕ позже, приводит к подобным же выводам. В АЕ за 1982 год помещены две статьи, которые, судя по заглавиям, трактуют о самых общих теоретических проблемах описания документальных материалов и, тем самым, более чем естественны в данном издании¹⁰. Однако различия между ними носят принципиальный характер. Статья К.И. Рудельсон, вопреки своему глобально-архивоведческому заголовку, посвящена, по существу, одному вопросу – недостаточности той формулировки понятия "архивный фонд", которая принята в архивном деле и фактически исключает некоторые видовые понятия, в частности, "архивную коллекцию". Тем самым автор вносит свою лепту в полемику по этому вопросу, которая на протяжении ряда лет велась в специальной литературе и на методологических архивных семинарах (см. библиографию в этой статье), – отчего бы там и не продолжать было дискуссию.

Следующая же за ней статья В.Н. Автократова является замечательным примером того, как в столь же ограниченном объеме можно поставить и рассмотреть всю совокупность проблем эффективного извлечения информации из содержания хранящихся в архивах документальных материалов. В ней показаны причины потери информации – невозполнимые (при уничтожении документов вследствие неполноценной экспертизы их содержательности) и возникающие вследствие несовершенства описания; рассмотрена проблема надежности традиционного справочного аппарата и поиска, типология отказов исследователям. Намечены, наконец, пути, ведущие к большей эффективности использования документов ГАФ – создание резерва надежности, целесообразная подробность описания, по возможности отказ от обобщений в описательных статьях. Очевидно, что подобному исследованию предназначено было стать объектом внимания широкого круга и исследователей и практических работников, так или иначе имеющих дело с использованием информационных ресурсов отечественных архивохранилищ – и именно АЕ, как издание, соединяющее историческую науку и архивный источник, был для него предпочтителен.

Можно привести и другие примеры, когда в АЕ рассматривалась в целом проблема сохранения и использования информации, содержащейся в документальных источниках. Подобной работой является, например, статья С.В. Жи-

⁹ См.: Альшиц Д.Н. Указ. соч.

¹⁰ Рудельсон К.И. О задачах разработки теории архивоведения; Автократов В.Н. К проблеме повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ СССР // АЕ за 1982 год. М., 1983.

томирской "Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников"¹¹. Подробно анализируя методы отбора документов, закрепленные в то время в архивной теории и практике, автор показывает их опасность для сохранения информации, видя в них барьер между источниками и знанием. Другой барьер, по мнению автора, представляет отсутствие единой общегосударственной системы информации о содержании ГАФ. Контуры такой системы автор и пытается наметить. И сегодня эта работа продолжает оставаться весьма актуальной.

Разумеется, трудно было бы ожидать, чтобы редколлегия ежегодника занималась столь последовательным и "строгим отбором тех статей и сообщений по архивоведению и архивной практике, которые появляются почти в каждом его томе. На его страницах печатались достаточно специальные доклады и выступления сменявших друг друга руководителей государственной архивной службы¹² и юбилейно-обзорные статьи¹³, но весь основной "репертуар публикаций" по этой тематике легко делится на две большие группы: история архивного дела – с одной стороны, теория и методика архивного дела – с другой. К первой из них надо отнести статьи о крупнейших архивных деятелях XIX в. – Н.В. Калачове, Д.Я. Самоквасове, И.Е. Андреевском, и дореволюционной архивистике вообще¹⁴. Преобладающая часть статей такого рода посвящена разнообразным моментам истории советского архивного дела.

На некоторых работах, принадлежащих ко второй группе, мы уже остановились выше, показав, как нам представляется, некоторую непоследовательность в формировании того направления, которое избрал для себя в этой широкой области АЕ. Тематика докладов, читавшихся на ежегодных "Тихомировских чтениях", а затем опубликованных в ежегоднике, тоже неоднородна. Однако если просмотреть эти части публикаций ежегодника в хронологической последовательности, то обнаруживается любопытная динамика.

Так, например, в 1978 г. на "Тихомировских чтениях" были прочитаны доклады на разнообразные темы (о задачах комплектования ГАФ СССР, о первых декретах советской власти, о понятии происхождения в архивном деле). Но уже с начала 80-х годов, чтения, раскрывающие разные стороны архивной практики становятся строго тематическими (например, охрана и использование документов ГАФ СССР в музеях страны – АЕ за 1982 год; военные архивы – АЕ за 1985 год и т.д.).

Тенденция к более точному определению места АЕ в архивной проблематике еще заметнее в характере статей, напечатанных здесь в 1980-х–1990-х годах. Если в 1960-х годах упоминавшаяся выше статья Д.Н. Альшица была скорее исключением, особенно заметным на фоне специфически сухих архивных выступлений, то с годами редакция ежегодника все чаще привлекает к участию в

¹¹ АЕ за 1970 год. М., 1971.

¹² Белов Г.А. О работе архивных учреждений по формированию источниковой базы советской исторической науки и введению ее в научный оборот // АЕ за 1971 год. М., 1972; Долгих Ф. К итогам VII Международного конгресса архивов // АЕ за 1972 год. М., 1973; Мамонов В.М. О некоторых актуальных задачах комплектования ГАФ СССР // АЕ за 1978 год. М., 1979.

¹³ Бударегин В.П. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома. (К 25-летию) // АЕ за 1974 год. М., 1975; Автократова М.И., Душинов С.М. Научно-издательская деятельность ЦГАДА за 60 лет // АЕ за 1978 год. М., 1979; Курбатова И.Н. 175 лет "Депо манускриптов" // АЕ за 1980 год. М., 1981; Цаплин В.В. Вклад ЦГАНХ СССР в развитие советского архивного дела // АЕ за 1987 год. М., 1988; Волкова Н.Б. Информационная деятельность ЦГАЛИ СССР. (К 50-летию создания) // АЕ за 1991 год. М., 1994.

¹⁴ Шохин Л.И. Н.В. Калачов во главе Московского архива Министерства юстиции // АЕ за 1987 год. М., 1988; Мазин К.А. Из истории отечественной мысли второй половины XIX в. (Проект архивной реформы И.Е. Андреевского) // АЕ за 1989 год. М., 1990; Шохин Л.И. Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России // АЕ за 1992 год; Бржостовская И.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911) // АЕ за 1971 год.

нем авторов, поднимающих крупные теоретические и методологические проблемы или расширяющие тематику издания.

Здесь следует прежде всего назвать статьи В.Н. Автократова, печатавшиеся преимущественно в 1981–1984 гг. (об одной из них мы уже упоминали)¹⁵, новаторские работы Э.И. Ханпиры, служащие научным обоснованием новой ветви архивной теории¹⁶, и, наконец, чрезвычайно существенную по постановке важнейшей проблемы – закрепления в документальной памяти общества истории советского времени – статью Б.С. Илизарова¹⁷. В это же время на страницах ежегодника впервые появляются сообщения о зарубежной архивной теории и практике: специальная работа об изменениях, произошедших в современной американской архиведческой мысли¹⁸, а также весьма редкий в нашей архивной печати живой рассказ директора одного из голландских муниципальных архивов о методах, с помощью которых он и его коллеги способствуют использованию документальных источников¹⁹.

Нет сомнения, что плодотворная тенденция публикации более глубоких теоретических работ по данной тематике получит дальнейшее развитие в АЕ, привлекая к нему все более широкий круг читателей – специалистов по истории, философии, социологии, архивоведению и архивному делу.

¹⁵ *Автократов В.Н.* К вопросу о методологии архивоведения // АЕ за 1969 год; Он же. К истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX вв. // АЕ за 1981 год. М., 1982; Он же. Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов // АЕ за 1984 год. М., 1985.

¹⁶ *Ханпира Э.И.* Архивоведческое терминоведение: объект и предмет // АЕ за 1982 год. М., 1983; Он же. Архивоведческое терминоведение: Из опыта словарной работы // АЕ за 1987 год. М., 1988.

¹⁷ *Илизаров Б.С.* Архивный документ в свете представлений о социальной памяти // АЕ за 1985 год. М., 1986.

¹⁸ *Виноградов В.М.* Некоторые тенденции развития архивоведения в США // АЕ за 1984 год. М., 1986.

¹⁹ *Брук ван ден, Ян.* Архивы и региональная история. (О роли нидерландского архивного дела в изучении региональной и местной истории) // АЕ за 1992 год.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И РАЗВИТИЕ ПОЛЕВЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В связи с 40-летием воссоздания Археографической комиссии в рамках Академии наук СССР многие специалисты отмечали, что это научное учреждение сумело внести самый существенный вклад в развитие ряда дисциплин, так или иначе необходимых для осуществления собственно археографической деятельности: палеографии, филигранологии, архивоведения, издания документальных памятников нашего прошлого и других, в изучении которых Археографическая комиссия нашла важную, присущую только ей "экологическую нишу".

В создании и становлении той научной дисциплины, о которой пойдет речь в данной статье, роль Археографической комиссии была совершенно другой: фактически только ей принадлежит заслуга осмысления и поддержки процесса превращения собрания древних рукописных и печатных книг в новый вид научной деятельности, а затем и в комплексную научную дисциплину.

В 1982 г. Н.Н. Покровский писал в предисловии к сборнику, посвященному результатам полевых археографических исследований: "В сборнике рассматриваются вопросы полевой археографии, интенсивно развивавшейся в последние годы специальной исторической дисциплины, предмет которой определяется как изучение древней книги в среде ее бытования. Сама возможность подобной постановки вопроса, как и волнующий воображение факт обнаружения тысяч замечательных древних книг – связан с удивительным феноменом народной книжной культуры периода позднего феодализма"¹. И действительно, полевые археографические исследования открывают перед учеными целый ряд возможностей, о которых можно было только мечтать, позволяют заглянуть в "окно", достаточно широко открытое в прошлое. Несомненно, то, что ученый видит через призму полевой археографии, ограничено определенными рамками, как видение из любого "окна", и может быть понято с помощью только научных методов. Однако уникальный эксперимент русской истории – принципиально традиционалистская культура русского старообрядчества, общины которого в ряде заселенных староверами районов сохранили культуру позднего средневековья как живую систему, позволил полевой археографии действительно изучать сначала средневековую русскую книгу в среде ее традиционного культурного бытования, а затем и саму эту среду.

С первых дней воссоздания Археографической комиссии среди ее задач была сформулирована задача учета и выявления "рукописных материалов в частных собраниях"², а также задача организации собственных археографических экспедиций, которые уже с этого времени были самым тесным образом связаны с необходимостью описания документов и документальных памятников в местных хранилищах. 12 июня 1957 г. бюро Археографической комиссии рассматривало

¹ Покровский Н.Н. От редактора // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. II. Памятники старинной письменности. М., 1982. С. 3.

² АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 438.

проблему организации археографической экспедиции в Сибирь и на Дальний Восток; а в первом томе "Археографического ежегодника за 1957 год" была опубликована статья об археографических поездках ОР ГБЛ³. С первых лет существования археографических экспедиций для Археографической комиссии и "Археографического ежегодника" стала характерной чертой оперативная публикация полевых отчетов. Так, в АЕ за 1959 год в обзоре деятельности Археографической комиссии сообщается о поездке А.И. Рогова и В.Б. Павлова-Сильванского в семейские села Бурятии и о их работе в музеях Владивостока и Хабаровска⁴. Значительное влияние на организацию археографических полевых работ оказала специальная инструкция, подготовленная в 1959 г. для участников экспедиций академиком М.Н. Тихомировым, роль которого в развитии нового направления научной деятельности невозможно переоценить. В те годы история полевой археографии связана в основном с двумя именами: самого М.Н. Тихомирова и В.И. Малышева, работа которых хорошо известна благодаря статьям В.Б. Павлова-Сильванского⁵ и А.М. Панченко⁶. В данном контексте необходимо только напомнить, что советская полевая археография, опиравшаяся на опыт "путешествующего археографа" П.М. Строева и деятельность Петербургской Археографической комиссии, началась в 20-х годах с поездок М.Н. Тихомирова, а с 1948 г. археографические экспедиции становятся систематической деятельностью ленинградского археографа В.И. Малышева.

Именно взаимодействие этих двух ученых и позволило в конце 50 – начале 60-х годов XX в. начать достаточно широкие полевые археографические работы в старообрядческих районах СССР. Воссоздание Археографической комиссии привело к их принципиальному расширению и изменению задач: если в 1948–1957 гг. археографы всего нескольких учреждений работали только в пяти республиках и областях СССР, привозя в год от 10 до 90 рукописей, то в 1958–1965 гг. работы велись уже в 25 регионах страны и давали в год 160–180 памятников. В АЕ за 1961 год публикуются описания книг, приобретенных Археографической комиссией в 1960 г. в Бурятии⁷ и статья Ю.К. Бегунова о собраниях древних рукописных книг Риги⁸. Внимание к вопросам полевой археографии традиционно сохраняется Археографической комиссией и после смерти ее создателя, а после того, как комиссию возглавил С.О. Шмидт – стало значительной частью ее научно-организационной деятельности. Во время заседания в честь 10-летия Археографической комиссии, которое достаточно широко отмечалось научной общественностью, подчеркивались и успехи полевой работы. В 1965 г. чрезвычайно результативные полевые исследования были начаты СО АН СССР во главе с Н.Н. Покровским. В 1963 г. к экспедициям ИРЛИ присоединился ЛГУ, а в 1966 г. полевые работы начались и в МГУ. Быстрое развитие полевой археографической деятельности, которую в середине 60-х годов начали сразу несколько крупных научных и научно-педагогических учреждений страны, определялось работами В.И. Малышева, нередко подготовленными по прямой просьбе М.Н. Тихомирова, которые не устарели по сей день.

³ Кудрявцев И.М., Шлихтер Б.А., Шапов Я.Н. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в 1953–1956 гг. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 265–301.

⁴ АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 354–356.

⁵ Павлов-Сильванский В.Б. М.Н. Тихомиров – организатор археографических экспедиций // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 244–263.

⁶ Панченко А.М. В.И. Малышев как археограф // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 214–218.

⁷ Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И. Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1960 г. // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 206–214.

⁸ Бегунов Ю.К. Обзор собраний древнерусских рукописных книг города Риги // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 174–179.

В них был обобщен опыт многолетней полевой деятельности Древлехранилища ИРЛИ, поставлены задачи собирания древнерусских рукописных памятников и подведены итоги работы в Усть-Цилемском регионе⁹. В этих работах была сформулирована достаточно подробная программа полевой археографической деятельности и изучения старообрядческой книжности в среде ее традиционного бытования.

Именно Археографические ежегодники позволили молодым руководителям археографических исследований осмыслить их первые результаты и открывшиеся перед ними возможности. В АЕ за 1968 год опубликована коллективная статья новосибирских ученых¹⁰ и статья руководителя археографических полевых работ МГУ И.В. Поздеевой¹¹. В следующем АЕ за 1969 год уже появилось сообщение об одной из самых известных археографических находок XX в. – находке Судного списка Максима Грека и Исаака Собака, доклад о котором был прочитан на заседании АК Н.Н. Покровским. В 1971 г. благодаря усилиям АК, ГАУ СССР, ИИФФ СО АН вышла под редакцией С.О. Шмидта подготовленная Н.Н. Покровским книга "Судные списки Максима Грека и Исаака Собака".

Широкое развитие археографической полевой деятельности и первое осмысление ее теории и практики связано с двумя важнейшими для полевой археографии событиями – Тихомировскими чтениями 1970 г., ставшими первой научной конференцией по полевой археографии и подведшими итоги археографических экспедиций, и обобщающей работой сотрудника комиссии Д.И. Тверской. Конференция 1970 г., в которой приняли участие руководители всех основных полевых исследований страны, подробно их осветила и показала значение для полевых работ двух основных принципов организации: комплексного характера, позволяющего всесторонне изучать современную старообрядческую культуру как среду бытования книги, и во многом вытекающую из этого положения – необходимость изучения исторически и географически сложившихся старообрядческих регионов одним и тем же (или одними и теми же) научными учреждениями-хранителями. Тихомировские чтения 1970 г. сделали громадный шаг в превращении полевой археографии из собирательства в самостоятельную научную дисциплину. Именно на этой конференции было разработано предварительное разделение основных старообрядческих районов и закрепление их за разными научными учреждениями.

Самое существенное, а во многом и определяющее значение в дальнейшей судьбе полевых работ сыграло то, что именно на Археографическую комиссию с 27 марта 1972 г. была возложена задача координирования и перспективного планирования археографических экспедиций, которую она успешно осуществляла в течение почти 20 лет.

И хотя в начале своего пути полевая археография переболела целым рядом "детских болезней", связанных с поездками в "чужие регионы" и другими нарушениями рекомендаций конференции, тем не менее ситуация в полевой археографии того времени позволяет говорить о том, что этот тип деятельности, решая свои задачи с помощью собственной научной методики, достиг значительных результатов и стал самостоятельным направлением науки¹². В 1973 г.

⁹ Мальшев В.И. Задачи собирания древнерусских рукописей // ТОДРЛ. 1964. Т. X. С. 303–332; Мальшев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX в. Сыктывкар, 1960.

¹⁰ Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях СО АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274.

¹¹ Поздеева И.В. Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ за 1966–1967 гг. // Там же. С. 254–261.

¹² Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // СССР. 1976. № 1. С. 106–124; Шмидт С.О. Вступительное слово // Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 9 и др.

эти работы ведут уже 14 учреждений, обследовавших в 1967–1974 гг. 54 региона страны и собиравших в год в среднем около 400 памятников. В АЕ за 1974 год в информации Е.И. Дергачевой-Скоп говорилось о работе 6 групп СО АН в Туве, на восточном и южном Алтае, в Зауралье и на Енисее, собравших 200 памятников кириллической книжности только в том году. На археографической конференции (с начала 70-х годов они становятся традиционными для всех ведущих полевые археографические работы учреждений), проведенной совместно СО АН и НГУ, сообщалось о том, что сибирские археографы к тому времени собрали уже 500 письменных и печатных кириллических памятников. В АЕ за 1972 год в статье Н.Ю. Бубнова и И.Ф. Мартынова подробно сообщалось еще об одном крупном успехе полевых археографов¹³. В том же году на кафедре Источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ по прямому распоряжению ректора университета академика И.Г. Петровского создана Археографическая группа (с 1991 г. – Археографическая лаборатория), которая с того времени организует и проводит все археографические экспедиции университета.

Самое серьезное значение для развития полевой археографии и так называемой камеральной или эдиционной (стационарной) археографии в разных регионах страны имели местные отделения Археографической комиссии, с начала 70-х годов активно включившиеся в работу, прежде всего – Ленинградское, Сибирское, Южно-Уральское и Северное. В 1974 г. с помощью Археографической группы МГУ были начаты полевые экспедиции Уральского университета, превратившиеся в широкие многолетние исследования, на базе которых была создана широко известная екатеринбургская археографическая школа (организатор и в первые годы руководитель – Р.Г. Пихоя). В АЕ за 1975 год говорится, что в этом году две археографические экспедиции Северного отделения Археографической комиссии дали 25 книг, экспедиции Сибирского отделения – 24 старопечатных книги и 35 рукописей, а южно-уральские археографы, собирающие памятники на восточных языках, получили в "поле" 338 рукописей, 39 печатных книг и 20 документов. Археографы Уральского университета в 1975 г. собрали 84 рукописных и печатных древних книги.

Следующий период становления полевой археографии связан, пожалуй, с самым важным событием в ее истории – Первой всесоюзной конференцией по полевой археографии, состоявшейся в декабре 1976 г. и знаменовавшей новый этап как теоретического осмысления, так и полевой практики этой дисциплины. Прежде чем остановиться на результатах конференции 1976 г., необходимо еще раз вспомнить работу Д.И. Тверской, которая готовилась именно к этой конференции, обобщая и осмысливая полевые работы 1948–1974 гг. К глубокому сожалению, Д.И. Тверская не дожидая до конференции, а ее доклад был опубликован в 1976 г. в журнале "История СССР" (№ 1)¹⁴. Эта статья является и первой работой по истории советской полевой археографии, так как в ней приводится собранная автором подробная информация обо всех экспедиционных работах (учреждения, регионы, количество находок). Д.И. Тверская обобщила и проанализировала огромный материал. По ее подсчетам уже в 1966–1974 гг. экспедиции были направлены в 54 региона страны, а с 1948 по 1974 г. ими было собрано 7953 кириллических памятника. Заметив и проанализировав все изменения, характерные для полевых работ второй половины 60 – начала 70-х годов, Д.И. Тверская пришла к вполне справедливому выводу, что полевая археография из собирательства все более превращается в планомерную научную

¹³ Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф. К истории библиотеки белокрыницкой старообрядческой архиепископии. (По итогам археографических экспедиций БАН 1971–1972 гг.) // АЕ за 1972 год. М., 1973. С. 265–275.

¹⁴ Тверская Д.И. Указ. соч.

деятельность. Подсчеты Д.И. Тверской позволяют говорить о том, что с середины 60-х годов до 1970 г. среднее количество ежегодных находок всех экспедиций (речь идет только о кириллических памятниках) – от 400 до 600 рукописных и печатных книг XV–XX вв. В 1971–1974 гг. оно равнялось уже 500–700 памятникам в год.

Превращение полевой археографии в научную дисциплину и определило характер, содержание и итоги Первой всесоюзной конференции по полевой археографии. На ней присутствовало 180 человек из 29 городов СССР, более 100 человек прочитали доклады или выступали в прениях. На конференции «стало очевидным, – говорилось в статье, обобщающей ее результаты, – что археографические экспедиции являются "не только средством" спасения от гибели... ценных документальных памятников, но и необходимой формой изучения народной письменной культуры, важной составной частью культурологического исследования»¹⁵.

Результаты конференции были проанализированы прежде всего самой Археографической комиссией. В АЕ за 1977 год появилось сразу три материала, посвященных этой теме: выше цитированная статья руководителей Археографической комиссии, статья И.В. Поздеевой¹⁶ и информация об основных моментах конференции, написанная М.П. Мироненко¹⁷. По результатам конференции опубликована (той же Археографической комиссией) книга, включающая стенограммы пленарных докладов, вступительное и заключительное слово С.О. Шмидта, выступления в прениях и рекомендации конференции, выработанные специальной комиссией, которые стали важнейшим документом, способствовавшим превращению полевой археографии из собирательства в науку¹⁸. Именно рекомендации конференции содержали новую развернутую программу развития полевой археографии, которая успешно выполнялась, развивалась и преобразовывалась в деятельности почти двух десятков коллективов, ведущих в 70–80-х годах систематические полевые исследования.

Рекомендации конференции формулировали и новую роль Археографической комиссии, которая была законодательно оформлена одним из важнейших государственных документов, способствовавших не только спасению и сохранению документальных, но и других памятников истории и культуры народов СССР. Речь идет о "Законе об охране и использовании памятников истории и культуры", подготовленном с учетом многочисленных замечаний и Археографической комиссии. В рекомендациях было записано, что конференция "считает первостепенной задачей Археографической комиссии и ее отделений координирование и перспективное планирование всей полевой работы"¹⁹. С этого времени для всех учреждений, ведущих полевые исследования, стало обязательным как согласование своих планов с перспективным планом Археографической комиссии, так и предоставление ей отчетов о состоявшихся полевых экспедициях. В рекомендациях конференции была подчеркнута инициатива Археографической комиссии в проведении самой конференции, отмечена успешная деятельность региональных отделений комиссии, а также предложено считать полевые исследования важной задачей всех научных и научно-педагогических учреждений соответствующего профиля. Решения конференции напоминали о

¹⁵ Курносое А.А., Черных В.А., Шмидт С.О. О состоянии и задачах советской полевой археографии. (К итогам Первой всесоюзной конференции по полевой археографии) // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 9.

¹⁶ Поздеева И.В. Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности. (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) // Там же. С. 56–61.

¹⁷ Мироненко М.П. Первая всесоюзная конференция по полевой археографии // Там же. С. 370–373.

¹⁸ Проблемы полевой археографии.

¹⁹ Рекомендации // Проблемы полевой археографии. С. 155.

необходимости учитывать принятое ранее разделение основных старообрядческих районов, работы в которых уже вели те или другие научные учреждения.

Важной особенностью конференции 1976 г. стало принципиальное расширение понятия полевой археографии и включение в ее состав археографии нового времени, преимущественно советского периода российской истории, и археографии, занимающейся книжностью на восточных языках.

Конференция констатировала, что основное развитие полевой археографии как научной дисциплины достигнуто именно в собирании и изучении древней письменности. В отношении же археографии новых письменных памятников рекомендовалось максимальное усиление собирания, необходимость организации гарантийного хранения, особого внимания к личным архивам и мемуарам, документальным памятникам Великой Отечественной войны, работе по собиранию и обеспечению сохранности документальных памятников в школьных музеях. Для полевой археографии древней книжности особое значение приобрели два важнейших вывода конференции, которые были сформулированы во многих докладах и стали основными положениями соответствующего раздела рекомендаций. Речь идет, во-первых, о необходимости проведения комплексных исследований в старообрядческих регионах, где традиционная культура еще сохранилась как система или имеет достаточно высокую степень сохранности (так называемые районы первой категории). Второе положение определяло необходимость составления в результате работы в конкретных регионах территориальных книжных собраний и коллекций, которые в той или иной степени адекватности отражают историю духовных исканий носителей местной традиционной культуры и являются "наилучшей формой организации собирания и хранения" находок²⁰. Вся последующая история полевой археографической деятельности показала, что комплексные работы в отдельных регионах высокого уровня сохранности традиционной культуры позволяют составить репрезентативные территориальные книжные собрания, зафиксировавшие духовную историю местного старообрядчества иногда в течение нескольких веков²¹.

Координационный совет по полевой археографии, который провела Археографическая комиссия 24 апреля 1980 г., подвел первые итоги нового этапа полевых работ. Уже в 1978 г. во исполнение решения конференции "Археографический ежегодник" начинает публиковать краткие обзоры результатов археографических экспедиций. В первом обзоре этих работ говорится, что в 1977–1978 гг. 10 научных учреждений получили в результате экспедиций свыше 600 рукописных и 400 старопечатных книг, т.е. более 1 тыс. кириллических памятников²².

Продолжением работы во исполнение рекомендаций конференции было также обсуждение доклада руководителя археографических исследований Казанского государственного университета, в настоящее время широко известного ученого и писателя М.А. Усманова. В АЕ за 1981 год говорится, что экспедициями Казанского университета с 1963 по 1981 г. было обследовано 700 населенных пунктов и собрано 3520 рукописей и 1350 печатных книг на различных восточных языках²³. В том же году состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Кафедры источниковедения исторического факультета, которое подвело итоги полутора десяткам лет полевой деятельности Архео-

²⁰ Там же. С. 155–156.

²¹ См., например: Поздеева И.В. Продолжение традиции: книжная культура старообрядческого Верхокамья // Мир старообрядчества: Книга. Традиция. Культура. М., 1996. Вып. 3. С. 6–45.

²² Морозов В.В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 353–356.

²³ Афиани В.Ю. Деятельность Археографической комиссии в 1981 г. // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 347.

графической группы МГУ, ставшее, если оценивать разнообразие тематики докладов и количество участвующих в заседаниях специалистов, еще одной достаточно широкой археографической конференцией.

В те годы полевую археографическую деятельность начинает целый ряд новых учреждений, прежде всего крупных университетов и институтов. Например, в АЕ за 1982 и за 1984 годы помещены статьи А.А. Севастьяновой – инициатора и организатора археографических работ в Ярославской области, – начатых ею с группой энтузиастов и студентов в 1981–1982 гг. Возникает интересный и перспективный центр изучения истории местной книги и старообрядчества в Горьком (ныне – Нижний Новгород), создателем которого стала Т.В. Черторицкая.

Общие результаты собирательской деятельности полевых археографов в конце 70 – начале 80-х годов были следующими: в 1975–1977 гг. было собрано 1603 кириллических рукописи и 935 печатных книг; в 1978–1982 гг. – 4150 памятников. Только экспедициями БАН, вклад которой в развитие полевой археографии очень велик, в 1977–1986 гг. было собрано 1158 рукописных книг (при этом проведена 31 экспедиция, или краткая специальная поездка). Особенно интенсивной и результативной полевая работа БАН стала в связи с участием в ней А.А. Амосова, безвременно ушедшего из жизни в период максимального расцвета его общественной и творческой активности.

Чтобы не касаться в дальнейшем темы количества находок, собранных экспедициями, напомним, что несмотря на пессимистические прогнозы, которые фактически каждые 3–4 года формулировал кто-либо из участников работ о том, что в самое ближайшее время полевые исследования больше не дадут ощутимых результатов, судя по данным того же АЕ в 1987 году всеми экспедициями были собраны 562 рукописные и 288 печатных кириллических книг, соответственно в 1988 г. – 530 рукописных и 334 печатных книги.

Основные теоретические положения, разработанные полевой археографией как апробированные на Первой всесоюзной конференции и сформулированные в публикациях ей посвященных, так и осмысленные разными научными коллективами в процессе их последующей работы, связаны с целым рядом направлений гуманитарных исследований и могут быть в данном контексте только кратко перечислены. Но прежде чем говорить о теоретических достижениях полевой археографии, необходимо еще раз подчеркнуть принципиально коллективный способ разработки теории этой дисциплины, которая не может быть, как правило, индивидуальной на всех этапах ее подготовки, осуществления и осмысления. Каждый из научных полевых коллективов внес как в практическую деятельность, так и в теорию полевой археографии что-то специфически свое, а благодаря деятельности Археографической комиссии, прежде всего организационной и издательской, эти достижения становились почти немедленно частью представлений и идей каждого коллектива. Этому только способствовала полемика²⁴, довольно остро ведущаяся по некоторым вопросам полевых археографических работ.

Принципиальными положениями, которые фактически определяли все основные стороны как теории, так и практики полевой деятельности, на наш взгляд, являются следующие: – прежде всего, нерасторжимая связь полевой археографии и феномена русского старообрядчества и невозможность полевой археографии как научной дисциплины без всестороннего исследования старообрядческой культуры и истории;

²⁴ Амосов А.А., Бударягин В.П., Морозов В.В., Пихоя Р.Г. О некоторых проблемах полевой археографии // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983; Поздеева И.В. Полевая археография: некоторые проблемы практики и теории // ВИ. 1986. № 7. С. 17–32; и др.

– в основе организации и проведения комплексных работ лежал принцип единства традиционной культуры, необходимость и возможность ее всестороннего изучения именно как системы;

– важнейшим положением являлось также понимание места книжности и книжной культуры как базы и инструмента сохранения и воспроизводства всей системы, что позволяло и позволяет считать комплексные полевые работы именно археографическими.

Несомненно, осуществить столь широкие и сложные исследовательские задачи можно было только исходя из данных тщательно изученного территориального собрания местной традиционной книжности в ее неразрывных связях со всеми остальными элементами местной традиционной культуры.

Практическое и теоретическое решение вышеизложенных задач предполагает прежде всего понимание единства русской традиционной словесности в двух формах: письменной и устной, необходимость их тщательной и полной фиксации не только, когда речь идет о составе и характере той и другой, но и в их сложных, индивидуальных для каждого региона, но закономерных для того или другого этапа развития местной культуры, отношениях.

Очевидно также, что выполнить новые задачи полевая археография могла только тщательно фиксируя, собирая и изучая все проявления традиционной культуры, что могло быть осуществлено системными полевыми работами, не только развернутыми на определенном пространстве, но и охватывающими значительное время, часть из которых могла проводиться параллельно, а другая – только последовательно.

Таким образом, полевая археография, в короткий срок осмыслившая себя не собирательством, а изучением традиционной книжности в среде ее бытования, теперь могла поставить новые задачи изучения традиционной народной русской культуры и кириллической книжности как инструмента ее сохранения и воспроизводства. Более того, полевая археография как самостоятельное направление научной деятельности осмыслила себя на стыке гуманитарных дисциплин: истории, философии, социологии, истории искусства и музыковедения, этнологии и экологии. Ее развитие и те существенные результаты, которых экспедиции достигли не только в собирании собственно книжности, но и в комплексной фиксации многих других проявлений традиционного народного сознания, народного православия, духовного творчества и духовных поисков сотен тысяч представителей демократических слоев русского общества, начиная со второй половины XVII в. до сегодняшнего дня, дали богатейший материал и оказали самое существенное и непосредственное влияние на бурное развитие ряда дисциплин. Прежде всего речь идет об истории кириллической книги, книговедении, истории кириллической печати, истории древнерусской музыки, культурологии и т.д.

Однако данная статья посвящена прежде всего роли Археографической комиссии РАН в этом сложном научно-практическом процессе, и поэтому позволим себе остановиться на развитии полевой археографии только как изучения традиционной культуры русского старообрядчества и кириллической книги – ее основы²⁵. Выше уже было сказано, что важнейшим достижением полевых работ стало создание территориальных книжных собраний и коллекций. Достаточно напомнить, что в 1971–1981 гг. в древлехранилище ИРЛИ (Пушкинский Дом, где соратники и ученики В.И. Малышева продолжали результативное собирание и изучение рукописных памятников) 12 территориальных собраний и коллекций включали 1412 рукописей. В 1971–1980 гг. в Библиотеке АН пополнялись или

²⁵ Иные направления полевой археографической деятельности, например, собирание документальных памятников нового времени, самостоятельных научных задач, как правило, не ставили.

были заново созданы 9 территориальных коллекций, в которых насчитывалось 526 памятников; наиболее крупная из них – белокриницкая – состояла из 205 рукописей.

Археографы Уральского (Екатеринбургского) университета в 1974–1981 гг. комплектовали 21 территориальную книжную коллекцию, насчитывающую от 2 до 172 книг. Археографы МГУ за 25 лет работы (1966–1990 гг.) создали 16 территориальных книжных собраний и коллекций, насчитывавших свыше 3200 памятников, из которых 1577 памятников, т.е. 49% всех полученных книг, – датировались XIV–XVII вв. Как было доказано исследованиями, два территориальных собрания МГУ являются репрезентативными относительно истории культуры местного старообрядчества и насчитывают: одно (Ветковско-Стародубское) – около 500, а другое (Верхокамское) – более 500 рукописных и старопечатных книг, позволяя проследить или восстановить все основные события духовной и конфессиональной жизни их носителей.

Если одним из важнейших результатов и практической деятельности полевой археографии, и ее теоретического осмысления была возможность рассматривать репрезентативные территориальные книжные собрания как адекватную модель традиционной народной книжности, то важнейшим результатом нового этапа полевых археографических исследований стала, к сожалению, пока не осуществленная возможность рассматривать зафиксированную систему современной традиционной культуры русского старообрядчества как модель, сохранившую нам основные структурные связи позднесредневековой культуры русского народа.

Особую актуальность сегодня имеет ряд тем, изучение которых на базе территориального архива традиционной культуры может получить совершенно новое развитие. Речь идет о поставленной Н.Н. Покровским еще в самом начале полевых работ проблеме изучения традиционного народного сознания и, естественно, самым тесным образом связанных с ней вопросов взаимодействия в рамках традиционной культуры индивидуального (личности человека) и коллективного (общины) субъектов. О полученных археографами материалах – уже не только текстах письменных памятников, созданных в позднем русском средневековье, но и об особенностях живого функционирования их в современности, порожденных и закрепленных ими воззрениях и традициях, сохранных и сегодня конфессиональной старообрядческой общиной, и других наблюдениях – можно, используя слова Н.Н. Покровского, сказать, что даже сама "возможность подобной постановки вопроса" – явление совершенно новое и факт не менее, "волнующий воображение", чем обнаружение древних книг. Например, зафиксированные экспедициями представления современных носителей традиции о таких понятиях как время и пространство, позволило сделать вывод о сохранении в рамках современного старообрядческого сознания важнейших представлений средневековой культуры как живых сущностных характеристик исследуемого социокультурного комплекса. Совершенно очевидно, насколько перспективно для целого ряда гуманитарных дисциплин продолжение полевых исследовательских работ этого направления, и насколько важно не утратить эти возможности в, несомненно, тяжелые для науки годы.

Нельзя, рискуя избранную нами тему, не коснуться роли полевых археографических исследований в изучении местной истории и в краеведении. Эти вопросы систематически освещались и освещаются на заседаниях Археографической комиссии и в "Археографическом ежегоднике". Сегодня при чрезвычайно быстром развитии краеведения на местах, очевидно, что и продолжение самих экспедиций, и тщательное комплексное исследование собранных ими материалов (где бы они ни находились) может быть особенно перспективным. Хотелось бы обратить внимание Археографической комиссии и ее отделений в

разных регионах России на эту проблему и напомнить в качестве примера многолетние результативные совместные работы МГУ, ПОКМ и ПГУ. Очевидно, что комплексные исследования уникальных результатов экспедиций также возможно осуществить только совместно. (Сам комплексный источник, собранный в Верхокамье, территориально находится в двух городах, в фондах Научной библиотеки и Археографической лаборатории МГУ и ПОКМ.)

Очевидно, какую громадную пользу могли бы оказать археографы, много лет работающие в определенных старообрядческих регионах (например, в Усть-Цильме, на Печоре и др.), в превращении бывших школьных или сельских музеев в реальные центры национального воспитания, фиксации и сохранения местной традиционной культуры, воспроизводства живых традиций устной словесности, художественных ремесел и тому подобного. Хотелось бы, чтобы на этот вопрос в новых условиях нашей жизни и работы Археографическая комиссия РАН обратила не меньшее внимание, чем в свое время на открытие этих музеев. Достаточно назвать только одну проблему, которая до сих пор не решена даже в крупных историко-краеведческих музейных экспозициях и которая была и остается чисто "археографической". Речь идет о традиционной книге и местной книжности, как основе духовной жизни старообрядческого населения, инструменте сохранения и воспроизводства традиционной культуры как системы. Именно полевая археография за последние десятилетия получила не только полное, но и детальное представление о бытовании, месте и роли в разных регионах каждого типа традиционной книги, т.е. многих сотен наиболее популярных текстов в жизни как личности, так и общины. Это знание должно быть перенесено в систему музейных экспозиций, в которых таким образом можно будет показать не только во что одевались или чем питались наши предки, но и что они читали, что волновало их в разные периоды местной истории, раскрыть их собственное литературно-историческое творчество, духовные поиски.

Превращение полевых археографических работ из собирательства в самостоятельную научную дисциплину сразу же очень серьезно поставило проблему подготовки кадров, способных грамотно вести в поле сложные комплексные работы. Ведь перед каждым участником экспедиции вставала проблема не только быстрого определения датировки и научной ценности любой рукописной или старопечатной книги, но и росписи ее содержания, определения дефектных экземпляров, понимания ценности каждой из книг в системе местной книжности и многое другое. Вопрос о подготовке специалистов, профессионально работающих с кириллическими книгами, оказался актуальным не только для полевой археографии, но и для всей системы собирания, хранения и использования этих памятников в хранилищах России.

Почти сразу же выяснилось, что старых специалистов уже много лет заменить нечем, поскольку ни один вуз страны не готовит кадры такого профиля. Этой проблеме были посвящены Тихомировские чтения Археографической комиссии 1984 г., проведенные совместно с Комиссией Академии наук по связям с высшей школой (председатель академик Ю.С. Кукушкин).

Чтения показали во всем объеме и сложности острую необходимость не только подготовки высококвалифицированных кадров для музейской, библиотечной и научной работы непосредственно с этими фондами, но и не меньшую, а может быть и большую необходимость введения соответствующих курсов для самого широкого круга преподавателей средней школы и музейных работников всех уровней. Были приняты развернутые рекомендации по этим вопросам, которые были доведены до сведения соответствующих подразделений министерств, отвечающих как за культурное строительство, так и за образование в стране. К сожалению, надо сказать, что эта проблема реально не решена и се-

годня, когда, на наш взгляд, она стала одной из самых важных в гуманитарном педагогическом образовании.

Громадные духовные перемены, происшедшие в обществе, принципиальные изменения в политике государства, как в отношении конфессиональных организаций, роли и места церкви в жизни общества, так и всей традиционной культуры, сегодня фактически строятся на достаточно зыбкой почве. И не только в центральных учреждениях, во всей администрации и культурном электорате на местах, но даже в большинстве вузов нет грамотных специалистов, которые способны воспитать новое поколение, дать ему основательную теоретическую базу для выработки правильных историко-культурных представлений по всем этим вопросам. В то же время уже несколько десятилетий вузы, организуемые широкою полевой археографической деятельностью, систематически из года в год вводят такую подготовку, охватывающую, к сожалению, в качестве факультативов, только незначительную часть обучающихся в них студентов. Сегодня опыт НГУ или МГУ мог бы быть использован и широко распространен не только для решения пусть и важной, но все-таки достаточной узко профессиональной проблемы, но и для быстрее широкого образования общества, вынужденного из-за насаждаемой много десятилетий невежественности в вопросах религии и национальных традиций метаться между ультрачерносотенно-правым и ультралевым пониманиями этих важнейших для нашего времени вопросов.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что полевые археографы, как никто другой, остро сталкиваясь на местах с совершенно недопустимым состоянием охраны документальных исторических памятников, одними из первых на всех возможных уровнях научной и государственной деятельности ставили и пытались решить эту проблему. С первых лет в эту деятельность включилась и Археографическая комиссия, и Главное архивное управление, а также отделения Археографической комиссии на местах.

Именно с полевой археографической деятельностью связано проведение многих десятков выставок древнерусских письменных и старопечатных памятников, начиная с небольших выставок к ежегодным отчетным конференциям в каждом ведущем полевые работы учреждении, до широких, открытых для всеобщего посещения экспозиций, становящихся заметным явлением в культурной жизни. Достаточно напомнить успех выставок 1980, 1990 и 1995 гг. в помещении актового зала в старом здании Московского университета на Моховой, которые знакомили самые широкие круги московской и подмосковной общественности с богатствами традиционной духовной культуры и книги.

Значительным событием стала выставка лучших археографических находок всех коллективов страны, подготовленная Главным архивным управлением РСФСР, Археографической комиссией и учреждениями, ведущими полевые работы, проходившая сначала в Москве, а потом в Ленинграде. Сегодня такие выставки проводятся чрезвычайно широко и несомненно оказывают влияние на отношение русского общества к охране памятников истории и культуры, дают тысячам людей возможность непосредственного общения с традиционной культурой русского народа. Значение этой работы было бы несравненно больше, если бы выставки завершались созданием хотя бы кратких каталогов, важных для закрепления и продления социально-культурного влияния экспозиций. Это положение заставляет нас обратиться к проблеме публикации археографических исследований и собранных экспедицией памятников. Для любой научной дисциплины проблема публикаций является одной из важнейших и принципиальных. Для развития же археографии эта проблема одна из самых важных, так как только введение в научный оборот собранных археографами материалов делает их составляющей современной культуры.

Собирая памятники уже умершей, а в редких местах еще живой традиции, археограф всегда должен думать не только об их физическом спасении, но и абсолютно обязательном возвращении в народную культуру сегодняшнего и завтрашнего дня. Это долг не только профессионала, ученого и гражданина, но и долг перед теми людьми, которые в течение веков сохранили и спасли книгу, несмотря на то, что, как в XVIII и XIX, так и в XX в. даже сам факт наличия книги в доме мог прямо угрожать благополучию и жизни ее хранителей. Поэтому столь ответственной становится и полевая археографическая деятельность и археография в самом обычном классическом понимании этого слова, т.е. исследование, научное описание книги и издание этих сведений. Поэтому с первых дней работы и сами коллективы, и Археографическая комиссия всячески стремились к оперативной научной обработке и оперативному изданию соответствующих описаний и каталогов собранных коллекций. Как уже говорилось выше, начиная с 1977 г. "Археографический ежегодник" публикует важные сведения (хотя и очень краткие) о результатах археографических экспедиций. И тем не менее, за последние 30 лет в науку введены многие тысячи вновь найденных памятников, которые принципиально расширили базу наших представлений о древнерусской и особенно старообрядческой книжной культуре. Недаром академик Д.С. Лихачев оценил работы новосибирских археографов как "новое открытие Сибири". Фактически только полевая археография последних десятилетий впервые открыла для общества целый неизвестный континент, "Атлантиду" литературного, исторического, полемического творчества самых широких кругов русского народа, отразившего напряженную духовную жизнь, духовные поиски, колоссальный творческий потенциал, сохраненный и развитый русским народом в рамках древних культурных традиций в самые сложные исторические периоды последних веков. С этой точки зрения очевидно, что "Археографический ежегодник" мог бы посвящать сегодня гораздо большее внимание судьбам и описаниям материалов, собиранию которых комиссия в свое время столь активно помогала.

Таким образом, даже краткий обзор развития полевой археографии и роли в этом Археографической комиссии РАН показывает, что эта деятельность и сегодня остается (а может быть именно сегодня становится) особенно исторически и социально актуальной. Но, к сожалению, именно об этой стороне деятельности комиссии приходится говорить в основном в прошедшем времени. Едва ли это объясняется только изменением административно-государственной ситуации. Представляется очевидным, что сегодня при реальном распаде некогда прочных связей, возникновении новых многочисленных локальных центров и, особенно всеобщей моде на эту и близкую тематику, не менее, а может быть и более необходима координация и помощь в организации полевых исследований, введении в научный оборот их результатов, широкой популяризации научных представлений о сущности и характере национальной традиционной культуры. Было бы значительной культурной потерей, если бы Археографическая комиссия не продолжила отведенную ей самой историей роль в этой области развития нашей науки и общественной жизни.

С.В. Чирков

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ В ТРУДАХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Проблемы историографии не входили в те шесть основных направлений деятельности Археографической комиссии (координация работы по изданию исторических документов, по составлению правил издания, терминологических и ономастических словарей; издание "Археографического ежегодника"; организация сессий с научными докладами; учет и выявление рукописных материалов в частных собраниях; организация археографических экспедиций; реставрация, консервация и микрофильмирование исторических документов), какие были обозначены в качестве задач комиссии на первом ее заседании в 1956 г.¹ Тем не менее, уже в первых томах "Археографического ежегодника" появились важные историографические материалы. Это были известные статьи С.Н. Валка², работы А.Т. Николаевой и В.А. Кондратьева по истории отечественной археографии³, а также обзоры архивных фондов крупнейших историков В.И. Семевского и С.Б. Веселовского⁴ и списки печатных трудов старейших членов комиссии А.И. Андреева и С.Н. Валка⁵.

Появление этих материалов продемонстрировало, что вновь образованная Археографическая комиссия не собирается оставаться в стороне от историографической тематики. Речь шла не об исследовании только истории археографии, которую впоследствии предлагалось даже рассматривать как одну из составных частей археографии – специальной дисциплины. Ученые Археографической комиссии склонны были включать в сферу своего внимания более широкие историографические проблемы. Очевидно, они следовали традиции отечественной науки, сложившиеся в конце XIX – начале XX в., когда историографический аспект стал осознаваться как атрибут изучения всякой исторической темы. Уже в то время понимали, что для того, чтобы научно поставить исследовательскую проблему, надо изучить историографические истоки и состояние разработанности данной проблемы. Немаловажное значение могли иметь и научные интересы основателя комиссии и первого редактора "Археографического ежегодника" академика М.Н. Тихомирова, выпустившего незадолго до этого первый том "Очерков истории исторической науки в СССР" (М., 1955).

Однако Археографическая комиссия избрала для своих историографических исследований и публикаций специфическое направление. Так же, как общеоисторические статьи неуклонно отклонялись при формировании состава "Археографических ежегодников" (об этом не раз писал М.Н. Тихомиров своим

¹ Бем Ю.О. Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 483.

² Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX в. // АЕ за 1958 год. М., 1960; Он же. Б.Д. Греков как деятель археографии // Там же. Переиздано в кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100- летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982.

³ АЕ за 1958 и 1957 годы.

⁴ АЕ за 1958 год.

⁵ АЕ за 1957 год.

коллегам, обсуждая тематику издания), не ставилось целью и изучение "чистой" историографии, под которой разумелась в те годы преимущественно история исторических концепций, история общественно-политической мысли. К тому же, "чистой" историографией занималось соответствующее подразделение Института истории, руководимое М.В. Нечкиной (ей передал М.Н. Тихомиров и общее редактирование "Очерков истории исторической науки"). Внимание Археографической комиссии и привлеченных ею исследователей, с одной стороны, сосредоточивается на изучении истории источниковедения и специальных исторических дисциплин, а, с другой, – на источниках истории исторической науки. Именно проблемам историографических источников, их выявления, изучения и введения в научный оборот посвящена большая часть публикаций историографического профиля, выпущенных Комиссией отдельными изданиями и в составе "Археографического ежегодника".

Представление об историографических источниках, о необходимости изучать их и публиковать, чтобы поставить историографическое исследование на прочный фундамент "источниковой базы", далеко не сразу сформировалось в нашей историографии, которая со времен своего становления тяготела к изучению идей и концепций, общественной мысли, воплощенной в исторической науке. Этот идеологический уклон в историографии объясним отчасти тем, что каждый историк стремится опубликовать результаты своих исследований в виде завершенной совокупности научных предложений, для изучения которых, как кажется, достаточно их полной библиографии. Отчасти же здесь сказывается развивавшаяся в советские годы абсолютизация значения классовой борьбы и идеологии в обществе. Лишь постепенно из-под глыб идеологического подхода прорастало представление об ограниченности такого подхода к явлениям исторической науки.

Возникала необходимость изучать и другие стороны историографии, например, историю учреждений, занимавшихся научными исследованиями, историю многообразных научных коммуникаций и т.п. Появлялась потребность в обращении не только к завершенным, вышедшим в свет трудам ученых, но и к черновым материалам, к рукописям, письмам, заметкам, в которых отразилось становление исторической концепции, где можно найти не только классово-идеологические, но и логико-психологические корни исторической мысли. В одном из первых опубликованных в "Археографическом ежегоднике" обзоров, посвященном "источникам историографических работ В.О. Ключевского", утверждалось, что "невозможно ограничиваться исследованием уже опубликованных материалов. Анализ черновых материалов помогает восстановить многие пробелы и дает возможность более глубоко и всесторонне проникнуть в творческую лабораторию ученого"⁶.

С начала 1960-х годов сходные представления в цикле статей о задачах отечественной историографии развивал С.О. Шмидт. Им было обосновано расширительное понимание историографии, включающей "историю накопления исторических знаний и развития исторической мысли, историю создания исторических трудов и биографии историков... историю распространения исторических представлений и практического применения исторических знаний"⁷. Широкому кругу историографических явлений отвечало расширение источниковой базы историографических исследований. Обосновывалась необходимость широкого круга материалов, сопутствующих основному источнику историографии – трудам историков. Объектом историографического изучения провозг-

⁶ Киреева Р.А. Источники историографических работ В.О. Ключевского // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 330.

⁷ Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // ТМГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 4.

лашалось рукописное наследие историков, лишь после знакомства с которым можно составить сколько-нибудь полное и верное представление о научно-исследовательской деятельности ученого. Утверждалась необходимость основывать на выявлении архивных материалов изучение и таких важных историографических явлений, как история популяризации исторических знаний, вовлечение в изучение истории, в частности, в краеведческое движение, широких слоев народа, – в целом, воссоздание во всей широте картины развития исторического мышления, распространения исторических представлений, влияния исторического знания на общественную жизнь.

Приход С.О. Шмидта на пост председателя Археографической комиссии, редактирование им "Археографического ежегодника" значительно оживили исследования и публикации в указанных направлениях отечественной историографии. Формы введения источников историографии в оборот науки оказались разнообразными. Стали осуществляться научные издания сборников трудов крупнейших ученых (прежде всего, М.Н. Тихомирова, затем – С.Н. Валка). Научный характер этих сборников был обусловлен тщательной текстологической работой над текстами публикуемых произведений, привлечением неопубликованных материалов научного наследия ученых. Традиционной формой введения в оборот материалов осталась публикация обзоров архивных фондов историков, как давно ушедших, так и наших современников, фонды которых были переданы на государственное хранение. Весьма многочисленны осуществленные обзоры и публикации отдельных работ ученых, групп и видов архивных документов деятелей науки и научных учреждений. Здесь – многочисленный ряд обзоров и публикаций эпистолярных материалов – как правило, определенного ученого, иногда переписка двух ученых. Специфической формой публикации источников историографии явилось издание воспоминаний, в основном, ныне живущих историков о тех или иных событиях в истории исторической науки. Наконец, вспомогательной формой введения в оборот историографических источников стала библиография – чаще всего персональные списки литературы, но, кроме того, и списки литературы, изданной отдельными учреждениями.

Наиболее информативным способом ввести материалы творческого наследия историка в оборот науки служит обзор архивного фонда. В то же время это трудоемкий и сложный способ информации, так как он предполагает хорошее владение составителя обзора материалом, включая опубликованные работы изучаемого автора. Изданные комиссией обзоры фондов историков прошлого века были крайне немногочисленны. Появились лишь обзоры фондов В.В. Пасека⁸ и С.В. Ешевского⁹. Больше рассмотрено фондов ученых, работавших в конце XIX – начале XX в.: Д.И. Багалея¹⁰, Е.Г. Вейденбаума¹¹, С.Б. Веселовского¹², П.Г. Виноградова¹³, М.Д. Довнар-Запольского¹⁴, М.К. Любавского¹⁵, М.Н. Покровского¹⁶, А.Е. Преснякова¹⁷, П.А. Ровинского¹⁸, В.И. Семевского¹⁹,

⁸ АЕ за 1975 год. М., 1976. Сост. К.Е. Новохатский.

⁹ АЕ за 1983 год. М., 1985. Сост. В.Г. Ткаченко.

¹⁰ АЕ за 1988 год. М., 1989. Сост. В.В. Кравченко.

¹¹ АЕ за 1978 год. М., 1979. Сост. Э.Г. Барнавели.

¹² АЕ за 1958 год. Сост. Б.В. Левшин.

¹³ АЕ за 1996 год. Сост. А.В. Антощенко.

¹⁴ АЕ за 1994 год. М., 1996. Сост. С.И. Михальченко.

¹⁵ АЕ за 1974 год. М., 1975. Сост. Д.В. Карев.

¹⁶ АЕ за 1968 год. М., 1970. Сост. А.С. Букалов, Н.С. Трусова.

¹⁷ АЕ за 1970 год. М., 1971. Сост. С.В. Чирков.

¹⁸ АЕ за 1986 год. М., 1987. Сост. Л.А. Котлярская.

¹⁹ АЕ за 1958 год. Сост. С.И. Волков.

П.Е. Щеголева²⁰. Наиболее представителен состав обзоров фондов историков, работавших в советское время, среди них: А.И. Андреев²¹, С.К. Богоявленский²², Н.А. Воскресенский²³, Б.Д. Греков²⁴, И.А. Голубцов²⁵, В.И. Дулов²⁶, Г.А. Замятин²⁷, И.П. Еремин²⁸, Е.А. Косминский²⁹, И.А. Кудрявцев³⁰, Ш.М. Левин³¹, В.С. Люблинский³², В.В. Максаков³³, И.Л. Маяковский³⁴, С.П. Моравский³⁵, Р.А. Орбели³⁶, Е.Н. Ошанина³⁷, П.П. Парадизов³⁸, А.В. Предтеченский³⁹, А.М. Разгон⁴⁰, В.А. Романовский⁴¹, Е.И. Самгина⁴², Н.Ф. Славин⁴³, А.Н. Сперанский⁴⁴, Н.В. Устюгов⁴⁵, Г.Г. Фруменков⁴⁶, А.В. Чернов⁴⁷, В.И. Шунков⁴⁸. Представлены также и обзоры архивных фондов краеведов и историков местного края: А.Н. Вершинского⁴⁹, А.В. Смирнова⁵⁰, М.И. Смирнова⁵¹, И.М. Стаховского⁵², Н.А. Чердынцева⁵³, Н.П. Чулкова⁵⁴, Б.А. Шляева⁵⁵, С.Д. Яхонтова⁵⁶. Менее удачными выглядят "групповые" обзоры документов историков, погибших в Ленинграде⁵⁷, и дмитровских краеведов⁵⁸: слишком краткое описание материалов не позволяет составить о них удовлетворяющее исследователя представление.

За годы существования Археографической комиссии в ее изданиях были опубликованы многочисленные материалы о жизни и деятельности как клас-

²⁰ АЕ за 1979 год. Сост. А.Г. Чершня.

²¹ АЕ за 1978 год. Сост. Т.И. Лысенко.

²² АЕ за 1972 год. М., 1974. Сост. А.Л. Станиславский.

²³ АЕ за 1976 год. М., 1977. Сост. Е.П. Федосеева.

²⁴ АЕ за 1982 год. М., 1983. Сост. А.Д. Зайцев.

²⁵ АЕ за 1986 год. Сост. Е.И. Самгина.

²⁶ АЕ за 1989 год. М., 1990. Сост. А.В. Дулов.

²⁷ Там же. Сост. Г.М. Коваленко.

²⁸ АЕ за 1976 год. Сост. Н.Н. Розов.

²⁹ АЕ за 1971 год. М., 1972. Сост. М.Я. Ржезникова.

³⁰ АЕ за 1984 год. М., 1986. Сост. А.Н. Мельник.

³¹ АЕ за 1971 год. Сост. В.Н. Гинев.

³² АЕ за 1986 год. Сост. О.Б. Враская, Е.Э. Гранстрем, Б.С. Каганович.

³³ АЕ за 1978 год. Сост. Б.В. Левшин.

³⁴ АЕ за 1980 год. М., 1981. Сост. В.В. Лучкова.

³⁵ АЕ за 1986 год. Сост. Е.Н. Егорова.

³⁶ АЕ за 1989 год. Сост. А.Н. Мельник.

³⁷ Там же. Сост. Г.И. Довгалло.

³⁸ АЕ за 1988 год. Сост. Е.Н. Никитин.

³⁹ АЕ за 1973 год. М., 1974. Сост. Н.Н. Чижова-Ореус.

⁴⁰ АЕ за 1991 год. М., 1994. Сост. И.В. Белозерова.

⁴¹ Там же. Сост. В.В. Митрофаненко, Е.С. Сулова.

⁴² АЕ за 1994 год. Сост. И.С. Калантырская.

⁴³ АЕ за 1982 год. Сост. М.А. Славина.

⁴⁴ АЕ за 1969 год. М., 1971. Сост. М.Б. Булгаков.

⁴⁵ АЕ за 1968 год. Сост. Н.Г. Михайлова.

⁴⁶ АЕ за 1991 год. Сост. Т.Г. Фруменкова.

⁴⁷ АЕ за 1980 год. Сост. И.А. Курникова.

⁴⁸ АЕ за 1970 год. Сост. Н.Г. Михайлова.

⁴⁹ АЕ за 1975 год. Сост. Л.А. Котлярская, А.Г. Маньков, Х.Д. Сорина.

⁵⁰ АЕ за 1981 год. М., 1982. Сост. А.Д. Тельчаров.

⁵¹ АЕ за 1971 год. Сост. С.Б. Филимонов.

⁵² АЕ за 1973 год. Сост. А.И. Рогов.

⁵³ АЕ за 1969 год. Сост. Л.С. Кашихин.

⁵⁴ АЕ за 1996 год. Сост. С.Ю. Шокарев.

⁵⁵ АЕ за 1971 год. Сост. Л.В. Тюренкова.

⁵⁶ АЕ за 1991 год. Сост. А.Н. Мельник.

⁵⁷ АЕ за 1973 год. Сост. В.Д. Алпатова.

⁵⁸ АЕ за 1995 год. М., 1997. Сост. Р.Ф. Хохлов.

сиков отечественной исторической науки, так и ученых, которых принято считать выдающимися: И. Тимофеева, А.И. Лызлова, В.Н. Татищева, И.К. Кирилова, Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова, В.В. Крестинина, Н.И. Новикова, М.М. Щербатова, А.И. Мусина-Пушкина, Н.М. Карамзина, Г. Эверса, К.Ф. Калайдовича, Я.И. Бередникова, А.Ф. Малиновского, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.А. Оболенского, К.К. Злобина, Н.В. Калачова, И.Е. Забелина, Н.А. Попова, П.И. Бартенева, А.П. и Н.П. Барсуковых, В.А. Бильбасова и др. Особенно много было опубликовано материалов о В.О. Ключевском⁵⁹. Творческое, по преимуществу архивное, наследие историков конца XIX – начала XX в. – В.Б. Антоновича, И.С. Беляева, В.Я. Богучарского, В.С. Иконникова, Н.И. Кареева, А.А. Кизеветтера, Н.П. Кондакова, Г.З. Кунцевича, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Павлова-Сильванского, С.Ф. Платонова, Н.А. Рожкова, А.Н. Савина, А.А. Спицына, Е.В. Тарле, А.А. Шахматова, С.Д. Шереметева, И.А. Шляпкина, Е.Ф. Шмурло и других также было представлено в разнообразных публикациях. Из числа публикаций о деятелях советской науки (помимо перечисленных) можно назвать материалы В.В. Бартольда, С.В. Бахрушина, Н.Н. Воронина, Ю.В. Готье, Н.М. Дружинина, А.А. Зимина, Ю.Ф. Кононова, И.И. Любименко, А.Д. Люблинской, В.И. Малышева, А.Ц. Мерзона, А.Н. Насонова, Ю.Г. Оксмана, А.М. Панкратовой, В.И. Пичеты, А.А. Покровского, И.И. Полосина, Б.А. Романова, Н.Л. Рубинштейна, Д.Б. Рязанова, М.Н. Сперанского, П.П. Смирнова, Б.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, С.И. Якубовской, В.К. Яцунского.

Тематика публикаций историографических источников отнюдь не всегда касается только научной деятельности того или иного ученого. Руководствуясь принципом многоаспектного подхода к изучению истории науки (этот принцип затем был детально разработан отечественным науковедением⁶⁰), публикаторы активно привлекали "пограничные" материалы, в которых, скажем, А.А. Шахматов выступает как общественный деятель⁶¹, а В.О. Ключевский – как организатор науки⁶². В изданиях Комиссии осуществлен также знаменательный опыт издания историографических источников, по возможности всесторонне освещающих биографию и творчество одного ученого. Речь идет о значительном комплексе материалов М.Н. Тихомирова. Помимо издания шести томов произведений историка опубликованы научное описание его архивного фонда, сведения о документах Тихомирова в ряде других архивов, обозрения библиотеки и рукописного собрания, отдельных документов Тихомирова, воспоминания о нем.

Введены в научный оборот и такие специфические источники как заявления М.Н. Тихомирова в научные учреждения, удостоверения и мандаты, выданные ему Самарским научным краеведческим обществом, платежные списки Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете, списки слушателей Высших этнолого-археологических курсов, на которых преподавал историк. Привлечены дела о занятиях М.Н. Тихомирова в архивах, статьи с его редакторской правкой, сведения о собранных им книгах в подсобной библиотеке

⁵⁹ См., например, издание, подготовленное Археографической комиссией совместно с Департаментом культуры Пензенской области: Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1.

⁶⁰ См.: Ярошевский М.Г. Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки. М., 1973.

⁶¹ "Справка" В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова / Подг. С.О. Шмидт // АЕ за 1970; Робинсон М.А.. Эпистолярное наследие академика А.А. Шахматова // АЕ за 1973 год.

⁶² Демидова Н.Ф. В.О. Ключевский как председатель Общества истории и древностей российских // АЕ за 1991 год.

ОР ГИМ, документы о посмертном издании его трудов. В недавнее время стало возможным ввести в научный оборот материалы следственного дела М.Н. Тихомирова в ОГПУ: анкету арестованного, протоколы допросов, справку о прекращении дела. В целом можно заключить, что информационный потенциал введенных к настоящему времени историографических источников о М.Н. Тихомирове далеко превосходит сведения, использованные в биографической литературе о нем.

Дополняются материалы и по истории исторической науки библиографическими трудами, подготовленными Археографической комиссией и опубликованными в ее изданиях. Здесь прежде всего надо отметить только что вышедшую полную библиографию М.Н. Тихомирова, составленную И.Е. Тамм⁶³. С первых же томов "Археографического ежегодника" возникла традиция печатать в нем персональные списки трудов членов комиссии (сейчас их опубликовано более 50). Возможность ориентироваться в истории специальных исторических дисциплин создавали и публиковавшиеся в первое десятилетие существования комиссии списки литературы по археографии и смежным дисциплинам. Значительным явлением в изучении истории архивного дела стала публикация указателя трудов губернских ученых архивных комиссий, подготовленного О.И. Шведовой⁶⁴. Определенный вклад в ориентацию исследователей новейшей историографии вносят регулярно помещаемые списки диссертаций, защищенных в Историко-архивном институте, и изданных там же учебных пособий.

Исследования по истории источниковедения и специальных историко-филологических дисциплин публикуются в изданиях Археографической комиссии уже с первых лет ее существования. За истекшие годы в них рассматривались проблемы истории источниковедения (от широких теоретических до сугубо конкретных), истории археографии (в широком ее понимании как науки о собирании, описании и издании письменных памятников), архивного дела, палеографии, текстологии, кодикологии, филигранологии, дипломатики, генеалогии и других дисциплин. Немалое внимание уделялось и истории отечественного краеведения, включая "урбанизм" – многоаспектное изучение города. В связи с данными проблемами изучалась и история научных учреждений и обществ, многие из которых оставались забытыми в традиционной историографии: губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий, местных историко-археологических обществ и церковно-археологических комитетов, археологических институтов и университетов, археологических съездов и исторических журналов. Тематика работ в данной области, опубликованных только "Археографическим ежегодником", весьма широка, их перечень потребовал бы слишком большого объема.

Исследование истории источниковедения и специальных историко-филологических дисциплин, введение в оборот науки историографических источников – представляются весьма важными направлениями в деятельности Археографической комиссии. Этой работой достигается не только обогащение отечественной историографии новыми фактами и методическими подходами. Академик Д.С. Лихачев говорил, что специальные дисциплины составляют "твердую скорлупу" гуманитарного знания, не позволяющую ему растекаться в субъективном умозрении. Предварительное изучение историографических источников уменьшает возможности историографического субъективизма, особенно грозного для науки в те переломные времена, которые мы переживаем сегодня.

⁶³ Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Библиограф. указ. / Сост. И.Е. Тамм, науч. ред. С.О. Шмидт. М., 1996.

⁶⁴ АЕ за 1957 год.

В.Д. Банасюкевич, М.В. Ларин

30 ЛЕТ ВНИИДАД

Всероссийский (до 1992 г. – Всесоюзный) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела был образован в 1966 г. в системе Главархива СССР. Его основными задачами были: исследования теоретических и методических проблем документоведения, архивоведения и археографии, создание информационно-поисковых систем, осуществление исследовательских и экспериментальных работ в области естественно-научных проблем сохранности документов, организация научной информации по названным проблемам.

Краткая характеристика научной деятельности института в целом за 30 лет была помещена в журнале "Отечественные архивы"¹. В настоящей статье мы остановимся на тех работах института, которые в наибольшей степени определяют его место и роль в общем культурологическом процессе, непосредственно способствуют обеспечению интересов и потребностей общества документальными архивными источниками. Эти работы относятся, в основном, к таким направлениям архивоведения, как теория и методика описания документной информации и создание справочников, а также к археографии. Оставим в стороне узко специальные, прикладные и профессиональные разработки в области документоведения и архивного дела, которые, конечно, также опосредованно "работают" на культуру общества. Затронем лишь некоторые общие теоретические вопросы, относящиеся, прежде всего, к взаимосвязи документоведения и архивоведения.

Представляется, что разработка Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) – официальный повод для создания института, и последующие исследования этого же плана имели не только непосредственное прикладное значение, способствуя общему повышению культуры работы с документами в государственных учреждениях. Создание ЕГСД и ее развитие в системе норм и правил ведения документного хозяйства как исторический феномен подтверждало необходимость комплексного, интегрированного применения ряда научных дисциплин и соответствовало тому общественному заказу, который был выдвинут в сфере работы с документами в большинстве стран мира в 1950–1960-х годах. Весьма удачно недавно замечено по этому поводу, что "все 30 лет мы выполняем этот заказ. Что мы сделали – известно. Наши разработки в области делопроизводства повсеместно применялись в России и странах СНГ и применяются до настоящего времени"².

А тот факт, что выполнение этого заказа осуществлялось в рамках архивной службы, где уже с начала 1930-х годов вынашивалась идея единства интересов делопроизводства и архивного дела, видимо, имеет определенное культурное значение. Он способствовал тому, чтобы общество приняло идею о единстве информации и об общественной необходимости документоведения и архивного

¹ *Ларин М.В.* Научная деятельность института // ОА. 1996, № 1; Как это было: Воспоминания // Там же.

² *Сокова А.Н.* Какой быть Государственной системе документационного обеспечения управления в России? // Вестн. архивиста. 1996. № 1. С. 5.

дела. Напомним, что идея методического влияния архивов на организацию делопроизводства была выдвинута VII (1972 г.) и X (1984 г.) международными конгрессами архивов. Последний четко высказался за возрастающую роль архивов в контроле за делопроизводством и за воздействие архивиста на полный цикл жизни документов – от их создания до превращения в исторический источник³.

Несомненно и наличие обратного положительного влияния, воздействия документоведения на архивоведение. Например, разработка В.Н. Автократовым положений о фондообразовании, как носящем черты естественноисторического процесса, и ряда других определенным образом связана с его вниманием к проблематике делопроизводства и документоведения, куратором которой он был в институте в течение нескольких лет. В частности, при непосредственном участии В.Н. Автократова разрабатывались такие понятия, как "система документирования" и др. Поэтому трудно согласиться с высказываниями отдельных архивистов, которые направлены против существующего уровня взаимоотношений делопроизводства и архивного дела – "безмерного вторжения архивистов в управление документационными процессами" – и призывали "перестать постоянно залезать в делопроизводство"⁴.

Ныне документационное обеспечение и документоведение все более обогащаются за счет идей системологии и других теоретических представлений в таких, все более востребуемых обществом дисциплинах, как социальная информатика и информационный менеджмент, т.е. управление информационными ресурсами.

Современное законодательство выделяет отдельные системы документов, разделяет документацию на определенные категории и виды, дифференцирует ее по значимости⁵. В основе теоретического и прикладного документоведения лежит представление о документации как о единой системе. Потребительская значимость информации, какой-то части информационного ресурса может быть актуализирована, реализована лишь тогда, когда ее определенный блок, файл встроен в некую большую систему, когда он связан или может быть связан определенной структурированной сетью или неявно выраженными, но объективно заданными связями.

Эти свойства имманентно присущи информации и действительны в полной мере для документации, находящейся в оперативном управлении, постепенно превращающейся в архивные документы.

Важно подчеркнуть, что по большому счету, информация едина, и наша классификация информации или документации по различным признакам, в том числе деление на делопроизводственную (управленческую) и архивную – это лишь способ познания или инструмент пользования.

Подчеркивая встроенность документоведения в цикл наук о социальной информации, нужно заметить, что документоведение относится к классу исторических наук. Однако историческое документоведение почти не выходит за рамки описания предмета, не приобретает прикладного значения и оставаясь лишь интересным знанием. По-видимому, одной из задач ВНИИДАД, который своей целью имеет изучение документов, документных систем и документационного

³ См.: СА. 1973. № 1. С. 10, 39; 1985. № 1. С. 9, 10.

⁴ См., например: СА. 1991. № 2. С. 30 (интервью с профессором Е.В. Старостиным). Определенное негативное отношение к сближению архивного дела и делопроизводства ощущается и в кн.: Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы, 1917–1980. М., 1994. С. 318–320.

⁵ См. Законы РФ: Об авторском праве и смежных правах (9 июня 1993 г.); Об информации, информатизации и защите информации (20 февраля 1995 г.); Основы законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах (7 июня 1993 г.); Основы законодательства РФ о культуре (9 октября 1992 г.); и др.

обеспечения, является также и исследование процессов развития систем документации для применения полученных знаний в практических целях, прежде всего для архивной эвристики, экспертизы ценности и определения параметров Архивного фонда Российской Федерации с учетом возможно более широкого диапазона его научного и практического использования.

Особенно важно изучение новейшей истории документов. Новые информационные технологии и средства связи значительно изменили документацию и методы ее обработки, что создает и другую среду, в которой предстоит работать архивистам. Актуальность этих моментов и современное состояние методов исследования документов смежными научными дисциплинами были освещены на двух конференциях, проведенных ВНИИДАД совместно с коллегами других научных организаций. Они были посвящены проблемам взаимодействия архивоведения и источниковедения⁶.

Особое значение для развития теории и становления документоведения и архивоведения как интегрированных научных дисциплин имеет терминологическая работа. Она была вызвана практической задачей упорядочения понятийного аппарата. Методологически (в основе лежат классификация, системные и формально-логические представления о целостности и структуре объекта) – это способ и эффективный инструмент теоретического познания. Именно в терминологической работе наиболее явно выступает единство объекта документоведения и архивоведения и близость, родственность предметных понятий этих дисциплин.

Понятийный аппарат как инструмент науки и как составная часть языка, естественно, не стоит на месте. Начатая еще в Главархиве и затем продолженная институтом работа по упорядочению и унификации архивной и делопроизводственной терминологии показывает, как менялась и становилась все более системной терминология наших научных дисциплин⁷. При всех недостатках, обусловленных, в частности, чрезмерной идеологизацией, терминологические словари и стандарты являются не только необходимыми пособиями для практической работы, но и фактами общей культуры и культуры науки, а также важными историческими источниками, необходимыми для правильного понимания научного прошлого.

Налицо динамика в деле унификации терминов. Если государственный стандарт 1970 г. предусматривал лишь 48 терминов, а заменивший его ГОСТ 1983 г. уже 94, то в подготавливаемый в настоящее время терминологический стандарт по документоведению и архивному делу предполагается внести уже около 200 терминов. Участие института в терминологической работе Международного совета архивов и включение около 400 терминов в российскую часть готовящейся третьей редакции Словаря международной архивной терминологии является еще одним свидетельством успешной интеграции российского архивного дела в общемировое информационное пространство.

Непосредственно на обеспечение общественных потребностей, на нужды архивной эвристики, поиска архивных исторических источников ориентирована деятельность института по созданию научно-справочного аппарата. Начав с

⁶ См.: Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на Всероссийской конференции 20–22 декабря 1994 г. М., 1995; Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тезисы выступлений на 2-й Всероссийской конф. 12–13 марта 1996 г. М., 1997. См.: ОА. 1996. № 3.

⁷ См.: Краткий словарь архивной терминологии. М.; Л., 1968; Делопроизводство и архивное дело, термины и определения, ГОСТ 16487-70; Делопроизводство и архивное дело, термины и определения, ГОСТ 16487-83; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. I; 1988. Вып. II; *Елпатьевский А.В., Ханпира Э.И.* О новом стандарте по архивной терминологии // СА. 1984. № 5.

разработки многочисленных прикладных научно-методических пособий, обеспечивающих внутриархивные нужды, институт расширил это направление от методов дифференцированного описания и каталогизации до методики подготовки межархивных справочников к изданию, а также общеметодических работ, формирующих теорию системы научно-справочного аппарата. ВНИИДАД стал организатором коллективов архивистов и непосредственным исполнителем при подготовке различных межархивных справочников. Это направление представляется принципиально важным, особенно в настоящее время, когда в связи с определенными центробежными процессами необходимо сохранить хотя бы на уровне справочников, единый, централизованный подход к раскрытию состава и содержания Архивного фонда Российской Федерации, и, по возможности, аналогичных архивных фондов стран СНГ.

Изданные в 1989–1991 гг. справочники⁸, став своего рода памятником бывшему Государственному архивному фонду СССР, сохраняют свое практическое значение, так как дают достаточно полное общее представление об архивах союзных республик конца 80-х – начала 90-х годов.

Не имеющим аналогов в истории российского архивного дела и безусловным серьезным вкладом в освещение российской культуры являются справочники по истории Русской православной церкви и ее документам в архивах России. Часть из них издана⁹, другие существуют в электронном формате¹⁰. Готовы к изданию такие межархивные справочники, как "Культура русской провинции XVIII – начала XX в." (реализован в электронном виде), "Архивные документы в музеях и библиотеках Российской Федерации".

Безусловно, весомым вкладом в историю российской культуры является словарь-справочник, посвященный российской государственности, первая часть которого вышла из печати к 30-летию института¹¹. Не являясь традиционной отраслевой энциклопедией, словарь синтезирует данные по истории государственных учреждений, государственной документации, должностей и чинов, подчиняя все это общей задаче – раскрытию истории российской государственности через историю названных атрибутов. Одновременно он является и справочником о местах хранения документов соответствующих учреждений. Представляется, что этот словарь-справочник после завершения его выхода является, как это и подобает действительно научному изданию, тем пособием, которое будет необходимо как специалисту, так и любому гражданину, серьезно интересующемуся прошлым нашей Родины.

В области археографии научная деятельность института в течение 30 лет была направлена в основном на совершенствование и углубление методики публикации исторических источников. Институт был ведущей (головной) организацией при разработке "Правил издания исторических документов в СССР"

⁸ Государственные архивы СССР: Справочник. М., 1989. Ч. 1, 2; Документы ГАФ СССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах: Справочник. М., 1991.

⁹ История Русской православной церкви в документах региональных архивов России: Аннотир. справочник-указатель. М., 1993; Рец. Е.В. Старостина, см.: ОА. 1994. №5. С. 126–127; История Русской православной церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотир. справочник-указатель. М., 1995.

¹⁰ Епархии Русской православной церкви в России: Аннотир. указатель фондов духовных консисторий, хранящихся в гос. архивах Российской Федерации. М., ВНИИДАД, 1996; Монастыри Русской православной церкви в России: Аннотир. указатель фондов гос. архивов Российской Федерации, 1996.

¹¹ Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. А–Г. См. рец.: Э. Хан-Пира // Лит. газ. 1996. 14 авг.; Елпатьевский А.В. // ОА. 1996. № 6; Муравьев В.А. Справочник историка России // См. наст. изд.

(М., 1969), и при подготовке второго, переработанного и дополненного их издания в 1990 г.

Институту принадлежит целый ряд методических разработок и пособий по различным направлениям публикаторской деятельности¹², не утративших своего значения и в настоящее время. Несомненно, эти исследования и разработки, помимо своего прикладного значения, имели и существенное влияние на развитие археографии в качестве самостоятельной научной дисциплины, поскольку в них анализировался и обобщался практический опыт всех учреждений и организаций, занимавшихся публикацией исторических источников.

Достаточно весомым был вклад института и в историческую библиографию археографии. Свидетельство этому – выпущенный институтом аннотированный каталог "Советская археография" охватывающий библиографию археографической литературы и сборников документов более чем за 60 лет¹³.

Все же нельзя не отметить, что преобладание методических разработок в сфере археографического направления деятельности института привело к сужению исследований истории археографии, а следовательно, ее теории. Поэтому одной из перспективных задач института является серьезная разработка истории археографии, истории публикационной деятельности и ее влияния на развитие отечественной исторической науки, исторического самосознания в целом. В этой связи сотрудники института поддерживают предложения С.О. Шмидта о необходимости включения в историю источниковедения, археографии, архивоведения данных об изменениях исторической базы исторической науки, о документальных публикациях – т.е. о подходе к собственной истории, истории наших наук в том числе, – историографически, общественно-исторически, не зачеркивая всего, и не меняя знаки огульно¹⁴. В качестве одной из основных задач всех публикаторов документов важно сохранить методическое обеспечение подлинной научности, объективности, академичности, верности исторической правде. В условиях происходящей деидеологизации, "обвальной" доступности ранее недоступных исторических источников крайне важно сохранить и передать дальше наработанные за многие годы научные нормы и методы подлинно источниковедческого подхода к документу, закрепленные в созданных правилах и пособиях.

Не совсем профильной, точнее не вытекающей прямо из задач и функций института, оказалась работа по созданию компьютерного банка данных – "Книга Памяти", волей сложившихся обстоятельств начатая им в 1989 г. и завершенная в 1995 г. Но создание этого беспрецедентного по объему информации банка данных из миллионов записей на основе подлинных архивных документов, сложного по архитектуре и программным средствам – знаменательный вклад в национальную культуру, особенно в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне. Эта работа дала возможность применить компьютерную технику, предоставленную Советским фондом мира, для решения многих задач института, способствовала освоению его сотрудниками автоматизированных информационных технологий. Накопленный опыт используется в выработке комплексного представления о компонентах дальнейшей информатизации отрасли. Благодаря ему стала возможной подготовка ряда справочников, о которых было сказано выше, в этом же русле осуществляется подготовка и даль-

¹² См.: Козлов О.Ф., Кудрявцев И.И. Новая редакция "Правил издания исторических документов в СССР" и перспективы развития археографии // СА. 1991. № 1. Здесь дан анализ этого направления деятельности института.

¹³ См. рец.: Кудрявцев И.И. Советская археография: Каталог науч.-метод. лит.-ры и сб. документов. Вып. 1–4 // СА. 1989. № 1.

¹⁴ См.: Шмидт С.О. Архивы и историческая наука в современном мире // Вестн. архивиста. 1994. № 1/2. С. 92–98.

нейшее развитие таких автоматизированных банков данных, ведущихся институтом и имеющих общественное значение, как "Директивные документы ЦК ВКП (б) в период Великой Отечественной войны" и "Архивная Россия".

В связи с общим прогрессом в информатизации российского общества на рубеже 80–90-х годов в институте было достигнуто понимание того, что Архивный фонд Российской Федерации в терминах информатики – это большая специфическая информационная система, осуществляющая сбор, хранение, формирование поисковых средств, аналитико-синтетическую обработку и предоставление ее пользователям, и что эта система, с точки зрения современных требований и позиций, работает недостаточно эффективно. Справочные средства архивов по своей форме и методам раскрытия содержания документов пока не могут обеспечить оперативность и полноту поиска архивной информации. Нарращивание традиционного справочного аппарата архивов, хотя и не снимается с повестки дня, но все же рассматривается в современных условиях как экстенсивный путь развития НСА, который не решает коренным образом задачу удовлетворения потребностей общества в ретроспективной информации.

В этой связи институтом совместно со специалистами Росархива проводится разработка концепции и перспективной программы информатизации архивной службы России, разрабатываются типовые автоматизированные архивные технологии. В целом сформировались определенные представления о технической политике в этой области. Однако дальнейшее продвижение вперед в деле информатизации, в том числе в выработке направлений научно-исследовательских и проектных работ, сдерживается рядом нерешенных проблем. Отсутствует общая структура отраслевой системы информатизации, адаптированная к различным архивам; еще не сложились целостные представления о соотношении и взаимозаменяемости нормативно регламентированных систем учета и научно-справочного аппарата и автоматизированных систем учета и информационного поиска. Существует и ряд других сложностей правового, нормативно-методического и финансово-технического характера. Кроме решения этих проблем необходима переработка "Основных правил работы государственных архивов". Все это определяет деятельность института в области архивоведения на ближайшие годы.

Говоря о вкладе института в развитие отечественных наук о документе в его различных ипостасях, нельзя не отметить и внеплановые работы – авторские исследования, выполненные за 30 лет его сотрудниками. Это не только статьи в архивоведческих журналах и изданиях, диссертационные работы, защищенные его специалистами в институте и вне его, посвященные, кроме узкопрофильной институтской тематики, источниковедческим и историографическим вопросам, но также несколько десятков книг и томов его "Трудов" и тематических сборников. С 1970 по 1980 г. издано 12 томов "Трудов" ВНИИДАД, которые затем были продолжены уже без нумерации в виде тематических сборников научных статей по актуальным проблемам и направлениям документоведения, архивоведения, археографии, естественно-научной проблематике обеспечения сохранности документов. Кроме того, издано несколько выпусков сборников научных работ методологического семинара института. В них отражены идеи, размышления, наблюдения и выводы как молодых, так и более опытных специалистов института и других учреждений архивной службы, часто дискуссионные, спорные, иногда, может быть, ошибочные, но отражающие пульс научной жизни. Эти малотиражные, часто ротاپринтные, как и более поздние, не увидевшие света в печатном виде, но депонированные в ОЦНТИ, о которых регулярно, начиная с 1984 г., сообщалось на страницах журнала "Отечественные архивы", еще ждут своего исследователя, так как представляют, безусловно, важный источник по истории отечественного архивного дела, документоведения, архиво-

ведения и других научных дисциплин, имеющих объектом своего изучения документ.

30 лет деятельности ВНИИДАД – также повод высказать некоторые размышления о будущем архивоведения. По-видимому, можно всерьез говорить о дальнейшем углублении и дифференциации этой научной дисциплины. Напомним, что на XI Международном конгрессе архивов (1988) высказывались мысли о дифференциации архивоведения, о возникновении новых теоретических проблем в отношении архивов аудиовизуальных, архивов карт и планов, машиночитаемой документации, о том, что увеличивается "пропасть между традиционными и новыми архивами", а управление новыми документами все более уходит к соответствующим специалистам и учреждениям¹⁵.

В современных российских условиях также можно всерьез говорить о дальнейшей дифференциации архивоведения. Сохраняется традиционное историческое архивоведение, ориентированное на сформировавшиеся исторические архивы, хранящие документы относительно далекого прошлого, которое, конечно, тоже должно осваивать новые информационные технологии – на уровне систем поиска, создания баз данных, но с учетом всего того в теории и методике хранения исторических источников, что было выработано поколениями архивистов и нашло отражение в существующей организации исторических архивов. Далее, можно говорить об архивоведении ведомственных архивов (естественно, эта терминология условна) – архивоведении, относящемся к ведомственному – постоянному и временному, и не только государственному – хранению документов (о чем высказывался недавно на нескольких конференциях архивистов А.Д. Степанский).

В этом архивоведении могут быть выделены как традиционные бумажные, так и электронные архивы и ряд специальных документных систем (картография, например). К нему из традиционного архивоведения должна будет отойти почти полностью проблематика экспертизы ценности документов (уже несколько десятилетий на практике экспертиза проводится на уровне ведомственного хранения). В исторических архивах она допустима лишь в чрезвычайных случаях "обвального" приема документальных фондов и по отношению к приему фондов личного происхождения. В рамках ведомственного архивоведения следует разрабатывать и вопросы поиска и организации использования архивных документов в интересах фондообразователя или собственника (владельца, хранителя) и общества в целом. Наконец, будущая система документационного обеспечения управления, ориентированная на применение современных информационных технологий, потребует и своего архивоведения, которое, скорее всего, будет уже свободно от заикливания "на номенклатуре дел, на хранении документов в делах, на шнурках".

Все это, разумеется, возможная гипотеза, которая, как нам представляется, имеет право на существование и заслуживает обсуждения.

Документоведение и архивоведение – это те научные дисциплины, которые являются научным фундаментом функционирования института. Все хорошо понимают, что главное в работе ВНИИДАД как отраслевого, ведомственного института – это поддержка практической работы учреждений архивной службы России и архивной системы в целом. Однако объективно в такой ситуации постоянно возникает противоречие между необходимостью подготовки правил, инструкций, методик по конкретным аспектам работы архивных учреждений и имманентно присущей науке потребностью теоретического и методологического осмысления объектов изучения и практики. Для удовлетворения последней

¹⁵ См.: Материалы XI Международного конгресса архивов 23–26 августа 1988 г. Париж, М., 1989. С. 49, 163, 187–188 и др. (Доклады и выступления В. Клауе, А.М. де Альмейда Камарго, Э. Кетелаара и др.).

в плановой тематике не хватает места, хотя очевидно, что решение прикладных задач без этого становится неполным.

По сути дела, общая оценка деятельности института, его вклада в поступательное развитие культуры общества как раз и заключается в том, чтобы находить возможно более правильное разрешение этого противоречия в реальных условиях.

Мы убеждены в том, что ВНИИДАД был и будет убедительным свидетельством и символом необходимого, неизбежного синтеза наших и ряда других наук, что их будущее не в разделении, не в удалении друг от друга, а в умелом обращении к одному объекту – документу, но с разных сторон и в разное время. Это будет способствовать нашему вкладу в культуру общества – лучшему обеспечению общественных потребностей в документной информации, а также служить и взаимному обогащению наших научных дисциплин.

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ 90 ЛЕТ

Каждому, кто хотя бы в малой степени интересуется прошлым и настоящим отечественной литературы и культуры, знакомо красивое, строгое здание с колоннадой и башней, расположенное на Стрелке Васильевского острова в Санкт-Петербурге (Набережная адмирала Макарова, д. 4) и увенчанное бронзовыми скульптурами Меркурия, Нептуна и Цереры. Ибо в этом здании с 1927 г. располагается Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, которому 15 декабря 1995 г. исполнилось 90 лет.

Возникнув в 1905 г. как своеобразный памятник А.С. Пушкину, как музейно-источниковедческий центр по изучению жизни и творчества великого национального поэта¹, Пушкинский Дом с течением времени заметно расширил сферу своей деятельности: в поле его зрения сначала попала пушкинская эпоха в целом, а затем и весь XIX в. В 1930 г. на основе Пушкинского Дома был создан научно-исследовательский институт в системе АН СССР.

С тех пор Пушкинский Дом, в деятельности которого отчетливо выделяются два направления – исследовательское и источниковедческое, призван изучать весь русский литературный процесс, всю историю русской словесности – от фольклора и древнерусской литературы до искусства слова наших дней². Выполнению этой задачи подчинена разветвленная структура института³, в составе которого несколько отделов: народно-поэтического творчества (доктор филологических наук А.А. Горелов), древнерусской литературы (академик Д.С. Лихачев), новейшей русской литературы (доктор филологических наук Н.А. Грознова), источниковедения и библиографии (кандидат филологических наук Ю.М. Прозоров), пушкиноведения (доктор филологических наук С.А. Фомичев), новой русской литературы (академик А.М. Панченко). Сейчас в этот самый большой отдел входят группы: Основная, Тургеневская (кандидат филологических наук Н.С. Никитина), Некрасовская (доктор филологических наук Б.В. Мельгунов), Гончаровская (доктор филологических наук В.А. Туниманов), Достоевская (доктор филологических наук Н.Ф. Буданова)⁴ и Блоковская (доктор искусствоведения Ю.К. Герасимов) и два сектора: по изучению русской

¹ См. об этом: Пушкинский Дом при Российской академии наук: Ист. очерк и путеводитель. Л., 1924; 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956.

² Подробнее об этом см.: Баскаков В.Н. Пушкинский Дом, 1905–1930–1980: Ист. очерк / Под ред. академика А.С. Бушмина. Л., 1980. С. 3–124; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография / Отв. ред. В.Н. Баскаков. Л., 1982. С. 3–251; *Добринская Л.Б.* Рассказы из Пушкинского Дома. Л., 1983; *Фоняков И.* Имя Пушкинского Дома // *Аврора*. 1980. № 12. С. 114–125; и др.

³ В этой структуре, отличающейся гармонией, даже усматривают пушкинское начало. "Верится, – признается директор ПД доктор филологических наук профессор Н.Н. Скатов, – что Пушкинский Дом оберегает это начало, гармония заключена в самом его устройстве. Это и богатейший музей (к примеру, у нас почти весь Лермонтов-художник), и комплекс библиотек, включая принадлежавшие Пушкину, Плетневу, Жуковскому, Соллогубу, Островскому, Блоку... Это громадный архив рукописей и фонограмм и научное учреждение – Институт русской литературы с уникальными условиями для творчества" ("Не пустой для сердца звук!" Беседа [с Н.Н. Скатовым] вел Аркадий Соснов // *Моск. новости*. 1995. № 85. С. 25).

⁴ До недавнего времени эту группу возглавлял выдающийся российский литературовед академик Георгий Михайлович Фридендер (1915–1995).

литературы XVIII в. (доктор филологических наук Н.Д. Кочеткова), зарубежных литератур (доктор филологических наук В.Е. Багно).

ПД обладал и обладает кадрами высочайшей квалификации. В недавнем прошлом в нем работали академики Михаил Павлович Алексеев (1896–1981) и Алексей Сергеевич Бушмин (1910–1983), члены-корреспонденты АН СССР Василий Григорьевич Базанов (1911–1981), Борис Георгиевич Реизов (1902–1981) и Лев Александрович Дмитриев (1921–1993), лауреат Ленинской премии, доктор филологических наук Федор Яковлевич Прийма (1909–1993), доктора филологических наук Елизавета Николаевна Куприянова (1906–1988), Петр Созонтович Выходцев (1923–1994), Ксения Дмитриевна Муратова, Валентин Архипович Ковалев и другие маститые литературоведы. Ныне здесь работают два академика (Дмитрий Сергеевич Лихачев и Александр Михайлович Панченко), десятки докторов и кандидатов филологических наук. Коллектив ПД также по-своему уникален. Некоторые из ученых института имеют мировую известность.

Труды Пушкинского Дома, будь то различные серийные издания, всевозможные "Истории", "Очерки", коллективные и индивидуальные монографии, разнообразные сборники статей и архивных материалов, бесценные "Летописи жизни и творчества", энциклопедические справочники или библиографические указатели⁵ пользуются заслуженным авторитетом среди специалистов.

Предметом гордости ПД являются академические издания сочинений отечественных классиков: А.С. Пушкина, А.Н. Радищева, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, В.В. Капниста, Феофана Прокоповича и др. Некоторые из собраний сочинений отличаются предельной полнотой и адресованы прежде всего специалистам-филологам, другие же предназначены для широкой читательской аудитории и выдержали не одно издание (как, например, 10-томник А.С. Пушкина, 5-томник Н.В. Гоголя, 4-томник М.Ю. Лермонтова). Выходят в свет последние книги Полного собрания сочинений и писем Н.А. Некрасова в 15-ти томах⁶. Только что завершено издание Собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 15-ти томах. К читателям уже пришел 1-й том Полного собрания сочинений А.С. Грибоедова в 3-х томах. Скоро на прилавках книжных магазинов появятся первые тома Полного собрания сочинений И.А. Гончарова. Продолжается второе издание, исправленное и дополненное. Полного собрания сочинений И.С. Тургенева в 30-ти томах. Ведется работа над новым академическим изданием А.С. Пушкина, над изданиями сочинений А.А. Блока, А.М. Ремизова, Н.С. Гумилева... Гордится ПД и своими изданиями памятников фольклора и древнерусской литературы. Особенно широкое признание получила серия "Памятники литературы Древней Руси" (в 12-ти томах).

С 1958 г. ПД имеет свой "толстый" историко-литературный журнал – ежеквартальник "Русская литература"⁷. Его главными редакторами были член-кор-

⁵ Баскаков В.Н. Исследовательская и научно-общественная деятельность Пушкинского Дома в 1905–1980 гг. // Пушкинский Дом: Библиография трудов / Сост. А.К. Михайлова; ред. В.Н. Баскаков. Л., 1981. С. 3–16; Труды Пушкинского Дома (1914–1980) // Там же. С. 17–258 (717 названий). См. также: Диссертации, защищенные в Пушкинском Доме / Сост. А.К. Михайлова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 252–264; Конференции, сессии, научные совещания в Пушкинском Доме / Сост. А.К. Михайлова // Там же. С. 265–293; Археографические и фольклорные экспедиции / Сост. А.К. Михайлова, В.П. Бударягин // Там же. С. 294–305.

⁶ Вышел в свет Т. 13, ч. 1 (СПб., 1997).

⁷ См.: Журнал "Русская литература" за 1958–1973 гг.: Указатель содержания / Сост. В.П. Степанов; отв. ред. В.Н. Баскаков. Л., 1975; "Русской литературе" – четверть века [Беседа с В.В. Тимофеевой] // Лит. газ. 1983. 6 апр. С. 5; Соколов Н.И. Журналу "Русская литература" – 25 лет // ИАН. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 3. С. 266–269; Баскаков В.Н. Пушкинский Дом. С. 254–260.

респондент АН СССР В.Г. Базанов (до 1967 г.) и доктор филологических наук В.В. Тимофеева (до 1987 г.). С 1988 г. обязанности главного редактора "Русской литературы" исполняет директор ПД Н.Н. Скатов. В редакционной статье, знаменовавшей собой начало нового этапа в истории издания, подчеркивалось: "Журнал будет стремиться к тому, чтобы на его страницах получили разные права представители всех ведущих направлений науки о литературе. Монологическое мышление должно уступить место диалогическому. Только свободное, демократическое, без дискриминаций и предпочтений, обсуждение насущных проблем литературоведения будет способствовать обновлению и прогрессу науки"⁸. Без журнала "Русская литература", который достойно представляет ПД в научной периодической печати и на страницах которого выступают не только отечественные, но и зарубежные ученые, не может обойтись ни один филолог-русист, ни один славист.

Вся печатная продукция ПД отличается подлинным академизмом и очевидной новизной. Здесь сохраняются и развиваются лучшие традиции отечественной и мировой филологической науки. Необходимо также обратить внимание и на то обстоятельство, что свои исследования сотрудники ПД ведут, как правило, на основе богатейших рукописных, книжных, изобразительных и звуковых собраний и коллекций, сосредоточенных в рукописном отделе, Древлехранилище им. В.И. Малышева, Фольклорном архиве, Библиотеке, Литературном музее и Фонограммархиве института.

РО ПД (заведующая кандидат филологических наук Т.С. Царькова) – это своего рода государство в государстве. Являясь одним из крупнейших хранилищ русского рукописного литературного наследства (здесь находятся все автографы и библиотека А.С. Пушкина, "нашли приют" и рукописи не только многих классиков отечественной литературы, но и самых разных представителей литературного движения прошлого и настоящего)⁹, он служит надежной источниковой базой для научной деятельности института, и не только института. Материалы, сосредоточенные в фондах Рукописного отдела¹⁰, постоянно вводятся в научный оборот как сотрудниками института, так и филологами "со стороны". Примечательно, что в "кладовой" ПД хранятся также отдельные автографы выдающихся русских и зарубежных ученых, полководцев, художников, композиторов, общественных деятелей. Литературный архив активно пополняется за счет материалов, которые представляют ПД современные прозаики и поэты самых разных эстетических и идейных направлений ("С академической точки зрения, – указывает в этой связи Н.Н. Скатов, – все пишущие равны")¹¹. Славится Рукописный отдел и своими бесценными картотеками и серийными изданиями, призванными пропагандировать материалы РО: "Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения", "Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома" и "Ежегодник Рукописного отдела".

Фольклорные материалы, письменные и звуковые, хранятся в Фольклорном архиве и Фонограммархиве (заведующий В.В. Коргузалов). Эти материалы, которые накапливались десятилетиями (преимущественно как результаты экспедиций) и являются источниковой основой для многих фольклористических работ¹². В Фонограммархиве (богатейшим в мире) сосредоточены не только разнообразные и уникальные коллекции звуковых записей русского народно-

⁸ Вступая в четвертое десятилетие... // Рус. лит.-ра. 1988. № 1. С. 4.

⁹ Подробнее об этом см.: Баскаков В.Н. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Л., 1982; *Он же*. Пушкинский Дом. С. 261–273 (гл. "Рукописный отдел").

¹⁰ Перечень фондов РО ПД см.: Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979. С. 127–217.

¹¹ Моск. новости. 1995. № 85. С. 25.

¹² Дополнительно об этом см.: Баскаков В.Н. Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 27–30.

поэтического творчества. На старинных валиках запечатлены голоса Л.Н. Толстого, А.А. Блока, прижизненные исполнения музыкальных произведений А.С. Аренского, С.И. Танеева и др. Важно также иметь в виду, что рукописное хранилище фольклора располагает, помимо основных фондов, надежным справочным аппаратом, обширной коллекцией лубочных картинок и большим собранием фотографий (портреты исполнителей, снимки участников экспедиций и т.п.). И Рукописное хранилище фольклора, и Фонограммархив работают в тесном контакте с Отделом русского народно-поэтического творчества.

В Древлехранилище, которое было создано в 1949 г. по инициативе и под руководством замечательного ученого и человека Владимира Ивановича Малышева (1910–1976), собраны тысячи древнерусских рукописей¹³. Академик Д.С. Лихачев назвал В.И. Малышева "Клюевым и Есениным нашей науки", а его детище – "большой крестьянской библиотекой"¹⁴. А академик А.М. Панченко счел необходимым подчеркнуть: "Принципы В.И. Малышева блестяще оправдали себя в собирательской практике. Наряду с самой большой территориальной коллекцией, печорской, Пушкинский Дом создал обширные коллекции карельских, пинежских, мезенских, северодвинских рукописей. Археографические удачи были во многом предопределены не только правильной методикой работы, но и особыми качествами В.И. Малышева как человека. Его личное обаяние, умение завязывать контакты с людьми, его настойчивость и подвижническое отношение к делу создали ему заслуженную репутацию самого крупного русского археографа XX века". И далее: "Он (Малышев. – П.Б.) начинал как одиночка. Но постепенно вокруг него сформировалась советская школа полевой археографии. Если в 1930-е, 1940-е, даже в 1950-е годы собиранием занимался практически только Пушкинский Дом, то со временем в эту работу активно и успешно включились Библиотека Академии наук СССР, Ленинградский, Московский, Новосибирский, Уральский университеты, Сибирское отделение АН СССР и другие научные учреждения страны. В.И. Малышев стоял у истоков благородного движения по охране и защите памятников национальной культуры. Его роль в развитии и подъеме этого движения трудно переоценить. Усилиями В.И. Малышева и его учеников Древлехранилище Пушкинского Дома в последнее время увеличивалось в среднем на тысячу рукописей в пять лет. Такие темпы, разумеется, сохранить трудно, поскольку количество рукописей на местах заметно и необратимо убывает. Тем ценнее будет каждая новая находка"¹⁵.

Поисково-разыскательская работа (экспедиции) ведется археографами ПД –

¹³ См.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: Обзор фондов / Сост. В.И. Малышев; отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.: Л., 1965; Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965–1974 гг.) / Сост. В.И. Малышев; отв. ред. А.М. Панченко. Л., 1978; Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома / Отв. ред. А.М. Панченко. Л., 1972; Сб. посвящен 60-летию со дня рождения В.И. Малышева; Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.М. Панченко. Л., 1985; Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990.

¹⁴ Лихачев Д.С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве. (Вступительное слово к "Малышевским чтениям" 3 мая 1978 г.) // Древнерусская книжность. С. 264.

¹⁵ Панченко А.М. Древлехранилище Пушкинского Дома. (Литература 1965–1974 гг.). С. 114–115. Следует заметить, что Панченко неоднократно писал о Малышеве, причем писал очень интересно – с глубоким проникновением в психологию этого человека и с тонким пониманием специфики археографической работы. См.: Панченко А.М. Искатель старинных книг // Звезда. 1970. № 10. С. 142–149; Он же. Памяти Владимира Ивановича Малышева // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 397–398; Он же. В.И. Малышев как археограф // АЕ за 1977 год. М., 1978; С. 214–218; Он же. О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность. С. 265–276. Интересные соображения о личности В.И. Малышева высказаны и О.В. Твороговым. См.: Творогов О.В. В.И. Малышев – хранитель рукописей // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. С. 272–273.

(учениками и продолжателями дела В.И. Малышева – В.П. Бударагиным, Г.В. Маркеловым, Н.В. Поньрко и др. и по сей день. Поступают в Древле-хранилище и дары коллекционеров и частных владельцев. Книжно-рукописные богатства Древлехранилища служат делу изучения не только древнерусской литературы, но и русской истории, культуры, быта, а также религиозного движения (и прежде всего старообрядчества). Невозможно переоценить и научное, общественное значение ежегодных "Малышевских чтений". Древлехранилище им. В.И. Малышева, формально являющееся частью Рукописного отдела, строит свою работу в тесном контакте с Отделом древнерусской литературы. А курирует ее на протяжении многих лет академик А.М. Панченко.

Дополнительное своеобразие и вес придает ПД наличие в его стенах литературного музея, где широко представлены иконографические, мемориальные и историкобытовые материалы связанные с русской литературой XVIII–XX вв.¹⁶. "Это один из старейших музеев, который обладает бесценным фондом историко-литературных реликвий, отражающих богатство высокой духовной культуры, созданной русским народом"¹⁷, – подчеркивал Алексей Иванович Хватов (1924–1996), в течение продолжительного времени руководивший музеем (сейчас обязанности заведующей исполняет Т.А. Комарова). Сотрудники Музея ведут активную и разнообразную научно-исследовательскую, культурно-просветительскую и научно-консультационную работу. В их обязанности входят: соби- рание, хранение изобразительных материалов, организация выставок и экспозиций, описание реликвий, их изучение и введение в научный оборот. К богатейшим фондам музея ПД обращаются литературоведы, музейные и театральные работники, книгоиздатели, художники, скульпторы, писатели и др. Не будет преувеличением сказать, что Литературный музей Пушкинского Дома стал "крестным отцом" для многих литературных и литературно-мемориальных музеев, существующих в нашей стране.

15 декабря 1995 г. в трех залах музея ПД открылась уникальная выставка "Тень Пушкина меня усыновила...", на который были представлены рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из знаменитой коллекции Александра Федоровича Онегина (1845–1925) – большого знатока жизни и творчества А.С. Пушкина и неутомимого собирателя всего, что так или иначе было связано с именем великого русского поэта. Сотрудники Музея, Рукописного отдела и Библиотеки проделали огромную работу, чтобы этой выставкой достойно отметить не только юбилей Пушкинского Дома, но и 150-летие со дня рождения страстного поклонника Пушкина и основателя первого в мире пушкинского музея (на улице Мариньян, 25, в Париже). Автографы Пушкина, прижизненные издания его произведений, посмертная маска Пушкина, бумаги и документы его друзей, рукописи В.А. Жуковского, богатый изобразительный материал (гравюры, рисунки, акварели, фотографии), необычные "юбилейные" экспонаты, связанные с празднованием 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, личные вещи А.Ф. Онегина – лишь часть того, что смогли увидеть многочисленные посетители "онегинской" выставки, пользовавшейся огромным успехом¹⁸.

Не имеет аналогов специализированная Библиотека ПД (заведующая Г.В. Бахарева). Уникальные книжные собрания, полнота подбора специальной

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Бабкин Д.С.* Литературный музей Пушкинского Дома: Краткий очерк. Л., 1962; *Баскаков В.Н.* Пушкинский Дом. С. 274–282 (гл. "Литературный музей").

¹⁷ *Хватов А.И.* Литературный музей Пушкинского Дома / Отв. ред. Е.А. Ковалевская. Л., 1982. С. 3.

¹⁸ На открытие выставки из собрания А.Ф. Онегина откликнулись не только путербургские газеты. См., например: *Титкова М.* "Тень Пушкина меня усыновила" // Калинингр. правда. 1996. 5 янв. С. 3.

литературы, совершенство, удобство системы каталогов, высокий научный уровень библиотечной работы – все это делает ее чрезвычайно притягательной для каждого, кто посвящает свою жизнь изучению русской словесности¹⁹. Сюда стремятся попасть как отечественные, так и зарубежные литературоведы, и молодые, и многоопытные. Ибо, как справедливо подметил Владимир Николаевич Баскаков (1930–1995), так много сделавший в изучении истории Пушкинского Дома, "обращение к фондам этой крупнейшей литературоведческой библиотеки, к ее картотекам и каталогам, к консультациям ее библиографов делает любое проводимое исследование богаче, глубже, полнее, как с точки зрения широты охвата источников, так и совершенства его методологии"²⁰.

Вполне естественно, что научно-библиографическая работа Библиотеки, история которой неразрывно связана с историей ПД, так или иначе соотносится с научно-производственной деятельностью института. Сотрудниками Библиотеки подготовлен и издан ряд трудов научного и библиографического характера. Среди работ последнего времени выделяются библиографии, составленные О.В. Миллер (о М.Ю. Лермонтове), В.В. Зайцевой (об А.С. Пушкине), А.С. Морщиной, К.П. Лукирской и др. (о М. Горьком). Трудно переоценить и значение описания библиотеки А.А. Блока, сделанного О.В. Миллер, Н.А. Колобовой и С.Я. Вдовиной и изданного в трех книгах. Как известно, библиотека Блока, представляющая большой интерес как по своему составу (200 томов), так и по содержанию многочисленных помет, сделанных рукой поэта, поступила в Пушкинский Дом в 1940 г.

Сравнительно недавно Пушкинский Дом был наконец-то включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Нынешняя дирекция ПД делает все возможное для того, чтобы институт не только выжил, но и развивался, чтобы трудовой коллектив работал в нормальных условиях и в творческой атмосфере. В центре внимания Н.Н. Скатова постоянно находится вопрос о финансировании, ибо государственное обеспечение института, мягко говоря, оставляет желать лучшего. В интервью Московским новостям, которое уже цитировалось нами, директор Пушкинского Дома рассказал: "По крохам урываем на монографии о творческом наследии Булгакова, Николая Гумилева, на очередные тома академического Некрасова. [...] Мы готовы немедленно предложить издателю уже подготовленные к печати сборники пушкинского отдела, академическое собрание Гончарова, например. Русские – одна из немногих наций, не имеющих свода устного народного творчества. Нами он сделан, но это совершенно не коммерческое издание. Выпустить его в свет – как храм построить. На храм дают, а не берут из храма (хотя последнее не редкость в нашем отечестве)". И далее: "Наш Дом – здание бывшей Главной морской таможни (русский ампир, 30-е годы прошлого века, по преданию, здесь бывал Пушкин) – давно нуждается в капитальном ремонте. [...] Мы избрали тактику поэтапной реконструкции исторического здания – видимо, оптимальную. Содержим офицеров пожарной охраны, зарплата каждого из которых выше моей, директорской, и продолжает расти. Зато, надеюсь, теперь нас не застанут врасплох никакие катаклизмы. Закончим с крышей – пойдем с шапкой по кругу, чтобы привести в порядок фасад и главную лестницу. А тем временем продвигаем стратегическое решение – построить во дворе компактное, новейшее архивохранилище. Все подписи получены, достигнуто соглашение

¹⁹ Подробнее об этом см.: Библиотека Пушкинского Дома: Памятка читателю / Сост. Ф.В. Ильина, Н.А. Колобова, К.П. Лукирская, О.В. Миллер, А.С. Морщина; под ред. О.П. Белявской. Л., 1975.

²⁰ Баскаков В.Н. Пушкинский Дом. С. 294 (в этой книге есть содержательная глава "Библиотека и книжные собрания Пушкинского Дома". С. 283–294).

между мэрией и Академией наук о паритетном финансировании. Но деньги все равно государственные, их ощутимо не хватает"²¹.

Говоря о сегодняшних заботах, Н.Н. Скатов не случайно вспомнил о далеком и недавнем прошлом: "Государство всегда Пушкинский Дом опекало, в том числе приобретая различные ценности. По инициативе царского министра финансов (!) Коковцева, впоследствии подхваченной Совнаркомом (!), была приобретена и в 1927 году привезена знаменитая парижская коллекция А.Ф. Онегина. Письма Пушкина невесте из коллекции Сергея Лифаря и белой автограф "Отцов и детей" Тургенева были последними приобретениями советского правительства при Рыжкове. Дальше – тишина, изредка нарушаемая добрыми деяниями спонсоров. Мы готовы составить список вожделенных реликвий, которые могут исчезнуть, уйти за границу и т.д., но кому его вручить – тем, кто не перечисляет нам деньги за отопление?"²²

Теперь ПД вынужден привыкать к роли зрителя и свидетеля. Так, недавно на лондонском аукционе "Кристи" был выставлен автограф стихотворения А.С. Пушкина "На холмах Грузии". Как и следовало ожидать, стартовая цена была очень высокой, ведь пушкинские рукописи относятся к числу самых дорогих в мире. Где взять средства для приобретения подобных покупок? У института их нет. Не может раскошелиться и наше обнищавшее государство.

Юбилей Пушкинского Дома был отмечен довольно скромно, причем праздничные мероприятия, проводившиеся при поддержке мэрии и Законодательного собрания Санкт-Петербурга, не вышли за пределы города на Неве²³.

В канун юбилея директор ПД Н.Н. Скатов провел пресс-конференцию для журналистов. В своем выступлении он, в частности, сказал: «Значение Пушкина сегодня – и в стабилизирующем, миролюбивом влиянии на общество. Страх как-то заметил: "Мы хотели бы быть пушкинской партией", – так вот, мне кажется, сейчас все партии должны быть еще и пушкинскими. Пушкинский Дом должен оставаться конструктивным элементом нашей жизни – ведь внутри него, даже в пору смятения умов и возникновения конфликтов, по-прежнему атмосфера понимания и доброжелательства. Вспомним историю. В прошлом веке мы стояли на пороге 100-летия со дня рождения поэта, сейчас – накануне 200-летия. Как всегда, заходит разговор о памятнике. Сначала возник замечательный символ, знак – опекушинская скульптура. Трудно сказать, у кого именно возникла идея учреждения памятника. И он был создан – Пушкинский Дом – единственное в мире явление, но ведь и русская классика, наряду с античностью и европейским Возрождением, в мировой культуре уникальна. Пушкинский Дом – живой развивающийся памятник. Начало ему было положено личной библиотекой Пушкина, купленной царским правительством за большие деньги – 17 тысяч рублей»²⁴.

Прошли благотворительные концерты, средства от которых будут направлены на реставрацию Пушкинского Дома, на сохранение и пополнение музейных и архивных фондов и на поддержку издательской и научной работы. Как известно, подобные вечера (концерты, спектакли, чтения) в пользу ПД устраивались в дореволюционной России довольно часто. Прерванная традиция была возобновлена выдающимся виолончелистом М.Л. Ростроповичем, перечислившим на счет ИРЛИ весь сбор (120 млн руб.) от сольного концерта, состоявшегося в день памяти А.С. Пушкина – 10 февраля 1995 г. в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии им. Д.Д. Шостаковича.

²¹ Моск. новости. 1995. № 85. С. 25.

²² Там же.

²³ О юбилейных мероприятиях см.: АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 377–378.

²⁴ Цит. по: *Вольтская Т.* "Мы хотели бы быть пушкинской партией" // *Невское время.* 1995. 16 дек. С. 2.

Мы не должны забывать (особенно после юбилея), что Пушкинский Дом – это Главный храм русской литературы, это неповторимое научное и культурное учреждение, это один из оплотов русской духовности. "Не хочу никого обидеть, – подчеркивает директор института, – но есть книги (летописи, библиографические словари, академические издания), которые могут быть подготовлены только у нас – или нигде"²⁵. Да, второго Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук нигде в мире нет и никогда не будет.

²⁵ Моск. новости. 1995. № 85. С. 25.

Л. Штайндорф

**СРАВНЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМИНАНИЯ УСОПШИХ
В ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОМ
И ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЯХ В XVI веке**

Стремление осмыслить значение Иосифо-Волоколамского монастыря как религиозного, культурного, политического центра в Московской Руси приводит все новые поколения русских и зарубежных историков к изучению его истории. Некоторое освещение это получило уже в краеведческой литературе 20-х годов по московскому региону¹. Особенно значительные достижения в исследовании хозяйственных и общественных функций монастыря принадлежат М.Н. Тихомирову, К.Н. Щелетову, С.М. Каштанову и прежде всего А.А. Зимину².

Причину хозяйственного подъема монастыря А.А. Зимин видел в богатых вкладах, связанных с общественной функцией монастыря как центра поминания усопших: «Ни один русский монастырь не имел такой четко выработанной системы поминания умерших, как Волоколамский. Здесь не только была установлена строгая такса за отдельные виды поминания, но и было дано идеологическое обоснование важности вкладов "по душам"»³.

Что собой представляет эта тарифная система в деталях, как осуществлялось поминание мертвых, какими книгами пользовались для его организации и была ли эта система действительно единственной в своем роде, об этом будет идти речь ниже. Структурно исследование делится на два этапа. Опираясь на свои более ранние исследования, сначала представлю в сжатой форме волоколамскую систему для того, чтобы затем сравнить ее с системой Троице-Сергиева монастыря. Сравнительный анализ коснется типологии источников, организации поминания и групп вкладчиков.

К нормативным источникам, которые позволяют нам судить о системе обряда поминания усопших в Иосифо-Волоколамском монастыре, относятся частично опубликованная Горским и Невоструевым и полностью Голубинским 5 глава Обиходника 1581/82 г.⁴, а также правила: "О еже внегда и како чести сенаник подобает" и "О еже когда и како чести попом поминание повседневное", которые можно найти в трех синодиках и в одном рукописном сборнике⁵.

Эти правила имеют отношение к вкладным тарифам, к ведению различных

¹ См. об этом: *Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и московского края. М., 1989. С. 97.

² Ср. обзор историографии: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. Конец XV–XVI вв. М., 1977. С. 4–18.

³ Там же. С. 103.

⁴ *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III, ч. 1. С. 396–398. (ГИМ. Син. собр. № 403 (829). Л. 38–44); *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1911. Т. 2, ч. 2. С. 582. (РГБ. Ф. 113. № 681. Л. 1–6). Кроме того, см. текст: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 556. Л. 35–42.

⁵ ГИМ. Епарх. собр. № 411. Л. 3–6; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 559. Л. 30–32 об.; РГБ. Ф. 113. № 517. Л. 31 об. – 34; РГБ. Кир.-Бел. 759–1016. Л. 38 об. – 39 об. Об этой рукописи см.: *Шаблова Т.И.* Практика поминования в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI – первой половине XVII веков (по материалам церковных и келарских обиходников) // "Сих же память пребывает вовеки" (мемориал. аспект в к-ре русского православия). СПб., 1997. С. 47–68. Прил.

книг по организации поминания усопших и осуществлению самого процесса литургического поминания.

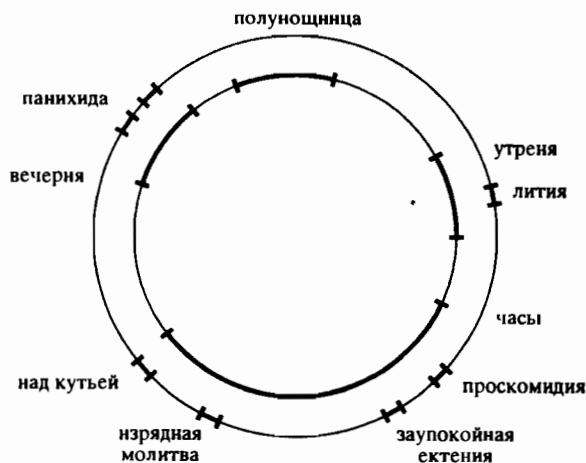
Тарифная система может быть представлена в табличном варианте следующим образом:

Вклад, руб.	Поминание из		вечно	Корм
	вечного синодика	повседневного списка на урочные лета		
1/4	×			
1	×	× (1 руб. на 1 год)		
50	×		×	
100	×		×	×

Как показывает вкладная книга, большая часть пожертвователей передавала ровно 50 или 100 руб., – минимальный взнос для соответствующего уровня.

Особенностью, характерной только для Московской Руси, является различие двух книг для поминания в круге суточных служб. Разделение на две книги в зависимости от размера вклада и литургического действия получили развитие, по всей вероятности, именно в Волоколамском монастыре еще при Иосифе Санине и позднее были заимствованы другими монастырями⁶.

Взнос в вечный синодик был гораздо меньше, так как этот список зачитывался почти весь день, независимо от мест предназначенных в службах для поминания усопших. В то время повседневный список зачитывался на соответствующих местах и поэтому не мог быть слишком длинным. Число записей регулировалось ценой. Время чтения обоих списков можно пояснить схемой:

О Б Е Д Н Я (Божественная литургия)

Внутренний круг: времена чтения вечного синодика.

Внешний круг: времена чтения повседневного списка.

⁶ См. подробное изложение: *Steindorff L. Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge.* Stuttgart, 1994. Kapitel 7. Ср. также: *Steindorff L. Klöster als Zentren der Totensorge im Altrußland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 50. Beiträge zur "7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches".* Berlin; Wiesbaden, 1995. S. 337–353. Несколько отличный текст на хорватском: *Manastiri kao središta skrbi o mrtvima u staroj Rusiji // Otium. Časopis za povijest svakodnevnice.* 1994. 1995. Т. 2. N 3/4. S. 29–37. На словенском см.: *Samostani kot središča skrbi za pokojne v staroj Rusiji // Zgodovinski časopis.* 1995. Т. 49. С. 583–593. О современных нормах поминания см.: *Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной церкви.* СПб., 1995.

Наивысшей степенью поминания был корм, праздничная трапеза монахов в память об одной персоне, который проводился, как правило, в день смерти или на именины этой персоны.

На настоящий момент мы можем составить каталог книг, с помощью которых в XVI в. проводились поминальные обряды в полном соответствии с вкладом⁷:

Братские книги – вкладная книга о пожертвованиях братьев монастыря менее 50 руб. Ни один экземпляр не сохранился.

Живые книги – вкладная книга о пожертвованиях менее 50 руб., переданных в монастырь извне еще при жизни. Ни один экземпляр не сохранился.

Записные книги – вкладная книга о пожертвованиях менее 50 руб., переданных еще при жизни. Она объединяет ранее разделенные братские и живые книги. Вклады давали право на запись в повседневный список на определенный срок.

Сохранилась рукопись (ГИМ, Епарх. собр. № 418⁸). Опубликовано А.А. Титовым⁹.

Большие книги – книга пожертвований взносов как минимум 50 руб. с правом бессрочного упоминания в повседневном списке.

Сохранились рукописи (ГИМ, Епарх. собр. № 419). Опубликовано А.А. Титовым¹⁰. (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 395) начало опубликовано также А.А. Титовым¹¹. Порядок записей, внесенных первым почерком, большей частью следует кормовой книге. № 141/196 (РГАДА. Ф. 181) является идентичной копией XVIII в.

Урочные книги – книги, в которых отмечался срок погашения ограниченного во времени поминания. Ни одного экземпляра не сохранилось.

Месячные тетради – имеют те же самые функции, что и урочные книги, но с различием в том, что они разделены на месяцы, чтобы иметь более детальное представление о сроках. Ни одного экземпляра не сохранилось.

Кормовая книга – указатель поминания на год, организованный по календарному принципу. Указание имени, в память о котором состоится трапеза монахов, возможны также данные о вкладе; о блюдах и напитках, предусмотренных кормом; расположение погребения. Предположительный вклад – 100 руб. за одну персону.

Сохранились: ГИМ. Син. собр. № 829. Л. 38–145 об.; РГАДА. Ф. 1992. Оп. 2. № 556. Л. 44–117 об.; РГБ. Ф. 113. № 681. Л. 6 об. – 86 (как гл. 6 Обиходника). Опубликовано Л. Штайндорфом^{11а}

Сорокоустный список – список к проведению сорокоуста, сорока литургий, после смерти брата. Ни одного экземпляра не сохранилось.

⁷ Подробную разработку см.: Steindorff L. Commemoration and Administrative Techniques in Muscovite Monasteries // Russian History / Histoire russe. 1995. Т. 22. № 3. Р. 285–306.

⁸ О всех рукописях из Епарх. собр. ср. также новый каталог: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Сост. Р.П. Дмитриева, Т.В. Дианова, отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1991.

⁹ Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. М., 1906. Вып. V. Прил. С. 80–115.

¹⁰ Там же. Прил. С. 1–77.

¹¹ Там же. Прил. С. 77–79.

^{11а} Das Speisungsbuch von Volokolamsk // Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert / hg. und übersetzt von L. Steindorff unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang, N. Pohlmann. Köln; Weimar; Wien, 1998.

Братский список – список, из которого монастырская братия получала в дополнение к другим спискам поминания в суточном круге.

Сохранился лишь один экземпляр XVII в. (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 560)¹².

Синодик, также *вечный синодик* – менее ценный список для поминания в литургическом суточном круге (ср. выше).

Сохранились: ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Эта книга также содержит литературный раздел и указатель вкладчиков, имена которых записаны в повседневном списке¹³. ГИМ. Епарх. собр. № 411, 414. № 411 был записан в 1526 г., № 414 является почти доловной копией № 411, включая все дополнения до 1558 г.; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 559 (с начала XVII в.).

Эти синодики, по своему назначению диптихи (синодики-помянники), надо строго различать с синодиком православия, или вселенским синодиком, который зачитывается лишь один раз в году в первое воскресенье Великого поста¹⁴. Имена в синодике православия в дательном падеже (вечная память кому), в синодике-помяннике в винительном падеже (помяни Господи кого).

Повседневный список – ценный поминальный список в литургическом суточном круге. Возможны также только записи, ограниченные сроком (ср. выше).

Сохранилась рукопись (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561), которая содержит также разделы для поминания на определенный срок¹⁵.

Кормовой список (самоназвание) – организован, как и кормовая книга, по календарному принципу. Наряду с именем персоны, для которой устанавливался корм, под датой указан также помянник для всего его рода. Последовательность фамилий соответствует очередности в экземплярах кормовой книги.

Сохранились рукописи (ГИМ. Епарх. собр. № 1,415¹⁶). Автору неизвестны этого типа книги из других монастырей^{16а}.

Этот терминологический каталог основан на данных Обиходника из Волоколамского монастыря. Книги аналогичного назначения могут быть обнаружены в другом месте под иным названием. Всегда нужно проверить совпадает ли самоназвание рукописи с научной терминологией.

Точный путь от вклада до поминания из соответствующих книг описывается в

¹² Подробное описание см.: Steindorff L. Memoria... S. 183 и сл.

¹³ Казакова Н.А. Вассиян Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 343–348; Дергачева И.В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII вв. (на материале синодика). München, 1990. С. 103–106.

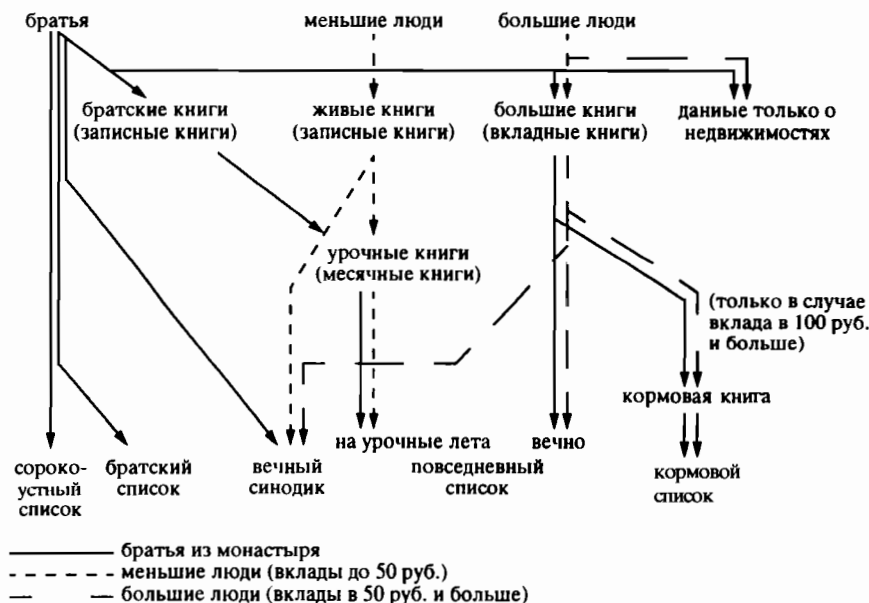
¹⁴ О различии синодика первого типа (синодик православия) и второго типа (синодик-помянник) см.: Дергачева И.В. Типология синодиков в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. III, ч. 2. С. 246–270. О различных книгах, служащих организации поминания см.: Конев С.В. Синодология. Часть I. Классификация источников // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. I. Он различает синодики соборно-чинного и вкладного типов, хотя и литургическая функция – синодик православия или диптих – независима от места пользования. Синодики православия известны и из монастырей, и, конечно, синодики по функции диптихов с записями на основе вкладов находились и в соборных, и в других церквях.

¹⁵ Подробный анализ этой рукописи см.: Steindorff L. Memoria... S. 191–193.

¹⁶ Авторы работы "Книжные центры..." (С. 407) классифицируют рукописи как синодик и как кормовая книга (расположена по Месяцеслову).

^{16а} Ср.: Das Speisungsbuch von Volokolamsk... S.XXX–XXXI.

Обиходнике и в предисловии к Записной книге. Можно изобразить его графически:

То, что этих правил придерживались, можно подтвердить сотнями примеров¹⁷. В Мюнстерском университете нами создана база данных, которая позволяет осуществить систематическую обработку избранных источников, происшедших из организации поминания усопших¹⁸.

Была ли в то время соответствующая система в Троице-Сергиевом монастыре? Чтобы ответить на этот вопрос, можно привести одну книгу, которая с уверенностью может быть отнесена к тому же функциональному типу, что и повседневный список из Иосифо-Волоколамского монастыря. Подтверждение мы находим уже во вступлении на Л. 1–1 об.:

Сия книга глаголаемая сенадик. Пишут в нее имена православных царей, царьц, благоверных великих князеи и великих княгинь и чяд их и которые христолюбцы дают в дом живоначальной Троици и пречистей Богоматере и великим и преподобным чудотворцом Сергию и Никону по своим душам села и деревни и деньги по пятидесяти рублей себе на помяновение и роду своему вечнаго ради покоя и вечных благ наслаждения, доколе благоволит Бог стояти святеи обители сей¹⁹.

Таким образом, в книге записаны только семьи правящей династии и вкладчики, величина пожертвований которых составляла как минимум 50 руб., что находит точное соответствие в тарифной системе Волоколамского монастыря. Название синодик еще раз свидетельствует о необходимости различать самоназвание книг и назначение, которое может нами определяться с помощью различных критериев.

¹⁷ Примеры и таблицы см.: Steindorff L. Klöster als Zentren der Totensorge... S. 345; Steindorff L. Princess Mariia Golenina: Perpetuating Identity through "Care for the Deceased" // Московская Русь, 1359–1584: Культура и ист. самосознание / Под ред. А.М. Клеймола, Г.Д. Ленхоф. М., 1997. С. 557–577; Steindorff L. Commemoration and Administrative Techniques...

¹⁸ Ср. данные в прил. к этой статье.

¹⁹ РГБ. Ф. 304. № 40. Л. 1–1 об. Конев (в указ. соч.) дает краткие сообщения об этой рукописи как и обо всех поминальных списках XVI и XVII вв. Троице-Сергиевой лавры.

Для определения назначения повседневного списка служит писчий материал – пергамент. Согласно Обиходнику из Волоколамского монастыря, происходящий оттуда экземпляр повседневного списка был написан также на пергаменте. Небольшой по объему (33 листа форматом 29,2 × 22,3 см) в сравнении с другими в несколько сот страниц Троице-Сергиевский список предназначался для ограниченного круга лиц, имеющих право быть внесенными в списки. Волоколамский список занимает даже всего лишь 16 листов.

Список Троице-Сергиева монастыря был начат в период между 1584 и 1594 г., после смерти Ивана IV в 1584 г., чье имя было написано основным почерком (Л. 3 об.), и до смерти архимандрита Киприяна в 1594 г., чье имя на Л. 31 об. было внесено дополнительно.

Оформление рядов имен похоже на список Волоколамского монастыря. Имена написаны ясными уставными черными буквами в винительном падеже; идентификация – фамилия, профессия или другое написано выше маленькими красными буквами, их падеж – именительный.

Рукопись составлена следующим образом:

Л. 1–1 об. – цитированное выше предисловие.

Л. 2–2 об. – великие князья от Даниила до Ивана III, царь Иван IV.

Л. 2 об. – дополнения: Федор, Михаил записаны вторым почерком, Алексей – третьим.

Л. 2 об. – царевичи; царь Александр казанский [ум. 1566].

Л. 2 об. – 3 – великие княгини: Елена в иноцех Евдокия [ум. 1409] до Елены Глинской. Царицы: Анастасия, Мария, Марфа.

Л. 3 – дополнения: царицы и княжны.

Л. 3 об. – митрополиты от Иоасафа до Антония, Филипп отсутствует.

Л. 3 об. – игумен Иаков (1515–1520).

Л. 3 об. – начало перечня княжеских помянников.

Все имена на Л. 3 об. стерты, однако еще частично читаемы. На свободном пространстве дополнены царица Мария и инокиня Леванида.

Л. 4 – помянник Годуновых.

Л. 4 – 4 об. – митрополиты от Иоасафа до Антония, Филипп отсутствует.

Л. 4 об. – дополнения: патриархи от Иова до Иосифа – вторым почерком, Иоасаф II, Питирим – третьим.

Л. 4 об. – 6 об. – княжеские помянники, начало идентично со стертыми строчками на Л. 3 об., с Л. 5 снова первый почерк.

Л. 7 – игумены и епископы.

Л. 7 об. – 30 об. – другие вкладчики.

Л. 30 об. – 33 – дополнения.

Состав списка был изменен, очевидно, уже ко времени царствования Бориса Годунова, чтобы вставить в соответствующее место списка помянник для семьи царя. Он был переписан красными чернилами:

Род царя государя и великаго князя Бориса Федоровича Всея Руси.

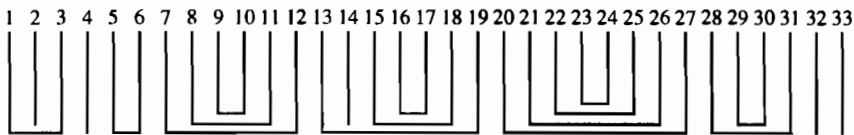
Затем следуют 13 имен; Боголеп, монашеское имя Бориса, среди них отсутствует, это означает, что запись была сделана перед смертью Бориса в 1605 г. Последовательность идентична с помянником семьи в древнейшем Большом синодике монастыря²⁰.

Имена на Л. 3 об. были стерты, так что помянник на Л. 4 оказался присоединенным к разделу для цариц. За помянником были вставлены все стертые на Л. 3 об. имена, кроме игумена Иакова. Только он, вероятно, по недосмотру переписчика, остался без поминания.

В прилагаемом к книге современном описании также констатируется, что Л. 4 был включен дополнительно, в то же время допускается, что между Л. 3 и 5 отсутствуют три листа, между Л. 9 и 10 – два листа. Расположение листов

²⁰ Там же. № 25. Л. 5.

пергамента на самом деле необычно:

С другой стороны, очевидно, что начало книги непотревожено, а лакуны имеются в других местах.

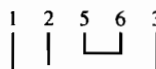
Список же имен разделен расположенной на полях нумерацией статей для чтения; кроме того, мы находим нумерацию на полях по сотням. Вне всякого сомнения, эта нумерация вводилась не только дополнительно. В каждом случае внутри строчки между сотым и последующим именем оставлено достаточно места с тем, чтобы можно было нарисовать крестик. Либо первая буква следующего имени была написана красным. Начало новой статьи в строчке обозначено с помощью стрелки. Наконец, просчитано начало тетради.

Для детального анализа вся нумерация была записана автором в одну таблицу; буквенное обозначение цифр в кириллице в рукописи здесь передано арабскими цифрами:

<i>Лист/строка</i>	<i>Счет</i>	<i>Статья</i>	<i>Тетрадь</i>	<i>Лист/строка</i>	<i>Счет</i>	<i>Статья</i>	<i>Тетрадь</i>
6/4	100			17 об./3	1000		
7/11	158			19/7	1100		
7/13		1	2	19/10		10	
7 об./13	200			20			4
8/2		3		20 об./5	1200		
8/6	300			21/3		11	
9/11	400			22/4	1300		
9/13		4		22 об./11		12	
10 об./12	500			23 об./1	1400		
11/7		5		24 об./5		13	
12/1		6		24 об./13	1500		
12 об./11	700			26/7	1600	14	
13			3	27 об./5	1700		
13 об./8		7		28/1		15	5
14/13	800			28 об./11	1800		
15 об./7		8		29/12		16	
16/4	900			30/5	1900		
17/13		9					

При пересчете имен до отметки "100", если считать записи только основным почерком, получается число 95. Ошибка может объясняться тем, что наряду с записью для игумена Иакова на Л. 3 об. не переписаны еще другие, ныне уже не читаемые имена. Вероятнее всего, ошибка была допущена писцом при пересчете. Во всяком случае, незначительные отклонения в нумерации и описанная структура записей не дают основания предположить отсутствие страниц.

Счет тетрадей начиная со второй на Л. 7 является, очевидно, неправильным; необходимо было отметить третью тетрадь. Дальнейшая нумерация соответствует истине. Теперь можно было бы предположить, что первоначальная последовательность страниц была нарушена (так же как в повседневном списке Волоколамского монастыря), т.к. вначале существовала лишь одна тетрадь с последовательностью:

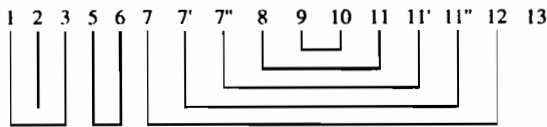

Все же, ни это расположение, ни другое отдельного листа 2 позволило бы выявить рациональное членение в последовательности имен. Поэтому мы уверены, что, несмотря на добавление позже Л. 4 и утраты текста на Л. 3 об., до нас дошел первоначальный порядок.

Из описи численных данных и статей мы узнаем, что между Л. 7 и Л. 8 отсутствует как минимум один лист, а также маркировка 2-й статьи. Между отметками 200 и 300 стоит в целом лишь 19 имен; 81 отсутствует. Так как на каждой заполненной странице записано максимум 35 имен, в большинстве случаев около 30, мы можем заключить, что отсутствуют даже два, правда не заполненные полностью, листа.

Дальнейшее исследование показывает, что между Л. 11 и Л. 12 также утеряно два листа. Отметка 600 отсутствует. Между 500 и 700 записано 116 имен; 84 отсутствует. Это также подтверждается числом имен между статьями 5 и 6. Вместо обычных около 130 имен записано лишь приблизительно 50.

Таким образом, первоначальный порядок листов до 12 выглядел иначе, чем было записано выше:

Как уже было показано, поминальный список правящей династии с лакунами восходит к великому князю Даниилу; однако, в остальном мы находим здесь лишь лиц, которые умерли не ранее, чем в конце XV в. Это вполне согласуется с высказанным выше утверждением о введении системы двух списков в Московской Руси только в конце XV в., по всей видимости в Волоколамском монастыре. Наиболее ранний источник из Троице-Сергиева монастыря, который упоминает о ведении двух списков, датируется лишь 1524–1525 гг.²¹⁽¹⁾

Сохранившийся экземпляр повседневногo списка является с достаточной степенью уверенности лишь третьей его редакцией. По всей видимости, вторая редакция появилась во время игумена Серапиона Курцева (1549–1551), который по приказу царя Ивана IV, очевидно, в связи со Стоглавым собором, велел завести вкладную книгу для пожертвований свыше 50 руб.²² Хотя в публикации говорится "кормовая книга", однако, судя по ее назначению, без сомнения речь идет о вкладной книге пожертвований, объем которых оправдал корм.

Введение в эту вкладную книгу содержит формулировки, которые созвучны с цитированным выше предисловием нашего списка:

Повседневный список

По своим душам села и деревни и деньги по пятидесяти рублей себе на помяновение и роду своему вечнаго ради покоя и вечных благ наслаждения.

Вкладная книга

По своим душам давали села и деревни и пустоши... и деньги по 50 рублей в вечные сенаники вечнаго ради помяновенья и покоя душевнаго и оногo вечных благ наслаждения.

Вероятно, вкладная книга и первая новая редакция появились одновременно. Вкладная книга сохранилась лишь в копии 1592 г. Можно предположить, что повседневный список был начат одновременно с новой редакцией вкладной

²¹ Акты русского государства 1505–1526 гг. Опул. С.Б. Веселовским и др. М., 1975. № 263.

²² Кормовая книга XVI века: Библиотека Троице-Сергиевой лавры № 812. Опул.: Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 2. Прил. архимандрита Леониды VI. С. 45–64.

книги. 1592 год расположен внутри вышеприведенного ряда имен определенного временного промежутка.

В списке встречаем имена представителей многочисленных знатных родов Московского государства XVI в. Сделать вклад в элитный монастырь и обеспечить себе там поминание являлось религиозным и престижным актом. Так, часть имен, обнаруженных нами в повседневном списке Троице-Сергиева монастыря, нам также известна из повседневногo списка Иосифо-Волоколамского монастыря или из кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря. Поясним это следующим списком*:

	А	Б	В	Г	Д	Е
Борис Васильевич князь Волоцкий	4/11	54	145, 166	6/1	6	–
Георгий (Юрий) Иванович князь Дмитровский	5 об./5	46, 54	–	6/2	11	–
Андрей Иванович князь Старицкий	5 об./6	55	51 об.	6/3	–	–
Ульяна Михайловна княгиня Волоцкая	5 об./12	54	145, 166	6/4	6	–
Владимир Андреевич князь Старицкий	6/6	55	51 об.	6 об./9	–	27.09; 15.07
Мамон, Григорий, ин. Герман	8 об./11	53	–	14/8	43	–
Воротынский, кн. Владимир Иванович	9/13	–	142 об.	6 об./2	157	–
Рябчиков, Федор Андреевич, ин. Феодосий	12 об./8	54	297 об.	14/16	128	–
Щенятев, кн. Петр Михайлович, ин. Пимен	23/11	–	344	13/1	225	24.8.

* А = РГБ. Ф. 304. № 40. Повседневный список Троице-Сергиевой Лавры: лист/строка.

Б = Кормовая (вкладная) книга Троице-Сергиевой Лавры: страница публикации.

В = Вкладная книга Троице-Сергиевой Лавры XVII в.: лист.

Г = РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561: Повседневный список Иосифо-Волоколамского монастыря: лист/строка.

Д = Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря: №.

Е = Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря: день корма²³.

Проведенная нами идентификация списка Троице-Сергиева монастыря как повседневногo выявила большое его сходство со списком из Иосифо-Волоколамского монастыря. Однако имеется и целый ряд различий.

Если список Волоколамского монастыря охватывает всех значительных вкладчиков с основания в 1479 г., то список Троице-Сергиева монастыря начали вести, не учитывая поминание московских великих князей, только приблизительно 150 лет спустя после его основания.

Если список Иосифо-Волоколамского монастыря разделен на две части – для монахов и мирян; и одна, и другая еще раз отделяют князей и не князей, то список Троице-Сергиева монастыря не содержит, начиная с Л. 6 об., более никаких подразделений: князья и не князья, монахи и миряне стоят непосредственно один за другим. В то время как в официальной части помянника для правящей династии имеется, как обычно, разделение на список для мужчин и женщин, в дальнейшем разделение по полам в обоих списках отсутствует.

²³ Библиографические данные см. в списке в конце статьи.

Если в списке Иосифо-Волоколамского монастыря фамилия или в исключительных случаях имя родственника постоянно служат для идентификации, то в списке Троице-Сергиева монастыря можно встретиться, особенно в Л. 8, с идентификацией путем обозначения пожертвованного добра. Следует привести несколько примеров:

<i>Лист/строка</i>	<i>Имя</i>	<i>Над строкой</i>
8/3	Порфирия	осмину варницы
8/3	Давида	и с водою
8/3	Анну	на верхнем
8/4	Григория	колодызе сол
8/5	Иоанна	пол плуги в сутоцех
8/6	Анастасию	Фавстовское
10/11	Иоанна	Плещеев дал село Дмитровское
12/4	иноку Марину	дала Федоровское

Первые четыре имени, по всей видимости, имеют отношение к одной и той же семье; текст над этими именами образует единое целое.

Подобную непоследовательность находим снова в упомянутой вкладной книге, начатой по повелению игумена Серапиона Курцева в 1551 г. Записи частично велись таким способом как в современной ей вкладной книге Волоколамского монастыря: имя жертвователя – пожертвованное добро – личность, имя которой должно поминаться – литургические услуги монастыря. Все же многие записи были составлены по-иному: название деревни – жертвователь (лишь в исключительных случаях) – личность, имя которой должно поминаться – услуги монастыря. Хотя, сказано, какой корм (маленький, средний или большой) должны получать персоны, однако, день поминания в большинстве случаев не приведен. В дополняемых до появления новой редакции 1592 г. частях книги также существуют рядом оба способа записи.

Что касается возможности нахождения и отождествления личностей, волоколамские книги в целом велись по меньшей мере в XVI в. лучше и систематичнее.

Состав имен списка из Троице-Сергиева монастыря, если не учитывать более ранние помянники великих князей, относится к периоду приблизительно в 100 лет и содержит около 2 тыс. имен. Список Волоколамского монастыря, написанный около 1600 г., т.е. десятью годами позже, с добавлениями до приблизительно 1610 г., охватив около 110 лет, содержит, если не учитывать явно поздние дополнения и четыре страницы с ограниченным сроком поминания, 965 имен. На наш взгляд, это свидетельствует о гораздо большем престиже Троице-Сергиева монастыря.

Сопоставление списков внутри единого временного диапазона, например по десятилетиям, было бы показательным, для чего понадобилась бы по возможности полная идентификация записей дат вкладов и смерти. Эту трудоемкую задачу еще предстоит выполнить. Тем не менее, и без временной дифференциации можно сделать различные выводы.

Имена внутри списка могут быть распределены по критериям: князь – не князь; мужчина – женщина; монах – мирянин. Состав списка оказывается при этом зеркалом социальных отношений и общественного поведения в Московской Руси.

Анализ повседневного списка Волоколамского монастыря основывается на базе данных нашего проекта. Он обработан автоматически и учитывает все 965 имен. В то время как список из Троице-Сергиева монастыря обработан механи-

чески и охвачен лишь частично, результат этого анализа менее содержателен. Были привлечены все 192 имени на Л. 9–10 и 18–18 об.

	<i>Иосифо-Волоколамский монастырь</i>		<i>Троице-Сергиев монастырь</i>	
		%		%
Князь – мужчина – инок	11	1,14	3	1,56
Князь – мужчина – мирянин	85	8,81	30	15,62
Княгиня – женщина – инока	14	1,45	6	3,12
Княгиня – женщина – мирянка	34	3,52	9	4,69
Некнязь – мужчина – инок	365	37,82	41	21,35
Некнязь – мужчина – мирянин	277	28,70	60	31,25
Некнягиня – женщина – инока	102	10,57	9	4,69
Некнягиня – женщина – мирянка	77	10,57	34	17,70
Всего	965	100,00	192	100,00

Из этих данных можно выявить различные соотношения; процент относится соответственно к первому члену пары:

	<i>Иосифо-Волоколамский монастырь</i>	<i>Троице-Сергиев монастырь</i>
Князя – некнязя	144 : 821 (14,9%)	48 : 144 (25,0%)
Мужчины – женщины	738 : 227 (76,5%)	134 : 58 (69,8%)
Иноки – миряне	492 : 473 (51,0%)	59 : 133 (30,7%)

Среди вкладчиков удельный вес группы князей, особенно в Троице-Сергиевом монастыре, чрезвычайно велик. Это указывает на высокий престиж обоих монастырей. В более дорогой форме поминания, в форме корма, удельный вес князей еще более значительный: 35,8% в Волоколамском монастыре, 43,9% в Троице-Сергиевом монастыре; в Кирилло-Белозерском монастыре он составляет 33,6%²⁴.

Количественное соотношение между мужчинами и женщинами является показателем патриархального характера общества. Хотя женщины не лишены дорогой формы поминания, тем не менее их удельный вес составляет лишь 23,5% (Троице-Сергиев монастырь 30,2%). Еще более выразительным оказалось соотношение в кормах: так, удельный вес женщин в кормовой книге Иосифо-Волоколамского монастыря составляет всего 20,4%, в Кормовой (вкладной) книге Троице-Сергиева монастыря – 22,2%, а Кирилло-Белозерского монастыря – 21,2%.

В то время как отношения мужчина – женщина и князь – некнязь в обоих повседневных списках показывают в каждом случае одни и те же тенденции, подтверждая тем самым репрезентативный характер изученных листов Троице-Сергиева монастыря, существенные отличия обнаруживаются в распределении по монахам и монахиням. Объяснение этого различия следует искать в том, что вклад в Троице-Сергиев монастырь имел гораздо более высокую религиозную ценность и престиж. Те, кто не был готов умереть в монашеской одежде, с большей охотой решались на вклад в Троице-Сергиев монастырь.

Необычно высокий удельный вес монахов в помянниках Волоколамского монастыря продолжается на уровне кормов. Там он составляет около 46,9%. В Кормовой (вкладной) книге Троице-Сергиева монастыря имеется лишь 17,7%, а Кирилло-Белозерского монастыря – 36,8%.

²⁴ Общее число получателей корма в Волоколамском монастыре составляло 240 (279), в Троице-Сергиевом – 589 (696), в Кирилло-Белозерском – 378 (438). В скобках стоит более высокое число кормов, потому что многие лица получали больше, чем один корм. Идентификация во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря частично неясна, не исключен двойной счет персон. Вся обработка велась с помощью базы данных.

Как выглядит соотношение между полами, между монахами и мирянами внутри группы князей, а затем в группе некнязей?

	<i>Иосифо-Волоколамский монастырь</i>	<i>Троице-Сергиев монастырь</i>
<i>Князья и княгини</i>		
Иноки – миряне	25 : 119 (17,4%)	9 : 39 (18,7%)
Мужчины – женщины	96 : 48 (66,7%)	33 : 15 (68,7%)
<i>Некнязья и некнягини</i>		
Иноки – миряне	467 : 354 (56,9%)	50 : 94 (34,7%)
Мужчины – женщины	642 : 179 (78,2%)	101 : 43 (70,1%)

Следовательно, в княжеских кругах постриг в монахи получил меньшее распространение. Старое представление о том, что монашество и княжество являются взаимоисключающимися понятиями, было еще не совсем изжито. Следует напомнить известную сцену на смертном одре Василия III, когда великий князь против воли своего брата хотел постричься в монахи²⁵. Высокий процент князей в поминальных книгах Троице-Сергиева монастыря (по сравнению с Волоколамским) объясняет, почему процент монахов там был соответственно ниже.

Внутри княжеской группы лишь 11,5% (Троице-Сергиева монастыря – 9,1%) мужчин умерло монахами, однако 29,2 (40)% женщин стали монахинями; в некняжеской группе удельный вес монахов составил 56,8 (40,5)%, монахинь – 57,6 (20,9)%. Если князья по общепринятой системе ценностей чаще всего не постригались, то у княгинь на решение принять схиму влияли набожность и практика усиленного использования монастыря как места заботы о старых и больных.

Также нами составлены подгруппы для мужчин и женщин:

	<i>Иосифо-Волоколамский монастырь</i>	<i>Троице-Сергиев монастырь</i>
<i>Мужчины</i>		
Князья – некнязья	96 : 642 (13,0%)	33 : 101 (24,6%)
Иноки – миряне	376 : 358 (50,9%)	44 : 90 (32,8%)
<i>Женщины</i>		
Княгини – некнягини	48 : 179 (21,1%)	15 : 43 (25,9%)
Иноки – мирянки	116 : 101 (51,1%)	15 : 43 (25,9%)

Только в Волоколамском монастыре в группе женщин засвидетельствован явно больший удельный вес с княжеским титулом, чем в группе мужчин. Это соответствует уже отмеченному гораздо более высокому удельному весу женщин в княжеской группе.

Особенно интересно процентное соотношение монахов внутри группы мужчин, монахинь – в группе женщин:

	<i>Удельный вес монахов, %</i>	<i>Удельный вес монахинь, %</i>
<i>Иосифо-Волоколамский монастырь</i>		
Повседневный список	51,2	53,4
Кормовая книга	45,3	50,0
<i>Троице-Сергиев монастырь</i>		
Повседневный список	32,8	25,4
Кормовая книга	17,7	17,2
<i>Кирилло-Белозерский монастырь</i>		
Кормовая книга	39,0	27,5

²⁵ Подробнее о пострижении среди русских князей см.: Steindorff L. Einstellungen zum Mönchtum im Spiegel altrussischer Quellen // Archiv für Kulturgeschichte. 1993. Bd. 75. № 1. S. 65–90.

Значительно более высокий в целом удельный вес монахов в повседневном списке Волоколамского монастыря, чем тот же показатель в списке Троице-Сергиева монастыря, в первую очередь объясняется высоким удельным весом монахинь среди женщин. Он в 2 раза больше, чем в повседневном списке Троице-Сергиева монастыря, среди мужчин удельный вес монахов в Волоколамском монастыре лишь в 1,56 раза больше. Итак, в кормовых книгах продолжают проследиваться различные соотношения. Тенденция (наряду с отказом от пострига) скорее обрести поминание в Троице-Сергиевом монастыре еще более отчетлива среди женщин.

Если сопоставить данные об удельном весе князей, удельном весе мирян и особо мирянок, мы получим иерархию престижа: наверху – Троице-Сергиев монастырь, посередине – Кирилло-Белозерский. Волоколамский монастырь, как наиболее поздний по основанию и менее почитаемый в сакральной топографии Московской Руси в целом, находится на третьем месте.

До сих пор мы сравнивали повседневный список из Троице-Сергиева монастыря со списком аналогичного типа из Иосифо-Волоколамского монастыря. Далее можно привести сопоставление с большим синодиком Троице-Сергиева монастыря 1575 г.²⁶ Он включает в себя 312 листов и написан на бумаге. Синодик начинается подробной ектенией. Нумерация имен отсутствует, но если запись была начата в новом году, то на полях об этом имеется отметка. Первый год – 7027 (1519). Чаще всего отсутствуют надстрочные идентификаторы. В синодике имеются дополнения, относящиеся почти ко всему XVII в.

Не только внешние признаки отличают этот список от повседневного списка. По составу имен можно узнать, что список был открыт широким социальным слоям и запись в него была более дешевой. Конечно, мы находим помянники великих князей (начиная с Даниила) и известных семей. Тем не менее, мы встречаем также и такие идентификаторы над именем:

- Л. 53 – Сергиевы доброписцевы
- Л. 77 – скоморох (тоже л. 90); служебник; мелник
- Л. 91 об. – портной
- Л. 96 об. – лекарица
- Л. 102 об. – стрелец; из больницы; род крылошенина

Над рядом из 17 имен на Л. 39 стоит:

Дал Афонасиен диак митрополичь от сих имян десять рублей.

Уже по сумме вклада понятно, что запись в этот синодик была менее ценной, чем в повседневный список.

По своим внешним признакам этот синодик соответствует прежде всего большому синодику начала XVII в. Волоколамского монастыря, в то время как два более древних синодика 1526 и 1558 гг. имеют небольшой формат и гораздо меньшее число страниц.

По своему внутреннему членению напротив синодик Троице-Сергиева монастыря и оба древних синодика Иосифо-Волоколамского монастыря похожи, так как и здесь, и там имена записаны в непрерывной очереди (т.е. без абзацев). В более позднем синодике Иосифо-Волоколамского монастыря для многих семей были отведены собственные помянники, что позднее, в XVII в., стало общепринятым²⁷.

²⁶ РГБ. Ф. 304. № 25. Согласно прилагаемым новым рукописным запискам этот синодик был подготовлен к изданию Ю.А. Олсуфьевым в 1923 г. Копию, реестр имен и фамилий см.: РГБ. Ф. 173/II (МДА доп.). № 226.

²⁷ Ср. с помянником, имеющим аналогичную структуру: Рыков Ю.Д. Малоизвестный рукописный синодик московского кремлевского архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995. С. 497–506.

Непоследовательность состава Кормовой (вкладной) книги Троице-Сергиева монастыря, а также отсутствие разделения по группам вкладчиков в повседневном списке, по-видимому, свидетельствуют о том, что книги поминания мертвых в Волоколамском монастыре в XVI в. велись еще более систематично. Ни сохранившиеся книги, ни косвенные указания не позволяют создать на материалах Троице-Сергиева монастыря такую же детализированную схему, как для Иосифо-Волоколамского монастыря.

Тем не менее из наших исследований становится очевидным, что организация поминания мертвых в Троице-Сергиевом монастыре имела явные черты сходства с системой в Иосифо-Волоколамском монастыре. В обоих случаях существовали три уровня: дешевый вклад в вечный синодик, дорогой взнос в повседневный список и, наконец, корм. Мы располагаем достаточными указаниями на то, что эта система была применима во всех значительных монастырях Московской Руси XVI в.

На элитном уровне Московского государства были приняты лишь пожертвования для записей в кормовую книгу и в повседневный список, как свидетельство тесных личных отношений; изобилие имен в вечном синодике и низкая цена за запись придавали этому типу поминального жертвования лишь ничтожное значение. Чтобы избежать недоразумений при обработке списков, необходимо в каждом случае обращать внимание на функцию списка и на цену требуемых вкладов. Теперь возможно приступить к изучению списков поминания усопших как драгоценных просопографических источников, отражающих семейные, социальные и политические отношения.

Приложение: Источники к базе данных "Поминания усопших в Московской Руси".

В отделе Восточно-европейской истории Мюнстерского университета под руководством автора настоящей статьи с 1994 по 1996 г. осуществлялся при поощрении Немецкого исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) проект "Поминания усопших в Московской Руси". Сотрудники Рюдигер Коке и Ульрих Ланг создали базу данных, которая позволяет систематически исследовать источники по организации поминания усопших. Нами использована программа dbase 4.0.

Полностью включены следующие источники:

– Список вкладчиков в древнейшем синодике Иосифо-Волоколамского монастыря (ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Лл. 67–77 об.).

– Вкладная книга (большая книга) Иосифо-Волоколамского монастыря (по Титову).

– Повседневный список Иосифо-Волоколамского монастыря (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561).

– Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 5. № 556).

– Кормовая книга XVI в. Библиотеки Троице-Сергиевой лавры (№ 812). Опубл.: *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 2. Приложения архимандрита Леонида. VI. С. 45–64.

– Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. Опубл. И.П. Сахаровым // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1, ч. III. Источники русской археологии С. 46–105.

Из следующих источников использовались сведения только о тех лицах, которые были зарегистрированы также в Кормовой книге Иосифо-Волоколамского монастыря.

– Акты феодального землевладения и хозяйства / Подг. А.А. Зимин. М., 1956. Ч. 2.

– Кормовой список Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ. Син. собр. № 415).

– Вкладная книга Троице-Сергиевой лавры. Опубл. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева (М., 1987).

В книге "Das Speisungsbuch von Volokolamsk..." (S. 342–366) составлена на основе базы данных таблица всех 219 лиц, упоминаемых в Кормовой книге Иосифо-Волоколамского монастыря, и сведения о них, полученных из вышеприведенных источников.

ПАТРИАРШИЕ КНИГОПИСЦЫ И ЗОЛОТОПИСЦЫ КОНЦА XVI–XVII веков*

Крупнейшей фигурой среди всех патриарших книгописцев XVII столетия (во всяком случае, насколько об этом можно судить по делопроизводственной документации и сохранившимся идентифицируемым рукописям), пожалуй, был старец Паисий. Первое упоминание о нем относится к 1653 г.: в 1653 г. старец Паисий писал на престольное Евангелие. В записях, касающихся создания этой рукописи, не упомянуты золотописные работы (т.е., возможно, их и не было), однако, имеются сообщения, в которых можно предполагать информацию о красочных миниатюрах. В частности, одну из них помогал Паисию писать Захарий Лукин, на долю которого достался "четвертый евангелист"¹.

В Синодальном собрании хранится так называемое "Татьянино" Евангелие. Оно представляет собой книгу форматом в лист с золочением и чеканом по обрезу блока, датированную Горским и Невоструевым XVII в.; согласно их сообщению, "по преданию", это Евангелие было дано вкладом царевной Татьяной Михайловной в Чудов монастырь². Золотом выделены отдельные буквы, фразы, колонтитулы; на Л. 21 имеется золотописная заставка во весь лист с аппликацией зеленым шелком на обороте³. Даже учитывая огромный формат и солидный объем книги, не следует относить ее к уникам золотописного дела. В Патриаршем Доме создавались и более богато оформленные золотописные рукописи. Как будто, нет оснований не отождествить "Татьянино" Евангелие с Евангелием, над которым работали старец Паисий и Захарий Лукин в 1653–1654 гг. Даже "предание" этому не противоречит. Книгу патриаршие книгописцы могли создать по специальному заказу для вклада 18-летней царевны. Вся золотописная работа сделана по киновари, что встречается в некоторых золотописных рукописях, из числа определенно относящихся к работе патриарших золотописцев. Быть может, вкладное Евангелие было расписано золотописцами уже после поступления в Патриарший Дом.

С 1654 г. старец Паисий, как уже отмечалось выше, возглавлял скрипторий, и приказные люди, касаясь книгописных работ в своих записях, называют книгописцев "старец Паисей с товарищи" (Д. 36. Л. 604об.). В 1656 г. Паисий прописывал золотом заставки и слова в двух патриарших келейных синодиках

* Окончание. Начало см.: АЕ за 1995 год. М., 1997.

¹ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 34. Л. 473, 498, 504 об.; Д. 36. Л. 601 об., 603 об. Впрочем, "четвертый евангелист" здесь мог означать и работы по переписыванию евангелия от Иоанна. (Далее ссылки на Ф. 235. Оп. 2 РГАДА даются в тексте с указанием только номеров дел и листов.)

² ОР ГИМ. Син. 61. См.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. I. № 44. (Далее: Описание славянских рукописей...). Годы жизни Татьяны Михайловны (1636–1701) см.: *Иконникова А.* Царицы и царевны из дома Романовых. М., 1991. С. 50, 66. По филиграммам книга может быть отнесена ко времени не ранее середины 50-х годов XVII в. См.: *Филиграния XVII в. по рукописным источникам ГИМ. М., 1988. № 1064 (1665 г.).*

³ Буквицы по своим размерам не уступают колоссальным литерам уже упоминавшегося Службника Иова: средняя высота – 12–13 мм.

(Д. 38. Л. 739об–740). Один из них хранится в Синодальном собрании под № 665. Позднее Синодик дописывался. В поминальном списке патриархов после Иосифа позднее дописаны Иоасаф II и Питирим, в списке царей – Алексей Михайлович, в списке царевичей – Алексей и Семен, в списке царевен – Анна, Евдокия, Феодора и Ирина и т.д.⁴

Он представляет собой великолепную золотописную рукопись: золото использовано в инициалах, весьма обильно – в заставках, им прописано множество букв и слов в тексте. Почерк основной части текста, элементы оформления, а особенно надписи вязью исполнены с безукоризненной каллиграфической точностью, аккуратно. Названный Синодик имеет немного общего с другим, несколько неуклюжим Синодиком⁵, скорее стиль его оформления ближе к уже упоминавшейся рукописи толкований Григория Двоеслова на евангелия, золотом выделены одни и те же элементы: обе книги принадлежат не только к одному периоду времени и к одному книгописному центру, но и к единой традиции, школе.

В 1660-х – 1670-х годах старец Паисий писал ряд грамот: в 1668 г. – "здравный молитвенный харатейный список" (Д. 64. Л. 392); в 1667–1669 гг. – грамоты "ко вселенским патриархом" (Д. 64. Л. 427); в 1671 г. – "грамоту к Макарию патриарху", к запорожскому "атаману Домиану", жалованную на оз. Селигер, духовную патриарха Иоасафа II (Д. 73. Л. 355об., 361, 402об.); в 1672 г. – "согласные грамоты вселенским патриархам" и настольную – патриарху Питириму (Д. 75. Л. 426; Д. 78. Л. 323об., 367); в 1673 г. – "лист в Запороги" (Д. 78. Л. 325 об.).

Остановимся подробнее на грамотах. Создание грамот, роскошно оформленных золотописью или многоцветными миниатюрами, было одним из обычных занятий книгописцев Патриаршего Дома. Разумеется, большинство этих грамот разошлись по своему назначению: послания ушли к своим адресатам, жалованные грамоты – ко владельцам пожалований, настольные ("ставленные") – к рукоположенным архиереям и т.д. Но в силу тех или иных обстоятельств некоторые из них сохранились в Патриаршем архиве и дошли до наших дней.

Так например, естественным образом вернулась в Патриарший Дом настольная грамота, выданная в 1664 г. архимандриту Чудова монастыря Иоакиму и попавшая в Патриарший архив после того, как Иоаким стал патриархом⁶. Тем же путем возвратились настольные грамоты, выданные двум другим будущим патриархам: митрополиту Сарскому и Подонскому Питириму (1655 г.) и митрополиту Казанскому Адриану (1690)⁷. Впрочем, уже в последней трети XVII в. рукописных настольных грамот создавалось немного: архиереям предпочитали выдавать грамоты, отпечатанные на Московском Печатном дворе⁸.

Грамоты одного особого типа по своему предназначению должны были оставаться в Патриаршем архиве. Имеются в виду настольные грамоты самих патриархов. Большая часть их хранится в собрании Синодальных свитков и грамот (которое представляет собой часть бывшего Патриаршего архива XVII столетия), хотя одна грамота попала в Древлехранилище РГАДА⁹. Настольная

⁴ Таким образом, изначальный вариант (работа Паисия) приблизительно датируется серединой 1650-х – концом 1660-х годов. Филигрань: точного соответствия не найдено, похоже на кн.: *Герасимов А.А. Филиграния... № 326 (1648–1649)*, что не исключает предложенной датировки (1656 г.).

⁵ ОР ГИМ. Син. 666 (1652–1672) см. выше по тексту.

⁶ Там же. Син. свитки и грамоты. 1225.

⁷ Там же. Син. свитки и грамоты 1040, 1359.

⁸ См., например: Там же. Син. свитки и грамоты 1319, 1320.

⁹ Настольная грамота патриарха Филарета, выданная вместо сгоревшей во время большого московского пожара 1626 г. (РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Д. 296). Грамота пришла в ветхое состояние и не выдается из хранения. Золотописное оформление скромное, без рамки: золотом выделены только

грамота патриарха Иоасафа I (1634) относительно проста по своему художественному оформлению: золотописью выведена лишь весьма крупная литера "Б" в слове "благодатию" в самом начале текста. Золотописная литера "Б" – неперенный элемент оформления всех патриарших настольных грамот, и тонкость, сложность, затейливость ее исполнения возрастают от грамоты к грамоте. В принадлежавшей патриарху Иосифу грамоте (1642) эта буква заполнена сложным растительным орнаментом и увенчана 8-лучевой звездой. В твореное золото добавлена какая-то особая примесь, отчего краска приобрела медянистый оттенок. Атрибутировать обе грамоты¹⁰ не представляется возможным; что касается первой из них, то по времени своей работы при Патриаршем Доме вероятным автором ее оформления является книгописец старец Никонор.

Настольные грамоты патриархов Иоасафа II, Питирима и Иоакима явно созданы одним мастером – старцем Паисием¹¹. По поводу второй нет ни малейших сомнений: выше уже указывалось свидетельство источника, неоспоримо показывающее авторство Паисия. Элементы оформления остальных двух грамот имеют очевидные стилистические аналогии с грамотой питиримовской. Текст грамоты Иоасафа II заключен в золотописную рамку, увенчанную чем-то вроде заставки старопечатного стиля в изданиях Московского Печатного двора второй половины XVII в., в центральной части которой изображены митра, жезл и крест (то же можно сказать и о двух более поздних грамотах). Некоторые золотописные детали идут по черному фону, и это имеет сходство с приемом, использованным Паисием при оформлении золотописного Служебника 1667–1669 гг. (см. ниже): усиление золотописи черной обводкой. Прямо под литерой "Б" – фантастическая рыба, пожирающая собственный хвост.

Точно так же и в двух других названных грамотах на том же месте обнаруживается живой рисунок, вносящий разнообразие в растительные и геометрические орнаментальные украшения. В первом случае изображена раковина в форме рога изобилия, а во втором – голова хищной птицы. В ряде мест иоакимовской грамоты золотописный рисунок усилен черными включениями, например, крупные цветы в верхней "старопечатной" заставке. В питиримовской грамоте черный фон использован мало: только в маленьких виньетках, вставленных в "старопечатную" заставку. Присутствуют здесь и головы хищных птиц (в данном случае их две), чрезвычайно похожие на голову с грамоты патриарха Иоакима. Впрочем, грамота 1672 г. имеет и одно заметное отличие от всех прочих патриарших настольных грамот: золотопись в данном случае уступила место многоцветному рисунку, выполненному в пастельных – розовых, травяных, голубых и вишневых тонах.

Удивительная точность и сложность линий, своеобразная "каллиграфичность" рисунка и замечательное многообразие элементов художественного оформления указанных настольных грамот заставляют признать старца Паисия талантливым живописцем второй половины XVII в., виртуозом, которому знакомо высокое искусство. На его же счет можно с полной уверенностью отнести уведомительную грамоту патриарху Константинопольскому Дионисию о смерти патриарха Московского Иоасафа II и возведении в сан Питирима¹² (из числа упомянутых выше "грамот вселенским патриархом"). В данном случае вновь использован излюбленный прием Паисия – сочетание золотописи с черной краской. Любопытной художественной находкой Паисия стала передача в

заставка и инициал "Б". Текст грамоты издан в СГГД (М., 1822. Ч. 3. № 74). На С. 297 есть краткое описание грамоты. Причина выдачи грамоты после 1626 г. мотивируется в тексте: "... вместо тое настольных... которая настольная сгорела на Патриаршем дворе..."

¹⁰ ОР ГИМ. Син. свитки и грамоты 1017 и 1023.

¹¹ Там же. Син. свитки и грамоты 1233, 1298а, 1305.

¹² Там же. Син. свитки и грамоты 1300.

заглавии имени "Питирим" весьма крупными печатными буквами такого вида, начертание которого вполне могло бы быть использованным художником XX столетия. К манере Паисия тяготеет также митрополичья настольная грамота Питирима 1655 г., но выполнена она несколько грубее, с меньшей точностью и уверенностью линий. Быть может, она относится к ранним работам золотописца в начале его службы при Патриаршем Доме.

Золотописное оформление непатриарших настольных (ставленных) грамот менее богато и изыскано. Некоторое исключение составляет митрополичья настольная грамота Адриана 1690 г., украшенная даже с избыточной роскошью. Твореное золото смешивается с серебряной краской, но рецепт составления их оказывается не совсем удачным. И то, и другое выцвело: золото потускнело, серебро приобрело железисто-радужный вид. Рисунок распадается на отдельные элементы; исчезла легкость, стройность и геометризм, присущие работам мастеров середины столетия. Осталась лишь тяжкая торжественная роскошь, которая в сравнении с более ранними творениями патриарших золотописцев выглядит неуклюжей и даже несколько примитивной.

Духовная грамота патриарха Иоасафа II, переписанная Паисием в 1672 г., оформлена скромно – без золота, одной лишь киноварью¹³.

В конце 1660-х годов старцу Паисию пришлось принимать участие в грандиозной работе по созданию золотописной рукописи новоисправленного Службника для патриаршего обихода. По всей вероятности, эту деятельность следует считать главным, наиболее крупным делом книгописца за все время, проведенное им на службе в книгописной мастерской Патриаршего Дома. Его напарником в этой работе стал еще один книгописец – старец Маркел. О трудах последнего в составе славной дружины патриарших книгописцев, помимо сотрудничества со старцем Паисием, известно следующее: упоминается он со 1667–1668 по 1672 г. (Д. 64. Л. 92; Д. 75 Л. 295–295об.); в июне 1669 г. старец Маркел писал "настольную грамоту Свяжскому архимандриту Ефросину" (Д. 67. Л. 493об.). С 1672 г. старец Маркел переходит в дружину книгописцев Посольского приказа. И.М. Кудрявцев сообщает о его участии в создании белого списка рукописи книги "Хрисмологион" и переписывании им подготовленного Н. Спафарием и П. Долгово текста книги "О седми свободных учениях". В одной из челобитных старец Маркел сообщал о своих способностях переводчика, знании латинского и польского языков¹⁴.

К работе над первым золотописным Службником книгописцы приступили весной 1667 г. Паисий приобрел бумагу для создания рукописи. Весь 1667 г. и первую половину следующего, 1668 г., оба книгописца переписывают текст, не приступая к золотописанию (Д. 64. Л. 393об., 427об.). Весной 1668 г., надо полагать, первая книга была готова, поскольку для обтягивания ее переплета приобретался зеленый бархат, а для украшения делаются серебряные наугольники, средник и застежки (Д. 64. Л. 406об.–407). С января 1669 г. в расходной приказной документации появляются записи о приобретении сотен и тысяч листов золота для прописывания им патриаршего Службника. Всего зимой–весной 1669 г. в этих целях приобретено было около 3500 листов!¹⁵ Подобного количества листового золота не требовала еще ни одна патриаршая золотописная рукопись. Видимо, одновременно с золотописными работами по оформлению первого Службника готовилась вторая его книга: если в марте работы над первой частью подошли к концу, и рукопись была выдана домовым

¹³ Там же. Син. свитки и грамоты 1294.

¹⁴ Кудрявцев И.М. "Издательская деятельность" Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Вып. VIII. С. 189–191.

¹⁵ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 67. Л. 300–300 об.; Ф. 236. Оп. 1. Д. 20. Л. 27 об., 51 об., 74 об., 80.

иконописцам "писать Трех Святителей", а в мае она была уже в работе у переплетчика дьякона Авдея¹⁶, то в июне того же года закройщик Федор Чекал (Чекало) готовил переплет из красного сукна для "новоописанного Служебника"¹⁷. Вряд ли возможно представить себе книгу, пребывающую в одно и то же время в зеленом и красном переплетах. Приказная документация везде сообщает о работах над переписыванием и оформлением одной книги, именуемой просто "Служебник". Но по всей вероятности, имеются в виду две различные рукописи, которые создавались одновременно, хотя одна из них была закончена несколько позже.

В Синодальном собрании обнаруживаются обе рукописи¹⁸. Горским и Невоструевым они определены как "...Служебники XVII в., ок. 1666–69 гг., предназначенные для патриаршего употребления"¹⁹. Обе оформлены поистине роскошно: с глубоким чеканом по обрезу блока, бархатной обтяжкой переплета (один – Син. 266 – обтянут выцветшим бархатом зеленоватого оттенка, второй – Син. 270 – малиновой материей) и обильной золотописью. Киновари в обеих рукописях сравнительно немного, зато золото используется почти на каждой странице: им прописаны колоннитулы, рамки, а также отдельные буквы, слова и целые отрывки текста. Тщательнейшим образом вырисована каждая деталь сложных золотописных заставок старопечатного стиля. Манеру письма отличают невероятные точность и аккуратность, а также особый, несколько "рисованный" стиль написания буквиц, отдаленно напоминающих буквицы-гиганты старецкого Требника патриарха Иова²⁰.

Золотописное оформление рукописи, переплет которой обтянут зеленым бархатом (Син. 266. Далее: "Зеленобархатный Служебник") единообразно на протяжении всего блока; во второй рукописи (Син. 270. Далее: "Краснобархатный Служебник") обнаруживаются явные отличия. Л. 4–54об. и Л. 60–177об. оформлялись различными золотописцами, поскольку в первой части блока контур листовой рамки сложнее, а также прослеживается характерный прием оформления золотописных инициалов – удвоение их линий черными чернилами. Во второй части рамка проще, и "удвоение линий" отсутствует. Второй золотописец, по всей вероятности, оформлял и "Зеленобархатный Служебник", поскольку стиль золотописного оформления этой рукописи идентичен манере работы, обнаруживающейся на листах второй части "Краснобархатного Служебника". Исходя из того, что старец Маркел, судя по записям о выдачах листового золота, получал его намного больше, чем старец Паисий, ему (т.е. – Маркелу) следует приписывать все золотописные работы во всем "Зеленобархатном Служебнике" и большую их часть – в "Краснобархатном"; Паисию же принадлежит наиболее искусная и сложная, но меньшая по объему работа в "Краснобархатном Служебнике" (Л. 4–54об.).

По составу "Краснобархатный" и "Зеленобархатный" служебники одновременно и самостоятельны, и составляют части одной книги. Месяцеслов и некоторые молитвы в них повторяются (возможно, они были дописаны позднее), но основное содержание рукописей предполагает несомненное взаимодополняющее их отношение друг к другу. Син. 270 ("Краснобархатный Служебник") содержит вечерню, утреню, чин литургии и литургию Иоанна Златоуста. Син. 266 ("Зеленобархатный Служебник") – литургию преждеосвященных даров и литургию Василия Великого²¹. Иными словами, при подготовке рукописи

¹⁶ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 20. Л. 98.

¹⁷ Там же. Л. 109.

¹⁸ ОР ГИМ. Син. 266 и 270.

¹⁹ Описание славянских рукописей... М., 1869. Отд. 3. Ч. 1. № 364, 365.

²⁰ ОР ГИМ. Син. 309.

²¹ Описание славянских рукописей... 1869. Отд. 3. Ч. 1. № 364, 365.

патриаршие приказные люди имели все основания именовать ее просто "Служебник" – как одну книгу, впоследствии разделенную на две части.

К середине 80-х годов XVII в. состав патриарших книгописцев полностью изменился. Среди них известный иконописец Федор Никитин (Федор Никитич Рожнов) из Казани. В 1688 г. он писал книгу "Толковая литургия Симеона Фесалонийского", а в 1692–1700 гг. полностью переключился на иконописные работы: писал и чинил иконы для Успенского собора в Кремле, патриаршей церкви Двенадцати апостолов и патриаршей ризницы²². В 1686 г. "книгу летописную" для патриарха Иоакима писал книгописец Дмитрий Михайлов. Надо полагать, он не входил в постоянную группу книгописцев, работавших при Патриаршем Доме, поскольку особо отмечалось, что книгописанием ему приходилось заниматься в келье ризничего Тихона, а не вместе с остальными книгописцами (Д. 118. Л. 141об.–142).

Несколькими годами ранее книгописец Тимофей Андреев писал "заставицы в новоисправной Устав" и "знаменил наугольники в Чиновниках архиерейского служения" (Д. 105. Л. 364–364об.). Что касается "новоисправного Устава", то это, по всей вероятности, рукопись Син. 393, по которой, как полагали А.В. Горский и К.И. Невоструев, напечатано было издание 1682 г.²³ Особой роскошью в оформлении рукопись не отличается. Из числа рукописных архиерейских Чиновников конца XVII в. удалось обнаружить лишь один, выделяющийся по своему оформлению, однако, это Чиновник избрания, исповедания и хиротонии архиерея, а не архиерейской службы, и вряд ли он имеет отношение к работе Тимофея Андреева²⁴. Вместе с тем, рукопись явно вышла из патриаршего скриптория. Это следует из текста послесловия, согласно которому книга была списана с "древней рукописной книги" после знакомства в 1676–1677 гг. с оригиналом патриарха Иоакима²⁵. На Л. 1 имеется сложная рисованная заставка старопечатного стиля, весьма искусно подражающая гравюре.

В 1685 г. книгописцем назван Тимофей Иродионов, наиболее вероятный составитель Оглавления Макарьевских Четых Миней. В соответствующей записи из приходно-расходной книги указано, что он работал в справной палате у Евфимия Чудовского²⁶. Однако эта запись не дает возможности наверняка назвать Т. Иродионова постоянным сотрудником Евфимия, и не указывает даже на его сколько-нибудь долговременную службу при Патриаршем Доме. Вполне вероятно, что это был посадский или типографский книгописец, привлеченный к книгописным работам в справной палате по какой-либо экстренной необходимости. В списках на выплату жалования разного рода служащим и работникам Патриаршего Дома за соответствующие годы его имя не значится. По данным Б.Л. Фонкича, в 1704 г. некий Тимофей Родионов, вероятно, то же самое лицо, "был приставлен" к Евфимию Чудовскому и ухаживал за ним²⁷.

Известно, что Т. Иродионов написал два списка Оглавления Четых Миней. Автору этих строк уже приходилось высказывать свое сомнение по поводу атрибуции известных к настоящему времени списков Оглавления; в частности, в научное обращение введено четыре списка: ОР РНБ. Погод. 1963; ОР ГИМ. Син. 587 и 694; неполный список в Собрании РГБ. Ф. 193. Ед. хр. 8²⁸ – вряд ли

²² РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 95. Л. 123; *Успенский А.И.* Словарь патриарших иконописцев // Записки МАИ. М., 1917, т. XXX. С. 72–77.

²³ Описание славянских рукописей... 1869. Отд. 3. Ч. 1. № 393.

²⁴ ОР ГИМ. Син. 344.

²⁵ Там же. Син. 244. Л. 47 об.–48 об.

²⁶ *Володихин Д.М.* Книжность и просвещение в Московском Государстве XVII в. М., 1993. С. 203–207.

²⁷ *Фонкич Б.Л.* Греческое книгописание в России XVII в. // Книжные центры Древней Руси, XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 46.

²⁸ *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. 1. № 806, 807.

хотя бы один из этих списков принадлежит перу Евфимия Чудовского²⁹. Но при этом весьма сложно определить, является ли какой-нибудь из них работой Иродионова. Сомнительно, чтобы таковой могли быть списки черного, рабочего характера – Погодинский и Син. 694: в названной уже записи сообщается, что иродионовские списки писаны были "уставом", а это предполагает, по крайней мере, весьма аккуратный и крупный полуустав. Подобным условием отвечает лишь Син. 587. Весь текст его писан ровным, чистым и довольно крупным полууставом, который мог бы быть отнесенным как раз к работе книгописца, а не просто писца. Тем более, что рукопись украшена киноварью. Син. 694 по отношению к этому списку является сокращенной черновой копией, притом роль Син. 587 как протографа здесь совершенно очевидна:

Син. 587. Л. 149:

"Преподобныя Марии Египтяныни. Лист: 1: 23. Житие преподобныя Марии, лист: 5".

Син. 694. Л. 49об.:

"Прпдб. Марии Египтяныни ли: 1: 23. Жития тоя. Ли: 5".

Син. 587. Л. 173:

"Святого Александра, архиепископа Константина града. Лист: 53.

Мучение Святого Иоанна Новаго в Беле граде. Лист: 45".

Син. 694. Л. 63:

"Архиепископа Конс: града. 53. Мучение ст: Иоанна Новаго в Беле граде. 45".

Соотношение Син. 587 и Погодинского списка – более сложное: кое-где Синодальный список полнее, а кое-где не столь распространен. Для более категоричных утверждений требуется специальный текстологический анализ, который не может быть проведен на основе малоудовлетворительной публикации Погодинского списка, осуществленной В.М. Ундольским³⁰. Во всяком случае, эти списки ближе друг к другу, нежели к Син. 694.

Таким образом, скорее всего, Тимофею Иродионову принадлежит чистовой список Син. 587.

В 1686 г. в книгописцы был произведен Иван Никитин, ранее работавший писцом в патриаршей справной палате (Д. 115. Л. 259об., 269). Еще в январе 1686 г. он назван "писцом" в списке учеников братьев Лихудов в Богоявленской школе (Д. 118. Л. 259об.), а уже в ноябре того же года обнаруживается его упоминание (живет "со старцем патриаршей правильной палаты Варламом") в должности книгописца (Д. 122. Л. 85об.). Книгописные работы Ивана Никитина в приходно-расходной документации не названы. Известно лишь, что для него приобретались свечи по особой статье казенного расхода (Д. 122. Л. 349об.).

Не менее анонимная фигура – патриарший книгописец монах Иов. О нем можно сказать лишь то, что в 1688 г. он пребывал среди учеников Славяно-греко-латинской академии Лихудов (Д. 127. Л. 240). Немного больше сведений обнаруживается о книгописце Семене Иванове. Книгописцем он назван в 1692 г., хотя несколькими месяцами позже (возможно, по ошибке) именуется писцом (Д. 143. Л. 170 об.; Д. 147. Л. 178 об.–179). У С. Иванова патриаршей казной было куплено 8 книг "нотных осмогласных" – в Певчую палату; впоследствии ему указано было дописать эти книги.

Наконец, о книгописце Флоре Герасимове имеется лишь одно глухое упоминание – от 30 апреля 1693 г. (Д. 147. Л. 311об.) Б.Л. Фонкич определил его, так же как и монаха Иова, в качестве писцов Московского Печатного двора³¹. По его сведениям, Флор Герасимов и Иов участвовали в книгописных работах по

²⁹ Володихин Д.М. Книжность и просвещение... С. 204–207.

³⁰ Ундольский В.М. Оглавление Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московском Успенском соборе, составленное справщиком монахом Евфимием. М., 1847.

³¹ Фонкич Б.Л. Указ. соч. С. 26.

созданию одного из списков "Лексикона греко-славяно-латинского" Епифания Славинецкого, поскольку названная книга оказалась "ценнейшим пособием" в работе справщиков Московского Печатного двора. Выполнение этими двумя писцами книгописных работ для Патриаршего Дома неудивительно: Дом был связан с Печатным двором практическими, деловыми и административными отношениями. В документации, относящейся к патриаршим приказам, принадлежность их к Печатному двору не указана, оба названы "книгописцами" без каких-либо пояснений. Возможно, из писцов Печатного двора оба перешли по службе в книгописцы Патриаршего Дома.

К работам патриарших книгописцев конца XVII в., несомненно, принадлежит конволют Син. 422, содержащий духовные грамоты патриархов Иоакима и Адриана. Первая из них (содержащая прошение к царю – не писать икон по немецким образцам и не строить неправославных церквей) датируется 1690 г. (год смерти Иоакима) – как сам текст, так и создание рукописи³². Вторая была составлена в 1697 г. и переписана в самом конце 1700 г., после погребения Адриана, – на это имеется указание в тексте³³. Обе рукописи в составе конволюта особой роскошью не отличаются.

Книгописцы относились к числу служителей Патриаршего Дома, получавших регулярное жалование. Они, так же как и певчие, сторожа, повара, конюхи и т.п. имели четко определенный оклад. Одна из глав (как правило первая) расходных книг Патриаршего казенного приказа состоит из помет, свидетельствующих о получении жалования всем штатом администрации, прислуги, охраны, разного рода специалистов, а также о штатных перемещениях. Произведенная проверка одной на каждые четыре годовые расходные книги 1630–1690-х годов показала, что книгописцы имели годовой оклад в 5 руб. и входили в штат. Помимо этого, оплата их труда включала в себя разовые дачи за выполнение конкретных работ.

Отнюдь не все книгописцы, состоявшие при Патриаршем Доме, становились жалованными. Автору этих строк удалось обнаружить статус жалованного книгописца лишь за тремя персонами: Захарием Лукиным (Д. 41. Л. 10 об.; Д. 47. Л. 9), старцами Паисием и Маркелом (Д. 69. Л. 6 об.–7; Д. 75. Л. 7 об.; Д. 81. Л. 7 об.). Период, на протяжении которого удастся документально проследить наличие подобной должности, укладывается в 20-летие: середина 1650-х – середина 1670-х годов. Остаются невыясненными вопросы: почему звания штатного книгописца (золотописца) на окладе удостаивались не все из числа одновременно работавших мастеров, и по какой причине в последней четверти века графа "Золотописцы" уходит из формуляра списков на выдачу жалования в расходных книгах. Впрочем, относительно второго частичное объяснение все же имеется: сфера работы золотописцев оказалась в значительной мере суженной практикой выдачи разного рода грамот не рукописных, а отпечатанных на Московском Печатном дворе (даже в высших кругах церковной иерархии). Таким образом, значение золотописного дела в этот период резко упало.

Певчим и приказным подъячим при Патриаршем Доме выплачивали за книгописные работы ненормированное вознаграждение. Но одновременно прослеживается и определенная "тарифная система" – книгописцы и некоторые другие персоны получали за переписывание книг фиксированное количество денег – в зависимости от числа тетрадей в рукописи, формата и, вероятно, качества работы. В 1630-х – 1640-х годах "тарифы" еще не устоялись. За переписывание тетради полудестевого формата могли заплатить от трех копеек до 15 (Д. 3. Л. 640; Д. 9. Л. 584 об.; Д. 22. Л. 333об.–334). В последней трети столетия

³² ОР ГИМ. Син. 422. Л. 29 (общая пагинация сборника).

³³ Там же. Л. 13–13 об., 14 об.–16.

расценки за труд книгописцев повысились и стабилизировались: за ту же полудестевую тетрадь в 1670-х – 1690-х годах (имеются данные за 1674–1692 гг.) платили 10–12 коп.³⁴ Отчасти повышение платы за книгописные (и просто писцовые) работы можно связывать с падением в цене старомосковской копейки.

* * *

Завершая этот очерк, посвященный деятельности патриарших книгописцев, хотелось бы отметить несколько важных моментов.

Несомненно, небольшая статья не может исчерпать всю колоссальную тему книгописания при Патриаршем Доме, тем более, в нем фактически не рассматривалась деятельность других патриарших книгописных центров – помимо скриптория книгописцев-золотописцев. Да и сама история патриаршей книгописной мастерской вполне может быть расширена за счет определения принадлежности к ней большего количества дошедших до нашего времени рукописей, за счет более углубленных палеографических и кодикологических изысканий. Хотелось бы лишь надеяться, что настоящая работа дает возможность получить первое представление о трудах патриарших книгописцев в общем плане.

Патриарший скрипторий не мог сравниться по масштабу своей деятельности с книгописными мастерскими, скажем, Посольского приказа или Оружейной палаты. Но в системе столь крупного культурного центра, каким являлся Патриарший Дом, этот скрипторий играл немаловажную роль, объединяя порой замечательнейших мастеров; некоторые художественные достижения патриарших книгописцев (особенно в области золотописного дела) стоят на самом высоком уровне художественных требований той эпохи.

³⁴ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 83. Л. 382–382об.; Д. 92. Л. 129об.–130; Д. 95. Л. 123; Д. 99. Л. 353об.; Д. 127. Л. 161об.–162; Д. 143. Л. 169об.–170.

Т.Б. Соловьева

**СПРАВОЧНИК "ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ КУПЕЧЕСТВО В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКОВ
(ГОСТИ, ГОСТИНАЯ И СУКОННАЯ СОТНИ)"**

В Российском государственном архиве древних актов начата работа по подготовке нового справочника. Главная задача его составителей – предоставить широкой научной общественности информацию о хранящихся в РГАДА документах, которые отражают жизнь и деятельность определенной социальной группы средневековой России. Выбор тематики справочника не случаен, он мотивируется потребностью общества в знании экономической истории России. Этот интерес актуализировался в последние несколько лет, что нашло свое выражение в вышедших книгах¹; в появлении специального приложения "Былое. История и опыт хозяйствования" к газете "Деловой мир" ("Business World"), выходящего с 1991 г.; в созыве ИРИ РАН научной конференции "Российское купечество от средних веков к новому времени" в ноябре 1993 г.; а также в заметном количестве докладов, относящихся к истории купечества, на международной конференции "Чтения памяти академика Л.В. Черепнина", посвященной проблеме отношений сословий и государственной власти в средневековой России².

Готовящееся издание представляет собой тематический справочник научного типа по истории сословия, основной социальной функцией которого была торговля, а главной государственной службой – удовлетворение финансовых, торговых и промышленных потребностей государства. Эта работа лежит в русле традиции создания специальных справочников о должностных лицах или сословных группах средневековой России (воеводы, приказные судья, дьяки и подьячие, высшее духовенство).

Главным критерием отнесения справочника к научному типу является сочетание максимально достижимой полноты информации по избранной теме и оптимального объема информации. Так, применительно к нашей теме перед составителями справочника будет первоначально стоять задача обеспечить возможно большую полноту персонального состава представителей купечества. Для достижения этой цели на первом этапе выявления документов подлежат фиксации любые упоминания о купцах трех указанных корпораций. Решение второй задачи, т.е. обеспечение оптимального объема информации в описательной статье об отдельном лице, будет достигнуто путем отбора выявленной информации и ее обобщения.

Подготовка справочника осуществляется на базе документов РГАДА, однако, представляется необходимым также использование сведений, содержащихся в

¹ Варенцов В.А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989; Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1, 2; Торговля и предпринимательство в феодальной России: Сб. статей. М., 1994.

² Сословия и государственная власть в России. XV - середина XIX вв. М., 1994. Ч. 1, 2. Немалое внимание той же тематике было уделено на XI Международном конгрессе по экономической истории (Милан, 1994. Секция "Tenurial relations and market in late medieval and early modern Europe").

литературе и публикациях документов XVIII–XX вв. На основе комплекса всех выявленных данных о лице составляется персональная описательная статья ("анкета"). "Анкеты" располагаются в алфавитном порядке условных³ фамилий купцов всех трех корпораций с делением на тома (выпуски) в зависимости от объема тома. Первоначально намечается подготовка двух томов справочника с предположительным общим объемом в 40 п.л., однако, эта цифра условна, она определена с ориентацией на объем справочника С.Б. Веселовского "Дьяки и подьячие XV–XVII вв." (М., 1975) и может быть изменена в зависимости от наличия и важности выявленной информации и технико-экономических возможностей архива.

Схема справочника включает предисловие ("От составителей"), содержащее краткую характеристику использованных фондов, коллекций и опубликованных источников, изложение обоснования принципов отбора информации, вошедшей в описательные статьи ("анкеты"), а также описание расположения материала по томам издания и его научно-справочного аппарата (НСА).

В состав НСА справочника предполагается включить также именной и географический указатели, списки сокращений (а) – сокращенно написанных в тексте слов; б) – сокращения в составе контрольно-справочных сведений об использованных документах; в) – сокращения библиографические), перечни использованных архивных фондов, публикаций, литературы и оглавление.

Составители справочника определили основную тематику выявления документов следующим образом:

1. Биографические и генеалогические сведения.
2. Данные о пожаловании соответствующих чинов и других изменениях социального статуса.
3. Данные о торгово-промышленной и финансовой деятельности:
 - а) на государственной службе – крупные внешнеторговые операции с казенными товарами, закупка драгоценных металлов (монеты) и организация монетного дела, служба на таможах и кружечных дворах, крупные поставки товара по заказу казны, эксплуатация торгово-промышленных объектов; б) частная торгово-промышленная и финансовая деятельность – торговля, промыслы, откупа, эксплуатация оброчных угодий, кредитование и получение ссуд.
4. Данные о правовом положении, налогообложении и участии в судебных делах.
5. Данные о собственности: а) дворы и лавки в городах; б) промыслы (город, уезд); в) вотчины и другие виды земельных сельскохозяйственных владений; г) денежные средства; д) личное имущество (раритетные предметы).
6. Данные об участии в политических событиях и выполнении политических поручений: а) участие в земских соборах; б) совещания с Боярской думой по торгово-финансовым вопросам; в) участие в дворцовом церемониале; г) выполнение самостоятельных дипломатических поручений и участие в посольствах и посольских съездах; д) позиция в периоды социальных конфликтов;
7. Данные о деятельности в сфере религии, культуры, образования: а) паломнические путешествия; б) благотворительная и донаторская деятельность в крупных размерах (индивидуальная и коллективная); в) строительство, финансирование в сфере культуры; г) обучение в России и за рубежом.

Привилегированные купеческие корпорации осуществляли важные службы в Российском государстве XVI – первой четверти XVIII вв. через комплекс цент-

³ В указанный период для рассматриваемой социальной группы фамилии, т.е. третья часть антропонимной формулы именованного русского православного населения, находились в стадии формирования.

ральных учреждений с определенными финансовыми функциями (Казенный приказ, Приказ Большого прихода, Новая четь, Приказ Большой казны) и находились в ведении последнего приказа. Однако фонд Приказа Большой казны, в процессе функционирования которого откладывались документы о государственной финансовой и торговой службе и частной торгово-промышленной деятельности привилегированного купечества, до нас не дошел. Поэтому выявление документов будет проводиться по всему комплексу фондов учреждений, с которыми была связана деятельность купечества.

Особо следует подчеркнуть, что в ходе выявления документов и материалов будут фиксироваться все упоминания купцов указанных корпораций вне зависимости от темы, содержания и значимости сведений. Только таким образом составители справочника смогут обеспечить максимально доступную полноту учета личного состава этих корпораций.

По этой же причине в ходе подготовки справочника будут выявляться документы и материалы о купечестве в комплексе опубликованных источников (вне зависимости от современного места их хранения), научных справочников и литературе. В частности, в такой форме будет использована информация о документах из фондов и коллекций, находящихся в хранилищах Санкт-Петербурга, в библиотеках и музеях Москвы.

Работа будет проводиться в РГАДА, где сосредоточены фонды центральных учреждений XVII–XVIII вв. Первый этап выявления документов включает просмотр описей, фиксацию сведений о делах и документах нашей тематики и первичный отбор дел для дальнейшей обработки, второй этап работы включает полистный просмотр отобранных дел и документов и фиксацию конкретных сведений, содержащихся в них, путем регистирования с ориентацией на вышеизложенную "основную тематику выявления документов" (П. 1–7).

В комплекс фондов, где будет вестись поиск документов, входят несколько групп, определенных на основе изучения функций их фондообразователей и роли привилегированного купечества в их деятельности. Группы фондов-коллекций Посольского приказа с условными названиями "Европа" и "Азия" (Ф. Австрия, Англия, Венеция, Голландия, Дания, Голштиния, Греция, Лифляндия, Тоскана, Швеция; Ф. Армения, Бухара, Индия, Китай, Персия, Хива) содержат сведения о внешнеторговой деятельности купечества. Группа фондов-коллекций Посольского приказа и соединенных с ним Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей ("Четверти" – Ф. 137. "Боярские и городские книги"; Ф. 141. "Приказные дела старых лет"; Ф. 158. "Приказные дела новых лет"; Ф. 159. "Приказные дела новой разборки") даст разнообразную информацию о государственной финансовой службе купечества внутри страны, о его частной торгово-промышленной деятельности и других вопросах.

Аналогичную информацию содержат документы из тематических и видовых фондов-коллекций, образовавшихся на базе архива Посольского приказа в XVIII в. (Ф. 151. "Дела о горных промыслах и заводах"; Ф. 154. "Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство"; Ф. 156. "Исторические и церемониальные дела"; Ф. 181. "Рукописный отдел МГАМИД"; Ф. 365. "Дела о Строгановых"; Ф. 368. «Дела Нового "Английского" денежного двора»).

В группу фондов "Приказы XVII века" входят фонды центральных учреждений, обладавших определенными финансовыми и административными функциями, в делах которых отразилась деятельность купечества (Ф. 27. "Приказ тайных дел"; Ф. 210. "Разрядный приказ"; Ф. 214. "Сибирский приказ"; Ф. 396. "Архив Оружейной палаты"). В эту же группу входят Ф. 231. "Земский приказ" и Ф. 1209. "Поместный приказ", в последнем будут использованы писцовые и переписные книги городов. Состояние фонда Земского приказа, управлявшего Москвой, где были сосредоточены привилегированные купеческие корпорации,

к сожалению, не дает надежд на должное освещение вопросов о недвижимой собственности купцов на материалах Москвы, что крайне необходимо для нашей темы, но для освещения этого вопроса будут привлечены определенные книги из Разрядного приказа, Оружейной палаты и некоторые другие материалы.

Чрезвычайно важной является работа с Ф. 233. "Печатный приказ", книги которого в силу специфики его функций содержат в свернутой форме уникальную информацию практически по всем вопросам истории России XVII в. и, в том числе, о привилегированном купечестве. Эти книги в ходе выявления документов должны быть просмотрены полностью.

Из некоторых фондов будут использованы выборочно комплексы дел об отдельных представителях купеческих корпораций: Ф. 6. "Уголовные дела по государственному преступлению" (Розыскное дело о госте Г. Романове, обвиненном в оскорблении Петра I. 1698.); Ф. 1182. "Приказ Книгопечатного дела" (Списки книжных продаж и выдач в приходно-расходных приказных книгах с указанием имен купцов).

Группа фондов с условным названием "Петровское время" объединяет две подгруппы. *Первая* включает учетные фонды из разрядов Госархива и фондовые включения. Так, из Ф. 9. "Кабинет Петра I и его продолжение" во II отделении будут использованы донесения государственных чиновников по делам внешней торговли, финансов, о заведении фабрик и заводов, проекты об образовании торговых компаний. В Ф. 14. "Придворное ведомство" предстоит выявить материалы о торговых поставках купцов двору. Ф. 19. "Финансы" и Ф. 26. "Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I" требуют тщательного выявления документов, ибо состоят из дел и документов именно той сферы государственной жизни, в которой привилегированное купечество осуществляло свою деятельность.

Кроме того, представляется необходимым просмотр ведомостей о приходе и расходе государственного бюджета и товаров, представленных в Ближнюю канцелярию (высший контрольный финансовый орган управления при Петре I за 1699–1718 гг.) из приказов: Большой Казны, Владимирского, Земского, Казанского дворца, Сибирского и некоторых других, а также дел о корабельном строительстве. Фондовые включения этого учреждения находятся в нескольких разрядах Госархива и в Архиве Оружейной палаты.

Вторая подгруппа состоит из архивных фондов государственных учреждений, возникших в эпоху Петра I: Ф. 248. "Сенат"; Ф. 270. "Монетная канцелярия"; Ф. 273. "Камер-коллегия"; Ф. 276 "Коммерц-коллегия"; Ф. 291. "Главный магистрат"; Ф. 282. "Юстиц-коллегия"; Ф. 340. "Канцелярия конфискации". В ходе работы с ними просмотр будет проводиться с учетом хронологических рамок существования купеческих корпораций.

Желательно было бы привлечение материалов из коллекции Ф. 350. "Ландратские книги и ревизские сказки" (Оп. 1. 1707–1720. "Переписные книги населения городов и уездов. Ревизские сказки").

Если в ходе подготовки справочника возникает необходимость более *стро-гого* отбора фондов и отказа от просмотра каких-либо фондов, то предпочтение будет отдано тем фондам, которые содержат сведения учетного персонального характера, так как главным критерием научного уровня справочника является максимальная полнота отражения персонального состава купеческих корпораций; а также фондам уникальной, нетиповой тематики, наименее использованным в литературе.

В дополнение к вышеуказанным группам фондов следует иметь в виду в качестве своего рода "контрольных замеров" полноты выявления документов в указанных учетных фондах, сведения о фондовых включениях не сохранившихся архивов таких важных для нашей работы приказов, как Большой приход,

Большая казна, Казанский дворец и некоторые другие, содержащиеся в первом томе нового Путеводителя ЦГАДА (М., 1991. С. 46, 48, 49–51, 52, 59, 61–62, 91–95, 176).

Отдельно следует упомянуть большую группу фондов – местных учреждений, таможен и кружечных дворов, а также коллекцию книг местных учреждений (Ф. 615). Эти фонды могут содержать локальную информацию единичного характера, имеющую отношение к торгово-промышленной деятельности купцов или к их недвижимой собственности. Однако обращение к ним будет целесообразным лишь в том случае, когда при завершении работы с вышеуказанными группами фондов возникает необходимость получения этой информации в качестве ответа на конкретный вопрос, т.е. при наличии явных информационных пробелов.

Другой вариант обработки и извлечения информации, необходимой для освещения деятельности купцов в сфере религии и культуры, предлагается для группы фондов церковных учреждений и коллекций документов, связанных с их деятельностью: Ф. 125. "Монастырские дела"; Ф. 153. "Духовные российские дела"; Ф. 235. "Патриарший Казенный приказ"; Ф. 281. "Грамоты Коллегии экономии", – а также рукописных собраний. Составители справочника полагают необходимым и достаточным максимальное использование имеющихся публикаций, обзоров, описаний, архивных справочников XIX – начала XX вв., а также описаний собраний рукописных и старопечатных книг с опубликованными владельческими или вкладными записями на книгах. Этот вариант подхода к столь ценному и уникальному по своему характеру материалу обусловлен относительно высокой степенью разработанности вопроса в соответствующей литературе, неудовлетворительным уровнем информированности многих описей монастырских фондов и реальной оценкой возможностей небольшой по численности бригады составителей справочника.

В корпус справочника войдут описательные статьи-"анкеты". Ниже представлена схема типовой персональной описательной статьи-"анкеты" (обобщенный вариант собранного комплекса информации о персоналии).

Настоящая схема в принципе, как и следует ожидать, должна содержать повтор "Основной тематики выявления документов" (П. 1–7), и, казалось бы, в ее составлении нет необходимости. Однако это далеко не так, ибо здесь будут изложены основные критерии отбора собранной информации для использования ее в "анкете".

В "анкете" следует дать всестороннее освещение биографии и деятельности купца, исходя из данных, которые будут выявлены. Из комплекса собранных документов и материалов о купце (далее – "личное дело") в окончательном варианте обобщаются сведения о частной торговой деятельности (П. 3б), приводятся лишь указания торговых маршрутов, масштаба и характера региональной торговли, ассортимента и размера партий товаров и денежного масштаба торговой операции.

Сведения об эксплуатации промыслов и оброчных угодий (П. 3б) обобщаются до уровня указания профиля, местонахождения, сроков функционирования, а также объемов и каналов реализации продукта и получаемых доходов. При наличии сведений указываются пути приобретения и тенденции развития промысла.

Сведения о кредитной деятельности (П. 3б) обобщаются до указания социальной стратификации контрагентов, размеров особо крупных ссуд или долгов и годового объема выдачи ссуд или получения кредитов.

Данные о правовом положении и экстренном налогообложении купечества (П. 4), важные в научном плане и ценные для учета персонального состава купцов на этапе поиска информации, в "анкете", разумеется, отражены не будут,

их краткий обзор при необходимости может найти себе место в предисловии. Сведения об участии в судебных делах потребуют дифференцированного подхода и войдут в "анкету" в зависимости от значимости конкретного прецедента. Критериями подобной значимости являются характер судебного процесса (религиозный, политический, уголовный, гражданский) и влияние его исхода на дальнейшую деятельность купца.

Не подлежат сокращению индивидуальные данные, касающиеся биографии и родственных связей (П. 1). Максимально полно (в смысле персонального учета) отразатся сведения о родственниках и свойственниках обоого пола, важные для генеалогических исследований.

Полностью представляются сведения о пожаловании купцам соответствующего чина, о приеме их на службу в приказы (П. 2), но деятельность лица в новом сословном качестве не освещается.

Данные о недвижимом имуществе (П. 5: а, б, в) носят индивидуальный характер и приводятся с оптимальной степенью подробности. Сведения об операциях с недвижимостью представляются исходя из значимости самой формы объекта сделки и типичности операции. Так, покупку или получение на оброк множества мелких участков земли на Севере следует указать в обобщенном варианте, а покупку дорогостоящих вотчин под Москвой или двора в Москве – с сохранением оптимума информации (размер объекта, местонахождение, цена, контрагент, срок владения, особые причины сделки). Сведения о денежных средствах (П. 5) частично будут отражены в разделе о торгово-промышленной деятельности (П. 3).

Возможные данные о наличии накопленных богатств (сокровищ) приводятся полностью, как и данные о раритетных или драгоценных предметах в составе личного имущества (П. 5д).

Информация об участии купечества в политических событиях и выполнении политических поручений (П. 6) требует дифференцированного подхода. Сведения об участии в дворцовом церемониале (прием посольств, аудиенции по случаю религиозных праздников), носившем массовый характер, крайне важные для персонального учета купцов, в "анкету" входить не должны, указания на источники сведений об этих событиях с оптимальным указанием их содержания могут быть обобщены в специальном приложении, которое дополнит традиционный состав НСА издания.

Иного подхода требуют сведения, носящие индивидуальный характер, а именно: участие в совещаниях с Боярской думой по определенному кругу вопросов, участие в земских соборах, посольствах и посольских съездах. Эти данные, так же, как и сведения о позиции и действиях купцов в ходе острых социальных конфликтов, приводятся полностью.

Данные о деятельности купцов в сфере религии, культуры, образования (П. 7), а также особо интересные биографические факты отражаются в "анкете" с оптимальной полнотой.

Появление этой статьи о перспективах работы над справочником имеет своей целью получить от широкой научной общественности оценку намеченного направления работы. Составители справочника надеются также, что у них появятся помощники в их труде, особенно среди сотрудников музеев и библиотек⁴.

⁴ В качестве подготовительного материала к справочнику см.: *Соловьева Т.Б., Володихин Д.М.* Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 в.: По материалам росписей гостей, гостиной и суконной сотен. М., 1996.

Т.В. Лохина

**СВЕТСКИЙ РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК
В РОССИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ ИСТОЧНИКА**

*Писал ученик Семинарии... Александр Ушаков для себя.
Дописал 1828 г. февраля 20-го дня в 3 часу пополудни*

(Из владельческой записи литературного сборника)

Богатство источников личного происхождения, созданных в России конца XVIII – первых десятилетий XIX в., представляет собой не только россыпь ценнейших свидетельств о жизни общества и государства – оно складывается в единое рукописное наследие, объединяющее в одном культурном пространстве всю пишущую публику.

Понятие рукописной культуры, которое довольно точно характеризует эту эпоху, вбирает в себя не только культуру эпистолярную и мемуарную. Ему принадлежат и десятки домашних тетрадей, заполненных стихами любимых авторов, афоризмами, сведениями из газет, всем тем, что необходимо уму и сердцу, и что человек той поры стремился сохранить записывая. Слово записанное нередко заменяло слово напечатанное, дополняло слово сказанное и сопровождало слово помысленное.

Архивы сохранили для нас сотни рукописных "памятных тетрадей" того времени. Яркая, насыщенная культурная жизнь эпохи царствования Александра I и последующих десятилетий, еще не изученная исследователями со всей полнотой, предстала в этих сборниках весьма рельефно. Особенно в той их части, которая относилась к новой рукописной традиции. Пристальное изучение доказывает, сколь ценны и оригинальны они. И сколь малоизвестны.

Светские рукописные сборники давно находятся в поле зрения исследователей: историков, архивистов, литературоведов, однако работ касающихся этого источника в целом, немного. Еще в 1856 г. обращал на них внимание П.П. Пекарский, писавший о рукописи офицера екатерининских времен¹. Почти тогда же на материале подборки произведений для Великой княжны Екатерины Павловны, составленной Н.М. Карамзиным, сделал ряд интересных наблюдений Н. Лыжин². Единственным монографическим исследованием в области рукописных сборников XVIII в. по сей день остается незаконченный труд М.Н. Сперанского "Рукописные сборники XVIII века", написанный в 1930-х годах, вышедший в свет лишь в 1963 г. и рассматривающий этот вопрос в литературоведческом ключе³.

Отдельным аспектам создания, бытования и изучения рукописей такого рода

¹ *Пекарский П.* Любитель литературы екатерининских времен // Отечественные записки. 1856. Т. 105. № 4. С. 493–514.

² *Лыжин Н.* Материалы для характеристики Карамзина, как практического философа // Летописи русской литературы и древности. М., 1860. Т. 2. С. 3–12.

³ *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963.

уделяли внимание многие авторы⁴, однако комплексного исследования светских рукописных сборников не проводилось.

Ключевым для понимания места и роли "памятных тетрадей" в русском обществе представляется тезис Ю.М. Лотмана о том, что "культура начала XIX века с наибольшей силой реализовала себя не в вершинных созданиях человеческого ума, а в резком подъеме среднего уровня духовной жизни... Сознание значительности среднего уровня дворянской культуры преддекабристской эпохи заставит нас отнестись со вниманием к памятникам, в которых он запечатлелся. Стихотворения, читавшиеся и переписывавшиеся в альбомах, элегии, над которыми плакали старшие сестры Татьяны и словами из которых Ленский выразил свои предсмертные терзания, сохраняют для нас значение молчаливых свидетельств. По ним мы можем реконструировать психологический тип породившей их общественной среды"⁵.

Светские рукописные сборники при всем разнообразии тем и объемов имели определенное единство. Для источниковеда они важны как памятники письменности, отражающие восприятие составителем окружающей действительности (и, через это, саму действительность) путем критического отбора и систематизированной фиксации письменной информации, поступающей из окружающего мира. Это определение можно считать отправным для данной статьи.

Говоря о поздних рукописных сборниках, нельзя не упомянуть и такой источник, как светские рукописные альбомы первой трети XIX в. По форме эти источники малоотличимы друг от друга. Тем не менее, различаются функциональное назначение альбомов и сборников, роль, которую они играли в обществе. В первой трети XIX в. сборники стремительно сближаются с такими источниками, как дневники, записки, материалы научных изысканий. Большинство из них – плод весьма серьезной, целенаправленной интеллектуальной деятельности одного человека или очень узкого круга людей, деятельности, направленной на самообразование, самоосознание человека. Альбомы же – часть иного процесса: культурного общения. Их существование и стало возможным лишь с появлением широкого круга читающих и пишущих людей. В обществе, где столь развиты были письменная культура и искусства, они стали не только способом общения, но и развлечением, своеобразной игрой, чудесной возможностью оставить память о себе, выразить себя в малознакомом обществе. Со сборниками их роднит переписывание чужих стихов, мыслей – как способ самовыражения. Но доля таких записей в альбомах невелика. Есть, при этом, "промежуточные варианты" – рукописные сборники, явно рассчитанные их составителем на хождение в обществе, на развлечение публики, гордо указывающие имя владельца-составителя.

Интересно сравнить сборники "новой" традиции с дневниковыми записями (с которыми они иногда совмещены под одной обложкой), с записными книжками.

⁴ *Розов Н.Н.* Светская рукописная книга XVIII–XIX вв. в собрании А.А. Титова // Сборник Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрин. Л., 1954. Вып. 2. С. 127–146; *Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX в.* / Вступ. статья С.Б. Окуня и С.А. Рейсера. Л., 1970; *Мартынов И.Ф.* К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. (проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги) // *Рукописная и печатная книга: Сб. статей.* М., 1975. С. 193–205; *Он же.* Научное описание антологических сборников, составленных любителями русской поэзии XVIII–XIX вв.: Проблемы и методика // *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции.* Л., 1981. С. 208–214; *Алексеев В.Н.* Герман Тулупов – читатель минейных сборников // *Книга в России до середины XIX в.: Материалы конференции.* Л., 1981. С. 17–18; *Морозов В.В.* Предисловие // *Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель.* Вологда, 1989. Ч. 1, вып. 3; *Юхименко Е.М.* К вопросу о репертуаре русской рукописной книжности XVII–XIX вв. // *Русская книжность XV–XIX вв.* ТГИМ. М., 1989. Вып. 71. С. 69–79.

⁵ *Поэты 1790–1810-х годов: Сб. стихотворений / Вступ. статья Ю.М. Лотмана.* Л., 1971. С. 11.

При всем несходстве характера информации, они очень близки. В дневниках, записных книжках автор фиксирует заинтересовавшую его информацию, поступившую из окружающего мира, то, что отвечает его интересам, взглядам, при этом привнося свои мысли, свои взгляды. В светских сборниках первой половины XIX в. идет аналогичный процесс, с той лишь разницей, что отсутствуют сформулированные лично автором (составителем) оценки; авторское начало проявляется в отборе, критической оценке информации, поступающей из окружающего мира. Составители выбирают тексты, произведения понятные, актуальные, отвечающие их духовным запросам, мысленно обязательно их оценивая, но выказывая согласие лишь переписыванием⁶. Здесь также как в дневниках, записных книжках видна почти ежедневная творческая работа конкретного человека.

В конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. рядом сосуществуют два вида рукописных сборников, которые условно можно назвать "старые" и "новые" сборники. Сравнивая внешний облик тех и других, можно обнаружить различие, которое в кодикологии, применительно к рукописной книге вообще, выразилось в понятиях "старой" (кириллической, церковно-славянской) и "новой" традиции. Рукописные сборники "старой" традиции, как правило, имеют значительный объем и формат, писаны полууставом, реже скорописью, курсивное письмо в них не встречается; их особенностью также являются киноварные заголовки. В "новых" сборниках, традиционно небольшого объема, основной почерк – скоропись для конца XVIII в. и позже – курсивное письмо, в оформлении используются чернильные рамки, иногда виньетки и т.п. В этом разделении уже прослеживается принадлежность к разным слоям культуры. Особенно это заметно при сопоставлении содержания сборников. Сборники "старой" традиции содержат прежде всего произведения XVII в. и предшествующих веков. Повести, сказания, жития святых традиционно составляют основу содержания. Состав таких подборок устойчив. В сборниках "новой" традиции, наоборот, основное внимание направлено на текущие события, современные произведения изящной словесности – они содержат в себе чаще всего стихи, фрагменты прозы современных литераторов, выписки из газет, опубликованных государственных документов, афоризмы и т.п. Сравнение особенностей бытования тех и других сборников показывает, что в отличие от сборников "старой" традиции, которые могли часто продаваться, менять многих, незнакомых между собой владельцев, служить книгой для чтения чаще всего в купеческих, крестьянских семьях, "новые" сборники, ходившие в среде дворянства, и, позднее, разночинцев, были "личными бумагами" не столько для чтения, сколько "для памяти", не продавались и меняли владельца только при дарении близким друзьям, родственникам. Отдельные черты сборников "новой" традиции прослеживаются на протяжении всего XVIII в., вырастая в самостоятельную форму. Но проложить четкие границы невозможно. Само понятие "традиция" связано с протяженностью во времени, и в начале XIX в. еще создается немало рукописей в рамках "старой" традиции.

"Новые" сборники, которым посвящена данная статья, хранятся во многих архивохранилищах России. Учитывая богатство литературного материала, который они содержат, невозможно представить без них собрания Пушкинского Дома, РГАЛИ. Значительное количество сборников принадлежит ОР БАН, описание которого изданы⁷. В отделе письменных источников ГИМ они составляют

⁶ Встречаются и весьма красноречивые пометы – возле списка "Видения" К. Рылеева читаем: "За эту оду Рылеев получил бриллиантовый перстень... Странное было время!" (сборник середины XIX в.: ОР РГБ. Ф. 218. Д. 256. Л. 50).

⁷ Описание РО БАН СССР. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX вв. / Сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина и др. Л., 1971; Т. 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII – первой трети XIX в. / Сост. И.Ф. Мартьянов. Л., 1980.

значительную часть фонда 96: коллекции рукописных книг и сборников. Есть подобные рукописи и в провинциальных собраниях.

В данной статье рассмотрены, преимущественно, материалы рукописных отделов таких крупных библиотек, как РГБ, РНБ, БАН. Профиль этих хранилищ не определяется какой-либо одной проблематикой, что позволяет хранить широкий круг документов, а множество коллекций, собраний в их составе дает значительное количество рукописных сборников. Кроме того, материалы таких собраний наиболее точно представляют средний уровень сборников (в данном случае, особенно интересный для изучения), соответствующий распространению в широкой читательской среде – критерии именитости владельца рукописи или художественного уровня произведений, входящих в подборку, громкие имена авторов этих произведений – не оказали столь значительного влияния на отбор сборников для хранения.

Путь, пройденный сборником, от создания до момента поступления в архив, как правило, неизвестен. Можно предположить, что история тетрадей А.В. Кольцова, приобретенных М. де-Пуле в середине 1860-х годов в Воронеже достаточно типична: редактор "Воронежского листка" П.В. Малыхин купил рукописи у одного из воспитанников Воронежской семинарии. "Тетради эти достались семинаристу от какого-то воронежского мещанина Дубинина и приобретены последним за несколько копеек на толкучем рынке, куда, кажется, ушла вся литературная собственность покойного Кольцова"⁸.

В большинстве же случаев возможно лишь проследить общую историю составления тех или иных собраний, в которые сборники входили. Это будет бесполезно в том числе и для понимания репрезентативности того круга рукописей, которые находятся в поле нашего зрения.

Так, в ОР РГБ собрание Костромской областной библиотеки им. Н.К. Крупской составилось из ряда небольших собраний и отдельных маленьких архивных фондов. Несколько учебных сборников поступило из Костромского кафедрального собора, литературные сборники – из Николо-Бабаевского монастыря, от некоего иеромонаха Пахомия. Несколько рукописей принадлежит Костромскому университету. Поздние рукописи поступали от уездных отделов народного образования: Костромского, Галичского, часть материалов – из родовых имений, после революции (материалы П.П. Свинына).

Схожая картина – с Вологодским собранием ОР РГБ. В него вошли рукописи из Вологодской областной библиотеки, Вологодского областного краеведческого музея, Саратовского краеведческого музея. Значительное место занимает собрание Вологодской духовной семинарии, переданное в Вологодскую библиотеку после революции. В составе Вологодского собрания обращает на себя внимание группа материалов неизвестного владельца: сборники по истории общественной мысли, антиправительственных выступлений в России и Польше конца XVIII – первой половины XIX в.

Из бывших частных собраний представляет интерес собрание Петра Петровича Шибанова (1864–1935) в ОР РГБ, известного московского букиниста-антиквара, библиографа, книговеда. Приобретая рукописи в Москве, Петербурге, Поволжье, часть, не распродавая, он оставлял в своей коллекции, однако, значительную часть собрания Шибанова в РГБ составляет нераспроданный товар его книжного магазина – плод деятельности Шибанова-антиквара, а не Шибанова-собиравателя.

Судьбы сборников, хранившихся в семейных архивах, проследить легче. Архив Орловых–Давыдовых был национализирован и перевезен из подмосковной усадьбы "Отрада" в Румянцевский музей, большой архив М.П. Погодина в

⁸ Де-Пуле М. Неизданные стихотворения А.В. Кольцова // РА. 1864. № 9. С. 990.

основном был передан его наследниками в Румянцевский музей после его смерти.

Некоторое представление о судьбе рукописных сборников до поступления на государственное хранение, дает письмо 1884 г., вклеенное в рукопись, которую оно сопровождало. Предназначалось это письмо господину Г.В. Юдину, собирателю из Красноярска, написано же было от книжного магазина В.Г. Готье в Петербурге и уведомяло, "что на днях нам предлагали рукопись стихотворений Баркова, цену назначают 150 рублей. Мы просим ее не продавать до получения Вашего ответа. Рукопись писана рукою прошлого столетия, начинается с 50-го листа... и оканчивается 131... Покорнейше прошу поторопиться ответом... за В.Г. Готье Н. Капцов"⁹. В письме также приводится часть содержания рукописи. Судя по порядку перечисления "достоинств" рукописи – в книжном магазине (и, возможно, в глазах собирателя) рукопись ценили за стихотворения Баркова, которые прочитав опубликованными не представлялось возможным. Время создания, объем сборника имели второстепенное значение.

Можно полагать, что другие подборки, с более ординарным содержанием, более позднего периода ценились невысоко и если не могли удержаться в архиве составителя, то к концу XIX в. становились раритетами "за неимением лучшего" в небольших собраниях. "В 80-х годах прошлого века древняя рукописная книга, наиболее ценная в палеографическом и историческом отношении, исчезла уже с антикварного рынка, уступив место рукописной книге XVII и особенно XVIII в., ставшей в это время предметом бойкой купли-продажи среди любителей книжной старины, преимущественно из купечества"¹⁰. Рукописные книги первой трети XIX в. были оценены по достоинству лишь через столетие.

Большинство сборников новой традиции ОР РГБ отложились в коллекциях и собраниях в виде единичных поступлений, приобретений, прошли критический отбор владельцев собраний (оценивались преимущественно по содержанию и, позже, по времени издания). Поэтому, характеризуя явление рукописных сборников новой традиции первой трети XIX в., мы имеем дело с наиболее ценными рукописями этой группы и должны при оценке репрезентативности этих материалов помнить о значительном количестве менее ценных (в основном, по содержанию), утраченных, не вошедших в архивные собрания, сборников. Мемуарные источники говорят о широком хождении в русском обществе таких рукописных книг, и та часть этого массива, которую мы имеем в архивах – лишь "вершина айсберга".

На первую треть XIX в. приходится расцвет рукописных сборников "новой" традиции. Они отделились от сборников "старой" традиции и предстают во всем своем многообразии. Кроме того, "памятные тетради" этого времени наиболее полно представлены в архивах, тогда как сборники стихотворений и выписок, созданные во второй половине XIX – начале XX в. (а также остатки этой традиции, продолжающиеся весь XX в.), хотя и были распространены, привлекали внимание коллекционеров и архивистов гораздо меньше.

Неоднородное русское общество, включавшее в себя и высшую знать и разносостоятельное дворянство, русскую интеллигенцию, часто дворянскую по сословной принадлежности и разночинскую по происхождению, духовенство, имевшее большое влияние на умы в провинции, мецан и купечество – это общество объединяется под понятием читающей русской публики (а то, что "навык письма становится массовым, чрезвычайно распространенным во всех слоях общества"¹¹, позволяет говорить и о начале русской пишущей публики). И

⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Д. 502. Л. 1.

¹⁰ Розов Н.Н. Указ. соч. С. 127–146.

¹¹ Белоконь Е.А. Развитие русского письма в конце XVIII – первой четверти XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. С. 10.

если первое сословие совершенствовало свое образование, то третье – только начинало его. Число любителей чтения "едва ли в какой земле... так возрастает, как в России, – отмечал Н.М. Карамзин. – Правда, еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет, но зато купцы, мещане любят уже читать их"¹². Таков интерес не только к информационным изданиям, но и к изящной словесности: "В зрелых летах Хераскова читали только просвещеннейшие из нашего дворянства, а ныне всех состояний купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами"¹³, – писал И.И. Дмитриев.

За последние десятилетия XVIII в. меняется и "моральный облик" образованного человека. Трудно не согласиться с В.В. Познанским, заметившим, что «пожалуй, самым характерным качеством предшествовавшего декабристам поколения лучших людей из дворянства второй половины и особенно конца XVIII века была та сторона личной и социальной психики, которую они сами называли "чувствительностью»"¹⁴. Свойство души к сопереживанию, добродетель – черты, ставшие популярными из чтения романов, серьезно или условно, но ценились в обществе высоко (несколько позже к ним добавились "печальность" и "задумчивость").

Ф.В. Булгарин, характеризуя среднее состояние (к нему он относит достаточных дворян, находящихся в службе, помещиков, живущих в деревнях, бедных дворян, чиновников и приказных, богатых купцов, заводчиков и частично мещан), считал его основой «так называемой "русской публики"». Эти слои, по его мнению, получили образование самостоятельно, "посредством чтения и сообщения идей". Такая публика "читает много и большею частью по-русски, бдительно следит за успехами словесности", однако довольствуется весьма немногим. "Не надобно больших усилий, чтобы быть... ею... обожаемым. К этому два средства: справедливость и некоторая гласность"¹⁵.

Книгопечатное дело качественно менялось вместе с обществом. "Внешне незаметно, исподволь в конце XVIII в. произошел переворот в судьбах русского книгопечатания. Длительный процесс эволюции русской печатной книги завершился превращением ее из орудия учености в продукт массового потребления"¹⁶. Однако состояние книжного дела в губерниях России было таково, что соотношение потребностей читателей и возможностей книгоиздателей, складывалось не всегда в пользу первых. Это стало фактором развития той области рукописной культуры, которую представляют "памятные тетради".

Рукописный сборник стал "производной" от рукописной книги, подстраиваясь под индивидуальные запросы читателей, которые печатная продукция не могла удовлетворить как в силу своей дороговизны, так и в силу недостаточного масштаба книгопечатания, особенно в провинции.

Читающая публика обращалась к библиотекам: пользовались неизменным вниманием и личные книжные собрания, и библиотеки учебных заведений. Другим выходом из положения была покупка печатных изданий вскладчину, а также общества для совместной покупки и чтения книг и т.п.¹⁷ Однако все это не

¹² Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви к чтению в России // Вестн. Европы. 1802. № 9. С. 58.

¹³ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева: В 3 ч. М., 1866. С. 34.

¹⁴ Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры первой половины XIX в. М., 1975. С. 38.

¹⁵ См.: Н.Д. К истории русской литературы: Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч (как издатели журналов) // РС. 1900. Т. 103. С. 581.

¹⁶ Мартынов И.Ф. К вопросу о русском книжном репертуаре... С. 196.

¹⁷ См.: Ласунский О.Г. Провинциальные библиотеки как фактор местной литературной жизни // Книга в России до середины XIX в.: Материалы конференции. Л., 1981. С. 61–70; Зайцева А.А. "Кабинеты для чтения" в Санкт-Петербурге конца XVIII – начала XIX в. // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX вв.: Сб. науч. трудов. Л., 1979. С. 29–47.

отменяло потребности выписывать, заполняя беглым, часто в ущерб аккуратности и разборчивости, почерком новые и новые тетради. Рассмотрим подробнее – кому и зачем это было нужно.

Сами сборники, отражая особенности мировосприятия составителей, крайне неохотно раскрывают их имена, род занятий, условия написания тетрадок, поэтому здесь на первый план выступают другие свидетельства. "Не подлежит сомнению, что нигде, кроме России, нет таких любителей изящных произведений, которые не только прочитывают все, что ни попадается им под руку, но даже занимаются переписыванием сочинений и статей, почему-либо заслуживших их внимание"¹⁸. Этот обобщенный портрет русского собирателя (назовем так составителей сборников) дал в 50-х годах XIX в. П.П. Пекарский, оценивая это явление как современник. И он же называет привычку сохранять и собирать в рукописях различные статьи "старинным обычаем".

Исследователи творчества П.А. Вяземского и В.Г. Белинского повествуют об их тетрадках, составленных в юношеские годы из стихов и афоризмов (соответственно 1828–1830 и 1813 гг.); в них встречаются почерки жены Петра Андреевича и брата Виссариона Григорьевича. Тетрадка Вяземского послужила началом целого ряда записных книжек с заметками, анекдотами и мыслями, автором которых, в основном, был сам Вяземский. Белинский же, вспоминая о своей юности, писал, что вместе со стихами Пушкина и Жуковского "с восторгом, равно детским, читались, перечитывались, учились наизусть и переписывались в тетради и стихотворения других поэтов, из которых одни были точно с замечательными талантами, а другие вовсе без таланта, владея гладким стихом и модною манерою выражать бывшие тогда в моде чувства уныния, грусти, лени, разочарования..."¹⁹ Известен "Альбом", составленный Н.М. Карамзиным, куда он включил и стихотворения, и выписки из Руссо и Монтеня, и собственные мысли – стремясь создать "идеальную" записную книжку просвещенного человека²⁰.

Анонимный автор, сын дворян "среднего состояния" из Рязанской губернии, писал в записках о годах учения в гимназии: "...Выписки из книг, более и более накапливавшиеся, я переписывал набело, в чистые тетради, хотя на такую работу тратилось много времени, но я не могу и не хочу назвать его потерянными: это было бы и несправедливо, и неблагоприятно"²¹. А.А. Одинцов, вспоминая о 20-х годах, юности в Литовском полку, замечал: "Я старался не отставать от моих сослуживцев и, по примеру их, все мое свободное время посвящал чтению, делал выписки и анализы прочитанного, переводил..."²² Многие светские сборники XVIII столетия отмечены владельческими пометами офицеров, которые составляли подборки в часы досуга в гарнизоне. Есть составители, для которых собиранье выписок становилось систематическим и необходимым умом занятием на многие годы. Так, Андрей Тимофеевич Болотов, перу которого принадлежит составленный уже в зрелом возрасте многотомный "Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе", оставил нам едва ли не самое значительное, из известных на сей день, собрание своих рукописных сборников, прекрасно дополняющее его литературные труды, мемуары и эпистолярное наследие²³.

¹⁸ Пекарский П. Указ. соч. С. 494.

¹⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 369.

²⁰ Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 161–192.

²¹ Время школьного учения. Уездное училище и гимназия (1816–1822). Из записок человека // РВ. 1876. Т. 125. № 10. С. 824.

²² Посмертная записка Алексея Алексеевича Одинцова, генерала от инфантерии (1803–1886) // РС. 1889. Т. 64. № 11. С. 319.

²³ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 78–95; ОР РГБ. Ф. 475. К. 2. Д. 1–8 (сборники 1796–1815 гг.).

Подборки материалов для последующих исследований по тем или иным вопросам широко встречаются в рукописных сборниках более позднего периода – 40–70-х годов XIX в., в том числе в собраниях известных ученых, собирателей древностей. За первую треть XIX в. – их меньше. Так, установлено владение ряда рукописей по истории, географии, политике Америки, подобранных П.П. Свиныным в связи с пребыванием его там в 1810-х годах²⁴. Интересны и 11 сборников выписок, составленных Д. Львовиковым, ростовским архитектором, в коих тесно соседствуют выписки для научных трудов, материалы по краеведению и литературные произведения²⁵.

Дочь адмирала Н.С. Мордвинова вспоминает об отце: "Все свои познания он приобрел сам, без помощи учителей. Все, что он читал, оставалось у него в памяти, потому что он делал свои замечания и выписки о всех полезных предметах и продолжал это во всю свою жизнь"²⁶.

Иные интересы преследовал пушкинский герой в "Истории села Горюхина", рассказывавший: «К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно: "Опасного соседа", "Критику на Московский бульвар", на "Пресненские пруды"»²⁷. Вспоминается замечание, вложенное Грибоедовым в уста Чацкого, (рядом с общеизвестным "ведь нынче любят бессловесных"): "Бывало песенок где новеньких тетрадь / Увидит, пристаёт: пожалуйста списать"²⁸. Вместе с приведенным выше замечанием В.Г. Белинского, складывается довольно скептическое отношение известных литераторов к подобного рода рукописям, что можно понять, оглядываясь на литературный уровень доброй половины стихотворений в сборниках. М.Н. Муравьев один из своих сборников, богатый самыми разнообразными "материями", пометил на полях: "Сия тетрадь весьма безобразна и бог ведает, что пользы..."²⁹

Женщины русского общества не меньше интересовались собирательством любопытного: "Мать моя любила читать и читала все, что попадало ей под руку. Любила стихи, и с ранних лет записывала тогдашние романсы, песни и стихотворения. Таких песен накопилось у ней не мало толстых тетрадей"³⁰, – писал Я. Полонский о 20-х годах. "Писан рукою моей матушки, г. Елизаветой Егоровной Толстой"³¹, – записал граф Ф.П. Толстой на сборнике стихов, сохраняя у себя сей предмет. Основываясь на письмах к Вольцогену из Мариинского архива, Е. Шумигорский в очерке об императрице Марии Федоровне, говоря о ее интересе к французской и немецкой поэзии отмечал: "Привычка делать выписки из прочитанных сочинений оставила свои следы в богатом собрании их в архиве Павловского дворца... При чтении Мария Федоровна всегда делала выписки мест, наиболее ее поразивших, или гармонизировавших с ее собственными мыслями, заботясь всегда о лучшем усвоении прочитанного"³².

Другие воспоминания оставляют для нас весьма живописную картину процветания рукописных сборников в провинции в 30-х годах XIX в.: "Книги были тогда редкостью, они были наперечет, книжной лавки в Пензе не находилось, а

²⁴ ОР РГБ. Ф. 138. К. 306.

²⁵ См.: Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV–XX вв. Ярославль, 1957. С. 114. (сборники 1830–1850-х годов).

²⁶ Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и семействе его // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX в. М., 1990. С. 430.

²⁷ Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 105.

²⁸ Грибоедов А.С. Горе от ума. Киев, 1954. С. 22.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 499. Д. 48 (сборник 1770–1780-х годов).

³⁰ Полонский Я. Старина и мое детство // РВ. 1890. Т. 206. № 2. С. 134.

³¹ ОР РНБ. Ф. 536. Q. 624 (сборник конца XVIII в.).

³² Шумигорский Е. Императрица Мария Федоровна // РА. 1890. М., 1891. Кн. 1. С. 20.

когда достанешь у кого-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею как диковинкою, и перед тем, как воротить ее назад, непременно для себя сделаешь из нее несколько выписок, а иногда и целую повесть или поэму в стихах, не говоря уже о мелких стихотворениях, из которых мы составляли в своих тетрадках в 8-ю долю листа целые сборники. Т.о., у каждого из нас была своя рукописная библиотечка"³³, – писал Ф.И. Буслав.

О том, что духовенство занималось собиранием различных светских материалов в виде сборников, говорят, например, одинаковые записи на двух сборниках из Вологодского собрания: "Библиотеки Тотемского Спасо-Суморина монастыря"³⁴. Примечательно, что оба сборника имеют еще по одной схожей помете: "Известному принадлежит тотемскому мещанину Ливерию Ивановичу Колычеву, в Москве" и "Л.И. Колычева". Кто был первым владельцем, составителем и заказчиком (оба сборника написаны писарским почерком) – неизвестно, но важно, что интерес к ним был проявлен дважды и оба владельца оставили память о себе на страницах рукописи³⁵.

Привлекают внимание два вполне светских сборника из собрания Оптиной пустыни³⁶. Причем в одном из них оглавление и правки в тексте сделаны рукой монаха Петра Григорова (по атрибуции архивистов), что подтверждает неслучайное хранение сборника в монастыре, интерес к его материалам.

Еще один сборник, тоже светский, был описан, как принадлежавший Гавриилу Банулеско (Бодони), митрополиту Киевскому (что отчасти подтверждается содержанием рукописи, в которой странным образом соседствуют выписки: размышления, стихи, касающиеся монастырской жизни и удалая армейская сатира, полуприличные истории)³⁷.

В другом, весьма пестром сборнике, одна из статей – "Показание церковной суммы, в котором году и сколько пришлось и в разходе много ли имелось..."³⁸, составленная явно для одного прихода, вместе с парой выписок по местной истории, указывает на составителя сборника, как на местное духовное лицо невысокого ранга. Есть еще несколько сборников с пометами, свидетельствующими о принадлежности их владельцев и, возможно, составителей к духовенству.

О том, что духовенство занималось собиранием различных светских материалов в виде сборников, говорят и другие многочисленные владельческие пометы составителей-иереев на страницах тетрадей. Люди благородного сословия, более свободно чувствовавшие себя в этой рукописной культуре, не стремились подтверждать свое владельчество, расписывая имена, однако они помечали даты выписок и места, где они были сделаны.

"Школяры" во все времена создавали едва ли не отдельный пласт рукописной культуры, начало XIX в. не исключение – примеры тому: "Тетрадь, в коей собраны песни, сочиненные воспитанниками И[нститута] К[орпуса] И[нженеров] П[утей] С[ообщения] и разные другие куплеты"³⁹, более благонравные подборки, ходившие среди ярославских семинаристов, наполовину состоящие из их же стихов и схожий с ними сборничек⁴⁰, составленный ученицами Смольного института для своей подруги к выпуску⁴¹.

³³ Буслав Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 61.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 354. Д. 216. Л. 1; Д. 217. Форзац (сборники конца XVIII – начала XIX в.).

³⁵ Более вероятно, судя по приписке "в Москве", что заказал их Л.И. Колычев, пребывая в столице, дабы увезти в Тотьму те интересные материалы, которые ему здесь встретились.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 214. Д. 52, 53 (сборник первой половины XIX в.).

³⁷ Там же. Ф. 743. К. 23. Д. 4 (сборник 1800-х годов).

³⁸ Там же. Ф. 218. Д. 677. Л. 243 (сборник 1800–1820-х годов).

³⁹ Там же. Ф. 354. Д. 214 (сборник 1830-х годов).

⁴⁰ Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области... № 517 (631) (выписки первой половины XIX в.); № 542(723) (сб. 1828 г.).

⁴¹ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 456 (выписки 1832–1848 гг.).

Однако и седые старцы охотно занимались рукописными трудами. Так, составитель сборника, описанного П.П. Европиным – мещанин г. Галича, 60 лет, "старый дряхлец", как он сам себя называет, в прошлом местный общественный деятель, имея много свободного времени сделал рукописные занятия своим "ремеслом и уроком"⁴².

Примечательны тетради ярославской семьи Добрыниных. Четыре конволюта из библиотеки Ивана Добрынина содержат в себе рукописи самого различного содержания⁴³. Владельческие записи на них хранят имена Андрея, Михаила, Никиты, Ивана Добрыниных, а номера тетрадей говорят о том, что они были частью обширной рукописной библиотеки. О месте рукописных сборников в обществе, на примере этой семьи, можно судить по дарственной записи на тетради с балладами Жуковского и "Громвалом" Каменева: "Дарствую сию тетрадку в знак моей любви ученику уездного училища любезному моему брату Ивану Андреевичу Добрынину. Ученик семинарии среднего отделения Иван Васильевич Добрынин. 1828-го марта 7 дня"⁴⁴. По этой записи можно предположить, что Андрей Добрынин (его тетради – самые ранние, середины 1800-х годов) – отец юного Ивана Андреевича, и сын сохранил его записи вместе со своими ученическими и более поздними. Андрей Андреевич Добрынин оставил пометы и о своем социальном положении: сперва ученик богословия, а затем николаитопский священник⁴⁵. Среди "добрынинских" сборников есть также несколько тетрадей выписок, составленных Н. Трефолевым в подарок другу – Ивану Андреевичу Добрынину, которые тот бережно сохранил⁴⁶.

Мы знаем и "Альбом" с выписками из известных мыслителей и поэтов, поднесенный "Августейшей имяниннице" [великой княжне Екатерине Павловне] Н.М. Карамзиным⁴⁷. Традиция таких подарков определенно представляет интерес... Для нас же она подчеркивает значение в обществе той поры специально составленного для какого-либо сборника.

На примере "добрынинских сборников" мы видим целую традицию составления и собирания рукописных сборников. Такие комплексы не единичны. Чередование почерков: трех-четырёх внутри одного сборника, органично сменяющих друг друга даже на одной странице, в одной статье, при том, что ни один из них нельзя назвать писарским – приводит к мысли о бытовании сборника в одной семье, об участии в его составлении нескольких, близко связанных между собой, людей. Есть сборники иного рода, также составленные семейной традицией. Например, объемный конволют, полный самых разнохарактерных выписок и заметок был собран и отдан в переплет (возможно, вместе с другими бумагами) сыном писателя и переводчика М.И. Антоновского – на крышке переплета сохранилось тиснение: "Разные бумаги моего отца"⁴⁸.

Записи и пометы в сборниках (как то: "Местечно Свислич", 1832 Августа с. Тропа", "Вписал в сию книгу 24 Марта 1829 в Поповском", "Село Останкино. Сентября 8, 1831", "Лоховица") обращают внимание на провинцию, как на место, связанное с досугом, располагающее к рукописному труду. Такие надписи, как правило, завершают сборник, иногда его часть. Факт, что собиратели специ-

⁴² *Европин П.П.* Описание рукописи, составленной мещанином г. Галича В.В. Зиновьевым, под заглавием "Память на 1814 г. – Любопытная" // *Костромская старина*. 1897. Вып. 4. С. 360–368.

⁴³ ОР РГБ. Ф. 138. Д. 251 (сборник 1820–1830-х годов); 254 (сборник 1805–1806 гг.); 277 (сборник конца 1820–начала 1830-х годов); 295 (сборник 1803–1820-х годов).

⁴⁴ Там же. Д. 277. Л. 75 об.

⁴⁵ Там же. Д. 254. Л. 47 об.; Д. 251. Л. 148 об.

⁴⁶ Там же. Д. 295. Л. 102; Д. 271 (сборники 1833–1835 гг.); 278 (сборник 1832 г.); 286 (сборник 1833–1834 гг.).

⁴⁷ *Летописи русской литературы и древности*. М., 1859. Т. 1. С. 161–192.

⁴⁸ РО ИРЛИ. Ф. 405 Д. 4. (бумаги 1799–1816 гг.).

ально отмечают для памяти места, где были сделаны выписки, говорит о том, что вряд ли это были места их постоянного жительства (т.е. списыванием занимались выезжая в поместье, возможно к родственникам, в иных разъездах). Даты, сопровождающие такие отметки, как правило, относятся к периоду лета–осени, зимний (городской) период жизни составителей представлен в сборниках скупо. Обращает внимание и то, что в различных хранилищах особенно богаты сборниками провинциальные собрания⁴⁹.

Собирательством различных произведений занимались провинциальные помещики и помещицы, их дети, особенно небогатые; молодежь (учащаяся, находящаяся на военной службе), чиновники почтенных лет. Закономерно, что всех их объединяет наличие свободного времени, а то, что большинство известных сборников написаны на русском языке (при широком распространении французского в ту эпоху) объясняется принципами отбора владельцев коллекций, в составе которых дошли до нас сборники. Кроме того, французский язык основательно закрепился лишь в речи, культуре людей высшего общества, как правило состоятельных, имевших возможность приобрести разнообразные печатные издания. Неудивительно, что у них было меньше потребности в выписках. Но то, что рукописные сборники все же имели хождение в их среде, указывает на большую роль таких рукописей, нежели восполнение недостатка печатной продукции.

Первоисточниками статей, выписок с равным успехом могли быть печатные издания и рукописные тетрадки, как вполне легальные, так и не вполне. Ю.М. Лотман считает, что существовало множество стихотворений, изначально предназначенных их авторами не для печати, а для рукописного хождения, причем вполне подцензурных стихов. Об одном из источников распространения записей говорят записки Г. Винского (о конце XVIII в.): в библиотеке уфимского губернатора он нашел "все главные произведения тогдашних философов и сам перевел из них много и пустил в тетрадках среди дворянского общества"⁵⁰.

Сложный путь иных списков представляют владельческие пометы на тетрадках с "Недорослем" и "Осмеянным скупцом": "Списана Д.С[омовым] в другой раз. Первая списана со взятой печатной через Петра Чичерина у Ивана Иванова сына Давыдова, в 1793-м году, а сия вторая уже с первой. Начата списывать в Медыне 21-го числа августа 1802-го года..." и "списанная Д. Сомовым с рукописной привезенной из Москвы Александром Сомовым..." И лишь сборник сочинений Вольтера был "списанный Д.С[омовым] с печатного..."⁵¹ Среди списков с опубликованных материалов первенство принадлежит периодическим изданиям. Для каждого сборника характерен свой набор источников. Распределение списков между журналами и альманахами крайне неравномерно. Иногда – это одно-два издания, очевидно, выписываемые собирателем, иногда – множество. "Московские ведомости" – наиболее распространенное издание, что объясняется его доступностью, изобилием публикаций документов по внутренней политике. За ними следуют "Вестник Европы", "Северная пчела", "Невский альманах", "Благонамеренный", "Полярная звезда", "Русский инвалид" и др. При выяснении источника, откуда заимствованы те или иные выписки нельзя ориентироваться просто на сопоставление времени списка и даты публикации произведения в том или ином издании: многое из опубликованного ходило в рукописных копиях. Как правило, приходится пользоваться данными

⁴⁹ О сборниках из рукописного собрания Вологодского областного краеведческого музея см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1989. Ч. 1, вып. 3. Предисловие. Из библиотеки Казанского университета см.: Описание рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Казань, 1963. Вып. 13.

⁵⁰ См.: Боголюбов В.Н. Новиков и его время. М., 1916. С. 155.

⁵¹ ОР БАН. Ф. 61. Д. 1330. Л. 2; Д. 1333. Л. 2 (выписки 1809 г.); Д. 1331. Л. 2 (выписки 1802 г.).

лишь самих сборников. Новые сведения здесь предоставляет статья Л.Э. Базановой и М.И. Фундаминского о материалах газет, собранных частными лицами⁵². Авторы обращают внимание на широкое распространение традиции хождения материалов периодических изданий в рукописных копиях, систематизированных в сборники.

Сведения из воспоминаний и записок отрывочны, но из них видно отношение к сборникам, как к явлению заурядному, широко распространенному, что позволяет, оглядываясь на количество подобных сборников, дошедших до сего дня, говорить о массовости этого явления и о массовой культуре, которая в нем запечатлена.

Если пытаться выделить на основании мемуаров принципы, которыми руководствовались собиратели при составлении своих сборников, то единственным устойчивым признаком будет личный интерес, вкусы владельца, его взгляды.

Характерным проявлением индивидуальности владельцев стали в рукописных сборниках заголовки, иначе говоря – самоназвания. Их не много, но там, где присутствуют, они задают общий тон при работе со сборником.

Слово "сборник" встречается в самоназваниях редко, но интересно, что же значило оно для людей первой половины XIX в.? "Самое название Сборник предупреждает уже о том, что в нем заключаются разнообразные и отдельные один от другого предметы"⁵³, – пишет Д.Н. Бегичев в середине XIX в. Очевидно, в глазах составителей их выписки не были столь отдельны друг от друга, представляли некоторую единство.

Описанная П.П. Европиным "Память на 1814 год – Любопытная" названием своим говорит о руководившем пожилым составителем стремлении удержать в памяти все более-менее занимательное⁵⁴. Есть серия заголовков сухо-деловитых ("Разные сведения"). С протяженностью во времени, степенным досугом, очевидно, связываются рукописные труды у составителей сборников: "Свободные часы Григория Иванова"⁵⁵ и "Вечера на квартире (выписки из разных книг)"⁵⁶. Есть заглавия, содержащие в себе одновременно рекламу, аннотацию и позицию составителя в том или ином вопросе. Изящное именование сборника сочинений "Муза господина Державина" отмечает уважение почитателя талантов поэта⁵⁷. Чего нельзя сказать о составителе, подписавшем свой сборник "Кое-что из русских сочинителей". Выписки, пополнявшиеся не менее двух лет, заняли лишь четверть тетради, прочие листы остались чистыми⁵⁸. Прапорщик муромского пехотного полка Кущев, подписывая заглавие, был категоричен: "Разные стихотворения, собранные из сочинений самых лучших поэтов"⁵⁹. Это заглавие перекликается с более изысканным и лиричным: "Литературная урна, или Досуги несчастного", ныне вызывающим улыбку, а тогда, очевидно, рассчитанным на привлечение внимания экстравагантностью⁶⁰.

Сборник важно рассматривать вместе с заглавием: они дополняют друг друга. Наименование характеризует и составителя, и его отношение к своему творению.

⁵² См.: Базанова Л.Э., Фундаминский М.И. Материалы газет "Санкт-Петербургские ведомости" во владельческих конволютах XVIII в. // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв.: Сб. научных трудов. Л., 1985. С. 113–126.

⁵³ Бегичев Д.Н. Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни. М., 1851. Вып. 1. С. 3.

⁵⁴ См.: Европин П.П. Указ. соч.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 218. К. 1396. Д. 8 (сборник 1813–1817 гг.).

⁵⁶ Там же. Ф. 138. Д. 277 (сборник конца 1820 – начала 1830-х годов).

⁵⁷ Там же. Ф. 218. Д. 1319 (сборник первой четверти XIX в.).

⁵⁸ Там же. Ф. 138. Д. 281 (сборник 1808–1810 гг.).

⁵⁹ ОР БАН. Собрание Н.В. Тимофеева. Д. 7. Л. 1 (сборник 1826–1830-х годов).

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 743. К. 51. Д. 24.

рению. При наличии некоторых традиций в выборе заголовка большинство самоназваний неповторимо.

Во многих сборниках часть статей или даже вся подборка выполнены писарским почерком, однако в новой рукописной традиции меняется характер отношений между переписчиком и читателем. Вместе с уровнем образованности среднего читателя растет степень индивидуальности его запросов. И ориентация на этого покупателя уже не позволяет в широком масштабе списывать популярные произведения просто на продажу. Большинство поздних писарских рукописей делается на заказ. Среди рукописных сборников писарской почерк, – не редкость, и это не снижает их индивидуальности.

Дата вписанного документа, произведения, как правило становится начальной отправной датой. Однако в большинстве сборников встречаются произведения, опубликованные за 10–30 лет до того, как были занесены в "памятную тетрадь". И это может служить своеобразным источником информации: интерес к событиям времен Екатерины, стихотворениям предыдущего поколения, проявившийся в выписках спустя десятилетия, весьма красноречивы. Случаи возврата к старым тетрадям нередки: владельцы небольшого достатка, экономя бумагу, вписывали на свободное место статьи, спустя несколько лет, даже десятилетий, после прочих записей. Обычный сборник составляется быстрее, в пределах года, иногда немного дольше. Но если у владельца было несколько тетрадей, каждая – для определенной тематической подборки, то записи могли прерываться и возобновляться, охватывая неопределенно больший промежуток времени⁶¹.

Встречаются и более оригинальные традиции в композиции. Ю.Н. Щербачев, описывая тетради П.П. Каверина отмечал: "Записи делались в них не в арифметическом порядке страниц, а в разброску, где случится – вероятно, согласно тогдашней моде. При этом всякая помечалась местом, числом месяца и годом занесения"⁶². Сходные мысли высказывает М. де-Пуле в описании тетрадей А.В. Кольцова, указывающий на "странную привычку" Кольцова "путать месяцы и числа стихотворений при записывании их в тетради: а именно, более поздние стихотворения записывались им прежде раннихших"⁶³. Такое расположение встречается и в ряде других подборок⁶⁴.

Как правило, сборники содержат значительное число выписок. Чаще всего встречаются рукописи, содержащие 30–60 статей (есть и доходящие до 300). Списки крупных произведений (пьес, поэм, уставов) встречаются довольно редко, а "средняя статья" – стихотворение, документ – запись в одну-две страницы.

Рукописный сборник первой половины XIX в., казалось бы, не несет в себе новой информации. Сущность его в том, что он, как правило, не содержит ни одной доселе неизвестной фразы, и все же состав поздних рукописных сборников – их "ядро" и главная ценность.

Среди тематических подборок – рукописи по многим областям знания: история, словесность и военное дело, философия и антирелигиозные памфлеты, т.п. Неизменны, хотя и малочисленны группы сборников масонских сочинений и подборки "скромных" произведений. Довольно много учебных сборников: рукописных "учебных библиотечек", хрестоматий, главным образом по гуманитарным наукам, богословию, однако эта рукописная литература, подчиненная нуждам учебного процесса, функционально отличается от прочих "памятных книжек".

⁶¹ См.: *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963.

⁶² См.: *Щербачев Ю.Н.* Приятели Пушкина – Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1919. С. 63–164 (описание тетрадей Каверина).

⁶³ *Де-Пуле М.* Указ. соч. С. 991.

⁶⁴ ОР БАН. Собрание М.И. Успенского. Д. 54 (сборник 1815–1820 гг.); Архив СПб. ФИРИ. К. 115. Д. 1229 (сборник 1830–1840-х годов).

Большинство же сборников представляют собой "смесь". Изящная словесность, сведения о погоде, знаменьях и стихийных бедствиях, манифесты и переписка именитых особ сменяют друг друга на страницах тетрадей. Литературных сборников довольно много, и охватывают они все возможные области изящной словесности, все жанры. Подавляющее большинство таких подборок составлено исходя из общих вкусов владельца, а не с целью представить один какой-либо жанр, тему, автора. В прочих же соседствуют высокохудожественные стихи и до удивления непритязательные пасторали, рядом стоят лирика, сатира, нравоучительные произведения и патриотические. В каждом сборнике их соотношение индивидуально, но общие тенденции выделить можно: среди литераторов, и это неудивительно, наибольшей популярностью в сборниках пользовались Г.Р. Державин и В.А. Жуковский, заметен интерес к М.М. Хераскову, Н.М. Карамзину, И.И. Дмитриеву. По "настроению", проблематике литературных выписок абсолютное первенство принадлежит лирическим стихотворениям и прозе, немного менее распространены нравоучительные произведения. Патриотические стихи и сатира встречаются часто.

Тема любви, разделенной и неразделенной, волновала и будет волновать читателей всех времен. Не исключение здесь и составители сборников. Вздохи любовных страданий обильно льются со страниц одних рукописей и нет-нет да попадают в других, более "солидных". О среднем уровне этой литературы говорят хотя бы заглавия: "Синичке", "Щастливая бабочка", "К моей хижинке", "Бедная птичка", "Бедный венок" и т.п. Перенасыщенность уменьшительными суффиксами, нарочитое простодушие – теперь вызывают улыбку, тогда же, видимо, вздохи умиления, так как соседство их с вполне серьезными произведениями отвергает возможность иронического отношения собирателей к своим подборкам. Баллады В.А. Жуковского, "Громвал" Г.П. Каменева, "Алина" Н.М. Карамзина, "Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая" И.И. Козлова – крупномасштабные полотна, полные сочных красок – также не редкость в рукописях. Составителей не останавливал их объем, пространственность и они охотно переписывали такие произведения. В одном из сборников тема семьи и любви является доминирующей, а представлена она главным образом афоризмами и выписками из иностранной прозы, как то: очень популярной в России г-жи Радклиф, Лихтенберга и др.⁶⁵ Такое "фундаментальное" собрание весьма мудрых и разных мыслей о "самом сокровенном" для любой барышни, без сомнения, представляет интерес.

Судя по разнообразию произведений в рамках одной лирической литературы, говорить о сильно влиянии моды на каких-то авторов, стихи в составе сборников – не приходится. Веяниями моды можно считать сентиментализм, плавно переходящий в первой трети XIX в. в романтизм. То, что для нас сейчас – направления в художественной культуре, для публики тех лет было живой модой на вздохи и слезы умиления, на стремление к единению с природой. Можно и сопоставить лирические мотивы сборников с мотивами романов, имевших огромную популярность среди русской публики. Эти два явления культуры взаимоподтверждают и взаимодополняют друг друга при изучении⁶⁶.

Говоря о посторонних влияниях на выбор собирателей, надо упомянуть и правительственный досмотр за состоянием умов. Не будем преувеличивать его значение, но интерес к эпохе переворотов старались пресечь несомненно. Так же пресекалась и хула на церковь: известен случай следствия по делу владельца рукописной тетрадки атеистическо-богохульных сочинений. Правда, владелец, московский купец Смыслов, "вышел сухим из воды", заверив власти в своем

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 743. К. 48. Д. 1 (собрание 1820-х годов).

⁶⁶ См.: *Ситовский В.В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909.

несогласии с содержанием рукописи. Тем не менее, дело разбирал московский генерал-губернатор⁶⁷.

Среди составителей редко встречался такой, который бы не выписал чего-нибудь нравоучительного. Близки к ним и гражданственные произведения, бичующие пороки общества (среди них, при всей резкости, чего-то недозволенного, крамольного найдется немного). Интересно представить весь спектр таких выписок, так как они, в отличие от лирических стихов, различны не только литературным качеством, но и взглядом на проблему, ее причины и возможности решения.

Естественно, доминируют мотивы сохранения чести смолоду, веры, добродетели, смирения. Актуальна и "Ода, выбранная из Иова" М.В. Ломоносова.

Среди произведений "с моралью" – не только стихи. "Копия с одного старинного письма некоего человека к своему другу и благодетелю" содержит благодарность офицера к одному уважаемому человеку, напомнившему ему о добродетели и стремлении к наукам, позабытым в гарнизоне, среди новых "учителей жизни" – седых, богатых, в орденах, но порочных⁶⁸. Есть произведения, обличающие дуэли, как горькие последствия ложных помышлений о чести, разгула страстей, непросвещенности⁶⁹.

В сборниках собирается полемика разных авторов на эти темы: в стихотворении Г.Р. Державина "Дежурство" развивается тема тленности всего сущего; за ним следует в рукописи "Ответ на дежурство" И.М. Долгорукого, утверждающий, что честность, добрые дела человеческие нетленны⁷⁰. В сборниках не редкость "встречи" различных произведений, полемизирующих между собой, стихотворные "реплики" одних авторов на высказывания других. Те "диалоги произведений", которые в печатных изданиях не собирались вместе – тут налицо: надпись Державина под портретом Александра I: "Се вид прекрасной, Ангельской души / Ах! Естли б в круг его все были хороши" и едкая приписка князя Голицына (?): "Конечно нам тогда Державина не надо: / Паршивая овца испортит и все стадо"⁷¹.

Стихотворение "На министров", характеризовавшее разных царедворцев, начиналось: "Хоть меня убей – всех умнее Кочубей..." После него следовала запись неизвестного автора: "Я в том стою – хоть ты меня убей / Дурак Румянцов – дурак и Кочубей"⁷².

В другом сборнике, содержащем произведения Радищева, в том числе "Путешествие из Петербурга в Москву", есть и эпиграмма Державина на "Путешествие"⁷³. "Гимн бороде" Ломоносова "встречается" с "Переодетой бородой или гимном пьяной голове" В.К. Тредиаковского⁷⁴. Два сборника из ОР БАН представляют различные фрагменты литературной полемики, в которой участвовали М.В. Ломоносов, И.П. Елагин, М.М. Шербаков и другие – сатиры на сатиры, серьезные произведения только что осмеянных авторов, письма и поэтические возражения составляют в сборниках редкий литературный фейерверк⁷⁵. Эти и другие примеры говорят о том, что составители сборников

⁶⁷ См.: Переписка о сокрытии запрещенных книг. Письмо графа И.П. Салтыкова к П.В. Лопухину; Ответ Лопухина Салтыкову // Ист. вестн. 1882. Т. VIII. Апрель. С. 235–236.

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 218. Д. 894. С. 192–195 (сборник середины 1810-х годов).

⁶⁹ Там же. Ф. 743. К. 7. Д. 36. Л. 43–46 (сборник 1800–1810-х годов).

⁷⁰ Там же. Ф. 743. К. 38. Д. 1. Л. 212. об. –214 (разные стихотворения, собранные в 1827 г.).

⁷¹ Там же. Ф. 218. Д. 677. Л. 92 об. (сборник 1800–1820-х годов).

⁷² Там же. Ф. 743. К. 23. Д. 4. Л. 79 об. (сборник 1800–1810-х годов).

⁷³ Там же. Ф. 138. Д. 324. Л. 1 об. (список начала XIX в.)

⁷⁴ Там же. Ф. 218. Д. 602 (сборник конца XVIII в.).

⁷⁵ ОР БАН. Ф. 61. Д. 640. Л. 20–23 об. (сборник 1750–1760-х годов); Ф. 31. Д. 12.4.28. Л. 5–14 (сборник 1750–1770-х годов).

зачастую не выбирали определенную сторону в таких дискуссиях, а интересовались самим фактом спора, или же придерживались точки зрения "ответов".

В продолжение темы царедворцев и их критиков надо сказать, что гражданская поэзия и проза тоже находили широкое признание у составителей сборников. Взятничество и беспробудная беспринципность мелких чиновников были банальной темой – переписывались не только стихи, но и сатирические пьесы, проза.

Выписывая те или иные произведения, собиратели выделяли и различные пути поправления государственного благополучия: "Знатных бар в судах лакеи / Уж не будут заседать. / И рожден кто благородно, / С тем не станут их равнять... / На аршин сукно кто мерит, / Тот не будет офицер / Из кушцов быть дворянином / Истребится уж манер..."⁷⁶ – предполагается в одной из выписок. За различиями позиций стихотворений стоят различия во взглядах и, очевидно, положения не только их авторов, но и людей, их выписывавших.

Подтвердить и дополнить картину взглядов собирателей на гражданские, нравственные проблемы могут другие виды источников личного происхождения. Так, мотивы чиновничества, несправедливости, пользы самодержавной власти, пороков общества, схожие с идеями сборников прослеживаются и в эпистолярных памятниках, и в мемуарных источниках⁷⁷. Особенно характерен интерес к этим проблемам для представителей старшего поколения – образованных людей первой трети XIX в.

При всей серьезности государственных и нравственных проблем, "улыбка" встречается почти в каждом сборнике. Сокровищница русской сатирической литературы той эпохи была полна произведениями на любой вкус. Басни Крылова – самые разнообразные, сатиры на светское общество, эпиграммы неизвестных авторов на неизвестных людей, а также на людей вполне известных – и не только эпиграммы; сатиры на местные (давно забытые) порядки и представителей провинциального общества (ныне никому не известных). Рядом с "комическим смыслом" процветал "комический стиль": сатира "на голос" "Оды из Иова" Ломоносова, высмеивающая павловские порядки⁷⁸; разнообразные сатирические перепевы "Черной шали" Пушкина; пародия на его "Кавказского пленника" под названием "Московский пленник"⁷⁹, "подражание" поэме "Руслан и Людмила", в котором главный герой – гвардейский капитан⁸⁰; запрещенные "Двенадцать спящих бутошников"⁸¹; очаровательные "Изъяснения в любви" – лекаря, военного, попа, портного – каждое в своем стиле⁸²; нахальные скоромные стихи и "трагедия" Баркова⁸³. Даже Н.М. Карамзин и его поклонники стали объектом для острот: 10 шуточных "Заповедей карамзинистов" начинались с постулата: "Карамзин есть Автор твой, да не будет тебе иные Авторы, кроме его...", высмеивали слепое преклонение перед творчеством писателя и исто-

⁷⁶ "Четверг" неустановленного автора // ОР РГБ. Ф. 299. Д. 92. Л. 71–71 об. (сборник 1789–1790 гг.).

⁷⁷ См.: *Марасинова Е.Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства, (Последняя треть XVIII в.) // История СССР. 1990. № 4; Гл. "Мыслить и чувствовать благородно" (по письмам и запискам Д.И. Фонвизина, М.М. Сперанского, В.А. Жуковского, В.Т. Нарезного и др.) // *Познанский В.В.* Указ. соч.

⁷⁸ См., например: ОР РГБ. Ф. 218. Д. 1095. Л. 25–27 (сборник 1800–1810-х годов); РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. № 234 (выписка начала XIX в.). Автор сатиры, С.Н. Марин, не указывался.

⁷⁹ См.: Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области... № 226 (842) (выписка второй четверти XIX в.).

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 344. Д. 256. Л. 234 об.

⁸¹ ОР БАН. Собрание Н.К. Никольского. Д. 226 (список середины XIX в.).

⁸² ОР РГБ. Ф. 743. К. 38. Д. 1. Л. 223 об. – 226 (подборка 1827 г.); Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области... № 560 (762) (сборник первой четверти XIX в.).

⁸³ ОР РГБ. Ф. 622. К. 1. Д. 22 (сборник 1790–1800-х годов).

рика⁸⁴. Исключались только улыбки в адрес императора Александра Павловича. Но о нем было другое.

Тема императорской фамилии пользуется неизменной популярностью в рукописных сборниках. Простой конъюнктурой, демонстрацией лояльности это не объясняется, ибо о Павле I – в сборниках очень немного, все больше со злой насмешкой. Один из сборников наполовину состоит из подборки сатир на Павла I⁸⁵. Из более ранних царствований определенным вниманием и уважением пользуются документы о деяниях Екатерины II, и переписываются повествования о дворцовых переворотах, обширные "Выписки интриг"⁸⁶. Изредка появляется величественная фигура Петра I. Что же до современных царствований, то почти в каждом сборнике найдутся стихи об императорской фамилии – лирические, проникновенные, иногда умиленные, документов – еще больше. Если говорить об эпохе Александра I, то это и различные манифесты, и документы о престолонаследии, и полуличная переписка. В отличие от стихов, документов собиралось довольно много – составлялись целые подборки. Однако выписок, стихов о вступлении на престол Александра I значительно больше, чем о вступлении на престол его брата. Александру и его семье вполне закономерно принадлежит пальма первенства по количеству упоминаний в сборниках – оды Хераскова, Державина, стихи Карамзина. Многие сборники откликаются на дворцовые события: встречи, рождения, смерти. Печальные стихи на смерть кого-то из родственников императора в сборниках встречаются часто, и они разнообразны. Скорбным стихам о кончине членов императорской фамилии вторят стихи о смерти митрополита Платона, Милорадовича, других вельмож.

В целом в сборниках смешанного содержания документы занимают главенствующую роль, прежде всего документы, касающиеся ближайшей истории. Если сопоставить данные о проблематике и составе материалов исторических публикаций в периодической печати (журналах) первой трети XIX в. и данные рукописных сборников того же периода – они будут схожи⁸⁷. Интересно сравнить изменение тематики списков с изменением интересов читателей по данным библиотек. Так, посетители библиотеки Виленского университета конца XVIII – первой трети XIX в. в своих запросах прошли почти такой же путь, что и собиратели выписок: от богословских, проблемно-нравственных сочинений – до произведений Карамзина, Пушкина, Рылеева, Байрона⁸⁸.

Нередко весьма солидные, "благодетельные" сборники преподносят сюрпризы при их подробном изучении. Размышления над соседством, казалось бы, ничем не связанных, но поставленных составителем рядом выписок могут добавить несколько штрихов к портрету человека той эпохи.

Сборник материалов о войне 1812–1814 г., составленный "по горячим следам", возможно, участником войны, содержит в себе сводки о ходе боевых действий, документы военного ведомства, памфлеты и сатирические стихи на Наполеона, его поражение. Здесь есть несколько походных зарисовок – все это создает цельный образ войны, взгляд на великую войну глазами обычного человека. Но среди записей встречается статья "О возвышении цен на вещи в городах". Чем, казалось бы, собирателя могла заинтересовать экономика? – Но

⁸⁴ Там же. Ф. 344. Д. 256. Л. 190–190 об. (сборник первой половины XIX в.).

⁸⁵ Там же. Ф. 218. Д. 1095 (сборник 1808–1810-х годов).

⁸⁶ См.: ОР РГБ. Ф. 178. Д. 2903 (сборник последней четверти XVIII в.); Ф. 218. Д. 1095 (сборник 1808–1810-х годов); ОР БАН. Ред. кн., XVIII век. Конв. 29857а (подборка первой четверти XIX в.).

⁸⁷ См.: Афиани В.Ю. Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в.: Опыт историограф. изучения: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982.

⁸⁸ См.: Грицкевич В.П. Работа с читателями в библиотеке Виленского университета в первой трети XIX столетия // Книга в России до середины XIX в.: Материалы конференции. Л., 1981. С. 59–60.

причинами возвышения цен в статье представляются плутовство, глупость, подлость человеческая, а средствами к поправлению положения – их разоблачение и торжество благоразумия. На эти размышления могли навести современника события заграничных походов⁸⁹.

В другом сборнике, рядом с хозяйственными рецептами, советами по выведению клопов, "воспитанию индейских цыплят", сохранению яблок, домашней рачительности и т.п. записана статья "О важности для помещиков лично заниматься нравственностью крестьян"⁹⁰. В следующем – среди манифестов и писем императора, речей митрополитов, парадных стихотворений – выписка о числе привозных товаров на Макарьевскую ярмарку и успехи их сбыта⁹¹. Вслед за стихами, балансирующими на грани приличия сборник могут венчать "Копия с рескрипта императора Александра I на имя графа Н.И. Салтыкова... о нападении французских войск на Россию" и "Некоторые замечания в конных маневрах..."⁹² Обильную почву для размышлений дает расположение "Гимна бороде" М.В. Ломоносова среди скромных сочинений⁹³.

Завершая характеристику состава сборников, надо сказать, что ряд аспектов их содержания при изучении может дать значительную, разнообразную информацию: принцип, по которому расположены выписки, соотношения представленных в сборнике тем, проблем; приоритеты, руководившие собирателем при отборе произведений художественной литературы, документов; умышленные умолчания, пропуски в текстах по сравнению с возможным оригиналом. Кроме того, постатейное изучение сборников пополнит арсенал историков целым рядом письменных памятников, доселе малоизученных, но имевших широкое хождение в списках и потому заслуживающих пристального внимания. Большинство их малоизвестны сейчас, так как в свое время не привлекли исследователей ни острой социальностью, ни высокой художественностью. Но что-то заставляло разных собирателей вновь и вновь включать их в свои сборники. Они не исчерпываются противоположительными, атеистическими и непристойными произведениями, и представляет собой продукт "массовой культуры" той эпохи. Сопоставление отдельных популярных в поздних рукописных сборниках произведений, может ярко характеризовать вкусы русской публики. Выяснение таких часто списываемых произведений важно и для того, чтобы потом выделить "самые стереотипные" сборники, т.е. сборники, составители которых были наименее оригинальны в своем выборе, списывали "что все списывают", следовали рукописной моде.

Человек русского общества предстает в сборниках довольно четко: его вкусы, приоритеты в политике, морали, изящной словесности; его благосостояние, мечты, увлечения. Каждая, отдельно взятая подборка даже при беглом просмотре представляет основные черты духовного, интеллектуального мира ее составителя.

Притом, в рукописных сборниках запечатлела себя, в основном, та часть русской публики, которая редко писала мемуары, не вела записок, а письма, ею написанные, не сохранились. Таким образом, для истории общественного сознания русских людей среднего состояния, изучения среднего уровня культуры рукописные сборники становятся едва ли не единственным источником личного происхождения, сохранившимся в массовом масштабе.

⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Д. 894. С. 187–190 (сборник середины 1810-х годов).

⁹⁰ Там же. Ф. 354. Д. 230. Л. 67–71 (сборник 1820–1840-х годов).

⁹¹ Там же. Ф. 218. Д. 677. Л. 210 об. (сборник 1800–1820-х годов).

⁹² ОР БАН. Собрание М.И. Успенского. Д. 124. Л. 42–47 (сборник начала XIX в.).

⁹³ ОР РГБ. Ф. 218. Д. 502 (сборник конца XVIII в.).

Ю.В. Андрияшайтите

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БУМАЖНЫХ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX века¹

К концу первой четверти XIX в. в России на базе широкого выявления и публикации исторических источников усилилось исследование не только их содержания, но и внешних признаков. Накапливались материалы для создания пособия по палеографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам. Целым рядом ученых, особенно из Румянцевского кружка, а также отдельными любителями древностей осознавалась достаточно ясно необходимость использовать и водяные знаки как средство датировки источников на бумажной основе. Свидетельства тому – привлечение филиграней в изучении и описании рукописей, их отдельные публикации, появление небольших коллекций водяных знаков². Но палеографическое использование филиграней тормозилось отсутствием специального пособия.

Деятельность ученых Румянцевского кружка, занимавшихся филигранями была сосредоточена на других важных проблемах, изучение филиграней не стояло в центре их внимания. К.Ф. Калайдович и П.М. Строев, помимо археографических поисков и научных публикаций, были заняты описанием крупнейшего собрания рукописей Ф.А. Толстого. А.Х. Востоков, собиравший коллекцию водяных знаков, разрабатывал основы славянского языкознания и приступил к описанию Румянцевского собрания. П.И. Кеппен был занят поиском и подготовкой перечня древнейших славянских памятников, "служащих к составлению истории художеств и отечественной палеографии". Коллекционер и знаток древностей инженер П.К. Фролов еще в 1817 г. покинул Петербург, продав собрание рукописей, в том числе и коллекцию водяных знаков, в Публичную библиотеку. А.Е. Ермолаев, выдающийся палеограф-практик продолжил палеографическую помощь многим ученым. Но собственной обобщающей работы не создал.

История распорядилась таким образом, что автором первой в России работы о водяных знаках оказался никому неизвестный (кроме разве что группы коллекционеров) купец И.П. Лаптев, переехавший где-то около 1823 г. из Вологды в Петербург и вскоре выпустивший книгу "Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. С приложением рисунков" (СПб., 1824). Получив известность у современников благодаря этой книге, а также как владелец крупного собрания рукописей и нумизматической коллекции, И.П. Лаптев проходил и в справочных изданиях конца XIX – начала XX в³. Но данные эти скупые. В советских

¹ Окончание. начало см.: АЕ за 1993 год (М., 1995) и АЕ за 1994 год (М., 1996) Работа выполнена при содействии РГНФ, грант 97-01-00-482.

² См. об этом статью автора: АЕ за 1994 год.

³ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896 Т. 33; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. 3. С. 393; Русская энциклопедия. СПб., 1914. Т. 11; и др.

энциклопедиях он не значился, хотя его книга упоминалась во всех палеографических пособиях⁴. Так что до выхода в 80–90-х годах XX в. статей К.И. Ивановой и М.С. Крутовой⁵ о Лаптеве было известно мало. Биографические, как и большинство других данных, пришлось разыскивать в архивах. Приведем основные из них⁶.

Иван Петрович Лаптев родился 28 августа 1774 г.⁷ Место рождения неизвестно, но если судить по справочнику П.А. Дилакторского⁸, оно связано с Вологодской губернией, точнее с провинцией. Наиболее ранние из обнаруженных нами документов о жизни И.П. Лаптева в Вологде относятся к 1803–1805 гг. Ему тогда уже перевалило за 30, он был самостоятельным хозяином, женатым, имел троих детей – Елизавету, Ольгу, Аполлона (сам себя сын называл Аполоний). Выявленные собственноручные объявления Ивана Петровича о капитале 1807–1808 гг.⁹ свидетельствуют, что он был вологодским купцом 2-й гильдии и владел капиталом в 20 400 руб. Названные документы позволяют сказать, что в то время И.П. Лаптев, как и некоторые другие вологодские купцы, имел торговые дела в Петербурге и других городах, наезжал туда. Собственноручные документы Лаптева показывают, что перед нами – грамотный человек, хорошо знакомый с законами и делопроизводством, стремящийся внести свое даже в документ стандартной формы. Вместе с тем это человек, гордящийся принадлежностью к купеческому сословию, знающий себе цену и любящий самовыражением даже в таком ежегодно повторяющемся акте делопроизводства. Явно неординарный человек.

Документы РГА ВМФ позволяют утверждать, что Лаптев торговал лесом. Судя по его предисловию к книге 1824 г., мог заниматься и книжной торговлей.

Каких-либо источников об участии И.П. Лаптева в общественной жизни Вологды не обнаружено, кроме документов об его доле в купеческих пожертвованиях в тяжелые годы Отечественной войны 1812 г. и после нее¹⁰ (здесь он уже в составе купцов 3-й гильдии). В 1804–1805 гг. Лаптев был награжден золотой медалью на Александровской ленте и получил вышитый золотом кафтан за проект об очистке Кронштадтской гавани и пожертвование на ремонт дворца Петра I в Кронштадте¹¹.

Изложенные факты составляют лишь часть жизни Ивана Петровича в вологодский период, и для нас, историков, не самую важную. Судя по тому, что он из 2-й гильдии спустился в 3-ю (по каковой и числился позднее в Петербурге), значительную часть заработанных денег он тратил на другие, а именно – культурные цели. Его страстью стало собирание и изучение древних рукописей и

⁴ Наиболее полная оценка была дана в работе Л.П. Жуковской "Развитие славяно-русской палеографии. (В дореволюционной России и в СССР)" (М., 1963. С. 38).

⁵ *Иванова К.И.* Рукописи И.П. Лаптева в собрании М.П. Погодина // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 188–192; *Крутова М.С.* О книжной коллекции И.П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 133–138.

⁶ См. статью автора: Вологодский купец И.П. Лаптев – филиграновед, библиофил, нумизмат // Послужить Северу...: Ист.-худ. и краевед. сб. Вологда, 1995. С. 90–98; и др. Краткую справку о Лаптеве см.: *Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В.* Вологда XII – начало XX в.: Краевед. словарь. Архангельск, 1993. С. 196. Но в ней даже не указан год рождения, не учтена имеющаяся литература, а в именном указателе на эту фамилию объединены два разных лица.

⁷ Петербургский некрополь / Сост. В.И. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 611.

⁸ *Дилакторский П.А.* Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии. Вологда, 1990. С. 62.

⁹ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 41. Л. 364, 513.

¹⁰ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 286. Л. 33, 39.

¹¹ РГИА. Ф. 468. (Кабинет е.и.в.). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3921. Л. 302 об.; Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной). Оп. 1. Д. 338. Л. 1–5; РГА ВМФ. Ф. 166. (Департамент морского министра). Оп. 1. Д. 708. Л. 13, 13 об., 15, 15 об., 16–17 об.

старопечатных книг, которому он, по свидетельству У.Г. Иваска, посвятил около 40 лет¹². Значит, основы рукописного и других своих собраний Лаптев заложил еще в Вологде, чему способствовали, кроме его личных устремлений, благоприятные условия культурной жизни в Вологде конца XVIII – начала XIX в. Это был один из тех провинциальных городов русского Севера, который имел развитую промышленность, торговлю, ремесла и сосредоточил большие культурные, в том числе рукописные и книжные богатства. Однако во второй половине XVIII (особенно в связи с секуляризацией церковных и монастырских земель в России) и первой половине XIX в. происходит распыление этих собраний, как путем перевоза редких рукописей центральными учреждениями в Москву и Петербург, так и в результате передачи их в духовные учебные заведения Вологды и края, продажи частным лицам, создававшим свои коллекции¹³.

В такой среде на Вологодчине появилось много ценителей и исследователей старины не только из духовного звания, дворянского сословия, но и из купцов. Одним из них был И.П. Лаптев. Формированию подобных личностей в купеческом сословии способствовали их поездки по торговым делам в другие города России. Думается, что эти связи, а также знакомство с культурной жизнью Петербурга, его книжными богатствами и побудили Лаптева перебраться в столицу. Такой шаг, рискованный с точки зрения успеха в торговых делах на новом месте, свидетельствует о мужестве и целеустремленности этого человека.

Первым делом Ивана Петровича после обоснования в столице стало издание в 1824 г. своей книги о бумажных водяных знаках. Столь скорое ее издание могло быть осуществлено только при условии, что первооснова источников для нее – собрание рукописей и книг – была заложена в Вологде, там же начато выявление водяных знаков из него и "других частных малейших библиотек" не позже 1819 г.

Видимо, исходя из первых публикаций в АЕ об И.П. Лаптеве, известный историк Вологодского края П.А. Колесников написал, что Лаптев "прославил Вологду как микрородину науки филиграноведения в России"¹⁴.

Благодаря новым материалам, введенным в оборот в наших статьях¹⁵, сегодня можно не только глубже проанализировать содержание самой книги, представить историю ее подготовки, но и показать палеографическую деятельность Лаптева после выхода книги. Это позволяют сделать данные черновика ("Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи") книги Лаптева (ОР РНБ. ОЛДП. Q. 48. 40 л.) и коллекции его водяных знаков (Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 45, 48), а также многочисленные его пометы на рукописях лаптевского собрания и другие источники.

К самостоятельному пониманию роли бумажных водяных знаков в датировке рукописей и старопечатных книг Иван Петрович пришел от практики изучения

¹² *Иваск У.Г.* Подробный каталог домашней библиотеки У.Г. Иваска. Отдельные описи частных библиотек и собраний рукописей. М., 1910. С. 74.

¹³ См. об этом предисловие А.А. Амосова в кн.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1982. Ч. 1, вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея; *Морозов В.В.* Рукописная книга XIX в. в музейных собраниях Вологодской области // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тезисы выступлений на республ. науч. конф. Вологда, 2–5 июня 1989 г. Вологда, 1989. Ч. 2; *Коновалов Ф.Я.* Малоизученные страницы археографии XVIII – начала XX в.: По материалам Вологодской губ. // Проблемы историографии и источниковедения Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 89–92; и др.

¹⁴ *Колесников П.А.* Сказы о граде Вологде // Вологда: Ист.-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 13.

¹⁵ См.: *Андрюшайтите Ю.В.* Материалы о собирании коллекций водяных знаков И.П. Лаптевым и Н.М. Михайловским // АЕ за 1990 год. М., 1992; *Она же.* То же. Ч. 2. // АЕ за 1991 год. М., 1994; *Она же.* Новые материалы о книге И.П. Лаптева 1824 г. // АЕ за 1992 год. М., 1994; и др.

древних источников. Но он также изучал исторические исследования, прежде всего "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина¹⁶, публикации членов Румянцевского кружка, литературу по истории материалов письма. Как свидетельствуют его дополнения в черновой рукописи (Л. 28 об., 29), историю материалов письма он прослеживал от папируса, через пергамен, хлопчатую (ботаничну) и "тряпишную" бумагу. Причем отмечал отличие хлопчатой от "тряпишной" бумаги по отсутствию филиграней и "частых" линий сетки. Ознакомился Иван Петрович в Петербурге и с одной из последних западноевропейских работ А. Жансена¹⁷, в которой было опубликовано 287 филиграней и содержался список других изданий с публикациями филиграней. Как показывает черновая рукопись книги Лаптева, узнать о ней он мог из примечания 373 к главе X (т. IV) "Истории" Карамзина. Поручил дочери Ольге сделать перевод главы XII, на которую ссылался историограф, в то время, как сам готовил книгу о филигранях. Думается, что благодаря знакомству с книгой Жансена Иван Петрович исключил из окончательного текста готовящейся книги слово "открытие" (фигурирующее неоднократно в ее черновике), так как узнал о более ранних работах в Западной Европе.

Как показано в вышеназванной статье о черновой рукописи (АЕ за 1992 год), последняя содержит и другие важные сведения, опущенные в изданной книге Лаптева.

Ко всему добавим, что черновик рукописи переписан с текста Ивана Петровича его сыном имеет большие дополнения и указания отца относительно ее доработки. В это же время в подготовке рисунков водяных знаков были заняты все трое детей Лаптева, т.е. работала семейная артель.

Книга "Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старин[н]ыя рукописи, с приложением рисунков Вологодского купца Ивана Лаптева" появилась в Петербурге во второй половине 1824 г. Книга в 4°, 11 с. + 28 таблиц филиграней, цена 5 руб., тираж не установлен (но не более 150 экз.). Рукопись была существенно отредактирована, в результате приобрела другой – лаконичный – стиль, но основные положения автора сохранила. Кто был ее редактором – научная загадка.

Изменилось и название книги, дополненное фразой "Опыт в старинной русской дипломатике". Термин "дипломатика" фигурирует и в предисловии, хотя содержание книги не имеет с этой дисциплиной (в современном ее понимании) ничего общего. Учитывая неустойчивость терминологии и расширительное толкование термина в то время, можно понять эту неточность.

Своим посвящением книги Архангельскому, Вологодскому и Олонецкому генерал-губернатору С.И. Миницкому И.П. Лаптев еще раз подтвердил высказанное в рукописи положение о том, что материалы для книги собрал еще в Вологде.

Предисловие начинается с обращения автора к читателю "принять снисходительно сей первый опыт мой, который сам я чувствую еще несовершен[ен]", тут же заявлено желание, в будущем пополнить собрание рисунков, исправить ошибки (С. 7). Далее кратко говорится о начале употребления бумаги в России в середине XIV в. со ссылкой на "Историю" Н.М. Карамзина.

¹⁶ См.: *Андрюшайтите Ю.В.* "История государства Российского" Н.М. Карамзина в исследовательской деятельности И.П. Лаптева // Забелинские научные чтения, посвященные 225-летию Николая Михайловича Карамзина, – "Н.М. Карамзин: Личность, творчество, эпоха". 25–27 ноября 1991 г.: Тезисы докл. М., 1991. Подробнее см.: *Она же.* История государства Российского Н.М. Карамзина и купец И.П. Лаптев // ТГИМ. М., 1998 (в печати).

¹⁷ *Jansen [H.]* Essai sur l'origine de la gravure, en bois et en taille-douce, et sur la connoissance des estampes des XV-e, et XVI-e siècles... (P., 1808. Vol. I–II). Благодарю М.С. Крутову, указавшую на перевод О.И. Лаптевой главы из Т. I этой книги (ОР БАН. Собр. 24 (Ф.М. Плюшкин). № 176).

Перейдя к главному вопросу – датировке старинных рукописей (термин "книга", в отличие от черновика здесь не употребляется), Лаптев проявил комплексный подход (подробно изложенный в рукописи), типичный для исследователей того времени. Если даты нет или "выходы утратились", то "занимающиеся старинною Дипломатикою (так в тексте. – Ю.А.) весьма легко узнают время рукописи, рассматривая форму литер, почерк, слог и некоторые другие признаки" (С. 8). Но в отличие от других работ здесь среди внешних признаков выделены "клейма" (термин "знаки", употреблявшийся в рукописи, исчез). Из перечисленных в черновой рукописи нескольких групп знатоков филиграней оставлена одна – книготорговцы. И следует вывод: "Торговцы книжные по навыку узнают время рукописи по заводскому клейму (курсив мой. – Ю.А.), почти всегда на бумаге выставляемому" (в качестве примера дана известная филигрань "бычья голова"). "Как средство это осталось исключительно в руках людей знающих, то желая по возможности быть полезным, старался я собирать и описывать заводские клейма бумаг, мне попадававшихся, и таким образом собрал оных по сей, 1824 год, 170, из коих представляю здесь несколько, начиная со времени введения в России употребления бумаги по 1701 год, как редчайшие" (С. 9. В действительности в книге приведены рисунки с XV в. до 1701 г.).

Далее идет группа из 20 названий знаков XV–XVII вв. – так называемые "описанные", т.е. без рисунков. Зато мы получаем представление об авторской терминологии названий сюжетов филиграней иностранной бумаги. Кстати, в русских публикациях отдельных филиграней (рассмотренных во второй статье этой темы), названия знаков часто отсутствуют.

В конце предисловия перечислены даты филиграней № 1–50 и высказано наблюдение о том, что знаки могут встречаться "лет за 25 прежде или после" указанных в книге дат, если сохранялся владелец бумажной фабрики. Изменение филигранны автор связывает со сменой владельца.

За предисловием следуют таблицы 150 воспроизведений знаков иностранной бумаги с 1439 по 1700 г. Даты источников первых 50 указаны в предисловии, остальных 100 – под рисунками. В сумме с 20 "описанными" они и составят 170. Видимо, эта сложность авторской группировки знаков и привела к разному общей суммы филиграней, приводимой в литературе.

В целом справочник Лаптева содержит в 10 раз больше рисунков знаков, чем во всех вместе взятых русских публикациях до него. Преобладают воспроизведения филиграней XVII в.

В отличие от первых публикаций водяных знаков, прекрасно выполненных художниками, граверами, рисунки в книге Лаптева страдают неточностями. Сравнение рисунков в рукописи и книге обнаруживает изменения деталей (длина линий, расстояние между ними, пропорции, формы отдельных частей и т.д.). Трудно сказать, является ли это результатом уточнений при окончательной подготовке или искажений при печатании. Позднее филиграноведы отмечали неточности конкретных прорисей в книге¹⁸.

Из бумаги каких источников сняты рисунки, не указано. В черновой рукописи названы две категории – рукописные и печатные книги, как и в записях к рисункам в лаптевской коллекции водяных знаков; в издании – только рукописи. Расшифровка записей в коллекции водяных знаков позволяет определить источники воспроизведения знаков. На одну треть это – рукописи, на две трети –

¹⁸ Тромонин К.Я. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844. С. 3, 5; Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. С. 58, 67, 71; Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. XLIII; и др.

книги кирилловской печати. Состав собрания Ивана Петровича и более поздние записи под рисунками в коллекции водяных знаков свидетельствуют, что впоследствии он привлекал источники и на других языках.

Таковы основные положения книги И.П. Лаптева.

Книга вскоре получила научный резонанс. Ее сразу же приобрели некоторые члены кружка Н.П. Румянцева, по инициативе которого книга стала предметом обсуждения в их переписке (частично об этом см. статья автора в АЕ за 1994 год. С. 102–103).

Граф Н.П. Румянцев, находясь в своем имении в Гомеле, получил из Петербурга с "кладью" книгу Лаптева и 6 января 1825 г. написал директору Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновскому, выразив надежду, что тот приобретет для библиотеки эту книгу, и попросил передать К.Ф. Калайдовичу просьбу об отзыве на нее¹⁹. 9 января граф написал письмо в Петербург ученому слависту и палеографу А.Х. Востокову, в котором выразил надежду, что ему "конечно, известен Опыт в старинной русской дипломатике", просил купить еще экземпляр для своей петербургской библиотеки. Оценив книгу, как "сочинение вовсе незрелое", и признав свое "по этой материи полное незнание", он обратился к Востокову с просьбой, дать замечания на книгу. Будучи широко образованным и очень любознательным человеком, он также просил рекомендовать соответствующую иностранную литературу, наивно полагая, что "между трудолюбивыми немцами" отыщется автор, "который бы в одном и полном сочинении передал нам особую историю писчей бумаги и о всех ее гербах с означением, где фабрики существовали"²⁰.

31 января 1825 г. Востоков ответил в письме Румянцеву, что купил для него еще один экземпляр книги Лаптева и дал ее оценку: "Сочинение сие без сомнения неполно и недостаточно, однако ж как первый опыт у нас в сем роде заслуживает высокой благодарности"²¹. И изложил замечания, развернутые позднее в его рецензии. В частности, понимая трудности поиска и разработки филиграней, Востоков прощал ряд недостатков книги: "Многие заводские клейма не были известны издателю, имевшему в руках небольшое только число рукописей; при том же извинительно, что он не показал, к каким городам или фабрикам принадлежал какой герб: к определению этого надобна большая начитанность".

Отвечая на запрос Румянцева об иностранной литературе, Востоков сообщил, что он, собирая коллекцию филиграней, тоже искал "нет ли какого-нибудь полного сочинения о сем предмете, но доселе ничего такого не нашел", кроме приложения к каталогу Серна-Сентандера 1803 г.²²

Вскоре Александр Христофорович нашел книгу Жансена и еще какую-то немецкую книгу (возможно, Г.Ф. Верса) и, видимо, сообщил об этом графу²³. В ответ в письме 17 февраля 1825 г. Румянцев согласился с оценкой "Опыта старинной русской дипломатики" Востоковым, вспомнил свое посещение библиотеки князя Ш.-М. Талейрана и знакомство с его библиотекарем (Жансеном),

¹⁹ Переписка государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева с московскими учеными // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 2. Отд. 1. С. 305. № 344.

²⁰ Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник статей, читанных в ОРЯС Имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 164. № 100. В "Русской палеографии" Л.В. Черепнина (М., 1956. С. 47) эта фраза ошибочно трактуется, как предложение графа о важности продолжения работы и создания "полного сочинения". Такая трактовка перешла и в обзор В. Мошина "Die Filigranologie als historische Hilfswissenschaft" (Papiergeschichte. Jg. 23 (1973). Mainz. H. 5/6. Juni. 1974. S. 31).

²¹ Переписка А.Х. Востокова... С. 169. № 104.

²² Там же.

²³ Это письмо не сохранилось. См.: Там же. С. 439. Примеч. И.И. Срезневского.

а также просил купить и прислать ему упомянутые Востоковым французскую и немецкую книги²⁴.

Выполнил просьбу графа и другой ученый – К.Ф. Калайдович. В письме от 19 февраля 1825 г. он сообщил, что «теперь только получил книгу "Опыт..."», и не только высказал мнение о ней, но изложил свое отношение к почерку и водяным знакам как средствам датировки рукописи, и основные требования к составлению альбомов филиграней. Он оценил "Опыт..." так: "Г. Лаптев представляет в своем труде только легкое начало к тому способу распознавать старинные рукописи, который принимается в уважение, когда *настоящее свидетельство времени – почерк* (курс мой. – Ю.А.) приводит палеографа в недоумение, умалчивая о том, что такого рода примета обнимает только рукописи не свыше XIV столетия – времени, в которое появилась бумага"²⁵. В последнем Калайдович категоричен и потому несправедлив. Лаптев не случайно кратко (подробнее в рукописи) указал, что бумагу в России начали употреблять в XIV в. К недостаткам Калайдович относил отсутствие в книге уже опубликованных в России знаков (заметьте, что Лаптев не ставил такой задачи), описаний рисунков (в каком городе, государстве производилась бумага) и названий источников воспроизведений. Он предложил дополнить книгу публикациями филиграней из иностранных работ, но самих этих работ не называл.

Вскоре после рассмотренной переписки ученых, 28 марта 1825 г. в "Библиографических листах", издаваемых П.И. Кеппенем, появилась благожелательная рецензия А.Х. Востокова на книгу И.П. Лаптева. Отвечая на просьбу автора – о снисходительности к недостаткам, выраженную в предисловии к книге, он писал, что ученые и книжные торговцы "примут не только снисходительно, но и с благодарностью труд г. Лаптева"²⁶. И объяснил причину этого: отсутствие даже в Западной Европе полного труда, в котором были бы собраны и описаны "все заводские знаки (фр. *filigrane*, нем. *Wasserzeichen*)". Вместе с тем он отметил, что многие иностранные авторы работ библиографических, по истории книгопечатания и гравировального дела обращали внимание на филигранные. И тут же рекомендовал упомянутую книгу Жансена, подчеркнув, что и эта публикация неполна, как можно убедиться "по встречающимся нам знакам на бумаге разных годов XIV и XV столетий"²⁷. Востоков отмечал преимущество книги Лаптева перед работами иностранных авторов в исследовании филиграней XVII в. и призывал к изучению водяных знаков поздних веков, что важно и для выявления подделок рукописей.

Рецензент сожалел, что в книге отсутствуют рисунки 20 "описанных" знаков, названия источников воспроизведения остальных знаков и указания на места их хранения. В связи с этим он выразил важное наблюдение о том, что сокровища частных библиотек "только по приведении в известность возымеют настоящую цену, а некоторые из них через сие самое избудут, может быть, от истребления"²⁸.

От упрека за отсутствие указаний на место производства бумаги он в рецензии воздержался, учитывая сложность вопроса, требующего знания всей иностранной литературы по теме. Но отрицательно высказался об употреблении

²⁴ Переписка А.Х. Востокова... С. 174. № 109.

²⁵ Цит. по: Козлов В.П. Малоизвестные письма К.Ф. Калайдовича к Н.П. Румянцеву // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 224; В публикации опечатка – "XVI" в. См. подлинник: РГАДА. Ф. 17. Д. 50 доп. Ч. 2. Л. 96–97. Здесь же (Л. 95) письмо Румянцева Калайдовичу от 10 марта 1825 г., где он пишет: "Ваши замечания на Опыт Вологодского купца Лаптева весьма справедливы и любопытны".

²⁶ Кеппен П. Материалы для истории просвещения в России. Т. II. Библиографические листы 1825 г. СПб., 1826. № 10. Стб. 133.

²⁷ Там же. Стб. 135.

²⁸ Там же. Стб. 136.

термина "клеймо", предложив заменить его словом "метка" (что тоже нельзя признать удачным).

Таким образом, научная общественность Москвы и Петербурга приняла книгу И.П. Лаптева с большим вниманием, профессиональной критикой²⁹. Приведенные отзывы показывают, что Лаптев опередил ученых не только в общей постановке вопроса, в издании специального пособия о водяных знаках, но и в знакомстве с иностранной литературой. Однако преимущества ученых – образованность, знание языков, методики работы с источниками и литературой, а также опыт в изучении водяных знаков привели к быстрому выявлению ими иностранных работ и формулировке основных требований к справочникам филиграней.

Анализ рассмотренной книги позволяет сделать следующие выводы. Книга И.П. Лаптева – первая специальная работа в России, посвященная бумажным водяным знакам – ознаменовала определенный этап в их палеографическом изучении. Она свидетельствовала о накоплении знаний в этой области за четверть века не только учеными, но и палеографами-любителями, о соединении коллекционирования филиграней с научными устремлениями. В "Опыте старинной русской дипломатики", в отличие от прежних работ русских ученых, где отдельные знаки привлекались для датировки и иллюстрации, автор впервые сформулировал положение о месте и значении филиграней в датировке бумажных рукописей (а если вспомнить черновую рукопись, то этот вывод можно распространить и на старопечатные книги). В этом ее преимущество и перед иностранными библиографическими, книговедческими, искусствоведческими изданиями, где филигранные прилагались или использовались в связи с иными источниками – главным образом со старопечатными книгами, эстампами и лишь частично – с документами, письмами, рукописями (в работах фон Мурра, Денне, Фенна)³⁰.

Являясь до 1844 г. единственным в России специальным пособием по датировке источников по водяным знакам, книга Лаптева стимулировала их собирание, исследование и публикации наряду с изучением соответствующей иностранной литературы, способствовала формированию не только филиграноведения, но и палеографии в целом. Издание этой книги, вызвавшее оживленную переписку между учеными не только о ней, но и о состоянии изучения филиграней в Западной Европе, о требованиях к составлению альбомов филиграней, а также появление первой филиграноведческой рецензии, привлекло внимание ученых, библиофилов, книготорговцев к новому средству в датировке бумажных рукописей, стимулировало развитие методики изучения водяных знаков в России.

В том же 1824 г. в Москве вышли две работы с отдельными публикациями и описаниями филиграней. Это известное исследование К.Ф. Калайдовича "Иоанн, эксарх болгарский" (оно было рассмотрено во второй статье темы) и сборник "Белорусский архив древних грамот" (Ч. I), подготовленный также членом Румянцевской "Ученой дружины" И.И. Григоровичем с помощью Калайдовича и других ученых. Эта первая публикация по истории Белоруссии являлась одной из лучших с археографической точки зрения³¹. В кратком предисловии сборника

²⁹ Напомним, что первые критические замечания по поводу отдельных публикаций филиграней были высказаны в 1822 г. в работе П.И. Кеплена "Список русским памятникам..." См. об этом в первой статье данной темы (АЕ за 1993 год. С. 124).

³⁰ См. о них последний обзор на русском языке: *Богданов А.П.* Филиграноведение вчера и сегодня // *История и палеография: Сб. статей* М., 1993. Вып. 2. С. 320–322.

³¹ *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода М., 1973. С. 22–28; *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 105–106; *Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археографии в дореволюционной России: Уч. пособие. М., 1969. С. 65.

среди внешних признаков документов отмечен и материал письма, дана его общая характеристика у подлинников (преимущественно на пергамене), которых немного, и копий – на бумаге. Поэтому в легендах, где содержится описание внешних признаков грамот и другие элементы, иногда обоснование датировки, материал письма в копиях не указан. Подлинники на бумаге указаны в легендах к грамотам № 10, 26, 36, 57. Только в одной из них, № 10, к акту 1556 г. Сигизмунда II дано и описание "знака в бумаге": "под короною в щите два креста, один ниже другого". Оно носит иллюстративный характер. Возможно, поскольку все документы кроме № 1 точно датированы, необходимости в использовании филиграней у Григоровича не возникло. Хотя известно, что Калайдович уточнил датировку нескольких грамот уже на стадии редактирования сборника, не имея оригиналов.

Кружок Н.П. Румянцева, как известно, был связан и с учеными западных регионов Российской империи. Среди них известный польский историк Иоахим Лелевель, преподававший в Виленском университете и много занимавшийся вопросами славяноведения и вспомогательных исторических дисциплин. В своем труде "Две библиографические книги..."³² он дал 18 таблиц палеографических снимков текстов, букв, миниатюр и т.д. Во II томе он изложил также историю бумаги, поместив две таблицы со 128 рисунками филиграней в сильно уменьшенном виде из польских рукописей XIV–XVII вв. и старопечатных изданий. Все рисунки имеют даты по рукописям, а воспроизведения из книг расположены группами по принадлежности печатникам. Употребляется польский термин "znaku wodne" ("водяные знаки", какового в России еще не употребляли) наряду со словом "филигрань".

Глубокое исследование Лелевеля посвящено первым страницам истории польского книгопечатания, а вопрос об истории бумаги и филигранных стал по западноевропейской традиции, подчиненным вопросу о старопечатных книгах. Однако материал очерка истории бумаги, опирающийся на работы Г.Ф. Верса, А. Жансена и других, был связан с фабриками-производителями и их марками – водяными знаками. Воспроизведения знаков даны не только из старопечатных книг, но и в значительной мере из рукописей, отдельные из которых относятся и к XVII в. Ценной явилась и таблица форматов бумаги с указанием расположения филиграней на горизонтальных линиях бумаги соответствующего формата.

По числу рисунков филиграней эта работа уступала книге И.П. Лаптева, но все приведенные данные говорят о глубоком понимании значения бумаги и ее водяных знаков для изучения рукописей и старопечатных книг.

И. Лелевель вел переписку по научным проблемам с Н.П. Румянцевым и другими членами кружка (часто через посредников), обменивался книгами. В частности, указанную книгу он послал Н.П. Румянцеву (Т. I) и П.И. Кеппену, а от Румянцева получил издания "Софийский современник" П.М. Строева, "Иоанн, эксарх болгарский" К.Ф. Калайдовича; от Кеппена "Материалы для истории просвещения в России" (СПб., 1819–1827. № 1–3)³³. Поэтому можно сделать вывод, что русские ученые в числе других работ Лелевеля были знакомы и с указанной книгой, в которой к изучению польских инкунабул привлечены филигранные, а Лелевель смог ознакомиться с публикациями водяных знаков в русских работах, в том числе и с рецензией Востокова на книгу Лаптева в "Библиографических листах" Кеппена, которые находились во второй части "Материалов для истории просвещения в России". Кстати, о ней могли узнать и

³² *Lelevel I. Bibliograficznych ksiąg dwoje, w których rozebrane i pomnożone zostały dwa dzieła Jerzego Samuela Bandtke. Wilno. 1823 – 1826. T. I–II.*

³³ *Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: Русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 14–16, 40, 43, 45–47; Козлов В.П. Колумбы российских древностей. С. 31–32, 44.*

чешские ученые, так как П.И. Кеппен, связанный со многими славяноведами, послал "Материалы..." и В.В. Ганке³⁴.

Всплеск филиграноведческой активности в 1824–1825 гг., связанный с выходом первой в России работы о филигранях и ее обсуждением учеными Румянцевского кружка, создавал благоприятные условия для дальнейших исследований в этой области. Однако в январе 1826 г. умер Н.П. Румянцев – организатор, генератор идей и финансовый источник многих трудов членов этого уникального неформального объединения. Вскоре вслед за ним ушли те деятели, которые активно занимались изучением водяных знаков – в 1828 г. – А.И. Ермолаев, в 1832 г. – К.Ф. Калайдович, который несколько лет был серьезно болен. П.И. Кеппен обратился к другим исследованиям, П.М. Строев – целиком ушел в археологию. Палеографическое пособие, несмотря на готовившиеся материалы, не было создано. Но продолжалась кропотливая, до публикации незаметная работа с водяными знаками при датировке и описании рукописей.

Учитывая настойчивость, проявленную И.П. Лаптевым при подготовке книги и высказанное им обещание продолжить эту работу, можно было предполагать, что занятия водяными знаками оставались и позже в центре его внимания. Отсутствие личного фонда Лаптева заставило обратиться к источникам из других архивных фондов, в том числе к рукописям из его также распыленного собрания. Первые сведения о том, что автор "Опыта" продолжал изучать филигранные, связаны с публикацией отдельных его записей на рукописях бывшего лаптевского собрания (историком В.П. Любимовым, филологами К.И. Ивановой (Болгария), М.С. Крутовой). Но, может быть, это случайные факты?

Прямой и безусловный ответ на вопрос о филиграноведческих изысканиях И.П. Лаптева не только до, но и после 1824 г. дает обнаруженная автором настоящей статьи его коллекция водяных знаков. Поскольку материалы о ней опубликованы в вышеназванных статьях (АЕ за 1990 год и АЕ за 1991 год), то мы ограничимся здесь основными положениями.

Коллекция находится в личном фонде Н.М. Михайловского (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45, 48) и содержит несколько тетрадей с рисунками филиграней (более 2 тыс.). Это самая большая из известных в России коллекций XIX в. до собрания Н.П. Лихачева. Она состоит из основной части (Ед. хр. 45), созданной Иваном Петровичем с помощниками в период не ранее 1819 г. – и до июня 1838 г. и небольшой тетради (Ед. хр. 48, около 200 филиграней), купленной им в 1831 г. у Е.С. Петрова, комиссионера графа Ф.А. Толстого.

Воспроизведения филиграней сделаны с источников XIV–XVIII вв., т.е. хронологические рамки по сравнению с книгой значительно расширены.

По составу источников (судя по записям к рисункам знаков) коллекция представляет филигранные иностранной бумаги преимущественно русских, славянских рукописных и старопечатных книг, а также отдельных латинских и греческих рукописей. Как было обещано в книге, Иван Петрович расширил и круг собраний для выявления этих источников: помимо постоянно пополняемого своего собрания, он работал с рукописями, хранящимися в Имп. Публичной библиотеке, в крупнейших собраниях Ф.А. Толстого, Н.П. Румянцева, а также других коллекционеров.

Судя по почеркам записей, работа велась семейной артелью. Они позволяют заглянуть в лабораторию работы И.П. Лаптева. Как правило, рисунки и отсылки к источникам сделаны его детьми, а рассуждения о датировке бумаги, ее зависимости, водяных знаках, почерке, миниатюрах – рукой Ивана Петровича. Они

³⁴ См. Письма П.И. Кеппена В.В. Ганке в кн.: Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр[аф] Румянцев. Одесса, 1887–1888. Прил. IV. С. СХХVI, СХХХ, СХХХVII, СХХХIX.

вместе с записями Лаптева на рукописях из его собрания, а также данными черновой рукописи книги составляют группу источников, которые дают представление о его глубоких знаниях в области филиграней и подтверждают его комплексный подход в палеографическом анализе рукописей.

Эта коллекция позволила провести сравнительное изучение рисунков водяных знаков в черновой рукописи и книге. Записи в тетрадах дают дополнительные сведения о справочной литературе, которой пользовался Иван Петрович и о широком круге коллекционеров Петербурга, Москвы и других городов, с которыми он был связан.

К сожалению, неточность рисунков, а также отсутствие в целом ряде случаев названия источника воспроизведения и его местонахождения, не дают возможности опубликовать эту коллекцию. Но огромное ее историографическое значение бесспорно.

Что же помешало новому изданию книги или альбома водяных знаков?

Прежде всего трудоемкость работы, растянувшейся до конца жизни, конечно, преклонные годы, застарелая болезнь (ревматизм), по причине которой, видимо, так испортился с годами почерк Лаптева. Однако, на наш взгляд, сосредоточиться на подготовке второго расширенного издания книги помешало и новое увлечение Ивана Петровича в последнее десятилетие его жизни – изучение кормчих книг. Об этом сохранилось много свидетельств.

О серьезных намерениях И.П. Лаптева в этом вопросе сообщалось в двух письмах директора Публичной библиотеки А.Н. Оленина министру Императорского двора и уделов князю П.М. Волконскому по поводу предлагаемого Иваном Петровичем библиотеке тома Лицевого свода XVII в. в обмен на освобождение его от выборных должностей³⁵. В первом письме от 21 апреля 1827 г. написано: "Его (И.П. Лаптева. – Ю.А.) намерение состоит в том, чтобы досуг, ежели оный будет ему дарован, употребить на изыскания по части старинного церковного законовещения, и в особенности на составлении из древних и новейших кормчих книг свода Правил апостольских и соборных..."³⁶ Во втором письме от 1 июня 1827 г. обещание было еще более значительным: "дабы он мог посвятить досуг свой на изготовление к изданию в свет полного текста Правил вселенских и поместных соборов, известных доселе в России токмо в сокращениях толкователей..."³⁷. Правда, в записке И.П. Лаптева предоставление ему льгот испрашивается только по причине преклонных лет и болезни³⁸.

Поскольку документально подтверждено, что в 1827 г. Лаптев передал обещанный том в Публичную библиотеку, то Клосс и другие исследователи считали, что просьба Лаптева о "досуге" была удовлетворена. В действительности, П.М. Волконский счел ненужным создавать такой прецедент и предложил от лица Государя перстень, который Иван Петрович и получил³⁹.

Учитывая колоссальность задачи, сформулированной в цитированных письмах, надо полагать, что Иван Петрович подключился к той работе, которая развертывалась в то время под руководством барона Густава Андреевича Розенкампа (1762–1832). Подтверждение дает уже статья Розенкампа

³⁵ Оpubл. в статье Б.М. Клосса "Об истории томов Лицевого свода, хранящихся в Публичной библиотеке" (Исследования по источниковедению дооктябрьского периода. М., 1985. С. 112) по черновикам этих писем, написанных А.И. Ермолаевым и хранящихся в ОР РНБ (Ф. 542).

³⁶ ОР РНБ. Ф. 542 (А.Н. Оленин). Оп. 1. Ед. хр. 497. Л. 41 об. См. также: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 13. Л. 2; РГИА. Ф. 472 (Канцелярия министерства Императорского двора). Оп. 12. Д. 212. 1827 г. Л. 11–11 об.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 542. Оп. 1. Ед.хр. 497. Л. 44 об.

³⁸ Там же. Л. 42.

³⁹ См.: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 13 ("О Всемилостивейшем пожаловании 3-й гильдии князю Лаптеву бриллиантового перстня за пожертвованную часть рукописного Хронографа в пользу Библиотеки"). Сердечно благодарю Л.Б. Вольфцун за помощь в поиске этих документов.

"Краткое обозрение Кормчей книги в историческом виде"⁴⁰ – введение к будущей книге. В ней автор, изложив историю изучения кормчих книг и свои результаты, среди коллекционеров, предоставивших ему списки источников, поименно назвал наряду с Н.П. Румянцевым, Ф.А. Толстым и И.П. Лаптева.

О том, что эту работу Иван Петрович продолжил (и даже после смерти Розенкампа в 1832 г.) говорят многие факты: многочисленные записи его и его помощников на списках кормчих книг⁴¹ и их источников (Златой цепи (ОР РГБ. Собр. Егорова. № 1346), Пандектов Никона Черногорца (ОР РНБ. Погод. № 267), Номоканона Иоанна Постника⁴² и др.), которыми он пополнял свое собрание, записи к филиграммам из этих рукописей в лаптевской коллекции водяных знаков.

В обоих изданиях книги Г.А. Розенкампа "Обозрение Кормчей книги в историческом виде" имеются неоднократные отсылки на И.П. Лаптева и предоставленные им автору рукописи, в одном случае даже ведется полемика с Евгением Болховитиновым и И.П. Лаптевым, а в другом – используются записи Лаптева⁴³. Не имея возможности подробно остановиться здесь на этом вопросе⁴⁴, перечислим лишь основные моменты.

Вклад Лаптева в подготовку труда Розенкампа выражался в разных формах: поиски списков кормчих книг и их источников, предоставление для работы автору имеющихся у него списков, а также сообщения о других известных Лаптеву источниках, передача записей с описанием списков, участие в описании отдельных списков, в частности, Пандектов Никона Черногорца, подготовленном А.Х. Востоковым⁴⁵.

Многочисленные записи И.П. Лаптева на полях списков кормчих книг, их источников и других рукописей его собрания, а также итоговые записи на свободных листах рукописей⁴⁶ свидетельствуют о том, что наряду с палеографическим изучением внешних признаков, он рассматривал состав и полноту источников, проводил текстологические и источниковедческие наблюдения.

Эта многосторонняя, воистину исследовательская деятельность и не позволила ему подготовить второе издание книги о филиграммах.

* * *

В Петербурге И.П. Лаптев прожил более 15 лет, скончался 21 июня 1838 г. в возрасте неполных 64 лет "от старости", как значится в Ведомости Большеохтинского Георгиевского кладбища "по письму Успенской Сен[н]овской церкви свящ[енника] Василеи Чулкова"⁴⁷. На аукционе 1840 г. были распроданы его

⁴⁰ *Кеппен П.И.* Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. Т. III. С. 141–150.

⁴¹ Впервые их проанализировал В.П. Любимов в статье "О Лаптевском списке Правды Русской" (Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. III. С. 835–838).

⁴² Писарский список описания этого Номоканона И.П. Лаптевым в 1829 г. см.: ОР РГБ. М 7067. 23. Ф. 139 (А.И. Кошелева и Кошелевых). К. 5. Д. 4. Л. 1–2 об.

⁴³ *Розенкамп Г.А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. Введение. С. 12–14; Отд. 2. С. 150–151; Примеч. к введ. № 5; Примеч. к отд. 2. № 47, 54, 70. С. 87. Сн*; Указ. соч. С. 256. Сн*; Прибавление № VI. С. 209. Сн*. Прибавление № VII. С. 195; Индекс. С. 162; Он же. То же. СПб., 1839. Введение. С. 7–10; Отд. 2. С. 116. С. 72–73. Сн*. С. 185; Примеч. № 69. С. 268. Сн*; Прил. № VI. С. 254; Прил. № VII. С. 535. Сн*; Указ. С. 27. Подробный перечень ссылок приведен после прочтения книги, так как ее указатели, особенно ко второму изданию, далеко не отражают их.

⁴⁴ Подробнее он изложен в завершаемой книге автора о И.П. Лаптеве.

⁴⁵ См. об этом: *Розенкамп Г.А.* Указ. соч. М., 1829. Прибавл. N VI. С. 195; *Любимов В.П.* Указ. соч. С. 837.

⁴⁶ Частично опубликованы в указанных статьях В.П. Любимова, К.И. Ивановой, М.С. Крутовой, рассмотрены в книге Л.Е. Морозовой "Сочинения Зиновия Отенского" (М., 1990. С. 39–40).

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 641. Оп. 1. Д. 11. Л. 1. 31 об.; Петербургский некрополь. С. 611.

собрание рукописей и книг и, видимо, коллекция водяных знаков⁴⁸, в 1845 г. – монет. Распыление этих коллекций, конечно, достойно сожаления. Но, думается, благодаря распродаже 1840 г. филиграноведческая деятельность И.П. Лаптева получила продолжение у Н.М. Михайловского. Изложим здесь основные факты⁴⁹.

Николай Матвеевич Михайловский (1815–1877) окончил Петербургскую духовную семинарию, с 1836 по 1877 г. работал в Министерстве народного просвещения, других учреждениях, дослужившись до чина статского советника. В 1838–1849 гг. был чиновником Археографической комиссии. Оставил собрание из 1137 рукописей и книг XV–XIX вв. (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 2). Опубликовал несколько исторических очерков и документов, сборник стихов.

Можно считать, что к филиграням он обратился в процессе собирания рукописей, причем в самом его начале, где-то в конце 1830-х годов, будучи знаком с книгой И.П. Лаптева. Об этом свидетельствует бумага бланков Департамента народного просвещения 1830-х годов, на которых он вел записи, его признание, что копировал знаки из рукописей своего собрания, одалживал у коллекционеров, которые ему неохотно давали (видимо, из-за его молодости, неопытности, бедности), а в библиотеках еще не бывал. В его личном фонде обнаружена большая коллекция водяных знаков (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45–48) – около 4 тыс. рисунков. Как было показано, больше половины ее, тетради с рисунками в ед. хр. 45 и 48 (около 2200 знаков), принадлежали раньше Лаптеву и были куплены Михайловским после его смерти. Воспроизведение же остальных филиграней (Ед. хр. 46, 47) – менее 2 тыс. – сделаны Михайловским или по его поручению (записи разными почерками). Причем, рисунки в этих тетрадях в значительной мере повторяются, как и тексты записей к ним. Наиболее качественные рисунки находятся в первой части Ед. хр. 47: сделаны четко чернилами, пронумерованы, расположены в рамках-таблицах по хронологии (как у Лаптева), т.е. явно производился отбор для подготовки альбома. Остальные рисунки, как правило, карандашные. Но всюду указаны даты, отсылки к источникам, порой отмечено местонахождение последних в шкафу, на полке, а также расположение знаков на листе рукописи; в ряде случаев даны сравнения со знаками Лаптева.

Из-за нечеткости рисунков филиграней эта коллекция также имеет только историографическую ценность. Однако значение материалов фонда для истории филиграноведения связано еще и с заметками "О дипломатике" как "пособия для историков" (Ед. хр. 46. Л. 50–55 об.). Это черновик без подписи и даты. Судя по почерку и другим данным, заметки написаны Михайловским в период с конца 1830-х и не позднее 1844 г. В это время их автор – молодой, бедный чиновник, интересовавшийся историей и начавший собирать старинные рукописи и книги. На этой основе он и стал выявлять филигранные, прибегая в сложных случаях даже к вырезанию листов из собственных книг, что, конечно, непозволительно.

Но его рассуждение "о науке дипломатике" (в действительности палеография) прогрессивны не только для того времени. Рассматривая процесс датировки старинных рукописей и книг, он придавал большое значение почерку, но считал использование его недостаточным, поэтому предлагал изучать бумагу источника, ее знаки. Впервые, наряду с другими терминами, он употребил и слова "водяные знаки". Чрезвычайную важность придавал вопросу о связи филигранны с фабрикой-производителем, вопросу, который по-настоящему стал

⁴⁸ Известно, что значительная часть исторических рукописей И.П. Лаптева составила основу собрания историка М.П. Погодина. Однако вопрос о лаптевском собрании требует специального изучения.

⁴⁹ Биография Н.М. Михайловского и анализ его материалов о филигранях освещены в указанных ранее наших статьях в АЕ за 1990 год и АЕ за 1991 год.

изучаться в России и за рубежом только в конце XIX в. Он понял невозможность существования двух одинаковых филигранных. Высказал общие наблюдения о бумаге русского производства, которая имеет, кроме фигур, литеры (эта особенность в XX в. изучена С.А. Клепиковым), призвал выявлять отличия филигранных бумаги в разных странах. Михайловский считал обязательным указывать филигранные при описании рукописей, сформулировав важное положение: "Ручные клейма не могут быть в противоречии с почерком, и языком, и местом, и временем" (Л. 52).

Обратил он внимание и на прозрачность изображений, что приводит к ошибкам при их определении. Поэтому принял оригинальное решение: в собрании филигранных "расположил так, чтобы и с той, и другой стороны они были видны" (Л. 54).

Положительно оценив выход книги Лаптева, неоднократно ссылаясь на него, как в коллекции, так и в заметках, Михайловский критически отнесся к хронологическому принципу расположения рисунков в его книге и предложил располагать знаки "по группам и по времени" (Л. 52).

Юношеский максимализм поставленных в заметках задач очевиден. Многие из них не осуществлены у нас до сих пор. Но нельзя не признать, что Михайловский достойно продолжил дело Лаптева, однако не завершил его. Причина, думается, в том, что его опередил изданием альбома филигранный 1844 г. К.Я. Тромонин.

Заканчивая рассмотрение темы, остановимся на публикациях водяных знаков в 30-х годах XIX в. В это время выходили публикации летописей, крупные издания в основном актового материала, собранного в результате археографической экспедиции П.М. Строева и осуществленные только что созданной Археографической комиссией. Археографически они стояли на уровне знаний того времени. Правила издания требовали учета в легендах внешних признаков документов, в том числе и материала для письма. Но филигранные в них еще не присутствовали.

Первая публикация филигранный появилась лишь через 12 лет после выхода книги Лаптева в качестве приложения к "Сборнику Муханова" (М., 1836). Подготовил его член ОИДР Павел Александрович Муханов (1797–1782). Выйдя в 1834 г. в отставку с армейской службы, он усиленно занялся собиранием рукописей в архивах, у коллекционеров и публикацией их. Позже Муханов стал председателем Археографической комиссии.

В названном сборнике, содержащем документы XIV–XVIII вв., значительную часть заняли копиянные материалы Литовской метрики из Варшавского архива. В примечаниях к грамотам иногда указан материал письма и другие внешние признаки, отмечается отсутствие дат и приводится аргументация датировки, но без привлечения филигранных. В конце сборника есть раздел "Примечания", в который включены преимущественно замечания по содержанию, а также о датировке, внешних признаках грамот, их опубликованности и др.

Будучи одним из первых в России изданием документов Метрики, по своим археографическим данным сборник оставлял желать лучшего⁵⁰.

При наличии многих недостатков (тенденциозность исторического предисловия, неточность характеристики архива Метрики, ошибки в передаче текста документов, отсутствие указания на места хранения многих из них и т.д.) удивительным является такое, все еще редкое в то время явление в археографии, как публикация бумажных водяных знаков. Видимо, на это подтолкнуло

⁵⁰ Улащик Н.Н. Публикация материалов Литовской метрики // Исследования по истории Литовской метрики: Сб. научн. трудов. М., 1989. Ч. 1. С. 143, 144; *Он же*. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 10–44; и др.

изучение древних рукописей, знакомство с распространенной характеристикой воспроизведения снимков текстов документов. В приложении к этому сборнику дан ряд такого рода снимков, а также "рисунок, на котором представлено одиннадцать клейм, выделанных на бумаге"⁵¹. Как видим, составитель употреблял для обозначения водяных знаков старый термин "клейма".

В отличие от факсимильных текстов из конкретных документов не указано, откуда выявлены водяные знаки, под рисунками нет дат. Об их конкретной принадлежности можно узнать из раздела "Примечания" (например, № 141.1627 г. "Подлинник на тонкой тряпичной бумаге, на которой находится фабричное клеймо, изображенное под № 1 на рисунке, приложенном к XXII стр." (ошибка, нужно "к XII стр." – Ю.А.). Остальные рисунки филиграней указаны в примечании к № 144, хотя и относятся к разным документам – датированным письмам царя Алексея Михайловича середины XVII в. Все подлинники этих документов принадлежали С.А. Маслову.

Из 11 воспроизведений филиграней только у трех виден полностью сюжет рисунка, восемь – представляют части знаков (с неполных листов, столбцов). Как видим здесь рисунки знаков выполняют лишь иллюстративную роль.

Публикации же из Литовской метрики, как сказано, находились лишь в начале ее издания и палеографического изучения в России, которое сегодня осуществляется учеными разных стран⁵².

Другое издание с воспроизведением филиграней, также подготовленное П.А. Мухановым, "Рукопись Филарета, патриарха Московского всея России" (М., 1837). Оно представляет первую публикацию этой рукописи XVII в., о которой подготовителю сообщил бывший член Румянцевского кружка, президент ОИДР А.Ф. Малиновский, он же и предложил ее напечатать. Может быть, поэтому находим здесь более подробные сведения о материале письма и водяных знаках. Среди палеографических снимков имеется 12 филиграней. Как и в первом сборнике, большинство рисунков изображают части знаков, в основном "кувшин". По оценке Н.П. Лихачева, знаков, "попорченных большею частью тем, что вышли только наполовину, так как извлекались из столбца, а не из рукописи в десть. Снимались они, впрочем, старательно и зарисованы без искажений"⁵³.

В предисловии разъясняется, что рукопись была написана на столбце, "столбец разрезан на неравные листы, их числом 67; бумага тряпичная *разных* клейм.... столбец написан не одною, но *шестью* различными руками; почерк всех шести рук принадлежит к началу XVII столетия, т.е. к периоду времени, описанному в самой летописи"⁵⁴.

"Изображения фабричных клейм бумаги" даны не только как иллюстрации, но и для доказательства тезиса о том, что рукопись написана разными писцами ("слог различный, бумага различная, взгляд и образ мыслей летописцев также различные"), т.е. привлекались в комплексной методике. Описание филиграней продолжено в примечаниях, где указано, на каких листах рукописи находятся их воспроизведения, а также отмечены листы, на которых "клейм или совсем не было, или если на некоторых и были, то неизвестно какие, потому что отрезаны"⁵⁵.

Можно считать, что анализ филиграней сделан на уровне знаний своего вре-

⁵¹ Сборник Муханова., М., 1836. Предисл. С. IV.

⁵² Кроме указанных ранее, см. статьи в кн.: Литовская метрика: Тез. докл. межреспубл. науч. конф. Апрель 1988 г. Вильнюс, 1988; и др.

⁵³ Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. С. 23. Сн. 1.

⁵⁴ Рукопись Филарета. М., 1837. С. iij.

⁵⁵ Та же. С. 74.

мени, но углубленного их описания и сравнения по другим источникам еще не хватает.

Впервые полное изучение филигранных в составе палеографического анализа рукописи было сделано лишь недавно Л.Е. Морозовой⁵⁶. Именно благодаря привлечению филигранных из другого, точно датированного источника ей удалось уточнить дату рукописи, данную П.А. Мухановым.

Как мы видим, археографический бум 30-х годов XIX в. не вызвал большого числа публикаций филигранных.

В предложенных читателю трех наших статьях впервые обобщен материал о палеографическом изучении бумажных водяных знаков в России в первой трети XIX в., имеющийся в научной литературе и дополненный новыми архивными данными. Специальное выделение этого вопроса продиктовано тем, что при исследовании истории формировавшейся в то время палеографии ему уделялось мало внимания, не прослеживались многие особенности.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что изучение водяных знаков исторических источников в России было заложено в начале XIX в., в первом палеографическом исследовании – работе А.Н. Оленина о камне Тмутараканском (1806), выполненной с помощью А.И. Ермолаева. Объективные предпосылки такого изучения в первой четверти XIX в.: развитие исторической науки, становление вспомогательных исторических дисциплин, в том числе палеографии, массовое выявление, коллекционирование и публикация исторических источников, особенно на бумажной основе. Распространенным при изучении и описании рукописей становится определение материала для письма.

Но уже на этом этапе ученые Румянцевского кружка, прежде всего К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, А.Х. Востоков, П.И. Кеппен, расширили состав внешних признаков, привлекаемых в комплексном методе для датировки рукописей, за счет филигранных, хотя на первом месте по значимости ставится почерк.

Переход от общего бумаговедческого к филиграноведческому подходу означал, что формировалось понимание необходимости использовать такой объективный показатель, как водяные знаки, при датировке источников, появились отдельные их публикации не только в качестве иллюстрации, но и в порядке доказательств, создавались коллекции филигранных. Характерным для этого этапа является накопление материала при изучении важнейших русских и славянских рукописей, их описании, обмен данными при общении ученых, в том числе по переписке. В отличие от Западной Европы, где филигранные изучались и публиковались в основном по бумаге старопечатных книг, эстампов, в России значительное внимание было уделено исследованию водяных знаков рукописей, а также старопечатных книг.

Изучение водяных знаков тормозилось не только отвлечением сил еще немногочисленных историков и археографов на разработку других проблем, в том числе палеографии, но и отсутствием подробных и квалифицированных очерков по истории бумаги, альбомов водяных знаков. Не были еще обобщены иностранные работы по этому вопросу.

В изучении водяных знаков в России в начале XIX в. совпали устремления историков, филологов и палеографов-практиков. Особенно это проявилось в создании коллекций филигранных учеными А.Х. Востоковым, П.К. Фроловым (Петербург) и знатоками А.В. Беляевым, Е.С. Петровым (Петербург), И.П. Лаптевым (Вологда-Петербург). Установлено, что коллекции водяных зна-

⁵⁶ Морозов Л.Е. К вопросу об идентификации филигранных рукописи Филарета // Филигранологические исследования: Теория. Методика. Практика: Сб. науч. трудов. Л., 1990. С. 97–105. Однако данная публикация ею не рассматривалась.

ков, как и собрания других древностей, стали предметом купли-продажи в целях накопления материала для изучения письменных источников.

Осознание необходимости привлечения филиграней к датировке рукописей не только учеными, но и знатоками-любителями, привело к тому, что в практической палеографии работа последних по сути уподоблялась исследованиям ученых. Однако ученые по роду своей деятельности стремились к обобщению материала и вводу новых данных в научный оборот. Из любителей такого уровня достигли немногие. Но в рассматриваемый период, когда филиграноведение только еще начало превращаться из искусства во вспомогательную историческую дисциплину, роль их оказалась значительной.

Накопление материала привело в 1824 г. к появлению в России первой специальной работы о водяных знаках – книги И.П. Лаптева, вологодского, а затем петербургского купца, палеографа-практика. Она свидетельствовала о соединении коллекционирования филиграней с научными целями использования филиграней. Впервые публично было сформулировано их значение для датировки рукописей, представлен альбом-указатель их рисунков. Хотя по числу филиграней он уступал западным работам, но впервые включал знаки XVII в., а главное являлся специальной работой, подготовленной по иностранной бумаге рукописей и старопечатных книг русского и славянского происхождения. Это издание вызвало первую филиграноведческую рецензию, а его обсуждение позволило К.Ф. Калайдовичу и А.Х. Востокову высказаться об их значении в датировке рукописей, их истории, исходя из своего большого опыта использования водяных знаков, сформулировать требования к составлению альбомов филиграней.

Таким образом, выход книги И.П. Лаптева знаменовал начало нового этапа в этой области знания, для которого наряду с сохраняющим свое значение накоплением материала приобретали особую важность создание альбомов водяных знаков и разработка методики их изучения и публикации.

Новые архивные материалы дали возможность сделать вывод о том, что Лаптев и после 1824 г. продолжал изучать филигранные, создав большую их коллекцию, но издать новый альбом не успел, занявшись палеографическим и источниковедческим изучением кормчих книг.

После смерти И.П. Лаптева его коллекция была приобретена чиновником Н.Н. Михайловским, который не только пополнил ее, но и написал заметки "О дипломатике", во многом опередившие свое время по уровню понимания и задачам изучения филиграней, но к сожалению, оставшиеся неопубликованными. Введение этих материалов в научный оборот частично заполняет пробел не только в истории изучения водяных знаков И.П. Лаптевым при подготовке книги, но и между 1824 и 1844 г., т.е. до выхода альбома К.Я. Тромонина, включившего и знаки из книги И.П. Лаптева.

Многочисленные данные, которые удалось извлечь из коллекций водяных знаков первой трети XIX в., позволяют сделать вывод об их большом источниковедческом значении не только для истории филиграноведения, палеографии, но и для истории отечественной культуры. Поэтому важной является задача дальнейшего поиска таких коллекций в архивах.

Отдельные публикации рисунков филиграней после издания указанной работы А.Н. Оленина принадлежали ученым Румянцевского кружка. Прекращение его деятельности отрицательно сказалось и на этой области. Публикации водяных знаков в изданиях П.А. Муханова 1830-х годов, хотя и были небольшими, но превышали их число в первой четверти XIX в. Все же археографический бум 30-х годов, видимо, не способствовал введению в научный оборот массива водяных знаков. Альбом И.П. Лаптева оставался крупнейшей публикацией филиграней первой трети XIX в.

В целом можно констатировать, что изучение водяных знаков в России, пройдя подготовительный этап в первой четверти XIX в. и вступив в новый этап (с 1824 до 1844 г.), продолжало развиваться в составе палеографии с опережением в деле создания первого пособия. Однако это изучение в основном выражалось, по определению Н.П. Лихачева, в форме **филигранографии**, т.е. описания и публикации знаков. И ему предстояло пройти еще долгий путь от сводного альбома К.Д. Тромонина до трудов Н.П. Лихачева 1890-х годов, заложивших основы отечественного филиграноведения.

Но несмотря на то, что палеографическое изучение бумажных водяных знаков началось в России позже, чем в Западной Европе, оно уже в первой трети XIX в. внесло свой вклад в эту область.

П.Л. Вахтина, Л.Б. Вольфцун

ИСТОРИЯ АРХИВА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ¹

В 1995 г. архив РНБ насчитывал около 250 тыс. ед. хр. и состоял из 16 фондов. Ограничимся самыми краткими их характеристиками.

Дела 1795–1916 гг. и частью 1917 г. формируют 1-й фонд, который имеет 6 описей. Условно материалы оп. 1, 1-а этого фонда можно разделить на несколько групп: дела общего характера, по личному составу, комплектованию, каталогизации, обслуживанию читателей, хозяйственной части².

К делам общего характера следует отнести все документы, касающиеся управления библиотекой и ее внутреннего устройства. Это прежде всего уставы и положения, предписания, циркуляры, мемории, приказы, отчеты и служебная переписка. Небольшая их часть опубликована, остальные ждут своих исследователей³. Многие документы, касающиеся, казалось бы, внутренней жизни библиотеки, на самом деле дополняют наши представления о жизни Российской империи. К их числу относятся предписание Министерства народного просвещения от 8 июля 1812 г. о наблюдении за благонадежностью иностранцев, состоящих на службе в ИПБ, и ответ директора библиотеки А.Н. Оленина об его исполнении с приложением списка чиновников-иностранцев, не присягавших на подданство России (Оп. 1. 1812 г. Ед. хр. 9), секретный циркуляр того же министерства от 24 сентября 1827 г. об изъятии из студенческих и гимназических библиотек книги "Избранные места из истории всех древних народов" (М., 1823) (Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 4), именные указы Сената об утверждении уставов "О цензуре и правах сочинителей" (Оп. 1. 1826 г. Ед. хр. 23), "О закрытии масонских лож и о взятии подписок от служащих в библиотеке лиц о непринадлежности впредь к таковым обществам" (Оп. 1. 1822 г. Ед. хр. 10). Кстати, уличенными в "принадлежности к таковым" оказались врач библиотеки Филипп Андес и библиотекари Н.И. Греч, А.А. Дельвиг, К.Н. Батюшков и М.Н. Загоскин – известные российские литераторы.

Чрезвычайно интересны и дела по личному составу. С первых лет существования библиотеки в ней работали многие видные деятели русской науки и культуры. В числе сотрудников библиотеки, чьи дела о службе хранятся в архиве, бывшие лицеисты М.А. Корф, В.Д. Комовский, Д.Ф. Кобеко, писатели А.А. Дельвиг, И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, М.Н. Загоскин, К.Н. Батюшков, В.Ф. Одоевский, историки М.С. Куторга, П.А. Соколовский, Н.К. Шильдер, А.Н. Оленин, Н.П. Лихачев, Н.Д. Чечулин, искусствоведы В.В. Стасов и Н.П. Собко, философы Г.П. Федотов, Л.А. Зандер, А.В. Карташев, А.А. Мейер, Д.В. Философов, лингвисты – А.Х. Востоков, С.П. Обнорский, известный деятель спортивного движения России О.А. Дюперрон и др.

¹ Начало статьи см.: АЕ за 1995 год. М., 1997.

² Далее ссылки на дела даны в тексте.

³ Например, в архиве хранятся рукописные материалы к "Путеводителю по ИПБ" 1916 г., неизданному в связи с первой мировой войной и сложной ситуацией в стране; секретные циркуляры об изъятии из чтения книг; 77 адресов и 2 тома писем и телеграмм по случаю 100-летия Библиотеки и т.п.

К этому же разделу можно отнести документы о деятельности почетных библиотекарей и почетных корреспондентов, среди которых достаточно много известных имен: филолог, историк и этнограф Е.В. Барсов, коллекционер и переводчик И.Е. Бецкий, чешский славист В.В. Ганка, востоковед Б.А. Дорн, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий князь М.Р. Кантакузен, президент Вольного экономического общества, министр народного просвещения Е.П. Ковалевский, коллекционер и библиофил, министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, искусствовед, сенатор Д.А. Ровинский, ректор Абердинского университета, британский писатель и меценат Ф. Эллесмер, меценат и музыкант М.Ю. Виельгорский и др.

Третью большую группу дел составляют материалы по комплектованию библиотеки. ИПБ получила право на комплектование обязательными экземплярами всех выходящих русских книг по "Положению об управлении Императорской публичной библиотекой" 1810 г. Эти книги легли в основу ее богатейшего фонда. Они поступали в библиотеку через цензурные комитеты всех губерний России, Москвы и Петербурга. Кроме того, все министерства и ведомства обязаны были присылать сюда экземпляры своих печатных изданий. Библиотека получила также право на получение запрещенной литературы. Огромная переписка по этому поводу сосредоточена в архиве и представляет большую ценность для исследователей.

Особое место занимает переписка с владельцами крупных частных библиотек и отдельных редких изданий. Библиотека не жалела средств на их покупку, и из этой переписки видно, как формировалась ценнейшая коллекция Русского фонда, ведь в библиотеке Залуских книг на русском языке практически не было. В архиве хранится и переписка о приобретении рукописей – фактически история коллекции Рукописного фонда библиотеки. Назовем лишь несколько из множества такого рода дел. Это – д. 32 за 1836 г. о покупке библиотекой собраний книг и рукописей, касающихся тайных обществ, д. 54 за 1859 г. – о принесении в дар библиотеке сыном композитора К.-М. Вебера партитуры оперы "Оберон", д. 10 за 1851 г. "О сношении с московским профессором Погодиным относительно принадлежащего ему древлехранилища и о приобретении оногo", а также одно из первых дел о пожертвованиях иностранцами книг и рукописей библиотеке – д. 26 за 1821 г. "О Всемилостивейшем пожаловании англичанину Кирпатеру бриллиантового перстня за принесенное им в дар Библиотеке собрание персидских надписей и рисунков" и др. Особенно ценными представляются малоизученные дела о дарах библиотеке различных частных библиотечных собраний, уникальных изданий, рукописей, нот и др.

Для комплектования иностранными книгами библиотека пользовалась помощью комиссионеров, переписку с ними также можно найти в архиве. История комплектования библиотеки отражена в документах архива достаточно полно. Имеется также обширная переписка с крупнейшими российскими и зарубежными книготорговцами и издателями.

В архиве хранятся документы, оспаривающие то или иное приобретение библиотеки. Особый интерес может представлять Д. 55 "По отношению супруги генерал-адъютанта Ланского о возврате автографов А.С. Пушкина, подаренных библиотеке камер-юнкером Тарасенко-Отрешковым", в котором хранится автограф Н.Н. Пушкиной-Ланской (Оп. 1, 1855 г.).

В делах о комплектовании библиотеки встречаются и совсем неожиданные документы. Так, в д. 27 за 1898 г. "О принесении в дар рукописи сочинений Н.Ф. Щербины" находится копия духовного завещания поэта. Любопытна и переписка между директором библиотеки Д.Ф. Кобеко и петербургским градоначальником Н.В. Клейгельсом о найденных ремесленником Василием Василь-

евым при вскрытии купленного им нескорогаемого шкафа рукописей декабриста К.Ф. Рылеева (Оп. 1. 1902 г. Ед. хр. 67).

Следующую большую группу составляют материалы по каталогизации и систематизации библиотечных собраний. Обработка и систематизация книг началась сразу по поступлении библиотеки Залуских в Петербург. Из д. 1 "О приведении в порядок бывшей Залуской библиотеки, привезенной из Варшавы". (Оп. 1. 1795 г.) явствует, что она поступила в довольно расстроенном состоянии и нуждалась в тщательной разборке. Директор библиотеки А.Н. Оленин уделял большое внимание этой проблеме. Наиболее интересные из ранних документов – д. 49 "О библиографической системе размещения книг, составленной действительным статским советником А.Н. Олениным, и о каталогизации книг" (Оп. 1. 1808–1811 гг.) и д. 5 "О собрании мнений разных лиц, служащих при Библиотеке, касательно составления каталогов и о донесении о сем Министру народного просвещения" (Оп. 1. 1817 г.). В дальнейшем шла интенсивная работа по усовершенствованию библиографической системы и составлению новых каталогов. Этой сложной работой занимались многие выдающиеся библиотекари, такие, как И.А. Крылов, Д.П. Попов и другие, их деятельность нашла отражение в материалах архива.

Отдельную группу составляют дела об обслуживании читателей⁴. Число читателей библиотеки увеличивалось с каждым годом, изменялись положения и инструкции о допуске в библиотеку. В архиве хранятся списки читателей за разные годы. Самое первое дело такого рода – "Список читателей Библиотеки за 1818 год" (Оп. 1а. 1818 г. Ед. хр. 14). В нем указаны различные данные о читателях: фамилия, сословие, место службы, вероисповедание, а также число посещений по месяцам. Билеты за № 1 и 2 были выданы горного департамента коллежскому секретарю барону А. Дельвигу и иностранной коллегии титулярному советнику В. Кюхельбекеру. Множество дел касается посещения библиотеки европейскими и американскими учеными, писателями, деятелями культуры. Одно из первых дел такого рода – "О посещении Библиотеки нидерландскими путешественниками" (Оп. 1. 1829 г. Ед. хр. 29) показывает, как готовилась библиотека к приему иностранных гостей.

Сохранились и многочисленные прошения о дозволении заниматься в Публичной библиотеке. В числе просителей такие известные имена, как Н.М. Карамзин, А.И. Михайловский-Данилевский, А.Ф. Кони, К.А. Тимирязев и др.

Особую группу документов представляют дела о хозяйственной деятельности, о строительстве новых зданий и об интерьерах библиотеки. Руководство всегда заботилось об ее облике и поддерживало в надлежащем виде не только фасады и мостовые, но и стремилось к тому, чтобы ее интерьеры соответствовали назначению национальной библиотеки. Залы были украшены картинами, вазами, скульптурами. Как свидетельствуют архивные документы, все это приобреталось у крупнейших коллекционеров, заказывалось лучшим художникам и нередко приносилось в дар.

Описи 2, 2а, 3 посвящены хозяйственным, финансовым и строительным делам. Отраженные в них документы дают возможность представить, как складывался бюджет библиотеки, каковы были статьи расходов и доходов. Уже по названиям дел видно, какое уделялось большое внимание строительству зданий, оформлению помещений библиотеки и какие крупные силы и таланты были для этого привлечены.

Часто документы, находящиеся в разных описях, тесно связаны друг с другом, образуя целостную картину. Это в полной мере относится к Оп. 4 (250 ед. хр.),

⁴ См.: *Ефимова Н.А.* Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814–1917 гг. // Труды ГПБ. Л., 1958. Т. 6(9).

включающей реестры всех книг, рукописей, нотных изданий, карт, атласов, поступивших в ИПБ за 1800–1916 гг. Реестры представляют собой погодные книги со сплошной нумерацией внутри. Кроме названия книги или рукописи, в реестрах имеется дата, источник поступления книги, характер приобретения (обязательный экземпляр, покупка, дар), роспись получателя. Вместе с перепиской по комплектованию фондов библиотеки реестровые книги являются ценнейшим источником по изучению книжного дела.

Любопытны и дела из Оп. 5 – "Опись типографских ведомостей о выпущенных книгах и печатных листах за 1848–1856 гг." Ведомости получала Публичная библиотека, использовал их Комитет Второго апреля (Бутурлинский). Он был учрежден для надзора за действиями русской цензуры, располагался в помещении ИПБ, не имел официального положения и был подчинен непосредственно Николаю I. Его председателем был директор библиотеки Д.П. Бутурлин. Часть материалов комитета, присланных из разных мест и отражающих всю печатную продукцию России за 1848–1856 гг., хранится в архиве библиотеки⁵.

Опись 6 включает 79 ед. хр. из архива А.Ф. и И.А. Бычковых – переданы в 1961 г. Отделом рукописей и состоят из делопроизводственных документов отдела.

Фонд 2 составляют дела 1918–1992 гг. К сожалению, он неполный. Как мы уже писали, в 1970-х годах основная часть документов 1918–1973 гг. попала в ЛГАЛИ и составила там богатейший малоизученный ф. 97. В архиве библиотеки остались лишь материалы справочного характера, переписка по личному составу, приказы и распоряжения по библиотеке, черновые материалы к планам и отчетам отделов, дела Отдела комплектования и некоторых других отделов. С 1974 по 1992 г. документы хранятся в архиве в полном объеме, целиком соответствуя номенклатуре дел. Это дела канцелярии, ученого секретаря, редакционно-издательского совета, бухгалтерии, всех отделов библиотеки. На все документальные материалы имеются погодные описи. Из оставшихся в архиве дел 20–30-х годов несомненный интерес представляет переписка по личному составу, где порой можно найти новые сведения о сотрудниках библиотеки. Так, в д. 50 "Переписка с организациями о личном составе" (1921) имеется черновик письма правительственного комиссара библиотеки В.М. Андерсона в ВЧК с просьбой об освобождении известного поэта, переводчика, сотрудника Публичной библиотеки, заведующего Отделом искусств М.Л. Лозинского, арестованного на квартире Н.С. Гумилева.

Много важных сведений можно найти в переписке администрации с Наркоматом культуры о присвоении ученых званий сотрудникам библиотеки, и прежде всего автобиографии и списки научных работ. Сохранились прошения о приеме на работу многих известных деятелей культуры и искусства, которые по разным причинам так и не стали сотрудниками библиотеки.

В делах ф. 2 довольно много материалов экспертно-закупочной комиссии, есть и переписка с дарителями, материалы Отдела комплектования в целом – иногда эти документы не только говорят о пути поступления в библиотеку той или иной книги или рукописи, но и являются единственным достоверным источником сведений об их принадлежности владельцу или коллекционеру.

В 20–40-е годы в состав библиотеки входило несколько филиалов, из которых

⁵ Большинство документов комитета были переданы директором библиотеки М.А. Корфом в 1855 г. в Третье отделение с. е. и. в. канцелярии и теперь хранятся в ГАРФ в Москве. Подробнее о ф. 1 архива РНБ см.: *Вахтина П.Л., Вольфцун Л.Б.* Архив Российской национальной библиотеки: Обзор // *Russian Studies*. СПб., 1995. № 2. См. также: *Пишванова В.И.* Краткий обзор архивных источников по истории ГПБ. Л., 1962 (машинопись).

выделим так называемый 4-й филиал – "Библиотека Всемирной литературы", основанная А.М. Горьким. Большая часть его документов находится в ЦГАЛИ СПб. Но и оставшиеся материалы заслуживают внимания исследователей. Это прежде всего «Инвентарная книга "Библиотеки Всемирной литературы. Поступления 1919–1921 гг. Библиотека книг Ф.Д. Батюшкова"» (1919. г. Ед. хр. 21), переписка с библиотеками, другими учреждениями и отдельными лицами по комплектованию филиала, списки книг, приобретенных библиотекой, и др.

Огромный интерес представляют материалы военного времени. В архиве имеются ценнейшие свидетельства жизни блокадного города, героического труда сотрудников библиотеки на оборонных работах и в военных госпиталях, в команде МПВО, в фондах и читальных залах самой библиотеки.

Сохранилось немало документов и о читателях библиотеки. Это прежде всего анкеты, заполняемые при получении читательского билета, просьбы читателей о разрешении заниматься в Отделе рукописей с указанием темы работы, заявки на выписку иностранной литературы и т.д.; письма читателей и библиографические запросы⁶.

Вообще же документы ф. 2 дают целостное представление о работе библиотеки, деятельности ее сотрудников, обслуживании читателей, взаимодействии с городскими и центральными властями.

Фонд 3 архива РНБ включает документы Высших курсов библиотековедения. Курсы открылись в мае 1919 г. по инициативе Центрального общества государственных библиотек и Общества библиотековедения при активном участии выдающихся библиографов и библиотековедов: Г.А. Фомина, А.И. Малеина, О.Э. Вольценбурга, В.Э. Банка, А.И. Браудо и др. В феврале 1923 г. курсы были присоединены к Российской публичной библиотеке, их преподаватели вошли в штат РПБ. Программы обучения была рассчитана на 2–2,5 года, но в 1929 г. на базе этих курсов были дополнительно организованы краткосрочные Курсы повышения квалификации библиотечных работников. В 1936 г. после обследования работы курсов комиссией Ленсовета было принято решение преобразовать их в самостоятельный библиотечный институт (Оп. 1. 1936 г. Ед. хр. 34).

В состав документов фонда входят протоколы собраний и заседаний совета Общества библиотековедения и совета курсов, программы обучения, приказы по курсам, списки слушателей и преподавателей, анкеты, отчеты о деятельности курсов, зачетные работы и доклады слушателей курса по библиографии под руководством А.Г. Фомина по описанию периодических изданий: "Благонамеренный" за 1821–1825 гг., "Друг детей" за 1809 г., "Европейский музей" за 1810 г., "Мир божий" за 1892–1900 гг. и другие, с росписью содержания номеров. Сохранились и стенограммы некоторых лекционных курсов, в частности "Курс иностранной библиографии, читанный В.Э. Банком на курсах в 1928–1929 гг." (Оп. 1. 1929 г. Ед. хр. 308) и "Общее библиографическое источниковедение", прочитанный профессором Ф.Д. Эйхенгольцем в 1938 г. (Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 441).

Среди личных дел слушателей есть и дела известных в будущем библиотекарей, ученых, литераторов: Б.Я. Бухштаба, Т.А. Быковой, М.Я. Варшавской-Бриксман, А.И. Доватура, Б.Р. Зельцле, Н.В. Шохор-Троцкой и др. Любопытно личное дело Е.И. Васильевой-Черубины де Габриаак, в котором находится и ее автобиография.

⁶ См.: *Алексахина И.В.* Из писем фронтовых лет. (Публичная библиотека и ее читатели в годы Великой Отечественной войны) // В память ушедших и во славу живущих: Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки, 1941–1945. СПб., 1995.

Фонд 4 состоит из дел общественных организаций, в разное время существовавших при библиотеке – местного комитета⁷ (Оп. 1. 1923–1967 гг.) и секции научных работников (Оп. 2. 1925–1940, 1947 гг.) В Оп. 3 отражена стенная печать библиотеки и отделов за 1934–1992 гг.

Фонд 5 состоит из документов Отдела внешнего обслуживания (до 1939 г. – Бюро внешнего обслуживания), который был организован при активном участии известного ученого, книговеда и вольтероведа, заведующего Отделом редкой книги ГПБ В.С. Люблинского в 1931 г. на базе фотокабинета (в 20-е годы им заведовал выдающийся византист В.Н. Бенешевич). В задачи этого первого хозрасчетного отдела библиотеки входило обслуживание учреждений и частных лиц путем изготовления фото- и рото-копий, переводов с иностранных языков, составление библиографических справок и текущей иностранной информации.

К фонду типографии (ф. 6), существовавшей при ГПБ, относятся документы 1939–1963 гг. – всего 190 ед. хр., из них 100 ед. хр. – личные дела рабочих и служащих.

В архиве хранятся циркуляры и распоряжения Наркомпроса, приказы и распоряжения по этим отделам, переписка, планы и отчеты, документы по личному составу.

Документы ф. 7 (1927–1938) – Ассоциации научных библиотек при ГПБ – можно разделить на 3 группы: 1) документы Ассоциации научно-технических библиотек, 2) документы Ассоциации научно-экономических библиотек, 3) документы Ассоциации медицинских библиотек. Здесь хранятся протоколы заседаний ассоциаций, отчеты об их работе, различного рода справки, переписка, финансовые документы.

Фонд 8 составляют материалы Центрального комитета государственных библиотек (ЦКГБ) за 1918–1923 гг.⁸ Среди документов – проект декрета об учреждении ЦКГБ с подписью А.В. Луначарского, переписка, отчеты о работе Комитета, заявления владельцев библиотек, охранные свидетельства и удостоверения, выданные ЦКГБ владельцам библиотек; дела о приобретении библиотек у Н.К. Арсеньева, Е.Н. Водозовой, Н.В. Дризен, Е.Ю. Иксуль-Гилленбанд, А.Н. Римского-Корсакова, М.М. Стасюлевича, масонских рукописей и книг у Л.И. Жевержеева (1918 г. Ед. хр. 1, 25, 29, 38, 47, 50, 53) и др.

Фонд 9 содержит документы так называемой "Польской комиссии" (1923–1934), т.е. материалы, связанные с выполнением решений Рижского договора. Представляющие большой интерес для историков и библиотекovedов дела этого фонда состоят из протоколов и материалов заседаний Совместной советско-польской комиссии, списков книг по разделу "Polonica", списков книг по "персональной связи", имеются списки рукописей, предложенные польской стороне в качестве эквивалента, акты по приему и сдаче книг, статьи О.А. Добиаш-Рожественской, В.Э. Банка, записка И.А. Бычкова и другие, характеристика несвижского архива князей Радзивиллов, материалы передачи из ГПБ инкунабул и т.д.

Одним из самых интересных фондов архива библиотеки является ф. 10 – дела по личному составу (1917–1992 гг.) – около 10 тыс. ед. хр. (отдельные дела имеются и в других фондах). Хотя Публичную библиотеку и называли в шутку "могилой ленинградской интеллигенции", здесь находили себе работу многие вы-

⁷ В 1917 г. в Российской публичной библиотеке был организован Комитет рабочих и служащих, игравший значительную роль в управлении библиотекой. В 1925 г., когда библиотека была переименована в ГПБ, Комитет продолжал действовать, хотя его уже тогда нередко называли местным комитетом. В 1932 г. название "местный комитет" стало официальным.

⁸ После мая 1920 г. – Секция научных библиотек Петроградского подотдела учебных учреждений и высших учебных заведений.

дающиеся историки, филологи, философы, литераторы, переводчики, библиотекари и библиографы. Причем зачастую именно в Публичной библиотеке раскрывались их возможности – ведь у них под рукой оказывались ценнейшие рукописные и книжные фонды. В разное время здесь работали академики Н.Я. Марр, Н.С. Державин, Е.В. Тарле, известные филологи и переводчики М.Л. Лозинский, В.А. Чудовский, Д.И. Абрамович, Б.Я. Бухштаб, С.А. Рейсер, Л.И. Олавская, А.Г. Левинтон, В.Е. Шор, А.Л. Андрус, В.И. Мальшев, Л.А. Творогов, А.И. Доватур, Б.В. Казанский, историки О.А. Добиаш-Рождественская, И.А. Бычков, А.Д. и В.С. Люблинские, М.А. Гуковский, известный генетик Д.В. Лебедев и др.

В личных делах зачастую можно найти неожиданные документы. Так, в деле многолетней сотрудницы Отдела каталогизации Т.К. Бычковой лежит письмо, написанное ею в 1942 г. в поселке Шурма Калининской области и адресованное дирекции библиотеки, в котором она сообщает подробности о трагической гибели своего мужа, известного библиотековеда Б.Р. Зельцле. В личном деле заведующего Отделом редкой книги В.С. Люблинского сохранилось письмо академика Е.В. Тарле, написанное в 1949 г. в связи с травлей ученого, окончившейся изгнанием из библиотеки. Он пишет о больших научных заслугах Люблинского и о его высоких профессиональных качествах как библиотечного работника.

Во многих делах имеются списки научных работ и Curriculum vitae сотрудников библиотеки.

Фонд 11 – жилищный фонд, состоит из домовых книг подведомственных библиотеке домов по Садовой ул. 18, 20 и по Фонтанке, 32, где проживают сотрудники библиотеки.

В ф. 12 (фонд текстов; более 1,5 тыс. ед. хр.) хранятся большей частью неопубликованные машинописные и рукописные статьи, доклады, рефераты сотрудников библиотеки. Среди них работы А.Л. Гольдберга "Историко-политические идеи русской книжности на рубеже XVI–XVII веков" (Т-1460) и "Первая поэма о Петербурге" (Т-1470), доклад А.Г. Биснека "Библиографические материалы книготорговой, издательской и библиотечной деятельности Василия Степановича Сопова в Петербурге с 1791 по 1811 г." (Т-16), статья с рукописными правками Е.Э. Гранстрем "К вопросу о происхождении глаголической азбуки" (Т-801), доклад М.Н. Куфаева "Санкт-петербургские ведомости XVIII в. как источник истории Петербурга – Ленинграда" (Т-808), "Указатель памятным книжкам" Е.С. Викторовой (Т-1131) и др. Фонд интересен не только библиотекарям и библиографам, но и всем, занимающимся отечественной культурой.

Фонд 13 (не обработан) содержит фотографии зданий, интерьеров и сотрудников библиотеки (примерно с 1907 г.). По фотографиям можно увидеть, как изменялись и строились корпуса библиотеки, как выглядели залы и фонды, какие устраивались выставки. Многочисленные снимки сотрудников (коллективные и индивидуальные) также служат интереснейшим иконографическим материалом для исследователей.

Фонд 14 составляют документы и экспонаты, собираемые для предполагаемого музея РНБ.

Фонды 15 и 16 еще только начинают формироваться в архиве РНБ. К ф. 15 относятся дневники, воспоминания, статьи и другие материалы из личных архивов сотрудников библиотеки. Фонд 16 – ксерокопии следственных дел репрессированных сотрудников РНБ, передаваемые в архив библиотеки из ФСБ Петербурга. Среди них следственные дела известного византиниста В.Н. Бенешевича, И.Р. Иванова-Разумника, М.Л. Лозинского, А.И. Доватура, М.А. Гуковского, В.А. Чудовского и др. Оба фонда непрерывно пополняются.

Авторы статьи хотели дать представление об этом интереснейшем и малоизученном хранилище документов, привлечь к нему внимание исследователей. Публикации отдельных документов в архиве не фиксируются. Их можно найти в указателе "Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (1814–1986)" (Л., 1987–1989. Ч. 1–3), а также см.: Российская национальная библиотека (Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина): Указ. литературы за 1987–1994 гг. СПб., 1996 и др.

В.Г. Бухерт

Д.Н. БЛУДОВ И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МИД

Заслуги графа Дмитрия Николаевича Блудова перед отечественной археографией не исчерпываются его деятельностью по публикации исторических источников¹. В исследовании Ю.Ф. Кононова, посвященном истории создания Государственного архива МИД, отмечено, что "основную массу" его "материалов" составили дела Кабинета его императорского величества², хотя имена участников разборки и описания этих дел не упомянуты. Изучение архивных источников позволяет установить, что создание Государственного архива МИД связано с деятельностью Д.Н. Блудова, а также историка Н.Г. Устрялова и К.С. Сербиновича – бывшего личного секретаря Н.М. Карамзина.

Блудов запечатлелся в памяти Устрялова как человек "необычайно умный", обладавший, кроме того "тою природною русскою сноровкой и сметливостью, какие во многих случаях ценятся дороже ума". Он "был образован и, в особенности, начитан, как немногие из русских, современных ему государственных деятелей"³. Императору Николаю I он был представлен Н.М. Карамзиным как человек, умеющий "держат перо"⁴, и 28 февраля 1826 г. прикомандирован к Следственной комиссии (комитету) по делу о декабристах. Блудов участвовал в деятельности и Верховного уголовного суда. 2 июня 1826 г. ему было предписано быть в нем "для нужных объяснений по актам Следственной комиссии, и для удобства их указания"⁵.

Обстоятельства прихода к власти императора Николая I способствовали проявлению у него интереса к политической истории России и к источникам, ее отражающим. Местом хранения документов, имевших не только дипломатическое, но и важное политическое значение, был Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел, где находились "разные бумаги, до политической части касающиеся, как то: трактаты, конвенции и другие", поступившие "из комнаты" покойной императрицы Екатерины II, "также и от бывших кабинет-секретарей"⁶ и из архива бывшего канцлера князя А.А. Безбородко⁷. Сюда же поступили и "бумаги", найденные в кабинете покойного императора Александра I (и среди них – о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны), принятые новым императором (об этом свидетельствует запись Николая I от 13 ноября 1826 г. на реестре, составленном князем А.Н. Голицыным⁸.

¹ См.: *Чиркова Е.А.* Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 217–221; *Бухерт В.Г.* Д.Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX в. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 126–137.

² *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования бывшего Государственного архива Российской империи // ТМГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 315.

³ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 616–617.

⁴ РГАДА. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1. Д. 2780. Л. 11а об.

⁵ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 28. См. также: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–1об.

⁶ Там же. Ф. 1239 (Дворцовый отдел). Оп. 3. Д. 52762. Л. 1, 25.

⁷ Там же. Л. 26.

⁸ Там же. Ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям). Оп. 1. Д. 559. Л. 2.

Некоторые из "бумаг", касавшихся самозванки, известной под именем княжны Таракановой, были переданы Голицыным Блудову, за подписью которого была составлена докладная записка императору⁹.

26 ноября 1826 г. министр императорского двора князь П.М. Волконский сообщал Блудову о повелении императора "рассмотреть" некоторые из дел, хранящихся в архиве Кабинета его императорского величества¹⁰. 8 декабря 1826 г. Блудов начал разборку этого архива¹¹, а затем запросил у управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел (МАКИД) А.Ф. Малиновского сведения о документах. 21 марта 1827 г. Малиновский выслал Блудову "подробную опись" находящимся в МАКИД "секретным делам, касающимся до замечательнейших происшествий царствования Петра Великого"¹². При этом Малиновский указывал, что "все бумаги" по делу Ф.Л. Шаковитого и князя В.В. Голицына (1689) "хранятся донныне в Оружейной палате" и может это удостоверить, потому что ему "показывал их покойный господин Валуев"¹³ (П.С. Валуев заведовал Мастерской Оружейной палатой в 1803–1814 гг.). Впрочем, о месте хранения дела о Ф.Л. Шаковитом Блудов мог узнать и из "Указателя" П.П. Свинына¹⁴. П.М. Волконский запросил это дело из архива Оружейной палаты и переслал его Блудову¹⁵.

Приступая к разборке архива Кабинета е.и.в., Блудов вначале отделил наиболее ранние документы периода правления Петра I и Екатерины I, которые 23 февраля 1827 г. были перевезены в Зимний дворец, где они и разбирались.

24 января 1830 г. Д.Н. Блудов сообщал К.В. Нессельроде, что "общая опись" документов, перевезенных в Зимний дворец, "уже окончена", и император поручил передать их на хранение в Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел, куда они вскоре и поступили¹⁶. На Блудова возлагалось "продолжение подробного описания сих книг и бумаг, из коих иные должны быть в копиях препровождены в другие ведомства, а некоторые и напечатаны"¹⁷. Из "интереснейших и важнейших" дел Блудов намеревался "сделать подробные извлечения в особых записках" для представления императору¹⁸. К написанию некоторых записок Блудов привлек Н.Г. Устрялова – тогда еще мало кому известного учителя одной из петербургских гимназий¹⁹, другие, очевидно, составлялись К.С. Сербиновичем (например, записка по делу А.П. Вольнского)²⁰. 21 апреля 1830 г. князем А.Н. Голицыным были высланы Блудову некоторые из "бумаг" Кабинета императора Павла I, обнаруженные "при окончательном

⁹ Там же. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 8. Л. 5–10 об. Записка датирована 4 декабря 1826 г. Через два дня Блудов был назначен делопроизводителем комитета, которому был поручен обзор "всех частей управления" с тем, чтобы "вывести правила к лучшему их устройству и исправлению". Деятельность комитета должна была состоять, прежде всего, "в пересмотре и разборе бумаг", найденных в кабинете Александра I. См.: Сб. РИО. СПб. 1891. Т. 74. С. XV–XVI.

¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 560. Л. 4–4об.

¹¹ Там же. Л. 5–6.

¹² Там же. Д. 561. Л. 7–7об., 8–20об. (Опись) Блудов обратился с этой просьбой 25 января 1827 г. См.: Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

¹³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 561. Л. 7.

¹⁴ Свинын П.П. Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской Оружейной палате. СПб., 1826. С. 118.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Д. 1545. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 533. Л. 1–3.

¹⁷ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. Л. 5–5об.

¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 560. Л. 50об.

¹⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 616.

²⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 567. Л. 4–4об. Докладная записка по делу А.П. Вольнского датирована 12 июня 1833 г.

оного разборе"²¹ (в том числе документы по делу А.П. Вольнского 1740 г., допросы А.И. Остермана, Б.К. Миниха, М.Г. Головкина 1741 г.). После доклада императору Блудов передал их в Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел²².

29 апреля 1830 г. Блудов представил императору две докладные записки по следственным делам из Кабинета е.и.в.: о камер-юнкере Ф. Хитрово и бывшем ростовском и ярославском митрополите Арсении Мацеевиче (1763)²³. Обе записки подписаны Блудовым, на самом деле их автором являлся Устрялов. Документы было решено передать в Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел. В тот же день император рассмотрел записки по делу генерала А.М. Девиера и др. (1727) и об обнаруженной записной книжке императрицы Екатерины II²⁴.

Завершив разборку архива Кабинета е.и.в., 16 ноября 1830 г. Блудов представил докладную записку²⁵. Ознакомившись с ней, император повелел передать большую часть выявленных документов в Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел, Сербиновичу было поручено составление "общего реестра" этих документов, который предназначался В.А. Жуковскому, преподававшему историю наследнику престола великому князю Александру Николаевичу²⁶.

24 февраля 1831 г. Блудов сообщил К.В. Нессельроде о распоряжении императора оставить в архиве Кабинета е.и.в. только те дела, "кои по существу своему касаются до внутреннего управления самого Кабинета" или Императорского двора и "могут быть нужны для справок по сей части", карты и чертежи крепостей решено было передать в Главный штаб. Остальные же дела, "не разделяя их", предписывалось передать на хранение в Коллегию иностранных дел²⁷, что и было сделано в марте-мае 1831 г.²⁸ Их дальнейшая классификация – распределение "по родам" поручалась В.А. Поленову²⁹, которому за два года перед тем были переданы в ведение "дела, касающиеся до императорской фамилии, также секретные, следственные и уголовные", кроме того "все пакеты, которые высочайше повелено не распечатывать", хранящиеся в Санкт-Петербургском архиве Коллегии иностранных дел³⁰.

В именном указе 10 апреля 1832 г. "Об образовании Министерства иностранных дел" упоминалось, что "к сему Министерству принадлежат и три главные архива: два в С.-Петербурге и один в Москве"³¹.

В апреле 1834 г. Блудов представил записку по делу о В.Я. Мировиче (1764) и Николай I повелел передать ее на хранение "в особом архиве Министерства иностранных дел"³². Очевидно, по мнению императора, Второй главный архив МИД уже приобрел к тому времени статус "особого" хранилища.

17 апреля 1834 г., в день достижения великим князем Александром Николаевичем совершеннолетия, Николай I повелел передать текст присяги, которую предстояло подписать наследнику, "в Государственный архив" (именно так упо-

²¹ Там же. Д. 564. Л. 1.

²² Там же. Л. 40; Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. Л. 17.

²³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 562. Л. 1–4об; Д. 563. Л. 1–10.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 565. Л. 1–13об; Д. 566. Л. 1–11.

²⁵ Там же. Д. 560. Л. 48–51.

²⁶ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1об.

²⁷ Там же. Д. 26. Ч. 1. Л. 48.

²⁸ Там же. Л. 57–57об.

²⁹ Там же. Д. 28. Л. 1.

³⁰ Об этом К.В. Нессельроде сообщал П.Г. Дивову 26 апреля 1829 г. См.: Там же. Д. 19. Л. 1.

³¹ ПСЗ. 2-е собр. Т. VII. № 5286.

³² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 569. Л. 8об.

мянут министром императорского двора князем П.М. Волконским Второй главный архив МИД в Санкт-Петербурге) "для хранения с прочими актами: до императорской фамилии принадлежащими", и "ту часть архива (Второго главного архива МИД. – В.Б.), где акты сии хранятся, отныне именовать отделением архива Государственного"³³. 17 июня 1834 г. Николай I утвердил доклад "Об учреждении Государственного архива"³⁴, подписанный К.В. Нессельроде, М.М. Сперанским и Д.В. Дашковым, по которому Второй главный архив МИД был переименован в Государственный архив МИД, состоящий из двух отделений: в первом хранились дела не подлежащие тайне, во втором – секретные. Управление Государственным архивом МИД было поручено В.А. Поленову³⁵.

21 июня 1834 г. Блудов отослал в Государственный архив МИД оставшиеся у него документы об А.П. Волынском, а 12 июля того же года – документы из архива статс-секретаря Д.П. Троцинского³⁶. 23 марта 1838 г. министр юстиции Д.В. Дашков выслал Блудову "бумаги в числе четырех столбцов" Преображенского приказа за 1698–1702 гг., обнаруженные в Разрядно-Сенатском архиве³⁷. По представлении докладной записки императору Блудов передал их в Государственный архив МИД.

Ранее Блудов представил императору докладную записку о "Летописце о древних достопамятных происшествиях касательно Российской империи", включающем неизвестное сочинение В.Н. Татищева 1739 г. по географии "Руссия, или как ныне зовут Россия"³⁸. Его опубликовали в "Журнале Министерства внутренних дел"³⁹, а сам "Летописец" был передан в Археографическую комиссию.

12 января 1839 г. Николай I рассмотрел докладную записку Блудова о "бумагах" по делу М.А. Бениовского – авантюриста, сосланного на Камчатку и поднявшего в 1771 г. в Большерецком остроге восстание, закончившееся успехом. Докладная записка вызвала у императора, никогда не забывавшего о ссыльных декабристах, особый интерес. Документы по делу Бениовского поступили в Государственный архив МИД⁴⁰.

Предписание отобрать из документов то, что следует напечатать, полученное Блудовым при разборке архива Кабинета е.и.в., выявляет одну из целей создания Государственного архива МИД – отбор документов, представляющих интерес для научных исследований. Известно о намерении Блудова напечатать в "Журнале Министерства народного просвещения" докладные записки по делам о М.А. Бениовском и А.П. Волынском⁴¹. В дальнейшем Блудов продолжал заниматься пополнением Государственного архива МИД: в 1844 г. он направил туда ряд документов, в том числе письмо Н.М. Карамзина Александру I "после беседы в Царском Селе в 1819 году об отделении от империи для присоединения к Царству Польскому областей, завоеванных Екатериною II"; в 1845 г. – документы, оставшиеся после кончины князя А.Н. Голицына, в том числе "проект об истреблении русских", поданный в 1717 г. "на чрезвычайном Сейме Польском"; в 1846 г. – рукопись Н.Г. Устрялова, содержащую сведения о царевиче Алексее Петровиче, "извлеченные" из Государственного архива в Вене, в котором ра-

³³ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 38. Л. 10; Д. 38а. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 13–14.

³⁵ См.: ПСЗ. 2-е собр. Т. IX. № 7192.

³⁶ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 36. Л. 4–5об; Д. 41. Л. 1–2об.

³⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 580. Л. 5–5об; Ф. 31. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

³⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 580. Л. 66–82.

³⁹ См.: ЖМВД. 1839. Ч. XXXII. С. 319–406. Повторно опубликовано в кн.: *Татищев В.Н. Избранные труды по географии России*. М., 1950. С. 107–137.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 573. Л. 43–44об.

⁴¹ Там же. Д. 567. Л. 37–38об.

ботал историк; в 1850 г. – обнаруженные в архиве Воронежского губернского правления "бумаги, относящиеся до самозванцев, производивших" в середине XVIII в. "смуты и беспорядки в Воронежской губернии"⁴².

После смерти Блудова среди его документов "оказалось много работ, касающихся разных событий русской истории, преимущественно XVIII столетия". Это и были докладные записки, которые Блудов составлял для Николая I. По распоряжению нового императора они были переданы на хранение в Государственный архив МИД⁴³. Некоторые из них (о Девиере, Мировиче, Бениовском, "поденных записках" Меншикова) были опубликованы Е.П. Ковалевским⁴⁴.

Формируя Государственный архив МИД, Блудов выступил в роли, которую ему отводил император Николай I, – хранителя фамильных тайн династии Романовых⁴⁵. Не ограничившись ею, Блудов в дальнейшем принял участие в планировании и осуществлении ряда важных археографических проектов 1840–1850-х годов.

⁴² Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 97. Л. 2об; Д. 102. Л. 1–1об; Ф. 6. Оп. 1. Д. 580. Л. 259–259об, 295–295об.

⁴³ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.

⁴⁴ Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. Впервые записка о Бениовском была опубликована в 1865 г. См.: Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге и о последствиях одного // РА. 1865. № 4. С. 418–438.

⁴⁵ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // РС. 1899. № 11. С. 295–296.

Г.Я. Тарле

ИСТОЧНИКИ РАЗРАБОТКИ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ИММИГРАЦИИ И РЕЭМИГРАЦИИ В РОССИЮ

Часть первая: 1917–1921*

Задача статьи – анализ источников, относящихся к истории складывания правовой основы иммиграции и реэмиграции в Россию в послереволюционный период.

Исследователи в СССР, современной России и за рубежом не проявляли большого интереса к этим сюжетам. В дореволюционной России анализ эмиграционного законодательства диктовался преимущественно практическими нуждами. Статьи и брошюры по этим вопросам можно рассматривать как ценный исторический источник¹. В отечественной историографии данная тема все же обсуждалась, например, в книге Н.Л. Тудоряну². Настоящая статья является развитием разработок, начатых автором в конце 50–60-х годов. Частично они изложены в ряде статей и авторской монографии³. К сожалению, заголовок ее, избранный вынужденно, не отразил реального содержания. Очевидно, поэтому она не попала в поле зрения исследователя из США, который, обратившись к рассмотрению законодательных актов, писал в 1991 г., что "историографии по вопросу советской эмиграционной и иммиграционной политики практически не существует ни в СССР, ни за его пределами"⁴. Собранный им исключительно опубликованный в официальных изданиях того времени нормативный материал, в основном связанный с проблемами гражданства в РСФСР и других республиках, подчинен цели оправдать формулировку заголовка его работы. Задача ее сформулирована автором так: показать "в каком разрезе и почему советское правительство вырабатывало, развивало и изменяло свою политику по отношению к иммиграции и эмиграции, какое влияние на развитие этой политики оказали классовая идеология Советского государства и теория пролетарского интернационализма, военные причины и экономические соображения"⁵. Для выполнения такой работы арсенал использованных источников слишком мал. Привлечение более разнообразных источников, в том числе актов, не предназначенных к обнародованию, думается, позволяет высветить иные грани проблемы.

В данной статье значительное внимание уделено исследованию тех доку-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда. Грант № 5000/188.

¹ Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. Ливава, 1909; Филипов Ю.Д. Эмиграция. СПб., 1906; Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. Ливава, 1914; Яновский С.Я. Русское законодательство и эмиграция // Журн. Министерства Юстиции. СПб., 1909. № 4. С. 86–112.

² Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. (В Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986.

³ Тарле Г.Я. Друзья Страны Советов: Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР, 1920–1925. М., 1968.

⁴ Фельцитинский Ю. К истории нашей закрытости: законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М., 1991. С. 8.

⁵ Там же. С. 8–9.

ментов, касающихся реэмиграции российских граждан в послереволюционный период, которые остались вне поля зрения Ю. Фельштинского. Рассматриваются вопросы, которым этот автор посвятил считанные строки.

Прежде, чем обратиться к теме, необходимо сделать предварительные замечания. В деловой переписке и в официальных документах Советского государства нередко допускалась неточность в употреблении терминов эмигрант, иммигрант, реэмигрант. Это вызвано рядом причин. Одна из них состояла в том, что иммигранты, въезжавшие или намеревавшиеся въехать в страну, частично были бывшими гражданами России, российскими выходцами. Часть из них сохранила прежнее, т.е. российское гражданство. Их правильнее именовать реэмигрантами. Между тем в источниках они не всегда отделялись от иммигрантов-иностранцев. Термины иммиграция, иммигрант в ряде документов советской власти порой заменялись словами эмиграция, эмигрант⁶.

В процессе работы стало ясно, что тема может быть раскрыта полно только при условии обращения к законодательным документам предшествовавшего исторического этапа. Традиционный в недалеком прошлом отсчет всех событий от октября 1917 г. грешил узостью.

Особенность функционирования Советской России как классового государства с однопартийной системой диктует необходимость при изучении законодательства обращаться и к партийным документам. С первых лет ее истории постепенно усиливалось воздействие партийного аппарата на все сферы жизни. Многие документы, органически связанные с этой проблемой, долгое время не были доступны исследователям.

Сумма законодательных актов и подзаконных ведомственных документов, относящихся к иммиграции в Советскую Россию, реэмиграции, репатриации и эмиграции не производит впечатления стройной системы. Знакомство с процедурой разработки и принятия их этот вывод подтверждает. Поэтому представляется поспешным и преувеличенным суждение Ю. Фельштинского о российских послереволюционных декретах, как о продуманной системе возведения барьеров на пути общения населения страны с внешним миром. Нормативные документы советской власти, относящиеся к названной сфере, по крайней мере, принятые в течение ряда лет после победы Октябрьской революции, скорее были противоречивы и потому много раз пересматривались, перерабатывались, уточнялись. В целом бесспорный общий тезис Фельштинского о закрытости советского общества не может быть подтвержден только одними нормативными документами первых лет советской власти, связанными с определением правил въезда и выезда. Напротив, бросается в глаза непоследовательность этого законодательства, что объясняется отсутствием глубоко разработанной и единой политической стратегии партии и государства. Объективные условия революции, гражданской войны, экономической нестабильности не могли не оказать влияния на все сферы государственной деятельности, в том числе и на изучаемую в данном случае.

Любые шаги революционной власти не могут рассматриваться в полном отрыве от предшествовавшей жизни. Проблемы эмиграции и возвращения – не исключение. Известно, что царская Россия, не имея в законодательстве норм для эмиграции и возвращения эмигрантов, тем не менее проводила определенную, хотя и малоэффективную эмиграционную политику. В XIX в. существовали достаточно жесткие ограничения для выезда подданных России за границу. Выезд, например, на заработки обставлялся многими формальностями и был не по карману значительной части так называемых трудовых (точнее экономических) эмигрантов, поток которых с конца XIX в. стал массовым. В России

⁶ См.: Постановление СТО 22 июня 1921 г. // Ленинский сб. XX. М., 1932. С. 202.

существовала многоступенчатая громоздкая система оформления заграничных паспортов. Формально запрет на эмиграцию царское правительство сохраняло до середины первого десятилетия XX в. До 1906 г. пропаганда эмиграции в России была уголовно наказуема⁷.

Реалии жизни вынуждали государство приступить в начале XX в. к обсуждению вопроса об эмиграции и юридическом статусе эмигрантов. До того времени в российском законодательстве термин "эмигрант" не применялся. Выезд допускался на ограниченный срок, а на постоянное проживание был запрещен для всех подданных Российской империи, за исключением евреев (иудеев). Закон не предусматривал возможность их возвращения. Они эмигрировали с семьями, покидая Россию навсегда, утрачивая российское подданство.

Временно выезжавшие из России другие ее подданные могли быть в любое время отозваны обратно, в частности для прохождения воинской службы. По указу 17 апреля 1834 г. определялось наказание за пребывание за границей сверх установленного срока. Оно применялось в отношении как дворян, так и всех иных подданных, которым был разрешен выезд за границу "с установленными паспортами"⁸.

Законом от 26 апреля 1906 г. прежняя статья "Уложения о наказаниях" была смягчена. Наказание по ней предусматривалось только за распространение "заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу"⁹. В 1903 г. Устав о паспортах (II раздел назывался "О паспортах заграничных") подробно определял в ст. 164–234 порядок пропуска через границу российских подданных. Каждые полгода за паспорт необходимо было платить деньги, по тому времени немалые. Срок пребывания за рубежом составлял 5 лет. Продление было возможно лишь с разрешения губернского начальства.

К концу первого десятилетия XX в. весь этот громоздкий порядок специалисты считали устаревшим, ссылаясь, в частности, на существование своих правил в разных губерниях. Процедура получения паспорта, завершавшаяся у губернатора, занимала несколько месяцев. Она начиналась с оформления внутреннего мещанского паспорта, затем – получением в трех–четырёх инстанциях свидетельств об отсутствии препятствий к выезду. Из-за сложности оформления выездных документов от 75 до 90% российских эмигрантов уезжали нелегально – без документов или с легитимационными билетами, предназначенными для выезда на сезонные сельскохозяйственные работы в пограничные европейские страны.

Оформлять документы для возвращения приходилось через российские консульства в странах пребывания. Эта процедура, например, в США была весьма сложной. Требовалось предварительно получить удостоверения личности в православных приходах и уплатить довольно значительные суммы, которые, по мнению Н.Л. Тудоряну, были непосильны для многих потенциальных реэмигрантов¹⁰. Правда, некоторые авторы, занимавшиеся практическими проблемами организации эмиграции и реэмиграции подданных царской России, имели иную точку зрения. В литературе приводились достаточно убедительные данные о значительных размерах накоплений российских выходцев, работавших в американской промышленности. Из этих сведений явствует, что ежегодные почтовые денежные переводы на родину, сами по себе немалые по российским меркам, составляли лишь треть того, что накапливали выходцы из России и привозили по возвращении с собой. Более того, практики вносили предложения

⁷ Яновский С.Я. Указ. соч. С. 3.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ СУ (Российской империи) / Изд. Н.С. Таганцева. 1906. № 663. Разд. IV. Ст. 328. Цит. по: Указ. соч. С. 94.

¹⁰ Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 134, 181–183.

о повышении налогов с разбогатевших на чужбине эмигрантов, возвращавшихся с заработков, и снижении стоимости заграничных паспортов¹¹.

Знакомство с консульскими документами – опросными листами реэмигрантов января–октября 1917 г., т.е. в основном дооктябрьского периода, убеждает, что каждый, кто намеревался вернуться в Россию из США или Канады, заполнял достаточно пространную анкету. Ее форма менялась, но, как правило, анкета включала 22 пункта: имя, фамилия, звание, род занятий, сословие и место прописки, время и место рождения, семейное положение, отношение к воинской повинности, год призыва, настоящее место жительства, место жительства в последние пять лет, имена и место жительства родителей, религия, национальность, подданство родителей, изменения в подданстве, "куда в России направляетесь", точное указание цели поездки, имена родственников на родине, перечисление поездок за границу за последние три года, дата заполнения опросного листа¹². Обратим внимание на то обстоятельство, что приведенный бланк был заполнен в начале 1917 г. по форме, существовавшей в Российской империи по крайней мере с октября 1916 г. Поскольку разрешение было дано, спустя год, в феврале 1918 г., то документ отложился в архиве НКВД РСФСР.

Приведенные факты позволяют непредвзято, исторически подойти к первым документам советской власти. Едва ли есть основания рассматривать распоряжение наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого от 2 декабря 1917 г. "О визации паспортов при въезде из-за границы"¹³ как свидетельство "тотального контроля всех связей советской республики и заграницы"¹⁴. Опубликованное для сведения иностранных граждан оно предусматривало "визацию паспортов лиц, въезжающих через Торнео в Россию, нашим полномочным дипломатическим агентом в Стокгольме гражданином В.В. Воронским". Напомним, что в тот момент аппараты консульств и посольств прежней власти были уволены приказом НКВД. Декрет СНК об организации консульств был принят лишь 18 октября 1918 г.¹⁵ При этом консульства учреждались в странах, с которыми имелись деловые отношения. Там, где консульств не было, обязанности консула поручались гражданам этой страны (очевидно такую роль в США выполнял Л.К. Маргенс в качестве неофициального представителя Советской России).

21 декабря 1917 г. была опубликована Инструкция комиссарам в пограничных пунктах Российской республики "О правилах въезда и выезда из России", подписанная заведующим Комитета по внутренним делам и уполномоченным НКВД. Хотя она и не являлась законодательным актом, но служила основанием для установления нового порядка въезда и выезда. Ю. Фельштинский (с. 10) неточно называет инструкцию постановлением.

Для выезда из России иностранных и русских граждан, согласно ей, необходимо было иметь заграничный паспорт с фотографиями и печатями. Русским полагалось получать разрешения на выезд в Петрограде – от иностранного отдела Комитета по внутренним делам, а в Москве – от НКВД, в Гельсингфорсе же – от областного комитета Финляндии. Дипломатам для въезда в Россию необходима была виза заграничного "комиссара СНК" (вероятно, имелся в виду представитель СНК. – Г.Т.).

Беспрепятственно допускался въезд в Советскую Россию русских граждан, имевших дипломатические паспорта. Политическим эмигрантам необходимо

¹¹ См. подробнее: *Тизенко П.* Указ. соч. С. 12, 15.

¹² *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и Родина. М., 1993. С. 50–51. АВП РФ. Ф. 50. Оп. 1. П. 4. Д. 25. Л. 3.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 5. Ст. 78. (Далее: СУ).

¹⁴ *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 6–7.

¹⁵ ДСВ. М., 1964. Т. III. С. 435–438; СУ РСФСР. 1918. № 78. Ст. 823.

было иметь личные удостоверения от особоуполномоченных на это соответствующими эмигрантскими комитетами, а также визу от заграничного представителя СНК. Русские граждане и иностранцы, не имевшие дипломатического паспорта, пропускались в пределы России "по предварительно полученному для каждого из них особому разрешению от заграничного представителя СНК"¹⁶.

Жесткие меры советских властей – введение фотографий на заграничных паспортах, печатей, заверяющих выездные и въездные документы, а также "личный осмотр" и досмотр багажа – Ю. Фельштинский считает жестокими. Он пишет: «К концу декабря 17-го года она (советская власть. – Г.Т.) изобрела общие положения о въезде и выезде, да такие, каких не знала еще многовековая Россия или Европа (курсив мой. – Г.Т.). Здесь были одновременно и паспорта с *фотографиями* (курсив Ю. Фельштинского. – Г.Т.), и "надлежащие печати", и специальные разрешения со специальными подписями, специальные же представители НКВД и НКВД»¹⁷... Автор сослался на два документа. Первый не имеет отношения к предмету обсуждения¹⁸, так как посвящен Финляндской республике. Цитированные в книге слова взяты из упоминавшейся Инструкции комиссарам в пограничных пунктах Российской Республики "О правилах въезда и выезда из России"¹⁹. Однако при знакомстве с историческими фактами нагнетание страстей оказывается, мягко говоря, не вполне оправданным. Это становится очевидным при знакомстве с "Новыми правилами въезда в Россию из-за границы русских граждан", объявленными НКВД 12 января 1918 г.²⁰ Они содержат исторический экскурс, опровергающий построения цитированного автора. В правилах сказано, что прежний порядок оформления въезда был определен российским законом от 25 октября 1916 г. и циркулярными разъяснениями. Вопреки мнению Фельштинского, как раз тогда был введен порядок, по которому предусматривалось представление двух фотографий от каждого, кто обращается в российские посольства и консульства за получением паспорта для въезда в Россию. Требовалось заполнить подробнейший опросный лист, т.е. анкету (см. с. 7). Эти документы до момента выдачи заграничного паспорта проходили две инстанции – правовой отдел Комитета по иностранным делам и Генштаб. Только оттуда разрешение на выдачу паспорта для въезда в царскую Россию (и в Советскую Россию в течение короткого срока – до 12 января 1918 г.) пересылалось в заграничное учреждение России и на погранпункт.

"Новые правила", очевидно, упростили порядок получения въездных документов. Вместо двух инстанций право выдачи паспорта для въезда российских выходцев в Советскую Россию из-за границы получили представители России в зарубежных странах. Они пересылали опросные листы непосредственно на пограничные пункты, только уведомляя об этом Правовой отдел и Генштаб.

Правительство советской Украины, вводя в 1919 г. заграничные паспорта, учитывало, конечно, условия своего времени и российский опыт, но, на мой взгляд, в отличие от мнения Ю. Фельштинского, не очень далеко ушло от громоздкого порядка оформления выездных документов в Российской империи²¹.

Усиление централизации в деле въезда и выезда в Советскую Россию можно рассматривать и с иной более простой точки зрения. Концентрация в центральных учреждениях рассмотрения дел о въезде и выезде была оправдана, по-

¹⁶ СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 174.

¹⁷ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 7.

¹⁸ См.: СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 163 – постановление СНК от 20 декабря 1917 г. Заметим, что в книге ссылка на эту статью повторяется не раз и всегда не соответствует теме, рассматриваемой автором.

¹⁹ Там же. № 12. Ст. 174.

²⁰ Там же. 1918. № 16. Ст. 226.

²¹ См.: Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 7.

скольку в стране был разрушен аппарат местной власти, страна вступила в период гражданской войны и т.д. Подтверждением правомерности именно такой трактовки может, видимо, служить тот факт, что практика визирования, по крайней мере, въездных документов иммигрантов не только не была жесткой, но порядок просто не соблюдался.

Так, в 1919 г. Представительство РСФСР в США во главе с Л.К. Мартенсом, хотя и не признанное американскими властями, было наделено правом визирования выездных документов реэмигрантов. Однако в течение двух лет, до начала 1921 г., оно не получило необходимых инструкций НКВД РСФСР. Глава официальной торговой делегации в Лондоне Л.Б. Красин еще в 1919 г. рекомендовал Л.К. Мартенсу широко оповестить через американскую прессу всех, кто намеревался отправиться в Россию, о необходимости визировать у него документы. Однако в Европу, в частности в Лондон, как сообщал Красин в 1919 г., участился приезд бывших российских выходцев, направлявшихся из Америки в Советскую Россию без необходимых документов²².

Меры по охране границ России от неконтролируемого въезда и выезда, которые Ю. Фельштинскому представляются чрезмерно суровыми, на самом деле в то время не были осуществлены, остались только на бумаге. Бывшие российские выходцы пересекали границу, очевидно, по тем же тропам, по которым в недалеком прошлом они покидали царскую Россию, не имея заграничных паспортов. Это предположение находит подтверждение в ряде документов. Не исключено, что и иностранные граждане, не имевшие официальных разрешений на въезд, также преодолевали границу России. Заметим, что именно это обстоятельство и несовершенство пограничного контроля обусловили невозможность выяснить истинные размеры иммиграции в Советскую Россию, по крайней мере до середины 1920 г.

Из наиболее известных первых фактов въезда в Советскую Россию реэмигрантов из США напомним историю переселения в 1918 г. работников будущего Московского инструментального завода. Они на свой страх и риск неоднократно пересекали линию фронта, прежде чем добрались до Москвы, успели побывать на территориях, которые не раз переходили из одних рук в другие²³.

Превращение страны в "военный лагерь", как принято было говорить в те времена, диктовало и правила в связях с внешним миром. В годы первой мировой войны эти связи были довольно сложными, в частности иммиграция, реэмиграция и эмиграция. Трудно было ожидать чего-либо иного в условиях, когда страна находилась в кольце фронтов.

Временное правительство, как известно, приняло меры к облегчению возвращения в Россию части политэмигрантов. Оно даже субсидировало их. Но эта мера применялась всего несколько месяцев, в течение которых успели вернуться в Россию некоторые будущие активные деятели Октябрьской революции²⁴. Еще 17 марта 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о приезде в Советскую Россию анархистов из США, иными словами, о приеме группы бывших политэмигрантов²⁵.

До середины 1920 г. число въезжавших в Советскую Россию было невелико. Морская блокада России, одновременное запрещение американскими властями выезда из США российских выходцев, число которых составляло свыше 2 млн (по данным американских источников, около 1 млн человек подали заявления

²² Подробнее см.: *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и Родина. С. 52; АВП РФ. Ф. 129. Оп. 3. П. 2а. Д. 4. Л. 33–34.

²³ Подробнее см.: *История Московского инструментального завода* / Ред. Б.Я. Ратнер. М., 1934.

²⁴ Подробнее см.: *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и Родина. С. 66–67.

²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 66. Л. 4.

для разрешения на выезд в Советскую Россию²⁶), – все это не способствовало интенсивному въезду в Россию. Правда, в 1919 г. власти США допортировали группу выходцев из России, объявив их нежелательными элементами²⁷.

Однако в 1919 и в 1920 гг. выезд в Россию все же происходил. В частности, возвращались постепенно военнопленные первой мировой войны. 14 ноября 1919 г. Ленин подписал полномочия СНК члену коллегии НКВД и одновременно делегату Российского общества Красного Креста (РОКК) М.М. Литвинову на ведение переговоров с правительствами Великобритании и других стран об обмене гражданских и военнопленных, а также об урегулировании вопроса о положении русских граждан за границей и иностранцев в России²⁸. 11 декабря 1919 г. на заседании Бюро Исполкома Коминтерна (ИККИ) обсуждался вопрос о положении эмигрантов в Америке (очевидно, российских. – Г.Т.). Решено было просить Ленина написать им письмо²⁹. В той или иной форме поддерживались контакты Советской России с соотечественниками за рубежом. С этой целью, очевидно, 23 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало проект обращения к русской интеллигенции за границей³⁰.

В 1919 г. в ВСНХ и Наркомземе начались переговоры о переселении в Россию западноевропейских рабочих для устройства их на ряд производственных объектов в промышленности и в сельском хозяйстве. Первый документ по этой проблеме был принят Совнаркомом РСФСР 7 августа 1919 г.³¹

Можно предположить и даже утверждать, что эти материалы послужили в некоторой степени образцом, вернее основой при выработке впоследствии порядка реэмиграции из Америки дореволюционных российских эмигрантов. В 1920 г. эта проблема продолжала обсуждаться правительством, после чего были приняты новые документы. Можно и далее проследить по официальным документам, как власти проявляли интерес к находившимся за пределами страны подданным бывшей царской России, к новым для советской страны эмигрантам, т.е. беженцам, покидавшим страну после Октябрьской революции, наконец, отношение советского государства к приезду в страну иностранцев – временных посетителей и иммигрантов. В дополнительном к Брестскому договору, утвержденном 3 марта 1918 г., шестая глава называется "Забота о реэмигрантах". Статья 21 определяла: "Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территории противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властями этой стороны право возвращения на родину, из которой происходят они или их предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора.

Лица, имеющие право реэмиграции должны по их заявлению быть освобождены от принадлежности к государству, гражданами которого они до сих пор были"³². Надо думать, что на россиян, находившихся в США, были распространены подобные права для реэмигрантов.

Государственные акты, связанные с проблемой массового переселения в Советскую Россию германских граждан, в свое время не были обнародованы, они не подлежали публикации. Отчасти они были введены в научной оборот в

²⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 942. Л. 115 об.

²⁷ См. об этом: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 146.

²⁸ См.: Ленинский сборник, XXXIV. М., 1942. С. 240; Владимир Ильич Ленин: Биограф. хроника. М., 1977. Т. 8. С. 23. (Далее: В.И. Ленин: Биохроника).

²⁹ В.И. Ленин. Биохроника. Т. 8. С. 108.

³⁰ Там же. С. 245.

³¹ Подробнее см.: Тарле Г.Я. Российское зарубежье и Родина. С. 45; ДСВ. М., 1973. Т. VI. С. 375–378. «Основания отвода земель Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Германскому переселенческому союзу "ОСТ" ("Восток")».

³² Документ внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 177.

работах автора настоящей статьи в 60-е годы. Полные тексты этих документов впервые опубликованы вместе с комментариями в издании "Декреты Советской власти" (т. VI и VIII). Они содержат обильную информацию, которая не учтена в работе Ю. Фельштинского.

23 апреля 1920 г. СНК принял постановление о предоставлении Наркомату земледелия РСФСР права заключать договора с "Объединенной организацией германских союзов по эмиграции в Советскую Россию" и с отдельными коллективами членов этой организации на предмет переселения на свободные земли РСФСР. В том же документе говорится о необходимости принять меры к осуществлению такой эмиграции в кратчайший срок³³. 8 мая 1920 г. в СНК было подписано постановление, дополнившее «Главные основания отвода земель РСФСР Германскому переселенческому союзу "OST" ("Восток")». Таким образом, спустя год положения первого документа были доработаны, уточнены. Существо дополнений сводилось к определению регионов, куда признавалась возможной коллективная немецкая иммиграция: центральные, восточные, юго-восточные губернии РСФСР, помимо определенных прежде северных. Переселенцам из Германии предполагалось предоставить гражданство РСФСР, на них должны были распространяться все законы страны. Речь шла о выделении в ведение германских рабочих крупных совхозов³⁴.

11 мая СНК утвердил "Основные положения о порядке переселения членов Объединенной организации германских союзов по эмиграции в Советскую Россию и предоставления им работы на фабриках и заводах РСФСР". Этот документ впервые официально говорил о необходимости предвращения неорганизованного въезда в Россию рабочих из-за рубежа, о предупреждении, согласно настоянию Ленина, немецких рабочих о всех трудностях жизни в России³⁵. 19 мая 1920 г. "Основные положения" были подписаны председателем ВСНХ и представителем германской делегации³⁶. Основной смысл всех документов, регламентировавших иммиграцию германских квалифицированных рабочих определенных профессий, сводился к распределению их на работу группами на фабрики, заводы и в совхозы, с целью обеспечить на них таким путем рост производства. Продолжительность рабочего дня, продовольственное снабжение, как и обеспечение жильем иммигрантов, предполагались на общих основаниях с местными рабочими. Но оплата их труда и дополнительное снабжение, "связанное с увеличением производительности труда", очевидно не исключались. На переселявшихся германских рабочих распространялись все законы, правила и постановления органов власти РСФСР, касавшиеся социального обеспечения, охраны труда. Предпочтение отдавалось холостым и малосемейным рабочим.

Германские рабочие, переселявшиеся в РСФСР, как предполагалось, через месяц должны были стать гражданами РСФСР. Но им предоставлялся ряд льгот по сравнению с гражданами РСФСР: освобождение на 5 лет от уплаты государственных и местных налогов, от воинской повинности, при условии выполнения норм производства и исполнения законов³⁷. Таким образом, были приняты документы, определявшие условия иммиграции сельскохозяйственных и промышленных рабочих из Западной Европы. Эти документы, очевидно, впоследствии послужили основой или образцом при заключении договоров с другими иммигрантами. Нелишне заметить, что гигантские планы переселения в Россию

³³ ДСВ. М., 1976. Т. VIII. С. 298–299.

³⁴ Там же. С. 340–343.

³⁵ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 367. Л. 3; Российский государственный архив экономики. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1590. Л. 47.

³⁶ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 615. Л. 76–77.

³⁷ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 367. Л. 75–75 об.

германских рабочих не без оснований вызвали возражения специалистов. Упомянутые документы, принятые в апреле–мае 1920 г., до их утверждения были подвергнуты критике со стороны председателя Центроэвка А.В. Эйдука. Он считал, что проект переселения в северные и приволжские губернии РСФСР 100 тыс. беднейших крестьян из Германии нереален "ввиду перегруженности транспорта". Однако 17 апреля 1920 г. Ленин написал на обращении Эйдука "Я не согласен"³⁸. И, как уже говорилось, пакет документов о массовом переселении из Германии приобрел силу закона³⁹. Правда, Ленин неоднократно настаивал на необходимости получения от германских делегатов расписки, подтверждающей, что они знакомы со всеми трудностями жизни рабочих в России.

Вместе с тем принимались меры, чтобы поставить въезд в РСФСР под контроль властей. 12 марта 1920 г. Ленин представил на заседании СТО протест Наркоминдела "по поводу пропуска через фронт иностранцев без предварительного согласия Наркоминдел". Постановлением СТО (пункт 13) этот протест был передан Наркомату по военным делам для исполнения⁴⁰. Очевидно, условия военного времени вносили поправки в ранние решения. Ситуация в стране менялась весьма часто и говорить о действии тех или иных нормативных актов можно только в тесной связи с условиями их исполнения.

Всего через неделю после обсуждения протеста НККИД и принятия постановления СТО, 19 марта 1920 г. заместитель наркома торговли А.Л. Шейнман внес в повестку дня СТО вопрос "Об экстренных мерах по усилению охраны границ республики" (п. 2). Реввоенсовету республики СТО поручил выделить специальные части для организации пограничной охраны в местностях, "указанных Наркоматом торговли и промышленности". Находясь в подчинении Наркомвоен, они должны были действовать по указанию НК торговли и промышленности. Соответствующее соглашение этих ведомств поручалось Склянскому и Красину представить в СТО⁴¹.

Усиление заботы об охране границ по времени совпадало с некоторыми мерами, направленными к упорядочению притока в Советскую Россию иностранных граждан, и, очевидно, реэмигрантов. Именно так можно расценить переданное 16 марта 1920 г. по радио обращение заместителя председателя ВСНХ В.П. Милютин, подтвержденное повторным его обращением 6 мая с припиской В.И. Ленина, адресованное "заграничным рабочим и инженерам". Смысл этих документов – в попытке предотвратить неорганизованный и не согласованный с властями Советской России въезд иммигрантов, предлагавших Советскому правительству свои услуги. Можно говорить о том, что весна–лето 1920 г. – пик внимания партийных и государственных структур к проблемам переселения в Россию. По нашим подсчетам, за это время в Совнарком и СТО эти вопросы обсуждались 14 раз (правда, несколько раз откладывались), 5 раз – на Политбюро ЦК партии, а также на пленуме ЦК⁴².

Наряду с мерами по упорядочению, регламентации въезда в Советскую Россию из-за границы различных групп иностранцев, в партийных и государственных учреждениях шло обсуждение вопросов организации, приема приезжав-

³⁸ В.И. Ленин: Биохроника. Т. 8. С. 471.

³⁹ ДСВ. Т. VIII. С. 299.

⁴⁰ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 104. Л. 24.

⁴¹ Там же. Д. 106. Л. 1 (протокол не подписан). Обращение к справочникам убеждает, что система народных комиссариатов в начале 1920 г. еще не устоялась. Так, по данным Т.П. Коржихиной, Наркомат внешней торговли ведет начало с июня 1920 г., а в материалах Биохроники Ленина он упоминается еще в феврале 1920 г. В справочнике, составленном Т.П. Коржихиной, НК торговли и промышленности не упомянут вообще. См.: *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 – декабрь 1941 г. М., 1994. С. 382–417.

⁴² Подробнее см.: *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и Родина. С. 46–49.

ших. Хотя в ряде документов речь шла об иностранцах, не исключено, что подразумевались и рабочие-иммигранты, и возвращавшиеся из эмиграции российские выходцы. Не случайно, вероятно, что именно в Политбюро неоднократно обсуждались эти темы. 28 февраля 1920 г. в ЦК РКП(б) рассматривалось, например, заявление А.М. Коллонтай "о необходимости устроить совещание об обслуживании начинающих приезжать в Россию иностранцев специальной группой бывавших за границей, знающих иностранные языки и знакомых с западноевропейскими условиями товарищей"⁴³. Вопрос был передан "для срочной проработки" в НКИД. 14 апреля на заседании Политбюро ЦК РКП(б) вновь обсуждался вопрос "о приеме иностранцев". Судя по краткой записи в протоколе, решением Политбюро устанавливалось распределение обязанностей и ответственности: а) "хозяйственной квартирной частью приема иностранцев заведует Эйдук и Пастухов, под общим руководством НКИД; б) допуск корреспондентов происходит лишь по соглашению НКИД с ВЧК"⁴⁴.

25 мая 1920 г. в повестке для вечернего заседания СНК стоял вопрос "О порядке переселения рабочих из-за границы"⁴⁵.

8 июня 1920 г. Политбюро (по докладу Л.Д. Троцкого) обсуждало вопрос "О ввозе иностранных рабочих" и поручило ему и Президиуму ВЦСПС "провести через СНК (курсив мой. – Г.Т.) выборы в комиссию для контроля за тем, как исполняются принятые постановления о ввозе иностранных рабочих, и, в случае надобности, внести соответствующие изменения"⁴⁶. Через несколько часов на заседании СНК член коллегии Наркомтруда РСФСР А.М. Аникст, занимавшийся практическими делами, связанными с организацией "рабочей иммиграции" в Россию, внес в СНК проект постановления "О порядке переселения рабочих из-за границы". Его текст приложен к протоколу СНК № 372 (п. 1) с пометкой "не публиковать". Опубликован он был после специального текстологического анализа только в 1978 г., как и многие другие подобные документы. Постановление СНК гласило: "1. Всякие переговоры с целью переселения в РСФСР рабочих из-за границы могут вестись соответственным ведомством лишь при участии Наркоминдел, Наркомтруда и Особого отдела ВЧК"⁴⁷. Вполне возможно именно среди документов ВЧК и ее преемников еще лежат недоступные для исследователей документы о событиях, которые с немалым трудом мы пытаемся восстановить в отсутствие этого источника.

В отличие от формулировки Коллонтай и Троцкого, где сказано об "иностранцах" или "иностранных рабочих", в постановлении от 8 июня говорится "о порядке переселения *рабочих из-за рубежа*" (курсив мой. – Г.Т.). Вероятно, это означало применимость постановления и по отношению к возвращавшимся из США бывшим российским подданным. Многие документы начала 20-х годов называли их американскими рабочими, не делая разницы между иммигрантами и реэмигрантами. Подтверждением этого предположения может служить и тот факт, что в документе уже не говорится "западноевропейские рабочие", а употреблен более общий термин "рабочие из-за рубежа".

Пункт 2-й постановления СНК предусматривал сосредоточение всей организационно-технической работы "по переселению рабочих для работы в учреждениях, предприятиях и хозяйствах РСФСР (курсив мой. – Г.Т.) при Наркомтруде по отделу учета и распределения рабочей силы при условии тесного контакта и участия заинтересованных ведомств"⁴⁸. Выделенные слова – еще

⁴³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Д. 68. Л. 3.

⁴⁵ См.: В.И. Ленин: Биохроника. Т. 8. С. 588.

⁴⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 86 (пункт 29). Л. 4.

⁴⁷ Ср.: Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 372. Л. 44 и ДСВ. М., 1978. Т. IX. С. 316–317.

⁴⁸ ДСВ. Т. IX. С. 317.

один аргумент в пользу мнения о том, что постановление имело в виду реэмигрантов. Именно из их числа, из коммунистов, рекрутировались кадры руководителей в целый ряд учреждений Советской России. А.М. Аникст, например, в прошлом анархо-синдикалист, был реэмигрантом⁴⁹.

Постановление, не подлежавшее публикации, было разослано Г.В. Чичери-ну – в НКИД, В.В. Шмидту – в Наркомтруд, в Особый отдел ВЧК (фамилия не разборчива) и В.П. Милютину – в ВСНХ⁵⁰. Вместе с передачей Наркомтуду организационных вопросов переселения рабочих из-за границы 9 июня 1920 г. Малый Совнарком выделил ему 350 млн руб. (по заявке А.М. Аникста)⁵¹.

В документах Совнаркома, приложенных к постановлениям, отчетливо видна "конкуренция" ведомств и параллелизм в решении вопросов, связанных с переселением из-за рубежа. От имени Президиума ВСНХ заместитель председателя В.П. Милютин ходатайствовал перед СНК 23 июня 1920 г. о передаче в ВСНХ ведения дел о переселении. Он ссылался на то, что предложения западноевропейских рабочих и техников поступали именно туда. Милютин просил Совнарком "для более планомерного использования их работ на территории РСФСР создать специальный орган *при ВСНХ* (курсив мой. – Г.Т.) в составе представителей ВСНХ, НКТ, НКПС, НКФин, НК Внешторг, НКИД"⁵².

29 июня этот вопрос был включен в повестку для СНК, но постановление оказалось иным, чем предлагал ВСНХ. Оно предусматривало создание постоянной комиссии не при ВСНХ, а при Наркомтуде "для сосредоточения всех сведений от всех ведомств всякого рода дел по вопросу о переселении в Россию иностранных рабочих и техников и предоставлении им работы"⁵³. Очевидно комиссия не была наделена полномочиями для решения вопросов переселения. Обязанности ее сформулированы крайне расплывчато.

Процесс организации и конституирования Комиссии при НКТ затянулся. Вопрос обсуждался на заседаниях СНК 20 и 29 июля 1920 г., но не был решен. Тем временем возникли трудности с приемом первых переселенцев из Германии, а также Норвегии и Швеции. Они были довольно серьезные и стали предметом обсуждения в партийных инстанциях. 31 июля на заседании Политбюро рассматривалось предложение Аникста созвать совещание по вопросу об иммиграции в Россию иностранных рабочих. Постановлением поручалось секретарю ЦК РКП(б) Л.П. Серебрякову созвать "частное совещание по данному вопросу с участием представителей III Интернационала, ЦК партии и Комиссии по иммиграции рабочих в России".

В кратком протоколе заседания Пленума ЦК РКП(б) (ничем иным мы не располагаем) 5 августа в пункте 17 повестки дня значилось: "Об иммиграции иностранных рабочих в РСФСР"⁵⁴.

Пленум постановил: "Поручить СНК поставить на одном из ближайших заседаний вопрос об иммиграции иностранных рабочих с обстоятельным докладом и точными цифровыми данными, имеющимися у каждого ведомства, о *ввезенных* иностранных рабочих. Провести также через СНК по данному вопросу предложение т. Троцкого о создании специальной инспекции при НКТуде и НК РКИ по инспектированию положения иностранных рабочих. Обязать комиссию под председательством т. Аникста основные доклады представить в письменном виде. Предложить т. Ленину предложить т. Курскому расследовать все обстоя-

⁴⁹ См. об этом: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 464.

⁵⁰ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 372. Л. 45.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 706. Л. 3.

⁵² РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 375. Л. 40.

⁵³ Там же. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 99. Л. 1.

тельства о положении двух групп норвежских рабочих в Питере и Москве (материалы получить у Серебрякова, Рудзутака, Зиновьева)⁵⁵.

Неотложные конкретные вопросы, требовавшие немедленного рассмотрения, по-видимому, отодвинули на второй план разработку общих проблем и, бесспорно, повлияли на дальнейший ход событий. Повестки дня заседаний СНК 10 и 17 августа звучали по-прежнему обобщенно: "Об иммиграции иностранных рабочих и планомерном использовании их работ"⁵⁶. Решения же носили конкретный характер в соответствии с поручением пленума ЦК. 17 августа СНК по докладу А.М. Аникста (к этому заседанию были затребованы доклады ВСНХ, Наркомзема, Наркомпути, Наркомпочтеля, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы не содержат этих документов) принял лаконичное постановление, поручившее Аниксту "представить краткий доклад о соглашении с немецкими коммунистами, включив в него сведения о двух практических итогах применения рабочей силы немецких рабочих"⁵⁷.

Не ставя перед собой задачи выяснения деталей этой конфликтной ситуации, важно подчеркнуть, что практика приема первых иммигрантов показала не-реальность замысла о массовом переселении германских рабочих, как это пытались проектировать разработчики договоров с германским переселенческим союзом. Не исключено, что Ленина тогда привлекла перспектива сотрудничества и поддержки таким путем германских коммунистов. Причины неудач и конфликтов с первыми переселенцами носили и объективный, и субъективный характер. Как бы то ни было реализация проектов столкнулась с крупными трудностями для обеих сторон. Это обстоятельство бесспорно оказало влияние на последующие правительственные решения относительно масштабов и форм иммиграции и реэмиграции.

Нормативные документы в той или иной мере показывают процессы, связанные с въездом в Советскую Россию и выездом из нее как собственных граждан, так и выходцев из других стран. В каждый отрезок времени они отражали особенности этих процессов. Общие положения о порядке въезда в Советскую Россию зафиксированы в нескольких декретах, принятых в послереволюционные годы, и в Конституции РСФСР 1918 г.

Ранее других, как уже говорилось, были разработаны условия массовой организованной иммиграции западноевропейских рабочих, преимущественно германских коммунистов.

Во второй половине 1920 г. практически непрерывно происходило возвращение на Родину из Америки бывших российских выходцев. Эта реэмиграция частично осуществлялась стихийно, а частично была санкционирована советскими властями. Возвращение началось еще в 1918 г., но носило эпизодический характер, а с осени 1920 г. стало регулярным.

К тому же времени относится и депортация из США части российских политических эмигрантов. Однако по этому поводу нам не удалось найти ни официальных нормативных документов высших органов власти, ни партийных решений. Известно заявление Ленина в феврале 1920 г. о готовности принимать депортированных из США русских революционеров⁵⁸.

Возвращение на родину эмигрантов, беженцев, военнопленных совпало по времени с массовым встречным движением из России воинских формирований, потерпевших поражение в гражданской войне, а также огромных масс беженцев и так называемых белых эмигрантов.

⁵⁵ Там же. Оп. 2. Д. 33. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 380. Л. 2; Д. 381. Л. 2.

⁵⁷ Там же. Д. 381. Л. 2. В одном из архивных дел данное постановление СНК имеет заголовок "О соглашении с немецкими коммунистами".

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 146.

Несколько документов, в частности декрет СНК РСФСР "О бесхозяйном имуществе"⁵⁹ от 3 ноября 1920 г. и развивавшее его положения постановление СНК от 19 ноября того же года "О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР"⁶⁰, предопределили ограничение возможности возвращения их в Россию в будущем. Новые эмигранты и беженцы лишались советской властью собственности.

Казалось бы, постановление СНК 19 ноября 1920 г. преследовало только цель взять под государственную охрану ценности: "все предметы искусства и старины, имеющие художественную и историческую ценность, передать в музеи, университеты и другие просветительные учреждения распоряжением Наркомата просвещения"⁶¹. Но и все остальное имущество эмигрантов и беженцев предусматривалось обратить в товарный фонд республики. Известно, что за скорейшее издание этого постановления настойчиво ратовал А.М. Горький, заботившийся о сохранении от разграбления и уничтожения национальных сокровищ. Но Горький откровенно писал о необходимости издания закона "*о конфискации имущества эмигрантов*"⁶² (курсив мой. – Г.Т.). А это означало, что фактически собственность граждан, покинувших Россию, отчуждалась. Надо думать, никто не считался с возможностью возвращения на родину владельцев оставленного имущества, не только художественно- или исторически ценного, а безоговорочно всего, как это определено в первой статье постановления СНК: "Собственностью РСФСР является **все** движимое имущество бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось"⁶³.

Иными словами, вся собственность эмигрантов и беженцев экспроприировалась. В случае их возвращения они оказывались бы абсолютно бесправными и лишенными всей своей собственности, т.е. не только фабрик и имений, но и квартир, и всего личного имущества. Подобное законодательство ставило дополнительную преграду к возвращению беженцев в Россию. Между тем стремление к возвращению возникло уже вскоре после весьма поспешного отъезда. В литературе фигурирует всего лишь одна цифра вернувшихся в РСФСР и СССР за 1921–1931 гг. – свыше 180 тыс. военнослужащих рядового состава белых армий⁶⁴. Расшифровать эту цифру полностью мы не имеем пока возможности. Однако новейшие работы исследователей помогают уточнить общие данные.

Известно, что уже летом 1920 г. началось возвращение в Россию части деникинских офицеров, покинувших страну в январе–марте 1920 г. В основном это были выходцы из средних слоев. Они добирались в Россию тайно или по подложным документам поодиночке или мелкими группами. Их путь лежал через Румынию, Польшу и Закавказье – по суше или морским путем с помощью рыбаков и контрабандистов. К середине ноября 1920 г., по данным Полевого штаба РВС, таким способом вернулись 2850 человек.

Отчасти возвращение в Россию инициировал генерал Врангель. Находясь в эмиграции, в 1920 г. он надеялся еще восстановить руководящий состав для восполнения потерь и развертывания Русской армии. С этой целью он издавал приказы о мобилизации и отправке в Крым офицеров. Однако большинство от

⁵⁹ ДСВ. М., 1983. Т. XI. С. 156–159.

⁶⁰ Там же. С. 245–246.

⁶¹ Там же.

⁶² В.И. Ленин и А.М. Горький. М., 1969. С. 193, 195, 208, 210; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 10–11.

⁶³ ДСВ. Т. XI. С. 245–246.

⁶⁴ См.: Трифионов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 188; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1996. С. 119.

этого уклонялось, предпочитая покинуть лагеря и перейти на положение "частных" беженцев.

В Крым вернулись не более 4 тыс. офицеров, а с ними до 5 тыс. гражданских лиц – женщин, детей, пожилых мужчин⁶⁵. Мотивов возвращения мы не касаемся. Разумеется, цифры невелики в сравнении с общим числом беженцев. Но подобные факты нельзя игнорировать, тем более, что возвращение для большинства беженцев было сопряжено с риском, трудностями и невзгодами.

Нам не удалось установить, какими путями возвращались в Крым врангелевские офицеры с семьями, где они обосновались и чем занялись по возвращении. Сам факт намерений Врангеля вновь развернуть свою армию, естественно, не мог не обеспокоить власти РСФСР.

Важно обратить внимание читателя на факт нелегального возвращения бывших денкинских офицеров, зафиксированный в документах. Он позволяет косвенно подтвердить высказанное уже предположение о нелегальном и неучтенном возвращении в Советскую Россию реэмигрантов т.е. гражданских лиц, покинувших страну до и после Октябрьской революции.

К этому необходимо добавить, что в Советской России с первых лет существования и на многие десятилетия всякий эмигрант рассматривался, как заклятый враг. В мае 1922 г. при обсуждении на заседании Политбюро ЦК партии проекта Уголовного кодекса РСФСР В.И. Ленин предложил карать расстрелом за возвращение из-за границы без разрешения властей⁶⁶.

Возвращаясь к подробному рассмотрению проблем, связанных с интенсивным притоком неорганизованных реэмигрантов из США в последние месяцы 1920 г., напомним, что за этот период почти не было общих решений на партийном и государственном уровнях, относящихся к этим процессам, т.е. постановлений СНК и СТО, решений Политбюро ЦК РКП(б).

Между тем документы Наркомтруда (прежде всего протоколы заседаний его коллегии) и весьма разрозненная переписка НКВД с различными организациями и его представителями за рубежом, хотя и фрагментарно, но дают возможность вместе с советской и зарубежной прессой представить ход событий. Основное их содержание – несанкционированный советскими властями приезд реэмигрантов из США, поток сообщений о массовом его характере. Отметим первоначальную ориентацию властей на исключительно промышленную иммиграцию, а также поступление заявок от ряда производственных коллективов США и приезд некоторых из них. Вопреки мнению Ю. Фельштинского фактически состоялась в основном сельскохозяйственная иммиграция, но по преимуществу не американская фермерская, как ему видится, а реэмигрантская. Российские крестьяне и их дети, трудившиеся в американской промышленности, стремились вернуться на родную землю, к привычному труду. Это видно из опросных листов. Невозможно согласиться с утверждением этого автора, будто "иностранцы" крестьяне прибывали в Россию с пустыми руками⁶⁷. Не злоупотребляя ссылками на собственные работы, напомним, что иммиграция и реэмиграция происходили под девизом помощи восстановлению советского хозяйства. Все реэмигранты (возможно за исключением политических) и иностранные иммигранты по собственному решению и в соответствии с условиями въезда в Советскую страну имели в своем багаже технические средства для предстоящей работы и обеспечивали себя всем необходимым на два года.

В октябре 1920 г., правда, была попытка установить по постановлению СТО

⁶⁵ *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов (численность материальное положение, репатриация) // ОИ. 1993. № 5. С. 77–78.

⁶⁶ Подробнее см.: *Шацлло Л.* "Это была странная мера..." О высылке из Советской России представителей интеллигенции в 1922 г. // Российские вести. 1994. 10 марта. С. 6 (Вехи).

⁶⁷ См.: *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 32.

усиленное снабжение заводов, на которых работали иностранные подданные. Возможно, имелись в виду иммигранты, но спустя два дня это постановление СТО было отменено⁶⁸.

Существенное значение имело постановление СТО от 24 ноября 1920 г. "О предоставлении возвращающимся в РСФСР эмигрантам отсрочек по призыву на обязательную военную службу". На них распространялись правила, установленные в 1919 г. для солдат, возвращавшихся из плена⁶⁹. Инициатором принятия такого постановления был Наркомат труда.

Наркомтруд РСФСР принимал немало решений по вопросам приема реэмигрантов, которых документы именовали обычно "эмигрантами, возвращающимися в РСФСР". Одним из них было опубликованное в "Известиях ВЦИК" 4 декабря 1920 г. постановление Наркомтруда "О порядке направления на работу эмигрантов, возвращающихся в РСФСР, и об отпусках для них"⁷⁰. После весенне-летнего цикла 1920 г. активное законотворчество возобновилось в начале 1921 г. Последовательное рассмотрение этих документов убеждает в том, что разработка их часто инициировалась в связи с отдельными эпизодами. Документы разрабатывались поспешно и поэтому достаточно часто отменялись и пересматривались буквально на следующий день в противоположном направлении. Это обстоятельство как раз и убеждает в том, что единой линии в отношении иммиграции и реэмиграции не существовало или не было последовательности в ее осуществлении. Нельзя сбрасывать со счетов и фактор меняющейся общей ситуации в стране, например, поворот страны к нэпу. Реэмигрантам-коммунистам всегда предоставлялись наиболее предпочтительные условия приема и получения работы. Не обошлось без настороженного отношения к "классово чуждым" элементам, как и введения жестких ограничений на въезд, а со временем и закрытие границ.

С начала 1921 г. государство отдало предпочтение организованному въезду рабочих из-за границы. В январе 1921 г. Малый Совнарком подтвердил, что отпущенные по постановлению СНК от 9 июля 1920 г. Наркомтуду для Центроэвакуа 350 млн руб. должны расходоваться только на "организованный ввоз рабочей силы из-за границы". Однако в счет этой суммы Наркомату внешней торговли и Наркомтуду были выданы 200 тыс. латвийских руб. и 50 тыс. эстонских марок "ввиду исключительных обстоятельств: неожиданного приезда эмигрантов из Америки"⁷¹. В январе-феврале 1921 г. в повестке дня заседаний СНК семь раз выносился вопрос "о приеме реэмигрантов – американских рабочих"⁷².

21 февраля Малый СНК сделал попытку рассмотреть его по докладу комиссии, готовившей обсуждение по поручению СНК. Все документы, разработанные в начале 1921 г. и обсуждавшиеся в высших государственных структурах, касались реэмиграции и иммиграции только из Америки.

21 февраля Малый СНК постановил, что "вся техническая работа по приему реэмигрантов из Америки передавалась Наркомвнуделу по Центроэваку"⁷³. Забегая вперед, необходимо сказать, что этот ключевой пункт был отменен уже 25 февраля. На том же заседании 21 февраля руководителю Центроэваку Эйдуку поручалось организовать комиссию, которая бы в течение пяти дней подготовила и представила в СНК план создания приемных пунктов для

⁶⁸ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 162. Л. 4; Д. 163. Л. 6.

⁶⁹ Там же. Д. 168. Л. 4; СУ РСФСР. 1919. Ст. 239.

⁷⁰ Бюллетень трудового фронта. Официальное издание НКГ Главкомтруда. (М.). 1921. № 2. С. 5.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 320. Л. 15. Этот вопрос был перенесен для окончательного решения в Большой Совнарком.

⁷² Там же. Л. 77, 90, 100, 141, 160, 172, 206.

⁷³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 320. Л. 195.

реэмигрантов. За Наркомтрудом оставался учет и распределение реэмигрантов, предоставление им 2-месячного отпуска (с освобождением на этот срок от трудовой повинности). Наркомфину было поручено подготовить и представить "проект положения о валютных операциях, в частности об обмене сумм (т.е. валюты. – Г.Т.), привозимых реэмигрантами"⁷⁴. Ленин подписал это постановление Малого СНК, но затем свою подпись зачеркнул и перенес вопрос на окончательное решение в Большой СНК⁷⁵.

Во время заседания Большого СНК, очевидно, Ленин зачеркнул свою подпись на постановлении Малого СНК от 21 февраля и перенес окончательное решение из СНК на заседании СТО 25 февраля. В 1979 г. в т. 10 Биохроники Ленина документы приведены не полностью. Составители и комментаторы XIII тома "Декретов Советской власти", спустя 10 лет смогли опубликовать документы без купюр. Ленин распорядился поставить на повестку дня СТО следующие вопросы: "1. Общий доклад т. Аникста об реэмиграции рабочих из Америки в Россию, их приеме и использовании (10 мин.), содоклад т. Гладуна (реэмигрант – Г.Т.), выражающего мнение по этому вопросу американских реэмигрантов (должен представить мандат Коминтерна)... 2. Пересмотреть постановление Малого СНК, протокол № 636 п. 10 от 21 февраля о передаче дела приема американских реэмигрантов из Главкомтруда в НКВД"⁷⁶.

25 февраля СТО не решил этот вопрос, перенес на другое заседание. СТО добавил в повестку дня еще вопрос об оставлении в ведении Госкомтруда московской гостиницы "Мамонт", в которой жили реэмигранты⁷⁷. СТО зафиксировал общую идею пересмотра постановления Малого СНК: "Поставить задачей наибольшую централизацию этого дела в руках одного ведомства, чтобы избежать приезжающих рабочих от последствий волокиты и межведомственных трений"⁷⁸.

На том же заседании было принято другое постановление по, казалось бы, частному вопросу реэмиграции – "О передаче завода АМО группе американских реэмигрантов-коммунистов". Докладчиками были В.П. Милютин – заместитель председателя ВСНХ и представитель реэмигрантов, А. Гладун, которого мы уже упоминали в качестве содокладчика по общему докладу.

Это решение выходило за рамки определения отношений с одной группой. Постановление СТО поручило ряду ведомств: Президиуму ВСНХ, Наркомзему, Наркомпути, Наркомтруду, заместителю руководителя НКИД Л.М. Карахану, а также ВЦСПС представить из числа высокоответственных чиновников кандидатов в члены комиссии. Ей вменялось в обязанность наряду с надзором за осуществлением названного соглашения заботиться об использовании и других заводов для привлечения "новых партий" (т.е. групп. – Г.Т.) заграничных рабочих. На этих заводах намечалось обучать российских рабочих и, очевидно, неквалифицированных подростков. "Комиссия должна совместно с Наркомтрудом (т. Мартенс) сосредоточивать в своих руках сведения о допущении рабочих эмигрантов из-за границы (в каком количестве и при каких условиях)"⁷⁹.

В тексте постановления обращают на себя внимание расплывчатость и неточность (возможно умышленная) понятий. Одновременно ведется речь о "реэмигрантах-коммунистах", о "партиях приезжающих заграничных рабочих", о "рабочих-эмигрантах из-за границы". Можно считать, что в задачи комиссии

⁷⁴ Там же. Л. 195–196.

⁷⁵ Там же. Д. 942. Л. 86. См. также: В.И. Ленин: Биохроника. М., 1979. Т. 10. С. 149.

⁷⁶ ДСВ. М., 1989. Т. XIII. С. 167; РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 146. Л. 27.

⁷⁷ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 193. Л. 81.

⁷⁸ Там же. Л. 6.

⁷⁹ Там же. Л. 4–5.

входил сбор сведений о въезде и определение условий их приема для трех разных категорий мигрантов. Реэмигранты в этом документе ассоциировались только с принадлежностью к компартии. "Партиями приезжающих заграничных рабочих" могли именоваться группы западноевропейских рабочих (не обязательно коммунисты), которые в то время вели переговоры с советскими учреждениями о переселении в Россию, а также и группы реэмигрантов из США, в то время интенсивно формировавшиеся. Наконец, под "рабочими-эмигрантами из-за границы" документ, возможно, подразумевал представителей будущих переселенцев, приезжавших для предварительных переговоров с властями.

Необходимо напомнить, что в документах термин "реэмигрант" применялся только в первые послереволюционные годы. Позднее в обиход вошли термины "возвращенец", "невозвращенец", "репатриант". Из документов видно, что условия приема разных категорий переселенцев из-за границы были одинаковыми. Исключение составляли только привилегии для коммунистов. Эти правила сначала разрабатывались применительно к переселению германских рабочих в 1919–1920 гг. Позднее шли переговоры о переселении в Советскую Россию членов Автономной индустриальной колонии "Кузбасс" (АИК-Кузбасс)⁸⁰. Они, завершились выработкой условий, которые на деле тоже не стали универсальными. Практически условия переселения всякий раз рассматривались заново, в зависимости от того, кто выступал партнером в переговорах.

25 февраля 1921 г. СТО сформулировал принципиальный подход к организации приема переселенцев из-за границы. Опыт перевозки реэмигрантов от российской границы в центр страны в конце 1920 г. убеждал в том, что необходимо было устранить параллелизм в деятельности ведомств. Наличие межведомственных учреждений, как показала практика, положения не улучшало. По содержанию постановления СТО видно, что государство рассматривало ожидавшийся приезд реэмигрантов как организованный поток рабочей силы, необходимой для нужд страны.

Окончательное решение вопросов, обсуждавшихся в феврале 1921 г., состоялось 1 марта, когда СНК РСФСР принял развернутое постановление "О реэмигрантах-рабочих из Америки"⁸¹.

Первый пункт его, подтвердив постановление Малого СНК от 21 февраля 1921 г., определял передачу всей технической работы "по организации приема и размещение прибывающих из Америки рабочих в НКВД по Центроэваку"⁸². Напомним, что это решение было отвергнуто в ходе заседания СТО 25 февраля 1921 г. Вообще же постановление СНК от 1 марта в точности воспроизводило постановление Малого СНК от 21 февраля, которое было частично отклонено в ходе заседания СТО 25 февраля. В преамбуле постановления от 1 марта принятие его мотивировано интересами "упорядочения приема реэмигрантов-рабочих"⁸³.

Центроэвак по соглашению с Наркомтрудом должен был организовать специальные приемно-пропускные пункты (эмигрантские дома), имевшие "центральное значение и "являющиеся для Наркомтруда базами собирания, формирования и распределения *прибывающей рабочей силы*" (курсив мой. – Г.Т.). В течение пяти дней со дня опубликования этого постановления комиссия, созданная согласно пункту 1 постановления (в нее обязательно должны были войти представители Моссовета и Наркомтруда, а в Петрограде – представитель Петросовета), обязана была представить в СНК "общий план приема и обору-

⁸⁰ Подробнее см.: *Тарле Г.Я. Друзья Страны Советов...* С. 287–347.

⁸¹ Бюллетень трудового фронта. (М.). 1921. № 9; ДСВ. Т. XIII. С. 166–167. Публикаторы проследили все этапы выработки этого постановления.

⁸² ДСВ. Т. XIII. С. 166–167.

⁸³ Там же. С. 166.

дования приемных пунктов для реэмигрантов". Учет и распределение приезжавших реэмигрантов оставались в ведении Наркомтруда. Ему же дали право предоставить американским рабочим двухмесячный отпуск "для устройства хозяйственных и семейных дел"⁸⁴.

Хотя 1 марта 1921 г. Большой СНК, казалось бы, окончательно утвердил постановление Малого СНК от 21 февраля, постановление Малого СНК 15 апреля, посвященное частному вопросу, принципиально изменило пункт 6 постановления от 1 марта 1921 г. Ответственность "за все дело эмиграции американских рабочих" была вновь возложена на Наркомтруд, а не только на Центроэvak Наркомвнудела, как решено было 1 марта. Ответственность наркоматов делилась "по принадлежности"⁸⁵. Изменения, зафиксированные в постановлении Малого СНК от 15 апреля, были подписаны Лениным. Следовательно вновь идея концентрации вопросов реэмиграции в одном ведомстве не осуществилась.

Подробное изложение здесь основных положений постановления СНК от 1 марта понадобилось для того, чтобы обратить внимание читателя на то, как относилось советское государство к возвращавшимся соотечественникам – оно видело в них прежде всего необходимую рабочую силу. Факт предоставления 2-месячного отпуска означал, что по его окончании реэмигранты не смогут распоряжаться собой.

Государство подчиняло их интересы своим. Ущемление прав личности повлекло за собой, например, распределение в дальнейшем большинства реэмигрантов, происходивших из крестьян, стремившихся, как это явствует из опросных листов, вернуться к крестьянскому труду на родине, на работу в промышленности. Такое решение можно объяснить тяжелым положением экономики страны, нуждой в квалифицированной рабочей силе, но оно несовместимо с провозглашавшимися идеями свободы и лозунгами Октябрьской революции.

Состав комиссии, создание которой предусматривало постановление СТО от 25 февраля 1921 г., обсуждался на двух его заседаниях. Между тем рамки ее компетенции менялись. Потом, очевидно, и ее место в приеме эмигрантов стало меняться. Вряд ли случайно в повестке дня заседания СТО 2 марта 1921 г., предусматривавшей утверждение членов комиссии, она уже именовалась "комиссией в связи с вопросом об использовании заводов реэмигрантами"⁸⁶.

Постановлением СТО от 4 марта комиссия была конституирована при Наркомтруде⁸⁷, а не при НКВД или Центроэvাকে, как можно было бы предположить.

Принятие принципиальных решений чередовалось в высших партийных и государственных структурах с обсуждением частных вопросов, которые, очевидно, иначе становились нерешаемыми в связи с общей ситуацией в стране. Так, 28 марта 1921 г. Политбюро ЦК партии рассматривало вопрос "Об эмигрантах, приехавших из Америки и Англии, стоящих эшелонами на вокзалах", и постановило "разрешить тов. Калинину (председателю ВЦИК. – Г.Т.) отправлять эмигрантов на места по его усмотрению, если комиссия по распределению их не представит через два дня адреса отправок"⁸⁸. Этот факт демонстрировал слабость исполнительных инстанций, а также доминирующую роль партии, ее высшего звена в решении рядовых государственных дел. Высшие государственные учреждения также "тонули" в лавине частных вопросов. До решения ли

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 166 (примеч. 1).

⁸⁶ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 193. Л. 5.

⁸⁷ Там же. Д. 195. Л. 5, 11.

⁸⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 142. Л. 3.

крупных стратегических задач было, если СТО по просьбе ВСНХ разрешал премировать предметами одежды, бельем и обувью (по прилагаемому списку) добившихся успеха в налаживании производства членов инициативной группы Русско-американского инструментального завода⁸⁹.

5 апреля 1921 г. Политбюро ЦК принимает повторное постановление о недопущении в страну врангелевцев⁹⁰. Забегая вперед, заметим, 3 и 4 ноября 1921 г. были приняты декреты ВЦИК об амнистии участвовавших в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях, а также некоторых офицеров⁹¹.

Решения, принятые на высшем государственном уровне в марте – начале апреля 1921 г., были продиктованы намерениями развивать иммиграцию и реэмиграцию. Между тем, спустя несколько дней, произошло закрытие российских границ, несмотря на то, что в пути из Америки в Россию находились массы людей. Многие "сидели на чемоданах" в Америке, распродав имущество, они запаслись тем, что необходимо было для переселения.

В самой России и на Украине в разгаре была подготовка эмигрантских домов, согласно принятым решениям властей.

Правда, факт вынужденного выезда из США представителя Советской России Л.К. Мартенса создал весьма непростую ситуацию. Очевидно, не только организационные трудности, связанные с реэмиграцией и в США, и в России стали причиной закрытия границ для реэмигрантов и иммигрантов.

Мы не располагаем официальными нормативными актами, вводившими закрытие границ. В нашем распоряжении – деловая переписка НКВД, которая не ссылается на какие-либо государственные или партийные решения, но свидетельствует о факте закрытия границ с 10 апреля 1921 г. по распоряжению наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина⁹². В пути из США находились тысячи людей, а в США, по свидетельству письма в НКВД от 21 октября 1921 г. консула России в Либаве Ильина-Женевского, оставались "несколько сот тысяч русских рабочих, страстно желающих приехать в Россию"⁹³.

Со второй половины 1921 г. и в последующие годы реэмиграция и иммиграция в Советскую Россию осуществлялась по иным законам, в иных масштабах, по новым, долго отработывавшимся правилам. Точкой отсчета этого периода стало постановление СТО от 22 июня 1921 г., впервые опубликованное в XX-м Ленинском сборнике только в 1932 г.⁹⁴ История его подготовки во многом схожа с историей более ранних документов, о которых уже говорилось. Однако это – самостоятельный сюжет.

Итак, знакомство с законодательными актами и решениями высших партийных инстанций убеждает: 1. В Советской России отсутствовала стабильная законодательная база для приема эмигрантов и особенно реэмигрантов. 2. Законы слабо отразили специфику стихийно складывавшегося процесса реэмиграции. Они не могли удовлетворительно "обслуживать" ее насущные нужды, потребности. 3. По преимуществу набор принятых нормативных актов носил случайный характер. Это не было "кодексом" законов для реэмигрантов и иммигрантов. 4. Недостаточная разработанность имевшихся к середине 1921 г. государственных актов, в частности, проявилась в отсутствие точного определения круга лиц – реэмигрантов, иммигрантов и т.д., к которым они должны

⁸⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 3. Д. 204. Л. 3, 100, 101.

⁹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 146. Л. 7.

⁹¹ СУ РСФСР. 1921. № 74. Ст. 611; № 75. Ст. 614. 10 ноября 1921 г. состоялось постановление Президиума ВЦИК об изменении одного пункта декрета от 3 ноября.

⁹² АВП РФ. Ф. 129. Оп. 5. Д. 25. П. 5. Л. 59–60.

⁹³ Там же. Л. 197–198.

⁹⁴ Ленинский сборник, XX. С. 202.

были применяться. 5. Анализ этих документов показывает, что они отражают поиск форм взаимоотношений с переселенцами из-за рубежа. 6. В 1920 г. (первая половина) отчетливо выражена нетерпимость ко всем без разбора "белым эмигрантам" и военнослужащим, которые фактически были беженцами. 7. Нельзя не признать что та небольшая законодательная работа, которая была проделана советским государством вольно или невольно исходила не из реального положения, при котором происходила реэмиграция, спонтанная, продиктованная личными мотивами, стремлением на родину, а в основном ориентировалось на использование труда реэмигрантов в промышленности. Но, кроме права на 2-месячный отпуск, в законах не было ни одного пункта, где бы предполагалось определить права этих людей.

Впоследствии большинство реэмигрантов занялось сельскохозяйственным трудом. Многие, добравшись до родных мест, оказались вне дальнейшего учета. Довольно ясной была судьба тех, кто работал в составе коллективов иммигрантов. В целом и в этой сфере не все возможности удалось реализовать. Между тем их участие в хозяйстве Советской России при иных условиях могло стать обоюдно выгодным.

М.А. Леушин

"ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРХИВОВ": КОНЦЕПЦИЯ М.Н. ПОКРОВСКОГО В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Как известно, реальность советской истории по отношению к отечественным архивам может быть описана в рамках "политико-управленческой" модели функционирования хранилищ социальной памяти в обществе. В отличие от модели "историко-культурной", ориентированной на включенность архивов в широчайший спектр всех возможных социокультурных взаимодействий, "политико-управленческая" модель предполагает – используя гениальный художественный образ – приоритетное архивное обслуживание информационных потребностей "канцелярий Замка"¹.

В современной научной литературе выяснен в основных чертах процесс утверждения этой модели в практике советского архивного строительства². К концу 30-х годов хранилища документов оказались полностью "политизированы", т.е. организованы в соответствии с политической властвовавшей партии. Стремившийся к "управляемому прошлому" не меньше, чем к "светлому будущему", советский тоталитаризм был основан на принципе строго иерархической градации степени доступности любой – и особенно социальной – информации. Уже в 1920-е годы особо ценные документальные массивы (партийные и "силовых" структур) были изъяты из ведения специального государственного органа по управлению архивным делом (Центрархива), а оставшиеся в нем хранилища в 1938 г. закрыты на надежный "замок" Наркомвнудела. Люди в погонах – исполнители указаний внеархивных руководящих инстанций – пришли на смену профессиональным историкам-архивистам.

Широко распространенным в историко-архивоведении стал следующий тезис: теория архивного дела, осуществление которой на практике привело к подобному положению дел, принадлежит историку, руководителю советского архивного ведомства (1920–1932), академику Михаилу Николаевичу Покровскому.

Впервые его "руководящие статьи" были определены как "неотъемлемая часть всей архивной практики и главная база архивной науки эпохи диктатуры пролетариата" в 1932 г. в статье Д. Истнюка «Задачи издания "Руководства по советскому архивному строительству"»³. Эта оценка критиковалась позже⁴, однако в 1960–1970-е годы прочно вошла в официальную советскую историо-

¹ Медушевская О.М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // ОА. 1995. № 2. С. 9–10.

² См.: Чудакова М. Архивы в современной культуре // Наше наследие. 1988. № III; Пиеничный А.П. Из истории становления управления архивным делом в СССР, 1918–1941 // СА. 1988. № 3; Он же. Система государственного управления и архивные учреждения // СА. 1991. № 2; Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х годов) // ОА. 1992. № 3; Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы, 1917–1980. М., 1994.

³ АД. 1932. Вып. I(Ц(30/31). С. 14.

⁴ См., например: Мухин А. Решительно и до конца ликвидировать ошибки "школы" М.Н. Покровского в области архивного дела // АД. 1939. № 2(50).

графию архивного строительства (В.В. Максаков, В.И. Вяликов и др.). В период "перестройки" была сделана попытка достижения научно-объективного баланса в анализе деятельности Покровского-архивиста: "Несмотря на ошибки М.Н. Покровского, период его руководства составил в архивном деле целую эпоху"⁵. Эта точка зрения стала достоянием и обобщающего монографического исследования о Покровском⁶. В новейшей историко-архивоведческой работе "ортодоксальная идея академика-коммуниста Покровского" о всемерной политизации архивов рассматривается как "разрушительная сила, которую использовала партийная номенклатура сталинского типа" для уничтожения архивов в качестве "самостоятельного культурно-исторического феномена"⁷. В целом же проблема "Покровский и архивы" не утратила своей актуальности⁸.

В настоящей статье мы попытались обозначить новый "угол зрения" на эту проблему, проанализировав архивно-теоретическое наследие Покровского в современном ему социально-политическом контексте на основе привлечения недостаточно освоенных историографией источников, опубликованных и архивных.

Как известно, в августе 1920 г. М.Н. Покровский сменил⁹ на посту заведующего Главархивом, первого руководителя советского архивного ведомства Давида Борисовича Рязанова¹⁰. По словам Покровского, предшественнику принадлежит идея организации единого государственного архивного фонда¹¹, и "громкая заслуга" его состояла в том, что Рязанов "путем создания Главархива спасал и охранял наши старые архивы"¹². Однако в этой деятельности, по мнению Покровского, была допущена также "ошибка", заключавшаяся в том, чтобы целиком оставить архивы «в руках старых специалистов, среди которых было много "людей достаточно почтенных, но совсем не наших"»¹³. По свидетельству одного из них, "к счастью для русских архивов, во главе Архивного управления в первый период его деятельности оказался широкообразованный и знающий научную ценность архивов Д.Б. Рязанов. Он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а главное, дал возможность для спокойной деловой работы"¹⁴.

Рязанов, таким образом, выступал за государственную централизацию архивного дела в интересах осуществления идеологической совершенно нейтральной

⁵ Пшеничный А.П. Из истории становления управления... С. 21.

⁶ Чернобаев А.А. "Профессор с пикой", или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.

⁷ Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 179–180.

⁸ Седелников В.О. ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 455.

⁹ Смена архивного руководства была оформлена 8 декабря 1920 г. специальным постановлением Пленума ЦК РКП(б): создание первого в мире музея по марксизму "представляет задачу исключительного международного значения, ЦК постановляет поручить эту задачу т. Рязанову и освободить его для наиболее успешного выполнения этой задачи от обязанностей заведующего архивом. Поставить во главе архива коллегию из тт. Покровского, Адоратского и Батурина" (В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы: Сб. документов. М., 1988 (на обложке 1989). № 32).

¹⁰ См. о нем: Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // АЕ за 1995 год. М., 1997; Рокитянский Я., Моллер Р. Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биогр. очерк: Документы. М., 1996.

¹¹ Чествование в Центрархиве РСФСР М.Н. Покровского по поводу 60-летия со дня его рождения // АД. 1928. Вып. IV(17). С. 73.

¹² Цит. по: С. Историческая неделя в Берлине: По письмам из Берлина // АД. 1928. Вып. II(15). С. 85.

¹³ Чествование в Центрархиве РСФСР... С. 73.

¹⁴ Статья А.Ф. Изюмова "Архивное дело в России в 1918–1922 гг.". Цит. по: Седелников В.О. Из истории изучения Союза российских архивных деятелей // Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 279.

"историко-культурной" его модели¹⁵. "Рязановщина в архивном деле" была ликвидирована Покровским, который "поставил архивное дело на службу пролетарской революции"¹⁶.

"Во главе Главархива были поставлены В.В. Адоратский¹⁷ и он, М.Н. ...как *политические руководители архивов*" (курсив мой. – М.Л.)¹⁸. Это Покровский обуславливал тем, что "в наших архивах наряду с документами, имеющими значение только научное, хранится масса документов, имеющих колоссальное политическое значение... Это *колоссальный арсенал политического оружия*, при помощи которого мы... будем вести политическую борьбу..."¹⁹

Очевидно, этим объясняется тот факт, что одним из первых мероприятий нового руководства стало создание особого, политического по составу и содержанию, Государственного архива РСФСР "для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов"²⁰. Одно из отделений Государственного архива РСФСР представлял собой Архив Октябрьской революции, включавший все документы после 1 марта 1917 г. "Мы гордимся, – говорил Покровский, – не только... сохранностью прошлых архивов – мы сами создали архивы, которых не было до советской власти и которые спасли от разрушения то, что мы считаем самым ценным в наших собраниях, – памятники наших... революций..."²¹

Собирание и хранение политических документов требовало особых условий, что подчеркивалось в выступлении зам. зав. Главархивом Адоратского на первом всероссийском архивном форуме: "Состав сотрудников, стоящих во главе этого архива и организующих в нем работу, должен безусловно быть проникнут сочувствием к основным целям пролетарского государства... Необходимо, чтобы во главе политических архивов стояли партийные люди..."²² Поэтому Центрархив (так ведомство стало называться с января 1922 г.) "начал упорядочение архивного дела с удаления всех, казавшихся ему неблагонадежными, и с привлечения к делу лиц, мало понимающих архивное дело"²³, но соответствовавших выдвинутым Адоратским требованиям²⁴. Вскоре Покровский "с глубоким

¹⁵ Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о создании Института К. Маркса и Ф. Энгельса 11 января 1921 г. гласило: "6) Разрешить тов. Рязанову принимать работников для Института по его усмотрению и не обязательно коммунистов" (В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 33). После ареста и ссылки Рязанова в феврале 1931 г. его позиция официально интерпретировалась следующим образом: "архивы имеют преобладающее научное, а отнюдь не политическое значение... архивы поэтому должны быть без ограничения открыты совершенно свободно для всеобщего пользования. Этим теоретическим установкам соответствовала практическая смычка с антисоветскими контрреволюционными элементами в свое время в Главархиве и затем в Институте Маркса и Энгельса" (*Истинюк Д.* Указ. соч. С. 16). Вместе с тем, одним из "обвинений" против Рязанова было и "сокрытие" им "от партии" ценнейших документов основоположников марксизма.

¹⁶ *Адоратский В.М.* Н. Покровский как революционер, партиец и ученый // АД. 1932. Вып. III/IV(32/33). С. 11.

¹⁷ См. о нем: Два лица Владимира Адоратского // *А. Литвин.* Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора: Очерки судеб. Казань, 1994.

¹⁸ Чествование в Центрархиве РСФСР... С. 72.

¹⁹ Докладная записка Покровского в Президиум ВЦИК (осень 1921 г.). Цит. по: *Максаков В.М.* Н. Покровский и вопросы архивного строительства // АД. 1928. Вып. III(16). С. 17.

²⁰ Решение коллегии Главархива 17 сентября 1920 г. цит. по: *Чернов А.В.* Государственный архив РСФСР (1920–1925) // Труды ИАИ. М., 1948. Т. IV. С. 54.

²¹ Цит. по: *S.* Историческая неделя в Берлине... С. 86.

²² Изложение доклада Адоратского на утреннем заседании второго дня 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей цит. по: АД. 1923. Вып. I. С. 113.

²³ Статья А.Ф. Изюмова "Архивное дело в России..." цит. по: *Чудакова М.* Указ. соч. С. 142.

²⁴ См.: *Пшеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // СА. 1988. № 6; *Пека О.В.* Политизация архивной системы в 20-е годы: Кадровый аспект // Зеркало истории: Двадцать лет кружку истории древности и средневековья: Сб. статей. М., 1992; *Он же.* Кадровая политика ор-

удовлетворением" констатировал, что "здоровым коммунистическим духом прет, товарищи, из наших... архивных учреждений, и это очень хорошо"²⁵.

Вместе с тем, новая постановка архивного дела заключалась в понимании его как являющегося "в одно и то же время и делом политическим, оставаясь делом техническим, и делом научным"²⁶. Хорошо знакомый с профессиональной русской исторической наукой²⁷, Покровский нисколько не думал "отрицать факта, что архивные документы в первую голову нужны и необходимы для исторической науки. Но самую историческую науку мы, марксисты, – продолжал он, – представляем себе иначе, нежели ее представляли в буржуазном обществе"²⁸. "Нельзя камня на камне оставить в старых буржуазных построениях"²⁹, поскольку "мы, как класс, делаем историю, пролетариат делает историю, и в то же время выделенные им идеологи, выделенные им историки пишут эту историю"³⁰, в которой "даже о каменном веке" необходимо "писать с точки зрения современности"³¹. В соответствии с этим "...уделять много актуального архивного внимания старым архивам не приходится... Нужно устремить все внимание на документы, которые представляют ударный интерес в смысле ценности для настоящего момента"³², т.е. "для нас... самое важное значение имеют именно новейшие архивы"³³.

Однако документальные собрания оценивались Покровским не только как "оружие... из истории" "для защиты нашего миросозерцания и пропаганды наших взглядов"³⁴, но и в качестве политического "орудия в работе"³⁵ действующих государственных учреждений. Он последовательно и настойчиво выступал за "единый государственный архивный аппарат, которым мы управляем"³⁶, и который находится "в заведывании политического центра Республики, каким является ВЦИК. Это не нарушило... общей системы советских учреждений, ибо архивы, по существу дела, нужны всем наркоматам"³⁷. Уже Рязанову, как считал Покровский, "удалось сломить сопротивление некоторых ведомств в сдаче архивов"³⁸. Борьба с "инстанциями, которые должны... нам доставлять архивный материал"³⁹, продолжались и при Покровском.

Так, в 1927 г. в секретном документе он обвинял ряд учреждений АН СССР (Пушкинский Дом, Постоянную историко-археографическую комиссию) в том,

ганов управления архивным делом и место архивов в политической системе советского общества // АЕ за 1992 год. М., 1994; Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: Борьба за "чистоту" архивных кадров (1920–1930) // ОА. 1993. № 5.

²⁵ Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском Государстве: Две речи на Съезде архивных деятелей РСФСР 14–19 марта 1925 г. // АД. 1925. Вып. III/IV. С. 9.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Ученик "школы Ключевского", оставленный знаменитым профессором при университете, Покровский был, по справедливой оценке однокашника, "человеком нашей выучки" (Милюков П.Н. Величие и падение Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // ВИ. 1993. № 4. С. 116).

²⁸ Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском Государстве... С. 6.

²⁹ Покровский М.Н. Политическое значение архивов: Речь, произнесенная на открытии архивных курсов при Центрархиве РСФСР, 21 ноября 1924 г. // АД. 1925. Вып. II. С. 4.

³⁰ Там же. С. 2.

³¹ Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском Государстве... С. 6.

³² Цит. по: Максаков В. Указ. соч. С. 16.

³³ Покровский М.Н. Политическое значение архивов... С. 5.

³⁴ Там же. С. 4.

³⁵ Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском Государстве... С. 6.

³⁶ Там же. С. 10.

³⁷ Докладная записка Покровского в Президиум ВЦИК (осень 1921 г.)... С. 17.

³⁸ Чествование в Центрархиве РСФСР... С. 73.

³⁹ Покровский М.Н. Культурное и политическое значение архивов: Речь, произнесенная при открытии 2-й Конференции архивных деятелей РСФСР, 11 января 1927 г. // АД. 1927. Вып. X. С. 11.

что в их деятельности имеет место "просто безалаберное и бесцеремонное распыление ценнейших архивных материалов, над объединением которых в одном центре государство хлопочет с 1918 года", т.е. в "практической децентрализации архивного дела в РСФСР"⁴⁰. По-видимому, следует согласиться с публикаторами этого документа в том, что он "стал прологом, а может быть и сценарием происшедшего с АН в 1929–30"⁴¹, – так называемой академической истории, когда "незаконное хранение документов большого политического значения" было использовано не только как повод, по которому актохранилища АН были фактически ограблены Центрархивом⁴², но и в качестве предлога для репрессий против академической гуманитарной интеллигенции⁴³.

Однако подобный "успех" достигался далеко не всегда и зависел от "могущества" ведомства, его положения в структуре власти. Благодаря публикации сотрудников АПРФ мы располагаем ценным источником – последней служебной запиской 1930 г. Наркоминдела Советской России Георгия Васильевича Чичерина, его своеобразным "политическим завещанием" новому наркому (гриф "Абсолютно конфиденциально. Совершенно лично. Безусловно секретно"). "Самое отвратительное воспоминание, – писал Чичерин, – осталось у меня от отношений с ужаснейшим из ведомств, Центроархивом. Это была самая неприятная сторона моей работы. Когда в 1918 г. т. Рязановым создавался Центроархив, у меня состоялось с ним письменное соглашение о том, что архив старого Мининдел с 1856 года остается у НКВД. Т. Рязанов понимал необходимость этого. Но явился т. Покровский со своей бандой и все забрал⁴⁴. Нашей международной политике был причинен величайший вред. Банда Покровского смотрит как на врага на всякого, кто хочет пользоваться документами архива, ставит себе целью всячески мешать их использованию (судя по всему, надо думать, что банда хочет оберегать материалы для статей своего шефа) и притом внесла в великолепие до тех пор сохраненные архивы полнейший хаос и расстройство". Далее Чичерин утверждал, что "все ведомства страдали от безобразий Центроархива", и сформулировал важнейший принцип "политико-управленческой" модели архивного устройства: "Главное: известные права ведомств⁴⁵... соответствующих старых архивов. Это абсолютно необходимо провести, политика не может вестись без базы старых документов"⁴⁶.

О неоднозначных итогах "антиведомственной" архивной практики Покровский в 1927 г. говорил: "С наиболее крупными нашими клиентами у нас устанавливаются ровные, спокойные и деловые отношения. Они понимают, что мы для них совершенно необходимы, потому что техникой хранения они не владеют, и это для них большая и сложная работа. Мы же убеждаемся, что

⁴⁰ Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. / Публ. М. Юрьевой и Д. Рейзлина // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 588, 589.

⁴¹ Там же. С. 582.

⁴² См. об этом: Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Ист. альманах. Вып. 1. С. 207–208.

⁴³ См. об этом, например: Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов и "Дело Платонова" // Советская историография. М., 1996.

⁴⁴ Вероятно, имеется в виду постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля 1924 г.: "Все находящиеся на территории РСФСР архивы всякого рода учреждений и организаций, действовавших до 7-го ноября 1917 г., как ликвидированных, так и не ликвидированных до настоящего времени или преобразованных, должны быть взяты на учет Центральным Архивом РСФСР и включены в состав Единого Государственного Архивного Фонда" (АД. 1925. Вып. II. С. 89).

⁴⁵ Как известно, ведомство Чичерина в виде "особого исключения" приобрело такое право 8 декабря 1926 г. по постановлению СНК РСФСР об установлении для НКВД 6-месячного срока пользования материалами Центрархива РСФСР. См.: АД. 1927. Вып. X. С. 65.

⁴⁶ Отставка наркома: "Диктатура языкофешущих над работающими". Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Старая Площадь: Вестн. Архива президента Российской Федерации. 1995. № 6 // Источник: Документы русской истории. 1995. № 6(19). С. 105–106.

некоторые требования с их стороны заслуживают несомненного внимания, что условия, в которые мы ставим представителей учреждений, нуждающихся в архивных материалах, иногда бывают стеснительными, и потому мы, не отступая от наших основных задач, в этих порядках делаем некоторые отступления, не рискуя сохранностью архивов. Недоразумения постепенно изживаются и изживутся. Может быть, я слишком большой оптимист, но позвольте мне быть лучше оптимистом, чем пессимистом..."⁴⁷.

В целом, таким образом точка зрения Покровского на архивы состояла в признании симбиоза "историко-культурного" и "политико-управленческого" аспектов их функционирования при безусловном приоритете последнего: архив "не есть что-то такое для утешения старых ученых, это есть живая, актуальная политическая вещь", он является "*громадным политическим оружием* (курсив мой. – М.Л.)"⁴⁸. Через тексты Покровского "марксистский тезис о политическом значении архива, как оружия в борьбе пролетариата против его классовых врагов"⁴⁹, проходит "красной нитью".

В современной историко-архивоведческой литературе концепция "архивного оружия" проанализирована, в частности, и как исследование роли архивных документов в борьбе за власть, происходившей в 20-е годы внутри партии большевиков. Характеризуя деятельность И.В. Сталина – лидера большинства, О.В. Пека приходит к выводу: "Государственные и партийные архивы рассматривались им как важное средство борьбы со своими политическими противниками и использовались в интересах достижения единоличной власти"⁵⁰. В начале 50-х годов тот же взгляд высказал Б.И. Николаевский, проницательный и осведомленный заграничный наблюдатель: "Шантаж... был одним из наиболее любимых Сталиным приемов внутрипартийной борьбы, а задачей архива секретного отдела было собирание материалов для массового применения шантажа во внутрипартийной борьбе, для постановки дела этого шантажа на своего рода научной основе"⁵¹. Однако нам представляется, что складывающаяся таким образом и уже достаточно хорошо аргументированная картина лишена все же некоторых деталей.

19 ноября 1924 г. Сталин выступил на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС с речью "Троцкизм или ленинизм?" Как справедливо замечает Р. Такер, "это было пока что наиболее важное выступление Сталина по вопросам истории партии"⁵². Свою речь оратор построил на богатом и разнообразном (протоколы, резолюции, письма, мемуары) архивном материале, значительная часть которого впервые становилась известной. Его эффективное использование Сталиным сыграло существенную роль в политическом поражении Л.Д. Троцкого, которое было оформлено совместным заседанием пленумов ЦК и ЦКК РКП(б) в январе 1925 г.⁵³

⁴⁷ Покровский М.Н. Культурное и политическое значение архивов... С. 11–12.

⁴⁸ Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском Государстве... С. 5.

⁴⁹ Истник Д. Указ. соч. С. 14.

⁵⁰ Пека О.В. Архивные документы во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // ОА. 1992. № 2. С. 35.

⁵¹ Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 151 (незаконченная работа "К биографии Маленкова и истории Компартии СССР"). Чуть выше цитированной фразы Николаевский пишет об одновременном существовании Бюро секретариата и секретного отдела секретариата ЦК партии, причем отдел в его интерпретации есть "особо тайный надверховный орган надзора за партийными и советскими учреждениями и деятелями". Эти сведения историка не верны. Созданный в 1920 г. Секретный отдел Секретариата ЦК в сентябре 1921 г. был преобразован в Бюро Секретариата, вместо которого в марте 1926 г. вновь был создан Секретный отдел Секретариата. Функции отдела и бюро заключались в ведении делопроизводства высших учреждений партии и секретной переписки аппарата ЦК. См.: Краткий путеводитель: Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом. М., 1993. С. 13.

⁵² Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879–1929: История и личность. М., 1991. С. 317.

⁵³ О выступлении тов. Троцкого // КПСС в резолюциях... 8-е изд. Т. 3.

В "некотором необходимом сообщении о делах" на вечернем заседании 17 января 1925 г. Сталин комментировал письмо Льва Давидовича (не присутствовавшего на мероприятии из-за болезни) Пленуму ЦК от 15 января. В нем в числе прочего автор утверждал: «Если мне вообще случалось после Октября возвращаться по частным поводам к формуле "перманентной революции", то только в порядке испарта, т.е. обращения к прошлому, а не в порядке выяснения нынешних политических задач»⁵⁴. По поводу этого заявления Сталин в свою очередь "обратился к прошлому" и занялся классификацией документов истории партии.

"Что значит, – спрашивал он, – заявление о том, что теория перманентной революции представляет собой нечто относящееся к Испарту? Как это понять? Испарт есть не только хранилище, но и истолкователь партийных документов. Там есть документы, которые в свое время имели силу и потеряли ее потом. Там есть документы, которые имели и продолжают иметь руководящее значение для партии. Там есть и такие документы, которые имели исключительно отрицательный характер, отрицательное значение и с которыми партия не может мириться. К разряду каких документов относит свою теорию перманентной революции тов. Троцкий? К разряду положительных или отрицательных? Об этом тов. Троцкий ничего не сказал в своем заявлении"⁵⁵.

Значение этого текста, на наш взгляд, чрезвычайно велико. Во-первых, сталинское высказывание представляет собой своеобразную формулировку "в чистом виде" той концепции "политического значения архивов", авторство которой традиционно приписывается М.Н. Покровскому, никогда и нигде, тем не менее, не сумевшему выразить ее с подобной силой и ясностью. Во-вторых, феномен "архивного дела в рабоче-крестьянском государстве" – в плане определения сущностно характерных для него роли и значения документа в социально-политической практике – получил в этом тексте исчерпывающее объяснение.

Термин "документ", часто фигурирующий в сталинских произведениях, понимается в них как "документ оправдательный (доказывающий правильность, истину чего) – свидетельство"⁵⁶ того или иного "факта". "Это ничем не подтверждено", – утверждает Сталин, – если "документов нет"⁵⁷ и отсутствуют "равновесные свидетельские показания"⁵⁸.

Представление о том, что было (как много времени назад, так и "вчера") –

⁵⁴ Цит. по: Вокруг статьи Л.Д. Троцкого "Уроки Октября". Октябрь 1924 – апрель 1925 г. // Изв. ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 184.

⁵⁵ *Сталин И.В.* О троцкизме. М., 1925. С. 114. Это первая публикация интересующего нас текста. Согласно дешифрату стенограммы сталинского выступления в первоначальном виде оно звучало так: "Испарт есть в некоторых отношениях хранилище партийных документов. Там есть документы, которые в свое время имели силу. Там есть документы, которые считались, как имеющие руководящее значение, и остались таковыми, документы положительного характера, которые превзойдены. Там есть документы, имеющие исключительно отрицательный характер, которыми партия не пользовалась и с которыми партия боролась. К разряду каких документов относит эти документы тов. Троцкий? К разряду тех документов, которые имели положительную силу и были превзойдены, которые и теперь имеют и будут иметь силу и ценность для партии, или к разряду тех, которые никакой ценности, кроме отрицательной, не имели?" (РЦХИДНИ. Ф. 558 (И.В. Сталин). Оп. 1. Д. 2674. Л. 5). После обильной сталинской правки появился вариант, опубликованный в 1925 г. Он был переиздан в 1947 г. со ссылкой на первую публикацию как источник, однако содержал ряд не имеющих смыслового характера, но никак не оговоренных разночтений. См.: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1947. Т. 7. С. 8. В связи с этим необходимо отметить, что археография текстов И.В. Сталина остается, к сожалению, почти не изученной в современной историко-научной литературе.

⁵⁶ *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний. М., 1994. Т. 1. С. 254.

⁵⁷ *Сталин И.В.* О "Дымовке": Речь на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 26 января 1925 г. // Сочинения. Т. 7. С. 20.

⁵⁸ *Сталин И.В.* Заговор против революции (октябрь 1917 г. – *МЛ*) // Там же. Т. 3. С. 338.

любая "история" – состоит для него в том, чтобы "восстановить некоторые факты"⁵⁹. Когда не осталось "свидетелей в лице живых людей"⁶⁰, единственный способ выяснить то, что "история говорит, факты говорят"⁶¹, заключается, по Сталину, в анализе "ряда документов, рисующих историю"⁶² в том, чтобы предоставить "слово документам"⁶³. "Я хотел бы, – говорит он, – сослаться на факты, на известные вам места из стенограммы... сослаться и привести свидетельство"⁶⁴. Такая возможность обеспечена тем, что "документы эти остались в целости"⁶⁵. "Вы могли бы найти целый ряд" их, – утверждает Сталин, – "в архиве нашей партии"⁶⁶.

В актуально-наличной действительности ("сегодня") прямая практическая потребность в свидетельствах "старых споров, уже разрешенных партией"⁶⁷, отпала: документы выполнили свои оперативные функции (говоря словами Сталина, они "превзойдены", "имели силу и потеряли ее"). Вероятно поэтому "хранилище" документов – "архив" – он отождествляет с понятием "небытие"⁶⁸. Подобное понимание соответствует смысловому топосу русского языка: "Сдать в архив (оконченные дела) – иноск. – предать забвению (сдан в архив – о человеке не у дел)"⁶⁹. Однако сталинское "небытие" означает лишь, что документы уже не действуют непосредственно в самом "огне живой практики"⁷⁰, они "не живут". С рефлексивной же точки зрения ("в интересах истины"⁷¹, "чтобы впредь неповадно было... обманывать..."⁷²), часто приходится, по Сталину, проделать "не очень приятную, но совершенно необходимую процедуру"⁷³: "извлечь на свет божий и положить на стол"⁷⁴ именно эти "не живые", т.е. архивные документы.

Бытующее в новейшей историографии мнение о том, что известный "демарш Сталина против архивов"⁷⁵ в письме в редакцию "Пролетарской революции" означал "постановку под сомнение значимости партийных документов как исторических источников"⁷⁶, в своей справедливости значительно уступает, на наш взгляд, полувековой давности трактовке отношения Сталина к архивам.

⁵⁹ Сталин И.В. Организационный отчет Центрального Комитета 24 мая (1924 г., XIII съезд. – М.Л.) // Там же. Т. 6. С. 224.

⁶⁰ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу "О социал-демократическом уклоне в нашей партии" 3 ноября 1926 г. // Там же. Т. 8. С. 321.

⁶¹ Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК 7 декабря (1927 г., XV съезд. – М.Л.) // Там же. Т. 10. С. 360.

⁶² Сталин И.В. Заговор против революции... С. 337.

⁶³ Там же. С. 345.

⁶⁴ Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР: Речь 1 августа (1927 г., объединенный пленум ЦК и ЦКК. – М.Л.) // Сочинения. Т. 10. С. 3.

⁶⁵ Сталин И.В. Политическая физиономия русской оппозиции: Из речи на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК 27 сентября 1927 г. // Там же. Т. 10. С. 162.

⁶⁶ Сталин И.В. Речь во французской комиссии VI расширенного пленума ИККИ 6 марта 1926 г. // Там же. Т. 8. С. 106.

⁶⁷ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 17 января 1925 г. // Там же. Т. 7. С. 9.

⁶⁸ Сталин И.В. "Окружили мя тельцы мнози тучны" (октябрь 1917 г. – М.Л.) // Там же. Т. 3. С. 386.

⁶⁹ Михельсон М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 236.

⁷⁰ Сталин И.В. Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете (начало апреля 1924 г. – М.Л.) // Сочинения. Т. 6. С. 81–82.

⁷¹ Сталин И.В. Еще раз к национальному вопросу: По поводу статьи Семича (июнь 1925 г. – М.Л.) // Там же. Т. 7. С. 216.

⁷² Сталин И.В. Партия и оппозиция: Речь на XVI Московской губернской партконференции, 23 ноября 1927 г. // Там же. Т. 10. С. 256.

⁷³ Сталин И.В. Еще раз к национальному вопросу... С. 217.

⁷⁴ Сталин И.В. Партия и оппозиция... С. 256.

⁷⁵ Герасименко Г.А. О взаимовлиянии тоталитаризма и исторической науки в СССР // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 658.

⁷⁶ Маньковская И.Л., Шаратов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука // ВИ КПСС. 1988. № 5. С. 60.

Сталин был далек от того, чтобы отрицать или принижать определяющую роль документов в политической борьбе. Можно полагать, что реконструкция совершившегося в его понимании не есть "арабские сказки"⁷⁷⁻⁷⁸, не имеющие "ничего общего с действительностью"⁷⁹. Существо дела в том, что Сталина занимают "действительные факты"⁸⁰, восстановить которые возможно лишь – и только – "по действительным документам" (курсив мой. – М.Л.)⁸¹.

"Слова и побрякушки гибнут, а факты и дела остаются"⁸² – в этом состоит для него всеобщая "логика вещей", которая "сильнее всякой иной логики"⁸³. В полном соответствии с ней Сталин полагал, что "историки... без кавычек" делают "основой" своей работы "проверку... по делам, по... истории, по... действиям", по "действительным делам и действительной истории"⁸⁴. Как известно, противоположный метод "судить... по... бумажным лозунгам и документам" жестоко бичуется им – однако отнюдь не как таковой, а исключительно потому, что "бумажное" не всегда соответствует "настоящему", "фактическому", "действительному". Если "решения и лозунги" принимаются "для того, чтобы положить их под сукно", «кончить дело какой-либо "каучуковой" резолюцией»⁸⁵, – то естественно, что "бумага", вместо того чтобы инициировать социальное действие и участвовать в нем, превращается "в пустую бумажку, оторванную от живой жизни"⁸⁶, и содержит минимум достоверной информации. Некоторые документы Сталин прямо квалифицировал как такие, "которым нельзя верить"⁸⁷ ("пустая бумажка, рассчитанная на обман"⁸⁸).

Таким образом, когда документы "не подкрепляются делом" (курсив мой. – М.Л.) – они "не стоят ни гроша"⁸⁹. Следовательно, "большую ценность"⁹⁰ представляют документы, говорящие "всю правду о действительной позиции"⁹¹, отражающие "действительную политику"⁹² и действительную практику – те, которые позволяют знать "наверняка"⁹³.

Иными словами, критерий "действительности" документа состоит для Сталина в том, адекватен ли текст источника тому "тексту жизни", о котором он свидетельствует; тождественны ли документальное "слово" и реальное "дело". Суть сталинского понимания документа состоит, на наш взгляд, в том, что документ для него имеет значение только некоего субстрата, признаваемого "отпечатком действительности"⁹⁴, – и лишь в силу этого служит *неопровержимым доказательством факта*.

⁷⁷⁻⁷⁸ Сталин И.В. Троцкизм или ленинизм?: Речь на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г. // Сочинения. Т. 6. С. 325.

⁷⁹ Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК 7 декабря... С. 362.

⁸⁰ Сталин И.В. Троцкизм или ленинизм?.. С. 325.

⁸¹ Там же. С. 339.

⁸² Сталин И.В. Контрреволюционеры Закавказья (март 1918 г. – М.Л.) // Сочинения. Т. 4. С. 65.

⁸³ Там же. С. 58.

⁸⁴ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" // Там же. Т. 13. С. 101, 97.

⁸⁵ Сталин И.В. Об основах ленинизма... С. 86, 80, 81.

⁸⁶ Сталин И.В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 г. // Сочинения. Т. 12. С. 328.

⁸⁷ Сталин И.В. Об основах ленинизма... С. 82.

⁸⁸ Сталин И.В. Партия и оппозиция... С. 258.

⁸⁹ Сталин И.В. Об основах ленинизма... С. 86.

⁹⁰ Сталин И.В. Заговор против революции... С. 338.

⁹¹ Сталин И.В. Партия и оппозиция... С. 257.

⁹² Там же. С. 259.

⁹³ Сталин И.В. Троцкизм или ленинизм?.. С. 339.

⁹⁴ Чудакова М.О., Жажин В.Н. Архивный документ в работе Тынянова и проблема сохранения и изучения архивов // Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 151.

В первое пореволюционное десятилетие такое понимание казалось всеобщим, что показано, в частности, в исследовании М.О. Чудаковой. Тогда документ занял "непропорционально высокое место на шкале насущных ценностей, приобретая нередко решающее значение в самой судьбе человека"⁹⁵. В условиях социальной нестабильности он являлся "точкой опоры" – ведь "документ есть удостоверение личности, а личность к этому документу прилагается, гражданин!" (рассказ В. Каверина "Воробьиная ночь", 1926 г.)⁹⁶. Удостоверить, документально доказать что-либо было совершенно необходимо "в предвидении какой-то страшной, необычайной ответственности перед грядущей, еще неизвестной, но, по мнению преддомкома, карающей властью" (рассказ М. Булгакова «В ночь на третье число: Из романа "Алый мах"» 1922 г.)⁹⁷. Более того, в самой власти, по свидетельству М.Н. Покровского (январь 1927 г.), политические споры также "решаются на основании тех или других документов"⁹⁸. Сталин показал себя в этих спорах непревзойденным мастером использования "документального оружия" поразительной силы. "Пружина и секрет"⁹⁹ высокой эффективности сталинских действий состояла, на наш взгляд, в понимании того, что сила документа как доказательства прямо пропорциональна степени его "действительности". "Ему нельзя дать в руки ни одной бумажки"¹⁰⁰, – утверждали о Сталине, потому что за документ, по его мнению, "придется потом отвечать"¹⁰¹.

Ответственность за документ может выражаться по-разному в зависимости от того, "к разряду каких документов" он относится. Определять это должен, по Сталину, "истолкователь". "Истолкователем решений VI конгресса (Коминтерна. – М.Л.), – утверждал он, – является Исполком Коминтерна и его Президиум"¹⁰². По-видимому, истолкователем партийных документов являлся для Сталина ЦК партии – о нем он отзывался как об "ареопаге", в котором "сосредоточена мудрость нашей партии"¹⁰³. Себя же самого, как члена этого ЦК, он характеризовал как одного "из руководителей великой партии рабочего класса", одного "из мастеров от революции"¹⁰⁴ – в общем, как далеко не "последнего" человека.

Он считал, что "документы положительного характера" необходимо защитить от того, что их "замалчивают" и "обходят"¹⁰⁵. Во время жесточайшей внутрипартийной дискуссии о демократии в январе 1924 г. Сталин предложил "восстановить в памяти членов партии седьмой пункт резолюции (X съезда. – М.Л.) об единстве, о запрещении группировок"¹⁰⁶, и заявил, что "этот пункт,

⁹⁵ Цит. по: Там же. С. 155.

⁹⁶ Цит. по: Там же. С. 149.

⁹⁷ Булгаков М. Записки на манжетах: Ранняя автобиограф. проза. М., 1988. С. 66.

⁹⁸ Покровский М.Н. Культурное и политическое значение архивов... С. 7.

⁹⁹ Сталин И.В. Заключительное слово 27 мая (1924 г., XIII партсъезд. – М.Л.) // Сочинения. Т. 6. С. 231.

¹⁰⁰ "Конспективная запись Каменевым беседы с Бухариным и Сокольниковым" (июль 1928 г. – М.Л.) цит. по: Фельдтинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с прил. М., 1993. С. 32.

¹⁰¹ Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б) 2 июля 1930 г. // Сочинения. Т. 13.

¹⁰² Сталин И.В. О правой опасности в Германской компартии: Речь на заседании Президиума ИККИ 19 декабря 1928 г. // Там же. Т. 11. С. 306.

¹⁰³ Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Там же. Т. 13. С. 107.

¹⁰⁴ Сталин И.В. Ответ на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе, 8 июня 1926 г. // Там же. Т. 8. С. 175.

¹⁰⁵ Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР... С. 25.

¹⁰⁶ Сталин И.В. Заключительное слово 27 мая... С. 225.

остававшийся до сих пор в секрете, должен стать явным"¹⁰⁷. По оценке Сталина, "бесновались все оппозиционеры, требуя невнесения этого пункта"¹⁰⁸. "Вы себя разоблачаете, товарищи, – обратился он к ним, – паникой, которая охватила вас. Очевидно, раз вы боитесь седьмого пункта резолюции об единстве, вы... против единства"¹⁰⁹ Этот документ из разряда тех, что имели "руководящее значение, и остались таковыми", послужил в дальнейшем одним из главных инструментов строительства "настоящей стальной партии" – "монолитной организации, высеченной из одного куска, имеющей одну волю и объединяющей в своей работе все оттенки мысли в одном потоке практических действий"¹¹⁰.

Документы, которые "имели исключительно отрицательный характер, отрицательное значение", также необходимо, по Сталину, "вытащить... на свет", но для того, чтобы "расколотить... автора", "расколотить идейно и морально в ходе принципиальной борьбы"¹¹¹. Хрестоматийный пример "расколачивания" был продемонстрирован им в конце 1926 г. Сталин напомнил "об одном инциденте, случившемся с тов. Каменевым, когда он был в ссылке в Сибири, после Февральской революции, когда тов. Каменев вместе с именитыми купцами в Сибири (в Ачинске) принял участие в посылке приветственной телеграммы конституционалисту Михаилу Романову (крики: "Позор!")"¹¹². Поскольку Каменев вслед за сталинским выступлением "взялся за опровержение факта, – опровергать же факт – это величайшая глупость"¹¹³, Сталин попросил позволения "факт восстановить"¹¹⁴ и представил, как он сообщал в письме В.М. Молотову 23 декабря 1926 г., документы "убивающие Каменева политически"¹¹⁵. Их действие оценивалось так: противник "выведен из строя и ему не бывать больше в составе ЦК"¹¹⁶.

Каменевская телеграмма – из разряда тех, "которыми партия не пользовалась и с которыми партия боролась" в 1917 г., – была истолкована Сталиным как документ, с которым "партия не может мириться" и в 1926 г. Такое свидетельство "перманентной войны с документами" исходит, по-видимому, из сталинской философии политической борьбы, согласно которой "не может существовать троцкизм без носителей (курсив мой. – М.Л.) троцкизма, т.е. без

¹⁰⁷ Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партийного строительства 17 января (1924 г., XIII конференция. – М.Л.) // Сочинения. Т. 6. С. 24.

¹⁰⁸ Сталин И.В. Заключительное слово 27 мая... С. 225.

¹⁰⁹ Сталин И.В. Заключительное слово 18 января (1924 г., XIII конференция. – М.Л.) // Сочинения. Т. 6. С. 40–41.

¹¹⁰ Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партийного строительства 17 января... С. 23.

¹¹¹ Сталин И.В. О чехословацкой компартии: Речь в чехословацкой комиссии ИККИ, 27 марта 1925 г. // Сочинения. Т. 7. С. 63, 66.

¹¹² Пути мировой революции: Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, 22 ноября – 16 декабря 1926 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1927. Т. II. С. 304.

¹¹³ Там же. С. 342.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936: Сб. документов. М., 1995. Док. № 30. Составители Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк в своем описании этих событий утверждают, что освещение инцидента партийным большинством было "тенденциозным", поскольку "ни один из многочисленных документов, собранных оппозиционерами (и свидетельствующих против сталинской версии. – М.Л.), даже не упоминался" при публикации материалов в "Большевике" (С. 54). Между тем все эти документы, приложенные к протоколу 27-го заседания 7-го расширенного пленума ИККИ Каменевым, были опубликованы в стенографическом отчете пленума, вышедшем в 1927 г. 6-тысячным тиражом. См.: Пути мировой революции... С. 359–367. По-видимому, высокопрофессиональный коллектив просто не ознакомился с этим изданием – в противном случае упрек в "тенденциозности" вполне может быть адресован и ему.

¹¹⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... № 30.

троцкистов"¹¹⁷. Однако после того, как "врагов партии... разбили", живут и действуют "остатки их идеологии", как "в головах отдельных членов партии"¹¹⁸, так и на бумажном носителе. На пленуме комфракции ВЦСПС Сталин призывал партию "*похоронить троцкизм, как идейное течение*"¹¹⁹. Но "революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов", она "отбрасывала их в небытие", "в архив"¹²⁰. Что же представляло собой это "кладбище документальных остатков" партии в 20-е годы?

Как известно, до революции партийные архивы в основном "носились в карманах секретарей и десятки раз уничтожались"¹²¹. Однако со времени Октября большевистская "партия есть ядро власти"¹²², "своего рода орден *меченосцев* внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность"¹²³. Отныне партийной документации в целом, а материалам высших учреждений в особенности, принадлежало и придавалось значение совершенно исключительное.

Сразу после революции в составе партийных органов были сформированы "партийные архивы как архивы текущего делопроизводства"¹²⁴. Когда же 3 апреля 1922 г. был избран Генеральный секретарь ЦК партии, ее оперативный документопоток оказался в центре пристального внимания. Заведующий Бюро Секретариата ЦК (1922–1924) А.М. Назаретян в письме Г.К. Орджоникидзе 14 июня 1922 г. рассказывал: "...эта работа чисто канцелярская, кропотливая, субъективно малоудовлетворительная, черная работа, поглощающая такую уйму времени, что нельзя чихнуть и дохнуть, особенно под твердой рукой Кобы... Цека приводим в порядок. Аппарат заработал хоть куда, хотя еще сделать нужно многое"¹²⁵. Уже в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) работа Секретариата ЦК признавалась "образцовой"¹²⁶. Летом того же года было впервые принято "Положение о единой системе делопроизводства, регистратуры, архивов в Секретариате ЦК РКП(б)"¹²⁷. Оно утвердило существование в структуре партийного аппарата двух архивов: общего и *секретного*.

Осевой доминантой всех процессов в партийной информационной среде, важнейшей основой партийного делопроизводства¹²⁸ всегда служил старый испы-

¹¹⁷ Сталин И.В. Ответ Олехновичу и Аристову: По поводу письма в редакцию журнала "Пролетарская революция" "О некоторых вопросах истории большевизма" // Сочинения. Т. 13. С. 127.

¹¹⁸ Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Там же. С. 348.

¹¹⁹ Сталин И.В. Троцкизм или ленинизм?.. С. 357.

¹²⁰ Сталин И.В. "Окружили мя тельцы мнози тучны"... С. 386.

¹²¹ Выступление М.Н. Покровского на IX конференции РКП(б), 23 сентября 1920 г. // В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 56.

¹²² Сталин И.В. К вопросам ленинизма (январь 1926 г. – *МЛ*) // Сочинения. Т. 6. С. 41.

¹²³ Сталин И.В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов: набросок плана брошюры (июль 1921 г. – *МЛ*) // Там же. Т. 5. С. 71.

¹²⁴ Максаков В.В. Организация архивов КПСС. М., 1968. С. 48.

¹²⁵ Большевистское руководство: Переписка, 1912–1927: Сб. документов / Сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996. Док. № 157.

¹²⁶ Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1968. С. 71. Эта высокая оценка является, по-видимому, весьма компетентной, так как принадлежит В.П. Ногину, который был известен как "выдающийся работник и организатор партии" (А.И. Рыков), «"аппаратчик" в лучшем смысле этого слова» (Д.И. Курский) См.: Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 10, 127.

¹²⁷ Якушев С.В. Из истории создания партийных архивов в СССР // ВИ КПСС. 1990. № 5. С. 53.

¹²⁸ Исследовательские работы по истории и организации делопроизводства партии большевиков появились лишь в последнее время и остаются, к сожалению, крайне немногочисленными. См.: Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х годов // АЕ за 1994 год. М., 1996; Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Оников Л. КПСС: Анатомия распада: Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.

танный "принцип, что секретные дела должны быть известны лишь тем, кому это абсолютно необходимо знать"¹²⁹. Конспиративность документации большевиков, обусловленная подпольными обстоятельствами возникновения и начальной истории партии, после взятия власти не только не исчезла, но все более усиливалась. 8 ноября 1919 г. "строго секретное" решение Политбюро гласило: "а) ...ввести такой порядок, чтобы с протоколами было знакомо минимальное количество товарищей...; б) предложить всем членам ЦК осторожно хранить получаемые ими протоколы; в) излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче; г) решений по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол..."¹³⁰ Постановление было принято в результате рассмотрения заявления "тов. Сталина о том, что некоторые сведения о заседаниях ЦК, хотя и в очень извращенном виде, доходят каким-то путем до наших врагов"¹³¹. В лице генсекретаря ЦК, которому "приходится бдительно Ильича и всю матушку Рассею"¹³², партия таким образом имела "безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цека РКП"¹³³.

В целях обеспечения максимальной конспиративности партийных документов действовала разработанная система грифов: "секретно" – "строго" или "совершенно секретно" – "особая папка". Существовало шифрованное партийное делопроизводство. В экстраординарных случаях (акция по устранению Троцкого) ЦК санкционировал "представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде"¹³⁴. Документы партии предоставлялись только в личное пользование, передача и ознакомление с ними других лиц категорически воспрещались. Содержать документы надлежало в опечатываемых на ночь несгораемых шкафах; выносить из помещений и иметь с собой при переездах, а также хранить документы на правах личных архивов также воспрещались категорически. Безусловно исключались копировка и выписки; абсолютно недопустимы были ссылки (устные или письменные) на партийные документы в советском делопроизводстве. Тщательно регламентировались возврат и уничтожение материалов. Контроль за исполнением правил возлагался, кроме партийных инстанций, на ОГПУ¹³⁵. Чем же объяснялись все эти и подобные им меры предосторожности?

"Наша партия, – считал генсекретарь ЦК, – должна быть прежде всего действующей, ибо мы стоим у власти"¹³⁶. Оперативным планом партийного действия являлся партийный документ, а по сталинскому определению "оперативный план – наше святое-святых"¹³⁷. "Следует помнить, – не уставал повторять он, – что в условиях, когда мы окружены врагами, внезапный удар с нашей стороны, неожиданный маневр, быстрота решают все. Что было бы с нами, если

¹²⁹ Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.V.1927 г. "О пользовании секретными материалами" // Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1995. № 73.

¹³⁰ Документальное исследование: Правящая партия оставалась подпольной / Публ. В. Лебедева // Источник. 1993. № 5/6. С. 88–89.

¹³¹ Там же. С. 88.

¹³² А.М. Назаретян – Г.К. Орджоникидзе, 12 июля 1922 г. // Большевицкое руководство: Переписка... № 159.

¹³³ А.М. Назаретян – Г.К. Орджоникидзе, позднее 9 августа 1922 г. // Там же. № 162.

¹³⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 78.

¹³⁵ Постановление Политбюро о конспирации от 16 мая 1929 г. // Сталинское Политбюро... № 73.

¹³⁶ Сталин И.В. Заключительное слово по организационному отчету ЦК 19 апреля (1923 г., XII съезд. – М.Л.) // Сочинения. Т. 5. С. 224.

¹³⁷ Неправленая стенограмма выступления И.В. Сталина на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г. цит. по: Предисловие к расстрелу: "Невольники в руках германского рейхсвера": Речь И.В. Сталина в Наркомате обороны / Публ. Ю. Мурина // Источник. 1994. № 3 (10). С. 75.

бы мы вместо того, чтобы в тесном кругу доверенных лиц партии обсуждали нашу политическую кампанию... вынесли бы на улицу всю эту работу, раскрыли бы свои карты? Враги учли бы все минусы и плюсы, сорвали бы нашу кампанию... Нас бы распушили в два счета"¹³⁸.

Таким образом, причина секретности партийного документа – его "действительный" характер. Благодаря такой "действительности" он обладает необычайно высоким информационным статусом. Возможно, что в этом состоит одно из оснований для долго господствовавшего в советской историографии убеждения в сакральности документа партии, не подлежащего источниковедческому исследованию.

Упорядочение делопроизводства и структурирование оперативных архивохранилищ обеспечивали жизнедеятельность возглавлявшейся Сталиным "иерархии секретарей". Сталин в письме Г.Е. Зиновьеву 7 августа 1923 г. утверждал, что "ни одно решение, ни одно указание не проходит без оставления в архиве ЦК соответствующих копий"¹³⁹. В следующем году это подтвердил и XIII партсъезд: "Наиболее интересные материалы, которые говорят о работе нашей партии... хранятся в несоразмерных шкафах и действительно будут сохранены. Все они расположены так, что в любой момент их легко отыскать и легко получить нужную справку, причем все документы разбиты по известным вопросам"¹⁴⁰.

Однако кроме оперативного, существовал и значительный массив партийных материалов ретроспективного характера. Организацией их фонда занималась Комиссия для собирания, разработки, обработки и издания материалов, относящихся к истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт)¹⁴¹, созданная 21 сентября 1920 г. при Наркомпросе¹⁴². Основание Истпарта совпало с организацией Архива Октябрьской революции, которым – как частью находившегося в ведении Главархива политического Государственного архива РСФСР – осуществлялось хранение истпартовских документов.

Деятельность Истпарта рассматривалась как важное идеологическое мероприятие. "Это не академический только вопрос... в отношении знания истории нашей партии... лекторам не по чему готовиться", – говорил в сентябре 1920 г. на IX конференции РКП(б) председатель комиссии М.С. Ольминский¹⁴³. Летом 1921 г. в идеологической сфере произошли изменения. 22 августа Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу "О работе агитотдела ЦК" постановило: "1) возложить на тов. Сталина наблюдение и общее руководство отделом агитпропаганды ЦК и связанными с ним отраслями партийной и советской работы; 2) предложить тов. Сталину уделять этой работе 1–2 часа ежедневно..."¹⁴⁴ В современной литературе существует мнение о том, что "создание Сталиным собственного аппарата в

¹³⁸ Сталин И.В. Заключительное слово по организационному отчету ЦК 19 апреля... С. 225.

¹³⁹ Ильич был тысячу раз прав": Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле–августе 1923 г. / Публ. подгот. Н. Ковалева, Ю. Мурина, А. Степанова, А. Чернев // Изв. ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 203.

¹⁴⁰ Доклад наркома юстиции Д.И. Курского от Центральной ревизионной комиссии ЦК РКП(б) // Тринадцатый съезд... С. 132.

¹⁴¹ См. библиографию литературы об Истпарте: Корнеев В.Е. Местные бюро Истпарта ЦК ВКП(б): Создание источниковой базы историко-партийной науки, 1920–1929: Уч. пособие. М., 1986. С. 3–4. См. также: Михайлова Н.М. О подготовке Истпартом издания протоколов съездов и конференций коммунистической партии // АЕ за 1990 год. М., 1992.

¹⁴² В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 31.

¹⁴³ Там же. № 55.

¹⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 112. Д. 200. Л. 5. Протокол (гриф "строго секретно") № 61 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от августа 1921 г. за подписью секретаря ЦК В.М. Молотова (автограф), пункт 28.

партийных пропагандистских учреждениях началось в 1924 г.¹⁴⁵. Однако уже осенью 1920 г. им была высказана мысль, что "управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами... которые руководят этими аппаратами"¹⁴⁶. В свете такого заявления и учитывая приведенное решение Оргбюро представляется, что предложенную Дж. Энтиным датировку есть все основания изменить на лето 1921 г., экстраполируя "наблюдение и общее руководство" Сталина на всю сферу общественного сознания в той мере, в какой она подвергалась воздействию партийной пропаганды.

По отношению к Истпарту это проявилось 2 декабря 1921 г., когда было принято решение Оргбюро ЦК о переходе Истпарта в ведение ЦК партии: "Считать... всех сотрудников Истпарта сотрудниками Секретариата ЦК"¹⁴⁷. Тем самым, в частности, было удовлетворено одно из настоятельных пожеланий руководителей комиссии: "Не нужно пускать чужих людей к этой работе, нужно, чтобы эта работа была всецело в наших руках"¹⁴⁸. Это означало также, что формирование исторической части документальной базы истории партии и революции оказывалось подведомственным непосредственно генсекретарю ЦК наравне с организацией оперативного партийного документопотока.

Одним из первых следствий стало изъятие из сферы ведения Истпарта ленинских документов. Преемственность власти основателя и вождя партии и государства во многом зависела от обладания его документальным наследием, и Сталиным были приняты все возможные меры для достижения этого. По постановлению Политбюро ЦК 29 ноября 1923 г. Институт В.И. Ленина признавался "единственным хранилищем всех рукописных материалов В.И. Ленина и относящихся к нему документов..." Центрархив и Истпарт обязывались передать все таковые материалы институту. "Временное исключение" делалось для "находящихся в распоряжении ЦК документов, носящих особо – секретный характер"¹⁴⁹.

Между тем логика борьбы за власть после Ленина привела к тому, что "оказалось необходимым партийное внимание передвинуть в значительной мере с настоящего и будущего на прошлое. В партийный обиход введены старые документы, цитаты старой полемики и прочее"¹⁵⁰. "Собрание исторических документов" имело в такой ситуации "отнюдь не архивный характер", а являлось "орудием политической борьбы"¹⁵¹. Партийное большинство стремилось максимально возможно сузить круг людей, непосредственно общавшихся с подлинными историко-партийными материалами.

Для этого весной 1924 г. централизаторским "антиведомственным" устремлениям государственной архивной службы был положен первый и весьма ощутимый предел. В процессе реорганизации архивов Секретариата ЦК был создан архив Истпарта¹⁵² – хранилище, надежно защищенное крепостными стенами

¹⁴⁵ Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // ВИ. 1995. № 5/6. С. 150.

¹⁴⁶ Сталин И.В. Речь при открытии I Всероссийского совещания ответственных работников РКИ, 15 октября 1920 г. // Сочинения. Т. 4. С. 366.

¹⁴⁷ В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 68.

¹⁴⁸ Выступление М.Н. Покровского на IX конференции РКП(б) 23 сентября 1920 г. // В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 56. 17 октября 1924 г. Секретариат ЦК постановил, что "научными сотрудниками Истпарта могут быть только члены партии" (Там же. № 98).

¹⁴⁹ В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 130.

¹⁵⁰ Троцкий Л.Д. Наши разногласия (ноябрь 1924 г. – М.Л.) // Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М., 1990. Т. 1. С. 112.

¹⁵¹ Цит. Предисловие (сентябрь 1931 г.) Л.Д. Троцкого к его кн. "Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов" (Берлин, 1932) по репринт. изд. М., 1990. С. 11.

¹⁵² В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 92.

Московского Кремля¹⁵³. Как реагировал на это Старо-Ваганьковский переулок, 8 (здесь располагалось управление Центрархива, а также АОР, оставшийся без истпартовских материалов)? Он поспешил оформить положение дел циркулярным распоряжением от 2 июня 1924 г. за подписью зам. зав. Центрархивом В.В. Максакова¹⁵⁴: "Архивные фонды организаций РКП и отделов ГПУ, до издания о том особого распоряжения, приеме в состав фонда Архива Октябрьской революции не подлежат"¹⁵⁵. В январе 1927 г. Максаков разъяснил, что "партийные материалы имеют сугубо политическое значение, гораздо большее политическое значение, чем всякий другой архив", и поэтому "ответственность за столь важные в политическом отношении материалы мы брать не можем на себя"¹⁵⁶.

Ответственность за партийные документы взяла на себя партия. Специальная комиссия ЦК¹⁵⁷ выработала текст, который после правки его генсекретарем¹⁵⁸ стал широко известен как постановление ЦК РКП(б) от 5 ноября 1924 г. о сдаче в архив ЦК "всех материалов, имеющих какое-либо отношение к архиву ЦК и к истории РКП"¹⁵⁹. На наш взгляд, этот документ представляет собой не что иное, как "сталинский декрет" по архивному делу, утвердивший существование в советском государстве совершенно автономного архивного фонда коммунистической партии. 9 февраля 1925 г. последовала декларация партийного "архивного права": "Подлинные документы, исходящие от ЦК и отдельных членов ЦК или адресованные им, являются *собственностью партии* (курсив мой. – М.Л.) и должны концентрироваться в архиве ЦК, за исключением ленинских документов, которые должны быть передаваемы в институт Ленина"¹⁶⁰.

Институт Ленина и сверхсекретный Архив Политбюро ЦК¹⁶¹ были частями сложившейся к лету 1925 г. стройной системы хранения партийных документов, включавшей также два архива при Секретариате ЦК: исторический (Общий Истпарта – несекретные документы) и оперативный (секретный – Бюро Секретариата – конспиративные документы)¹⁶².

Данные новейшей историко-архивоведческих исследований позволяют прийти к выводу о том, что характерные процессы строительства архивов партии по сталинским принципам полностью калькировались ведомством Покровского. В 1924 г. впервые законодательно регламентируется доступ к архивным мате-

¹⁵³ Корнеев В.Е. Архивы РКП(б) в 1917–1925 гг.: Уч. пособие. М., 1979 С. 16.

¹⁵⁴ Именно Максаков, по оценке Покровского, "явился виновником всей той реорганизации архивного дела, которая... была произведена" начиная с осени 1920 г., "именно на него пала вся тяжесть административной работы" (Чествование в Центрархиве РСФСР... С. 74). Сам же Максаков в ноябре 1928 г. говорил: "Я думаю, что я выражаю общее мнение всех архивных работников нашей Республики, когда скажу, что мы все, работающие под вашим руководством, Михаил Николаевич, хотим быть и будем достойными вашими учениками" (Там же. С. 73).

¹⁵⁵ А.Д. 1925. Вып. II. С. 109.

¹⁵⁶ Цит. по: Якушев С.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 54–55.

¹⁵⁸ РЦХИДНИ. Ф. 70 (Истпарт). Оп. 2. Д. 446. Л. 9–9 об.

¹⁵⁹ В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 101.

¹⁶⁰ Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) об изъятии подлинных документов, имеющих отношение к архиву ЦК 9 февраля 1925 г. // В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 106.

¹⁶¹ Как известно, документы этого архива составляют в настоящее время так называемую историческую часть АПРФ. Фонд 45 представляет собой, по-видимому, личный архив И.В. Сталина. Однако объем достоверной информации о президентском архиве, его истории, составе и содержании продолжает оставаться крайне скудным. См.: Из истории архива: "Находившиеся на хранении в Кремле" // Старая Площадь: Вестн... 1995. № 1 // Источник. 1995. № 1(14). С. 115–116; Козлов В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. М., 1996.

¹⁶² Постановление Секретариата ЦК РКП(б) об архивах ЦК 12 июня 1925 г. // В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы... № 111.

риалам¹⁶³: право свободного пользования информацией методично ограничивается¹⁶⁴, возрастающие преимущества получают "отдельные лица по определению соответствующих парткомов РКП(б)"¹⁶⁵. В 1925 г. (одновременно с партийной) была структурирована "совокупность всех архивных материалов официального и частного происхождения, принадлежащих государству" (курсив мой. – М.Л.): ЕГАФ разделялся на материалы дореволюционного (Исторические архивы) и пореволюционные периода (Архивы Октябрьской революции)¹⁶⁶. В 1926 г. было определено, что следует понимать под секретными материалами¹⁶⁷.

На наш взгляд, и выступления руководителя архивного ведомства также идеологически оформляли и комментировали то политическое использование архивов, которое практиковалось партийным руководством. Известен призыв М.Н. Покровского не забывать "ни на одну минуту, что на первый взгляд самый незначительный документ может в умелых руках оказаться тем камнем, каким был камень Давида, пущенный в лоб Голиафа, и не один Голиаф свалится от такого камня..."¹⁶⁸. Он прозвучал через день после пленума комфракции ВЦСПС в ноябре 1924 г., на котором Сталин "свалил" Троцкого при эффективной помощи как раз такого документа – письма последнего к Н.С. Чхеидзе, написанного в далеком 1913 г.¹⁶⁹

Выступление же Покровского на съезде архивных деятелей РСФСР в марте 1925 г. было настоящим "апофеозом служения". Начав с признания того, что "у нас Советская власть архивам начинает уже отводить место, которого они заслуживают... Имеется на лицо... здравая и правильная оценка архива и архивного дела в Советской России", он выразил надежду, что "архивы оправдают то внимание, которое им оказано". Для этого, полагал Покровский: "архив должен непосредственно выполнять известную политическую работу; ...мы, архивисты, должны откликаться на все политические злобы дня и участвовать во всех тех политических кампаниях, которые предпринимают Советская власть и партия для разрешения насущных вопросов момента"¹⁷⁰. Признать же (как он сделал это по другому поводу) главное – что "лучше всего" вопрос о политическом значении архивов "в нашей литературе сформулирован тов. Сталиным"¹⁷¹, – Покровский, по-видимому, просто не успел¹⁷².

¹⁶³ См.: Пека О.В. Архивное законодательство 20-х годов о передаче документов на государственное хранение и о доступе в архивы // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении, 1917–1987: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1989.

¹⁶⁴ См.: Савин В.А., Виноградова Л.Ю. Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // ОА. 1994. № 1.

¹⁶⁵ Циркуляр управления Центрархива "Об архивах Частей особого назначения" от 17 сентября 1924 г. // АД. 1925. Вып. II. С. 114.

¹⁶⁶ Положение об организации Единого Государственного Архивного Фонда РСФСР 3 февраля 1925 г. // АД. 1925. Вып. III/IV. С. 114.

¹⁶⁷ См.: Елпатьевский А.В. Засекречивание архивных документов – часть истории архивного дела // Вестн. архивиста: Информ. бюл. 1994. № 4(22).

¹⁶⁸ Покровский М.Н. Политическое значение архивов... С. 7. Библейский сюжет, используемый Покровским, см: Цар. 17, 49.

¹⁶⁹ См. об этом: Такер Р. Указ. соч. С. 319–320.

¹⁷⁰ Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском Государстве... С. 4, 7, 6, 7.

¹⁷¹ Покровский М.Н. 1905 год (статья) (1931 г. – М.Л.) // Избр. произв. Кн. 4. Лекции, статьи, речи. М., 1967. С. 218.

¹⁷² Покровский не мог не учитывать, что как минимум в четырех копиях в архиве ЦК хранится подписанное им в числе других "бывших левых коммунистов" 20 декабря 1923 г. заявление, составленное "в интересах восстановления исторической истины и в целях противодействия извращению истории нашей партии" в вопросе "о переговорах левых коммунистов с левыми эсерами в 1918 году относительно свержения и ареста тов. ЛЕНИНА и избрания нового Совета Народных Комиссаров", причем в числе других дезавуировалось и одно из выступлений Сталина.

Подведем итоги. Социально-политическая напряженность советской действительности 20-х годов во многом обусловила появление архивной концепции М.Н. Покровского. Роль документов, как могучего "архивного оружия", в свою очередь определялась тем, что "документы... являются составной частью политики..."¹⁷³ (И.В. Сталин). Торжество "политико-управленческой" модели в советском архивном строительстве привело к грандиозным деформациям общественного сознания и социальной реальности в целом.

По словам выдающегося культуролога М.М. Бахтина, "всякий памятник есть реально неотделимая (курсив мой. – М.Л.) часть или науки, или литературы, или политической жизни"¹⁷⁴. Однако всегда предпринимались и, вероятно, будут предприниматься попытки отделить неотделимое под разнообразными предлогами: от необходимости охраны государственных тайн до классово-партийной целесообразности. Утешение видится нам в том, что "нет ничего тайного, что не сделалось бы явным".

См.: Большеви́стское руководство: Переписка... № 177. Существовали и другие документы, за которые можно было понести ответственность. Подробнее о взаимоотношениях Покровского с властью см.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994.

¹⁷³ Сталин И.В. Партия и оппозиция... С. 256.

¹⁷⁴ Цит. по: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социолог. метода в науке о языке. Л., 1929. С. 87.

"ВЕСКИЙ УЧЕБНИК" И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В 1937 и 1938 гг. двумя тиражами вышло первое издание "Краткого курса истории СССР" – учебника для начальной школы. Он был написан коллективом авторов, во главе которого стоял Андрей Васильевич Шестаков, ученик М.Н. Покровского, профессор Московского государственного педагогического института им. А.С. Бубнова. Этот "веский учебник", как однажды назвал его Шестаков, сыграл важную роль указующей книги в 30-х годах, воплотив в себе новую концепцию отечественной истории, а также иные по сравнению с принятыми ранее оценки исторических событий и характеристики отдельных политических деятелей. Новые оценки были даны не только фактам отечественной, но и зарубежной истории, так как учебник (таково было указание "сверху") включал в себя эпизоды из всемирной истории.

Как главнейшее средство формирования общественного сознания учебник должен был внедрить в юные умы такую систему ценностей и представлений об отечественном прошлом, которая соответствовала бы сложившимся в СССР общественным порядкам. В глазах политического руководства страны создание книги имело громадное значение. Поэтому в связи с работой над учебником возникло такое число партийно-правительственных директив, рецензий и заметок разных лиц, откликов читателей, как никогда более в истории русских учебников со времен "Синописа" Иннокентия Гизеля. Никогда к делу написания учебника не было привлечено такое количество высококвалифицированных специалистов и чиновников высочайшего ранга, вплоть до первого лица в государстве и партии – генсека ЦК ВКП(б) И.В. Сталина.

Работа над учебником А.В. Шестакова имела значительную предысторию. После известного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О преподавании гражданской истории в школах СССР", опубликованного 16 мая 1934 г., в течение лета того же года был написан проспект учебника по отечественной истории группой авторов во главе с Н.Н. Ванагом. Он не удовлетворил партийно-государственное руководство. Сталин, Жданов и Киров откликнулись на него замечаниями, одобренными Политбюро ВКП(б) и ставшими директивными указаниями для участников конкурса на лучший учебник. Конкурс должен был завершиться летом 1935 г. Однако и на этот раз руководители страны не получили ожидаемого результата.

В начале 1936 г. была образована комиссия ЦК ВКП(б) и СНК СССР по историческим учебникам, председателем которой стал А.А. Жданов. Комиссия отрицательно оценила итоги предшествовавшего конкурса, о чем были опубликованы статьи в "Правде" и "Известиях". Эти статьи составили еще одну группу директивных материалов. Перед историками вновь была поставлена задача написать новый учебник. Было решено создать в первую очередь учебник для школьников 3–4-х классов, который содержал бы в себе элементарный курс истории СССР. В июне–июле 1936 г. жюри конкурса получило более четырех десятков рукописей. Отбор лучших работ затянулся до 1937 г., в их число попал и учебник Шестакова, после чего начался процесс доработки этого

учебника. Наконец, летом 1937 г. был утвержден окончательный текст, и учебник был запущен в производство.

В связи с созданием учебника Шестакова отложился значительный комплекс архивных материалов, выявленных в АРАН, РЦХИДНИ, ГАРФ, НА ИРИ РАН. Не исключены находки и в иных архивохранилищах, так как в работу над учебником как организованно, так и стихийно был втянут круг лиц, число которых с трудом поддается учету. Однако гипотетические находки вряд ли кардинально изменят ту общую картину, которая может быть реконструирована на основе уже обнаруженного.

Эти архивные материалы разделены нами на следующие группы. Во-первых, протоколы совещаний авторов и консультантов в период работы над учебником, постановления, принятые авторским коллективом, доклады Шестакова об итогах работы. Во-вторых, рецензии школьных учителей и работников академических учреждений на подготовленный учебник. В-третьих, отзывы представителей партгосаппарата и заметки на полях учебника, правка текста. В-четвертых, отзывы об учебнике читателей. Каждая группа – новый пласт источников, более поздний по сравнению с предыдущим. Использование такой группировки при обозрении архивных материалов позволяет соблюсти хронологический принцип.

Материалы, отражающие работу авторов по составлению учебника, сохранились в фонде А.В. Шестакова¹. Всего имеется 8 протоколов заседаний авторского коллектива от 28 марта, 1, 22 апреля, 22 мая, 1 июня, 4 июля 1936 г. и от 19 апреля, 21 июня 1937 г. Пронумерованы только три из них: № 1 от 28 марта, № 2 от 1 апреля, № 3 от 22 апреля 1936 г. Принимая во внимание неполноту нумерации, а также различные почерки, которыми написаны протоколы, можно сказать, что их вели разные люди, не присутствовавшие на всех заседаниях². Судя по словам Шестакова из его выступления на заседании 22 мая, "работа была начата 20 марта, причем был намечен календарный план, намечено время и система работы. Намечалось вначале мобилизовать несколько групп, которые могли бы взять на себя отдельные части работы по разделам, по подготовке текста" (Д. 107. Л. 60)³. Понятно, что в наиболее точном смысле слова первым номером должен был быть обозначен несохранившийся (а может быть и несуществовавший) протокол от 20 марта. Резкие различия в длительности перерывов между заседаниями также наводят на мысль о том, что часть протоколов не сохранилась.

Источники отразили ход работы по составлению учебника, прежде всего – столкновения точек зрения на его содержание и методику подачи материала. Последнее особенно заботило авторов, так как они слабо представляли себе работу учителя с учениками 3–4-х классов, для которых писалась книга. В постановлении заседания от 28 марта было записано, в частности, следующее: "Собраться для обмена опытом с учителями начальной школы и обсудить уровень развития и круг знаний учащихся 3 и 4 классов" (Д. 105. Л. 4 об.). К заседанию 1 апреля, по словам Шестакова, "схема уроков окончательно уточнена" (Л. 7). К этому протоколу была приложена тетрадь с распределением тем уроков по авторам (Л. 26–39). В повестке дня на 22 апреля первым вопросом было записано: "Заключения педагогов начальной школы по первым урокам учебника" (Д. 107).

¹ АРАН. Ф. 638 (А.В. Шестаков). Оп. 2. Д. 105. Л. 1–20; Д. 107. Л. 58–103 об. Далее сноски на дела этого фонда даны в тексте статьи.

² Протоколы № 1–3 были написаны Симичевой. Протоколы от 4 июля 1936 и от 21 июня 1937 г. – неизвестным лицом. Как будто близок (если не тождествен) к почерку этого лица почерк, которым была проведена правка машинописного протокола от 19 апреля 1937 г. Протоколы от 22 мая и 1 июня 1936 г. представлены машинописью.

³ В более поздней работе А.В. Шестаков назвал иную дату – 19 марта. См.: Там же. Оп. 1. Д. 45. Л. 13.

Педагоги признавали, что "материал слишком уплотнен – в один урок дано очень много. Слишком много новых названий, событий, понятий дается сразу" (Л. 12 об.). Профессор Н.Г. Тарасов, руководивший изучением иностранных учебников сообщил, что он вместе со своими сотрудниками просмотрел их, обращая внимание на такие стороны, как: "1) Количество страниц в уроке. 2) Сколько в отдельном уроке знаков. 3) Сколько в уроке рисунков. 4) Сколько знаков в подписи к рисунку. 5) Сколько дано карт. 6) Сколько знаков в подписи к карте. 7) Сколько знаков в рассказе. 8) Сколько знаков в вопросах к рассказу. 9) Сколько знаков в примечаниях. 10) Сколько знаков в заглавиях отделов и отдельных уроков" (Л. 14 об.).

Заседание 22 мая 1936 г. носило особый характер. На нем председательствовал директор института Ю.Н. Никич, а Шестаков выступил с отчетом о деятельности авторского коллектива:

"Работа была начата 20 марта... Намечалось вначале мобилизовать несколько групп... Группа по составлению текста оказалась все-таки не такой, на какую мы вначале рассчитывали... Пришлось пригласить отдельных товарищей, которые не были раньше намечены, и вместе с тем отчасти менялся план распределения работы по группам. Всего было намечено подготовить около 120 уроков. Большие трудности представляла разработка плана самой работы, т.е. по существу программа учебника. Никакой программы авторы текста не получили сначала, она не была никому известна, в том числе и мне как руководителю работы. Пришлось самим разрабатывать эту часть. Вопрос относительно включения материалов по истории народов оказался чрезвычайно трудно разрешимым при составлении такого учебника. Насколько-нибудь вразумительные указания, серьезная критика нам не были даны. Я, например, могу сказать о своих уроках, что большинство из них мною переделывались раз по 5, а некоторые – по 10 согласно указаниям товарищей методистов, педагогов и нашей научной редакции. Мы обратились к профессору Бархину с просьбой взять на себя работу по общей литературной редакции уроков. Был приглашен сотрудник В.И. Орлов, который по особому договору с нами обследовал литературные музеи и все материалы иллюстративного порядка, могущие иметь отношение к нашим темам. Он нам представил около 1000 записей, в которых имеются указания на тот или иной иллюстративный материал, которым мы можем воспользоваться для иллюстрации (Л. 60–63 об.)".

Заседания 1 июня и 4 июля 1936 г. были посвящены обсуждению текста учебника. Участники заседаний доходили до мелочей, предлагали замену той или иной фразы, новые иллюстрации.

16 июля в рапорте директору МГПИ Шестаков докладывал о том, что "работа была закончена и представлена жюри конкурса в срок" (Д. 105. Л. 25).

Весной 1937 г. авторский коллектив получил указания правительственной комиссии относительно переделки ряда фрагментов в тексте учебника. 19 апреля А.В. Шестаков доложил об указаниях, полученных им в тот же день от А.А. Жданова и от члена комиссии Я.А. Яковлева. Основными из этих указаний были следующие:

«1) Переделка должна быть закончена к 19.05. сего года. 2) Сохраняется одна книга без внутреннего разделения на 3 и 4 класс... 3) Весь материал учебника должен быть переработан с основной установкой – учебник должен заучиваться ребенком, поэтому все лишние "красоты" в виде выдержек из стихотворений необходимо сократить или переделать так, чтобы они вошли в учебник как материал для заучивания.

Необходимо включить в учебник: 1) о 150 миллионах десятин (га) земли, перешедших к крестьянам от помещиков, об этом же сказать и в уроках по революции 1905 г.; 2) о ликвидации экономической, политической и культурной отсталости России в результате побед Великой пролетарской революции, об освобождении нашей родины от полуколониальной зависимости от буржуазной Европы – вообще подчеркнуть различие в положении России до революции 1917 г. и после нее; 3) всюду усилить элементы советского патриотизма, любви к социалистической родине...; 4) ввести обязательно рост электроэнергии, угля и нефти; 5) показать лучшие заводы и фабрики, электростанции, каналы...; 6) подчеркнуть, что во время интервенции 1918–20 гг. помещики всюду восстанавливали свою власть; 7) указать, что в интервенции были заинтересованы и помещики и капиталисты; 8) враги народа троцкисты должны быть показаны не только, как враги ВКП(б), а как действительно враги народа; 8)⁴ тщательно перередактировать те места, где говорится о роли

⁴ Сбой в нумерации.

партии...; 9) по истории СССР более ранних периодов лучше проработать вопрос о крестьянских войнах, устранить преувеличение об их организованности и т.д.; 10) вставить вопрос о Византии; 11) лучше объяснить культурную роль христианства; 12) дать о прогрессивном значении централизованной государственной власти; 13) уточнить вопрос о 1612 г. и интервентах, к стати о названиях Лжедмитрия; 14) ввести Святослава "иду на вы"⁵; 15) подробнее дать о немецких рыцарях, используя для этого хронологию Маркса о Ледовом побоище, Александре Невском и т.д.; 16) средневековые Западной Европы не включать; 17) усилить историю отдельных народов; 18) убрать схематизм отдельных уроков; 19) исправить о Хмельником; 20) то же о Грузии; 21) реакционность стрелцкого мятежа; 22) роль якобинцев – исправить» (Л. 17–18).

21 июня 1937 г. после просмотра в комиссии ЦК партии и рецензирования учебника специалистами снова состоялось заседание, от которого сохранился последний из указанных выше (с. 182) протоколов:

"Шестаков говорит, что учебник поправляется вновь. О других учебниках больше нет и разговору – они отпадают. По нашему учебнику есть много отзывов и пожеланий о поправках. На поправление учебника дано 5 дней, потом 5 дней на изготовление нового макета. По изготовлении макета учебника для окончательного просмотра его составлена специальная комиссия. В состав ее входит т. Шестаков. В изложении учебника найден ряд недостаточных объяснений, есть уклоны, много схематизма, нет живой души. Предложили сократить количество иллюстраций... Исправить хронологию. Личность Ивана Калиты не должна быть вполне отрицательной. В изложении о торговле видно влияние Покровского. О типографии при Иване Грозном сказано плохо, также о мануфактуре при Алексее Михайловиче. О народниках сказать крепче, о феодальной раздробленности яснее и побольше, спутаны понятия оброк и барщина. Время Ивана Калиты больше осветить политически, шире сказать о 17 веке. Для исправлений надо использовать рецензии Бахрушина, Быховской, Бубнова, Базилевича, Грекова... и др." (Л. 16).

22 августа 1937 г. в печати были объявлены результаты конкурса на лучший учебник по истории. Правительственная комиссия рекомендовала "Краткий курс истории СССР" под редакцией А.В. Шестакова в качестве учебника для школы. Поэтому 1937 г. стал последним годом в основной работе над учебником, не считая доработок при подготовке к выходу последующих изданий книги.

Позже, вспоминая об истории создания учебника, Шестаков выступил с докладом в Институте красной профессуры⁶, а также опубликовал для широкого круга читателей статью "Как создавался учебник истории"⁷. Эти работы по содержанию примыкают к отчетным докладам Шестакова и вместе с тем являются мемуарами историка. Характеризуя авторский коллектив, Шестаков говорил в докладе: "Наша бригада – 12 товарищей молодцов – молодежь большей частью. Отчасти там были и старики, например, Ю.В. Готье. Ему 75 лет. Он, как юноша, работал день и ночь, когда нужно было проработать несколько уроков по Ивану Собирателю"⁸. Кроме Готье, по словам Шестакова, над учебником работало значительное количество рецензентов из "старых специалистов": "Эти старые ученые они нам помогли очень здорово. И, по существу, все то, что проводилось нами, оно все проверялось большим крупным коллективом всех историков нашей страны"⁹. Наконец, и это главное, в составлении учебника принимали участие директивные органы, что Шестаков особо подчеркивал: "Вся эта работа проводилась по указанию Всесоюзной

⁵ Выступая на открытии школы пропагандистов при Ленинградском обкоме и горкоме ВКП(б) 5 апреля 1936 г., Жданов говорил: «Часто одна фраза играет огромную роль в освещении и понимании исторического события. Такого рода выражения как "пришел, увидел, победил" или "иду на вы" запоминаются ребенку на всю жизнь... Вот какая конкретность нужна в обучении, чтобы у учащихся знание крепко засело в голове» (РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 571. Л. 22, 23). Так что авторство этого пункта рекомендаций не вызывает сомнения. Понятны и мотивы включения его в список.

⁶ Сохранилось два варианта этого доклада. Первый см.: АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–48 – менее полный; второй – стенографическая запись выступления Шестакова в ИКП, более полная по содержанию. См.: ГАРФ. Ф. Р.-5143. Оп. 1. Д. 612. Л. 1–51.

⁷ Шестаков А.В. Как создавался учебник истории СССР // Новый мир. 1937. № 9. С. 201–206.

⁸ ГАРФ. Ф. Р.-5143. Оп. 1. Д. 612. Л. 44.

⁹ Там же. Л. 32.

правительственной комиссии, и все указания этой комиссии, они сейчас же передавались нашему коллективу, перерабатывались, устранялись ошибки, неправильные установки, и так, что мы по существу были своего рода аккумуляторами самых разнообразных предложений и порядка директивного, научного порядка, установочного, и порядка даже фактического, исправлений поправок, которые у нас тоже были..."¹⁰

Протоколы заседаний авторского коллектива, особенно тексты отчетов и докладов Шестакова дают ряд довольно точных сведений о ходе работы авторов. Они помогают определить роль каждого из них, обсуждаемые ими вопросы, понять основные трудности в их деятельности, наметить главные вехи в создании учебника, выяснить содержание директив, поступавшим авторам в устной форме.

Следующая группа источников – рецензии на рукопись учебника. Авторы их известны порой только по фамилиям и по профессии. К сожалению, не всегда фамилию того или иного автора сопровождали инициалы (например, в рецензии, написанной школьным учителем). Более половины рецензий не содержат даты их написания. Судя по тем, которые были датированы авторами, можно предполагать следующее. Одна часть рецензий была написана осенью 1936 г., когда текст учебника был готов, и его переделали для ознакомления учителям школ: рецензия Ниссельсона помечена датой 24 сентября 1936 г., рецензия Новобранцева – 3 октября 1936 г. В это же время – 3 октября 1936 г. – написал свою рецензию В.А. Быстрянский – директор Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б), мнение которого играло очень большую роль в ходе конкурса. Затем после доработки, т.е. уже в 1937 г., учебник поступил на отзыв специалистам из Института истории АН СССР.

Таким образом, по времени создания и по профессиональной принадлежности авторов рассматриваемая группа источников делится на две части. В первую входят рецензии, написанные учителями: Абрамсоном, Д. Бахтадзе, Г. Микаэляном, С. Моргуляном, Ниссельсоном, Новобранцевым¹¹. Известно, что Моргулян и Новобранцев в ходе конкурса на лучший учебник истории не один раз выступали рецензентами разных учебников. Оба они работали в школах Киева¹². Абрамсон – учитель школы № 27 Свердловского района Москвы.

Рецензии, написанные учителями, содержали главным образом замечания методического характера. Авторы уделяли первостепенное внимание доступности, последовательности в изложении материала, стилю и языку. Некоторые из них (Моргулян, Ниссельсон) дали резко отрицательные отзывы. "Учебник поверхностен, схематичен, неконкретен, составлен неряшливо"¹³, – писал Моргулян. Он обращал внимание на ряд исторических оценок и формулировок, с которыми не мог согласиться: «Неясны причины опричнины, совершенно не освещено ее значение. § 60 озаглавлен "Хмельницкий продает Украину московскому царю". Авторы не сочли нужным осветить задачи первого пятилетнего плана. Неправилен сам принцип построения "Хронологии жизни важнейших деятелей истории СССР". В этой таблице поставлены рядом Александр III и Николай II с именами Свердлова, Шаумяна, Дзержинского, Демьяна Бедного, Дмитрова, Горького, Молотова, Кагановича, Бубнова и других виднейших борцов за дело пролетариата»¹⁴.

¹⁰ Там же.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 152–155, 88–89, 151, 146–150, 162, 163–165 (все – машинопись).

¹² Там же. Л. 234 (сводка материалов об учебниках и сведений о рецензентах).

¹³ Там же. Л. 146.

¹⁴ Там же. Л. 147, 150.

Другой рецензент Ниссельсон, также написавший отрицательный отзыв, обращал внимание на "черствый язык", неудачные обороты речи. "Даже после исправления указанных недостатков ее (книгу. – А.Д.) нельзя рекомендовать ученикам 3 и 4 классов. Думается, что учебник по истории СССР для начальной школы должен быть составлен из отдельных художественных рассказов, излагающих материал в хронологической последовательности"¹⁵, – полагал Ниссельсон.

Микаэлян отметил отрывочность изложения, недостаточность "образности" и "картинности", указал на отсутствие связи со всеобщей историей.

Автор положительной рецензии Абрамсон писал о том, что материал умело сокращен, но требовалось усилить образность изложения. Абрамсон обращал внимание на отсутствие истории материальной культуры. Кроме того, он предлагал дать картины жизни и быта, борьбы с природой, "в учебнике же на первом плане политический строй и его основы"¹⁶.

Новобранцев тоже полагал, что рецензируемый учебник "по своему содержанию подходит очень близко к осуществлению основных требований ЦК нашей партии и правительства"¹⁷. Его тревожило то, что недостаточно освещена история Украины и Белоруссии, а история народов СССР оторвана от мировой истории, "недостаточно... подчеркнуто влияние нашей Октябрьской революции на развитие пролетарских революций на Западе после войны 14–18 гг."

Рецензии видных отечественных историков на учебник Шестакова были составлены в то время, когда стало ясно, что именно этот учебник победил в конкурсном соревновании и необходимо помочь авторам довести его до максимально возможной степени совершенства. Судя по пометкам на автографах отзывов, эти рецензии перепечатывались в нескольких экземплярах для дальнейшей работы авторов учебника учета – фактологических ошибок, неверных оценок, упущенных возможностей.

Сохранились рецензии 1937 г. К.В. Базилевича (19 июня)¹⁸, С.В. Бахрушина (19 июня и 6 июля)¹⁹, В.Н. Бернадского (17 июня)²⁰, В.А. Быстриянского²¹, С.Б. Веселовского (25 ноября)²², Б.Д. Грекова²³, Н.М. Дружинина (17 июня)²⁴, Е.А. Мороховца (17 ноября)²⁵, К.В. Сивкова²⁶, В.И. Пичеты²⁷.

¹⁵ Там же. Л. 162.

¹⁶ Там же. Л. 154.

¹⁷ Там же. Л. 164.

¹⁸ Там же. Л. 22–28. Объяснительная записка к поправкам в тексте "Элементарного курса истории СССР" (машинопись); Л. 29–32 об. (автограф); Л. 33–39. В комиссию т. Жданова. Фактические замечания по учебнику (машинопись); Л. 40–43 об. (автограф).

¹⁹ Там же. Л. 45–51 (автограф); Л. 52–73 (машинопись). Рец. от 19.06.1937 г.; Л. 75–87 (машинопись с авторской правкой). Рец. от 6.07.1937 г.

²⁰ Там же. Л. 90–95 (автограф); Л. 96–100 (машинопись); Л. 128–132. Дополнения и замечания на учебник Шестакова и др. (машинопись).

²¹ Там же. Л. 79–83. Письмо Быстриянского Жданову от 3.10.1936 г. с отзывом о всех учебниках (машинопись); Л. 101–102. Отзыв об учебниках Жемчужиной, Глязера и Шестакова (машинопись); Л. 103–106. Какие исправления должны быть внесены в "Элементарный курс истории СССР", составленный кафедрой истории СССР Института имени Бубнова под руководством Шестакова (машинопись с авторской правкой).

²² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 48. Л. 23–31 (машинопись); НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5а. Л. 40–47 (машинопись).

²³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 108–117 (машинопись); Л. 118–127 (машинопись).

²⁴ Там же. Л. 133–138. Фактические замечания на "Элементарный курс истории СССР", составленный под ред. проф. А.В. Шестакова (автограф); Л. 139–145 (машинопись).

²⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5а. Л. 53–55 (машинопись).

²⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 167–169 (машинопись).

²⁷ Там же. Л. 48–52 (машинопись).

Рассмотрение этой группы следовало бы начать с большого письма Быстрянского Жданову от 3 октября 1936 г. В нем автор дал обзор просмотренных им учебников с оценкой качества некоторых из них.

"Большинство учебников, представленных жюри, не отвечает условиям конкурса, – писал В.А. Быстрянский. – В ряде учебников нет ни начала ни конца, – иногда рассказ начинается прямо с XVI века, а то заканчивается началом XIX века. Большинство учебников не удовлетворяет тому основному условию конкурса, что характер изложения должен учитывать возрастные особенности учащихся 3 и 4 классов. Только один может быть признан в общем удовлетворяющим основному условию конкурса. Учебник Московского государственного института имени Бубнова (учебник, написанный под руководством Шестакова. – А.Д.) отличается как по характеру изложения, по языку и стилю, так и, главным образом, по отбору фактического материала от других учебников, о которых идет речь. В учебнике института Бубнова нет ничего лишнего. Даны только самые основные, самые важные исторические факты, без знания которых невозможно знакомство с прошлым нашей страны"²⁸.

Сопоставляя учебник Шестакова с учебником, написанным Жемчужиной и Глязером, Быстрянский отмечал, что "учебник Шестакова стоит неизмеримо выше, чем учебник Жемчужиной и Глязера. Прежде всего он отличается гораздо более тщательным отбором фактов, изложение значительно проще... Только эта книга и может стать учебником для начальной школы при исправлении имеющихся там ошибок, что может быть сделано очень скоро"²⁹.

В числе таких ошибок Быстрянский подчеркнул "параграф 23, где говорится о Богдане Хмельницком". Содержание темы, по словам рецензента, "излагается в старой трактовке. Совершенно не учтено своеобразие положения, в силу которого для Украины не было иного выхода, как присоединение к единоверному Московскому государству"³⁰.

Далее рецензент продолжал: «На стр. 56-й не вполне складно излагается вопрос о борьбе России за выход к морю. Здесь мы читаем: "Чтобы бороться за свою самостоятельность, России нужно было иметь свой флот и более удобные морские порты, чем Архангельск. Такие порты имелись на Черном и Балтийском морях, но Черное море было тогда в руках крымских татар и турок, берегами Балтийского моря завладели шведы". Такая формулировка может оправдать любую империалистическую экспансию»³¹. Это замечание было учтено авторами учебника, и оправдание имперских устремлений было несколько затушевано.

Наконец, Быстрянский указывал, что "необходимо в основу периодизации новейшей истории СССР положить периодизацию, данную тов. Сталиным в его письме к составителям учебника по истории ВКП(б)"³².

Базилевич дал не только "поправки фактического характера", но и дополнения (к сожалению, не обнаруженные) в виде характеристик Ивана Грозного, Петра I, Салавата Юлаева и др. Вероятно, они были как-то использованы авторами. Во всяком случае были учтены замечания Базилевича о том, как истолковать миграцию древнерусского населения с киевского юга на северо-восток³³. Базилевич замечал также: "В учебнике указаны только торговые причины возвышения Москвы (по Ключевскому и Покровскому). Нужно указать на выгодное политическое положение Москвы (в отношении Орды и северо-западных границ)"³⁴. Кроме того, Базилевич отмечал, что в учебнике

²⁸ Там же. Л. 79, 81.

²⁹ Там же. Л. 102.

³⁰ Там же. Л. 104.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 106.

³³ Там же. Л. 24.

³⁴ Там же. Л. 36.

"нигде не сказано о роли Ивана IV в создании централизованного феодального государства"³⁵.

Из всех сохранившихся рецензий самыми обстоятельными и большими по объему были принадлежащие Бахрушину. Первая – 21 с., вторая – 12 с. машинописи (в то время как половина рецензий других авторов имела объем от 2 до 4 с.). Ученый очень внимательно изучил учебник и придирчиво отнесся к каждому неверному или неточному выражению в тексте. Некоторые замечания Бахрушина полностью совпадают по содержанию с замечаниями, сделанными в рецензии Базилевича, его ученика. В данном случае Бахрушин выступал с подчеркнута марксистских позиций, старательно воспроизводя стиль мышления, язык и приемы критики, свойственные марксистской исторической науке 1930-х годов. К сожалению, те варианты текста, которые предлагал Бахрушин, так же, как в случае с Базилевичем, не были обнаружены³⁶. В сопроводительном письме Бахрушин писал: "Препровождаю при сем учебник истории СССР под редакцией проф. А.В. Шестакова с некоторыми редакционными исправлениями..."³⁷ Видимо, эти исправления представляли собой иные варианты текста.

Хронологически суждения Бахрушина охватывали широкий период – от первобытного строя до советской эпохи. В своей совокупности они представляют собой любопытный источник, освещающий воззрения историка порой на такие проблемы, которых он нигде более не касался.

"Несколько соседних больших семей, находящихся в родстве, составляли род, – цитировал он авторов учебника и тут же отмечал, – концепция буржуазная. Наоборот, род распался впоследствии на семьи"³⁸. И далее: "Неправильно изображено возникновение неравенства из завоеваний, а образование неравенства внутри племени поставлено на втором месте. Не отмечено значение перехода к пашенному земледелию в деле создания частной собственности. Также неправильно, на мой взгляд, представлено возникновение государства в результате завоевания"³⁹. Все эти замечания были учтены авторами.

Критический взгляд Бахрушина остановился и на рассказе о крещении Ольги и введении христианства на Руси при Владимире. "Ничего не говорится о культурном влиянии христианства на данном отрезке времени", "не в достаточной мере вскрыто культурное значение крещения"⁴⁰ – таково было мнение ученого. Еще недавно, в 1936 г., был организован и искусственно раздут скандал по поводу шуточной оперы "Богатыри", поставленной Камерным театром. Автор либретто Д. Бедный представил Владимира и введение им христианства в виде фарса, что не вязалось с официальным курсом на возвеличивание отечественного прошлого⁴¹. Сюжет о крещении приобрел в официальной пропаганде политическую остроту, о чем хорошо помнил Бахрушин, поэтому он не пре-

³⁵ Там же. Л. 37.

³⁶ Во второй рецензии Бахрушина порой встречаются такие фразы: "кроме небольших стилистических исправлений... я позволил себе внести... некоторые изменения" (Л. 75); "прилагаю другой вариант текста" (Л. 79); "нет ясного определения, что такое род, и происхождение неравенства изложено чрезвычайно трудно. Я поэтому предлагаю другой вариант" (Л. 75). Возможно, первая рецензия Бахрушина произвела на правительственную комиссию значительное впечатление, и ему было позволено серьезнее и шире вмешиваться в создание окончательного текста. К сожалению, пока невозможно точно определить степень участия историка в этой работе.

³⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 74.

³⁸ Там же. Л. 45.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 46.

⁴¹ См. подробнее: Дубровский А.М. Как Демьян Бедный идеологическую ошибку совершил // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX вв. Брянск, 1996. С. 143–151.

минул обратить внимание на недостатки в освещении учебником религиозной реформы на Руси.

С той же повышенной настороженностью отнесся Бахрушин к рассказу о правлении Ивана Грозного. «Борьба Ивана IV с боярами неверно объясняется только "изменой" бояр. Причины, вызвавшие обострение отношений, были гораздо глубже. Шла ликвидация последних остатков феодальной раздробленности. Надо показать, что бояре были в своих владениях маленькими царьками, что это было опасно для государства»⁴², – писал он. Словосочетание "маленькие царьки" так и вошло в учебник⁴³. "Значение опричнины в процессе образования сильного государства никак не отмечено, – продолжал историк. – Не вскрыто значение царствования Ивана Грозного вообще"⁴⁴.

Переходя к иным временам, далеким от русского средневековья, Бахрушин писал:

«Надо было сильнее подчеркнуть значение крестьянского движения в деле "освобождения крестьянства"⁴⁵. И ниже: "Мне, кажется, что недостаточно выявлена вредная сторона деятельности народовольцев", «стр. 174 "без ножиц" (цен. – А.Д.) – надо пояснить, для чего были необходимы ножицы»⁴⁶. Эти высказывания (примечательны даже принятые в ту пору иронические кавычки для слов "освобождение крестьянства!") свидетельствуют не только о широте интересов и кругозора Бахрушина, но и о восприятии им официальных воззрений, оценок, "приказных аргументов" (выражение П.Н. Милюкова). И сам он, порой идя на компромисс при восприятии и использовании в печати этих оценок, вольно или невольно становился их адептом и пропагандистом.

В другой, также довольно любопытной рецензии, написанной С.Б. Веселовским, содержался ряд глубоких замечаний, не потерявших своего значения и в наши дни, но, к сожалению, не учтенных авторами учебника. Соображения и оценки Веселовского важны для более детального понимания научных позиций историка в 1930-е годы. Некоторые его высказывания были совершенно противоположны утверждавшимся и уже принятым историками (например, цитированным выше Бахрушиным) официальным концепциям.

О возвышении Москвы Веселовский писал следующее: "Неверно, что Москва в XIV в. находилась в центре русских княжеств, что помогло московским князьям объединить другие княжества. Москва со времени ее укрепления стенами (1156 г.) в XII–XIII вв. была крайним южным форпостом и в связи с Коломной, Каширой и Серпуховым на Оке защищала северо-восточную Русь от южных кочевников. Среднее течение Оки до XVI в. было крайним пределом заселения южной равнины" (АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 48. Л. 23).

Далее Веселовский замечал: «Деятельность Ивана Калиты (вернее, московского боярства во главе с Калитой) изложена тенденциозно и неверно. Все объяснение возвышения Москвы эклектично и склеено из устарелых взглядов старых историков, начиная с Карамзина. Калита изображен неверно и даже несколько комически. Неверно, что он скупал *целые* княжества на деньги, затаенные при сборе ордынского выхода. Он купил у ростовских князей *половину* Ростовского княжества. Новейшие исследования, например, проф. Преснякова, доказали, что купли Ивана Калиты не имели ничего общего с приобретением великокняжеской власти... Затем, покупая половину Ростовского княжества, Калита *покупал княжескую власть* над этой половиной, и этот акт

⁴² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 48.

⁴³ История СССР: Крат. курс. М., 1938. С. 40.

⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 48.

⁴⁵ Там же. Л. 49 об.

⁴⁶ Там же. Л. 50.

не имел ничего общего с покупкой Иваном Калитой и последующими князьями "сѣл", которые покупались в частную собственность. Право князей собирать и платить Орде дань было для Руси большим благодеянием, т.к. освобождало население от непосредственных сношений и злоупотреблений ордынских баскаков. Утайки собранной дани были делом рискованным и вообще право собирать дань было сопряжено с большой ответственностью. Возлагая на московских князей эту обязанность, Орда оказывала помощь при сборе дани, наказывая непослушных князей» (Л. 24).

Развивая тему о взаимоотношениях Руси и Орды, Веселовский писал: «Зачем рассказывать в комическом тоне о "победе" в. кн. Ивана III над Ахматом? Иван III оказался победителем не только в кавычках, а на самом деле, т.е. для Ахмата неудавшийся набег был поражением, а для Московского государства отражение набега и охрана своих земель от разорения были победой. Следует заметить, что столкновение на Угре (1480 г.) было эпизодом многовековых отношений Орды и Руси, и то, что принято называть татарским игом, не "кончилось" в 1480 г., а падало постепенно до того (с сер. XIV в.), а после 1480 г. приняло другие формы и продолжало существовать в XVI в.» (Л. 26).

Рецензии на учебник Шестакова, написанные крупнейшими отечественными историками, давали им возможность высказаться по широкому кругу вопросов. Поэтому кроме того, что эти рецензии являются источниками по истории создания учебника, они дают возможность реконструировать эволюцию научной и общественно-политической позиции того или иного ученого. Рецензии позволяют заново поставить вопрос об авторстве учебника и с известными оговорками включить в число его авторов Базилевича и Бахрушина. Содержание рецензий вполне определенно показывает, что представители разных поколений историков в ходе работы по совершенствованию школьного учебника являлись активными проводниками идей той формы марксизма, которую он принял в СССР в 30-х годах.

Параллельно с рецензированием учебника специалистами работали над его текстом и в высших эшелонах власти. Как уже отмечалось, списки замечаний по содержанию книги и маргиналии на страницах макета учебника составляют следующую группу архивных материалов.

В распоряжение генсека ЦК партии Сталина макет учебника поступил в двух экземплярах⁴⁷. Каждый из них он внимательно просмотрел, оставляя пометки на страницах. Это, главным образом, зачеркивания фрагментов текста, в которых речь шла о Сталине. Он вычеркнул строки, в которых говорилось о том, что "основателями и гениальными вождями партии коммунистов были Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин. Ленин умер. Сталин, продолжая великое дело Ленина, ведет нашу родину и всех трудящихся к победе социализма во всем мире. Сталин – родной отец детворы, ее друг и любимый учитель"⁴⁸. Вычеркнул некоторые (не все!) фотопортреты Сталина, домика в Гори, где он

⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 374, 375. Опровергая мнение Л.А. Опенкина о том, что Сталин "внимательнейшим образом изучил и отредактировал все макеты подготовленных учебников", которые были поданы на конкурс (*Опенкин Л.А. Механизм торможения в сфере общественных наук: истоки возникновения, факторы воспроизводства // ИСССР. 1989. № 4. С. 7*), А.Н. Артизов справедливо приписал многочисленным пометы и замечания заведующему отделом школ ЦК ВКП(б) Б.М. Волину, а не И.В. Сталину, как это сделал Л.А. Опенкин. См.: *Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя (конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) // Кентавр. 1991, Октябрь–декабрь. С. 128, примеч. Опенкина, вероятно, ввело в заблуждение то, что учебники оказались в библиотеке Сталина. Однако из статьи Артизова можно понять, что Сталину не принадлежит вообще никаких маргиналий в тексте учебника. На самом деле пометы Сталина имеются не только в учебнике Шестакова, но и в учебнике И.И. Минца и др. См.: Там же. Д. 217. Л. 5, 60, 86, 87.*

⁴⁸ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 375. С. 4.

родился⁴⁹. В конце фразы "За чтение революционных книг молодого Сталина исключили из школы" сделал вставку: "В 1899 г."⁵⁰ сократил текст о батумской демонстрации – эпизод о начале своей революционной биографии⁵¹.

Важным представлялись Сталину отдельные фразы, содержавшие в себе политические оценки. В заглавии введения к учебнику "Наша счастливая родина" он зачеркнул слово "счастливая". Там же, во введении, была ликвидирована фраза "у нас построен социализм"⁵². Подобное же изменение в тексте было сделано Сталиным на последних страницах книги. Вместо слов "Социализм в СССР построен" он написал "победил"⁵³.

К прочим замечаниям относятся пометки методического, эстетического характера. Так, Сталин потребовал увеличить до двух страниц размер приводимых в учебнике карт. Исключил портреты Тиграна Великого и Шота Руставели, Суворова, Репина, репродукцию с картины Репина "Иван Грозный и сын его Иван", которая в учебнике называлась "Убийство Иваном Грозным своего сына" и пр.

В июле 1937 г. над текстом учебника работали члены конкурсного жюри А.С. Бубнов и В.П. Затонский⁵⁴. Бубнов предложил значительно изменить введение к учебнику. Он полагал необходимым снять название "Наша счастливая родина", вставить следующие слова: "Мы любим и гордимся нашей непобедимой героической Красной Армией, которая охраняет мирный труд рабочих, крестьян и трудящихся СССР, защищает дело мира и непоколебимо стоит на страже социализма. Она будет бить врага на той территории, откуда он посмеет напасть на нашу социалистическую родину – Союз Советских Социалистических Республик"⁵⁵. В конце введения он пожелал вставить написанный в том же высокаторжественном стиле фрагмент: "Обширна территория нашей страны. Она занимает одну шестую часть земного шара" и т.п.⁵⁶

Прославление Родины, естественно, сочеталось с проклятиями в адрес ее врагов. Бубнов рекомендовал авторам учебника «сказать "Каменев и Зиновьев"», а "и Троцкий" выпустить, перед словом "выдали" вставить "подло"⁵⁷. В другом месте требовалось, наоборот, помянуть врагов полным списком⁵⁸.

Подобно специалистам-историкам, Бубнов имел свои концептуальные соображения по ряду проблем отечественной истории. Он предложил следующее понимание предпосылок и возвышения Москвы, и объединения русских земель: "Расположенная на удобных речных путях Москва давала возможность князьям собирать большие пошлины со всех товаров, которые перевозились по реке Москве. Все это и помогло московским князьям объединить вокруг Москвы и другие княжества"⁵⁹. Или, например, о реформах Петра I он писал: "Деятельность Петра Великого была попыткой вывести страну из отсталости. Для снабжения армии нужными предметами оборудования и вооружения они строили заводы и фабрики. Но он был царем крупных землевладельцев-крепостников и купцов, а эти классы не могли уничтожить вековую отсталость нашей страны. Эта задача была не по плечу ни помещикам, ни капиталистам. Ее мог как сле-

⁴⁹ Там же. Д. 374. С. 115, 116, 175; Д. 375. С. 116, 139.

⁵⁰ Там же. Д. 374. С. 114.

⁵¹ Там же. С. 116.

⁵² Там же. Д. 375. С. 3.

⁵³ Там же. Д. 374. С. 178.

⁵⁴ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 847. Л. 1–5. Рец. В.П. Затонского. 2.07.1937 (машинопись); Л. 6–27. Рец. А.С. Бубнова. 13.07.1937 (машинопись).

⁵⁵ Там же. Л. 7–8.

⁵⁶ Там же. Л. 9.

⁵⁷ Там же. Л. 24.

⁵⁸ Там же. Л. 25.

⁵⁹ Там же. Л. 13.

дует поставить и надлежащим образом решить только рабочий класс, вставший во главе народных масс и установивший свою крепкую и сильную власть"⁶⁰. Кроме того, Бубнов был озабочен более выпуклым показом отдельных исторических личностей – Суворова, Ивана Грозного, Менделеева, Тимирязева⁶¹.

Затонский, давший отрицательный отзыв, в своих довольно отрывочных замечаниях указывал на упрощенную подачу материала, слишком краткое изложение, в частности реформ Петра, который "сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и купцов" (здесь Затонский перефразировал Сталина)⁶². В заключение он отмечал: "Как стабильный учебник данный труд не подходит. Все же истории СССР пока не получилось. В основном это история государства российского, хотя несколько страниц вначале для декорума отведены Закавказью, Средней Азии, Казахстану, Сибири"⁶³.

Главнейшую и окончательную редакторскую правку учебник претерпел тогда, когда он лег на рабочий стол Жданова. В РЦХИДНИ, в фонде Жданова, сохранился отпечатанный типографским способом экземпляр учебника⁶⁴. Книга была расшита, и к страницам в ее правой половине Жданов приклеил листочки в линейку, на которых он писал свои рекомендации-указания. Многие состояли из одного-двух слов, другие представляли собой значительные фрагменты текста, которые вставляла редакторская рука в учебник. Не считая зачеркнутых Ждановыми отдельных слов, иллюстраций, знаков перестановки строк, а учитывая более или менее значительные по объему вставки в текст, нужно сказать, что таковых было сделано более 550.

Жданов вторгался в наиболее острые в политическом отношении темы, дал ряд ответственных формулировок, таких идей, которые имели важное воспитательное значение. Например, фраза "Смерды владели землей, имели свое хозяйство и были свободными" под пером Жданова приобрела другое звучание: "Смерды владели небольшой землей, имели свое мелкое хозяйство и были свободными, т.е. не закрепощенными"⁶⁵. И сегодня, спустя шесть десятков лет, никто из специалистов не скажет, какой по площади была земля, которой владел смерд. Жданову же важно было обеспечить соответствующее идеологическое воздействие учебника на будущих читателей, сгустить краски при изображении нелегкой жизни в Древней Руси.

Авторы учебника писали о деятельности Ивана IV: "Таким путем укреплял Иван Грозный самодержавную власть в русском государстве, уничтожая боярские преимущества". Жданов развил и дополнил их мысль: "Этим он как бы заканчивал начатое Калитой собирание разрозненных удельных княжеств в одно сильное государство"⁶⁶. Под пером партийного редактора возник образ государя, венчавшего своей деятельностью длительный исторический процесс, хотя на самом деле "собирание разрозненных удельных княжеств" завершилось при отце Ивана IV – Василии III.

Кроме темы развития государства в России важной темой была история классовой борьбы и в конечном счете революции. Ее освещение в учебнике привлекало пристальное внимание Жданова. Он не был удовлетворен заголовком "Народные восстания в Киевском княжестве" и дал его в иной редак-

⁶⁰ Там же. Л. 15–16.

⁶¹ Там же. Л. 27, 28.

⁶² Там же. Л. 3.

⁶³ Там же. Л. 5.

⁶⁴ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 854. Л. 1–117. Имеется еще один экземпляр учебника с некоторыми замечаниями Жданова. См.: Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 373. Л. 608–727.

⁶⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 854. Л. 9.

⁶⁶ Там же. Л. 19 об.

ции – "Стихийные народные восстания в Киевском княжестве". И далее, на страницах, посвященных истории Новгорода, он внедрил в сознание читателя учебника идею "бессознательности и неорганизованности" "стихийных мятежей"⁶⁷. По поводу восстаний Болотникова, Разина и Пугачева Жданов проводил одну и ту же мысль: «Крестьяне не имели тогда такого союзника и руководителя как рабочий класс. Да и сами крестьяне были несознательны. Они воевали не против царизма и помещичьего строя, а против плохого царя и плохих помещиков за "хорошего" царя и "хороших" помещиков»⁶⁸. Довольно большие вставки Жданов сделал по поводу причин победы (поражения) трех российских революций и их исторического значения.

В тему истории революционной борьбы Жданов вписывал деятельность "ученика Ленина – товарища Сталина"⁶⁹. Главным итогом этой борьбы было то, как писал Жданов, что "создан новый социалистический строй, была создана новая жизнь без эксплуататоров и угнетения, без капиталистов и помещиков, без купцов и кулаков"⁷⁰.

Все замечания Жданова были включены в окончательную редакцию учебника. Они настолько значительны по объему и идейной нагрузке, что Жданов может считаться по праву не только главным редактором книги, а одним из ее авторов⁷¹.

После опубликования учебника и распространения его по школам авторы стали получать отклики на свою работу, составившие последний "пласт" источников по истории создания "Краткого курса истории СССР". На совещании учителей об итогах работы по новому учебнику Шестаков говорил: "У меня сейчас, вероятно, имеется больше сотни деловых писем, в которых много говорится об этом учебнике" (Оп. 2. Д. 107. Л. 54). Если верить высказыванию Шестакова, до настоящего времени сохранилась значительная доля читательских отзывов. Имеются письма в Учпедгиз (Д. 109. Л. 1–8), особенно много – (Шестакову⁷² и в ЦК ВКП(б)⁷³). Авторы внимательно знакомились с письмами. В связи с этой работой А.С. Нифонтов писал А.В. Шестакову 24 апреля 1938 г.: "Мы с Николаем Дмитриевичем (Кузнецовым. – А.Д.) прочитали собранные Вами письма об учебнике и смогли выделить лишь... принципиальные темы, требующие разъяснений" (Л. 8). Сам Шестаков выписывал отдельные замечания. Некоторые из них он зачеркнул с пометой "ложн[ая] бдит[ельность]" (Л. 7 об.).

Как отмечал Шестаков, вспоминая содержание поступивших к нему писем, очень много писали "об освещении предательской роли врага народа Троцкого" в разные периоды истории. В частности, "молодой советский специалист инженер-строитель" И.В. Беспалов был недоволен тем, как сказано о Троцком и его деятельности в октябре 1917 г. Троцкий, по мнению Беспалова, "всегда был и есть враг нашей партии и всего трудового народа" (Оп. 1. Д. 48. Л. 21). Член ВЛКСМ с 1930 г. Ф.Ф. Смаглюк обвинял авторов в "восхвалении и замазывании их вражеской деятельности врагов народа: Троцкого, Зиновьева, Каменева" (Л. 48).

⁶⁷ Там же. Л. 10 об.

⁶⁸ Там же. Л. 22.

⁶⁹ Там же. Л. 84 об.

⁷⁰ Там же. Л. 100 об.

⁷¹ См. подробнее: *Дубровский А.М.* А.А. Жданов в работе над школьным учебником истории // *Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX вв.* С. 128–143.

⁷² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–31; Д. 49. Л. 1–90; Д. 51. Л. 1–52; Д. 46. Л. 1–11 (набросок статьи Шестакова «Год работы с "Кратким курсом истории СССР"» содержит цитаты из ряда несохранившихся писем).

⁷³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 170–181 об.

Другое типичное обвинение было связано с международной обстановкой в 1930-е годы. После выхода в свет учебник был разослан в республиканские, краевые и областные партийные органы. В ноябре 1937 г. один экземпляр учебника вернулся из Куйбышева в Москву, к Жданову. На с. 87 левый нижний угол портрета А.С. Пушкина был обведен красным карандашом. От окружности к центру нарисованного кружка была проведена стрелка, указывающая на подозрительный значок, который на самом деле был типографским дефектом. К учебнику прилагалось письмо: «Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову. Посылаю Вам учебник "Истории СССР". В этом учебнике на стр. 87 в левом углу портрета Пушкина имеется значок, напоминающий фашистскую свастику. Кроме того, на стр. 157 на лице товарища Сталина также имеется белое пятно, близко напоминающее свастику. Секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) Постышев. 23.11.37»⁷⁴. Из секретариата Жданова книга и письмо Постышева были направлены начальнику Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии Л.З. Мехлису: "Т. Мехлис! По поручению тов. Жданова пересылаю письмо т. Постышева и книгу Вам. А. Кузнецов. 26.11.37"⁷⁵. Мехлис ответил следующее: "Тов. Жданову. Смотрел с помощью **увеличительного** стекла значки, о которых пишет т. Постышев. Не вижу никакой свастики. Постышев не там ищет врагов, где они имеются. Л. Мехлис. 25.11.37"⁷⁶.

Директор школы-интерната из Липецкой области Ф.С. Плаксун обратил внимание на рисунок "Ленин в школе": "На пуговицах отпечатана фашистская свастика. Особенно она выделяется на 2-й пуговице снизу. Ленин никогда ничего не имел общего с фашистским знаком и не мог носить пуговицы с фашистской свастикой" (Оп. 1. Д. 48. Л. 56–56 об.). Упомянутый Смаглюк нашел на лаптях крестьян на рисунке "Полюдь" «незаметным образом обозначенные фашистские знаки, какие-то таинственные буквы "Тро", "С", "М"» (Л. 48).

Довольно категорично читатели требовали исправлений терминов, формулировок в учебнике. Управляющий украинской конторой Всесоюзного отраслевого объединения по торговле культтоварами И. Дрофа в письме А.В. Шестакову привел семь цитат из текста учебника. После цитаты следовала фраза "нужно формулировать так", и слова "племенные вожди" исправлялись на "вожди племен" и т.п. (Д. 49. Л. 1). Встретив в учебнике фразу о том, что восставшие башкиры "были раздавлены", М.А. Грибаков подчеркнул в своем письме это слово три раза. «Это "патриотизм", "историческое чутье" профессора истории! – воскликнул он. – Недопустимо так "ошибаться"! Борьба за справедливость, за правду... и вдруг они раздавлены! Надо бы знать неуместность здесь употреблять это слово – мы давим (не грешно давить) только врагов народа, подлых людей, гнусных изменников, уродов рода человеческого. Признаюсь, прочитав это слово, я сжал кулак и стукнул им по столу» (Д. 48. Л. 16–16 об.).

Из письма корректора I Образцовой типографии ОГИЗа В. Овсянникова в ЦК ВКП(б) становится известным, что "в обществе кем-то пущен и широко гуляет нелепый слух, что учебник редактировал-де сам товарищ Сталин (!). Отсюда лоботрясы делают, конечно, тот вывод, что в учебнике все безупречно, что критиковать его могут лишь оголтелые троцкисты, бухаринцы и вообще недоброжелатели товарища Сталина"⁷⁷. Среди многочисленных замечаний, высказанных Овсянниковым, нужно отметить одно, которое не прошло бесследно для советской исторической науки. Овсянников писал: «Несуразны заголовки "Крестьянская война под руководством Пугачева", "Крестьянское восстание под

⁷⁴ Там же. Д. 373. Л. 3.

⁷⁵ Там же. Л. 2.

⁷⁶ Там же. Л. 1 (видимо, Л.З. Мехлис поставил неверную дату).

⁷⁷ Там же. Д. 365. Л. 170.

руководством Разина", "Восстание казаков и крестьян под руководством Булавина", "Восстание крестьян и казаков под руководством Болотникова". Я думаю, что так же, как в наше время было бы нелепо называть Ленина атаманом Октябрьского восстания, так же нелепо Разина, Болотникова, Пугачева аттестовать как руководителей крестьянских восстаний своего времени. Почему бы не сказать так: "под предводительством Пугачева, Разина и т.д."?»⁷⁸. Именно такой термин и утвердился в науке.

По сути дела письма-отзывы об учебнике служат источниками не столько по истории его создания и совершенствования, сколько являются памятниками, освещающими общественное сознание народа в конце 1930-х годов. Учебник читали не только учителя и школьники, с ним знакомились широкие круги самых разных людей, его прорабатывали на семинарах групповодов-политруководителей. Его появление было событием в духовной жизни страны. В конечном счете, как показывает обзор архивных источников, А.В. Шестаков оказался прав: учебник, действительно, был "веским".

⁷⁸ Там же. Л. 176.

К.Б. Умбрашко

**М.П. ПОГОДИН: ПУТЬ К БИОГРАФИИ
Н.М. КАРАМЗИНА**

В судьбе Михаила Петровича Погодина (1800–1875) важную и особенную роль сыграл Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), но вряд ли он об этом догадывался. Речь идет не о влиянии "старшего современника" на одного из своих последователей, не о личных особых отношениях, а об отношениях как бы искусственных, сконструированных и выстроенных лишь одной стороной – Михаилом Погодиным.

Редкий современник, писал так много о Карамзине. И дело даже не о количестве упоминаний, выступлений, статей и книг, героем которых напрямую был Николай Михайлович¹, а в том незримом присутствии историографа, которое ощущается на протяжении всей жизни Михаила Петровича.

В юности он читал романтические повести Карамзина "Бедную Лизу", "Марфу Посадницу". В 16 лет впервые увидел Николая Михайловича в Оружейной палате, где они оказались в одно время на экскурсии, и эта случайная встреча во многом определила дальнейшую судьбу юноши. Через два года, когда вышла в свет "История государства Российского", ее автор вновь оказался в центре внимания молодого человека: ему страстно захотелось приобрести эту книгу. Семья жила скромно и необходимую сумму Погодин собрал с большим трудом. К несчастью, переплетчик пропил отданные ему в работу книги и Михаилу досталось только второе издание "Истории". Этот экземпляр до конца жизни не сходил с его письменного стола и был "как друг и неразлучный спутник", заставляя незримо присутствовать самого автора в кабинете Погодина.

В 1820 г. Погодин начинает регулярное ведение своего знаменитого дневника (хранится в РГБ), в котором многие десятилетия делал записи о своей личной жизни и об интересных общественных событиях. Первые записи сделаны в Знаменском, имении Трубецких, куда Михаила Петровича приглашали на летние месяцы в качестве наставника молодых княжен. Здесь он впервые познакомился с манерами людей высшего света, которые до конца жизни так и не были им усвоены в достаточной степени.

Не случайно, именно в Знаменском, Погодин все время думает о Карамзине. Знаменское – родовое имение Трубецких – стало заменой безродному Погодину собственного родового гнезда, что отчасти компенсировало своеобразный комплекс изгойства по поводу низкого происхождения и ставило молодого человека на одну ступень с дворянином Карамзиным. Происходя из семьи крепостных людей, Михаил Петрович ориентировался и на дворянское происхождение Николая Михайловича, и на его "верность вкуса", и на его занятия, увлечения и даже привычки.

С самых первых страниц дневника Михаил Петрович обнаруживает удив-

¹ Назовем лишь основные: *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 1, 2; *Он же.* О Карамзине, как человеке и гражданине // Торжественное собрание Имп. Академии наук 1-го декабря 1866 г., в память столетней годовщины рождения Н.М. Карамзина. СПб., 1867.

тельную привязанность к знаменитому историографу: Николай Михайлович часто становится героем мысленных фантазий Погодина. 18 августа 1820 г. молодой человек пишет: "...Вообразил, что он [Карамзин. – К.У.] через несколько времени узнает меня, берет жить к себе, определяет мои занятия, чувствует ко мне привязанность, любит меня чрезвычайно, назначает своим преемником и препоручает мне написать свою жизнь и умирает. При погребении я говорю ему надгробное слово, красноречивейшим образом описываю его добродетели, мою горесть, не могу выговорить слов от рыданий; все предстоящие трагуются и плачут со мною – обнимаю его в последний раз, целую его руки. После издаю его сочинения, перед оными помещаю жизнь его, рассказываю о его добродетелях, учености, уме, мыслях и проч..."

Решив создать биографию "великого мужа", автор не просто дает обрисовку своих замыслов, но и придумывает красивую легенду, где детально прорабатывает собственную роль – вплоть до нюансов речевого и жестового поведения в трагическую минуту. Сюжет дневниковой записи Погодина как бы срисован с древнерусского жития – передача духовной эстафеты наиболее достойному из учеников и последователей. Однако крайний эгоцентризм автора противоречит агиографическим канонам ("любит меня чрезвычайно") и приводит к неожиданному комическому эффекту, который, впрочем, остается им не замеченным. Карамзин оказывается в тени, Погодин рисует портрет историографа в самых общих словах: "добродетельность", "ученость", "ум" и т.д. Молодой человек и не мог иначе сказать о Карамзине, поскольку просто не знал его лично, но такой способ самореализации – продолжение кем-то начатого дела, подхватывание эстафеты – выказывает и внутреннюю неуверенность в себе, когда необходимо авторитетное прикрытие, чтобы не выглядеть жалким и смешным в глазах общества.

Некоторая высокопарность и нарочитость таких высказываний позволяет сделать предположение, что подобные записи сделаны, видимо, в расчете на прочтение их другими людьми, в первую очередь князьями Трубецкими. Погодин стремится понравиться потенциальным читателям дневника. (Сама программа действий воспринималась им совершенно серьезно и к концу жизни была даже перевыполнена. Возможно, именно к этому, самому раннему периоду творчества относится начало сбора первых материалов для будущего "жизнеописания" великого историографа, однако осознанно и целенаправленно он начинает такую работу, видимо, в начале 1830-х годов. Во всяком случае из писем П.А. Вяземскому второй половины 1840-х годов следует, что историк собрал уже достаточно большой пакет материалов об историографе: Михаил Петрович предлагает князю любые материалы из этого пакета для того, чтобы тот начал работу над биографией Карамзина. Но зигзаги собственной научной биографии не делали поначалу эти занятия последовательными: периоды активности сменялись поисками материалов об историке "от случая к случаю".)

В расчете на постороннего читателя сделана, видимо, и следующая запись: "Однажды вообразил себя живописцем, хотел я написать картину следующего содержания: Ник[олай] Мих[айлович] сидит в воздухе на облаках, и, окончив, 8-й том Истории, кладет резец на стол (он писал резцом на меди по тогдашнему моему идеалу), около него медные доски, рукописи, книги, бюсты Ливия, Тацита, Фукидида, Гюма, Миллера, Шлецера, Нестора [...], – под ним на земле [...] старцы, мужи, жены, девы, дети в различных положениях, означивающих нетерпение..."² Интересно, что нарисованная Погодиным-живописцем картина точно следует поэтике классической живописи и всем своим пафосом обращена в XVIII столетие.

² ОР РГБ. Ф. 231 (М.П. Погодин). Р. 1. К. 30. Ед. хр. 1. Л. 114.

Осенние записи того же 1820 г. позволяют сделать вывод, что Карамзин влиял на занятия в университете Погодина-студента. Узнав, что историограф прислал однокашнику Можневскому в ответ на его письмо с выражением почтения "Историю государства Российского", Погодин записал 11 октября: "...Я хотел бы быть на его месте [...] Утешься, дружок, и тотчас по окончании курса принимайся за перевод шлецеровой российской истории. Ее поднесу я ему непременно и отправлю с нею особенное (не подносительное) письмо, в коем изложу историю моей к нему привязанности, степень ее, настоящие мои чувства и проч. и проч. Боюсь только, чтоб он не умер до того времени. Мне хочется, чтоб он и на земле знал обо мне"³. Погодинская наивность, доходящая до неестественности и ходульности, указывает все же на трепетное отношение к своему кумиру.

Карамзин был для юноши нравственным и поведенческим ориентиром, во многих отношениях даже кумиром, но его оценка Карамзина-историка была более реалистичной. Это проявляется, когда Михаил Петрович приводит мнение своего товарища по университету А.М. Кубарева: "Теперь писать Рос[сийскую] Истор[ию] думать нельзя – Карамзина должна благодарить Россия не за Историю, но за обогащение словесности многими превосходными драгоценными отрывками историческими".

Более негативно студент оценил посвящение императору, написанное Карамзиным: "Мне и на Карамзина мочи нет досадно за подносительное письмо к Государю. Неужели он не мог выдумать с приличием ничего такого, в чем бы не видно было такой грубой, подлой лести? Этого я ему не прощаю. Притом, кроме лести, связано с целым очень дурно"⁴.

Максимализм молодых студентов мешал им разглядеть за верноподданнической риторикой обращения к Александру I попытку Карамзина "воспитать" императора на исторических примерах, внушить ему ощущение исторической значимости происходящего, рекомендовать шаги в духе "своей концепции просвещенного абсолютизма", на что обратил внимание А.Н. Сахаров⁵. Для характеристики историографической ситуации эпохи замечательна уверенность Погодина и Кубарева, что Карамзин своим трудом "закрыл" возможность создания другой "Российской истории".

Юношеский разброс в оценках Карамзина "переплавился" в реальную убежденность зрелого Погодина, что историограф является примером человека и гражданина для всего русского общества. Описывая коронацию Александра I в биографии Карамзина, Михаил Петрович восхищается карамзинской одой, где тот говорил о необходимости законов для самодержавия. "Никакая лесть не опасна, сопровождаемая подобными уроками, – обращается он к воображаемым обвинителям в чрезмерной лъстивости. – Нет, Ломоносов, Державин, Карамзин не льстили [...], а учили царей между строками мнимой лести, которая принадлежала к языку, обычаю, формам времени"⁶. Историк как бы полемизирует с самим собой в молодости, включая себя в круг учителей царей ("наши судьи" – пишет он перед приведенным отрывком) и обращает внимание на этикетные формы общения с властью.

В марте 1825 г. в Москве из печати вышла диссертация Погодина под длинным заголовком: "О происхождении Руси, рассуждение, сочиненное Императорского Московского Университета кандидатом Словесных наук Михаилом Погодиным, для получения степени магистра". Совершенно логичным было

³ Там же. Л. 28 об. – 29.

⁴ Там же. Л. 62.

⁵ Сахаров А.Н. Уроки "бессмертного историографа" // Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. I. С. 437.

⁶ Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин... Ч. I. С. 322.

решение молодого ученого представить ее Карамзину. Книгу с приложенным к ней письмом по просьбе Михаила Петровича передал историографу И.И. Дмитриев. Письмо Карамзину в некотором смысле было для нового магистра этапным, в нем он наконец-то решился лично объявить о своей "привязанности". "У вас начал я учиться добру, языку и Истории, – писал Погодин, – позвольте же посвятить Вам, в знак искренней благодарности, первый труд мой".

Ответ Карамзина на столь почтительное обращение напоминал простую отписку. К письму Дмитриеву, в котором он пожелал успехов молодому ученому "в дальнейших исторических розысканиях"⁷ была приложена записка, обращенная непосредственно к самому Погодину. Приведем ее полностью:

"Милостивый государь мой Михайло Петрович! Примите изъявление моей искреннейшей благодарности. С живейшим любопытством читаю Ваше Рассуждение, писанное основательно и приятно. Усердно желаю, чтоб Вы и впредь занимались такими важными для Российской Истории предметами, к чести Вашего имени и нашей исторической литературы.

Прося о продолжении Вашей ко мне благосклонности, с истинным почтением и преданностью имею честь быть, Милостивый Государь мой, Ваш покорнейший слуга.

Н. Карамзин

С.-Петербург, 25 Апр. 1825"⁸

Видимо, Карамзин не очень внимательно читал труд Погодина, или ему просто не хватило времени на тщательный просмотр диссертации – перед отправкой письма у него было всего несколько дней для знакомства с ней. Оценки типа "основательно", "приятно", "любопытно" – носят общий характер и обычно употребляются когда нужно похвалить то, о чем имеется не совсем четкое представление. Лишь посвящение прочитано полностью, ибо ответ имеет конкретную отсылку – просьбу о продолжении "благосклонности", больше похожую на этикетную формулу. Нужно ли говорить о том, как далек был смысл этой записки-отписки от честолюбивых замыслов Погодина, от его смелых мечтаний и дерзновенных прожектов. Но Михаилу Петровичу оказалось достаточно одного прямого обращения к собственной персоне со стороны Карамзина: он показывал записку историографу всем знакомым.

К смерти Карамзина (Погодин едва успел получить личное "благословение" историка, посетив его в Петербурге в декабре 1825 г.) Михаил Петрович отнесся довольно спокойно, отметил в дневнике: "Мир праху твоему, муж кроткий человеколюбивый. Будь ангелом хранителем, будь духом нашего просвещения". По натуре довольно впечатлительный, он на этот раз оказался скорее деловитым: "Что если бы мне поручили окончить главу и издать XII том", – мечтает он. Идея продолжения труда Карамзина витала в воздухе, и желание молодого историка было не таким уж безосновательным. Никогда не видевший Михаила Петровича безвестный курский помещик писал ему: "Патриотическое сердце мое радуется вашим трудам и талантам, предвидя в нем замену великой потери, которую история и словесность теперь оплакивают. 11 томов историографа не удовлетворяют еще совершенно ожиданиям публики. Да примет любезный автор трактата о Происхождении Руси сей долг в наследство, да увенчается славою своего предшественника, и да утешит сограждан, довершив знаменитое его творение". Это письмо похоже на мистификацию: слишком отчетливо здесь совпадение с программой-минимум самого Погодина, доверенное интимному дневнику.

В дневнике Михаил Петрович писал совершенно откровенно: "...долго думал о сочинении Жизни Карамзина, за которую примусь непременно, если не

⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 294.

⁸ Поскольку письмо Н.М. Карамзина М.П. Погодину публиковалось с разночтениями, приводим его по рукописи: ОР РГБ. Ф. 231. Р. 2. К. 46. Ед. хр. 27. Л. 1.

вздумает сам Вяземский"⁹. Вяземский, несмотря на советы А.С. Пушкина, не решился на этот труд, но и Погодин лишь через несколько десятилетий опубликует "Жизнь Карамзина" и эта книга станет одной из самых главных в его творческой биографии.

В 1828 г., через два года после смерти Карамзина, с Погодиным произошла очередная метаморфоза: из последовательного и ревностного поклонника он превратился в критика Карамзина. С 1827 г. Погодин издавал "Московский Вестник", где в № 4 за 1828 год напечатал свою раннюю статью (1823) "Нечто против мнения Н.М. Карамзина о начале Российского государства". Статья послужила поводом для его переписки с известным историком Николаем Сергеевичем Арцыбашевым (1773–1841) и публикации в "Московском вестнике" его "Замечаний на Историю Государства Российского". Эти "Замечания..." были такими грубыми и несправедливыми, что всколыхнули общественное мнение, Погодин молниеносно приобрел скандальную известность: его стали нарасхват приглашать в аристократические салоны, где он горячо спорил с апологетами Карамзина. Главным оппонентом Михаила Петровича стал князь П.А. Вяземский. В 1866 г., на одном из торжеств, посвященных Вяземскому, Погодин, припомнив давнишнюю ситуацию, признался: «Нечего говорить, что князь Вяземский был совершенно прав, осуждая мои софизмы, которые по молодости представлялись мне непреложными истинами [...], но он был не совсем справедлив, представляя в карикатурном виде мое суждение об "Истории" Карамзина и заподозрив чувства моего беспредельного к нему уважения. Этот случай мог бы служить уроком и примером молодежи, чтоб быть осторожнее в своих приговорах, которые им самим через несколько времени могут представиться с другой стороны, говорю мог бы – потому что не могу сказать может, видя совершенно другое направление»¹⁰.

По мнению В.П. Козлова, Погодин решил поместить в своем журнале "критику Арцыбашева" "во имя будущего исторической науки", хотя и предвидел, что эта критика "вызовет возмущение у сторонников историографии"¹¹. Высокопарность и дидактизм позднего высказывания Погодина не совсем понятны – ведь в 1828 г. его оппонент тоже не был убежденным сединой старцем. Скорее всего, как и после смерти Карамзина, когда Погодин размышлял – кто возьмет на себя право, в первую очередь моральное, написания и издания биографии историографа: аристократ Вяземский, или разночинец Погодин. Теперь перед ним встает новая дилемма: имеет ли он право критиковать Карамзина.

В глазах современников, несмотря на этот антикарамзинский зигзаг, Погодин оставался все-таки карамзинистом, что подтверждается любопытным студенческим стихотворением, дата написания которого точно не установлена, но, по всей видимости, оно относится к концу 1860-х – началу 1870-х годов. (Фраза "С Карамзина воспоминаньем" показывает возможное знакомство автора с книгой Погодина "Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников", которая вышла в 1866 г.):

Погодин чувства всем развяжет,
Он с Русью говорить привык, –
И Русь ему спасибо скажет
За смелый, искренний язык.
С Карамзина воспоминаньем –

⁹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1904. Кн. 2. С. 21–22.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 2.

¹¹ Козлов В.П. "История государства Российского" Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 128. См. здесь же интересную интерпретацию коллизий, связанных с публикацией "Замечаний..." Н.С. Арцыбашева в "Московском вестнике" и ролью М.П. Погодина в этих событиях (С. 127–134).

Как все, признательность мою –
Я выражал рукоплесканьем,
Теперь – в привет сердечный пью –
Москве и Гостю дорогом,
Желая, чтоб он много лет
Учил нас жить не по чужому
России в честь и правде в след!¹²

В другом стихотворении, посвященном Погодину и написанном самим П.А. Вяземским, хоть и слышны отзвуки старого спора, но на первый план выходит мотив патриотизма, косвенно связывающий Михаила Петровича с Карамзиным:

На голос родины все чувства в нем звучали,
Он родину любил и в мертвых, и в живых;
С любовью проверял народные скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь в них...
В вопросах дня и в шуме треволнений
Горячим был и он участником в борьбе,
Но не заискивал чужих страстей и мнений;
Он ошибаться мог, но верен был себе!¹³

В августе 1845 г. Михаила Петровича можно было видеть в Остафьеве, подмосковном имении князя П.А. Вяземского, где Н.М. Карамзин в свое время долго жил и работал. Погодин писал там "Похвальное слово" историографу по случаю открытия памятника знаменитому историку в Симбирске. "Писал слово, – читаем в дневнике, – в той комнате, где Карамзин сочинял историю, думал о нем [...] Гулял по роще и саду Карамзина"¹⁴.

Для Михаила Петровича было важно даже прикосновение к вещам, которые окружали когда-то историографа: ему удалось переселиться в комнату Карамзина, хотя сначала его поселили в другой части дома. Он был несказанно рад и как бы черпал вдохновение в тех стенах, которые "видели" Карамзина. Когда Михаил Петрович подъезжал к Симбирску, то при одной мысли, что здесь родился великий человек, у него "сердце забилось".

О публикации в "Московском вестнике" "Замечаний..." Арцыбашева уже не вспоминали ни в обществе, ни в семье Николая Михайловича. Да и сам Михаил Петрович теперь был маститым ученым, крупнейшим историком своего времени, проповедником и защитником идей Карамзина. Его отношения с семьей историографа были самыми дружескими: он вел не очень активную, но доброжелательную переписку с сыновьями Николая Михайловича, бывал у них, приглашал к себе.

Переписка с Александром Николаевичем Карамзиным (1845–год первого, 1872– год последнего письма) затрагивает в основном бытовые темы и носит во многом этикетный характер. Погодин начал собирать материалы о Карамзине с 40-х годов, причем его интересовало абсолютно все, что касалось жизни Н.М. Карамзина же не слишком охотно расставались с семейными реликвиями.

Так, видимо, в ответ на просьбу Погодина, Александр Николаевич писал ему в ноябре 1856 г.: "... но портрет отца, который висит столько лет в кабинете брата вместе с таким же портретом матушки, я вполне уверен, что невестка моя не согласится отдать, хотя Вы и говорите, что его писал Ваш живописец. Она в этом кабинете постоянно задерживается и с кончины брата ничего в нем не переменила, а тем менее захочет отдать из него портрет отца. Когда я буду в

¹² ОР РГБ. Ф. 231. Р. 3. К. 14. Ед. хр. 57. Л. 1.

¹³ Цит. по: Тайны истории. М.П. Погодин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский о пользе исторических знаний: Сборник. М., 1994. С. 7.

¹⁴ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 182.

Петербурге, то похлопочу списать Вам такой же портрет, но об этом самом отложите попечение"¹⁵.

Некоторая натянутость в отношениях Погодина и Карамзиных наблюдалась даже после публикации биографии великого историографа. В ответ на очередную просьбу (70-е годы) о поиске полного экземпляра "Записки о древней и новой России" тот же Александр Николаевич осторожно отвечал: "Здесь при мне вовсе нет копии [...]. В деревне есть, но едва ли она безошибочна". Чтобы сгладить отказ, добавляет: "Я буду очень рад, если Вам удастся ее напечатать"¹⁶.

Но в главном деле – в подготовке биографии Карамзина – семья историографа оказала Погодину значительную помощь. Михаила Петровича интересовал в первую очередь механизм работы Карамзина над "Историей...", в одном из писем В.Н. Карамзину находим целую инструкцию: "Вот, что мне всего нужнее знать, многоуважаемый Владимир Николаевич; О механизме работы Н.М. – как он вел ее. Объясняюсь для ясности примером: ему следует описывать княжение Димитрия Донского. Что же – он перечитывал ли сначала все свидетельства, одно за другим, отмечал в них главные черты, делал у себя заметки, и потом сводил их, или весь сегмент перед своими глазами? Тотчас писал по прочтении и соображении? Велики были эти участки? Писал набрасывая, или сразу, и потом исправляя переписывал, сколько раз переписывал? По сколько писал например в день? Или как задается минимум и максимум? Велики были промежутки между писанным и переписанным? Когда перечитывал? Как? Про себя, или в семействе кому-нибудь?"

Впрочем, Погодин выяснял не только детали, касающиеся научных занятий своего героя, но и подробности его быта: "В котором часу он вставал? Когда принимался за работу? Сколько времени сидел за работой? Было ли среди работы отдохновение? Какое? Мне нужно знать весь его день, от утра до ночи. Сообщите, что знаете или же слышали об его характере домашнем, обращении с другими людьми, с знакомыми, с друзьями, посетителями". Об обращении Карамзина с посетителями Погодин знал сам, ведь он был гостем историографа, но ему важно было сопоставить собственный опыт с впечатлениями других людей. Продолжение "инструкции" отсылает В.Н. Карамзина к другим членам семьи: "Также многое может сообщить княгиня Мещерская. Попросите ее продиктовать хоть конспект, которого я прошу и об ответах на некоторые выше писанные вопросы. Нет ли у вас или у нее черновых каких листов Истории? Как был устроен кабинет? Какой порядок вещей? Его вкусы, начиная от столового: какие кушанья он любил, вина, аппетит. Иное, разумеется, нужно не для описания, а к сведению". Биограф сознавался: "Мне хочется писать его собственными словами из его сочинений, из показаний современников, а потом передать впечатления произведенные и производимые им..."

Такое желание проникнуть в характер Николая Михайловича, в его привычки, в его методы работы, в его быт показывает до какой степени Михаил Петрович стремился "раствориться" в Карамзине, сделать его "своим", доказать, что он является достойным преемником великого предшественника. Обосновывал Погодин свое "право" на Карамзина, заявляя, что «слишком 45 лет уже [...] не проходит один день, когда б "История государства Российского" не была б в моих руках». Особенно интересно то, что многие подробности были необходимы "не для описания, а к сведению". Биограф разработал специальный вопросник для реконструкции характера Николая Михайловича, который предъявлял многим лицам:

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 231. Р. 2. К. 14. Ед. хр. 85. Л. 10–10 об.

¹⁶ Там же. Л. 20.

О спокойствии или тревожности,
О вспыльчивости,
О терпении,
О желаниях,
О самолюбии,
О привязанности, и проч.¹⁷

Возможно, он хотел разобраться в феномене Н.М. Карамзина, чтобы скорректировать свои поведенческие стратегии, идя по следам "великого мужа". Михаил Петрович продельвал титаническую работу, составлял многочисленные списки лиц, которые должны были прислать ему материалы о Н.М. Карамзине, среди которых были Ф.Н. Глинка, М.А. Дмитриев, В.Н. Карамзин, К.С. Сербинович и многие другие. Почти все, к кому обращался Погодин, выполняли его просьбы, присылая материалы самого разнообразного характера.

В фонде М.П. Погодина в ОР РГБ хранится множество материалов, связанных с работой историка над биографией Н.М. Карамзина. Приведем одно из таких дел – перечень, составленный неустановленным лицом:

а) Письма к М.П. Погодину и сообщения ему по поводу издания материалов для биографии Н.М. Карамзина.

Гр. Геннади – 1. Ф.Н. Глинка – 1. М.А. Дмитриев – 1. В.Н. Карамзин – 1. Кн. Мещерский – 1. Н. Иванчин-Писарев – 1. К.С. Сербинович – 35 (1 не рукою Сербиновича)

В связке "Карамзин" находятся: [Эта строка в рукописи зачеркнута.]

[...] 1. Список печатных сведений о Карамзине – Гр. Геннади, с дополнением.

2. Копия: Письма Н.М. Карамзина к брату Василию Михайловичу.

3. Мои воспоминания о Карамзине. Ф. Глинка.

4. Мои ответы (К.С. Сербиновича).

5. Материалы для биографии Карамзина собранные, большею частию, К.С. Сербиновичем, копии с писем Карамзина и др. Из того, что помечено на обложках тетрадок, многого нет, а часть в дефектном виде.

6. Собрание писем Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу...

1. Материалы, собр. К.С. Сербиновичем.

Восп. О Карамз. Ф. Глинки.

II Копии с писем Карамз. и др.

III Матер. для статьи о кн. Пожарском. [Эта строка в рукописи зачеркнута.]

II в) Воспоминания Б.М. Федорова...¹⁸

Михаила Петровича интересовало движение мысли великого историка не только в "Истории государства Российского", но и в других произведениях. Когда в его руки попали корректуры ранних переводов Карамзина, он воскликнул в письме к Владимиру Николаевичу Карамзину: "Бог послал мне и Вам сокровище прямо с неба – собрание подлинных корректур с собственноручною подписью по листам и многочисленными поправками Николая Михайловича, из 80 годов до путешествия. Это первые его переводы. Каким образом сохранилась эта книга и очутилась у какого-то попа, это Бог только знает. Прислал мне ее Ф.Н. Глинка вместе с собственными любопытными известиями о 20 годах"¹⁹.

Пометы и поправки раннего Карамзина, когда он находился, по наблюдению Ю.М. Лотмана, в позиции ученика, позволяли проследить путь формирования личности Николая Михайловича, увидеть, каким образом возник удивительный феномен писателя-историка. Возможно, что Погодин сравнивал научное становление Карамзина со своей судьбой, пытаясь найти общие точки соприкосновения.

Примечательно в вышеприведенном письме Погодина обращение его к Владимиру Николаевичу: "Бог послал мне и Вам..." Михаил Петрович подчеркнул

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 1–2.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 231. Р. 3. К. 22. Ед. хр. 39. Л. 1–3.

¹⁹ Там же. Р. 1. К. 44. Ед. хр. 75. Л. 1 об.

общую значимость удачи, поскольку между ними возникали некоторые трения этического характера. Считалось, что семья Карамзина имеет первоочередное право на изыскания о нем, а Владимир Николаевич вообще называл себя "соучастником" написания биографии отца, и Погодину приходилось с этим считаться. Обидевшись на полушутливое, полусерьезное замечание, сделанное Владимиром Николаевичем, которому показалось, что его оттесняют на второй план, Михаил Петрович писал: "...никогда и в помышлении у меня не было считать Вас посторонним. Оборони Боже. Давайте ж руку, поцелуемся и забудем набегавшее облачко. Не опасайтесь, чтобы такие письма меня утомляли. Напротив они развлекают и отводят от головы толкающиеся мысли. После всякого такого письма я ложусь и отдыхаю, веселый. Прошу Вас прислать мне все полученное от князя Вяземского с моими тетрадами"²⁰. Эта проговорка позволяет понять, что на самом деле Погодин не раз задумывался о своем приоритете в работе над биографией Карамзина. Несомненно, что ему хотелось считаться единственным законным наследником великого человека, но без помощи Карамзиных он не смог бы собрать многие материалы и это приходилось учитывать.

Даже занимаясь собственными проблемами, Погодин не упускал случая выяснить какие-нибудь новые подробности о Карамзине. Так, в письме к Модесту Андреевичу Корфу по поводу своей "Древней русской истории до монгольского ига" (от 6 февраля 1865 г.), он не преминул заметить: "Я занят теперь совершенно биографией Карамзина, и смею просить Ваше Высокопревосходительство о сообщении мне отрывков об нем из ваших записок: вы ведь видели его несколько лет и верно многое заметили и записали"²¹.

Владимир Николаевич Карамзин активно помогал Погодину в деле сбора материалов для биографии отца. Именно через него Погодин задавал свои вопросы о Карамзине князю Вяземскому, который отвечал сжато и лапидарно. В письме Владимира Николаевича от 1 декабря 1864 г. читаем: "Милостивый Государь Михаил Петрович, прилагаю у сего полученные мною от кн. Вяземского ответы на заданные Вами ему вопросы. Они Вас, вероятно, не вполне удовлетворят по своей краткости, но содержание их, по свидетельству сестры моей княгини Мещерской, которая одна из всех нас кое-что помнит о последних годах жизни отца моего, верно и сообразно с действительностью. Впрочем и этим следует довольствоваться, ибо время бежит изглаживая за собой последние следы эпохи над которою Вы трудитесь. Вы были летом за границею, и мы тоже. Сердечно и умственно сожалею о том, что нам не пришлось где-нибудь съехаться и на досуге поговорить. Остается мне надеяться, что Вы в течение зимы побываете в Петербурге".

В.Н. Карамзин был активным консультантом Погодина, но помня о самолюбии Михаила Петровича, довольно деликатно предлагал совместную работу над корректурой биографии: "К.С. Сербинович сообщил мне, что в скором времени можно ожидать первых корректурных листов биографии отца. Будем их ожидать с величайшим нетерпением, и, если позволите, общими силами составим некоторые по сему предмету замечания для доставления по принадлежности, буде встретится в том надобность". В целом, отношения между В.Н. Карамзиным и М.П. Погодиным оставались вполне нормальными, и свой упрек об устранении от работы над биографией отца Владимир Николаевич вскоре взял назад (его почти не удивило, что Погодин "принял к сердцу" брошенное вскользь замечание).

Трогательное сочувствие к заболевшему ученому видим в письме Владимира

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ ОР РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 399. Л. 1.

Николаевича (от 1 апреля 1865 г.), с помощью которого можно приблизительно датировать письмо Погодина, в котором он отговаривался от обвинений в устраниении от работы Владимира Николаевича (март 1865 г.): "Многоуважаемый Михаил Петрович. Прискорбно было нам узнать о тяжелой Вашей болезни, хотя мы несколько и утешены известием об улучшении Вашего состояния. Болезнь эта по обстоятельствам, при коих она возникла, и по характеру своему, явно произошла от усиленных Ваших умственных и ученых трудов. Вы себя слишком мало бережете; следовательно нам приходится Вас беречь и усиленно просить Вас от лица многочисленных Ваших почитателей, дать себе совершенное отдохновение и покой, а не то, при возобновлении занятий, может возвратиться и болезнь, второй приступ коей всегда значительное и опаснее первого. Меня немало удивило то, что Вы, как говорят, приняли к сердцу мой упрек об устраниении меня в деле биографии отца. Я, конечно, не мог видеть тут никакого с Вашей стороны умысла и упомянул об этом мимоходом как бы в шутку [...] От всего сердца желаю, чтобы Вы поскорее оправились от болезни, и набрались бы новых сил, столь Вам необходимых для довершения прекрасного Вашего труда и для представления его публике. Очень неудобно переписываться по такому предмету. Напишешь много, а скажешь мало, тогда как при личном свидании в немногих словах можно много высказать и во многом согласиться. Позволю себе обнять Вас душевно, и просить принять уверения в чувстве моего глубокого к Вам уважения. В. Карамзин"²².

Сами цели, которые Погодин провозглашал, начиная работу над биографией Карамзина, весьма любопытны и могут выявить общественно-политическую позицию позднего Погодина. Михаил Петрович в первую очередь хотел "принести пользу молодому поколению, ставя перед его глазами прекрасный пример гражданских доблестей и человеческих добродетелей, в соединении с высоким талантом, изобразив Карамзина как можно вернее и нагляднее". Способ работы выбирается такой, что "всякие мысли об авторском самолюбии" пришлось откинуть в сторону. Погодин составил биографию, отыскивая в «сочинениях и письмах Карамзина "характеристические" черты, выражающие сущность его природы, во всех отношениях, пытался подслушивать его искренние речи с ближними, подсматривать его невольные движения, угадывать его заветные мысли, ловить звуки, вырывающиеся из его сердца в различных обстоятельствах жизни», а также "обращался с своими вопросами к его современникам, припомнал все [...] слышанное и узнанное [...], а сам при передаче полученных сведений прятался за кулисами, за ширмами, являясь только в необходимых случаях на сцену для пояснения или дополнения"²³. Для Михаила Петровича это было своеобразным подвигом, имея в виду всегдашнее его желание продемонстрировать в исторических изысканиях собственную позицию, собственную точку зрения.

В посвящении своего труда наследнику Александру Александровичу Погодин подчеркивает "мозаичность" книги и высказывает пожелание цесаревичу чаще встречать граждан, "исполненных карамзинского духа и преданности Православной Церкви, престолу и отечеству, нашей святой Руси – граждан, говорящих, не обинуясь, правду"²⁴. Интересно, что Н.П. Барсуков в 1882 г., заключая договор с вдовой Погодина на написание биографии Михаила Петровича, определяет жанр своей работы сходным образом – "составление жизнеописания".

Наиболее доверительные отношения сложились у Михаила Петровича не с

²² ОР РГБ. Ф. 231. Р. 2. К. 14. Ед. хр. 87. Л. 2–5.

²³ Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин... Ч. 1. С. 1–2.

²⁴ Там же. Посвящение.

Владимиром Николаевичем, а с Александром Николаевичем Карамзиным (несмотря на некоторые недоразумения). В их переписке часто встречаются упоминания о публичных чтениях, на которых Погодин читал написанные главы биографии Николая Михайловича. В письме от 29 января 1865 г. сквозит чувство озабоченности и ответственности за судьбу будущей книги: "Почтеннейший Михаил Петрович! Оказывается, что в воскресенье не все члены семейства могут собраться у нас. Поэтому, если Вам все равно, то нельзя ли для чтения назначить вместо воскресенья понедельник 1-го февраля в 8 часов вечера у нас, т.е. в доме гражданского губернатора. Пожалуйста, уведомите словечком. Душою преданный Вам А. Карамзин"²⁵. Щепетильность А.Н. Карамзина сквозит и в последующей записке: "Почтеннейший Михаил Петрович! Ожидаем Вас завтра во вторник в 8 час. вечера и надеемся, что Вы нам не измените. К крайнему сожалению, мне невозможно было быть вчера на чтении"²⁶.

Сохранилось особенно проникновенное письмо А.Н. Карамзина Погодину от 1 января 1872 г.: "Чувствую потребность, досточтимый, дорогой и любимый Михаил Петрович, послать Вам, хотя письменно, мой задушевный привет по случаю начала нового года и нового полувека Вашему служению на пользу Русского просвещения, которое так торжественно и горячо было оценено сонмом лучших представителей Русского и Славянского просвещенного мира. Читая вслух больной жене описание этого торжества, не могу выразить, какой горячей радостью обдавало мне душу, но за этой радостью меня ущемило горькое и горестное чувство: не только меня не допустил Господь быть участником в празднике столь дорогом для меня, но ни один из Карамзиных не находился там, где праздновался Погодин! Да будет воля Того, чьи судьбы неисповедимы и чья рука легла на все семя Карамзиных[х]. Старших из нас не стало, меньшая сестра больна в Петербурге, брат, скитаясь по Италии, ищет и не обретет покоя разбитому сердцу, я семь месяцев сижу сиделкой при моей бедной страдальце. Даже ныне не могу ехать в даль Девичьего поля, чтобы обнять Вас, чего так бы хотелось. Зато пишу Вам эти строки в самую полночь, как только стукнул в дверь Новый год. Примите же мои пожелания, которыми полно для Вас сердце. Вся надежда на Ваше великодушие, которое верно понудит Вас отыскать свободный часок и посетить нас, горьких, как Вы раз уже и сделали, чем много утешили всем сердцем и душой Вам преданного А. Карамзина..."²⁷

Помощь членов семьи Н.М. Карамзина при работе над его биографией была весьма ощутимой, но шкала жизненных ценностей великого историка, которую строит Погодин в книге, перекликается в первую очередь с системой ценностей самого Михаила Петровича. Дар творчества, красоты природы, выдающиеся произведения искусства, любимое отечество ценились историографом, по мнению Погодина, выше всего. Доброта, откровенность, чувствительность, пылкость воображения, впечатлительность, склонность к меланхолии, ясный ум – вот те душевные качества, которые автор находит у своего героя. Несмотря на кажущуюся цельность этого списка, все эти качества – суть общие места, которые без особого труда можно подставить к любой более или менее масштабной исторической фигуре, в том числе и к самому биографу.

Когда Погодин касается конкретных черт Карамзина, он впадает в жанр "житийности", отмечая, что Николай Михайлович "ни перед кем не уронил себя", умел задать интересный вопрос, придумать остроумный ответ и приобрести благорасположение "Виландов, Лафатеров, Боннетов..." Такое умение

²⁵ ОР РГБ. Ф. 231. Р. 2. К. 14. Ед. хр. 85. Л. 12–12 об.

²⁶ Там же. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 16–17.

"не уронить себя" существенно как раз для самого Михаила Петровича и очень сомнительно, чтобы Карамзин мог ставить перед собой подобные жизненные установки. По мнению Погодина, Карамзин продолжил дело Ломоносова и стал его главным преемником. Автор биографии явно видит себя в качестве наследника и преемника теперь уже Карамзина, и потому так досаждает на невнимание к историографу со стороны Екатерины II. Трудно предположить Николая Михайловича негодующим на Екатерину II за невнимание к себе. В доказательство Погодин приводит те строчки записок Карамзина, где тот размышляет о написании похвальных слов Петру I, Ломоносову, другим великим мира сего. Михаил Петрович явно переоценивает ориентацию своего героя на высоты власти. Особенно ярко это видно по выдержкам из дневника Карамзина за 1798 г., которые цитирует автор, не заботясь особо об их связи с оценками и прогнозами, сделанными ранее. 18 января 1798 г. историограф писал: "...согласен, чтобы весь 98 год был для меня похож на конец 97-го. Восторги редки и дороги; их почти страшно желать, особливо за тридцать лет; довольно, чтобы не очень беспокоиться, не очень скучать, иметь некоторые удовольствия, чувствовать иногда свою цену, редко на себя досадовать – так я, кажется, заключил прошедший год, и так хотел бы жить в течение нынешнего"²⁸.

Погодин находил, что такие записи Карамзина перекликаются с его собственными ранними дневниковыми записями и это служило ему лишним доказательством схожести их биографий. На самом деле все было несколько иначе: твердость в стремлении сохранить принципы независимости проявлялась у Карамзина всегда, но особенно отчетливо – после смерти Екатерины II. Карамзин писал тогда Дмитриеву: "Я мог бы ехать в Петербург, но не скажут ли, что я еду искать, добиваться и пр.?"²⁹ Считая себя пострадавшим в последние годы царствования императрицы, Николай Михайлович не хотел домогаться внимания нового царя: личная независимость была дороже царской милости. Карамзин учитывает также общественное мнение: ("Не скажут ли?"), ему важно, чтобы читатель знал о его независимости. Быть писателем для Карамзина значило быть частным лицом и честным человеком.

Как отмечал Ю.М. Лотман, "принцип ничего не принимать в подарок", "получать меньше, чем заслуживаешь – залог независимости – на протяжении всей жизни оставался для него неизблемым"³⁰. (Он жил по формуле А.С. Пушкина: "...для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...")

Вспомним и об одной истории, случившейся с Михаилом Петровичем в 1863 г. в Санкт-Петербурге, куда он приехал специально, хлопоча об издании своей "Древней русской истории до монгольского ига". (Погодин добивался разрешения издания "на казенный счет", считая свою книгу полезной для государственных интересов России.) Дело затягивалось, никакое казенное ведомство не хотело брать на себя расходы по изданию. Во время очередной беседы с бароном Корфом, Погодин вспомнил давний случай с Карамзиным, когда тот в 1816 г. привез "Историю" в Петербург и "целый месяц" скитался по гостиним, ожидая аудиенции у императора. Тогда кто-то посоветовал ему действовать через графа Аракчеева и по интерпретации Погодина, "историограф должен был напаять на себя мундир и ехать на поклон к могущественному временщику". После этого, царь принял благосклонно Карамзина, велел печатать в казенной типографии его "Историю", осыпал почестями и наградами. Погодин жаловался Корфу, что рад бы найти "какого-нибудь графа Аракчеева", но ему

²⁸ Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин... Ч. 1. С. 296.

²⁹ Карамзин Н.М. Письма к Дмитриеву И.И. (Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву). СПб., 1866. С. 71.

³⁰ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 256.

сообщили, что у нынешнего царя "никаких Аракчеевых нет"³¹. (Действительно, по свидетельству Ф.Н. Глинки "...обе государыни были на стороне Карамзина, многие влиятельные особы стояли за него; но все чего-то недоставало. Полагали и, кажется, не ошибались, что Н[иколаю] М[ихайлови]чу следовало сделать визит Аракчееву. Он исполнил эту процедуру, и на третий же, если не на другой день, Истории Р[оссийского] Г[осударства] разрешено появиться в свет".)³²

Сетования Погодина демонстрируют всю несхожесть его миропонимания с миропониманием Карамзина. В действительности, Николай Михайлович с самого начала понимал, что стоит ему обратиться к Аракчееву – и его дело быстро разрешится. Но чувство личного достоинства дворянина не позволяло ему обращаться за помощью в устройстве аудиенции у императора к временщику – император именно сам должен был принять такое решение. Особенно отчетливо это прослеживается по письмам Карамзина к жене этого периода. "Хочу единственно должного и справедливого, а не милостей и подарков", – подчеркивает он в одном из писем. В другом с возмущением пишет, что в Петербурге его "держат" "бесполезно и почти самым оскорбительным образом". Испытание "розами", которыми окружающие его "засыпают", "но ими душат", Карамзин выдерживает с честью: "Я никого не хочу оскорбить грубостью, – пишет он тому же корреспонденту, – но мое ли дело идти криво"³³. Целый месяц друзья уговаривали Николая Михайловича пойти к Аракчееву, который звал его на приемы, пока, пересилив себя, историограф все же принял приглашение "истинно русского неученого дворянина" и посетил его салон. После этого дела действительно пошли самым лучшим образом, но какими внутренними усилиями это далось Карамзину! Для Погодина подобное развитие событий представлялось возможным и вполне естественным. Он без особых сомнений готов был принять зов любого нового аракчеева.

Карамзин четко разграничивал свободу личную и политическую. Признавая возможность подчинения каким-либо политическим институтам (в первую очередь – государству), он был максималистом, когда дело касалось личной свободы. Иметь свои ценности, этические, вкусовые предпочтения, говорить то, что думаешь, а не то, что ожидает услышать от тебя собеседник – было для Николая Михайловича безусловным "правилом поведения". Ни в какой ситуации не отказываться от себя, от возможности говорить правду, не обращая внимания на "неудобства", связанные с такой жесткой позицией; ничем не поступаться, превыше всего ставить личную независимость, забывая порой о благоразумии даже в разговорах с царем.

Для Погодина подобного четкого разграничения личных и политических свобод, видимо, не существовало. Смешивая общественные и личные поступки, он порой переносил споры с оппонентами, например в научной сфере, на личные отношения и зачастую был нетерпим с людьми, возражающими ему в учебной аудитории или на страницах журнала. К тому же Михаил Петрович готов был идти, пусть даже для пользы дела, на компромиссы с властьпридержащими, чего не прощала ему либеральная профессура XIX в. и уж тем более – марксистская историография.

В 1863 г. Погодин совершает поездку в Петербург с тем, чтобы добиться важного государственного поста (он посчитал себя обязанным помочь стране в трудную минуту). Внешне Михаил Петрович повторил попытки привлечения Карамзина к государственной деятельности. Не найдя места, где он мог бы

³¹ ОР РГБ. Ф. 231. Р. 1. К. 42. Ед. хр. 28. Л. 1 об.

³² Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990. С. 445.

³³ Письма Н.М. Карамзина к его супруге из Петербурга в Москву 1816 г. // РА. 1911. № 8. С. 567, 581, 582, 586.

"приносить пользу" державе, историк сетует: "Верно не судьба мне служить, как и Карамзину, который несколько раз находился в подобных обстоятельствах"³⁴. Разница состояла в том, что Карамзин мог лично влиять на Александра I, Погодин же, не имея такой возможности по отношению к Александру II, пытается все-таки "проиграть" ситуацию, в которой оказывался Карамзин, предлагая свои услуги правительству напрямую.

Идеализируя взаимоотношения Карамзина и Александра I, считая их совершенными в схеме "Историк – Царь", Погодин пытается строить подобные отношения с Александром II, правда, в отличие от Карамзина, он никогда не был приближен ко двору настолько, чтобы там прислушивались к его советам. Пытаясь обратить на себя высочайшее внимание, хоть в чем-то моделируя внимание Александра I к Карамзину, Погодин не только пытается угодить трону, но и распространяет довольно острые критические публицистические письма во время Крымской войны. Ведь главное достоинство Карамзина историк видел в гражданском мужестве произнести, без всякого лицемерия, мнение, которое он по долгу совести и присяги считал справедливым и полезным, какие бы от того ни произошли последствия. Поэтому Погодин вслед за Карамзиным "не убоился сказать прямо все, что чувствовал" в критический для России момент.

Быть наперстником царя, его советчиком и другом – возможно самая главная цель жизни ученого. Не без зависти цитирует Погодин записку Карамзина о разговоре с царем: "Я пил у него чай в кабинете, и мы пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу за полночь. На другой день я у него обедал, обедал еще в Петербурге [...] но мы душою расстались, кажется, навеки..."³⁵ Если бы Погодин имел возможность, он, как и Карамзин "преданный от всей души царскому семейству", ездил бы "всякий день во дворец, говорить, т.е. служить свою святую службу любезному отечеству, отдавать ему [...] долг"³⁶. Внутренне он осознавал себя именно тем историком, который имеет мужество давать советы правительству, говорить правду, какой бы она ни была горькой, в лицо первым сановникам государства.

Патриотический настрой ученого также подвергался влиянию Карамзина. Погодин писал: "Такой человек мог ли не быть предан всецело своему отечеству! Для существа нравственного, вопреки нелепым толкам, раздававшимся у нас, к несчастью [...], что может быть дороже и любезнее отечества, с которым мы связаны узами физическими и моральными одинаково, как растение связано с своею почвою. Карамзин всю жизнь свою посвятил изучению истории отечества и прожил с ним все его судьбы, перенес на себе все его раны и бедствия, переучаствовал все его радости – мудрено ли, что отечество, Россия была для него все, или лучше, составляла с ним одно!" Фактически он писал о себе, перечисляя такие качества историографа, как кротость, терпение, сострадание, желание всеобщего блага, описывал идеал, к которому стремился.

"Читай историю рода человеческого, – писал Карамзин, – и если сердце твое не обольется кровью, оставь перо, – или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей". Это имел в виду Погодин, когда говорил, что его попытки дописать "Историю государства Российского" чрезвычайно плодотворны, и что описание исторических событий выходит очень живым и непосредственным.

Было у Карамзина и то, что Погодин считал недостижимым для себя. Он рассказывал, что Шишков, председатель Российской академии, горячий ревнитель церковного языка, принял в штыки так называемые языковые ново-

³⁴ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1909. Кн. 21. С. 149.

³⁵ Цит. по: Погодин М.П. О Карамзине, как человеке и гражданине. С. 80–81.

³⁶ Там же. С. 83.

ведения Карамзина, и написал книгу "О старом и новом слоге", где подверг его резкой критике. Раздраженный Дмитриев потребовал, чтобы Карамзин ответил Шишкову. Тот долго отговаривался, но, наконец, вынужден был согласиться. "Когда же привезешь ты мне статью? – спросил Дмитриев. "Через две недели", – ответил Карамзин и принялся за работу. Наступил срок. Карамзин привозит толстую тетрадь. Началось чтение. Дмитриев в восторге, выражает беспрестанно свое одобрение [...]. Чтение кончилось. "Ну, ты видишь, – сказал Карамзин, – я написал и сдержал свое слово, исполнил твою волю. Теперь ты позволь мне исполнить свою". И с этими словами бросает свою тетрадь в камин³⁷.

Характеризуя таким образом Карамзина, Михаил Петрович надеялся, что когда-нибудь потомки напишут так и о нем. Ведь, по мнению Погодина, их связывало главное – русский дух. Современники, однако, расставили несколько иные акценты. М.Е. Салтыков-Щедрин во вступлении "От издателя" к "Истории одного города" одним из главных залогов "предотвращения злонамеренных толкований" "Истории" называет то, что "весь его труд" заключается лишь в исправлении "тяжелого" и "устарелого" слога "Летописца", причем "С первой минуты до последней издателя не покидал грозный образ Михаила Петровича Погодина, и это одно уже может служить ручательством, с каким почтительным трепетом он относился к своей задаче"³⁸. Показательно, что имя Погодина в этом контексте является у писателя синонимом благонадежности. С.О. Шмидт заметил, что во время выхода в свет "Истории одного города" (1869), Погодин был среди историков едва ли "не самым рьяным" "адептом" Карамзина и, следовательно, М.Е. Салтыков-Щедрин косвенно как бы соединяет эти два имени. К тому же, дальнейший текст писателя связывают с "Историей государства Российского" "самые непосредственные ассоциации"³⁹.

Погодин удивительным образом повторил почти все этапы жизненного пути Карамзина: писал романтические повести, публиковал записки о зарубежных путешествиях, занимался издательской деятельностью, работал над проблемами русской истории, вел активную политическую деятельность. Но за внешним сходством скрываются противоречия, разделявшие этих двух людей. Если для Карамзина собственная жизнь была не случайной игрой судьбы, или стечением обстоятельств, а результатом твердого выбора и в некотором смысле осознанным творением собственной биографии, то для Погодина это выбор "почтенной" деятельности. Можно предположить, что Погодин шел "путем" Карамзина, сознательно и последовательно повторяя многие его "жизненные стратегии", для того, чтобы занять в обществе место, схожее с тем, какое занимал Карамзин. Отсюда и тема биографии Н.М. Карамзина, избранная М.П. Погодиным.

³⁷ Там же. С. 77, 76.

³⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1988. Т. 2. С. 295.

³⁹ Шмидт С.О. "История государства Российского" в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского: Репринт. воспр. изд-я 1842–1844 гг.: В 3 кн. с прил. Кн. 4: Прил. М., 1988. С. 40.

С.В. Житомирская

А.А. ГЕРЦЕН В РАБОТЕ НАД БИОГРАФИЕЙ ГЕРЦЕНА

Сто лет назад в 1896 г., в Румянцевском музее открылось особое отделение, получившее название "Комната людей 40-х годов". Под этим вполне нейтральным названием скрывалось основанное в музее хранилище материалов русского освободительного движения первой половины XIX в., и в первую очередь А.И. Герцена. Замысел его принадлежал Е.С. Некрасовой, к тому времени уже более 10 лет собиравшей письма и другие автографы Герцена. Реализация же этого замысла стала возможной только с появлением в 1896 г. в музее нового директора – М.А. Веневитинова. Открытие "Комнаты" стало важным аргументом в пользу передачи в Россию архива Герцена, хранившегося у его детей. Прошло, однако, несколько лет, прежде чем они на это решились, и только в сентябре 1901 г. из Швейцарии в Москву прибыли первые два пакета с материалами из архива Герцена и Огарева. С этого момента ведет свое начало история собирания этого архива на родине, в которой, на первом ее этапе, выдающуюся роль сыграл основной хранитель наследия отца, старший сын Герцена Александр Александрович¹.

Процесс этот, однако, был прерван еще до первой мировой войны и растянулся на три четверти века. Но и тогда, по множеству причин, далеко не весь архив оказался в России; части его поступили в европейские и американские хранилища. Это было подробно описано автором этих строк в другой работе². Здесь же надо напомнить только об одной из этих причин, следствием которой стал и тот эпизод, которому посвящена данная заметка: это отсутствие полноценной информации, поиски ее ощутяю, приводившие к недоразумениям и заблуждениям.

По окончании второй мировой войны из Праги и Софии в Москву были переданы две значительные части материалов архива Герцена, до середины 1930-х годов хранившиеся у его дочери Натальи Александровны. Очевидно было, однако, что существуют еще другие части архива. К разысканиям материалов, которые могли оставаться еще за рубежом, приступила тогда редакция "Литературного наследия". Достоверной информацией о составе сохранившегося архива Герцена и о его местонахождении редакция не располагала. И если первым шагом стали легко предсказуемые поиски писем Герцена к деятелям культуры и международной демократии, находящихся в хранилищах Европы и Америки (результат – том "Герцен в заграничных коллекциях" и значительное пополнение источниковой базы начатого тогда 30-томного собрания сочинений), то выяснить судьбу материалов собственно архива Герцена и Огарева, не попавших ни в Прагу, ни в Софию, было гораздо труднее.

¹ Подробнее см.: *Житомирская С.* Первый музей русского освободительного движения // Федоровские чтения. 1974. М., 1975. С. 26–50.

² Судьба архива А.И. Герцена и Н.П. Огарева // ЛН. 1985. Т. 96. С. 549–640.

Этим занимался в основном С.А. Макашин, обратившийся прежде всего естественно к потомкам Герцена – его престарелой дочери Ольге Моно и внучке Жермен Рист. Оказалось, к сожалению, что и сами потомки имеют весьма отдаленное представление о тех бумагах, которые были у них. Однако они кое-что сообщили о документах, переданных еще до войны в другие хранилища, в частности о тех, которые, по довольно туманным семейным сведениям, старший сын А.А. Герцена Владимир передал в 1938 г. в Международный институт социальной истории в Амстердаме.

Получив от Жермен Рист последнее сообщение, Макашин был в недоумении. Осенью 1955 г. он писал ей: «Мы давно уже находимся в переписке с Международным институтом социальной истории в Амстердаме. Мы получили фотокопии с хранящихся у них писем Герцена и Огарева, но они ничего не сообщали нам о рукописи пятой части "Былого и дум", которую мы упорно ищем по всему свету»³. Следует объяснить, что амстердамский институт вовсе не намеревался что-либо скрывать. У него просто не было никакого повода сообщать "Литературному наследству" о хранящейся там рукописи части "Былого и дум". Ведь запрос редакции при подготовке тома "Герцен в зарубежных коллекциях" касался только писем писателя, а не автографов Герцена вообще и тем более не разнообразных материалов из его архива.

Переписка С.А. Макашина с институтом, хранящаяся в архиве редакции "Литературного наследства", демонстрирует взаимное непонимание, неполные ответы, являвшиеся следствием неточно поставленных вопросов. Даже снова обратившись в институт после сообщения Жермен Рист, и поставив вопрос в более общей форме, С.А. Макашин и тут не запросил прямо о любых документах, являвшихся некогда частью архива Герцена – и в результате множество материалов снова остались не названными в новом ответе института. Эти недоразумения вскрылись гораздо позже, когда в 1960 – начале 1970-х годов фотокопии документов из амстердамской части архива Герцена начали постепенно поступать по обмену в ОР ГБЛ. Обширный перечень того, что не успела в конце концов получить библиотека, содержится в письме С.А. Макашину от директора Амстердамского института Лео Ван-Россума. Оно уже опубликовано⁴, и показало, сколько ценных материалов из архива Герцена все еще не вошло в науку.

Среди прочих материалов в этом перечне упоминалась, в частности, какая-то статья А.А. Герцена об отце. Занимаясь историей архива Герцена и Огарева и заметив в списке Ван-Россума это упоминание, автор настоящей статьи сперва предположила, что это неизвестная статья, которую А.А. Герцен написал в 1870 г. для готовившегося вскоре после смерти его отца "Сборника посмертных статей". Она по каким-то причинам не была напечатана в сборнике, а была заменена несколькими вступительными строками Огарева. Но тот факт, что А.А. Герцен написал ее и отослал Н.А. Тучковой-Огаревой в Женеву, подтверждается его перепиской с ней. 28 июня 1870 г. он спрашивал ее уже о полученной статье⁵. Правда, в "Литературном наследстве" это было выражено осторожно: «Рукопись предисловия А.А. Герцена, возможно, сохранилась в семейном архиве: в полученном редакцией "Литературного наследства" в 1965 г. из Международного института социальной истории перечне хранящихся там материалов из архива Герцена значится "рукопись статьи о Герцене его сына"»⁶. К сожалению, как выяснилось теперь, такое предположение было ошибочным.

³ Там же. С. 621.

⁴ Там же. С. 622.

⁵ Там же. С. 555.

⁶ Там же.

Было известно, впрочем, что А.А. Герцен еще раз обращался к биографии своего отца. Через много лет после его кончины, 31 мая 1893 г., он написал М.А. Драгоманову, которому уже в течение ряда лет доверял публикацию переписки отца: «Для литературного лексикона меня просят прислать краткую биографию отца – но главным образом желают очень точный ответ на следующие вопросы:

Основные фазы его философской, литературной и политической эволюции; значение и влияние его сочинений.

Каково было в точности его отношение к нигилизму, когда и почему он порвал с Бакуниным.

Каково значение "переписки", недавно опубликованной в России.

Вы все это так отлично знаете, что для Вас гораздо легче написать статью такого рода (не более 100 строк), чем для меня»⁷.

Под словами "Литературный лексикон" А.А. Герцен имел в виду "Большую французскую энциклопедию", как известно, имевшую подзаголовок "Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts" (Толковый словарь наук, литературы и искусств). Драгоманов согласился, и через несколько дней Александр Александрович уже благодарил его за статью. Статья была напечатана в 20-м томе Энциклопедии и подписана тремя буквами: D.H.M., что означало подписи не только Драгоманова, но и детей Герцена (Herzen, Monod). Но мысль, что рукопись А.А. Герцена, хранящаяся в Амстердаме, может иметь какое-либо отношение к этому биографическому опыту 1893 г., тогда не возникала. Однако это так.

В 1991 г. автору этих строк случилось побывать в Амстердаме и лично ознакомиться с той частью архива Герцена, которая находится в Международном институте социальной истории. Рукопись, о которой идет речь, оказалась довольно большой статьей, на 9 страницах in-folio, и несомненным черновым автографом А.А. Герцена. Законченная в собственно биографической части, она не завершена в части, следующей за биографией, где в некоторой последовательности представлено литературное наследие Герцена и его издательская деятельность.

Можно с достаточной долей уверенности предположить в этом тексте первоначальную попытку А.А. Герцена самостоятельно справиться с биографическим очерком об отце, который предложила ему написать редакция "Большой Энциклопедии". Нет ничего удивительного в том, что трудности оказались для него непреодолимыми – поглощенный своей профессиональной деятельностью и даже в молодости довольно далекий от трудов отца, он попросту не обладал необходимыми знаниями. Довольно сказать, что даже отказавшись уже от намерения самому написать эту статью и обращаясь с этой целью к Драгоманову, он приписал в конце своего письма: «Не вспомните ли, когда начала и когда кончилась публикация "Полярной звезды" и сколько томов "Колокола" вышло всего?»⁸. Не мог он, разумеется, и достигнуть нужной краткости – 100 строк!

И тем не менее неопубликованный вариант биографии Герцена, написанный его сыном, имеет несомненный интерес, демонстрируя характер представлений о великом писателе и мыслителе его ближайшего потомства.

Ксерокопия статьи А.А. Герцена, хранящейся в Амстердаме, находится теперь в музее Герцена в Москве.

⁷ Там же. С. 573.

⁸ Там же.

С.О. Шмидт

**ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ
И АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ**

(К 90-летию со дня рождения ученого)

Творческое долголетие нашего великого современника поразительно. Дмитрий Сергеевич ежегодно обогащает гуманитарные науки новыми трудами (причем зачастую по тематике, по которой ранее у него не было специальных работ) и по-прежнему живо откликается на явления современного общественного бытия. Такой феномен должен привлечь научную мысль и медиков, и биологов. Думается все же, что объясняется это не только счастливыми особенностями генофонда Д.С. Лихачева, но и системой его жизнеощущения, манерой жизненного поведения, неизменно устойчивыми в своей основе.

Это – жизнь не только для себя, но и для людей, а также и

каждодневный творческий труд. Д.С. Лихачеву чужды негативные эмоции, испепеляющие мозговые клетки – зависть, стремление делать "карьеру", плести интригу. Преобладают доброжелательное отношение к людям и деятельное начало. Д.С. Лихачев – творит добро и действительно противостоит тому, что считает злом. У него редкий дар во всем и всегда ощущать творческий импульс. Как у истинно одаренной личности, личностное начало постоянно и открыто воплощается в творчестве: Лихачев – ученый-творец и человек каждодневной жизни – неотделимы одни от другого. И такая гармоничность природы особенно притягательна.

Все это вызывает согревающую душу обратную связь и ощущение результативности своих поступков. Думается, что это и полезно, и даже необходимо для деятельной природы Дмитрия Сергеевича. Сознание востребованности окружающими, тем более широкой общественностью, в пожилые годы особенно важно. А Д.С. Лихачев – не только старейшина нашей культуры и символ ее корневых нравственных устоев, но и активный строитель современной культуры, формирующий сегодняшнее общественное мировоззрение.

В плане такого подхода к жизненным позициям Д.С. Лихачева можно рассматривать и его отношение к деятельности Археографической комиссии РАН. В какой-то мере эта тема освещена в прежних моих статьях о Д.С. Лихачеве, написанных в связи с его юбилейными датами – в 1976 г. и в 1986 г.¹, и в статьях о деятельности Археографической комиссии, особенно подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в нашей стране.

Понятно, что Археографическая комиссия и лица, причастные к проблематике ее деятельности, во многом руководствуются выводами и наблюдениями Д.С. Лихачева в сфере историко-филологических наук, особенно текстологии, кодикологии, палеографии; и это оговаривается в предисловиях к соответствующим изданиям, отражено в научном аппарате. Но такое очевидное влияние трудов классика нашей науки заметно в работе не только Археографической комиссии.

Для истории же Комиссии характерно и показательное действенное участие самого Д.С. Лихачева в ее начинаниях и публичная поддержка ее деятельности. Об участии ученого в работе Комиссии уже писали (опираясь при этом не только на печатные, но и на архивные источники). Роль же именно Д.С. Лихачева в общественном признании Археографической комиссии освещена еще не достаточно. А она очень значительна. И значение это тем более велико, что с уходом из жизни организатора Комиссии Михаила Николаевича Тихомирова, а затем и сменившего его на посту председателя Виктора Ивановича Шункова, Комиссия, потеряла надолго имя, олицетворявшее ее деятельность.

Напоминал Д.С. Лихачев и о личном археографическом подвиге М.Н. Тихомирова, глубоко патриотическом по существу своему. В статье в "Вестнике Академии наук СССР" за 1972 год (в основе которой доклад на заседании Президиума АН СССР) читаем: "...рукописное собрание М.Н. Тихомирова, очень большое (он тратил основную часть своих средств на покупку древнерусских рукописей), завещано им Новосибирску. Благодаря этому дару М.Н. Тихомирова и открытию новых рукописей Новосибирск стал третьим по величине и значению центром хранения древнерусских рукописей в Советском Союзе – после Москвы и Ленинграда. По количеству и ценности рукописей Новосибирск обгоняет Киев, Новгород, Псков и другие центры древнерусской книжности"².

О деятельности Археографической комиссии в области полевой археографии Д.С. Лихачев счел нужным написать и в другой статье, напечатанной в том же "Вестнике академии наук СССР", но уже в 1976 г.: "Археографическая комиссия Академии наук СССР, возглавляемая таким энергичным и эрудированным археографом, как С.О. Шмидт, предпринимает ежегодно героические усилия по сбору рукописей"³.

А на читательской конференции, организованной Ленинградским отделением Археографической комиссии 28 апреля 1972 г. для обсуждения последних выпусков "Археографического ежегодника" и перспектив дальнейшей работы Комиссии, Д.С. Лихачев охарактеризовал Ежегодник как "главный и руководящий орган в области археографии", отметив его авторитет среди исследователей, завоеванный правильной практикой предоставлять свои страницы раз-

¹ Покровский Н.Н., Шмидт С.О. Археографическая деятельность Д.С. Лихачева // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 121–128; Шмидт С.О. К изучению истории советской археографической культуры // Литература и искусство в системе культуры: Сборник к 80-летию Д.С. Лихачева. М., 1988. С. 487–494 / Переп. в кн.: Шмидт С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997. С. 170–180.

² ВАН. 1972. № 4. С. 60.

³ Там же. 1976. С. 72.

личным археографическим школам и центрам⁴. В статье 1987 г. также указано и то, что Ежегодник стал "главным руководящим органом в области археографии и смежных с ней дисциплин"⁵. В середине 1970-х годов, когда в трапезниковском Отделе науки ЦК КПСС пытались ущемить права Археографической комиссии и очернить ее председателя⁶, такие публичные выступления были особенно нужны и эффективны.

И буквально судьбоносным для Археографической комиссии оказалось выступление академика Д.С. Лихачева на заседании Президиума АН СССР 23 сентября 1971 г. Доклад его был посвящен новым открытиям памятников древнерусской письменности и литературы. Но немало внимания там было уделено и научно-организационным вопросам, показано было значение деятельности и Археографической комиссии, особенно в ответах на вопросы сразу же заинтересовавшегося этим академика – секретаря Отделения исторических наук В.М. Хвостова. В результате Президиумом было принято развернутое решение, во многом облегчающее дальнейшее развитие работы по сбору, описанию и изучению памятников древнерусской письменности и вообще документальных памятников. Это способствовало и активизации деятельности Археографической комиссии. Штат Комиссии был существенно увеличен, а затем и расширен состав ее Бюро, членом которого в 1973 г. согласился стать и Дмитрий Сергеевич. События зимы 1971–72 г. – важнейшая веха в истории Археографической комиссии.

Деятельность Комиссии и в дальнейшем оплодотворялась соучастием в ее работе Дмитрия Сергеевича – участием его в заседаниях и изданиях Комиссии, а главное – сочувственным отношением к тому, что мы делаем, действенной поддержкой наших начинаний.

⁴ Павлов-Сильванский В.Б. Обсуждение "Археографических ежегодников" за 1968–1972 гг. // АЕ за 1972 год. М., 1973. С. 363.

⁵ Лихачев Д.С. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности С.О. Шмидта // Шмидт Сигурд Оттович: Библиограф. указатель. М. (МГИАИ), 1987. С. 6–7 / Перепеч. в кн.: Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 8.

⁶ См. настоящее издание. С. 5.

К 80-летию С.В. ЖИТОМИРСКОЙ

10 января 1996 г. исполнилось 80 лет Сарре Владимировне Житомирской – члену Археологической комиссии, кандидату исторических наук, заслуженному работнику культуры России.

С.В. Житомирская окончила исторический факультет МГУ в 1940 г., была оставлена в аспирантуре (на кафедре истории средних веков). Война, эвакуация в Свердловск (с сыном и матерью) прервали учебу. В ноябре 1944 г. Сарра Владимировна окончила аспирантуру, весной 1945 г. защитила диссертацию на тему "Политические воззрения Франческо Гвиччардини".

С февраля 1945 г. до ухода на пенсию в августе 1978 г. С.В. Житомирская постоянно работала в одном учреждении – Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина. В 1946–1952 гг. была заместителем заведующего (П.А. Зайончковского), в 1952–1976 гг. заведовала отделом. Под руководством С.В. Житомирской высокопрофессиональный коллектив сотрудников занимался собиранием и научной обработкой фондов, оказывал квалифицированную помощь отечественным и зарубежным исследователям. В эти годы Отдел рукописей стал одним из ведущих и авторитетных архивных учреждений страны. Работая в Отделе рукописей, С.В. Житомирская была главным редактором ежегодника "Записки Отдела рукописей" и ряда других изданий отдела, возглавляла подготовку к печати межведомственного справочника "Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР", справочника "Воспоминания и дневники XVIII–XX вв. Указатель рукописей".

За те годы были напечатаны 48 статей и публикаций С.В. Житомирской¹. Часть из них касалась вопросов архивной теории и практики. В некоторых из публикаций того периода С.В. Житомирская выступала как специалист по истории средних веков. Но уже с начала 50-х годов в ее печатных трудах все большее место занимают две темы: декабризм и история русской культуры XIX в. Именно эти темы, а позднее и герценоведение, станут основными в ее дальнейшей научно-исследовательской и публикаторской деятельности, выльются в крупные труды и принесут заслуженную известность их автору.

После выхода на пенсию в 1978 г., С.В. Житомирская с еще большим размахом продолжила научно-публикаторскую работу. С 1979 г. она заместитель главного редактора (М.В. Нечкиной, затем И.Д. Ковальченко) декабристской серии "Полярная звезда", выходившей до 1992 года в Иркутске. Здесь в полной мере – как и в Отделе рукописей ГБЛ – проявилось редкое сочетание организаторских способностей и исследовательского таланта Сарры Владимировны. Активно работая в редколлегии этого многотомного издания, С.В. Житомирская была, кроме того, ответственным редактором пяти книг (из 20 вышедших): *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. 1985. Т. 1. Записки и письма; 1992. Т. 2. Записки и статьи; *Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы. 1988; *Поджио А.В.* Записки, письма. 1989; *Муравьев Н.М.* Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1826) (готовится к изданию).

¹ Работы С.В. Житомирской, опубликованные до 1986 г., см.: АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 274–276.

В серии "Полярная звезда" вышли в свет подготовленные С.В. Житомирской (совместно с С.В. Мироненко) два тома сочинений и писем М.А. Фонвизина. Первый из них, открывший серию, стал своего рода эталоном для последующих книг. Впервые была собрана воедино основная часть письменного наследия декабриста: его сочинения, дневники, эпистолярный. Впервые в декабристоведческой литературе осуществлено полное издание писем одного декабриста, большинство из которых ранее не публиковались. Преобладающая часть источников напечатана по автографам с образцовой археографической точностью. Публикация сопровождается научным комментарием.

Глубокий анализ теоретического наследия М.А. Фонвизина, датировка не датированных ранее записок, исправление или уточнение прежних датировок позволили исследователям наиболее полно на сегодняшний день, с открытиями принципиального характера, представить жизненный путь декабриста, по новому осмыслить его идейное развитие, эволюцию взглядов – в том числе и в Сибири.

Этапы работы над биографией и творчеством М.А. Фонвизина нашли отражение и в других трудах С.В. Житомирской: "Обозрение проявлений политической жизни в России М.А. Фонвизина в русской заграничной печати конца 50-х – начала 60-х годов XIX в."²; «Из истории утопического социализма в России. Декабрист М.А. Фонвизин и "русский социализм" Герцена»³.

Кроме этого, С.В. Житомирской был осуществлен ряд публикаций по декабристской тематике, среди которых можно отметить статью "Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи"⁴, поднимающую ряд принципиальных проблем в этой области, далеко не разрешенных и сегодня. В 1991–1992 гг. под редакцией С.В. Житомирской Восточно-Сибирское книжное издательство опубликовало в двух книгах все наиболее значительные работы по истории движения декабристов М.К. Азадовского. Первой книге предпослана блестящая вступительная статья С.В. Житомирской, где впервые в нашей отечественной литературе представлены подлинные масштабы сделанного М.К. Азадовским в декабристоведении, воздается должное мастерству большого ученого⁵.

В эти же годы вышли в свет две наиболее значительные работы С.В. Житомирской по истории русской культуры XIX в. в серии "Литературные памятники": "Дневник. Воспоминания" А.О. Смирновой-Россет (М., 1989) и "Дневник 1867 года" А.Г. Достоевской (М., 1993).

Мемуарное наследие А.О. Смирновой-Россет имеет сложную историю, выясненную до конца только с появлением последней публикации и подробно описанную в послесловии к ней – статье С.В. Житомирской: "А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие". Небольшой архив Смирновой, хранящийся в ОП ГБЛ, считался обработанным, а ее мемуары опубликованными (в 1931 г. Л.В. Крестовой). Еще в 1957 г. С.В. Житомирская обратилась к этому архиву. Работа оказалась чрезвычайно трудной и многолетней: исследовательница обнаружила ранее не понятый и не систематизированный памятник небывалой по сложности структуры. Он представлял собой два параллельно создававшихся мемуарных произведения, каждое с особым читательским назначением и многими вариантами. При этом оба произведения не были доведены до конца и не имели отчетливых признаков окончательной авторской воли. Если прибавить к этому манеру Смирновой писать в основном по-французски, но, думая одновременно и на других языках, переходить без всяких оговорок с языка на язык

² Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 76–88.

³ Герцен – мыслитель, писатель, борец. М., 1985. С. 109–118.

⁴ Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 28–40.

⁵ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Т. 1. С. 3–54.

(иногда внутри одной фразы) и все ухудшавшийся с возрастом старческий почерк, то легко представить все трудности работы. Само понимание структуры этих мемуаров пришло далеко не сразу. В результате доклад С.В. Житомирской на Пушкинской конференции в Тбилиси (1977) отличался от выводов последовавшей за ним статьи⁶ и оба они – от статьи в публикации 1989 г., окончательно все уточнившей.

История с подготовкой к изданию дневника А.Г. Достоевской оказалась не менее сложной. Во время работы над сводным указателем рукописей Достоевского в Пушкинском Доме были обнаружены стенографические записи А.Г. Достоевской, в которых можно было заподозрить продиктованные ей творческие тексты писателя. Между тем сотрудница ОР ГБЛ Е.Н. Коншина давно уже обратила внимание в архиве Достоевского на две записные книжки Анны Григорьевны, исписанные стенографически. В Ленинграде нашлась удивительная стенографистка Ц.М. Пошеманская, сумевшая овладеть той системой, которой пользовалась Анна Григорьевна. Она расшифровала стенограммы из Пушкинского Дома – и подозрение подтвердилось. Это явилось толчком к тому, чтобы расшифровать записные книжки А.Г. Достоевской из Отдела рукописей. В свое время Анна Григорьевна сама расшифровала эти записи, и расшифровку еще в 1920-х годах опубликовал Н.Ф. Бельчиков.

С.В. Житомирская выяснила, что, во-первых, одну из книжек Достоевская не расшифровала, а, во-вторых, расшифровка, сделанная ею, не просто воспроизводила оригинал – он был подвергнут значительному редактированию, часто коренным образом меняющему смысл. Стало ясно, что нужна новая публикация. Не известную прежде книжку опубликовало "Литературное наследство"⁷. Однако публикация оказалась неполноценной из-за сокращений по соображениям объема. Последнее подготовленное С.В. Житомирской издание Дневника 1867 г. А.Г. Достоевской в серии "Литературные памятники" содержит тексты всех сохранившихся книжек. Статья С.В. Житомирской восстанавливает историю их создания, содержит глубокий и тонкий анализ Дневника Достоевской как историко-литературного источника.

Огромное место в публикациях С.В. Житомирской последнего десятилетия занимает история архива Герцена и Огарева. Все выступления – как устные, так и письменные – признанного специалиста в этой области документально аргументированы, доказательны и авторитетны. В их числе: обширное исследование "Судьба архива А.И. Герцена и Н.П. Огарева"; публикация «Огарев, Бакунин и Н.А. Герцен-дочь в "нечаевской истории"» (подготовка текста, вступительная статья, комментарий С.В. Житомирской совместно с Н.М. Пирумтовой)⁸; "Из истории архива Герцена и Огарева"⁹. Ею подготовлен к печати обнаруженный А.И. Володиным текст чернового автографа статьи Герцена "Дилетанты и цех ученых"^{9а}.

Многие из работ С.В. Житомирской могли быть осуществлены только благодаря тому, что их автор владеет основными европейскими языками. Это относится к мемуарам Смирновой-Россет, к записям С.Ф. Уварова (о нем речь ниже), к сочинениям М.А. Фонвизина; в 1995 г. Сарра Владимировна (совместно с С.В. Мироненко) опубликовала не издававшиеся ранее письма Николая II к английской королеве Виктории¹⁰. С.В. Житомирская как историк-архивист изве-

⁶ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 329–344.

⁷ Расшифрованный дневник А.Г. Достоевской / Подг. текста, вступ. статья, примеч. С.В. Житомирской // ЛН. 1973. Т. 86. С. 155–290.

⁸ ЛН. 1985. Т. 96. С. 549–640, 413–548.

⁹ Памятники культуры. Новые открытия на 1990 год. М., 1992.

^{9а} Герцен в кругу родных и друзей // ЛН. 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 149–185.

¹⁰ ИА. 1995. № 1.

стна и за пределами страны. В 1991 г. она выступила с докладом на юбилее Общества архивистов в Голландии, где ее доклад был опубликован.

С.В. Житомирская никогда не была сухим "кабинетным ученым", замкнувшимся в кругу собственных исследований. В свое время (в 1976 г.) статья ее в "Литературной газете" "Что мы оставим в наследство?" стала поводом для длительной дискуссии в печати. Она привлекла общественное внимание к проблеме отбора на государственное хранение личных архивов, и в том числе документальных материалов "рядовых людей". Сама постановка этой проблемы в статье и последовавшие за ней выступления писателей, ученых, крупных архивистов стали стимулом для решительного поворота государственных архивов к собиранию этой важной части исторических источников. Ее живо интересуют труды коллег, новые издания, публикации по истории освободительного движения и культуры России XIX в. В 1994 г. она откликается на то, что вышедшую книгу Н. Эйдельмана "Из потаенной истории России XVIII–XIX веков"¹¹. В том же году и в том же журнале (№ 8) появляется ее рецензия на письма родителей Пушкина к его сестре О.С. Павлицевой-Пушкиной. В 1995 г. ее внимание привлекает двухтомник И.С. Аксакова "Письма к родным"¹².

С присущим ей общественным темпераментом С.В. Житомирская "несет в массы" новые архивные открытия, последние научные достижения в области истории, сотрудничая с журналами "Наука и жизнь", "Знание – сила", "В мире книг", с "Литературной газетой", "Комсомольской правдой" и др. Сарра Владимировна обладает несомненным ораторским даром. Ее публичные выступления всегда отличают глубокое содержание и блестящая форма.

Свое 80-летие С.В. Житомирская встретила очередной публикацией (подготовленной совместно с А.К. Афанасьевым для "Памятников культуры") – на этот раз записной книжки С.Ф. Уварова, племянника декабриста Лунина. Эта публикация тоже имеет довольно сложную историю.

Небольшой архив Уварова хранится в ОР РГБ. Наиболее интересная часть этого архива – 11 записных книжек, составляющих, как выяснилось, лишь часть "целой библиотеки" записей. Написанные неразборчивым почерком на множестве произвольно сменяющих друг друга языков, с разнообразными аббревиатурами и условными значками, записные книжки Уварова оказались недоступны исследователям. И все-таки в конце 60-х годов С.В. Житомирской удалось прочесть дневниковую часть записей. И тут-то в книжке под № 27 обнаружился записи о движении декабристов, о Луине. Переведя с французского, С.В. Житомирская опубликовала их (совместно с Н.Я. Эйдельманом) в Записках ОР ГБЛ¹³. В 27-й тетради содержался предметно-именной указатель к предыдущей 26 книжке, тематически примыкающей к 27-й. Однако в Отделе рукописей ее не было, и исследователи сочли ее утраченной.

Прошло 20 лет и 26-я записная книжка С.Ф. Уварова обнаружилась в Отделе письменных источников ГИМ. Прочесть ее было не менее сложно, чем 27-ю. Но время и труды не пропали даром. Найденная книжка внесла много нового в источниковедение декабризма и в историю публикаций Вольной русской типографии Герцена. Всему этому и посвящена последняя (пока!) публикация С.В. Житомирской.

Много и напряженно работая всю свою сознательную жизнь, Сарра Владимировна воспитывала двоих детей (сын, дочь и старший внук тоже стали научными работниками), у нее двое внуков и столько же правнуков.

На жизненном пути С.В. Житомирской было немало трудностей. В 1970-х годах ее подвергли гнусной травле в библиотеке, в которой она проработала более

¹¹ НЛЮ. 1994. № 7.

¹² Там же. 1995. № 15.

¹³ ЗОР ГБЛ. М., 1975. Вып. 36.

30 лет. Почти 15 лет препятствовали публикации готовой работы о А.О. Смирновой-Россет. Преодолеть все это и сделать столь многое в науке можно было только с такой целеустремленностью, необыкновенным трудолюбием, твердым характером и, конечно же, талантом, коими обладает Сарра Владимировна Житомирская.

Список печатных трудов С.В. Житомирской (1986–1996)

1986

Ужель та самая Татьяна? [О Н.Д. Фонвизиной] // Знание-сила. № 11. С. 36–38.

1988

Документальные памятники. Выявление, учет, использование: (Уч. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "история" / Под ред. С.О. Шмидта. М. 255 с. (совм. с И.А. Альтманом, А.А. Амосовым и др.).

Отв. ред.: Лунин М.С. Сочинения, письма, документы (Полярная звезда). Иркутск. 567 с.

1989

Подгот. текста, перевод, вступ. статья, коммент.: Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания (Лит. памятники). М. 789 с.

Отв. ред.: Поджио А.В. Записки. Письма (Полярная звезда). Иркутск. 592 с.

1990

Натан Яковлевич Эйдельман. [Некролог] // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 535–537 (совм. с А.И. Володиным и Н.Н. Покровским).

1991

Честный архивист в тоталитарном режиме [Доклад на конгрессе, посвященном 100-летию голландского Общества архивистов // *Nederlands archievenblad*, 1991, июнь. С. 102–115.

М.К. Азадовский – историк декабризма // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск. Т. 1. С. 3–54.

Отв. ред. этой книги. 492 с.

Легко ли купить архив Мастера? А обнаружить? // ЛГ. Досье. "Мастер и Маргарита".

Михаил Булгаков: судьба, творчество. 1991. № 5. С. 14 (В рубрике "Заметки архивиста").

1992

Из истории архива Герцена и Огарева // Памятники культуры. Новые открытия на 1990 год. М. С. 93–98.

Отв. ред.: Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск. Т. 2. 428 с.

Отв. ред.: Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск. Т. 2 (Полярная звезда). 448 с.

1993

Подгот. текста, вступ. статья, коммент.: Достоевская А.Г. Дневник 1867 года (Лит. памятники). М. 454 с.

Рец. на кн.: Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX вв. М., 1993 // НЛЮ. № 7. С. 326–328.

Рец. на кн.: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой, 1828–1835. СПб., 1993 // Там же. № 8. С. 334–336.

1995

Подгот. текста, перевод.: Дражайшая Бабушка... Письма Николая II к королеве Виктории 1894–1900 гг. // ИА. № 1. С. 187–202 (совм. с С.В. Мироненко).

Рец. на кн.: Аксаков И.С. Письма к родным. М., 1988. Т. 1; М., 1994. Т. 2 // НЛЮ. № 15. С. 379–380.

1996

Из переписки М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана (1950–1951) // НЛЮ. № 17. С. 218–263 (совм. с К.М. Азадовским).

Х.Х. Хайретдинов

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ГЕЙШТОРА

В 1996 г. видному польскому историку, организатору науки, патриоту и гуманисту, обаятельнейшему человеку Александру Гейштору исполнилось 80 лет. Круглая жизненная дата совпала с 60-летием его научной деятельности.

Род Гейшторов, представители которого сегодня разбросаны по всему миру, от Москвы до Австралии, от Канады и до Дальнего Востока, не говоря уже о Польше, Украине, Белоруссии, Литве, по-видимому, как считает профессор, берет свое начало от общего предка, по крайней мере не позже XVII в.

Сам Александр Гейштор родился 17 июля 1916 г. в Москве. После заключения в 1921 г. Рижского мирного договора между Советской Россией и Польшей вернулся вместе с родителями в Польшу. Окончив школу он поступает в Варшавский университет, которому, как заявил в одном из интервью профессор, он присягнул в 1933 г. и сохранил до сих пор верность. В университете его учителями были известные ученые – профессор по всеобщей истории М. Хандельсман и профессор по вспомогательным историческим дисциплинам С. Кентжинский. В 1937 г. А. Гейштор заканчивает университет и сразу же отправляется в Париж, где завершает сбор французских материалов, дополнивших его магистерскую диссертацию "Правление Карла Великого в оценках современников", опубликованную в 1938 г.¹

Затем Гейштор год служил в армии и по завершении военной службы вновь оказался в Париже на годичной стажировке, углубляя свои знания в области вспомогательных исторических дисциплин. Контакты, налаженные в это время с представителями школы Анналов, позволили ему внести заметный вклад в возвращение польской исторической науки в лоно европейского исторического сообщества во второй половине 50-х годов. Польша первой была втянута в вихрь второй мировой войны. Молодой начинающий ученый с первых дней войны встал в ряды защитников родины. Ему удалось избежать плена после капитуляции Варшавы 28 сентября 1939 г. И, как вспоминает Гейштор, не только плена, но и печальной участи быть в катынском списке, в котором оказались тогда многие его сослуживцы. Уже 12 октября 1939 г. он возвратился в оккупированную Варшаву, а с апреля 1940 г. вплоть до подавления варшавского восстания осенью 1944 г. принял активное участие в конспиративной работе в Бюро информации и пропаганды Главного командования Армии Крайовой. Участвуя в подполье, молодой историк не оставлял научных штудий, результатом стала докторская диссертация "У истоков крестовых походов. Энциклика Сергия IV", защищенная в подпольном Варшавском университете в 1942 г. и опубликованная в 1948 г. Здесь же он начал и свою педагогическую деятельность в 1942/43 и 1943/44 учебных годах.

Гейштор разделит судьбу большинства участников варшавского восстания, попав в неволю и пройдя лагерь военнопленных в Гросс-Борне, Санбостеле и Швартау. В мае 1945 г. Гейштор возвратился в Варшаву и приступил к работе в

¹ Библиографию трудов А. Гейштора за 1935–1975 гг. см.: *Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Warszawa, 1976. S. 9–56; за 1976–1988 гг. вместе в дополнениями за 1935–1975 гг. см.: *Kultura średniowieczna i staropolska*. Warszawa, 1991. S. 5–24.

Историческом институте Варшавского университета. В 1946 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В 1947 г. – он доцент, а с 1949 г. (в 33 года) профессор Варшавского университета. В течение 20 лет с 1955 по 1975 г. – он уже видный польский историк – возглавил Исторический институт своего университета, являлся в то же время его проректором в 1956–1959 гг. В университете Гейштор руководил двумя семинарами: магистерским и докторским. Их тематика касалась средневековой польской и всеобщей истории и вспомогательных исторических дисциплин. Докторским семинаром, который пользуется большой популярностью, он руководит до сих пор. Его активными участниками являются не только молодые докторанты, но и, что стало своеобразной доброй традицией, уже давно остепененные доценты и профессора. Ученики Гейштора – известные и заслуженные исследователи эпохи первых Пястов, Руси, Византии и южного славянства, материальной культуры, вспомогательных исторических дисциплин, истории Польши XV в., эпохи Каролингов и многих других направлений современной медиевистики. В настоящее время Гейштор заведует кафедрой истории средневековой культуры и источниковедения Исторического института Варшавского университета.

В 1972 г. Гейштор был избран членом-корреспондентом, а в июне 1980 г. – действительным членом Польской академии наук. В непростые для Польши времена академическое сообщество дважды избирало его президентом ПАН, которую он возглавлял в 1981–1983 и 1990–1992 гг. Кроме того, он действительный член Польской академии знаний и Варшавского научного общества, председателем которого был в 1986–1991 гг.

Творчество Александра Гейштора характеризуется разнообразием исследовательских интересов. 60 лет его научной деятельности – красноречивое тому подтверждение. До и во время войны предметом его внимания была всеобщая история. Молодой медиевист сосредоточился на исследовании характера власти Карла Великого, основательном изучении эпохи Каролингов и генезиса первых крестовых походов. После войны основное внимание профессор сосредоточил на средневековой истории Польши. Он стал одним из главных инициаторов и руководителей исследований, посвященных зарождению польского государства. Непосредственно с этим были связаны его назначения в 1953 г. заместителем директора Института истории материальной культуры (до 1955 г.) и главным редактором "Квартальника истории материальной культуры" (до 1968 г.). В вышедшем в 1957 г. первом томе академической "Истории Польши" Гейштор является одним из основных авторов².

Со второй половины 50-х годов круг его научных интересов расширился. Предметом изысканий становятся проблемы развития польских городов и экономической жизни в раннее средневековье. Этот период совпал с известными событиями 1956 г., после которых открылась возможность восстановления и налаживания связей с западноевропейскими учеными. Для Гейштора довольно плодотворными были контакты с французскими и итальянскими медиевистами, успешно занимавшимися изучением городов и экономической жизни в средние века. Особое место у него всегда занимала история средневековой Варшавы и Мазовии. Определенный итог был подведен в обобщающем труде по истории Мазовии, одним из авторов и редакторов которого он стал³.

Признанием заслуг профессора в изучении истории столицы, в сохранении и восстановлении ее памятников было присуждение ему жюри конкурса еженедельника "Столица" престижного звания "Человек Варшавы 1989", а в 1992 г. он стал почетным гражданином Варшавы. Большинство других направлений науч-

² Historia Polski / Red. T. Manteuffel. T. 1. Do roku 1764. Cz. 1. Do połowy XV w. / Red. H. Łowmiański. Warszawa, 1957. 2-е изд. 1958; 3-е изд. 1960.

³ Dzieje Mazowsza do 1526 roku. Warszawa, 1994.

ных интересов известного польского историка связаны с широко понимаемой историей средневековой культуры. К ним принадлежат исследования по истории латинского письма, блестящим знатоком которого он является. В 1973 г. увидел свет обобщающий труд "Очерк истории латинского письма"⁴, фактически ставший университетским учебником палеографии. Пожалуй, впервые в этом труде проанализировано все достойное внимания по истории латинского письма и латинской палеографии, начиная с античности и кончая современностью, опубликованное как в Польше, так и за ее пределами. Отмечен в монографии и вклад советских палеографов в изучение проблемы, прежде всего О.А. Добиаш-Рождественской и ее школой.

У Гейштора были прекрасные учителя, уделявшие большое внимание на своих семинарах работе с источниками. Перу одного из них, М. Хандельсману, принадлежит известное сочинение по методике работы над источниками – "Histo-gyka". Так что вкус к источникам, причем самым разнообразным, умение работать с ними, высокий профессиональный уровень были заложены в далекие студенческие годы. Тогда же они были подкреплены и основательной стажировкой в варшавском Главном архиве древних актов. Широкий источниковый кругозор позволил ему сразу после войны написать вместе с С. Хербстом университетское пособие "Очерк вспомогательных исторических дисциплин", выдержавшее три издания⁵. Гейштор – один из основателей и редактор издаваемого с 1957 г. по настоящее время ежегодника "Источниковедческие исследования".

Высокий профессионализм, эрудиция сделали А. Гейштора "своим" и среди историков искусства, он один из основных авторов "Польского дороманского и романского искусства до конца XIII в."⁶

Одна из тем, в последние годы интенсивно разрабатываемая профессором Гейштором, – сравнительное изучение славянской мифологии. Этому посвящена книга "Мифология славян"⁷.

Занимаясь далеким прошлым, изучая его источники, обращаясь к славянской мифологии, ее корням, связям с западноевропейской мифологией, отмечая своеобразие мифологии славянского мира, вызванное определенными историческими условиями происхождения славянства, профессор Гейштор все более и более погружался в мир человека, связанного тысячами нитей с прошлым мировой цивилизации, со своим прошлым, прошлым своих предков, зависящим от природы, пытающимся объяснить ее божественное происхождение.

Поэтому не случайно 60-летие научной деятельности профессора было ознаменовано проведением в стенах Варшавского университета в мае 1996 г. научной конференции "Человек в средневековом обществе", где с докладами выступили друзья, коллеги, ученики. Тематика докладов была созвучна миру интересов А. Гейштора: варвары и средневековое государство, человек и его отношение к Миру и Богу, общественные связи – реальные и идеальные, художник, его творение и общество, связь с предками и современниками, человек – история – власть. Материалы конференции, составившие обширный том, вскоре же увидели свет⁸. А. Гейштор – участник международного авторского коллектива, написавшего историю университетов⁹, автор разделов по истории университетов средневековья.

Список работ А. Гейштора в настоящее время насчитывает свыше 1 тыс. биб-

⁴ Gieysztor A. Zarys dziejów pisma łacińskiego. Warszawa, 1973.

⁵ Gieysztor A. Zarys nauk pomocniczych historii. 3-e wyd. rorszerzone przy współudziale S. Herbsta. Warszawa, 1948. T. 1–2.

⁶ Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII w. Warszawa, 1971.

⁷ Gieysztor A. Mitologia Słowian. Warszawa, 1982.

⁸ Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. 469 s.

⁹ Universities in the Middle Ages // A History of the University in Europe. Cambridge, 1992.

лиографических позиций, в том числе на европейских языках, которыми он прекрасно владеет. Велик авторитет А. Гейштора среди зарубежных историков, подтверждением является многократное избрание его в выборные органы Международного комитета исторических наук, вице-президентом которого он был в 1975–1980 и президентом в 1980–1985 гг. Признанием его заслуг является и присвоение ему почетного доктора нескольких университетов – Франции, Московского, Оксфордского и Будапештского, избрание членом зарубежных академий и научных обществ Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, Италии, Венгрии, Белоруссии, Украины, Португалии, Австрии.

Профессор Гейштор не только исследователь истории польской культуры, но и активный пропагандист и бережный хранитель ее памятников. Делом его жизни стало восстановление из руин символа польской государственности – Королевского замка в Варшаве. Уже в 1950 г. он был среди тех, кто пытался осуществить эту идею. В 1971 г. возглавил историко-археологическую комиссию Гражданского комитета по восстановлению Королевского замка. С 1980 по октябрь 1991 г. Гейштор был его первым директором.

Давние узы дружбы связывали и связывают профессора А. Гейштора с российскими историками. Начало было положено в далеком 1951 г. Именно тогда состоялась методологическая конференция польских историков в Отвоцке под Варшавой, на которой присутствовала представительная делегация советских историков во главе с академиком Б.Д. Грековым. Что бы ни говорили о той эпохе, как бы справедливо ни критиковали сложившиеся в науке того времени порядки, визит советской делегации многими польскими историками позже был оценен в основном положительно, поскольку одобрительный отзыв руководства делегации о польской исторической науке и польских историках помог им осуществить ряд организационных преобразований. Особенно плодотворным было сотрудничество историков-славистов Московского университета с Историческим институтом Варшавского университета, решающий вклад в который безусловно внес А. Гейштор. Многие поколения студентов и аспирантов полонистов вспоминают теплоту и отзывчивость директора Исторического института Гейштора. До сих пор в памяти слушателей блестящий спецкурс профессора о средневековой польской культуре, прочитанный осенью 1971 г. на Истфаке МГУ. Многие истфаковцы благодарны Гейштору за его консультации по источниковедению и палеографии.

С момента создания комиссии историков СССР и Польши, позже России и Польши, он бессменный ее член, активно участвующий во многих ее конференциях.

Иногда бывает, что человек, занимающийся глубоким средневековьем, оторван от сиюминутной жизни, все что происходит вокруг него как бы проходит мимо. Не таков профессор А. Гейштор. Его патриотизм, высокий моральный авторитет не раз подтверждался жизнью. В 1980 г. он выступал посредником в конфликте властей с бастующими, а в 1989 г., когда решались судьбы будущей Польши, именно он был тем человеком, который с согласия обеих сторон открыл и вел первое заседание "круглого стола", собравшего вместе для разрешения безотлагательных политических проблем представителей исполнительной власти и оппозиции. В том, что события приняли мирный характер, есть и его заслуга. А. Гейштор активно участвует в раскрытии правды о войне. Многие дневники, воспоминания, монографии о польском подполье выходят с его предисловиями. Профессор Гейштор возглавляет польский редакционный комитет по изданию катыньских документов из российских архивов. В настоящее время вышел первый том¹⁰. Предполагается продолжение этого издания.

¹⁰ Katyń. Dokumenty zbrodni. T. I. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny. Sierpień 1939 – marzec 1940. Warszawa, 1995.

Л.Е. Горизонтов

60-ЛЕТИЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮЛЬЮША БАРДАХА

19 ноября 1996 г. действительному члену Польской академии наук профессору Юльюшу Бардаху было торжественно присвоено звание почетного доктора Варшавского университета – высшая награда, присуждением которой университет может воздать дань заслугам ученого. Событие это тем более символично, что в этом году один из крупнейших польских историков отмечал 60-летие своего дебюта в большой науке (ныне число его опубликованных работ приближается к полутысяче)¹. Годом раньше Ю. Бардах стал почетным доктором Лодзинского университета².

Приобщение к профессии в стенах университета им. Стефана Батория и первые, студенческие и аспирантские, работы связывают Ю. Бардаху с довоенным Вильнюсом. Литва – не только часть биографии ученого³, но и одна из самых устойчивых его исследовательских привязанностей на протяжении всего долгого пути в науке. Признание ученого сообщества пришло к нему как специалисту по истории права и государственных институтов Великого княжества Литовского. Собранные в двух томах⁴, работы этого цикла наводят на мысль о том, что именно с "литовского плацдарма" историк постепенно расширял круг своих профессиональных интересов: в западном и восточном направлении, в глубь веков и в совсем недавнее прошлое, в орбите историко-правовой специализации и за ее пределами.

Вернувшись на научную стезю после трудных фронтовых лет, Ю. Бардах принял самое деятельное участие в подготовке двух многотомных обобщающих трудов, которыми отмечена целая эпоха в польской исторической науке – "Истории Польши" и "Истории польского государства и права".

Особенно велик вклад Ю. Бардаху в создании поистине монументальной "Истории польского государства и права" (Варшава, 1957–1982. Т. 1–5), работа над которой, развернутая в первое послевоенное десятилетие, продолжалась вплоть до начала 80-х годов. Он является автором выдержавшего много изданий

¹ Библиографию работ Ю. Бардаху см.: *Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane Profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej*. Warszawa, 1996. S. 11–46. Имеются указатель имен и предметный указатель.

² *Olszewski H. Doktorat honoris causa dla Profesora Juliusza Bardacha // Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1995. № 1/2. S. 309.

³ Сведения о жизни, исследовательской, педагогической и организаторской деятельности ученого содержатся в специальных работах: *Orzechowski K. Szkice do portretu uczonego. O Juliuszu Bardachu w pięćdziesięciolecie twórczości // Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1985. № 2. S. 1–41; *Sójka-Zielińska K. Juliusz Bardach – Profesor Uniwersytetu Warszawskiego. Historyk prawa (w pięćdziesięciolecie pracy naukowej) // Kronika Warszawy*. 1986. № 3/4. S. 17–27; *Russocki S. Mistrz // Życie Szkoły Wyższej*. № 7/8. S. 131–138; *Zasztowl L. Profesor Juliusz Bardach doktorem honoris causa Uniwersytetu Warszawskiego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 1997. № 1. S. 117–123; *Russocki S. Juliusz Bardach. Sześćdziesiąt lat twórczości uczonego (1935–1995) // Parlament, prawo, ludzie... S. 7–9*.

⁴ *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII wieku*. Białystok; Warszawa, 1970; *O dawnej i niedawnej Litwie*. Poznań, 1988.

первого тома этого труда⁵ и главным редактором 5-томника в целом. Перу ученого принадлежит также ряд других компендиумов по истории права, один из которых известен нашему читателю по сокращенному русскому переводу⁶.

К числу любимых предметов академика Бардаха принадлежит история исторической науки, взятая в широком контексте общественной мысли, политики, эпохи⁷. Таковы, например, его монография о В. Мацевском⁸, большая статья о Н.И. Карееве⁹. В поле зрения Ю. Бардаха всегда находились работы отечественных историков, о чем свидетельствуют как исследования русской дореволюционной историографии, так и многочисленные рецензионные отклики на труды советских коллег. Одна из первых рецензий была посвящена книге "Древнерусские города" М.Н. Тихомирова (М., 1946) (кстати, она не учтена в библиографическом указателе "Михаил Николаевич Тихомиров (1883–1965)" (М., 1996)). "Полученные результаты ставят рассмотренную нами работу в один ряд с основополагающими трудами современной литературы о зарождении городов", – так оценил Ю. Бардах вклад своего российского коллеги¹⁰.

Политические бури последних лет не разрушили его контактов с историками из России, Литвы, Белоруссии и Украины, напротив, они укрепились и умножились. Доброжелательность, широта взглядов, искренняя заинтересованность в обмене информацией и идеями, готовность служить советом и поддержкой – эти свойства души Ю. Бардаха хорошо известны всем, кто знает его лично.

На протяжении многих лет, вплоть до осени 1996 г., он руководил польской частью комиссии историков России и Польши (председатель российской части – член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов). В значительной степени благодаря энергии и такту Ю. Бардаха комиссия достойно пережила сложный переходный период, демонстрируя приверженность самым высоким научным стандартам. В 1992 г. под эгидой двусторонней комиссии в Казани прошла интереснейшая конференция о месте и роли поляков в системе высшего образования императорской России, побудившая многих докладчиков поднять неизвестные ранее пласты архивного материала, в том числе из провинциальных хранилищ¹¹. Прямым ее продолжением стала новая встреча историков двух стран в столице Татарстана в сентябре 1997 г., посвященная судьбам польской ссылки. В 1994 г. в Варшаве с большим успехом прошло обсуждение темы исторического взаимодействия православия и католицизма¹². Два года спустя в Москве состоялась очередная конференция, в центре внимания которой находились многовековые российско-польские связи в области культуры. В этот насыщенный график следует включить еще одну встречу, значение которой в диалоге ученых трудно переоценить: осенью 1995 г. при активном участии Ю. Бардаха обсуждалось современное состояние исторической науки в Польше и России.

Историографические штудии и собственный жизненный опыт сформировали убеждение в высоком призвании людей науки, нравственном и профессиональном долге служить истине. "Историки, равно как и ученые других специальностей, – пишет Бардах, – должны, если это потребуется, иметь силу про-

⁵ Historia państwa i prawa Polski. Warszawa, 1957. T. 1. Do połowy XV wieku (первое издание).

⁶ Бардах Ю., Леснодворский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.

⁷ Об этой области интересов ученого см.: *Zashtowt L.* Op. cit. S. 118–120.

⁸ Wacław Aleksander Maciejowski i jego współcześni. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971.

⁹ Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku – N.I. Kariejew // *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku.* Warszawa, 1980. S. 104–154.

¹⁰ *Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1950. T. XL (za rok 1949). S. 348.

¹¹ Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995.

¹² Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). Варшава, 1997 (публ. текстов на рус. и пол. яз.)

тивопоставить себя власти. Они должны уметь противостоять, если нужно, и общественному мнению, которое нередко оказывает, быть может, большее, чем власть, давление, а потому труднее бывает идти наперекор ему"¹³. Ю. Бардаху принадлежит описание близкого ему по духу типа ученого: "Он не homo faber (человек работающий), а homo ludens (человек играющий), поскольку занимается вещами, которые его самого наиболее интересуют, захватывают, можно сказать, развлекают... Смена тематики, своеобразное путешествие по истории – это элемент психической гигиены, способствующий самореализации в науке... Объективно это полезно и для науки"¹⁴.

Имя Бардаха и ныне не сходит со страниц академических и общественно-политических журналов, неизменно присутствует в списках участников крупных научных форумов. Он живо откликается на все новое и значительное в исторической науке, продолжает педагогическую деятельность в качестве профессора Института права Варшавского университета. Ученый исключительной эрудиции и разносторонности, натура творческая, новаторская, замечательный организатор науки и педагог, Ю. Бардах пользуется всеобщим заслуженным признанием.

¹³ Bardach J. Z perspektywy półwiecza // Polskie Towarzystwo Historyczne, 1886–1986. Zbiór studiów i materiałów. Wrocław i in., 1990. S. 73.

¹⁴ Зачараваны Вялікім Княствам. Інтэрвію зь Юліюшам Бардахам // Беларускі гістарычны агляд. Мінск, 1995. Т. 2. № 1. С. 42.

**ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА АМОСОВА**

**ЗАСЕДАНИЕ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ
29 МАЯ 1996 г.**

Совместное заседание Археографической комиссии, ее Санкт-Петербургского отделения, Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома и Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук имело место в Большом зале Пушкинского Дома 29 мая 1996 г. под председательством заместителя директора Пушкинского Дома (ИРЛИ) О.В. Творогова.

С.О. Шмидт

СЛОВО ОБ А.А. АМОСОВЕ

Нас всех объединили в этом собрании скорбь, любовь и уважение к скоропостижно скончавшемуся 15 апреля 1996 г. Александру Александровичу Амосову. Ибо даже те, кому не был близок Александр Александрович, кто не

был одарен радостью общения с ним, даже те, кто не сходил с ним в общественно-политических воззрениях, во взглядах на понимание научной проблематики, не могли не почувствовать, каким он обладал редким даром восприятия и воспроизводства культуры.

Это был действительно историк волею Божией, исследователь прошлого нашей страны, нашего историко-культурного российского наследия. В нем как-то очень сказывалось, без столь распространившегося сейчас, гадкого в своей основе шовинизма – огромное уважение к корневой культуре российского народа. Он воспринимал ее непосредственно. Она ему казалась как бы сызмальства само собой разумеющейся, и он уже приехал в Москву с этими высокими критериями подхода ко всем явлениям. Потому что Русский Север, не знавший крепостного права, где сохранились былины, старинные мотивы письменности и иконописи, деревянная скульптура, давние поморские обычаи далеких походов, порождал смелых и упорных трудолюбивых самородков. Самые великие известны всему миру – Ломоносов, Шубин, знаем и о подвигах освоения Арктики в советские годы капитаном Ворониным и другими. Самородки последних столетий формировались в атмосфере освоения продолжающей свое развитие древнейшей, восходящей еще к эпохе великих киевских князей Владимиров культурной традиции в ее первоначальном, наиболее чистом виде, и в то же время в общении с зарубежной культурой, новой технической цивилизацией, приходившей сначала из-за моря. Это – и глубинная корневая традиция уважения к исторической памяти, к памятникам истории и культуры, и прежде всего ближайшего окружения своего.

А.А. приехал в Москву и, в отличие от своих студентов по общежитию на знаменитой Стромынке (где некогда возрос историк И.Е. Забелин, а в предвоенные годы обитали автор "Бригантины" сотоварищи), сразу же заимел газетные статьи краеведной тематики. Очень существенно то, что уже юношей он проявил себя как исследователь; и начал с познания своего родного края, точнее даже с изучения источников познания близкого историко-географического окружения. Первокурсника сразу же отметили и учащиеся и учащие. Когда появляется такой красивый, хорошо сложенный молодой человек, то прежде всего это обращает на себя внимание. Но Саша сразу выделился и своим творческим началом. Он был абсолютный отличник, не мог учиться иначе, у него иначе и не получалось. Показательно для его натуры и то, что прикосновение и интерес к огромному городу, где культура и цивилизованность зачастую лишь видимость, оставили А.А. по-прежнему "чистым". Он прежде всего усваивал в урбанистической культуре то, что относилось к подлинной культуре, всегда нравственной в своей корневой основе.

Ему повезло и в том отношении, что в общежитии (присутствующий здесь Владимир Семенович Соболев, тоже доктор исторических наук жил с ним в одной комнате) были парни из трудовых семей, выбравшие сознательно свою профессию. Один был, правда, из семьи высших провинциальных чиновников, да к тому же старше по возрасту, с армейским опытом, недюжинным практицизмом, и поначалу как бы подавлял юнцов, но тяга к научному знанию, стремление определить свое место в сфере творческой деятельности были определяющими в среде, которую избрал для себя А.А. еще на младших курсах. Сосед по комнате Сергей Чирков в ту пору, пожалуй, был более других близок ему четкой направленностью научно-исследовательских интересов и академической основательностью в работе. Чирков стал новым старостой студенческого научного кружка источниковедения, Амосов – секретарем кружка, и оба – его историографами, много способствовавшими изданию сборников к 20-летию кружка. Кружковцами, а затем и моими аспирантами были и другие его соседи по общежитию – оба Валерия – Гальцов и Туманов. В кружке и в общежитии

завязалась и обусловленная близостью интересов дружба не только с однокурсниками. Светлый ум, облик души, поразительная память Саши Амосова уже тогда определяли его место в студенческой среде; всеобщее уважение вызывали его неутомимое трудолюбие, увлеченность научным творчеством, широта научных интересов и, конечно, неизменная порядочность, неспособность к искательству и неприятие его у других, как и злословия и сплетен. Единодушны в высоких оценках даровитого студента были и преподаватели. Уже на втором-третьем курсах стало ясно, что он кандидат на аспирантское место. Но он был прописан в общежитии, и женился к тому же по любви на обитательнице общежития. Аспирантские места тогда предоставлялись лишь москвичам, а неимеющим постоянную прописку в Москве – только целевым назначением. Археографической комиссии Президиум Академии наук выделял единицы, но в данном случае следовало искать согласие использовать их вне Москвы. Я рекомендовал принять А.А. аспирантом не только по душевной привязанности, но с убежденной уверенностью в том, что именно такие, как он, определяют будущее нашей науки, и я, не только как его научный руководитель, но прежде всего как председатель одного из научно-проблемных советов Академии наук обязан обеспечить научное будущее и ему и специальным историческим дисциплинам. Ольга Дмитриевна, которая оставалась еще студенткой, проявила полное понимание, готова была к разлукам. Глубоко признателен руководителям ЛОИИ, ленинградцам, не усомнившимся в моих заверениях, принявшим выпускника московского вуза в аспирантуру, а затем помогшим его трудоустройству в БАН. С тех пор как Ольга Дмитриевна стала сотрудником ЦГИАЛ семья Амосовых обосновалась в Петербурге, и несомненно, все это пошло на пользу его хранилищам, науке и культуре. А.А. сделался убежденным патриотом петербургских научно-просветительских традиций, а затем и воплощением действенной верности им.

Ранний восход исследователя проявился и в выборе тематики самостоятельной работы. Опережая даже самых способных однокурсников, он рано обнаружил особый интерес к самой методике исследования, к приемам исторического познания, к первоисточникам его и методам выявления и обработки этих данных: каким путем изучено? какова степень приближения к исторической истине? какова степень полноты и типичность изучаемого? Соответственно, он рано ощутил призвание к занятиям специальными историко-филологическими дисциплинами, почувствовал особый вкус к этому, оставаясь, в то же время, всегда и историком в традиционном понимании его назначения и формы деятельности – ему в радость было и творить конструкции, и мельчайшие скрупулезные наблюдения. И что существеннее всего – эти направления творчества взаимно обогащали друг друга. Пожалуй, никто из студентов тех лет столь рано и в такой мере не напоминал в плане естественного совмещения собственно исторических штудий и работы в сфере специальных дисциплин ученых такого редкого типа, как Тихомиров, Черепнин, Дмитрий Сергеевич Лихачев, из более молодых – Зимин, Каштанов.

Рано проявилось и учительско-просветительское призвание – это заметно было и по его выступлениям на заседаниях кружка, в беседах, спорах, происходивших в моем присутствии, а также и в умелых имитациях и стиля, и внешней формы документов старины.

Так предопределился и выбор для дипломного сочинения темы, где все это сочеталось уже и с краевыми интересами А.А. Само название дипломной работы показательное: "Источники по истории монастырского землевладения на Севере (методика выявления и анализа)". Части дипломного сочинения были опубликованы, а само оно может рассматриваться и как подготовительная основа диссертации об архивах северодвинских монастырей, где обосновывались

общего характера положения об организации и складывании архивов духовных корпораций и о "практической археографии" XVI–XVIII вв., ее значении для формирования науки археографии (а это было новаторством в истории науки!). Кандидатская диссертация, части которой печатались не только в академических изданиях, признана была высоким достижением и собственно истории и источниковедения, и археографии и истории архивного дела, и кодикологии и текстологии – причем в сферах не только исторических наук, но и филологических. Подобная направленность и широта научных интересов, неутолимая тяга к новым знаниям и к просвещению знаниями других, безмерное трудолюбие, личное обаяние в собственно человеческом общении, непринотливое восприятие бытовых сложностей делали А.А. особенно полезным сотрудником такого организационного подразделения одновременно и научного и хранительного профиля как Отдел редкой и рукописной книги БАН и его археографических экспедиций.

А.А., имевший явно осязаемое призвание и к исследовательскому труду, и к преподавательской деятельности, сразу же обнаружил не меньшее дарование и в сферах описательской и хранительской работы, а также и экспозиционной, научно-консультативной, экскурсионной, характерных для большого хранилища памятников истории и культуры. Быстро войти в русло интересов коллектива помогли А.А., полагаю, свойственные и самому А.А., и сотрудникам Отдела тех лет отношение к своей деятельности в БАН не только как к личной работе, но и как к общественному служению. Имело значение, думается, и то, что руководитель Отдела Маргарита Владимировна Кукушкина сама заинтересованно занималась проблемой, особенно близкой душе уроженца Северного Поморья – изучением библиотек северных монастырей. Он оказался вовлеченным и в подготовку уникального издания Радзивилловской летописи, наконец осуществленного благодаря руководителям издательства "Глаголь".

БАН для А.А. очень скоро стала домом родным, что налагало и внутреннюю обязанность заботиться о нем, поддерживать его престиж, умножать его славу. Это были годы, когда в отношении к рукописному наследию в БАН успешно развивались традиции, восходящие еще к академикам А.А. Шахматову, Н.К. Никольскому, С.Ф. Платонову. Установились теснейшие творческие взаимосвязи с Археографической комиссией АН, особенно закрепленные в связи с подготовкой по почину академика М.Н. Тихомирова Каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. Именно Ленинград был средоточием деятельности такого же направления по изучению рукописей и на древнегреческом, латинском, восточных языках. Здесь проводились научные конференции: международные, всесоюзные, всероссийские, готовились издания их материалов. Конференции вызывали живой интерес и широкой общественности – отклики в специальных изданиях историко-филологического профиля (советских и зарубежных) и в широкой прессе – обязательно в ленинградских газетах. Именно БАН стала центром объединения сил ленинградских учреждений Академии наук, Ленинградского университета, других ленинградских хранилищ документальных памятников, и их совместная работа велась в тесном контакте со специалистами из Москвы и других городов, а издания выходили с грифом БАН. Теперь я, как председатель Археографической комиссии и как москвич, тяжело переживаю происшедшее в недавние годы падение уровня научной и, особенно, научно-организационной работы БАН в знакомой мне сфере и уровня нравственности. Не сомневаюсь в том, что при составлении истории БАН в будущем отметят и творческую роль А.А. и то, как нынешний директор БАН убивал это творческое начало и оказался – при всей своей формальной образованности или, точнее сказать, овладении навыками современной цивилизации, – глубоко неинтеллигентным человеком и к тому же не

способным понять историко-культурное значение великого наследия рукописной и старопечатной книжности. Но, в этот день печали не станем говорить о темных силах, обратимся к светлому, к дорогому нам – памяти Александра Александровича, Саши, Санюча, как стали с годами ласково называть рано ставшего дедушкой близкие ему люди.

Особо отмечу деятельность А.А., связанную с Археографической комиссией. Его представление о задачах археографии соответствовало широким понятиям о ее предмете, характерным и для классиков гуманитарных наук рубежа веков, причастных к работе старой, основанной еще в 1830-е годы Археографической комиссии, находившейся в Петербурге и порушенной через 100-летие в связи с фальсифицированным "делом" академиков-историков, и для М.Н. Тихомирова, создавшего новую Археографическую комиссию – уже в Москве – 40 лет назад. Членом ее стал затем и А.А., а Петербургское отделение, организованное под председательством С. Валка, возглавляет ныне М. Ирошников. В таком нашем понимании, а именно им руководствуются в нынешней Археографической комиссии, сферы археографии – это и собирание, и описание, и издание памятников письменности, следовательно, и полевая археография, т.е. поиск и собирание документальных памятников в среде бытования, и описательная, и эдиционная работы. Тогда как в среде архивистов распространено представление об археографии только как о научной дисциплине, разрабатывающей вопросы теории, методики и практики публикационной работы. Этим и ограничивалось преподавание археографии на кафедре археографии МГИАИ.

А.А., творчески проявляя себя во всех трех сферах археографии, не сосредоточился на работе лишь в своем отделе БАН, где выступал, как многие помнят, и замечательным пропагандистом научного и культурного значения бесценных его богатств и многообразной научной работы сотрудников Отдела, – его экскурсии оставляли в буквальном смысле слова незабываемое впечатление. Не прерывалась теснейшая взаимосвязь с московскими коллегами и коллегами из других регионов. Особенно заметна его роль в осуществлении предложенной руководителем Северного отделения Археографической комиссии П.А. Колесниковым "Вологодской программы" – многотомного описания документальных памятников всех музеев Вологодской области. Именно его усилиями в работу включились и более молодые специалисты из Москвы; он не только готовил к печати, редактировал тома серии, но и писал статьи о "Вологодской программе", о выдающемся подвижнике культуры Петре Андреевиче Колесникове. А.А. по-настоящему был любим вологжанами.

В близком контакте он работал с археографами и других центров современной археографии, особенно полевой – Новосибирска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и др., с отцом Иннокентием (Просвирниним) в издательстве "Московская патриархия", с археографами балканских стран, с историками искусств Российского института искусствознания. А.А. – желанный и деятельный участник научных конференций многообразной тематики – славистики, археографии, книговедения, истории искусств и собственно исторической и, конечно, специальных историко-филологических наук, особенно филигранологии. На Первом всесоюзном совещании по филигранологии в мае 1987 г. (материалы которого напечатаны БАН) именно А.А. выступил с докладом о "нерешенных проблемах филигранологии", т.е. о задачах и перспективах ее развития. Широта исследовательской тематики А.А. поразительна!

С увлечением А.А. и преподавал. Жаль, что преподавание было недолгим – у него был особый дар общения с молодежью, ощущавшей не только его дарование, эрудицию, но и способность к самоотдаче. Можно было наблюдать это не раз и на заседаниях кружка источниковедения, где он присутствовал, приезжая из Ленинграда уже кандидатом и даже доктором наук.

Любовно сделанная экспозиция печатных трудов А.А. показывает, что при всей симпатии к нему и уважении к содеянному им, мы все-таки в должной мере не представляли масштабы содеянного и редкостного многообразия его научных интересов. А ведь в изданиях лишь в малой степени отражены его достижения в области полевой археографии, и еще меньше – живое участие в научных конференциях, определявшее и лицо таких форумов, а во многом и перспективы дальнейшего развития соответствующих отраслей знания!

Книга "Библиотека Ивана Грозного", подготовленная в основном А.А., показала с особой наглядностью его в лучшем смысле традиционализм, т.е. творческое продолжение труда достойных предшественников, и его огромную эрудицию в сферах и рукописной и печатной книжности, столь необходимые книговеду. Эта книга тоже была издана БАН в 1982 г., в лучшие ее времена, сейчас переиздается в Италии, предложено подготовить новое дополненное издание. За несколько дней до его внезапной кончины у нас был телефонный разговор именно об этом – А.А. дал согласие на составление дополнений к своей статье "Вопрос о библиотеке в литературе последних лет" и к спискам источников и литературы.

Еще более показательна и поучительна работа А.А. по изучению Лицевого свода – это энциклопедичность знаний в области истории и искусствознания, и едва ли не всех специальных историко-филологических наук, и образец комплексного источниковедческого исследования, а подлинное источниковедение всегда на стыке наук! Трудно сказать, что более поражает – широта и масштабность подхода или скрупулезность полистных наблюдений, одержимость трудолюбия и внутренняя обязанность ознакомиться со всеми листами огромной многотомной ныне летописи! В отличие от тех, кто обращался к спекулятивной методике датировки рукописи, основанной на выборочных данных и установлении умозрительным путем возможных сопоставлений с фактами государственно-политической истории, А.А. вслед за Н.П. Лихачевым опирался прежде всего на наиболее достоверно датируемые формальные признаки-филиграни, подтвердил, развил и уточнил выводы Н.П. Лихачева. Сделано много и для изучения миниатюр, причем не только содержательной их информации, так сказать, повествовательного характера, но и информационного потенциала цветовой гаммы миниатюр. Труд этот – высокого класса историографическое исследование, важное для познания современной методики источниковедения историографии и историографии источниковедения и других специальных наук как истории, так и литературоведения. (Подтверждение тому, что первым оппонентом докторской диссертации выступал виднейший литературовед и кодиколог Л.А. Дмитриев.)

Творчество А.А. Амосова безусловно в русле традиций именно российской культуры, совестливой великой российской литературы, для которых характерен своеобразный синтез элементов народной культуры носителей культурно-нравственной традиции, повседневных вкусов и обычаев (у А.А. прежде всего потомков неиспытавшего крепостного гнета наследия Северного Поморья) и европеизированной культуры образованной части общества. При этом у А.А. заметно воздействие и обоих средоточий отечественной и мировой культуры – Москвы и Ленинграда–Петербурга. Ведь для развития культуры России, и особенно высоких привлекательных для всего мира достижений в гуманитарной сфере, существенно важным, во многом определяющим было то, что в России уже почти 300 лет не один, а два средоточия культурных взаимосвязей и влияний, отнюдь не во всем сходных по самому образу жизни и стилю мысли. Это допускает для россиян (да и в зарубежье) выбор и соревнование, и в то же время помогает легче сохранять независимые от этих центров местные особенности культурных гнезд России. В научном творчестве А.А. счастливо об-

наруживается многоцветная амальгама научных школ и Москвы, и Петербурга.

Творческая деятельность А.А. – и в русле просветительских традиций отечественной науки. А.А. был изобретателен в замыслах организации научных конференций, подготовки справочно-методических, исследовательских, научно-популярных изданий, публикации памятников письменности. Именно он стал как бы полномочным представителем хранилищ Ленинграда–Петербурга в организации коллективных начинаний, связанных с подготовкой Сводного каталога славяно-русских рукописных книг и с формами организации археографических экспедиций (в частности, региональных встреч в разных городах России), составления издания методологических рекомендаций.

Такая работа тем более соответствовала его натуре, что он, корнями личной биографии связанный с культурой российской провинции, был убежден в том, что провинция не только хранитель традиций нашей культуры, но и действенный двигатель ее сегодняшнего развития, вызывая тем самым особое доверие и уважение к этой культуре – и в Вологде в окружении П.А. Колесникова, и в Сибири (у академика Н.Н. Покровского и других), и на Урале, и в Сыктывкаре, и в иных регионах. Он стремился к тому, чтобы издания памятников древнерусской культурно-нравственной традиции имелись в должном числе не только в Москве и Петербурге, чтобы великое культурное наследие Древней Руси сохранялось в нашей современной культуре, обогащало ее – здесь он – неутомимый и убежденный продолжатель дела Карамзина, Буслаева, Срезневского, Шахматова, Перетца и более близких к нему по времени Адриановой-Перетц, Тихомирова, Воронина, присутствующего на нашем заседании Дмитрия Сергеевича Лихачева, подчеркнуто напоминающего об этом и заголовками книг своих избранных трудов – "Прошлое будущему", "Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси".

При этом А.А., как истинного книголюбца и книгознатца, особенно радовали достижения и нашего типографского искусства, не говоря уже о таком шедевре, как издание Радзивилловской летописи – цветного факсимильного воспроизведения оригинала и текста, и исследования, описания миниатюр. Этим изданием он исключительно гордился как истинный патриот Библиотеки Академии наук – хранильницы бесценного памятника. И только отклонениями от нормальной психики можно объяснить то, что такую же гордость не испытывает нынешний директор библиотеки, мелочно воспринимающий прежде всего то, что его имя не упомянуто в ряду тех, кто обеспечил своим трудом это издание. Мелочность славянолюбца горько отразилась на судьбе научного коллектива сотрудников Отдела рукописной и редкой книги, стала препятствием развитию историко-филологических наук и осуществлению начинаний, связанных с деятельностью Археографической комиссии (прежде всего подготовки Сводного каталога), остается темным пятном в истории культуры и общественной жизни.

А.А. явно рассчитывал на возможность осуществления своих замыслов и, конечно, прежде всего в БАН и при поддержке БАН, тем более, что в ставшей ему родной Библиотеке утверждалось заинтересованно-уважительное отношение к его деятельности. Все видели, как он всей душой, не считаясь со временем и имевшимися у него силами, отдавался делу, в которое верил. Но обстановка в БАН стала меняться – директор последних лет ценит только то, что обязано его инициативе или способствует его личному престижу, а в сфере, которой занимался А.А., он, естественно, не чувствовал себя специалистом, не мог разобрататься ни в том, что делается, ни в перспективах творимого его подчиненными. Для дела всегда пагубно, когда в многопрофильной работе у руководства стоит человек неширокого кругозора. Сначала А.А. вступил в борьбу за будущее своих начинаний, затем стал противостоять директору, возможно, не

всегда обращаясь лишь к дозволенным средствам, и уж во всяком случае недооценив ни силу, ни практический деловой опыт, ни глубину самоуверенного цинизма его противника.

А.А. фактически ушел из Библиотеки, объясняя сам себе и уверяя других, что это от увлечения государственно-политическими начинаниями. Говорят, что и в этой области им сделано немало полезного, в частности, и для развития библиотечного дела и просвещения. Но А.А. был лишен привычного и необходимого ему труда в любимой сфере творчества, где уже проверил свои силы, где с его мнением считались виднейшие специалисты, признававшие его равным. Он меньше печатал научных работ, стал менее обязательным в выполнении сроков научной и научно-организационной работы, в меньшей мере приобщался к питательной среде научного сообщества. Думаю, что и эти обстоятельства, особенно после того, как возможность активного и самостоятельного участия его в каждодневной политической жизни стала ограниченной в связи с непереизбранием в Государственную думу депутата, помощником которого он был, сказались на мироощущении и вместе с накопившимся колоссальным утомлением привели к такому фатальному исходу.

И особенно горестно, что это случилось тогда, когда А.А. снова готов был окунуться в занятия наукой и издательской деятельностью – именно об этом шел разговор с ним по телефону, когда он позвонил мне перед отъездом в Питер и договаривался об осуществлении совместных планов и о времени встречи у меня дома: говорили о новом издании книги о библиотеке Ивана Грозного, о необходимости скорее подготовить к печати его докторскую диссертацию и книги "близкой проблематики" (тут была инициатива с моей стороны), и о планах издательства "Глаголь", в том числе и о моей книге статей "Россия Ивана Грозного", выходящей по его почину. А.А. подготовил в приложение к ней библиографию моих трудов, намерен был написать и статью "От редактора" (она указана в составленном им оглавлении). Говорил, что статья готова, но, зная манеру работы А.А., допустимо предполагать и то, что в его уме был уже наговорен текст, но он мог остаться и непереписанным на бумагу.

Внезапная кончина Александра Александровича всех ошеломила. Он не жаловался на болезни. Я узнал об этом, придя в Археографическую комиссию и увидев печально осунувшиеся лица сотрудников. Для меня – это потеря одного из самых близких и дорогих учеников, не говоря уже о необычайной талантливости его, об утрате понесенной всей нашей наукой археологии. Ужасно тягостно и то, что это случилось в день моего рождения (потому и удивился, что не было от него поздравительного звонка), когда мои ученики обычно вспоминали друг друга, собирались вместе, справляли юбилеи и кружка (датой его основания считается 13 апреля), и его руководителя, и всегда с Сашей, который, как помнят многие, особенно самозабвенно умел запевать "Многая лета..." Теперь день этот становится и днем памяти, совмещения в душе живых и ушедших, которых у человека моих лет все больше, мудрые поэты еще в молодые годы осознали, что душа наша – Элизиум теней. В предисловии к книге, редактором которой был А.А., постарался написать об этом в дополнении, посвятил издание его светлой памяти.

Известно, что кончина Александра Александровича Амосова поразила многих, что отражено в какой-то мере в письмах, телеграммах, звонках, словах на поминках. Об этом напомним нам сейчас председательствующий.

Наш долг сделать так, чтобы память о свершенном этим светлым человеком и очень даровитым большим ученым в максимально возможной мере сохранилась бы и у наших потомков.

Н.Ю. БУБНОВ

С Александром Александровичем Амосовым я впервые познакомился в ЛОИИ в 1974 г. Это был скромный юноша с тихим голосом, медленной речью. Он подошел ко мне, представился и сказал, что хотел бы посмотреть в Рукописном отделе Остермановские тома Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Я, конечно, пообещал ему это устроить.

Вскоре он стал сотрудником нашего Отдела. В первый год мы старались его слишком не загружать повседневной работой, да и не все он еще умел. Научной темы у него также еще не было запланировано – хотелось присмотреться к нему, почувствовать его научные интересы, а потом уже дать ему тему по описанию рукописей, диапазон изучения которых очень велик. Как же он начал работу: по своей инициативе, стоя на лестнице, просмотрел де визу весь фонд, а также всю вспомогательную подсобную библиотеку. Вскоре он стал эрудитом и смог давать справки читателям и сотрудникам по всем фондам.

Кроме того, как архивист по образованию он сразу же обратил внимание на авторские работы, которые лежали у нас невостребованными, и в частности на труды умершего в блокаду научного сотрудника Н.Н. Зарубина о Соловецкой библиотеке и о библиотеке Ивана Грозного. Он заинтересовался: "Надо это немедленно издавать!" И подготовил книгу Зарубина к печати. Причем он настолько ее дополнил, что фактически нужно было ставить на титульный лист две фамилии авторов. Однако Амосов наотрез отказался от этого, и книга была выпущена как труд Н.Н. Зарубина с дополнениями и примечаниями А.А. При этом он значительно расширил наши знания о круге книг, которыми пользовался Иван Грозный, первый высказал мысль о том, что все источники Лицевого свода, создававшегося по инициативе царя, должны были находиться в библиотеке последнего и входить в круг его чтения. Амосов проделал огромную работу по выявлению источников свода, дополнив ранее известный материал.

Я думаю, здесь он впервые подошел к своей самой заветной работе: к комплексному исследованию Лицевого свода Ивана Грозного XVI в. – иллюстрированной исторической энциклопедии русского средневековья. Это – его самая любимая работа, как говорится, "песня души". Исследование миниатюр, текста, кодикологические наблюдения, изучение бумаги – здесь он проявился как талантливый исследователь во всех областях знаний: историк, кодиколог, искусствовед, – последним он стал буквально на глазах. Итогом многолетней работы над Лицевым сводом стала его докторская диссертация, которая, к сожалению, пока не издана отдельной книгой, но С.О. Шмидт сегодня сказал, что имеется надежда увидеть этот труд напечатанным.

Благодаря накопленному им опыту А.А. сумел подключиться к небольшому коллективу, готовившему к изданию Радзивилловскую летопись, в частности к исследованию и комментированию ее миниатюр. Он разработал оригинальную методику исследования древнерусской миниатюры, ибо всегда нетрадиционно подходил к любой поручаемой ему работе, и при этом щедро делился с исследователями своими зачастую неожиданными наблюдениями и идеями.

Трудно перечислить все направления исследований А.А. – их много, но главное направление его интересов четко вырисовывается. Это так называемые вспомогательные исторические дисциплины. Курс этих дисциплин он несколько лет преподавал в ЛГПИ им. А.И. Герцена. Особый интерес А.А. проявлял к изучению старинной бумаги с водяными знаками – филигранологии. И здесь он

сумел внести свой вклад в науку, написав несколько статей, в которых уточнял понятийный аппарат дисциплины, высказав ряд предположений о системе классификации и практическом использовании филигранных. Заветной мечтой А.А. было создание в БАН кабинета филиграноведения – исследовательской лаборатории, оборудованной специальной техникой для просмотра и воспроизведения филигранных, оснащенной полным набором справочников. Для этого кабинета по инициативе А.А. были куплены архивы и коллекции известных филиграноведов С.А. Клепикова и Г.А. Енша.

Крупный вклад А.А. внес в теорию и практику полевой археографии. Он являлся не только результативным археографом, пополнившим фонды БАН сотнями древних рукописей и книг, а также организатором целого ряда археографических экспедиций, но и заметным теоретиком полевых археографических исследований. Мне выпала честь быть первым наставником А.А. в полевой археографии, начиная с совместной экспедиции в Каргополье в 1975 г. Тогда удалось организовать приобретение для БАН ценнейшей коллекции рукописных и печатных книг из скрытнического скита в д. Залесье. Для всех причастных к археографии понятно, насколько трудно общение с представителями этой радикальной старообрядческой конфессии, упорно уклоняющимися от всяких контактов с миром "антихриста". Нам тогда удалось не только найти уникальную библиотеку, о которой ходили легенды, но и расположить к себе последних насельников скита, убедить их передать книги в Академию наук. Взять деньги за книги они категорически отказались.

Вскоре А.А. как полевой археограф и теоретик археографии превзошел своего учителя, и на долгие годы возглавил археографическую работу в БАН. Его заслугой стало преодоление известного соперничества и разобщения между археографическими центрами Ленинграда–С.-Петербурга и России в целом, в особенности с археографами МГУ. Им налажено самое тесное сотрудничество вплоть до совместных экспедиций с археографами Вологды, Сыктывкара, Ярославля и Екатеринбурга. Наши знания и опыт, сочетаясь с материальными и людскими возможностями и энтузиазмом археографов провинциальных университетов и пединститутков, суммировались с общей пользой и принесли большой успех делу. А.А. и на конференциях, и в своих публицистических статьях развивал идею совместного изучения культурного письменного наследия регионов России. Его вклад в практику и теорию археографии чрезвычайно велик.

Здесь высказывались сожаления о том, что в последние годы своей жизни А.А. много сил и времени уделял работе в коммерческом издательстве "Хронограф", а затем в Государственной думе, что несомненно отвлекало его от занятий научными темами. Однако исследователя можно понять. Борьба за науку в стенах БАН давала мало практических результатов, встречала непонимание и сопротивление, и А.А. стремился найти иные пути для продвижения своих идей и планов. И кое-что уже складывалось как надо, удавалось... и если бы жизнь продолжилась, ему многое бы, наверняка, удалось. Но случилось по-другому.

И в заключение мне хотелось бы высказать, может быть, несколько необычную мысль, которая пришла мне на ум в размышлениях о судьбе ученого. Все мы, здесь собравшиеся в этот скорбный день, объединены не только любовью к покойному, большинство из нас причастно к великой и оригинальной древнерусской культуре, к русской истории. И эта причастность, как мне представляется, облагораживает людей, делает их чище, лучше, честнее. Между исследователями этой культуры возникает подобие некоего духовного братства, единения, соучастия. А.А. это хорошо чувствовал, что помогало ему в его многообразной деятельности.

В русской истории было всякое – и хорошее, и дурное. Был и Иоанн Грозный, был и Андрей Рублев, и Сергей Радонежский. Почему же мы черпаем из этого источника преимущественно хорошее, а не дурное? Что нас притягивает к древней эпохе, к жизни наших пращуров? Я думаю, то, чего мы лишены ныне. В древнерусской культуре мы ощущаем присутствие гармонии, целостности, целеустремленности, того, что сложилось постепенно за много веков относительно культурной изоляции. Не все там было идеально, случались срывы, трагедии, но общее состояние уравновешенности, гармонии, тесной взаимосвязи элементов явственно ощущается, и мы черпаем оттуда эту гармонию и заряжаемся ею... Быть может, главная задача историков состоит не только в правильном понимании, в реконструкции исторического прошлого, но и в переносе из этой страны, уже ушедшей от нас, но живой по меркам вечности, всего ценного, что мы можем использовать в нашей жизни. А это прежде всего культура и духовность в тесной взаимосвязи. Как привить эти ценности на нашу почву? Можно ли это сделать в принципе? Можно ли формировать культурную среду целенаправленно, искусственно или это стихийный процесс? Все это вопросы, которыми задавался Александр Александрович в наших долгих беседах в Библиотеке и которые затрагивал в своих исследованиях. Теперь эти ответы надо искать нам.

М.П. ИРОШНИКОВ

Я далеко не так хорошо знал Александра Александровича, как его учитель С.О. Шмидт, на глазах которого происходило становление А.А. – ученого-исследователя, источниковеда, археографа, который во многом определил основные направления его творчества, и как Н.Ю. Бубнов и другие его коллеги по БАН, соприкасавшиеся с ним в повседневной работе в Отделе, в ходе археографических экспедиций. И вместе с тем, когда я впервые узнал об этом горе, а это действительно большое горе, постигшее и нашу историческую науку, и всех его коллег, которые его знали хорошо, и в Москве, и в Петербурге, я невольно вспомнил, как незаметно, почти четверть века, мы общались в Ленинградском отделении издательства "Наука" на Менделеевской линии, в архиве ЛОИИ, в читальных залах БАН (не только в Рукописном отделе), в коридорах ГПБ, на заседаниях Археографической комиссии. И в ходе общения рождалось впечатление, что это был действительно удивительный, очень красивый, с моей точки зрения (не знаю, может быть кто-то оспорит мое понятие о красоте), – красивый человек во всех смыслах слова: и физически, и нравственно, и как творческий человек, потому что творческий человек, увлеченный своим делом, не может не быть красивым.

Мы общались с А.А. в основном в связи с изданием его статей на страницах "Вспомогательных исторических дисциплин", где мы имели честь, вместе с душой этого издания Е.К. Пиотровской, принимать его статьи, его заявки, следить за их продвижением. Впервые я услышал об А.А. от С.О. Шмидта, а затем от покойного А.И. Копанева, самые добрые слова – в процессе нашего общения А.А. полностью оправдал их. Невольно начинаешь понимать, что, когда человек есть, не замечаешь, насколько он нужен, насколько он необходим, насколько полезен и важен его вклад. Он был постоянным рецензентом, постоянным доброжелательным оппонентом на заседаниях сектора источниковедения ЛОИИ, на заседаниях Археографической комиссии. Как всегда были содержательны и интересны его лаконичные выступления – отчеты о состоявшихся экспедициях. Это был человек, который участвовал в процессе

научного творчества, во взаимодействии различных гуманитарных учреждений нашего города.

Так получилось, что дополнительными гранями своей души, своей личности А.А. раскрылся в горькие часы, когда скончался А.И. Копанев, и мы все были озабочены сборником, посвященным его памяти. А.А. принял в этом самое активное, самое непосредственное участие, не только тем, что написал прекрасную статью об одной из сторон творчества Александра Ильича, он был одним из организаторов этого сборника. Первая часть предисловия, несколько проникновенных строчек, посвященных Александру Ильичу, написаны рукою, можно сказать, сердцем Александра Александровича. Кто мог думать, что через несколько лет А.А. сам уйдет из жизни. Но, говоря о творчестве Александра Ильича в этом коротком вступлении, Александр Александрович заявил не только о своей позиции ученого, но и о своей нравственной позиции. Он сравнивает Александра Ильича с Микулой Селяниновичем, который никогда не уклонялся от тягот, от трудов праведных, и честно выполнял то, что ему было предназначено судьбой, честно трудился на ниве науки. Все это в полной мере относится и к самому А.А. – он честно жил, увлеченно работал на благо нашей отечественной науки и культуры, о сохранении которой очень беспокоился. Заботы о приумножении нашей отечественной культуры и памятников ее истории в это смутное, очень трудное время в чем-то, по-видимому, способствовали тому, что он так рано ушел из жизни, оставив нам светлую память о себе и, несомненно, о его ярком научном творчестве. Хотелось бы поддержать мысль и разделить уверенность С.О. Шмидта, что докторская диссертация А.А. будет издана, и это будет лучшим ему памятником. Александр Александрович навсегда останется в сердцах тех, кто имел счастье общаться и трудиться с ним.

Ю.Г. АЛЕКСЕЕВ

Я должен полностью присоединиться к тому, что говорил М.П. Ирошников. Мне тоже – не сговариваясь с ним – образ Александра Александровича мыслится в тесной связи с образом другого крупнейшего нашего ученого (старшего поколения по отношению к Александру Александровичу), с образом А.И. Копанева. В них было что-то исконно общее, а именно: глубокая внутренняя связь с русской землей, не по книжкам, не по рассказам, а по личному опыту, по своему исконному происхождению. Все мы от земли, но одни из нас в пятом или в десятом поколении, а они были в первых поколениях. Сочетание внутренней связи с землей с высокой профессиональной культурой и высокой интеллигентностью было свойственно им обоим. И много общего было у них в подходах к русской истории, в рассуждениях о ней.

Должен признаться, что я знал А.А. не так уж много, встречался не так часто, но всегда общение с ним было для меня приятно. Сам облик его, глуховатый спокойный голос, его движения, жесты, глубоко к нему располагали. Я испытывал к нему теплую симпатию, хотя, к сожалению, не мог ее проявить, не имея возможности познакомиться с ним ближе. Для меня было большой честью то, что он пригласил меня быть оппонентом его докторской диссертации. На мой взгляд, это была самая выдающаяся защита по русской истории, по крайней мере, за последние 1,5 десятка лет, праздник русской науки, в частности, русской науки о XVI в. Это – блестящая работа. Очень приятно было слышать сегодня слова Сигурда Оттовича о возможности ее издания. Я думаю, что она станет классикой нашей науки. А.А. удалось создать настоящую энциклопедию о Лицевом своде. Замечательное достижение!

Преждевременная трагическая кончина Александра Александровича меня глубоко потрясла, как и всех остальных. Мы – солдаты невидимого, но реального фронта. Все мы сражаемся за наше Отечество на научном поприще. Вклад А.А. в защиту русской культуры, в развитие русской культуры навсегда останется в истории России, в истории ее культуры.

М.В. КУКУШКИНА

Печальное событие постигло Отдел рукописной и редкой книги, но, правда, в последнее время Александр Александрович находился уже вне стен Библиотеки. Он был человеком талантливым, незаурядным, по-настоящему интеллигентным. Когда я в первые познакомилась с ним, мне даже показалось, что он не подходит для нашего отдела, слишком он был тихим, смирным. До этого у нас был "буйный" И.Ф. Мартынов. Поэтому, когда А.А. стал сотрудником нашего отдела, то разница с Мартыновым проявилась разительно.

Мы с А.А. нашли, по-моему, дружеский язык, сумели договориться с ним о том, как и чем он будет заниматься, разумеется, с ведома Сигурда Оттовича. Тем не менее приходилось считать с теми условиями, которые были в Библиотеке. Поэтому А.А., не гнушаясь ничем, включился в обязанности, которые выполняют посменно все наши сотрудники, в отличие, скажем, от сотрудников других библиотек. Я знаю, что в РНБ и в РГБ значительно большее число сотрудников занимается обслуживанием читателей, меньше выдают научной продукции. И так было почти всегда в БАН, до последнего времени.

А.А. очень быстро изучил фонды, познакомился с читателями. Читатели его полюбили, потому что он больше нас информировал их. Тем более, что он был архивистом, и это всем нам очень помогало.

Нужно ли было А.А. стремиться во властные органы? Ведь там он тоже был активнее, чем другие, смог сделать полезное дело для культуры в целом. Вместе с депутатом Государственной думы Т.В. Черторицкой ему удалось пробить (вероятно, А.А. писал все эти бумаги, видимо, это было нелегко) Закон об обязательном библиотечном экземпляре (БАН не получал его пять лет). Книжечка, которую издал "Глаголь" – "Дорогие мои ветераны", – тоже подготовлена А.А. совместно с Т.В. Черторицкой. Она полезная и для культуры, и для тех, кто не получил заслуженного. Поэтому нельзя отбросить этот период в жизни А.А., учитывая его значимость. Александр Александрович был очень ответственным человеком, и он понимал, что, если представилась возможность, то он может сделать так ответственно, как будто бы было выполнено его последнее дело.

Мне трудно говорить о нем, поскольку я часто общалась с ним по делу, по другим жизненным ситуациям. Почти ежедневно все вопросы, которые мне было сложно правильно решить, я обсуждала чаще всего с ним. А.А. с годами становился мудрее. В предисловии к книжке об Александре Ильиче он, видимо, написал, думая о себе:

"Воистину, тяжело жил и не стремился к жизни легкой.

И достоин памяти долгой и светлой, как за мирское бытие свое, так и за труды по сбережению свечи высокого знания, огня истинной исторической традиции".

Это то, что стремился делать Александр Александрович, так сказать чувствуя свое родство, как исследователя, с А.И. Копаневым. Мы потеряли очень порядочного, очень хорошего человека. Дай Бог, чтобы память о нем сохранилась как можно дольше.

Е.К. РОМОДАНОВСКАЯ

Выезжая из Новосибирска, я не думала, что мне придется здесь выступать. И если бы готовилась заранее, я бы, наверное, сказала очень много о связях Новосибирска с А.А. Амосовым. Мы считаем, что наш сектор археографии очень многим обязан ему. У нас не было человека, который бы не обращался к нему за консультацией и не получал бы их, не спорил бы с ним, и он спорил с нами часто. Потому что А.А. совершенно поражал своим нестандартным подходом к науке. Здесь много говорилось, какой он был ученый. Он, действительно, очень большой разносторонний ученый, с великолепными работами. Но мне представляется, что для него характерен еще дух непокоя, дух сомнения. На тех археографических конференциях, где мы встречались, именно А.А. вносил новые идеи, новые подходы.

Помню, как когда-то, съехавшись в Свердловске, мы спорили о компьютерных методах описания рукописей. Потом все признали его правоту, но сначала традиционные археографы решительно утверждали, что он упрощает описания рукописей, обедняет их. Сейчас мы все пришли к тем же методам, но он был одним из первых, кто поставил вопрос о них.

Здесь много говорили о городах, с которыми был связан А.А. Мне хочется принести ему низкий поклон от русской провинции. Занимаясь археографической работой, мы конечно, объединяемся вокруг Археографической комиссии. Но А.А. осуществлял личное единение всех; он находился всюду. Меня всегда поражало, как он успевал. Посмотрите только перечень городов, где он работал. Это, прежде всего, Вологда, это Екатеринбург, это Нижний Новгород, это Сыктывкар. Здесь сидят представители Сыктывкара и Екатеринбурга. И каждый из них в своей работе не мог обойтись без его помощи и поддержки. Мне представляется, что наука и провинция – я имею в виду не оценочный эпитет, а просто "нестоличная наука" – должны принести низкий поклон А.А. Амосову, потому что без его помощи многого мы просто не смогли бы сделать в своей науке.

Хочется сказать и о значении ОР БАН как научного центра. Этот отдел (и Александр Александрович, как великолепный его представитель), на мой взгляд, оказался одним из важнейших центров изучения рукописной книги в нашей стране. Причем, чисто чиновничий подход очень часто старался лишить его этого научного статуса. У нас был случай, когда одну новосибирскую диссертацию ВАК попытался задержать, потому что ведущим учреждением мы поставили ОР БАН. И Н.Н. Покровский написал возмущенное письмо председателю ВАК, отмечая формализм в вопросе о том, что библиотека не может стать научным учреждением, и так далее. Были получены извинения. Все мы, занимающиеся древнерусской книгой, знаем, что крупнейшие знатоки – это те, кто непосредственно работает с книгой. Все мы приходим в отдел как посетители, консультируемся и пользуемся помощью "рукописников". Хочу сказать, не в обиду всем прочим, просто в память об Александре Александровиче, что он был символом науки в Рукописном отделе БАН.

В.В. МОРОЗОВ

Полагаю, что в данной аудитории нет необходимости давать характеристику Лицевого летописного свода XVI в., его большой и запутанной историографии. Напомню, однако, что в середине 70-х годов три ученика С.О. Шмидта одновременно обратились к этому бесценному памятнику отечественной культуры.

А.А. Амосов углубился в исследование бумаги, я – в изучение происхождения

текста и его эволюции, С.А. Морозов пытался разобраться в летописных повестях, вошедших в Лицевой свод, и роли редактора в процессе их складывания. Все трое знакомы по МГИИАИ, по кружку источниковедения. Оба Морозовых писали диссертации по Лицевому своду под руководством С.О. Шмидта. Общие наше было довольно тесным: совместные археографические экспедиции, затем – "Вологодская программа", командировки в БАН и ГПБ для работы над диссертациями и поначату тогда же полистному описанию томов Лицевого свода, частные наезды Александра Александровича в Москву. Делились самыми мельчайшими наблюдениями, знакомили друг друга со всеми написанными статьями задолго до их завершения, еще в черновиках, порой выполняли просьбы по вполне конкретным предположениям с тем, чтобы проверить их. Очень часто обсуждали возникшие проблемы.

Надо сказать, что отнюдь не всегда наши выводы совпадали со сложившимися к тому времени представлениями С.О. Шмидта, но Сигурд Оттович, похоже, этим даже бравировал, публично отмечая это обстоятельство. Во всяком случае он всегда принимал наши аргументы и порой находил ответы на сложные вопросы быстрее нас (меня, во всяком случае, точно).

Но о монографии речь как-то не шла. Возникла огромная "Вологодская программа" (обстоятельный доклад о вкладе А.А. в нее подготовлен Н.И. Решетниковым, но его здесь нет из-за начавшейся у студентов сессии). За 8 лет было издано 11 книг общим объемом в 200 печатных листов. Роль А.А. в ней переоценить нельзя. Но и работа над Лицевым сводом продолжалась, хотя уже без С.А. Морозова, обратившегося к методике источниковедения. К тому же А.А. все глубже втягивался в проблемы складывавшихся тогда археографических центров (Свердловск, Ярославль, Сыктывкар, Нижний Новгород).

Но книга все-таки появилась, в виде диссертации. 480 страниц плотного текста. Справочный аппарат в ней предельно экономен: указан лишь номер по списку литературы и страницы. Мало в ней и полемики.

Один из экземпляров диссертации "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Опыт комплексного источниковедческого исследования" (Л., 1991) постоянно лежит на моем столе.

Написана она не так, как часто бывает. Это не склеенные фрагменты ранее изданных статей, а совершенно новая работа. В ней наконец-то предпринята попытка изложения обстоятельной историографии, которую из всего опубликованного предшественниками выделяет концептуальность. А.А. удалось выявить мировоззренческие корни различных гипотез, эволюцию их и смену парадигм, порожденную углубленным проникновением в прошлое.

Другим важным достижением Александра Александровича стало аргументированное датирование процесса работы над Лицевым сводом (А.А. стал достойным преемником Н.П. Лихачева). Хронологические рубежи, определенные для отдельных частей, ограничены пределами нескольких месяцев.

Довольно поздно обратившийся к миниатюрам Лицевого свода А.А. тем не менее проник в тайны, позволившие ему раскрыть множественность значения цвета в единстве с иерархией цветов. А это дало возможности для более глубокого понимания колористики миниатюр Лицевого свода. Удалось Александру Александровичу продвинуть и понимание композиции миниатюр, внутренней связи их персонажей.

А.А. впервые собрал и сопоставил все версии об источниках Лицевого свода, бытовавшие до него, показал сложную работу составителей. Для отдельных фрагментов это было сделано А.Е. Пресняковым, Д.Н. Альшицем, В.Ф. Покровской, С.О. Шмидтом и другими, но весь текст Лицевого свода смог рассмотреть только А.А. В завершающей части диссертации ему удалось наметить и место Лицевого свода в отечественной книжности.

Книгу А.А. безусловно надо публиковать (об этом уже говорили здесь и С.О. Шмидт, и Ю.Г. Алексеев). Археографическая комиссия предполагает получить на нее грант РГНФ. Я сделаю указатели – именной и памятников письменности. Это тем более необходимо потому, что многие наши коллеги даже не представляют сколь значительна была библиотека, использовавшаяся составителями Лицевого свода. Надеемся, что книга А.А. Амосова будет издана.

После долгого перерыва, вызванного рядом обстоятельств, возобновилась работа по "Вологодской программе". Готовится очередной том каталога-путеводителя по документам Вологодского областного музея. Его ответственным составителем останется А.А., отредактировавший предварительные описания.

Есть еще одна книга, начатая А.А. – описание рукописных и старопечатных книг Кубеноозерской традиции. Коллекция была получена А.А. совместно с работниками Вологодского областного музея и потому оказалась раздробленной между ним и БАН. Вологодские рукописи уже описаны. Положение дел с рукописями, переданными в БАН, мне пока неизвестно. Но думаю, что и эта книга выйдет в свет, став достойным завершением того дела, которое было начато А.А. Амосовым – первой в России региональной программы по описанию всех рукописных старопечатных книг и документов, хранящихся в музеях области.

Т.Ф. ВОЛКОВА

Мне бы хотелось сказать еще об одном качестве Александра Александровича, которое я в полной мере испытала на себе, как и мои ученики и коллеги из Сыктывкарского университета. У А.А. был удивительный подход к людям. Когда его судьба сводила с кем-нибудь по работе, по общим научным интересам, он всегда в любом человеке, с которым оказывался рядом, открывал неизвестный внутренний потенциал. И старался сделать все, чтобы этот внутренний потенциал проявил себя в полной мере. Он очень хорошо знал людей, и видел их слабые места, их ошибки, заблуждения. Много раз мы с ним беседовали об этом, спорили часто даже по поводу некоторых наших общих друзей, и он всегда старался переключить внимание на то положительное, на то прекрасное, что есть в этом человеке. Он обладал удивительным даром вселять в человека веру в свои силы. И он был одновременно и мечтателем, и человеком, который многие свои мечтания смог реализовать.

Для совсем еще молодого сыктывкарского коллектива он сыграл важную роль, потому что появился в нашей жизни как непосредственный участник археографических исследований на той стадии, когда мы уже достаточно много работали в области полевой археографии, ездили на Печору и подошли к рубежу, когда нужно было то, что мы собрали, осмыслить и перейти на какой-то новый этап. И А.А. помог нам сделать этот переход. Благодаря его участию, его приездам, личной работе с нами, дружеской поддержке и чисто профессиональной помощи, мы смогли выпустить первый том нашего задуманного цикла, на который он нас организовал и подвиг – "Памятники письменности в хранилищах республики Коми". Мы совместно с петербургскими коллегами, московским археографом Б.Н. Морозовым, с нашими соратниками из многих городов полностью подготовили описание рукописей Сыктывкарского краеведческого музея. Это была очень большая работа, которая, к сожалению, из-за

изменившегося финансового положения уже пять лет не может быть издана. Последние годы А.А. нас вдохновлял на переход к обобщению материала на основе компьютерной техники. Он подготовил фундамент для основательного обобщающего исследования, создания информационного банка по региональной книжности. Сейчас мы непосредственно продолжаем то, что он начал, как бы поднимаясь над фундаментом, который он заложил, и собираемся создать такую разработку, как банк данных Печорской книжности. Я рассматриваю работу, связанную с печорской книжностью, как непосредственное продолжение идей Александра Александровича. Сейчас готовится к изданию сборник нашей проблемной лаборатории, и я думаю, что те фрагменты, которые созданы для Сыктывкарской программы "Культура" по банку данных "Региональная книжность", мы опубликуем.

Г.В. МАРКЕЛОВ

Мне выпало большое счастье быть не просто знакомым, но и, смею сказать, другом Александра Александровича. Мы с ним знакомы лет 20, может быть, больше, из них последние 10 лет состояли в довольно тесных доверительных дружеских отношениях. Среди близких к нему людей было принято просто называть его Саньчем. Он иногда бывал у меня дома, причем всегда приходил с цветами и с галантным поклоном дарил их жене. Но чаще мы собирались у меня в мастерской на Измайловском. И вот однажды, когда он готовился к защите докторской диссертации, я ему предложил: "Саньч, давай я напишу твой портрет, будет тебе подарок к докторской". И портрет этот мы так за бутылочкой сухонького и начали – Саньч очень любил сухонькое. Состоялся первый и единственный, к сожалению, сеанс. Больше мне не довелось заниматься этим портретом. И вы видите, портрет Саньча в неоконченном состоянии, но в этой незаконченности есть, мне кажется, своя символика, я бы даже сказал – драматическая символика.

Саньч был величайшим генератором идей, у него этих идей и проектов было великое множество, и я сейчас всего в нескольких словах расскажу о тех проектах, которые не удалось осуществить. Но об этом важно знать, потому что ученого человека характеризует не только то, что он успел и смог сделать, но и то, чего он не успел и не смог по каким-то причинам, но что им было запланировано.

Эпоха горбачевской перестройки, конечно, многих из нас буквально выдернула из того рутинного болота, в котором мы пребывали. И вы помните, тогда начался издательский бум, когда все кинулись в издательские проекты разного рода. Тогда у нас родилась идея попробовать переиздать все, что выпустило Общество любителей древней письменности, "Памятники ОЛДП". Саньч был очень увлечен этой идеей, мы с ним неоднократно обсуждали ее, составляли планы, уточняли детали, искали партнеров. Думали, что сначала надо подготовить репринты того, что было издано ОЛДП, а потом, примерно по тем же правилам и критериям, приступить к изданию новых памятников. Это была одна из идей, родившихся на рубеже 80–90-х годов. Тогда же, когда не было еще ни "Хронографа", ни "Глагола", Саньч пытался организовать издательство "Альфа". А потом мы тесно сотрудничали с издательством "Прометей", составляя (в основном, конечно, А.А.) списки проектируемых изданий, и по наивности, по просоте душевной, рассылали эти списки по разным издательствам, с предложением своих услуг. Затем большинство этих изданий

вышло! Но мы в этом деле никак не участвовали, потому, что у нас эти издательские идеи просто украли. Я могу это засвидетельствовать. Саныч из-за этого очень переживал.

Еще из проектов, которые мы хотели осуществить. Вы знаете, как Саныч любил крестьянскую народную духовную культуру. И вот у него возникла идея сделать целую книгу, посвященную династии крестьян Каликиных, в которой бы нашли отражение все аспекты деятельности этой вологодской крестьянской семьи: и книгописание, и иконопись, и книжная миниатюра, и коллекционерская деятельность Каликиных, и вообще все, что можно было собрать об этой крестьянской семье.

Другой неосуществленный проект – проект издания хранящихся в БАН и в ИРЛИ крестьянских старообрядческих настенных листов, часть из которых создана Каликиными. Дело это было уже практически подвинуто, сделаны слайды, но, по причине исключительной дороговизны и ряда других частных обстоятельств, издание так и не вышло. Можете себе представить, как было бы полезно и важно издать эти роскошные настенные листы, которые почти никому неизвестны, и которые так любил Саныч.

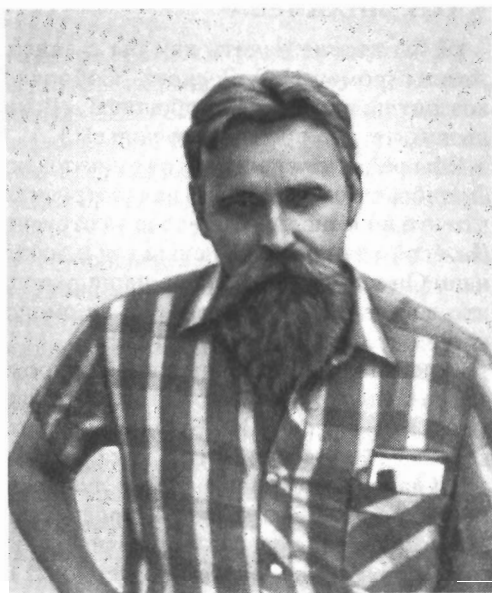
Кенозерский этнокультурный заповедник или национальный парк – это тоже в сущности идея А.А. Кто бывал в Архангельской области, на р. Кене, на Кенозере, знает, какое это феноменальное место с точки зрения природных, ландшафтных свойств, редкой красоты озеро, окруженное горами Олонецкого края, по берегам которого старообрядческие деревни. Причем, деревни совершенно удивительные, там до недавних пор стояли огромные избы, двухэтажные, но курные, с дымоходами. И вот Саныч привлек меня к этому проекту, и мы с ним составили документы, чтобы на Кенозере сделать этнокультурный заповедник. Документы пошли потом в Архангельск, но дальнейшая судьба их мне не известна.

Вы знаете, что Амосов готовил в "Хронографе" перевод книги Р. Крамми "Старообрядчество и мир антихриста". Меня Саныч попросил подобрать иллюстративную часть, так как то, что было в первом английском издании, устарело. Я подготовил иллюстрации, но книга тоже до сих пор не вышла, хотя уже готов перевод. Ее нужно обязательно издать. Это долг перед автором, да и перед Амосовым тоже.

Сегодня здесь, в Пушкинском Доме, и все последние недели мы говорили, что нужно увековечить память Амосова, организовав чтения или регулярные конференции. Мне думается, что резонно было бы приурочить это к декабрю, а не к Пасхальной неделе, потому что на рубеже апреля-мая обычно проходит большое количество важных конференций, и в частности "Малышевские чтения". Кстати, В.И. Малышев умер на Пасхальной неделе ровно 20 лет назад. Александр Александрович тоже умер на Пасхальной неделе. Это, мне кажется, совсем не случайно, здесь есть определенная связь. 20 лет – срок одного поколения. Поколение Малышевых сменилось поколением Амосовых. Так вот, если нам всем подвигнуться и организовать регулярные Амосовские чтения, то лучше приурочить их к декабрю, к памяти тезоименитого Александру Амосову Александра Невского, 23 ноября по старому стилю (6 декабря по новому). В декабре у нас обычно проходят отчеты Археографической комиссии, можно эти заседания проводить вместе. Тогда Амосовские чтения или, как Амосов называл наши зимние археографические заседания, "Праздник археографа зимнего", канонично воспоследуют "археографу летнему", т.е. памяти В.И. Малышева, приходящейся на июль месяц. По аналогии с праздниками "Никола зимний" и "Никола летний". Такая связь будет и органичной, и приемлемой сегодня данью памяти моего друга.

В.С. СОБОЛЕВ

С Сашей Амосовым мы познакомились 30 лет назад, когда летом 1966 г. стали студентами МГИАИ и поселились в общежитии на Стромынке. Амосов был очень талантливым (он окончил школу с медалью), в этом убедились сразу и преподаватели, и студенты. Но хотелось бы вспомнить то, что встречается не часто – огромный талант Саша приумножал огромным трудолюбием и работоспособностью. Пожалуй, это является достаточно редким сочетанием, и стало одним из главных факторов, почему в общем-то за короткую жизнь Саше удалось так много сделать в разных смежных областях гуманитарной науки. Вот одно воспоминание. Бывало, полночь, уже глаза слипаются, идешь из читального зала в общежитие, навстречу с учебниками идет Амосов, бодрый, решительный, он только что несколько часов стучал на машинке (у него уже была машинка в комнате) и вот идет в час ночи заниматься, чтобы в 8 утра ехать на лекции. Удивительная работоспособность!

Талант А.А. был вдобавок ко всему очень ярким. На многих конференциях я имел счастье слышать его выступления, удивлял фейерверк идей, талантливых импровизаций. Я был скромным провинциальным музейным работником, но это поражало, видимо, не только меня. Нам, выпускникам МГИАИ 1971 г. не так уж много лет, мы не самого почтенного возраста, и потому, когда из жизни уходят сверстники, которым нет пятидесяти, такое ощущение, что ты находишься на войне. В самом деле, российская интеллигенция, за исключением коротких исторических периодов, все время находится как бы на войне. Объективные причины были – и большие трудности у Саши на работе, и сложности в быту. Мне как-то приходилось провожать его в аэропорт в Ленинграде. У Саши тяжелый рюкзак сзади и две огромные сумки в руках. У меня, провожающего, тоже огромный рюкзак сзади и две огромные сумки в руках, с продовольствием. Наступает момент, когда я должен остаться и свой груз отдать Саше. И вот Саша надел один рюкзак сзади, один рюкзак спереди, взял четыре сумки и довольно твердо пошел дальше, на посадку. Это был физически сильный человек. Поэтому мое предположение, что находимся в ситуации, приближенной к войне, все-таки имеет основание. Не выдержало сердце.

Когда человек уходит, начинаешь вспоминать, анализировать, думать. И вырисовывается совершенно светлый образ. У всех нас есть недостатки, конечно, и какие-то отрицательные черты, а когда начинаешь вспоминать о Саше – 30 лет я все-таки его знал – то как-то даже теряешься: ничего не могу вспомнить плохого, настолько светлый и замечательный человек, и большой ученый. Светлая память о Саше навсегда сохранится в наших сердцах.

Я бы хотела начать как бы с эпитафии – это "надгробное слово" дьякона Ахилы (роман Н.С. Лескова "Соборяне"): "В мире бе, и мир его не позна. Но воззрят на нь, его же прободоша". (В мире был, и мир его не узнал. Но смотрят на него те, кто пронзил его копьем.)

Мы все – не узнали, каков он человек был, и вот – все виноваты. Я никогда не смирюсь с тем, что он не наш сотрудник, что он "ушел из Библиотеки", потому что это нонсенс. А.А. Амосов – сотрудник ОР БАН, он наш соратник и товарищ. Да, его "отлавливали" целый год и, наконец, уволили – и тем убили. Но Саныч – наш. Он любил наш Отдел, наши рукописи, свое дело, и он всегда с нами. А то, что заседание его памяти мы не смогли устроить у себя в Библиотеке – это клеймо на Библиотеке останется.

Александр Александрович – прирожденный "рукописник" (я совершенно в данном случае не касаюсь того, что здесь уже говорили о нем, как историке). А.А., как сказал Н.Ю. Бубнов, первым делом "охватил" наше собрание, ознакомился с ним досконально, как бы посмотрел на него сверху, с высоты. Он знал все о нашем собрании, знал его лучше, чем другие, даже те, кто давно работает. До сих пор у нас на языке: "Спроси Саныча. Он знает". Он знал все, потому что ему все было интересно – и древности, и любимый XVI в., и старообрядчество, и даже документы советского периода. Но он был такой человек, который не вмещался ни в какие рамки. Он не мог "соблюдать трудовую дисциплину", что естественно для человека, который работает и по ночам. Естественно, служебные конфликты из-за дисциплины постоянно были. И мы тоже временами были очень им недовольны: бросит идею и уедет, начнет что-то делать, не кончит, а как продолжать и кому, не объясняет, мол, сами соображайте. И мы, конечно, ворчали. Мы тогда не понимали, что за человек с нами – только смерть открыла нам это. Я думаю, что человек, который отдает себя до конца любимому делу, такой человек не чувствует даже потребности повиниться за какой-то промах, потому что он отдал себя полностью. Но что для чиновников самоотверженность в работе, если она не "от сих до сих"?!

Наша Библиотека должна быть безмерно благодарна А.А. Его 20-летняя деятельность у нас – это пример (вернее беспримерность) того, как, любя свое дело, можно делать в пять-семь-десять раз больше, чем отведено рабочим временем. Что можно бескорыстно предлагать идеи, разрабатывать пути их воплощения, думая только о благе родной Библиотеки и пользе Отечества. А.А. давал возможность нашей Библиотеке стать всемирно известным крупнейшим научным центром. Администрация этому сопротивлялась и победила. И мы стали средней районной библиотекой.

Идею, что БАН будет методическим центром по археографии, А.А. осуществлял всей своей деятельностью: это и экспедиции, в которых не только собирались рукописи, но и "ковались кадры", это и бесчисленные конференции, на которых он бывал, и мы вслед за ним.

Он стремился приобрести провинцию к общему делу археографии, потому что только "всем миром", только всероссийским усилием можно обеспечить сохранение культурных ценностей, осмысление наших богатств. Но как объединиться? Встречи на конференциях, переписка, совместные работы, стажировка, Саныч во всем этом принимал активное участие – по два десятка конференций с докладами и без докладов, консультации, лекции – то в Сыктывкаре, то в Нижнем, то в Вологде. Он старался помогать провинциальным учреждениям всеми силами (и просто работая с ними и обучая их на стажировках), потому что знал, что за это воздастся сторицей, если мы сумеем организовать всерос-

сйскую информационно-поисковую систему (ИПС) по рукописям. Это самая любимая идея Саньча.

Он принимал деятельное участие в работе СИБАЛ (целью этой международной организации было изучение культуры славянских народов), был там создателем нескольких программ. Разработки СИБАЛ, конечно, очень помогли бы нам при создании ИПС по нашей стране, если бы такую работу удалось организовать. Но для организации нужны встречи, совместные конференции, командировки и т.д. А это всегда встречало противостояние, противодействие администрации. Идеи упирались в стену.

1980-е годы – эпоха докомпьютерная, во-первых, потому что у нас не было компьютеров (и сейчас нет), во-вторых, должна быть проделана огромная работа, прежде чем будет возможность ввести в компьютер хоть какие-то сведения. Мы об этом думали, говорили, спорили, обсуждали с коллегами из других городов.

Надо было решить ряд проблем (это и была "предкомпьютерная" работа, и часть ее уже начал делать СИБАЛ, в котором мы все состояли): разработка терминологии, унификация названий памятников, лингвистические проблемы передачи текстов и т.п. Все это можно было решить лишь коллегиально. Мы вынашивали проект создания инципитарных указателей силами разных городов. Допустим, у нас есть знания, но нет возможностей. В Екатеринбурге – 14 человек на 4 тыс. рукописей, у них есть силы и они хотят работать. В Сыктывкаре хотят и могут работать. В Нижнем Новгороде – хотят работать и есть техника. В Новосибирске есть техника (не знаю, есть ли свободные для нашего дела люди). Это могла бы быть замечательная система, когда участвуют все, и "всемирно" мы бы создали эти самые ИПС. Первоначально мы предполагали распределить между людьми книги, которые нужно расписывать для инципитария, и обмениваться карточками, чтобы в каждом центре был составленный общими силами карточный инципитарий по старопечатным книгам и рукописям. Когда придет время, его можно будет ввести в компьютер, думали мы.

Но Саньч еще с 1984 г. думал о компьютерном воплощении ИПС. Эту идею он обдумывал, вынашивал, обтачивал, так сказать, формировал и, не найдя понимания в БАН, передал ее в Екатеринбург, где ее доработали и теперь ею пользуются. Екатеринбург стал центром, а мы потеряли право первенства. Я думаю, что для честолюбивого человека это был большой удар, который он мужественно перенес. Но ведь это накапливается, накапливается и приводит к концу. У нас было три научно-методических совета на эту тему. 3 августа 1988 г. Амосов высказал идею, директор предложил подать технический проект. 30 марта 1989 г. Амосов сделал доклад о перспективах и возможностях работы над ИПС по рукописным фондам, и все одобрили включая дирекцию. 29 января 1990 г. Амосов сделал доклад на научно-методическом совете БАН о семинаре по ИПС, рассказал всю историю своего многолетнего обдумывания этой идеи, и перехода идеи в Екатеринбург, где уже начаты работы. Смысл семинара в том, чтобы скоординировать всю работу между Ленинградом, Горьким, Сыктывкаром и Киевом. Приглашения на семинар уже были разосланы. Но в дирекции сказали А.А., что этими вопросами должны заниматься "понимающие люди", и запретили семинар. Не знаю, что имелось в виду, потому что, с моей точки зрения, там ничего не понимают в проблемах древнерусской книжности и в потребностях ИПС по рукописям и старопечатным книгам. Даже не поняв идею, отменяли, потому что идея исходила от Амосова. Документальной основой моего маленького сообщения о Саньче являются протоколы наших научно-методических советов. На каждом совете он выступал и всегда говорил что-то очень важное по тому сюжету, которому был посвящен совет, предлагал свои проекты. В том числе были проекты, с помощью которых могла быть ак-

твизирована издательская деятельность Библиотеки, и, конечно, это привело бы к значительному улучшению нашего финансового положения. Например, программа "Кодекс", в которой предлагалось совместно с кафедрой математической лингвистики МГУ создать издательский комплекс – микротипографию. Программы, предложенные А.А., несмотря на их пользу, воплощены не были. Дирекцию не интересовало, что думает Амосов.

Юридические знания, которыми обладал А.А. были очень полезны, когда нам приходилось сталкиваться с заключением международных договоров на издание наших рукописей за границей. Он мог составить договор юридически грамотно и выгодно для Библиотеки. Впрочем, дирекция все равно делала по-своему и уступала партнеру все свои интересы, или вовсе отказывалась от договора.

Все эти постоянные "тыканья носом" человека талантливого и преданного делу – вина Библиотеки перед Александром Александровичем. Мало того, что руководство не захотело воспользоваться его идеями и благими начинаниями, они и загубили его постоянными унижениями, запретами и в конце концов увольнением. То, что А.А. последнее время посвятил работе в Думе в ущерб работе с рукописями – это его жертва для пользы Отечества. Ибо он стремился через высшие органы добиться решения давно нерешаемых вопросов, проблем культуры и библиотечного дела. "Закон об обязательном экземпляре документов", принятый 23 ноября 1994 г., как и рекомендательный законодательный акт Межпарламентской ассамблеи СНГ о единой политике в этом отношении 1995 г. – его заслуга. Библиотека не может не считать принятие этого закона благом для себя и для общества. Так сказали бы хоть спасибо! Ветераны благодарили А.А. и Т.В. Черторицкую за "Закон о ветеранах", а БАН выбросила одного из лучших своих работников.

Дорогой наш Саньч! Мы все виноваты перед Вами. Мы виноваты – что не понимали Вас в должной мере. Мы виноваты, что не понимали, а они – преступны. Но наказание нам – горе, у них – радость. Простите нас, Саньч. Мы Вам за все благодарны и никогда Вас не забудем!

Н.Г. ПАВЛОВСКИЙ

Я выступаю здесь от имени уральских археографов – Лаборатории археографических исследований Уральского университета, которая много лет работала и дружила с Александром Александровичем. Он был учителем для многих археографов Урала. Это и полевая школа, и школа научного исследования. Как уже говорили здесь (присоединяемся к этим словам), наша обязанность – приложить все усилия, чтобы наследие А.А. увидело свет. В связи с этим уральские археографы просили меня сказать, что, во-первых, еще в 1994 г., по инициативе А.А. была начата работа по созданию "Словаря по старообрядческому книгоизданию". И сейчас виден первый ее результат – завершается подготовка книги "Старообрядческое книгопечатание XVIII – начала XX в. Материалы к словарю". Эта книга будет посвящена памяти Александра Александровича. Во-вторых, А.А. трудился над вторым выпуском книги "История книжной культуры Нижней Вятки". Нам неизвестно, насколько эта работа завершена, но уральские археографы готовы принять участие, если это потребуется, в ее завершении и оказать всяческое содействие в издании.

В-третьих, если есть какие-то материалы, статьи, публикации, подготовленные и еще не изданные, то в своих изданиях уральцы готовы опубликовать эти материалы. В частности, в ближайшее время выходит в свет сборник

"Старообрядческая книга в культуре России", страницы которой могут быть предоставлены для публикации таких материалов.

И в целом, уральские археографы готовы оказать любую посильную помощь, любое содействие в меру своих сил. Это будет долей нашей благодарности за все сделанное Александром Александровичем.

Г.В. ПИОНТЕК

В отличие от присутствующих коллег, я не являюсь археографом, библиотечным работником, я – архитектор, и мое выступление не будет посвящено вкладу Александра Александровича в науку. Я хотел бы сказать о нем, как о человеке.

У меня довольно сложная судьба, связанная с 1948 г. В год, когда А.А. родился, у меня начались неприятности сугубо политические. Затем я занимался музеем Ф.М. Достоевского, и тем самым я себя навсегда лишил права работать в архитектуре. В 1982 г. мне удалось показать свой проект на выставке в Манеже, а потом в Географическом обществе. И вот тогда, совершенно потеряв всякую возможность стоять на земле, я зашел в БАН, и мне сказали: "У нас есть такой Сан Саныч, он – парторг". Он взял с собой кого-то из сотрудников, они пришли на выставку, и с тех пор мы с ним подружились. Время от времени меня преследовали всякие неприятности. И каждый раз, когда мне было трудно, я приходил к А.А., и мы с ним разговаривали; он мне помогал морально, а для меня – это самое главное. Можно пережить все, но очень трудно пережить пустоту окружения, некую темную дыру. Я помню, что я приходил к нему в самый тяжелый момент нашей истории, переломный момент, 1991 г., как он переживал то, что происходило от мая до августа. Я не буду говорить, как он показывал книги, как мы с ним говорили о его интересах. Но я хочу сказать, что уже в 1992–1993 гг. в связи с проектом парка-музея "Человек и среда", в котором я мог показать историю нашей культуры, у меня после общения с А.А. возникла мысль устроить в этом комплексе маленький уголок, посвященный русской книге. Но не той русской книге, которую сейчас печатают на типографских машинах зарубежного образца, и не только тех книг, которые сейчас ежегодно уничтожаются (по официальным данным, до 1 млн экземпляров – в связи с чистками библиотек институтов, сокращением производственных площадей заводов и т.д.). А тех книг, которые создавались в единицах, рукописных книг.

Потом события повернулись так, что я года два здесь не был. Сан Саныч говорил: "Вот Вы приедете, мы посмотрим". Потом он был занят думскими делами. Но эту работу я доведу, графически все уже выполнено. Здесь, в нашем городе мы создадим такую маленькую деревушку, где будут представлены различные профессии создателей рукописных книг, где мы сможем учить молодежь старым традициям. Никакие компьютеры не заменят рук и глаз. Вот что надо воспитывать в людях...

Это то, чем богата Россия, это то, чему служил и отдал свою замечательную жизнь Сан Саныч. И я очень признателен ему не только за интеллектуальный вклад, но и за ту поддержку, без которой мне было бы просто трудно жить, а может быть и выжить. Благодаря ему я сегодня выступаю перед вами с уверенностью, что то, что делали и Малышев, и Амосов, и многие другие подвижники земли нашей, победит. И Россия будет, эта земля будет, потому что есть у нас Север, не знавший крепостного права, не знавший всего плохого, что было в других местах, и который давал нам таких сыновей, одним из которых был Сан Саныч.

Я и наше издательство "Глаголь" познакомились с А.А. Амосовым не так давно, еще не минуло трех лет, но это были годы и месяцы тесной связи и напряженного труда. Надеюсь, что могу называть себя его другом последнего времени. Я хочу сказать об Александре Александровиче как практическом деятеле. Это человек, рожденный не только для кабинетного труда, рамки ученого были ему, видимо, узкими. Он занялся политикой. Это связано было с его характером. Он не мог сегодня, в этот переломный период оставаться только ученым. Он гражданин, он горел судьбой страны. В политику он попал не случайно. Не все, может быть, знают, что был принят Государственной думой закон о ветеранах, о ветеранах последнего военного призыва 1945 г. Текст этого закона, насколько я знаю, всецело был подготовлен А.А., и благодаря его трудам, благодаря его энергии этот закон был принят Думой. Я слышал темпераментное публицистическое выступление А.А. на Межпарламентской ассамблее стран СНГ. Кроме того, А.А. участвовал в создании партии Святослава Федорова. За какое бы дело он ни брался, ему хотелось сделать его ярко, сильно, глубоко, и у него многое получалось. Жалеть о том, что он затратил часть своей души и энергии на политику, о которой мы все слышим, знаем, читаем, не стоит. Он тратил силы на высокую политику. Он хотел помочь своей стране. У него были довольно большие планы. Но я с ним сблизился прежде всего при издании того великого памятника, который является и памятником Александру Александровичу – Радзивиловской летописи. Он был членом авторского коллектива по изданию этой летописи. Мне было очень приятно с А.А. работать, и я счастлив, что это великая книга сегодня существует. Часто, когда мне было плохо, я говорил: "Вот, тяжело жить нам!" А он говорил: "Господи, после того, что мы сделали, мы все-таки уже в историю вошли".

Я сегодня посмотрел собрание трудов А.А., даже задержался взглядом на отдельных строках. Конечно, это был очень глубокий человек. Идей практических у него было много. Он предложил издавать Лицевой свод и сказал: "После Радзивиловской разве что-нибудь нам не по плечу?" Я говорю: "Хорошо. По плечу. Издадим Лицевой свод". Кто знает? Господь знает. Может быть, издадим.

Скажу еще два-три слова о нем, как о человеке. Я с ним очень много за последние месяцы встречался и "сухонькое", о котором тут упоминали, приходилось пить. Но вот один просто поразительный эпизод. Однажды в Государственной думе, в кабинете был звонок от женщины, посетительницы, обивающей пороги Думы, женщины, одним словом, сумасшедшей. Эта женщина побывала у половины депутатов Государственной думы. И вот она позвонила А.А., и но стал с ней разговаривать. Он отвечал по телефону около часа, причем говорил вежливо, корректно, отвечал на все ее вопросы, пытался что-то объяснить, в чем-то убедить. Мы просто изнывали и даже пытались у него трубку отобрать, но он сказал: "Нет! Надо человеку все ответить". Наконец, он положил трубку, после того, как исчерпал все ее вопросы. И теперь я часто думаю: "Господи, мы в суете жизни не успеваем с вежливым или радушным словом обратиться к ближнему своему!" Может быть, для нас многих А.А. должен быть уроком, уроком мягкости, чистоты, добропорядочности, деликатности в отношениях. Себе я сказал, что буду стараться отныне в отношениях со своими близкими и коллегами по работе, по крайней мере, не причинять огорчений. Вот это будет моей памятью об Александре Александровиче.

Мы не были с Александром Александровичем Амосовым друзьями. На протяжении почти 20 лет мы были сочленами "ученой республики", по крайней мере, я всегда так к нему относился в надежде – и не без оснований, как мне казалось, – на подобное отношение с его стороны – "республики ученых" (*Respublica eruditorum*), где нет ни чинов, ни званий, где только отношение к истине определяет суть взаимоотношений, где имеется свой "гамбургский счет", в соответствии с которым все знают, кто есть кто и кто чего заслуживает, и по которому А.А. был одним из первых.

Я коснусь трех изданий, во время работы над которыми и столкнулся с А.А. В этой "республике ученых" мы всегда состояли с ним членами двух корпораций, помимо всяких иных. Во-первых, в археографической: каждый год, когда мы возвращались из экспедиций, А.А. постоянно рассказывал о своих новых находках, потом следовало обсуждение, понятное только тому, кто хоть раз побывал в такой экспедиции. Во-вторых, – в корпорации библиотекарей. И здесь А.А. был человеком, каких очень мало. А.Х. Горфункель еще лет десять тому назад говорил, что он видит А.А. директором БАН. И это действительно так. И не только во время пожара, в течение всех этих лет всем было видно и каждому ясно, насколько этот человек чувствует свою ответственность за судьбу всей БАН. Такой же и Н.В. Котрелев в Москве: ему можно поручить РГБ и она заработает. Это люди с тем самым талантом, люди вокруг которых все сразу же начинают работать и мыслить. И сколько бы ни было у них проектов – а у них их всегда множество – самое главное, что эти проекты осуществляются. И именно таким был А.А. Поэтому для меня он был человеком, к которому всегда можно было прийти с любым вопросом, с тем, чтобы что-то обсудить, зная, что он всегда даст необходимый ответ (к сожалению, и я, подобно многим другим, не жалел ни его сил, ни его времени). Но то, что А.А. Амосов так и не стал директором БАН, что он оказался не востребованным временем, это и есть то самое искривление времени, которое мы переживаем, потому что мы-то знаем, кто может руководить, кто в состоянии это делать.

Первое издание, над которым мы вместе с ним работали, связано с той отличительной чертой его личности, о которой много говорили, с тем, что он был генератором идей. Когда у него не получалось в одном месте, он старался сделать в другом. В 1989 г. в Научной библиотеке СПбГУ состоялось Всесоюзное совещание заведующих отделами редких книг и рукописей библиотек вузов. И мы подумали, что если общая программа по сохранности и описанию редких книг и рукописей, о необходимости которой сам А.А. неоднократно говорил, не проходит через всесоюзную библиотечную систему, то почему бы мы, собрав единомышленников со всей страны, всех тех, кого мы знаем, не смогли бы ее разработать для вузовских библиотек. И на какой-то момент это объединение, мне кажется, состоялось у нас, в актовом зале университета, при основном участии А.А. – каждый пункт был с ним обсужден – такая программа была выработана и напечатана¹. И эта программа, худо ли, бедно ли, но заработала. Все же отделы редких книг в вузовских библиотеках создаются. Здесь – отзвук идей А.А. В статье, которую он написал для сборника материалов этого совещания и названием которой поставил слова из книги пророка Даниила "Мене. Текел. Фарес." (Дан. 5, 25), он связывал работу по созданию этой программы, т.е. осуществление идеи камеральной археографии с задачей сохранения нашего культурного наследия. И заканчивается эта статья такими

¹ Редкие книги и рукописи: Изучение и описание. Л., 1991. С. 111–114.

словами: "Между тем зловещие слова из книги пророка Даниила, вынесенные в заголовок, уже загораются (в буквальном смысле!) на стенах хранилищ национальной культуры. Успеем ли мы все вместе, взявшись за руки, затушить грозное пророчество?"²

Второе издание связано с проблемой полного описания старопечатных книг, много раз обсуждавшейся с ним. Впервые серьезно мы обсудили эту проблему при редактировании им каталога всероссийской археографической выставки 1987 г.³ К работе редактора, как и составителя, А.А. подходил с исключительной ответственностью, поэтому все эти его труды должны быть учтены с исчерпывающей полнотой. И то, что было задумано в этих разговорах с А.А., нашло свое отражение в продукции организованного им издательства "Хронограф". Я имею в виду каталог сотрудника Научной библиотеки СПбГУ А.В. Вознесенского⁴; А.А. одним из первых сразу же оценил то продвижение в области описания старопечатных книг, которое было сделано в работах Вознесенского, и предложил новый проект по описанию старообрядческих изданий XVIII в., который и был осуществлен Вознесенским.

Что же касается признания, то я хочу просто напомнить, что Джон Симмонс в своем "ордене галстуконосцев", куда входят известнейшие знатоки и любители старопечатной и рукописной книги, почтил членством А.А. Это честь, признания действительно по "гамбургскому счету".

И последнее – о третьем издании. Многие годы мне довелось поддерживать близкие отношения с замечательным ученым, профессором Е.М. Иссерлин, ученицей Б.А. Ларина и Л.В. Щербы, руководителем группы по составлению словаря Даниила Заточника. Уже в очень преклонном возрасте она написала научно-популярную книгу о "Молении" Даниила Заточника – всего 3,5 а.л. – и ничего не получалось с изданием. Я пришел к А.А. Амосову и сказал, что есть такая книга, автор – человек преклонных лет. Он посмотрел на книгу и взял для издания в "Хронографе". Более того, он собирался этой книгой открыть серию изданий для широкого круга читателей. Он даже попросил Л.А. Дмитриева написать предисловие к этой серии. Теперь Дмитриева (1921–1993) уже нет, нет Иссерлин (1906–1994), нет и самого А.А. Но книга готова, прошла все корректуры, уже несколько лет лежит без движения. Быть может, сотрудники издательства "Глаголь" найдут возможность выпустить ее в свет в память об А.А. Амосове.

М.Д. ЭЛЬЗОН

В отличие от всех, здесь присутствующих, я почти не знал Александра Александровича, но его смерть была для меня страшным ударом. Страшным по целому ряду причин, и прежде всего – погибла надежда на возрождение Библиотеки Академии наук. О.П. Лихачева сказала абсолютно правильно: они рады, они ликуют. И это правда, потому что единственный человек, по моему понятию, который мог бы избавить нынешнюю "районную библиотеку № 1", которой она стала с времен пожара – это именно А.А. Здесь много говорили о

² Там же. С. 43.

³ Памятники письменности: Новые находки: Каталог-путеводитель по экспозиции археографических центров Северо-Запада и Севера Европейской части РСФСР на выставке "Полевая археография за 10 лет". Л., 1988.

⁴ Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII в. / Сост. А.В. Вознесенский: Материалы к библиографии истории и культуры русского старообрядчества / Под общей ред. А.А. Амосова и И.В. Поздеевой. СПб., 1994.

нем, о его энциклопедичности, о том, что он был профессионалом высшего класса.

Здесь не было сказано только одно. Взгляните на портрет этого человека и вспомните, кто знает, изображение Н.А. Рубакина. Я не знал А.А. безусым и безбородым, но все время моего общения с ним в 1984–1989 гг. это удивительное его портретное сходство, и внешнее, и внутреннее, с просветителем Рубакиным – на меня производило какое-то мистическое впечатление. Кроме того, что здесь об А.А. сказано, он был еще просветителем, в самом высоком смысле этого слова.

То что это был человек удивительно демократичный в общении, то, что он был знаток до самых глубин, я понял после моей первой беседы с ним (в 1984 г.), когда, придя в неведомый мне Отдел рукописной и редкой книги, я за полчаса его монолога (и я вставлял какие-то реплики), узнал об Отделе больше, чем потом за пятилетие своего пребывания в БАН.

Именно от Амосова я узнал, что И.И. Срезневский спасал тут архив толстовцев, что здесь, в ОР БАН, лежит полный том "Записок старого книжника" Федора Шилова. Именно А.А. показывал мне архив Фортинского. Почему я все это говорю? А.А. будучи далек от меня в своих научных интересах, умел говорить с каждым на его языке, и выступление Пионтека – лучшее тому подтверждение.

О нем много можно говорить. И самое страшное, что все сплелось в чудовищный клубок: Александр Александрович умер 15 апреля, в день рождения (по новому стилю) Николая Гумилева; погребли его на Смоленском кладбище через 75 лет после другого Александра Александровича, а именно – Блока. Не случайно В.А. Черных читал на поминках стихи Анны Ахматовой "А Смоленская нынче именинница... Александр, лебедя чистого".

Для меня лично, как человека, причастного к изданию стихов Гумилева, в этом есть какой-то чудовищный знак, чудовищный символ. То, что погиб этот человек, погиб в неравной борьбе с духом тьмы, это не внушает оптимизма. Оптимизм только в вере в здравый человеческий разум, вере в "интернационализм добрых людей", как сказал Исаак Бабель, вере в то, что не может быть, чтобы злые силы торжествовали.

Н.С. СЕРЕГИНА

Я буду предельно краткой. Память Александра Александровича согревает нам всем сердца, хотя в этих сердцах большая глубокая боль, но и необычайный свет.

Я говорю от лица ленинградско-санктпетербургских музыковедов, и хочу выразить эту боль. И сказать, что здесь лежат три книжечки – одна книжечка о скоморохах, вторая – о собрании певческих рукописей БАН, третья – "Ранняя русская лирика". Все эти книги вышли под покровительством А.А. Были и другие планы совместной работы над публикацией певческого наследия Древней Руси. Эти планы с ним уже не смогут осуществиться. Но я думаю, что его научный и человеческий портрет без этой большой области древнерусского певческого искусства был бы неполон. А.А. хватало еще и на то, чтобы встречать нас в Рукописном отделе, консультировать, помогать, просто согреть светом своей души.

Вечная ему память! Я и все мы благодарны ему будем всегда.

Дорогие друзья! Мне очень тяжело говорить сегодня о Саше, но и не сказать о нем не могу. Я услышала сегодня не только теплые слова любви и признательности в адрес Саши, но и очень высокое мнение о нем как об ученом-историке. Поскольку я хорошо знаю Сашу, знаю его подход к изучению предмета, его творческую лабораторию, мне бы хотелось подчеркнуть, что говорить о нем как об историке следует непременно в словосочетании "историк-источниковед". С моей точки зрения – здесь это как-то не совсем четко прозвучало – Саша явился восприимчивником тех дореволюционных исторических традиций, которые существовали – я имею в виду прежде всего Н.П. Лихачева, Н.Н. Ардашева, тех признанных источниковедов, которые сейчас хотя и не забыты, но которым не уделяется должного внимания. Саша – выпускник МГИАИ. Здесь сидит его учитель – С.О. Шмидт, который, собственно, и открыл ему дорогу в большую науку, он опекал его и в начале творческого пути, и на протяжении всей жизни. С институтских времен Саша с особым интересом изучал вспомогательные исторические дисциплины. Он был, безусловно, блестящим знатоком дипломатики и особенно филигранологии. Надо было видеть, с какой любовью подходил он к изучению всех этих водяных знаков, применению их в исторических изысканиях, какие интересные делал выводы. Порой он брал какую-то научно-популярную книгу наших известных историков, и временами хватался за голову, и говорил о том, что здесь вот такой ляп допущен, здесь эдакий. Знание филиграней было его "коньком", и, очевидно, не будет преувеличением сказать, что после С.А. Клепикова он являлся одним из первых филигранологов.

Здесь сегодня прозвучало много лестных отзывов о Саше. Мне хочется сказать еще несколько слов о его человеческих качествах. Я счастлива, что судьба свела меня с ним, хотя был он человеком непростым, и жить с ним порой было не так-то легко. Его, например, раздражало, что я никогда его не хвалю, что вот все к нему с таким почтением относятся, а я словно не замечаю некоторых событий. "Оль, я не такой, как все", – любил говаривать он, и я, безусловно, это знала, но это не мой стиль – хвалить близких. Теперь, когда Саши нет, наверное, и я имею право сказать, что был он не таким, как все, что был он человеком особенным – очень мягким, удивительно нежным и каким-то исключительно благонаравным. Он располагал к себе.

Я стою на той позиции, что Саша все-таки не должен был даже на время оставлять большую науку. Правда, после выступления В.И. Чернышева во мне зародился "червь" сомнения. Мне все более понятен тот дух непокоя, который присутствовал в Саше – работать в той обстановке, в которой он вынужден был работать, да и не только он, но и коллеги по БАН, по рукописному отделу – становилось невыносимо. Я сама администратор, сейчас я заместитель директора по обеспечению сохранности документов в РГИА. Но я не понимаю тех административных проявлений, которые наблюдались в последнее время со стороны руководства БАН по отношению к ряду ведущих специалистов.

Я не представляю, как буду жить без Саши. Я не верю, что его нет и не могу этого принять. Во мне вообще силен дух неприятия чего-то несправедливого. И вот именно этого я не принимаю. Безусловно, есть много причин того, что он ушел от нас, но после выступления отдельных ораторов я утвердилась в мысли, что одной из главных причин его трагического ухода явилась его борьба с заведомо опасным противником. Ведь Саша был таким умным человеком! Я удивляюсь, как он не просчитал все варианты, не отнесся серьезно к тому, чем могут ему ответить. И ведь ответили... Если бы Саша был со мной более откры-

венен, если бы он делился со мной более глубоко, я, скорее всего, предотвратила бы эту смерть. Но я не знала многих вещей, а когда пыталась узнать, он чисто по-мужски отвечал, что это его вопрос, и не нужно это обсуждать. Теперь, конечно, я не могу себе многого простить.

В начале своего творческого пути, еще на первом курсе, по-моему, Саша написал краеведческий рассказ об Антонио Сийском, который начинался очень лаконичной фразой: "Путник шел вперед". Когда я хотела как-то задеть Сашу, пошутить над ним, я вспоминала эту фразу, как бы иронизируя над его писательскими способностями. Он очень сердился, и были у нас свои диалоги по этому поводу. А вот сегодня мне вспомнилось все это, и защемило сердце, и я подумала – вот так и Саша – все время шел вперед и не искал покоя. И мне хочется думать, что не только шел,

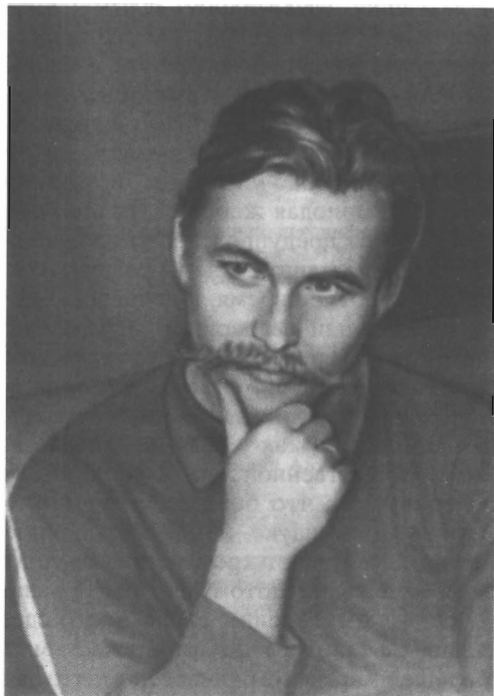
но и идет, и, я надеюсь, будет идти вместе с нами, потому что остались незаконченными его дела и написанные им труды. И хотя я не человек науки, тем не менее считаю, что некоторые вещи смогу завершить и я. Безусловно, приведу в порядок его архив.

Как бы не было трудно, надо жить. Я остаюсь с Сашей и, безусловно, буду защищать его интересы. Я все сделаю для того, чтобы его имя сохранялось таким же чистым и светлым, каким мы его знаем.

Человек уходит, но остаются люди, его знавшие, его друзья и близкие, его архив, а это – продолжение жизни. Значит, и Саша остается с нами.

С.О. ШМИДТ

Пришла пора окончания нашего грустного заседания. И печально, и тепло на душе. Как искренне, с какой горестью утраты говорили все сегодня, и как отчетливо возникал образ покинувшего нас. И от этого еще грустнее, ведь ему не было и пятидесяти! И еще более нахлынули воспоминания – и о значительном, и о совсем малом, но таком характерном для А.А. И, конечно, беседы с А.А. – нередко на даче допоздна, при луне, среди высоких деревьев, и поездки его – часто с Сергеем Чирковым – на дачу, где тогда не провели еще газ, и Саша, готовя дрова для печи, показывал навыки, усвоенные еще с детства. И, как в день моего 50-летия, когда выставил коньяк, подаренный еще задолго до того Фернаном Броделем, и мне поднесли любовно переплетенную в красный бархат с металлическими уголками "Книгу изборонок" в четверку, а в конце ее после слов: "...Во имя источника, его анализа и синтеза Аминь" внизу мельчайшим почерком: "Сею книгу писахъ, золотилъ и серебрилъ государев аспирантишка

Алексашка Александровъ сынъ Амосовъ, а лица знамениль государевъ аспирантишка Сергейка Чирковъ иконникъ..." Какая эта умелая работа каллиграфа и миниатюриста! Не говоря уже о многозначительной текстовой имитации.

Или – на третьем этаже дома 19 по ул. Дмитрия Ульянова, в помещении, отведенном Археографической комиссии еще при Михаиле Николаевиче Тихомирове, входит наша сотрудница, увы тоже ныне покойная Ирина Евгеньевна Тамм и говорит с упреком: "Вас у двери ожидает Ваш красивый молчаливый ученик и молодая женщина, давно беременная". Оказывается, чета Амосовых пришла без предупреждения, ожидала, пока я выйду из кабинета – пришли с просьбой поставить зачет и расписаться в зачетной книжке Ольги Дмитриевны. Через короткое время, в дачный сезон уже заявляется вдруг А.А. растерянновозбужденный и говорит: "А у меня дочка родилась! Хотелось поделиться радостью". Няня моя и я хотели его угостить, расспросить, но он сразу же ушел к платформе: "Пора ехать к окну родильного дома..."

Сегодня говорили и о том, что сделал А.А., работая в Думе, как это важно было, и о том, как у него не хватало возможностей сделать то, что задумал в плане общественной жизни. Полагаю, все-таки, что А.А. при всем своем уме не учитывал то, что больше могут позволить себе лишь успевшие обрести не только имя в науке, но и определенное звание, положение. Их боятся те, кто ничем не обладает кроме должности. Мудрый А.А. был слишком доверчив, во многом наивен и потому еще более раним.

Ольга Дмитриевна, столь много сделавшая для становления А.А. и выступившая с таким глубоким "мужественным" пониманием, напомнила нам еще в большей мере о том личностном, что связывало каждого с А.А.

Прах А.А. покоится на кладбище петербургской интеллигенции Смоленском, где много славных имен – соседняя могила знаменитого живописца В. Маковского, близко – многих академиков и недавно скончавшегося Бориса Борисовича Пиотровского. Это – место, достойное нашего замечательного современника. И надо, чтобы понимали, что сделано А.А. для России.

Сейчас написана статья об А.А. в энциклопедии по книговедению. Постараемся издать его монографию о Лицевом своде – Валентин Викторович Морозов готов подготовить издание*. В "Археографическом ежегоднике" поместим основные материалы и нашего совместного заседания, и список трудов А.А. Желательно бы подготовить и книгу избранных трудов А.А. и статей о его жизни и творчестве.

Здесь собрались те, кому дорога не только культура прошлого, но и культура и нравственность настоящего. И присутствующие выражали отнюдь не только долг памяти, но и свое отношение к общественным ценностям, одним из воплощений которых была деятельность дорогого нам Александра Александровича Амосова. Будем же достойны его памяти.

* От редакции: в настоящее время книга А.А. Амосова "Лицевой летописный свод: комплексное кодикологическое исследование", благодаря гранту РГНФ, печатается в издательстве "УРСС".

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А.А. АМОСОВА*

1967

Читая завещание Ивана Грозного... // Заря. (Верхняя Тойма) [Архангельская обл.]. 10, 15 авг.

1968

Биармия... Где она? // Заря. (Верхняя Тойма). 10 февр.

1969

Триста лет тому... К вопросу о монастырской колонизации Севера // Заря. (Верхняя Тойма). 8, 12, 15 апр.

1970

[Тез. докл.] К вопросу о расширении вотчин Антониева Сийского монастыря в XVII в. // Городская межвуз. науч. конф. "Студенты Москвы – науке, культуре, производству". Пед. и гуманитар. науки. М., С. 61–62.

Краткие заметки о Двинской летописи // Материалы науч. студ. конф. Москва. Май 1970. Вып. II. Источниковедение историографии. М., С. 30–34.

Кружок источниковедения истории СССР в 1966–1970 гг. // Там же. С. 84–87.

1971

В Московском государственном историко-архивном институте. (Деятельность научного студенческого кружка источниковедения истории СССР) // АЕ за 1970 год. М., С. 398–399.

1972

Копийная книга Антониева Сийского монастыря // АЕ за 1971 год. М. С. 276–283.

Сотные грамоты Антониеву Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археогр. сб. Вологда. Т. II. С. 207–236.

1973

Актовые книги Михайло-Архангельского монастыря // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археогр. сб. Вологда. Т. III. С. 227–234.

1974

Крестьянский архив XVI столетия // АЕ за 1973 год. М. С. 206–209.

О методике исследования описей монастырских архивов: на примере анализа описей Анто-

ниева-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Социально-политическая история СССР: Сб. статей аспирантов и соискателей. М. Ч. II. С. 69–90.

Обсуждение учебника по источниковедению истории СССР // Вестн. МГУ. История. М. № 4. С. 97–100 (совм. с М.Ф. Шумейко).

1975

Архивная опись как источник информации об утраченных актах // СА. № 1. С. 61–65.

Архивы Двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 36 с.

[Тез. докл.] Частный акт – источник генеалогических изысканий. (К проблеме реконструкции крестьянских архивов) // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Науч. конф. молодых ученых. М. С. 106–111.

1976

Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН // Рукописные и редкие печатные книги в фондах библиотек АН СССР: Сб. науч. тр. Л. С. 34–42.

1977

Участ. в подг. к печ.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М. Ч. I. 416+104 с. (подг. к печ. В.И. Гальцов).

1978

Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы архангельской области (1975–1976) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. Л. С. 262–284 (совм. с Н.Ю. Бубновым).

К вопросу о времени происхождения Лицевого летописного свода Ивана Грозного // Там же. С. 6–36.

Каргопольский список Повести о Тимофее Владимирском // Там же. С. 286–298.

Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1955–1976 гг. // Там же. С. 317–334 (совм. с Н.Ю. Бубновым).

Подг. к печ.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л. 216 с. (совм. с М.В. Кукушкиной, И.Н. Лебедевой, О.П. Лихачевой).

* Подготовила О.Д. Амосова

- Археографические экспедиции Библиотеки Академии наук СССР 1977–1978 гг. в Кировскую, Вологодскую и Архангельскую области // Русские библиотеки и частные собрания XVI–XIX вв.: Сб. науч. тр. Л. С. 106–124 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).
- Рец.:* Новый справочник по филиграноведению [С.А. Клепиков. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М., 1978] // АЕ за 1978 год. М. С. 306–308.
- Описание и факсимильное издание памятников древней письменности // СА. № 6. С. 85–86.
- [Тез. докл.] "Проблемы точности филигранологических наблюдений в исследованиях и описаниях рукописей // Всесоюзная научная конференция "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности". Л. 14–16 февр. 1979. С. 7–8.
- Сборники "Федоровские чтения" и их место в современном советском книговедении // Книга: Исследования и материалы. М. Сб. 39. С. 195–205 (совм. с И.Ф. Мартыновым, А.Х. Рафиковым).
- Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного. (Заметки к проблеме прочтения миниатюр свода) // ТОДРЛ. Л. Т. 34. С. 49–60.

1980

- "Античная" библиотека Ивана Грозного: К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей // Книжное дело в России в XVI–XIX в.: Сб. науч. тр. Л., С. 6–31. Всесоюзное совещание археографов // Там же. С. 173–174.
- [Тез. докл.] Книжная культура крестьянства Русского Севера: Источники и перспективы разработок // Вклад Северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры: Тез. годич. собрания Проблемного объединения и Сев. отд. Археографической комиссии. Вологда. С. 36–41.
- Миниатюры Лицевого свода // Знание – сила. № 9. С. 43–45.
- Подбор миниатюр:* Радость и печаль. (Куликовская битва глазами художников XVI в.) // Там же. С. 20, 25, 32, 44–45.

1981

- Археографические поиски и находки 1979 г. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII – первой половине XIX в. Сб. науч. тр. Л. С. 144–152 (совм. с М.Ю. Алексеевой, В.В. Морозовым).
- Подбор миниатюр:* Лицевой летописный свод о Куликовской битве // Задонщина. Летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище. М.
- Повести о Куликовской битве в отечественной археографии // АЕ за 1980 год. М. С. 62–68.

- Проблема точности филигранологических наблюдений. 1. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л. 1979. С. 70–91.
- Рукописное собрание Каргопольского краеведческого музея // Книготорговое и библиотечное дело в России... С. 152–158 (совм. с М.Ю. Алексеевой, В.В. Морозовым).
- Сохранить на века // Красный север (Вологда). № 179. С. 2.

1982

- Археографическое обследование Каргополя: Итоги и перспективы // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. 2. Памятники старинной письменности. М. С. 52–60.
- О каталоге рукописных книг музеев Вологодской области // Там же. С. 112–117.
- Вопрос о библиотеке Ивана Грозного в литературе последних десятилетий // Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиогр. описание. Л. С. 62–66.
- Примеч. к работе Н.Н. Зарубина // Там же. С. 67–86.
- Русская публицистика XVI в. в библиотеке московских государей // Там же. С. 87–97.
- Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного // Там же. С. 98–117.
- Список источников и литературы // Там же. С. 118–139.
- Сост. указателей* // Там же. С. 140–158.
- Датировка и кодикологическая структура "Истории Грозного" в Лицевом летописном своде. (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) // ВИД. Т. 13. С. 155–193.
- Заметки о Сийском пергаменном евангелии. (Рукописная книга в системе политических отношений XIV в.) // Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в.: Сб. науч. тр. Л. С. 129–138.
- Подбор и аннотирование миниатюр* [Лицевого летописного свода о Куликовской битве] // Задонщина. Летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище. М. Изд. 2-е.
- От редакции:* Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги [районных и народных музеев]. Вологда. С. 3–5.
- Предисл.* // Там же. С. 6–20.
- Описание рукописных собраний [Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Тарноги, Тотьмы, Устюжны] // Там же. С. 21–121 (совм. с М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым).
- Сост. указателей:* // Там же. С. 164–199 (совм. с О.Д. Амосовой, В.В. Морозовым).
- Подг. к печ.:* Зарубин Н.Н. Библиотека Ивана Грозного и его книги // Библиотека Ивана Грозного... С. 16–61.
- Ред.:* Памятники письменности в музеях Воло-

годской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Ручкописные книги [районных и народных музеев].

Сост.: То же. (совм. с М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.П. Морозовой). Вологда. 200 с.

1983

Археография в трудах П.А. Колесникова // АЕ за 1982 год. М. С. 164–166.

Заметки о московском старопечатании: К вопросу о тиражах изданий XVI – начала XVII в. // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX в.: Сб. науч. тр. Л. С. 5–12.

Из истории создания Лицевого летописного свода. (Организация работ по написанию рукописей) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М. Сб. 3. С. 212–227.

Рец.: Новый филигранологический альбом. [Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ. М. 1980] // АЕ за 1982 год. М. С. 256–259.

О некоторых проблемах полевой археографии. (В порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала: Сб. науч. тр. Свердловск. С. 5–19 (совм. с В.П. Бударгиным, В.В. Морозовым, Р.Г. Пихоей).

От редакции: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564–1825 гг.) [районных и народных музеев]. Вологда. С. 3–4.

Предисл. // Там же. С. 5–15.

Описание книжных собраний [Белозерска, Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Тарноги, Тотьмы, Устюжны, Череповца] // Там же. С. 16–282, 285–360 (совм. с М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым).

Конкорданци // Там же. С. 361–422.

Указатели // Там же. С. 423–471 (совм. с О.Д. Амосовой, В.В. Морозовым).

Ред., чл. редкол.: Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала: Сб. науч. тр. Свердловск. 140 с.

Отв. сост., ред.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564–1825) [районных и народных музеев] Вологда. 472 с. (совм. с М.Ю. Алексеевой, Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым).

1984

"Вологодская программа": Итоги и перспективы // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда. С. 39–49.

Заметки о московском старопечатании. 2. "Слободская Псалтирь" и книгописная мастерская Ивана Грозного // Книга и книготорговля в

России в XVI–XVIII вв.: Сб. науч. тр. Л. С. 14–26.

От редакции: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 3. Книги гражданской печати (1718–1825 гг.) [районных и народных музеев]. Вологда. С. 3–4.

Предисл.: То же. С. 5–19.

Описания книжных собраний [Белозерска, Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Никольска, Тотьмы, Устюжны] // Там же. С. 20–276 (совм. с Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым).

Конкорданци: // Там же. С. 277–313 (совм. с В.В. Морозовым).

Указатели: // Там же. С. 314–358 (совм. с О.Д. Амосовой, В.В. Морозовым).

От редакции: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 4, вып. 2. Документы XVI–XVIII в. в Череповецком краеведческом музее. Вологда. С. 3–4.

От редакции: То же. Ч. 5. Документы советского периода [районных и народных музеев]. Вологда. С. 3–5.

Описания документальных памятников [Белозерска, Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Никольска, Тарноги, Тотьмы, Устюжны] // Там же. Вологда. С. 20–205, 222–229 (совм. с Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым).

Чл. редкол. отв. сост.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 3. Книги гражданской печати (1718–1825) [районных и народных музеев] Вологда. 360 с. (совм. с Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым, Н.И. Решетниковым).

Чл. редкол., ред.: То же. Ч. 4, вып. 2. Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее. Вологда. 208 с.

Чл. редкол., сост., ред.: То же. Ч. 5. Документы советского периода [районных и народных музеев] Вологда. 312 с. (совм. с Н.И. Решетниковым, Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым).

1985

Библиография работ сотрудников Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР (1945–1984) // Палата книгописная. Ниймеген [Нидерланды]. 1985 (Дек). № 13. С. 2–28 (совм. с Н.Ю. Бубновым).

[Тез. докл.] Иерархия цвета в миниатюре как отражение этикетных воззрений художников XVI в.: По материалам Лицевого летописного свода // 3-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России до середины XIX в." Л. С. 20–21.

К проблеме точной датировки Лицевого свода XVI в. (Филигрань "Двойная лилия" и ее происхождение) // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв.: Сб. науч. тр. Л. С. 7–13.

- От редакции:* Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 4. Документы дореволюционного периода [районных и народных музеев]. Вологда. С. 3–5.
- Описание документальных памятников [Великого Устюга, Вытегры, Кириллова, Тотмы, Устюжны] // Там же. С. 18–118 (совм. с Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым).
- Указатели:* // Там же. С. 118–143 (совм. с В.В. Морозовым).
- От редакции:* То же. Ч. 2. Вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825). Вологда. С. 3–4.
- Предисл.:* // Там же. С. 5–19 (совм. с В.В. Морозовым).
- Описание изданий:* // Там же. С. 20–113 (совм. с М.Ю. Гордеевой, Н.Д. Лабичевой, В.В. Морозовым).
- Конкорданци:* // Там же. С. 114–145.
- От редакции:* То же. Ч. 3, вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825). Вологда. С. 3–4.
- Предисловие:* // Там же. Вологда. С. 5–21 (совм. с Н.Н. Малининой).
- Конкорданци:* // Там же. С. 171–181.
- Развитие кириллического письма в России до XV в. // Славянска палеография и дипломатика. 2. Лекции от втория семинар по славянска палеография и дипломатика и доклади от научната конференция "Украсата на балканската ръкописна книга до XVIII в." София, август 1983. София. С. 48–62.
- Чел. редкол., отв. сост., ред.:* Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 4. Документы дореволюционного периода [районных и народных музеев]. Вологда. 212 с. (совм. с Б.Н. Морозовым, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым).
- Чл. редкол., сост., ред.:* То же. Ч. 2, вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825). Вологда. 180 с. (совм. с В.В. Морозовым, М.Ю. Гордеевой, Н.Д. Лабичевой).
- Сост., ред.:* То же. Ч. 3, вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825). Вологда. 208 с. (совм. с Н.Н. Малининой).
- 1986**
- Древнерусская колористика и цветоведческие труды М.В. Ломоносова // Ломоносов и книга: Сб. науч. тр. Л. С. 92–109.
- Рец.:* Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М., 1984 // СА. № 5. С. 78–81.
- 1987**
- рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. 1985. Л. С. 56–71.
- Палеографический комментарий // Там же. С. 174–175.
- Археографическая работа в Прибалтике в 1977–1984 гг. // Там же. С. 267–277 (совм. с Л.А. Петровой).
- Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1977–1985 гг. // Там же. С. 277–283 (совм. с Н.Ю. Бубновым).
- Начало мировой истории в Лицевом своде Ивана Грозного // Книга в России XVI – середина XIX в.: Книгораспространение, библиотеки, читатель: Сб. науч. тр. Л. С. 7–16.
- Нераскавшиеся // Наука и религия. М. № 8. С. 52–55.
- Опыт и перспектива описания документальных памятников в местных хранилищах ("Вологодская программа": сущность, результаты и задачи) // АЕ за 1986 год. М. С. 164–169 (совм. с П.А. Колесниковым).
- О своде документальных памятников в хранилищах Вологодской области // Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1, вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. Вологда. С. 3–9 (совм. с П.А. Колесниковым).
- От редакции:* // Там же. С. 9–11.
- Предисл.:* // Там же. С. 12–50.
- Описание рукописей // Там же. С. 51–289 (совм. с Н.Н. Малининой, В.В. Морозовым, Л.А. Петровой).
- Указатели:* // Там же. С. 290–406 (совм. с Е.А. Амосовой, Л.А. Петровой).
- Предисл., публ.:* Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Там же. С. 407–417 (совм. с Н.Н. Малининой).
- Предисл.:* Книга в жизни М.В. Ломоносова: Каталог юбил. выставки по материалам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. (К 275-летию со дня рождения). Л. С. 3–6.
- Врата учености // Там же. С. 14–20 (совм. с Е.Н. Красновой).
- Источники исторических трудов М.В. Ломоносова // Там же. С. 37–43.
- Ред.:* Книга в жизни М.В. Ломоносова: Каталог юбил. выставки по материалам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. (К 275-летию со дня рождения). Л. 52 с. (совм. с Н.П. Копаневой).
- Чл. редкол., сост., ред.:* Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1, вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. Вологда. 432 с. (совм. с Н.Н. Малининой, В.В. Морозовым, Л.А. Петровой).
- 1988**
- Выявление старинных документальных памятников // Документальные памятники: выявление, учет, использование. М. С. 132–141.

- Древнерусская книжность: десять веков. Л. (совм. с А.Г. Бобровым, Г.В. Маркеловым).
- Книжная культура Архангельского Севера: Проблемы. Источники. Неотложные задачи // Культура Русского Севера. Л. С. 108–113.
- Положение о полевой археографической работе // Организационно-распорядительная документация Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 8. Документы, регламентирующие деятельность Отдела рукописной и редкой книги. Л. С. 41–44.
- Временное положение об археографических экспедициях // Там же. С. 45–50, 130–131 (совм. с Л.А. Петровой).
- Инструкция по проведению проверки наличия и состояния рукописных материалов // Там же. С. 72–76, 143–147.
- Методические рекомендации по описанию рукописных материалов // Там же. С. 102–115 (совм. с О.П. Лихачевой, Л.А. Петровой).
- Предисл.:* Памятники письменности: новые находки: Каталог-путеводитель по экспозиции археогр. центров Северо-Запада и Севера Европейской части РСФСР на выставке "Полевая археография за 10 лет". Л. С. 3–6.
- Продолжая традиции Срезневского // Там же. С. 7–22 (совм. с Н.Ю. Бубновым).
- От Соловков до Каргополя // Там же. С. 23–33 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).
- Уникальная крестьянская // Там же. С. 34–44 (совм. с Л.А. Петровой).
- Славны города Устюг и Вятка // Там же. С. 45–58 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).
- Через степи и реки // Там же. С. 59–65 (совм. с Л.А. Петровой).
- Русская книга в Прибалтике // Там же. С. 66–78 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).
- От редакции:* Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 5, вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея. Вологда. С. 3–4.
- От редакторов // Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник муз. поэт. текстов.* Л. С. 3–6 (совм. с Г.М. Прохоровым).
- Ред.:* То же. 412 с. (совм. с Г.М. Прохоровым).
- Чл. редкол., ред.:* Памятники письменности: новые находки: Каталог-путеводитель по экспозиции археогр. центров Северо-Запада и Севера Европейской части РСФСР на выставке "Полевая археография за 10 лет". Л. 208 с.
- То же . 2-е. изд. 206 с.
- Чл. редкол., ред.:* Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 5, вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея. Вологда. 428 с.
- будущим" // Молодежь Севера (Сыктывкар) 27 янв. С. 3.
- Иерархия цвета в миниатюре как отражение этикетных воззрений русских художников XVI в. По материалам Лицевого летописного свода // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: Сб. науч. тр. Л. С. 281–298.
- От редакции:* Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1, вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея. Вологда. С. 3–4.
- Описание рукописей // Там же. С. 26–185 (совм. с М.Ю. Гордеевой, Н.Н. Малининой, В.В. Морозовым, Л.А. Петровой).
- О своде документальных памятников истории и культуры Коми АССР // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар. С. 3–7 (совм. с Т.Ф. Волковой).
- От редакции:* // Там же. С. 7–9.
- Предисл.:* // Там же. С. 10–31 (совм. с Т.Ф. Волковой).
- Собрание Ю.В. Гагарина // Там же. С. 32–132 (совм. с Л.А. Петровой).
- Указатели // Там же.* С. 259–287 (совм. с Л.А. Петровой).
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 8. Вып. 1. Рукописи Архангельского собрания. Л. 326 с. (совм. с Л.Б. Беловой, М.В. Кукушкиной).
- Полевые археографические исследования кириллической книжности. Метод. указания по подготовке и проведению археогр. экспедиций. Свердловск. 52 с. (совм. с Р.Г. Пихоей, А.А. Севастьяновой).
- Филигранология и кодикология: проблемы связи и взаимного влияния // Исследование, реставрация и консервация средневековых рукописных памятников. М. С. 40–41.
- Чл. редкол., сост., ред.:* Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1, вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея. Вологда. 272 с. (совм. с В.В. Морозовым, М.Ю. Гордеевой, Н.Н. Малининой, Л.А. Петровой).
- Сост., ред.:* Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар. 288 с. (совм. с Т.Ф. Волковой, А.Н. Власовым, Л.А. Петровой).

1990

Великопермская земля в летописи Ивана Грозного // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Ч. 2. Археография и книжность. Лингвистическое изучение Европейского Севера. Сыктывкар. С. 3–4.

1989

[Выступление] Археографическая практика и проблемы возрождения культуры народа коми на круглом столе. "Между прошлым и

Главная книга Ивана Грозного // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л. С. 33–46.

Предисл.: Десять веков болгарско-русских культурных связей // Славянская письменность: десять веков болгарско-русских культурных связей: Каталог выставки. София; Ленинград, Май–июль 1990 г. Л. С. 5–8.

[Описание рукописей библиотеки Академии наук СССР] // Там же. С. 11–69 (совм. с О.П. Лихачевой, Л.А. Петровой).

[Тез. докл.] Заметки о некоторых историографических мифах. (О датировке Лицевого летописного свода) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М. Ч. 1. С. 16–17. Ротапринт.

Научное описание памятников письменности в рамках комплексных археографических программ: размышления к проблеме // Устные и письменные традиции в духовной культуре Русского Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар. С. 5–11.

Нерешенные проблемы флигранологии // Флигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. тр. Л. С. 25–34.

[Тез. докл.]. О концепции информационно-поисковой системы по памятникам традиционной славяно-русской книжности // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. и сообщ. на V Всесоюз. конф. Киев, 1990. С. 124–126.

О пространственном построении миниатюр Радзивилловской летописи // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: Археография и источниковедение Сибири: Сб. статей к 60-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск. С. 89–93.

Памятники коллеги и товарища [А.И. Копанева] // Книга в России XVI – середины XIX в.: Материалы и исследования: Сб. науч. тр. Л. С. 191–192.

Положение о полевой археографической работе // Организационно-распорядительная документация Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 8. Документы, регламентирующие деятельность Отдела рукописной и редкой книги. Л. 2-е изд. С. 41–44.

Временное положение об археографических экспедициях // Там же. С. 72–76, 143–147.

Методические рекомендации по описанию рукописных материалов // Там же. С. 102–115 (совм. с О.П. Лихачевой, Л.А. Петровой).

Подг. к печ.: Письма [из архива Г.И. Шелихова] // *Ситников Л.А.* Григорий Шелихов. Иркутск. С. 379–402.

Ред.: Славянская письменность: десять веков болгарско-русских культурных связей: Каталог выставки. София; Ленинград, Май–июль 1990 г. / Славянская письменность: десет века българо-руски културни връзки: Каталог за изложба. София; Ленинград, май–юли 1990 г. Л., 1990. 82 с. (совм. с Б. Райковым, Л.И. Киселевой).

Чл. редкол., ред.: Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар. 194 с.

Чл. редкол., ред.: Флигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. тр. Л. 156 с.

1991

[*Предисл.:*] Археографический феномен Южной Вятки // К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования: По материалам археогр. экспедиций 1984–1988 гг. Л. С. 3–11 (совм. с Р.Г. Пихоей).

Полевые поиски на Вятке археографов БАН СССР в 1986–1988 г. // Там же. С. 26–36 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).

Вятка-86. Экспедиция Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // Там же. С. 42–44 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).

Вятка-87. Экспедиция Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // Там же. С. 54–61 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).

Вятка-88. Экспедиция Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // Там же. С. 67–73 (совм. с Н.Ю. Бубновым, Л.А. Петровой).

Издания вятского типографа Луки Арефьевича Гребнева // Там же. С. 94–141.

Базы данных по региональной книжной культуре в контексте современной археографии // Источники по истории народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар. С. 111–123.

Предисл.: Там же. С. 3–5.

Дабы не вырастали мы Иванами, родства не помнящими // Нижегородский рабочий (Нижний Новгород). 12 нояб. С. 4–5.

Из книг Отца Отечества... // Новый Петербург. Л. № 7 (9). С. 6.

Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Опыт комплексного источниковедческого исследования: Автореф. Дис... д-ра. ист. наук. СПб. 44 с.

Мене. Текел. Фарес. Археографическая фантазия на заданную тему // Редкие книги и рукописи: Изучение и описание: Материалы Всесоюз. науч.-метод. совещания зав. отделами редких книг и рукописей библиотек вузов. Ленинград, 24–26 января 1989 г. Л. С. 39–44.

Миротворчество как атрибут таланта, или Повесть о том, как я не поссорился с Р.Г. Пихоей. (Из ненаписанных воспоминаний) // Материалы научной конференции "Психология, психеография и вспомогательные психические дисциплины в изучении исторического опыта регионального развития Урала и сопредельных территорий", 27 января 1991 г. Свердловск. С. 33–35.

От издательства: Благовещение пресвятой Богородице: Христианские праздники. Вып. 1. Л. Хронограф. С. III–IV.

Ред.: То же. 48 с.

Популяризация памятников письменности Библиотекой Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук: Сб. докл. юбил. науч. конф., 28 ноября – 1 декабря 1989 г. СПб. С. 98–105.

Ред.: Источники по истории народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар. 136 с.

Ред.: К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования: По материалам археогр. экспедиций 1984–1988 гг. Л. 144 с. (совм. с Р.Г. Пихоей).

Ред.: Пасха (Светлое Христово Воскресение): Христианские праздники. Вып. 2. Л. Хронограф. 96 с. (совм. с В.Ф. Федоровым).

1992

Александр Ильич Копанев (1915–1990) // АЕ за 1990 год. М. С. 325–326.

Чл. редкол., ред.: Александр Ильич Копанев: Сб. статей и восп. СПб. 216 с.

А.И. Копанев и традиции полевой археографии в Библиотеке Академии наук // Там же. СПб. С. 41–52.

Предисл.: Несколько слов об этой книге // Там же. С. 5–7.

"Взять и отменить"? // Курьер (Нижний Новгород), № 21 (103). С. 3 (совм. с В.П. Бударагиным, И.В. Поздеевой, Т.В. Черторицкой, В.А. Черных).

Книгописная мастерская тарногских крестьян Каликиных // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск. С. 131–137.

Слово о Великом Искомом // И.Я. Стеллецкий. В поисках бесценного наследия. М. С. 241–261.

Старопечатная кириллическая книга в русской книжной культуре // Нижегородская книжная культура: Материалы и исследования. Т. 1. Книги кириллической печати XVI–XVII веков в фондах Нижегородской областной библиотеки: Каталог. Нижний Новгород. С. 5–19 (совм. с Т.В. Черторицкой).

Ред. То же. 188 с.

Судный день // Церковь (Старообрядческий церковно-общественный журнал, М.). № 2. С. 8–12.

Ред.: Проблемы изучения традиционной культуры Севера. (К 500-летию г. Сольвычегодска). Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар. 184 с.

1994

Археографическая работа в Прибалтике в 1985–1988 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской академии наук, 1990 С. 339–356 (совм. с Л.А. Петровой).

Экспедиционная работа Библиотеки АН СССР в послевоенный период. // Там же. С. 321–339.

Экспозиционная деятельность Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. // Там же. С. 307–321 (совм. с Л.А. Петровой).

Методика исследований или заданность выводов? (Размышления по поводу датировки рукописей Лицевого летописного свода Ивана Грозного) // Там же. С. 54–117 (совм. с В.В. Морозовым).

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

И.Е. Ромашин

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ "ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ" Ф.Г. ДИЛЬТЕЯ

Одним из важнейших источников по истории России второй половины XVIII в. несомненно следует считать топографические описания отдельных областей и городов Российской империи. Они решали те же задачи, что и многочисленные анкетные обследования 60-х годов, "Полные" и "Краткие" "Экономические примечания" 80-х годов XVIII в., а именно предоставление для нужд военного и гражданского управления информации о географическом положении, природных ресурсах, экономическом развитии, населении Российской империи.

Топографические описания создавались не только на местном материале, но часто самими провинциалами (П.И. Рычков, В.А. Левшин), а потому приобретают особый интерес для краеведческого исследования российской провинции.

В распоряжении исследователя истории Тульского края второй половины XVIII в. находится три топографических описания: Тульской провинции (Л.И. Бакмейстер), Тульского наместничества (Ф.Г. Дильтей), Тульской губернии (В.А. Левшин)¹.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы, проанализировав материалы делопроизводства местных органов государственной власти по организации и подготовке топографического описания 1781 г., выявить круг источников местного происхождения, использованных Ф.Г. Дильтеем.

В ходе административной реформы 1775–1785 гг. новые органы местного управления были созданы и в Тульско-Калужском регионе. Учрежденная 26 октября 1776 г. Калужская, а 9 марта 1777 г. – Тульская губернии составили наместничество Калужское и Тульское (Рязанская губерния входила в состав наместничества до 1782 г.) под общим управлением государева наместника М.Н. Кречетникова. Штаты обеих губерний были утверждены 7 октября 1777 г., до 1788 г. резиденция наместника находилась в Калуге, затем – в Туле².

С целью получения возможно более подробных статистических данных о вновь образованных административных единицах, основываясь на опыте Московской и Воронежской губерний, Правительствующий Сенат своим указом 1 ноября 1777 г. предложил губернаторам составить "топографические описания вверенных им губерний". Предписывалась программа составления: "1. Когда

¹ *Бакмейстер Людвиг*. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи... СПб., 1772. Т. 1, ч. 3; *Дильтей Филипп Генрих*. Собрание нужных вещей для сочинения новой географии Российской империи... СПб., 1781. Ч. 1. О Тульском наместничестве; *Левшин В.А.* Топографическое описание Тульской губернии... СПб., 1803.

² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XX. № 14525, 14594, 14589, 14652, 14660. С. 438, 506, 503, 554, 564.

каждый город начало свое получил; 2. Смежность каждого города с другими; 3. Число дворянских фамилий, купечества и мещанства и всех вообще поселян, платящих положенные подати; 4. Количество получаемого по каждому городу с его уездом казенного дохода с различием одного по званиям; а сверх того: 5. Описаны протекающие реки (так в документе. – *И.Р.*) и находящиеся озера, купеческие и крестьянские промыслы, также произращения, с каким изобилием, где произрастают"³.

Первая часть "О Тульском наместничестве" сочиненного профессором права Московского университета Ф.Г. Дильтеем (1723–1781) "Собрания нужных вещей для сочинения новой географии Российской империи" увидела свет в 1781 г. уже после смерти автора. Появлению этой книги предшествовала кропотливая работа на местах по сбору и первичной обработке необходимого статистического материала.

Для выявления круга источников, использованных Дильтеем, были проанализированы делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах Тульского наместнического правления (ГАТО. Ф. 54) и Тульской казенной палаты (ГАТО. Ф. 118).

Несмотря на неполную сохранность материалов казенной палаты (отсутствуют журналы и протоколы за июль–сентябрь 1778 г., а также рапорты уездных казначеев за 1778 г.), можно установить порядок составления географического описания, прежде всего за счет фонда наместнического правления, который содержит практически всю организационно-распорядительную переписку по этому вопросу.

В мае⁴ 1778 г. наместник М.Н. Кречетников сделал предложение Тульской казенной палате о составлении географического описания Тульской губернии: "1-е – о городах, когда оные каменные или деревянные, при которых государях начаты строить и строением кончены: 2-е – сколько в каком городе и уезде монастырей и соборов и церковных сел и деревень; 3-е – какое число в городах купечества и мещанства и разночинцев, равным образом положенных по ревизии всякого рода душ, казенных и партикулярных строений, каменных и деревянных фабрик, заводов и прочего состоит"⁵.

В журнале казенной палаты 21 мая 1778 г. по предложению наместника записано определение, по которому уездным казначеям предписывалось составить "географические ведомости" "о всех ведомства Тульского наместничества городах и округах" и представить их не позднее десяти дней с момента получения указа⁶. Практически одновременно (24 мая 1778 г.) казенная палата поставила в известность Тульское наместническое правление о получении предложения наместника.

Тульским наместническим правлением 25 мая 1778 г. был послан указ уездным и нижним земским судам, которым следовало "иметь сношения по справкам" с уездными казначеями⁷.

Подобная система географического описания губернии позволяла, с одной стороны, в возможно короткие сроки получать сведения непосредственно с мест, с другой – ставила успех дела в прямую зависимость от уровня знаний и исполнительности уездных чиновников, который не всегда соответствовал важности поставленной задачи.

³ Там же. № 14671. С. 567.

⁴ Значительный промежуток времени между сенатским указом и первым распорядительным документом (1 ноября 1777 – май 1778 г.), по-видимому, объясняется тем, что открытие Тульской губернии состоялось только в декабре 1777 г.

⁵ ГАТО. Ф. 118 (Тульская казенная палата). Оп. 1. Д. 3. Л. 304.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 54 (Тульское наместническое правление). Оп. 1. Д. 515. Л. 1–1 об., 2.

Так ответ из Алексинского уезда по вине земского исправника А. Ардина был доставлен лишь в июле 1778 г., а из Бобриковской волости под управлением "сотоварища" А.Т. Болотова, хорошо известного по его мемуарам, П.А. Верещагина, прислали требуемое только после двух указов Тульского наместнического правления от 14 и 24 августа 1778 г.⁸

Вопреки затруднениям, все же основная часть сведений была получена, вероятно, к середине июля 1778 г. Протоколы казенной палаты, а также "Ведомость о находящихся в Тульском наместническом правлении и оною наместничества в палатах и в прочих присутственных местах в рангах состоящих членах и секретарях" (на 1 ноября 1778 г.) позволяет назвать имена руководителей и исполнителей работы над "Топографическим описанием Тульской губернии" на подготовительном этапе. В Тульской казенной палате в декабре 1778 г. состояли: поручик правителя (вице-губернатор) Л.Г. Украинцов, губернский казначей О.И. Гас, советники В.В. Шереметев, С. Мельгунов. В уездных казначействах: А.Д. Постельников (г. Алексин), Н.М. Сибилов (г. Белев), Б.Д. Плотников (г. Богородице), А. Лопухин (г. Венев), П.А. Мясоедов (г. Ефремов), А.Н. Нестеров (г. Ефремов), Е.Ф. Григорьев (г. Кашира), В.И. Писарев (г. Крапивна), А. Бехтерев (г. Новосиль), И. Колобков (г. Одоев), А. Петров (г. Тула), П.И. Ефимов (г. Чернь)⁹.

Считается, что Дильтей взялся за описание Тульской губернии по инициативе наместника¹⁰. Однако этому противоречит указание (в "Приложении") Кречетникова Тульскому наместническому правлению 14 июня 1778 г. на то, что Дильтей сам "испрашивал о снабдении его" "нужными сведениями"¹¹. Правдоподобным выглядит в данном случае вариант совпадения желания Дильтея с возможностями наместника Калужского и Тульского.

В соответствии с тем же предложением 14 июля 1778 г. наместническое правление в Туле должно было направить Дильтею не только "камеральные должностующие находящиеся в казенной палате сведения", но и данные "О границах сея губернии, о числе всякого рода строений, о больших реках и прочих замечания достойных редкостях присовокупя к тому и историческое о начале и происшествии открытия Тульского наместничества познание"¹².

"Историческое о начале и происшествии открытия Тульского наместничества познание" представляет собой подробное и последовательное (с разбивкой по дням) изложение всех событий открытия Тульской губернии 10–28 декабря 1777 г.: прибытие в Тулу государева наместника М.Н. Кречетникова, дворянская присяга, избрание уездных и губернского представителя дворянства, заседателей в верхний и нижний земские суды, земских исправников, прекращение существовавших и открытие новых присутственных мест в губернском и уездных городах, выборы купечества и мещанства к разным должностям¹³.

В фонде Тульского наместнического правления сохранился экземпляр "Исторического познания", который вероятно и послужил источником Дильтею и был перенесен им практически без изменений в "Топографическое описание Тульской губернии". В пользу этого вывода свидетельствуют обнаруженные расхождения в текстах наместнического правления и Дильтея (трех смысловых, восьми различий в написании отдельных слов, в том числе трех фамилий тульских чиновников, в двух местах начало текста с новых строк).

⁸ Там же. Д. 518. Л. 2–3; Д. 519. Л. 2; *Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793.* СПб., 1870–1873. Т. 3. Стб. 592–596, 606, 782.

⁹ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2. Л. 11; Ф. 54. Оп. 1. Д. 493. Л. 8 об. – 15.

¹⁰ *Присенко Г.П.* Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 22.

¹¹ ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–1 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 8–13 об.

С целью установления соотношения двух текстов использованы смысловые расхождения и неправильное написание фамилий, считая что остальные слова и начала новых абзацев текста могли быть искажены недобросовестным переписчиком.

Экземпляр Тульского наместнического правления помимо деления текста по хронологии событий 10–28 декабря 1777 г. имеет дополнительное деление на четыре части, снабженные заголовками. Первая часть "Во вторник декабря 26 д[ня]. Из Тулы от 17 декабря 1777 года" охватывает события 10–16 декабря 1777 г., вторая – "Во вторник генваря 2 дня 1778 г. Из Тулы от 24 декабря. Продолжение известия об открытии Тульской губернии" – события 17–24 декабря 1777 г., третья – "В пятницу генваря 5 1778 года. Из Тулы от 28 декабря. Окончание известия об открытии Тульской губернии" – события 25–28 декабря, четвертая – "Из Тулы от 16 января" – об открытии совестного суда и приказа общественного призрения. Все заголовки вычеркнуты рукой, отличной от той, которой написан основной текст. Кроме того, этой же рукой текст озаглавлен: "Историческое о начале и происшествии открытия Тульского наместничества познание"¹⁴. У Дильтея нет ни одного из промежуточных заголовков.

Дильтей при издании книги был вынужден пропустить явную нелепость в изложении событий переизбрания Белевского уездного предводителя дворянства, так как не знал истинного положения дел, а в присланном ему документе это место было написано неразборчиво. Однако в другом случае Дильтей выпустил часть текста, вероятно, намеренно, что привело к существенному изменению смысла: "Между тем благородное общество [и знатнейшее купечество] (Выпущено Дильтеем. – *И.Р.*) званы были в маскарад того же дня..." Что же касается неправильного написания фамилий некоторых местных дворян у Дильтея (Сошковых и Гораткин вместо Юшковых и Горсткин), то экземпляр наместнического правления из-за особенностей почерка переписчика действительно допускает двойное толкование¹⁵.

Время создания текста можно достаточно точно определить по заголовкам четырех частей "Исторического познания": первая часть написана до 17 декабря 1777 г., вторая – между 17 и 24 декабря 1777 г., третья – между 24 и 28 декабря 1777 г., наконец, четвертая – не позднее 16 января 1778 г. Таким образом, "Историческое познание" создавалось непосредственно во время событий открытия Тульской губернии.

Однако не ясно, с какой целью "Историческое познание" создавалось по частям, и для какой цели служат промежуточные заголовки, более всего они напоминают исходящие-входящие пометы делопроизводства, но если части отсылались из Тулы, то как же вновь они оказались собранными в Тульском наместническом правлении?

Одно из объяснений находим в заголовках частей 2 и 3 – "Предложение" и "Окончание известия", т.е. они изначально отправлялись для сведения, а затем были собраны в Туле перед отправкой Дильтею и получили название "Познание". Вряд ли части отправлялись к Дильтею, так как он был заинтересован в получении всего текста сразу. Промежуток времени между отправкой – получением составлял 8–9 дней. Возможно местом пребывания адресата была Калуга.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют назвать авторов "Исторического познания". Однако уверенно можно сказать, что автор (авторы) состоял в наместническом правлении. То, что текст "Исторического познания" составлен именно в наместническом правлении, видно из предложения Кречет-

¹⁴ Там же. Л. 8., 9 об., 11 об., 15.

¹⁵ Там же. Л. 11, 12 об.; Дильтей Ф.Г. Указ. соч. С. 13, 15, 19.

никова 14 июля 1778 г., так как, если бы он находился в казенной палате, то наместническому правлению не было бы нужды что-либо "присовокуплять" к готовившимся для Дильтея материалам. Кроме того, о работе над "Историческим познанием" нет никаких сведений в документах казенной палаты.

Переписывать текст могли секретарь правления С.С. Ломакин, кто-то из протоколистов – С.М. Васильев или П.И. Тимченко, архивариус Ф.К. Муратов. Составить "Историческое познание" имели возможность исполнявший в момент открытия губернии обязанности городничего Тулы ассессор гражданской палаты П.Е. Скобельцын, советник наместнического правления В.В. Шереметев, правитель гражданской палаты А.Е. Фоминцын. Редакторская правка могла принадлежать губернатору (правителю наместничества) М.В. Муромцову¹⁶.

В журнале Тульского наместнического правления 11 октября 1778 г. отмечена посылка Дильтею "точных копий" с географических описаний, сделанных уездными казначеями, дополненных сведениями "о больших реках и прочих замечания достойных редкостях" и "историческим о начале и происшествиях открытия Тульского наместничества познанием", всего на 54-х листах. Канцелярия Московского университета уведомила Тульское наместническое правление 15 июня 1779 г. о вручении материалов Дильтею с его распиской в получении¹⁷.

Вся работа по подготовке топографического описания была завершена менее чем за год, что свидетельствует о несомненной заинтересованности и энергичности местной администрации под руководством наместника Калужского и Тульского М.Н. Кречетникова.

Таким образом, комплекс делопроизводственных источников местных органов государственной власти Тульской губернии следует считать достаточно представительным и дающим подробную и достоверную информацию о некоторых особенностях процесса географического описания российских губерний по сенатскому указу 1 ноября 1777 г., а также об истории создания "Топографического описания Тульской губернии" 1781 г.

М.В. Фалалеева

ФОНД РОМАНОВЫХ В СОБРАНИИ ОПИ ГИМ

В ОПИ ГИМ хранится специальный фонд династии Романовых (Ф. 180), состоящий из самых разнообразных источников. В основу фонда легли: поступления от отдельных лиц, начиная с 80-х годов прошлого века, когда часть документов была куплена на торгу, а часть поступила в дар; собрание материалов, полученных из Белграда, где был музей Николая II (поступило в ГИМ через Комитет культурпросветучреждений в 1947 г.); материалы, полученные из Центрального хранилища музейных фондов в 1956 г., как свидетельствует запись в инвентарной книге ОПИ ГИМ; документы, переданные из других фондов ОПИ. Обработка Ф. 180 была завершена нами в 1992 г., составлена опись (395 ед.хр., всего 1677 док.). До этого времени материалы практически не привлекали к себе внимание исследователей. Обзор фонда построен по принципу хронологии, т.е. по царствованиям. Остановимся на характеристике лишь некоторых документов.

¹⁶ ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 493. Л. 4,4 об., 5.

¹⁷ Там же. Д. 515. Л. 5, об., 16.

Фонд 180 открывается материалами эпохи Петра I, из которых отметим: печатный документ по делу цесаревича Алексея (Ед.хр. 4), а также рукопись с описанием погребения царицы и великой княгини Прасковьи Федоровны, жены Иоанна Алексеевича (Ивана V), "которое совершилось в Санкт-Петербурге октября 22 сего 1723 года", – на обложке надпись "из библиотеки В.А. Жуковского, затем А.Ф. Онегина в Париже" (Ед.хр. 7).

Послепетровская эпоха представлена редкой рукописью "Божие благословение...", произнесенное епископом вологодским Амвросием 3 июня 1739 г. по случаю бракосочетания Анны Леопольдовны и Антона Ульриха (Ед.хр. 11).

К середине XVIII в. относятся документы, посвященные подготовке бракосочетания наследника престола Петра Федоровича с Софьей Анхальт-Цербстской (будущей императрицей Екатериной II) – Ед.хр. 14–16. Это – перепистка императрицы Елизаветы Петровны, самих Петра и Софьи Анхальт-Цербстской, канцлера М.П. Бестужева-Рюмина, шведского принца Адольфа Фредерика и других шведских государственных деятелей 1744–1748 гг. Всего 28 писем на французском и немецком языках – это копии середины XVIII в. Определенный интерес могут представить: секретная инструкция для посольства России 1744 г. (фр., нем. яз.), а также донесения некоего Барка Карлу Густаву Тессину, шведскому дипломату, об отношениях России, Австрии, Пруссии, Голландии, Швеции, Англии, Дании, Франции – 1752 г. (фр., нем. яз.) – Ед.хр. 17.

Материалы, непосредственно относящиеся к царствованию Екатерины II, представлены такими документами, как: рукопись "Порядок церемонии в соборной церкви в Москве во время коронации Екатерины Алексеевны" 22 сентября 1762 г. (Ед.хр. 22); различные литературные произведения, посвященные Екатерине II, из которых особо привлекает внимание напечатанный на шелке "Сонет в честь ея императорского величества Екатерины II" Джузеппе Бригонци, 1776 г. (ит. яз.) – Ед.хр. 25; а также печатные указы Екатерины II, рассказывающие о придворном быте (Ед.хр. 29).

Разнообразны материалы об императоре Павле I, из которых особо выделим документы в бытность его наследником. Это рукописи: "Слово на выздоровление его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича в 1771 году говоренное" (Ед.хр. 23) и "Церемония о встрече высочества великого князя по прибытии в Пруссию" от 21 июля 1776 г. (Ед.хр. 27). Но особенно интересны подлинные письма вел. кн. Павла Петровича (1781) и его жены Марии Федоровны (1784–1807), написанные на французском языке и адресованные одному лицу – некоему майору Шацу (Schatz). 9 писем Павла Петровича от 19 мая, 2 июля, 5 октября, 12 ноября, 17 декабря и четыре б/д. написаны из Царского Села, Петергофа и Вены. Это письма – дружеского характера, с просьбами сообщить о состоянии здоровья гр. Н.И. Панина (как известно, Панин в 1781 г. ушел в отставку), написать несколько слов о древностях Новгорода и т.д. (Ед.хр. 42). Два письма Марии Федоровны от 8 июля 1784 г. и 3 сентября 1807 г. – написаны из Петергофа и Павловска, причем последнее написано Марией Федоровной, когда она уже была вдовствующей императрицей, и одно письмо Марии Федоровны 1786 г. – на имя Самуила Карловича Грейга также переадресовано Шацу, о чем свидетельствует надпись на письме (Ед.хр. 43). Помимо этого имеются еще три собственных письма вдовствующей императрицы Марии Федоровны – неизвестному лицу (путешественнице), написанные также на французском языке, незадолго до смерти Александра I, в августе-сентябре 1825 г. (Ед.хр. 44).

Материалы об императоре Александре I открываются "Родословной российской императорской фамилии, учиненной в Департаменте Уделов" в красочно оформленной папке I четверти XIX в. с вензелем Александра I, на обратной стороне которой гербы Российской империи и Москвы (Ед.хр. 46). Рукописные

документы (копии того времени) о болезни и смерти Александра I дают возможность восстановить картину последних дней жизни императора (Ед.хр. 54), а различные печатные материалы – представить подробнейший маршрут траурной процессии из Таганрога в Петербург и церемонию его погребения (Ед.хр. 55–57). Причем, аналогичные материалы имеются и в других фондах ОПИ ГИМ: Куракиных (Ф. 3) и в "Коллекции документальных материалов по истории Москвы и Петербурга" (Ф. 132).

Разнообразны материалы о брате Александра I вел. кн. Константине Павловиче, самый ранний из которых представлен редким печатным изданием: "Сонет, посвященный его императорскому высочеству великому князю Константину, освободителю Италии" (ит. яз.), написанный Джузеппе Болджие в то время, когда Константин Павлович находился в армии А.В. Суворова в период Итальянского похода 1799 г., напечатанный с красочным оформлением, с цветным растительным орнаментом (Ед.хр. 65). Интересны подлинные письма вел. кн. Константина Павловича министру финансов, графу В.Ф. Васильеву 1812–1814 гг. (на фр. яз.), всего 30 писем (Ед.хр. 66). Относящиеся во времени Отечественной войны 1812 г. и периоду заграничных походов русской армии, письма являются своего рода важным источником как для истории того времени, так и для биографии писавшего. Оригиналы писем были опубликованы П.И. Бартеневым в журнале "Русский архив" (1882. № 1. С. 126), однако, оставлены без перевода. Завершает этот раздел материалов о Константине Павловиче рукописный документ, представляющий интерес для изучения истории восстания 14 декабря 1825 г. Это предписание (подпись неразборчива) финляндского драгунского полка прапорщику Иванову 2-му об учинении присяги на верность и подданство императору Константину Павловичу 14 декабря 1825 г. (Ед.хр. 69).

Из материалов об императоре Николае I обращают на себя внимание документы периода, когда он был наследником престола. Это, прежде всего, материалы, связанные с путешествием Николая и Михаила Павловичей в 1814 и 1815 гг. (Ед.хр. 80). Среди них: письмо Г. Вилламова графу А.А. Аракчееву от 29 января 1814 г. по поводу назначения маршрута следования великих князей во Франкфурт (с пометками А.А. Аракчеева); приглашение австрийского генерал-фельдмаршала К.Ф. Шварценберга П.П. Коновницину, находившемуся при Николае и Михаиле во время их путешествия в 1814 г. (фр. яз.); шесть писем из Министерства внутренних дел Франции, написанных в июле 1815 г. (фр. яз.).

Большой интерес с точки зрения описания придворного быта могут представить подлинные письма и записки Николая Павловича – сначала великого князя, а затем императора, а также его жены Александры Федоровны, матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, сестры вел. кн. Анны Павловны и королевы Луизы Прусской, матери Александры Федоровны на имя обер-егермейстера высочайшего двора Гавриила Карловича Модена, написанные в основном на французском языке в 1809–1833 гг. (Ед.хр. 82–86). Г.К. Моден, придавая большое значение этим документам, собрал их, расположил в определенном порядке, составив несколько объемных переплетенных томов, написал подробную опись. Так, первый и второй тома включают собственные приказы, письма и записки Николая Павловича с 1817 по 1831 г. (всего 138 документов), а также 7 его резолюций на письмах и докладах разных лиц. Большая же часть этих подлинных документов (130, на фр. яз.) относится к тому времени, когда Николай Павлович был еще наследником престола, и хронологически охватывает период с 1817 по 1825 г. Написанные из Красного Села, Петергофа, с Елагина острова, из Гатчины, Царского Села, Вильны, Вендена, а также из Берлина, Потсдама, Варшавы, они касаются самых разных вопросов, например: о назначении фрейлин, о болезни вел. кн. Николая Павловича, о

написании портрета малолетнего Александра Николаевича, сына Николая Павловича, о пожаре в доме французского посла, о генерале П.П. Коновницыне, об обедах и вечерах в Аничковом дворце, о формах одежды на балу, о Георгиевском празднике, о денежных делах великого князя, о поездках в Павловск, по поводу первого зуба у великой княжны Марии Николаевны, о путешествиях за границу в 1820 и 1821 гг., о рождении великой княжны Ольги Николаевны, о французских спектаклях, о плане Севастополя, составленного Рокуром, по поводу предстоящих морских путешествий, о путешествии в Берлин в конце 1824 г., в Варшаву – в 1829 г. и мн. др. И, наконец, восемь писем написано Николаем Павловичем в бытность его императорства, в 1828–1831 гг., среди которых особо отметим материалы о холерных бунтах в 1831 г. (Ед.хр. 82–83).

Третий том составляют 47 собственноручных писем и записок императрицы Александры Федоровны Г.К. Модену, относящихся к 1821–1833 гг. (фр. яз.). Среди них, письма о поездках из Царского Села в Петербург, о препровождении икры и рыбы для Патриотического института, по поводу карусели и вечера в Аничковом дворце, о балах, по поводу чая в Монплезире, о путешествии в Варшаву в 1829 г., о приеме фрейлин, по поводу преподнесенного Моденом портрета Генриха V, о письмах вдовствующей императрицы Марии Федоровны и др. Приложена фотография Александры Федоровны более позднего времени (Ед.хр. 84).

Общим заголовком "Отдельные рескрипты и письма" (Ед.хр. 86) объединены: 1) 12 писем вдовствующей императрицы Марии Федоровны с собственноручными подписью и приписками за 1817–1828 гг. (фр. яз.) из Павловска, Гатчины, Санкт-Петербурга, которые большей частью посвящены путешествию вел. кн. Николая Павловича и вел. кн. Александры Федоровны за границу в 1820–1821 гг., а также семь рескриптов, подписанных Марией Федоровной в 1809–1816 гг. и связанных с управлением Санкт-Петербургским коммерческим училищем; 2) пять подлинных писем вел. кн. Анны Павловны, принцессы Оранской, 1818–1824 гг. из Гааги, Брюсселя и Эмса (фр. яз.); 3) Два подлинных письма с подписью "Луиза", по-видимому, королевы Прусской, матери императрицы Александры Федоровны (фр. яз., б/д).

Возможна публикация этих материалов совместно с другими документами из собрания ОПИ ГИМ под условным названием "Николай Павлович – великий князь и император (первые годы царствования)".

В Ф. 180 хранятся печатные и рукописные документы о коронации Николая I в августе 1826 г. (Ед.хр. 89–90). Из документов Александры Федоровны можно назвать ее собственноручное письмо к (Леонтьевой) (фамилия неразб. – М.Ф.) по случаю смерти дочери Александры в 1844 г. (Ед.хр. 104).

Материалы об императоре Александре II открываются документами о его крещении в 1818 г., бракосочетании с Марией Александровной, принцессой Гессенской, в 1841 г. и короновании в августе 1856 г. (Ед.хр. 108–116). Интерес для исследователей могут представить маршруты и расписания путешествий Александра II по России и Западной Европе за 1857–1875 гг. (Ед.хр. 118). Реликвией ф. 180 является гусиное перо (на картоне в дубовой рамке), которым Александр II подписал журнал заседаний Общего собрания Государственного Совета об упразднении крепостного права 28 января 1861 г., с удостоверением – автографом гр. С.С. Ланского. На обратной стороне картона надпись – "Дар Перфильева А.С., родного внука графа С.С. Ланского. 1890 г. Московскому Императорскому Историческому музею" (Ед.хр. 119)¹.

Как известно, 18 ноября 1879 г. народовольцами была предпринята неудачная

¹ Факсимильное воспроизведение этого документа см.: Джанишев Г.А. Великие реформы. М., 1900. С. XIV.

попытка покушения на Курско-Харьково-Азовской железной дороге в связи с возвращением императора Александра II из Ливадии в Петербург. В этом отношении представляют чрезвычайную ценность телеграммы начальникам станций в Харькове, Чугуеве, Белгороде и Курске о следовании и прибытии императорского поезда и о немедленном приостановлении передачи всех телеграмм частных лиц по пути следования от 18 ноября 1879 г., а так же шесть телеграмм (на фр. яз.) самого Александра II и его жены Марии Александровны, отправившейся в это время из Крыма во Францию, датированные тем же числом (Ед.хр. 131).

В ф. 180 представлены документы о старшем сыне Александра II – Николае, бывшем наследником престола до своей преждевременной кончины (Ед.хр. 140–144), в том числе рукописное обращение жителей Белозерского уезда к наследнику Николаю Александровичу в 1863 г. и записка Ф.И. Маслова о его болезни и смерти в 1865 г.

Из материалов племянника Александра II, вел. кн. Константина Константиновича, назовем, прежде всего, письма его товарищей по Морскому корпусу с 1875 по 1878 г. (Ед.хр. 145). Среди корреспондентов – Н.С. Щербатов (8 писем), А. Эбелинг (9 писем). Последний известен по воспоминаниям вел. кн. Александра Михайловича, который рассказывает о нем, описывая свое кругосветное плавание в чине мичмана флота в 1886–1889 гг.² Как известно, в июле 1875 г. вел. кн. Константин Константинович в качестве гардемарина отправился на фрегате "Светлана" в первое дальнее плавание по Средиземному морю, а в начале июля 1877 г. команда фрегата отбыла на Дунайский театр военных действий с Турцией. В этой связи письма, написанные из Петербурга, Петрашан, Браилова, Пирея представляют интерес, поскольку в них рассказывается о положении дел на фрегате и о событиях русско-турецкой войны непосредственно с театра военных действий. Эти письма являются дополнением к ответным письмам Константина Константиновича Н.С. Щербатову, хранящимся в личном фонде последнего, а так же позволяют дополнить материалы ф. 137 (Военно-исторический музей), содержащие разнообразные источники о служебной и литературной деятельности великого князя (псевдоним К.Р.).

Обращают на себя внимание 17 собственноручных писем Александра III в бытность его наследником престола к шталмейстеру кн. Г.П. Волконскому за 1874–1878 гг. с различными распоряжениями – о заказах императорского поезда, экипажей и др. Часть писем написана на именных бланках (Ед.хр. 155). Имеются материалы о короновании Александра III и Марии Федоровны в мае 1833 г. Это разнообразные печатные документы: традиционные памятные листки с изображением императора и императрицы, красочные объявления о торжествах, программы, церемониалы коронования, стихотворения, красочные афиши оперы "Жизнь за царя" и меню торжественных обедов, выполненные по рисункам В.М. Васнецова и М.К. Клодта (Ед.хр. 161–166). С таким известным событием как крушение императорского поезда на курско-харьковской железной дороге, вблизи местечка Борки, связан красочный адрес-бювар "Царю-батюшке Александру III от пекаря Дмитрия Ивановича Филиппова с 1200 своими служащими в память чудесного избавления 17 октября 1888 г.", в темно-синей бархатной обложке с накладной серебряной (позолоченной) надписью и обрамлением, гербом Российской империи, с короной на эмали. Адрес подписан самим Филипповым и служащими его знаменитой булочной (Ед.хр. 170). Среди материалов о сооружении памятника Александру III в Москве возле храма Христа Спасителя – "Акт передачи Особым Комитетом Московскому Городскому Управлению сооружаемого в Москве памятника Александру III", подписанный председателем

² См.: Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991.

комитета великим князем Михаилом Александровичем, а так же архитекторами, государственными деятелями и деятелями московского управления и самоуправления, в том числе А.Г. Булыгиным, Д. Арсеньевым, А. Воронцовым-Вельяминовым, И.И. Рербергом, А.К. Адриановым, В.Ф. Джунковским, А.Ф. Самариным, Н.И. Гучковым (1912 г.). Этот "Акт" оформлен в виде грамоты, расписанной акварельными рисунками в русском стиле, с гербом Российской империи и рода Романовых (Ед.хр. 175).

Обширный комплекс составляют материалы по истории франко-русского союза, заключенного Александром III и продолженного Николаем II. Как известно, в честь визитов русских императоров во Францию выпускалась самая разнообразная сувенирная продукция с всевозможной символикой русско-французской дружбы, которая и стала предметом собирания французских коллекционеров – Филиппа Дешана (французский публицист, член общества писателей, редактор одной из известных французских газет) и барона Жозефа де Бай (президент Французского общества антикваров, член Императорского русского общества археологии). Эта коллекция, получившая название "Франция–Россия", экспонировалась в Париже в музее Николая II, затем в Москве в Императорском историческом музее, куда, видимо, и были переданы материалы коллекции, о чем свидетельствуют надписи на некоторых из документов, а так же различные объявления о коллекции и ее экспозиции, бюллетени и каталоги выставок, хранящиеся в ф. 180 (Ед.хр. 188).

Надо заметить, что документы и вещи из собраний Ф. Дешана и Ж. де Бай хранятся в семи отделах ГИМ (ОПИ, ИЗО, Стекла и Керамики, Драг. металлов, Нумизматики, Дерева и Тканей).

В ф. 180 ОПИ представлена различная полиграфическая продукция массового спроса, выходявшая во Францию, целью которой была широкая популяризация визитов русских императоров и идеи русско-французской дружбы. Это альбомы, открытки, красочные афиши с изображением Александра III и Франсуа Карно, Николая II (интересен портрет Николая II, состоящий из текста манифеста, объявленного 14 ноября 1894 г.), Александры Федоровны, Ф. Фора; программы праздничных гала-представлений в опере и французском театре, меню торжественных обедов; различные рекламные проспекты товаров массового спроса – парфюмерной продукции, кондитерских изделий, украшений и другие; сувенирные игры, например, лото "Франция–Россия", игральные карты с изображением русских и французских солдат различных родов войск; а так же листовки о распаде "Союза трех императоров" и заключении франко-русского союза и многое другое (Ед.хр. 180–195).

Кроме того, в ф. 180 хранятся имеющие отношение к визиту в Россию французского президента Ф. Фора в августе 1897 г. красочные меню праздничного обеда от 13/25 августа, выполненные по рисунку известного художника Н. Самокиша (Ед.хр. 197–198). Представлены так же ноты и тексты русских и французских национальных гимнов, маршей и песен, издававшихся во Франции в честь визитов русских императоров отдельными буклетами или брошюрами с красочным оформлением и рисунками. Среди них – мазурка "Кремль", русская песня "Тройка", вальс и мазурка по случаю рождения вел. кн. Ольги Николаевны, марш "За царя", "Славяне и французы" и другие (Ед.хр. 178–179). Франко-русскому союзу посвящено несколько литературных произведений, статей и брошюр (Ед.хр. 196). Группу материалов составляют французские журналы и газеты за 1891–1897 гг. (Ед.хр. 199–204). Имеющиеся в коллекции фотографии дают возможность наглядно представить франко-русские торжества, в частности, прибытие русской эскадры в Тулон в октябре 1893 г., большой военный кортеж, сопровождавший Николая II и Александру Федоровну осенью 1896 г. по улицам Парижа к зданию посольства и т.д. (Ед.хр. 206–209). Здесь же хранится

фотография музея Николая II в Париже, где экспонировалась коллекция материалов по истории франко-русского союза (Ед.хр. 205). Документы, а также фотографии по франко-русским связям в ф. 180 имеют автографы барона де Бай и надписи "для Императорского Исторического музея в Москве", «из коллекции Дешана "Франция–Россия"». Документы по истории франко-русских связей, собранные теми же коллекционерами, хранятся в личном фонде Н.С. Щербатова³.

В ф. 180 хранятся материалы брата Александра III вел. кн. Сергея Александровича, среди которых, особую историческую и художественную ценность представляет альбом записей почетных гостей принадлежавшего ему имения Усово (с 26 августа 1892 г. по 31 октября 1904 г.) с акварельным рисунком – видом имения (подпись – "А.Б.") и фотографией лиц, присутствовавших на освящении Усовского дома 26 августа 1892 г. на фоне парадного входа: вел. кн. Сергей Александрович, вел. кн. Елизавета Федоровна, кн. Зинаида Юсупова-Сумарокова-Эльстон и др. (Ед.хр. 311). В числе оставивших памятные автографы в альбоме: вдовствующая императрица Мария Федоровна, император Николай II и императрица Александра Федоровна ("1896 год. Завтрак в Усове 10го Июня" – эта запись сделана спустя несколько дней после их коронации), а также многие великие князья и княгини – Алексей Александрович, Мария Александровна, сам Сергей Александрович и Елизавета Федоровна, ее сестра Виктория, принцесса Баттенбергская, Павел Александрович, его дети – Мария и Дмитрий (воспитывались в семье вел. кн. Сергея Александровича), Михаил Александрович, Ольга Александровна, Кирилл Владимирович, Борис Владимирович, Елена Владимировна, Виктория Федоровна (Ducky) – по первому браку жена Вел. герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского (брата Александры Федоровны), с 1905 г. – жена вел. кн. Кирилла Владимировича, герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский, его жена Зинаида Богарнэ, а так же кн. Феликс Юсупов-Сумароков-Эльстон, кн. Зинаида Юсупова-Сумарокова-Эльстон, граф В.Д. Олсуфьев, граф А.В. Олсуфьев, граф С.Д. Шереметев, граф П.С. Шереметев, фрейлина Мария Васильчикова (которая подписывалась "Маша из Кораллова", "Коралловская Маша"), Мария Белевская, доктор медицины Никитин, известный артист Стахович и представители других титулованных дворянских фамилий и другие лица. Это позволяет рассматривать альбом как собрание ценных автографов лиц императорской фамилии и их окружения. А записи гостей, помещенные в этой книге, многие из которых дневникового характера, дают возможность представить жизнь и быт Усовского имения.

Приведем некоторые записи из альбома. Вот, например, что написала в сентябре 1904 г. во время русско-японской войны Мария Васильчикова: "4–10 Сентября. Чудная осенняя погода, охота, собиранье орехов, приколачивание старинных мраморных обломков (из Неаполя и Рима) на стену в оранжереи, копание крепости Дмитрия Павловича. Уезжаю по приказанию Ея Высочества открывать Елисаветинское Убежище для раненных в Новороссийске. Маша". Последняя запись в альбоме сделана вел. кн. Сергеем Александровичем, подписывавшимся "Усовский помещик" или просто "Помещик": "Хотя воры и вторглись в наш дом и обокрали нас, но жилось приятно. Масса снегу и можно было последние дни кататься на розвольнях. Господи, помилуй нас! Помещик. от 11го октября по 31ое октября" (1904). На этом записи посетителей Усовского имения обрываются.

Из материалов по другому имению вел. кн. Сергея Александровича – Ильинское (расположенному, как известно, рядом с Усовым, – отметим меню завтрака

³ См.: Журавская И.Л., Рыбаченок И.С. Русско-французский союз конца XIX века в документах и материалах ГИМ // Материалы и исследования по истории России периода капитализма. ТГИМ. 1989. Вып. № 67. С. 117–131.

от 21 июня 1896 г., составленное после коронации и написанное Александрой Федоровной на французском языке, с акварельным рисунком (васильки – ее же?), надписью "Меню из Ильинского имения в.к. С.А." и автографами Николая II и Александры Федоровны (Ед.хр. 329).

Наиболее значительной частью фонда Романовых являются материалы Николая II, которые открывают меню праздничных обедов в день совершеннолетия цесаревича Николая Александровича от 6, 7 мая 1884 г. (рус. и фр. яз.) и печатные церемониалы по случаю его бракосочетания в ноябре 1894 г. (Ед.хр. 210, 212). Весьма разнообразна группа материалов о коронации Николая II и Александры Федоровны в мае 1896 г. Имеются печатные документы (на рус. и фр. яз.): манифест Николая II о восшествии на престол от 14 мая 1896 г., в муаровой зеленой обложке с золотым тиснением – гербом Российской империи (Ед.хр. 262); "Высочайше утвержденные церемониалы", в том числе, о дне коронации, о торжественном въезде Николая II и Александры Федоровны "в первопрестольный град Москву" перед коронаванием, о перевозке императорских регалий из Зимнего Дворца в Тронный зал большого Кремлевского Дворца – в обложках разных цветов с гербом Российской империи (Ед.хр. 219–220); "Роспись дамских нарядов" и "Порядок ношения формы чинами гражданского ведомства на торжествах и празднествах" (Ед.хр. 226); разнообразные объявления о порядке проведения и участия в церемониях и торжествах коронации, например, в Петровском Дворце, в Грановитой палате, в Большом театре (Ед.хр. 221–222); подробная роспись торжеств с 5 по 26 мая 1896 г. (Ед.хр. 223–225); списки всех присутствовавших на торжествах представителей от органов городского, сельского и земского самоуправления, а также различных регионов Российской Империи (Ед.хр. 227–228); сведения о прибытии и маршруты следования прибывших на коронацию иностранных делегаций (Ед.хр. 229–231); списки с указанием помещений, занимаемых приглашенными гостями (Ед.хр. 233–234); подробные "План расположения шествия в день торжественного въезда в Москву" и "План Успенского Собора с показанием мест при священном коронавании их императорских величеств" (Ед.хр. 238); различные секретные инструкции, обеспечивавшие охрану и порядок в Москве (Ед.хр. 236, 239, 241); планы расположения войск в Москве и планы построения войск на Ходыньском поле "для высочайшего объезда и зари с церемонией 7го мая 1896 года" и "на церковном параде 12го и 21го мая 1896 г." (Ед.хр. 239–240); красочно оформленные программы торжественных представлений в Императорском Большом театре в Москве 17 мая 1896 г. – оперы М.И. Глинки "Жизнь за царя" и балета Мариуса Петипа "Жемчужина" (с участием М. Кшесинской), выполненные по рисункам А. Рябушкина и Е. Самокиш-Судковской, программа придворного музыкального хора 26 мая 1896 г. (Ед. хр. 251–253) и коронационные меню обедов – по рисункам Виктора и Аполлинария Васнецовых, Александра Бенуа и Эрнеста Липгарта (Ед.хр. 254–260).

Другие торжественные события отражены такими красочными документами, как юбилейное меню Преображенского полка от 11 ноября 1896 г. (по рисункам Н. Каразина) и "Высочайшая грамота 122-му пехотному Тамбовскому полку по случаю ста лет со времени учреждения" от 17 мая 1897 г., подписанная Николаем II, с печатью под бумажной кустодией – в обложке синего цвета с орнаментом по краям и надписью золотыми буквами (Ед.хр. 263–264). Несомненный интерес для истории российско-итальянских связей имеет красочно оформленная "Программа пребывания Николая II в Италии, в Турине, 23 октября 1909 года", напечатанная на итальянском языке с вензелями Николая II, с рисунками – в обложке темно-бордового цвета с орнаментом (Ед.хр. 279). Императорский быт отражает программа охоты на 14 сентября 1912 г. с приложением карты мест охоты в Беловежской пуше (Ед.хр. 281).

Отдельную группу образуют документы о памятнике 300-летия дома Романовых. Они представлены, прежде всего, материалами "Строительного комитета по сооружению в Санкт-Петербурге храма-памятника трехсотлетия царствования Дома Романовых", состоявшего под покровительством вел. кн. Михаила Александровича. Среди них выделяется обращение Строительного комитета к Николаю II по случаю церковного торжества – освящения главного престола воздвигнутого храма – от 15 января 1914 г., изданное в виде грамоты, оформленной художником А. Лео, с заставкой и инициалом из старопечатных изданий, со стилизацией старопечатного шрифта (Ед.хр. 289). Как и любое другое торжественное событие, 300-летние царствования дома Романовых представлено такими красочно изданными материалами, как: торжественная ода, написанная Н. Боборыкиным в стиле русских былин на музыку Ц. Кюи, с художественным оформлением и рисунками Н. Самокиша (Ед.хр. 290); меню торжественного обеда от 25 мая 1913 г., выполненное по рисункам художника С.И. Ягужинского, и меню ужина от 26 мая 1913 г. с программой концерта хора трубачей 1го Гусарского сумского полка (Ед.хр. 303–304); а также программы оперы "Жизнь за царя" в Мариинском театре и концерта духовно-певческой капеллы Ф.А. Иванова, "имеющего быть исполненным в высочайшем императорских величеств присутствии на майских торжествах в Москве", с рисунками и оформлением художника Б. Зворыкина (Ед.хр. 300–302).

Отдельную группу материалов ф. 180 представляют красочно оформленные программы представлений и меню обедов с 1865–1912 гг. Среди них: программы спектаклей на французском языке с участием вел. кн. Владимира Александровича и Алексея Александровича, относящиеся к 1871 и 1875 гг., на обратной стороне которых надписи: "От гр. Бодко через Московскую Таможню"; пасхальные меню обедов от 1 апреля 1890 г. и от 11 апреля 1900 г. (Ед.хр. 329–339).

Особый интерес, конечно же, представляют материалы из музея Николая II в Белграде, которые поступили в ГИМ через Комитет культпросветучреждений в 1947 г. от женской делегации СССР, посетившей Белград по линии Антифашистского комитета СССР в 1945 или 1946 гг. Очевидно, это лишь часть экспонатов Белградского музея, причем не самая основная.

Из документов этого собрания самые ранние – подлинные письма цесаревича вел. кн. Николая Александровича полковнику, командиру гвардейского императора Александра I полка барону фон Лаузину, написанные на немецком языке от 11, 21 мая 1894 г. (Ед.хр. 342). Реликвией этого комплекса безусловно является письмо императора Николая II министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 14 июля 1914 г. (Ед.хр. 345)⁴. В письме, написанном за пять дней до начала первой мировой войны, Николай II, надеясь на возможную солидарность Англии и Франции, предлагал передать спор Австрии с Сербией на рассмотрение Гаагского трибунала. "Во мне надежда на мир пока не угасла...", – пишет он. Это была одна из последних попыток русского императора предотвратить роковую для него и его страны первую мировую войну.

Известна благотворительная деятельность императрицы Александры Федоровны во время войны по обустройству лазаретов, заботе о раненых, снабжению армии. В этом отношении интерес представляет евангелие с автографом Александры Федоровны и надписью ее же рукой "Спаси и Сохрани. Ц.С. Ноябрь 1914 г." (как известно, в Царском Селе находился один из лазаретов, устроенный Александрой Федоровной) – Ед.хр. 346. К этому же времени относятся: почтовая открытка с автографами Александры Федоровны, Ольги, Татьяны в Царскую Ставку от 1 августа 1916 г. (Ед.хр. 348) и почтовая открытка

⁴ Опубликовано нами: РА. М., 1991. Вып. 1. С. 189–190.

Александры Федоровны Николаю II, написанная на английском языке в 1916 г. (Ед.хр. 349).

В ф. 180 хранится одно из последних распоряжений Николая II как императора. Это его письмо уполномоченному министерства земледелия С.Н. Прокоповичу от 21 февраля 1917 г. о назначении его Главноуполномоченным министерства земледелия по заготовкам продовольствия и снабжению армий на двух фронтах, с автографом (Ед.хр. 351).

Документы и вещи детей Николая II и Александры Федоровны представляют: учебники французского языка с автографами Татьяны и Марии, относящиеся к 1906 и 1910 гг.; ученическая тетрадь Татьяны по французскому языку, с автографом и записями за 1911–1917 гг. (Ед.хр. 356); держатель для ручки (металл, скань) с надписью "14 ноября 1911 г." и карандаш красного цвета – в бархатном футляре темно-зеленого цвета в окантовке (Ед.хр. 357); "Расписание учебных занятий на 1916–1917 учебный год" (Ед.хр. 358).

Ко времени после отречения императора Николая II Александровича от престола 2 марта 1917 г. относятся следующие документы: телеграмма Николая II королю Румынии Фердинанду, написанная на французском языке в марте 1917 г., на обратной стороне которой более поздняя приписка рукой Марии Федоровны (матери Николая II) так же на французском языке о том, что послание написано после отречения императора в ответ на телеграмму, посланную королем Румынии (Ед.хр. 353); письмо Александры Федоровны Софии Дмитриевне Евреиновой от 28 июня 1917 г. (Ед.хр. 354)⁵. В этот период царская семья находилась под арестом в Александровском дворце в Царском Селе, возможно, еще надеясь на освобождение. Письмо адресовано фрейлине великой княгини Ксении Александровны – Софии Дмитриевне, находившейся, очевидно, вместе с Ксенией Александровной в Крыму, в Ай-Годорском имении ее мужа великого князя Александра Михайловича, где была также вдовствующая императрица Мария Федоровна. Письмо написано на почтовой открытке и состоит из двух частей, очевидно, на обложке Александрой Федоровной была сделана приписка позднее. Вот некоторые строчки из письма: "Шлю Вам и Всем самый сердечный привет. Всего здоровей – мысли вместе. Последнее время погода – свежая – днем 3 часа в саду... Дети работают на огороде – руб[ят] сухие деревья – пилят – сено косят – даем им уроки. Крепко целуем. Храни всех Господь Бог".

Последний документ относится уже ко времени переезда царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Это – меню обеда от 13 апреля 1918 г. (Ед.хр. 355). На обороте надпись "Меню из Тобольска. Их величества покинули Тобольск на заре 12/25 апреля".

Среди материалов Белградского музея, имеющих в ф. 180, отдельный комплекс составляют материалы императрицы Марии Федоровны (датской принцессы Дагмары), жены Александра III, матери Николая II, который открывает "Курс всеобщей истории", принадлежащий принцессе Дагмаре, написанный на французском языке в 1859 г. (Ед.хр. 359). Интересна тетрадь с промакательными листами (в муаровой обложке и в папке черного цвета) с автографом наследника престола цесаревича Александра Александровича – дарственной надписью Марии Федоровне "В день отъезда моего на Дунай, в армию. Царское Село 1877 года 21 мая. Саша" (Ед.хр. 360). И, наконец, письма вдовствующей императрице Марии Федоровне от сыновей – великих князей Николая Александровича (21, 22 мая 1884 г.), Михаила Александровича (1892 г., б/ч) и внука – цесаревича и великого князя Александра Николаевича (9 ноября 1911 г., 10 июля 1914 г., 14 апреля 1916 г.) – Ед.хр. 361⁶. Это письма за 30-летний период. Напи-

⁵ Опуubl. нами: Река времен. М., 1995. Кн. 1. С. 281 – 282.

⁶ Опуubl. нами: Там же. Кн. 2. С. 93 – 95.

санные из имения Александрия, Гатчины, Царского села, а также Ливадии они представляют интерес, характеризуя повседневный быт царской семьи. На письме Михаила Александровича, которое отправлено из Гатчины, – фотографии с видами дворца и парка, на одной из них – Михаил Александрович на верховой прогулке в Орловской роще.

В письме от 21 мая 1884 г. Николай Александрович рассказывает об осмотре им еще строящегося в то время для него, по заказу Александра III, Нижнего дворца в имении Александрия (рядом с Петергофом): "...мы были в моем доме, осматривали все, лазили всезде и были на самой башне, откуда вид великолепен и чуден и превосходен и я не знаю что еще. Вопрос о том, кто будет жить там со мною вместе. Этого я даже сам не знаю!" Впоследствии царское имение Александрия станет любимой резиденцией Николая II и его семьи, а Нижний дворец – дачей Николая II на протяжении всего его царствования с 1895 по 1914 г. Интересно письмо цесаревича Алексея бабушке Марии Федоровне от 10 июня 1914 г., написанное из имения Александрия накануне первой мировой войны, в котором упоминается о визите французского президента Пуанкаре в Петергоф в июле 1914 г., через 10 дней после которого в кабинетах Нижнего дворца Николай II подписал манифест о войне.

К материалам эмиграционного периода, поступившим из Белградского музея, относятся письма и телеграммы членов семьи дома Романовых, адресованные членам Общества памяти императора Николая II в Белграде. Среди них: 1) телеграммы Марии Федоровны с автографами, отправленные из Копенгагена, – генералу Перрет с благодарностью "Донскому Кадетскому императора Александра III корпусу" за поздравление с днем рождения от 23 декабря 1927 г. и полковнику Спешневу с благодарностью кирасирам за добрые пожелания (1927); 2) телеграммы и письма Ксении Александровны: митрополиту Антонию – телеграмма по поводу смерти матери Марии Федоровны 1928 г. и шесть писем за 1935–1940 г., написанных из Виндзора в Лондоне (о принятии Ксенией Александровной звания попечительницы музея им. Николая II, о поступлениях в музей и т.д.); генералу Сергею Сергеевичу Всеволожскому от 6 апреля/24 марта 1936 г. и генералу Флугу – три письма за 1936–1939 гг. (письмо от 22/9 августа 1936 г. по поводу освящения и открытия музея памяти императора Николая II); 3) письма Ольги Александровны Куликовской митрополиту Антонию – три письма за 1993–1939 гг., написанных из Дании (о материалах для музея Николая II, в письме от 20 октября 1938 г. она так же благодарит за память "о 50-летию крушения императорского поезда и чудесного спасения всей семьи"); 4) телеграмма Кирилла Владимировича митрополиту Антонию по поводу смерти жены Виктории Федоровны, урожденной принцессы Саксен-Кобург-Готской, от 27 марта 1936 г. с автографом; 5) две телеграммы Владимира Кирилловича председателю Общества памяти императора Николая II митрополиту Анастасию от 25 марта 1939 г. и 10 февраля 1940 г., отправленные из Лондона, с автографами; 6) письмо Андрея (Владимировича) митрополиту Антонию по поводу избрания его почетным членом Общества памяти государя императора Николая II и об осмотре собранных Обществом исторических памятников царствования императора Николая II, – письмо от 21 ноября (4 декабря) 1937 г. – из Парижа; 7) письмо кронпринцессы Цицилии в правление Общества памяти государя императора Николая II от 1 июня 1939 г. на французском языке из Потсдама и др. (Ед.хр. 362–365).

Некоторую часть материалов, поступивших из Белградского музея, составляют фотографии и открытки. Среди фотографий, большинство из которых имеют подлинные автографы изображенных лиц, отметим: две фотографии Николая II Александровича – 1888 г. (в бытность его еще наследником престола) и 1908 г. – с цесаревичем Алексеем на палубе императорской яхты

"Штандарт", фото Александры Федоровны (1898), три фотографии цесаревича Алексея Николаевича (1905–1906, 1909), две фотографии Марии Федоровны (Дагмары Датской) – 1865 г., в ее бытность еще невестой наследника престола Александра Александровича, и 1908 г. Несколько фотографий в рамках и под стеклом: Михаила Александровича (1910), Ольги Александровны (1930-е годы), Ксении Александровны (начало 1920-х), Ксении Александровны с Александром Михайловичем (1904 г.), их дочери Ирины Александровны – 1914 г. (с 1914 г. жены кн. Ф. Юсупова), Анастасии Михайловны – 1916 г. (сестры Александра Михайловича, с 1879 г. – жены Фридриха Франца, великого герцога Мекленбург-Шверинского) – на обратной стороне надпись "Музеею имени императора Николая II. Дар подполковника Тихонравова Виктора", Георгия Михайловича (1907), Марии Георгиевны (1907) (дочери короля Греческого Георгия I и королевы Ольги Константиновны, с 1900 г. – супруга великого князя Георгия Михайловича), Ольги Константиновны (начало XX в.) (дочери Константина Николаевича, брата Александра II, с 1867 г. – жены короля Греции Георга I), Николая Николаевича, сына Николая Николаевича, брата Александра II, его жены Анастасии Николаевны (Станы Черногорской) – 1913 г., брата Петра Николаевича (1901), Милицы Николаевны – 1901 г. (Милицы Черногорской, с 1889 г. – жены Петра Николаевича), Марии Павловны, дочери Павла Александровича, сына Александра II, 1931 г. Особо отметим две фотографии Владимира Кирилловича – 1939 г. – одна из первых, относящихся к тому периоду, когда Владимир Кириллович после смерти своего отца был провозглашен наследником престола 12 октября 1938 г. и более поздняя – без даты (Ед.хр. 340, 341, 370–391).

Несомненный интерес представляет альбом с фотографиями Крымского кадетского корпуса (находившегося в эмиграции в г. Бела Црква близ Белграда (Югославия)), подаренный начальством от имени и.д. директора корпуса генерал-лейтенанта Промтова одному из крупных государственных деятелей Сербии, премьер-министру Югославии Николе Пашичу в день 80-летия с благодарностью за "приют в братской стране", участие, содействие и средства для образования русских детей и юношей, от 22 июня 1926 г., в кожаной обложке коричневого цвета, с художественным оформлением, портретами Николая II, короля Югославии Александра и Николы Пашича (масло). Среди изображенных на фотографиях – Петр Николаевич Врангель (Ед.хр. 394).

В этой части материала имеются также открытки с изображениями императора Николая II, императрицы Александры Федоровны, цесаревича Алексея, великих княгинь – Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии; а также великих князей и княгинь – Михаила Александровича, Алексея Александровича, Сергея Александровича, Елизаветы Федоровны, Марии Павловны (жены Владимира Александровича), Александра Михайловича и Ксении Александровны. Среди них открытки с изображениями: "их величеств с августейшими особами и лицами свиты на охоте в Скерневицах", французского президента Э. Лубе и русского императора Николая II во время его посещения Франции в 1901 г. (по рисункам Н. Самокиша) и лиц императорской фамилии на костюмированном балу в Зимнем Дворце в 1903 г. в русских одеждах XVII в. и др. (Ед.хр. 395).

Таким образом, фонд Романовых ОПИ ГИМ представляет собой собрание разнообразных типов исторических источников, охватывающих период с начала XVIII в. до 40-х годов нынешнего столетия. Особую ценность имеют собственные письма императоров и императриц, а также автографы членов императорской фамилии, начиная с Павла I и Марии Федоровны и кончая Кириллом Владимировичем и Владимиром Кирилловичем. Письма могут быть дополнены автографами Романовых из других фондов ОПИ ГИМ, что дает возможность их публикации.

РАМОН Х. СЕНДЕР И ЕГО КНИГА "МАДРИД–МОСКВА"

В свое время через руки автора настоящей статьи по долгу службы прошла значительная часть секретных и совсекретных документов, использованных А.Н. Яковлевым в его докладе о пакте Молотова–Риббентропа на съезде народных депутатов. Разведдонесения о действительных намерениях Гитлера по отношению к Советскому Союзу в своем комплексе не вызывали никаких сомнений по поводу того, что военные руководители нашей страны не могли не воспринимать их со всей серьезностью. В свою очередь, документы, которые относились к переговорам Советского правительства с представителями Англии и Франции, также убеждали в том, что, по крайней мере, *в начале* со стороны Советского правительства имелось вполне серьезное намерение к заключению соответствующего соглашения с этими странами, и в том, что представители этих стран с *самого начала* не имели сколько-нибудь серьезных намерений к заключению подобного соглашения. Помнится, меня это ставило в тупик, так как известно было о достаточно серьезных антифашистских настроениях в Европе, не считаться с которыми правительства Англии и Франции, вроде бы, не могли.

Чтение путевых очерков Рамона Х. Сендера "Мадрид–Москва"¹ помогло понять, в чем тут дело. На Западе боялись нашей военной мощи, боялись уже с начала 1930-х годов. Рамон Х. Сендер, в своей книге достаточно гибко избегающий многих острых и деликатных вопросов, по поводу военных настроений в Советском Союзе высказывается очень определенно. Заметим, что этот "крупнейший из испанских писателей-анархистов поколения 1930 годов" – как он характеризуется в одной из закрытых справок-характеристик Испанской комиссии Международного объединения революционных писателей (МОРП), – очень сочувственно относился к СССР.

Одно из самых первых его впечатлений о Москве – это город, где 3,5 млн жителей состоят из солдат и рабочих, причем трудно отличить одних от других (С. 53). Далее он пишет, что стандарт жизни, степень благосостояния и комфорта были бы здесь иными, если бы люди работали только на себя. Между тем, за 10 лет они организовали наиболее могущественную в мире армию, создали превосходный военный потенциал (С. 62).

Созерцание Лобного места и рассказ о казни на нем Иваном Грозным 15 тыс. человек приводят Сендера к следующим размышлениям: «Я слышал его имя, искаженное почти до неузнаваемости, от моего деда в старой арагонской деревне, а мой дед был неграмотным крестьянином, которого мы учили читать, в девяносто лет. Кроме того, помню также, что когда он сердился, он называл нас "московитами". Он имел о московитах вполне конкретное представление, которое не вытекало из какой-либо науки: он считал их людьми беспокойными и ужасными» (С. 63). Но наиболее определенно Сендер высказался в рассказе об ужине у секретаря МОРП Людкевича, где присутствовали также Сергей Третьяков, В. Ставский, Ф. Кельин и не названный им по фамилии "генерал-писатель". Разговор начался с немецкого фашизма. "Явление Гитлера не производит сильного впечатления на этих людей, – пишет Сендер, – они рассматривают его как естественное событие в процессе разложения буржуазии. Оно было

¹ Sender Ramon Jose. Madrid–Moscu. Notas de viaje (1933–1934). Madrid, 1934. Цитаты из книги даны в нашем переводе с испанского.

предусмотрено. В этих суждениях большая уверенность. За ней угадывается активность людей земли, фабрики и казармы, которая дает марксистской диалектике подтверждение из железа и стали..." (С. 85–87). Затем Сендер добавляет: "Стратегия может быть той же самой в Англии, как и во Франции и в Советском Союзе. Но там, где эти солдаты поставят ногу, они оставят организованного пролетария с ружьем вместе с социалистом у телефона за письменным столом, откуда будут исходить приказы на бумаге с оттиснутым на ней серпом и молотом. Это опасность, которую видит Англия, и которую понимает Германия..." (С. 88). – Как мы знаем, эти слова испанского писателя блестяще оправдались через 15 лет в отношении стран Восточной Европы.

Далее идет следующий текст как ответ на просьбу собравшихся поделиться впечатлениями: "...Мое первое впечатление было – думаю, что я уже об этом говорил – что я попал не в город, а в какой-то лагерь. Я здесь двадцать дней, и не могу избавиться от этого ощущения. Четыре миллиона солдат – женщин и мужчин, уходят и приходят, работают и спорят, в боевой готовности. Я не видел врага ни с какой стороны, и в первые дни это было моей постоянной заботой. Наконец, сегодня, я думаю, я нашел его. Это внутри города. В возможной деморализации одних, в предательстве других. Это также в происхождении моих европейских рубашек, в моих испанских сигаретах, во всем том, что передается из мира, который остался вовне..." (С. 88).

Через несколько страниц Сендер рассказывает о своей поездке в Ленинград, где ему показалось, что он уехал из лагеря. Но и там, очутившись на репетиции воздушной тревоги, в ситуации, анекдотически напоминающей ту, в которую попал Остап Бендер вместе с Корейко, будучи без противогаза, опоздал на поезд и вынужден был отменить предполагавшуюся поездку в Мурманск. "То, что в Ленинграде не было ничего от лагеря – резюмирует он, – оказалось не более, чем иллюзией путешественника, который один месяц был в Москве" (С. 100, 104).

Несколько раз Сендер возвращается к вопросу о военной мощи СССР. В главе о Красной Армии он отмечает, что "ее модели тяжелой авиации превышали до сегодня в радиусе действия лучшие итальянские и американские модели. В данный момент только один завод в Ленинграде может ввести в действие двести танков с тяжелой артиллерией в месяц. Кроме того, нужно иметь в виду – продолжает он, – что техническое образование солдата, рабочего и даже крестьянина в области военной техники лучше, во многих случаях, чем у европейских офицеров. На одной фабрике мы слышали, как рабочие спорили относительно коэффициента полезного действия американского пулемета, – такого, который употребляется в Испании, – они его знали превосходно..." (С. 163). Касаясь сущности Советского государства, как он его понял, Сендер сказал: "Ясно, что дело идет о капитализме без капиталистов, как и о банках без банкиров, без частных акционеров. В другом аспекте также можно говорить сейчас о феномене армии наиболее сильной и модернизированной, с наибольшей агрессивностью в мире..." (С. 207).

И еще один интересный штрих, характеризующий живучесть мифа о мировой революции еще в начале 1930-х годов или нарастание определенных (завоевательных) тенденций в эти же годы? Сендер рассказывает о беседе, уже накануне его отъезда, с одним советским генералом, который спросил его:

"– Вы думаете, что Красная Армия должна будет вмешаться в случае Германии?"

– Думаю, как и многие, что при определенных условиях должна была бы вмешаться.

– И каковы же должны быть эти условия?"

– Ну... например, такие, как в 1918 году..."

На следующее утро, провозжая Сендера на вокзал, жена генерала сказала Сендеру:

«— Не знаю, наверное, в глубине души почти все думают, как Вы. Сам Н. — она назвала имя генерала, как и многие другие предпочел бы умереть через год, находясь в рядах немецкой красной армии, чем жить еще сорок лет генералом Красной Армии... (Удалось ли дожить этому генералу, мечтавшему о советизации Германии, хотя бы до 22 июня 1941 г. — А.Е.). Я вспоминаю также тех солдат, которые в Центральном Доме Красной Армии говорили мне с большой уверенностью:

— Чтобы организовать Германию... нужно несколько дней, самое большее... Не завоевать ее, но "организовать"...» (С. 214).

Мы показали здесь лишь те страницы книги Сендера, которые относятся к военной мощи Советского Союза, оставляя в стороне вопрос о фактической их достоверности. Действительно ли, например, наше вооружение в начале 1930-х годов было лучше (или хуже) американского. Дело не в этом, а в том, что можно было представить, какими глазами и с какими мыслями читались эти страницы средним европейцем, испанцем, латиноамериканцем (не надо забывать, что кроме читателей его книги у Сендера были и читатели нескольких газет, где публиковались его статьи, прежде, чем они легли в основу книги). А между тем, здесь, в Советском Союзе, предпочли не замечать этого. Вероятно, такое подчеркивание пропаганды силы считалось полезным. Очень быстро критик Д. Выготский откликнулся на "Мадрид—Москву" Р.Х. Сендера краткой рецензией², назвав книгу "документом личной перестройки художника", попыткой показать то, что именно может убедить приезжающего к нам иностранца в правоте нашего дела. Главный упрек, который делает критик Сендеру — что тот ни слова не говорит о советской литературе. Общая оценка книги — достаточно восторженная.

Если не читать книгу, то можно поверить и такой рецензии, хотя книга так и не была переведена на русский язык, а вскоре даже упрятана в спецхран.

О литературе же Сендер не умалчивает, — он упоминает о Маяковском, о русских классиках, а Багрицкому посвящает целую главу — рассказывает о посещении его дома в Кунцево, о поездке с ним на пароходе по Волге, называя его "поэтом, воспевшим Махно" (С. 190—192).

Задолго до Ю. Карабчиевского, он пишет о Маяковском: "...Этого революционного поэта по-настоящему почитают. Я спрашивал о причинах, которые могли привести его к самоубийству... Никто не знает ничего, но самоубийство Маяковского есть завершение его дела. Пожалуй, он чувствовал социализм и чувствовал себя неспособным в то же время в нем жить. Его жизнь была хаотичной и неупорядоченной. Эта тайна, которую он оставил в конце, напоминает традиционный русский дух, неясный, вводящий в заблуждение, неизвестно, созерцательный или динамичный, или и тот, и другой вместе. Маяковский был Россией революционной, больной западничеством..." (С. 57).

"Литературные" наблюдения Сендера прямо связаны с той жизнью, которую он увидел: «В интеллектуальной атмосфере есть любопытные вещи. Например, Достоевский, кем так восхищаются в Европе, "ликвидирован". Он писатель ультрабуржуазный, чей талант не полезен для революции, а поэтому неинтересен". Далее Сендер говорит, что еще более "ликвидирован" Андреев, Львом Толстым же восхищаются из-за его жизни. И, недавний анархист — впрочем, не он один из испанцев, — Сендер не может не отметить, что очень уважают и восхищаются Кропоткиным, который "имеет улицу и памятник, и, как и Толстой, маленький музей» (С. 152). "Но, — говорит он далее, — борьба против фантазмов Достоевского, а также против молчаливых теней Андреева, застав-

² См.: Звезда. 1934. № 5. С. 191—192.

ляет думать о том, что эти тени и фантазмы продолжают существовать... Если это так, что-то будет продолжаться и еще останется. Я это вижу иногда во взгляде, который бросают люди, говоря свое русское: – Нитчивоо..." (С. 153–154).

Далеко не совпадающий с рецензией Д. Выготского, более осторожной была характеристика Сендера в одном из отчетов ВОКС от 20 августа 1933 г.: «16-го нас посетил Рамон Х. Сендер, видный испанский романист, критик и журналист... Был намечен план показа объектов, с которыми он выразил согласие ознакомиться. В план вошли завод, тюрьма, больница, библиотека и т.п. 17 июня Сендер посетил Ленинскую библиотеку. Дальнейший план не был выполнен, так как Сендер исключительно занялся морповской работой. Ленинской библиотеке нами был передан его запрос о библиографии всех русских переводов, сделанных с испанского языка после революции... Он начал печатать свои статьи об СССР в левобуржуазной газете "Ла Либертад". В этих статьях он проявляет свое безусловно дружественное отношение к Советскому Союзу... Но эти статьи освещают только поверхностную, внешнюю жизнь Москвы. В статье о детях Сендер неправильно толкует проблему беспризорных, не дает ее социальных корней»³.

Коснемся немного биографии и личности Сендера.

Рамон Хосе Сендер Гарсес родился в деревушке под Уэской 3 февраля 1902 г. и умер в Сан-Диего (США, штат Калифорния) 16 января 1982 г. Он почти не принимал участия в гражданской войне в Испании, жил с 1937 г. в Париже, с 1939 г. – в Мехико, и с 1942 г. – в США, где преподавал испанскую литературу в университете Нью-Мехико⁴.

В начале 1930-х годов Сендер был в числе явных друзей СССР, вел оживленную переписку с различными советскими организациями, главным образом по делам издания своих книг⁵. Имеется несколько дружественных писем Сендера и в личном архивном фонде Ф.В. Кельина⁶, который, тем не менее, в своем служебном дневнике секретаря МОРП записал со слов жены другого испанского революционного писателя следующее: "Сендер – человек, не заслуживающий доверия"⁷.

Но уже с началом гражданской войны в Испании начинается постепенное охлаждение Сендера к коммунистам, прежде всего, к своим, испанским, да и с республиканским командованием отношения у него не складываются. В составленной Иностранной комиссией ССП справке "Материалы по Испании" от 20 марта 1941 г., автором которой являлся Ф.В. Кельин, кратко излагаются основные этапы жизни Сендера с 1937 по начало 1941 г. В частности, там говорится: «Известно, что при встрече с Сендером в тылу Листер заявил ему, что если он немедленно не выедет на фронт, то он, Листер, сорвет с него капитанские звездочки... Книга Сендера "Испания идет в контратаку" была встречена отрицательно в испанских военных кругах... В 1937 г. Сендер, живший тогда в Париже, не захотел приехать на конгресс писателей в Мадрид и выступил лишь на заключительном заседании конгресса в Париже, состоявшемся 18/VII, с речью о гуманизме и роли Испании. В 1938 г. ...Сендер вместе с Бергамином был направлен с культурной миссией в США, где он сумел быстро установить связи с крупными издательствами... По имеющимся доверительным сведениям из США Сендер занял там аполитичную позицию... В прошлом Сендер

³ ГАРФ. Ф. 5283 (ВОКС). Оп. 2. Д. 122. Л. 8 об.–9. Под "морповской" работой имеется в виду участие Сендера в МОРП.

⁴ Биографические сведения о Сендере см.: Enciclopedia universal ilustrada. Apéndice. Т. IX. P. 1230–1231; Gran enciclopedia Larousse. Т. 9. P. 624–625; Enciclopedia de Mexico. Т. 12. P. 7621.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 990. Л. 1–5; РЦХИДНИ. Ф. 541 (МОРП). Оп. 1. Д. 10.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2555 (Ф.В. Кельин). Оп. 1. Д. 248. Л. 2, 3, 17, 18, 32.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 72. Л. 39.

никогда не выступал против Советского Союза. Очевидно, он начал выступать в этом году, когда, по сведениям Маргариты Нелькен, перешел вместе с Реглером, "со всем своим писательским оружием и багажом" на сторону врага». В заключение автор справки отмечает, что «журналы, посланные в свое время Сендеру Иностранной комиссией, были возвращены с надписью "возвращены адресатом"»⁸.

В другой недатированной справке примерно того же времени и того же автора говорится, что Сендер, ранее примыкавший к анархистам и одно время сочувствовавший компартии, отошел от политики и переживает период резкой депрессии, и "хотя и не выступал открыто против Советского Союза, однако, выступал с мелкой клеветой против испанской компартии... Что же касается художественной ценности книг Сендера, – свидетельствует Ф. Кельин, – то он является бесспорно одним из самых талантливых испанских писателей нашего времени"⁹. Добавим, что И. Эренбург, знакомый со многими испанскими писателями, в своих мемуарах "Люди, годы, жизнь" ни разу не упоминает Сендера, и лишь в 1949 г. в одной из статей мимоходом упрекает его за похвалу Луи Селина¹⁰.

Иностранная комиссия ССП в 1944 г. упомянула Сендера в рефератах прессы по Латинской Америке, отметив успех его художественных книг у читателей¹¹.

Из приведенных характеристик ясно, что Рамон Х. Сендер, несмотря на свой временный интерес к коммунизму, коммунистических идей, по крайней мере, в той их форме, в какой они реализовывались в Советском Союзе и пропагандировались у него на родине, не принял. Приведем в этой связи оценку, данную Э. Кастро Дельгадо (бывший член ЦК Компартии Испании, исключенный из нее в 1944 г., с 1946 г. в Мексике): "Возможно, единственный интеллигентуал, который хорошо понял партию, который не остался обманутым партией, который не поймался на лесть, не пожертвовал своей свободой мысли, тот, который имел достоинство против низостей, был Рамон Х. Сендер. Один. Остальные, все эти альберти, эрреры петере, графиясы, росесы, рехано, бенавидесы, дель вайо, и многие еще, список которых очень длинен, были не больше, чем беспокойные сводни, которые помогали партии в задаче отравлять народ злобой и старой мстостью"¹².

До конца своей жизни Сендер жил в США, хотя с 1965 г. иногда приезжал на родину, где в 1969 г. получил литературную премию издательства "Планета". Насколько нам известно, о России больше он не писал (изданная тогда же книга "Письмо о любви из Москвы одной испанской девушке"¹³ интереса не представляет, поскольку лишь излагает идеи свободной любви). Но "Мадрид–Москва", по нашему мнению, заслуживает перевода на русский язык и переиздания в качестве исторического источника по отечественной истории начала 1930-х годов, отражающего восприятие думающим иностранцем российской действительности. Коснемся еще нескольких наиболее интересных страниц этой книги.

Поскольку мы начали с вопросов войны и мира, то и завершим ими, отметив, что Сендер прямо увязывает их с фашизмом. Из Парижа он вывозит впечатление, что французы не хотят и боятся войны, но "как и все народы, имеют в виду победивший мир". Для них воспевать мир – это воспевать победу" (С. 9).

⁸ РГАЛИ. Ф. 631 (Иностранная комиссия ССП). Оп. 14. Д. 32. Л. 53–56. О М. Нелькен см.: *Елпатьевский А.В.* М. Нелькен и ее книга "Кремлевские башни" // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 282–288.

⁹ Там же. Оп. 11. Д. 380. Л. 5–6.

¹⁰ Культура и жизнь. 1949. № 36.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 406. Л. 11.

¹² Castro Delgado Enrique. *Hombres made in Moscú.* Mexico, 1960. P. 199–200.

¹³ Sender Ramon Joce. *Carta de Moscú sobre el amor (a una muchacha española).* Madrid, 1934.

В Восточной Пруссии он подмечает, что прусский юнкер "уверен в необходимости воинственной политики для Германии" (С. 16) и что "женщина, у которой сын в концлагере", – проводница в поезде – верит в неизбежность близкой войны, для нее все национал-социалистическое движение только преамбула к войне, "которая начнется после присоединения Австрии к империи Гитлера" (С. 18). Он замечает, что во всей атмосфере Берлина господствует военный дух. В главе "Гитлерюгенд – чрезвычайно серьезные дети" Сендер говорит, что одна из вещей, беспокоящих и удивляющих в Германии – это детская военная организация наци – гитлерюгенд. Они не спорят друг с другом, – говорит он о ее членах, – не поют, не гоняются за собаками, но эта организация романтиков должна ужасно деформировать поколение. "Нет сомнения, – утверждает Сендер, – что моральный эффект того, что здесь называется "революцией наци", и поведение этой партии относительно политики вооружения будут иметь важное значение в ходе событий" (С. 22–23). (Заметим в скобках, что в 1941 г. другой испанец, Дионисио Ридруэхо, фалангист, впоследствии вышедший из фаланги, проезжая через Берлин и Восточную Пруссию в составе испанской "Голубой дивизии", скажет, имея в виду местное население, что "война с Россией, кажется, будет более популярна, чем предыдущая, но производит страх"¹⁴.)

В вот мнение Сендера о Гитлере, – не бесспорное, но не лишнее интереса: "Гитлер есть удивительная безличность. Пожалуй, это одна из причин его победы. Гитлер не есть индивидуальность. Это миллион германцев, одетых в униформу. За всю жизнь Гитлер не сказал ни одной оригинальной фразы, ни одной истинно своей идеи. С 1919 г. он произносил общие слова о родине, промышленном производстве и расе. Сама ассимиляция революционного духа трудящихся масс, которая кажется очень мудрым тактическим ходом, есть не более, чем отражение общественного сознания. Идея, которая на улице, и которой все дышат..." (С. 13). Далее Сендер говорит, что если в Испании Гитлер ничто, вроде Антихриста, провозвестника Апокалипсиса, то в Германии – он в этот момент спаситель!" Он – человек, стремящийся войти в мелкую буржуазию, и он вошел в нее со своим естественным пролетарским сознанием. Гитлер – король, выбранный мелкой буржуазией, с тем, чтобы он спас ее от угрозы социализма. В остальном Гитлер – это сорокапятилетний человек, значительно менее эффективный, чем Муссолини, обязанный своим успехом отсутствием личности. Это – мелкий буржуа пролетарского происхождения. Если Муссолини – сильная личность, и фашизм исходит в Италии от ее главы, здесь – это миллион коричневых рубах со свастиками. Гитлер – не вождь, а лишь "организующая персона" (С. 33). Не правда ли – мысль, далекая от наших традиционных представлений, но, безусловно, интересная для выяснения генезиса люмпен-тоталитаризма.

Очень осторожно Сендер отзывается о Сталине: "Меня очень интересовала эта фигура, о которой существует столько мнений в Европе. Первое впечатление благоприятное: это не интеллеktуал. Для задач советского строительства интеллеktуал мало что может сделать..." (С. 118).

Сендер проницательно заметил, что "чиска" (так латинскими буквами он обозначает "чистку" – А.Е.), представляет собой проверку "не только поведения, но и менталитета" всех членов партии на фабриках, в поле, в казармах (С. 120). Он подчеркивает также всеобъемлемость, всемирность коммунистического менталитета, видя это, в частности, в том факте, заставившем его даже немного опешить, когда он узнал от одного своего знакомого, что тот при "чистке" должен был знать не только положение у себя на производстве и программу партии, но все положение в мире, вплоть до аграрного движения в Эстремадуре (С. 127–128).

¹⁴ *Ridruėjo Dionisio. Los cuadernos de Rusia. Diario. Barcelona, 1978. P. 30.*

Сендер признает бедность рядовых коммунистов, которые ничем не выделяются и работают ради "стратегической линии"; отмечает, что не только партия, но массы в целом охвачены идеей строительства нового общества (С. 129).

Он явно с удовольствием рассказывает о встрече с читателями в Библиотеке иностранной литературы, "которая имеет все журналы и все главные европейские еженедельники", и где люди живо интересовались и расспрашивали его о Валье Инклане, Барохе, которого "особенно переводят на Украине и готовят его собрание сочинений", о других испанских писателях (С. 142).

Отношение Рамона Х. Сендера к мавзолею Ленина небезынтересно в связи с дискуссией о захоронении "того, кто хотел хорошего, но не успел", как говорили герои Фазила Искандера. Вот его слова по этому поводу: "Меня спросили, видел ли я тело Ленина, и когда я им сказал, что это меня не интересует, они были ошеломлены. Я пояснил: – Зачем идти смотреть тело Ленина, если Ленин жив здесь, среди этих юношей и девушек, в этих знаменах, в этих гимнах? Я не видел его, и, вероятно, не пойду на него смотреть. Мне кажется, в гробнице, в мавзолее должно быть величавое успокоение. Выставляя на обозрение труп, кажется мне, чувством религиозно примитивным и варварским, что не согласно с духом советской жизни" (С. 79).

Все же Сендеру пришлось посетить мавзолей. Вот его рассказ об этом: "...Хотя мне было неинтересно видеть труп Ленина, это – визит естественный, почти обязательный, и мы вошли туда с одним другом-коммунистом... Зрелище покоящегося Ленина мне не понравилось. Было в этом нечто религиозное. Мой друг возразил:

– Никоим образом. Напротив, в деревушках, с остатками старых суеверий, это демонстрирует, что человеческое тело может быть нетленным не из-за вмешательства божественных сил, но просто в результате действий врача со шприцем.

Я не удержался, чтобы не рассмеяться. Мой друг казался немного рассерженным. Я ему сказал, что это логика чрезвычайно изысканная.

– Если бы Вы мне сказали, – обратился я к нему, – что необходимо поддерживать миф о Ленине, я согласился бы с тем, что это экспонирование нужно.

– Хорошо, действительно, для Вас не нужно тело Ленина, помещенное под регулируемый свет. Для Вас миф существует через личность и теоретическую работу Ленина. Но есть много сельских товарищей и даже многие горожане, которые нуждаются в подготовке, и чтобы сконструировать миф, им необходимы внешние формы, понимаете?

– Ну, это другое дело..." (С. 119).

Думается, это одно из самых ранних обсуждений в печати вопроса о целесообразности существования мавзолея Ленина. Аргументы в пользу его сохранения до сих пор не стали более глубокими.

Сендер, по-видимому, не хотел касаться всерьез такого острого вопроса, как голод на Украине, лишь вскользь упомянул об этом, с некоторой дозой недоверия к официальной пропаганде вообще – и с той, и с другой стороны (С. 186–187). Но без обиняков, в самом конце книги он заявляет, уезжая из страны, что "на станции и особенно в этих поездах через границу все из ГПУ. Носильщик, кондуктор, бригадир поезда, служители в ресторане, контролеры" (С. 215).

Нам же хочется закончить словами этого умного писателя, которые, так и не сбылись, но и не опровергнуты никем: "Со временем увидят коммунизм не как разрушение капитализма, но как результат и некое преодоление капитализма. Это последует, естественно, когда стандарт жизни – средний тип благосостояния – достигнет в России и в странах, которые следуют ее дорогой, высшего уровня Англии и Германии..." (С. 202).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА УЧЕНЫХ ШКОЛЫ ИСТОРИИ "ЗАПАДНО-РУССКОГО" ПРАВА В АРХИВАХ РОССИИ И УКРАИНЫ

Школа истории "западно-русского" права (или просто "западно-русского права") существовала во второй половине XIX – начале XX в. Основателями школы были два крупных историка права – М.Ф. Владимирский-Буданов и Ф.И. Леонтович. Оба являлись учениками Николая Дмитриевича Иванишева, стоявшего у начала общей киевской школы историков (куда входила школа истории "западно-русского" права как составная часть). Владимирский-Буданов на протяжении более полувека занимал кафедру истории русского права в Университете Св. Владимира в Киеве, сформировав там собственную школу в составе Г.В. Демченко, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновского, А.Я. Шпакова и М.Н. Ясинского. Ф.И. Леонтович в 1860 – начале 1890-х годов преподавал в Новороссийском университете в Одессе, затем руководил кафедрой русского права Варшавского университета. Его единственный ученик В.Ф. Тарановский по взглядам и исследовательским принципам также может быть отнесен к школе истории "западно-русского" права. Школа отличалась особым вниманием к сравнительно-историческому методу исследования, повышенным интересом к истории государства и права Великого княжества Литовского, Украины и вообще славянства, опираясь на широкий круг документальных источников. Ученые, претворяя в жизнь планы Иванишева, уделяя много внимания археографической деятельности. Так, Владимирский-Буданов несколько десятилетий был главным редактором изданий Киевской комиссии для разбора древних актов; публикацией источников занимались также Тарановский, Ясинский и другие ученые.

Влияние методологии школы распространилось далеко за пределы Киевского университета. В предреволюционные годы все представители второго поколения школы руководили кафедрами в университетах России: Максимейко – в Харьковском, Малиновский – в Томском и Варшавском, Шпаков – в Новороссийском, Тарановский – в Варшавском, Юрьевском, Петроградском, а также в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, Демченко и Ясинский – в Киевском. Таким образом, из российских университетов только в Московском и Казанском не работали представители школы. Поэтому понятно, что любые источники, позволяющие глубже охарактеризовать как методологию школы, так и факты научных биографий историков, представляют значительный интерес. Одним из важных видов таких источников являются письма ученых, сохранившиеся в архивах России и Украины.

Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов (1838–1916) прожил долгую жизнь и написал, вероятно, множество писем. К сожалению, сохранилась незначительная часть его эпистолярного наследия. Самые ранние по времени находятся в РГАЛИ и РО ИРЛИ: Владимирский-Буданов вместе с тремя товарищами-студентами основал при Киевском университете Славянскую библиотеку Св. Кирилла и Мефодия, однако, комплектование ее было затруднено из-за отсутствия в Киеве необходимой литературы. Сохранились два письма, помеченные одной датой, 21 января 1868 г., и содержащие однотипные просьбы прислать по пониженным ценам издания Первого отделения Академии наук и

Общества любителей российской словесности. Просьбы адресованы соответственно И.И. Срезневскому¹ и И.С. Аксакову². В РО ИРЛИ есть также два письма к историку В.О. Эйнгорну с некоторыми подробностями работы Киевской комиссии для разбора древних актов, во главе которой фактически стоял Владимирский-Буданов³, а также записка Н.П. Павлову-Сильванскому: еще в 1868 г., задолго до выхода в свет сочинений петербургского историка, Владимирский-Буданов заявил, что феодализм возможен только на Западе. После появления трудов Павлова-Сильванского киевлянин дополнил очередное издание своего "Обзора истории русского права" специальной главой с опровержением теории русского феодализма⁴. Тем не менее он с нетерпением ожидал окончания новой работы коллеги, полагая, что "разномыслия, вызванные искренней любовью к науке, встречать всегда приятно"⁵.

Среди писем ученого, хранящихся в СПб. ФА РАН, стоит выделить письмо директору Публичной библиотеки А.Ф. Бычкову: весной 1886 г. в Киеве прошел слух о возможности передачи Метрики Литовской – ценнейшего источника по истории Литвы и Московской Руси – из Сената в Московский архив Министрства юстиции, где, однако, ее не хотели принимать из-за большого числа хранящихся документов. Владимирский-Буданов просил рассмотреть возможность передачи ее в Киев, где было и свободное место в Центральном архиве, и желающие работать с материалами Метрики⁶. (Как известно, Метрика была все же передана в Москву.)

В 1903 г. Владимирский-Буданов был избран в члены-корреспонденты Академии наук. В фонде Канцелярии Академии находится письмо историка с благодарностью за оказанную честь (от 18 января 1904 г. из Ниццы, на имя Н.Ф. Дубровина)⁷.

Только одним письмом историка располагает РГИА, однако, это исключительно важный документ для характеристики ученого. Письмо от 6 июня 1890 г. адресовано министру народного просвещения И.Д. Делянову и содержит подробно мотивированный отказ от предложения занять должность ректора Университета Св. Владимира. "Неоднократно в течение своей жизни я убеждался, что природа отказала мне совсем в административных способностях, – признавался Владимирский-Буданов. – Прежде всего я вполне лишен выдержки и спокойствия, что так необходимо для хорошего администратора; меня волнует и повергает в болезненное состояние нередко незначительное обстоятельство. Впечатлительность и нервность моей природы лишь скрываются мною искусственно посредством крайних усилий воли, что в свою очередь ведет к дальнейшей потере здоровья". Называя себя "кабинетным ученым", Владимирский-Буданов собирался оставшиеся ему "немногие годы" посвятить окончанию научных трудов, "которые составляют задачу всей моей жизни. Быть может, я ошибаюсь в значении этих трудов, – размышлял историк, – но не окончив их, я буду считать свою жизнь потерянной"⁸.

Наибольшим собранием писем Владимирского-Буданова обладает Институт рукописи Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского (ИР ЦНБ)

¹ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1177. Л. 1–2.

² РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 109. Л. 177–178.

³ Там же. Разряд III. Оп. 2. Д. 2209, 2210.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. С. 14–15; *Он же*. Обзор истории русского права. изд-е 7. Киев, 1915. С. 284–289.

⁵ РО ИРЛИ. Разряд III. Оп. 2. Д. 1134. Л. 1. Письмо от 23 сентября 1905 г.

⁶ СПб. ФА РАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 167. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1903 г. (1). Д. 14. Л. 20.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 340. Л. 151–152.

НАН Украины. Наряду с малозначительным письмом П.Г. Виноградову⁹ и деловой запиской М.Н. Ясинскому¹⁰, здесь находятся 72 письма Тимофею Дмитриевичу Флоринскому, известному слависту, профессору Киевского университета и личному другу Владимирского-Буданова. Большинство из этих писем, к сожалению, отличается краткостью и малой информативностью. Но некоторые позволяют уточнить характеристику учебной деятельности историка и его общественно-политических позиций. Так, на протяжении ряда лет Владимирский-Буданов был председателем выпускных комиссий в различных университетах, что отнимало много времени и сил. 6 мая 1894 г. он писал из Казани: "Сижу на экзамене с 10 часов утра до 6 вечера, с присоединением вечернего дивертисмента из маменькиных слез и истерик"¹¹. Годом позже он жаловался из Петербурга: "Мой экзамен еще далек от конца; но с отпадением плевел последние экзамены проходят легче; могу уже возвращаться домой в 3 или 4 часа (хотя не всегда); а то раз пришлось вернуться в 11-м часу ночи (начав с 9 1/2 утра). Болеть я не болею, но от усталости и напряжения старею"¹².

В письмах проскальзывают сетования на невозможность приобретения в том или ином месте России газеты "Киевлянин"¹³. Газета, как известно, отличалась весьма консервативным направлением. Владимирский-Буданов, судя по всему, был ее поклонником. Поэтому понятным становится ужас, охвативший престарелого профессора во время революции 1905–1907 гг. Его письма теперь наполнены – по собственному признанию – "злостью по адресу российского общества", замечены им также "нелепая выходка Милюкова и дурацкие требования крестьян"¹⁴. Уехав по традиции последних лет жизни на зиму в Ниццу, он и там не мог расстаться с мучившими его мыслями: "Я отнюдь не верю в прочное умиротворение обезумевшей России, когда министры и профессора гражданского права объявляют себя, и теперь открыто, социалистами"¹⁵. Эти признания Владимирского-Буданова позволяют скорректировать его характеристику как либерала, предложенную в последнее время в историографии¹⁶. Два письма Владимирского-Буданова хранятся в ЦГИА Украины. Они адресованы Н.А. Максимейко и уточняют обстоятельства защиты последней магистерской диссертации в 1902 г.¹⁷

Непосредственным преемником Владимирского-Буданова по кафедре истории русского права Университета Св. Владимира был Михаил Никитич Ясинский (1862–1935). Автор фактически единственной крупной работы (магистерская диссертация "Главный литовский трибунал, его происхождение, организация и компетенция". Киев, 1901. Вып. 1), он был более известен как администратор (долгое время работал деканом юридического факультета и проректором университета) и организатор науки. Именно после его настоятельных ходатайств, уже перед самой революцией 1917 г. была разрешена специализация оставляемых для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории русского права, тем самым введены степени доктора и магистра истории русского права. (До этого защищавшие диссертации по истории русского права, как правило, получали степени магистра или доктора государственного, реже –

⁹ ИР ЦНБ. Ф. 60. № 203. Л. 1–1 об.

¹⁰ Там же. Ф. 59. № 82. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Ф. III. № 19 607. Л. 44–44 об.

¹² Там же. № 19 616. Л. 62.

¹³ Там же. № 19 590. Л. 9.

¹⁴ Там же. № 19 645. Л. 116 (от 15 июня 1905 г.)

¹⁵ Там же. № 19 650. Л. 126 об. (от 22 января 1906 г.)

¹⁶ См. например: Скакун О.Ф. Политическая и правовая мысль на Украине (1861–1917). Харьков, 1987. С. 127–142.

¹⁷ ЦГИА Украины. Ф. 2042. Оп. 1. Д. 231, 244.

других отраслей права.) После революции Ясинский эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Югославия), где был профессором Люблянского университета.

В архивах сохранилось немного писем ученого. Это, в основном, фактически записки 1890–1990-х годов на бытовые темы, адресованные А.С. Лаппо-Данилевскому¹⁸, М.Ф. Владимирскому-Буданову¹⁹ и С.Н. Шубинскому²⁰. Значительно большую ценность представляет письмо М.Н. Ясинского Н.А. Максимерко от 26 ноября 1901 г., посвященное магистерскому диспуту его коллеги по университету, но не историка права, а "строгого" историка, М.В. Довнар-Запольского. "На днях (18-го) был диспут г. Довнар-Запольского, приятеля и соратника Любавского²¹. Официальными оппонентами были Иконников и Голубовский (последний очень хвалил работу Довнар-Запольского), а неофициальными я и профессор Дашкевич", – писал Ясинский; причем возражения Ясинского "были далеко нелестны для диспутанта", хотя он, "по условиям времени мог представить лишь часть своих возражений, но и на те диспутант не мог дать удовлетворительных объяснений"²².

В отличие от чрезвычайно медленно работавшего над текстом Ясинского, так и не сумевшего закончить докторскую диссертацию, Довнар-Запольский приготовил уже свою (через четыре года после магистерской). Ясинский вновь выступил одним из неофициальных оппонентов на защите, а затем по предложению профессора-византиста Ю.А. Кулаковского, близкого друга главного редактора ЖМНП Э.Л. Радлова²³, написал объемную рецензию на докторское сочинение Довнар-Запольского. Обстоятельства подготовки и опубликования рецензии освещают два письма Ясинского Радлову, хранящиеся в РО ИРЛИ. В первом из них, от 8 марта 1906 г., Ясинский обращает внимание редактора на "некоторые своеобразные особенности" исследования коллеги, "требующие многочисленных проверок по источникам"²⁴. Под "своеобразными особенностями" подразумевается, видимо, известная торопливость Довнар-Запольского в работе над рукописями, которая, впрочем, не приводила, насколько можно судить, к грубым ошибкам в выводах. Стремление рецензента уделить преимущественное внимание отрицательным сторонам работы, вероятно, вызвало опасения Радлова о возможной необъективности будущей рецензии. Этому могло способствовать и заранее выраженное Довнар-Запольским желание публично ответить на критику. "Обещанных возражений я не боюсь, – писал Ясинский Радлову 2 июня 1906 г., – ибо в своей статье я стою исключительно на почве фактов и вообще объективных данных; личной нотки в свою рецензию я не вношу и, несмотря на неприятные для автора замечания, стараюсь все время не уклоняться от академического тона"²⁵. Таким образом, письма Ясинского ценны показом взаимоотношений представителей двух ветвей киевской школы – учеников В.Б. Антоновича (Довнар-Запольский) и Владимирского-Буданова (Ясинский).

¹⁸ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 427. Л. 1.

¹⁹ ИР ЦНБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 261. Л. 1–1 об.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 874. № 99. Л. 1.

²¹ Отношения Довнар-Запольского и Любавского были более сложными, чем думал Ясинский, так как именно Любавский, по протекции В.О. Ключевского занявший кафедру русской истории в Московском университете, вольно или невольно помешал дальнейшей "московской" карьере Довнар-Запольского, переехавшего в 1901 г. в Киев.

²² ЦГИА Украины. Ф. 2042. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 об.–2.

²³ В РО ИРЛИ хранится более 100 писем Радлову от Кулаковского с подробными, иногда крайне субъективными характеристиками киевских историков. Их анализ, однако, выходит за рамки статьи (Ф. 252. Оп. 2. Д. 829.)

²⁴ Там же. Д. 1862. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Л. 4 об.–5.

Более удачной, в отличие от Ясинского, была научная судьба другого ученика Владимирского-Буданова, Иоанникия Алексеевича Малиновского (1868–1932). Защитив и магистерскую, и докторскую диссертации²⁶, он занимал кафедры истории русского права в Томском (1898–1911), Варшавском (1913–1917) и Донском университетах (1917–1920), в 1925 г. был избран академиком Всеукраинской академии наук (ВУАН), где возглавил комиссию по изучению обычного права. Однако непросто сложилась личная и общественная судьба ученого. Будучи активным участником кадетской партии и фактическим редактором оппозиционной газеты "Сибирская жизнь", он попал под негласный надзор полиции, а после издания второй части книги "Кровная месть и смертные казни" (Томск, 1909) был обвинен в антиправительственном выступлении и в 1912 г. был судим. В период гражданской войны он поддерживал белое движение, поэтому в 1920 г. был помещен большевиками в концентрационный лагерь, находясь в котором, не только не пал духом, но продолжал исследовательскую работу: по заданию Института советского права, по согласованию с ВЧК, он, будучи узником, провел научное обследование лагеря, в котором был в заключении, и после досрочного освобождения опубликовал монографию о пенитенциарной системе в Советской России!²⁷

При разгроме ВУАН в 1929–1930 гг. Малиновский был фактически отстранен от научной работы и умер в глубокой опале. И до, и после революции он выступал также как литературный и театральный критик. Понятно, что любой новый источник, характеризующий жизнь и деятельность такой яркой личности, заслуживает внимания. Письма самого Малиновского не являются исключением. К сожалению, как и в случае с перепиской Ясинского, большинство найденных писем Малиновского представляют собой малоинформативные записки на личные темы: две записки юристу М.П. Чубинскому²⁸ без даты; также не датированное письмо В.Б. Антоновичу с выражением согласия занять должность секретаря подготовительной комиссии Киевского археологического съезда вместо заболевшего Ясинского²⁹; письмо от 28 декабря 1904 г. Э.Л. Радлову с просьбой о помещении в ЖМНП речи Малиновского перед магистерским диспутом³⁰; благодарность ВУАН за избрание академиком³¹.

Интересной иллюстрацией малоизвестной стороны жизни университетов является письмо Малиновского в отдел народного просвещения Всеволодого Войска Донского. Датированное 18 января 1919 г., оно содержит просьбу о предоставлении в кабинет истории права Донского университета изданий Войска Донского для изучения истории права и управления на Дону³².

Четыре письма редактору газеты "Сибирские вопросы" А.И. Иванчину-Писареву рисуют дополнительные штрихи к портрету Малиновского-политика. «Завтра отправляю корреспонденцию. Подписана корреспонденция "Сибиряк". Изменил подпись, чтобы отстранить подозрения. Дело в том, что упорно ищут томского корреспондента "Сибирских вопросов"³³, – сообщал Малиновский 20 февраля 1911 г.»

²⁶ Магистерская – "Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой Древней Руси" (Томск, 1904. Ч. 1; Ч. 2, вып. 1), докторская – то же (Томск, 1912. Ч. 2, вып. 2).

²⁷ См.: Малиновский О.О. Радянські поправчо-трудоі установи порівнюючи з буржуазними тюрмами. Київ, 1928.

²⁸ РГИА. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–2.

²⁹ ИР ЦНБ. Ф. III. № 47 058. Л. 1.

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Д. 971. Л. 1.

³¹ ИР ЦНБ. Ф. X. № 1223. Л. 1–2.

³² ГАРО. Ф. Р-3997. Оп. 1. Д. 326. Л. 1–1 об.

³³ РО ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 275. Л. 4.

Наиболее информационно насыщены восемь писем, адресованных Н.А. Максимейко. Они хранятся в фонде последнего в ЦГИА Украины. Написанные в 1897–1904 гг., письма характеризуют начало творческой биографии Малиновского, живо рисуют быт и нравы провинциального Томска. По окончании "аспирантуры" Малиновский довольно долго не мог найти место постоянной службы. Вначале он собирался на кафедру уголовного процесса в Одессу³⁴, затем – по совету своего однокурсника Г.В. Демченко – в Варшаву³⁵. В поисках места он провел 1897/98 г. в Киеве, будучи приват-доцентом в университете. 14 января 1898 г. Малиновский посетил торжественное заседание Общества Нестора-летописца по случаю 25-летнего юбилея его существования. На заседании с сообщением "Характеристика деятельности Богдана Хмельницкого" выступил В.Б. Антонович. "Думаю, что реферат Антоновича не без дипломатической подкладки и что смысл его таков: бояться сепаратизма со стороны Малороссии – нечего, все, что малороссы могут добиваться [...] – права на свободное развитие национальных особенностей"³⁶, – делился Малиновский с адресатом.

В конце августа, наконец, Малиновский получил телеграмму из Министерства народного просвещения "с запросом, не желаю ли я быть с 1 сентября и [сполняющим] д[олжность] экстраординарного профессора в Томском университете"³⁷. Для магистранта (даже не магистра!) назначение профессором было большой удачей. Хотя Томск находился далеко от научных центров России того времени, Малиновский не прерывал работы над магистерской диссертацией. Озабоченность его друга вызвала близость тем их исследований. "Я не думаю, чтобы мы столкнулись в своих диссертациях, – успокаивал Максимейко Малиновский в письме от 7 марта 1899 г. Вероятно, ты только мимоходом коснешься двух элементов сейма – короны и панов рад, обращая внимание главным образом на панов земских. Я, наоборот, буду иметь в виду паны рады до сеймов и [...], вероятно, я остановлюсь, главным образом, на XV и первой половине XVI в."³⁸

С сожалением следует отметить, что письма самого Николая Алексеевича Максимейко (1870–1941), доктора государственного права, многолетнего профессора по кафедре истории русского права в Харьковском университете, избранного в 1925 г. членом-корреспондентом ВУАН, в обследованных архивах практически не отложились. Единственное исключение представляют письма к юристу М.П. Чубинскому за 1897–1903 гг. Они посвящены, в основном, перипетиям устройства последнего, сына известного украинского просветителя П.П. Чубинского, на службу в Харьковский университет. В одном из писем Максимейко рассказывает о своей поездке за границу³⁹.

Аналогичная ситуация – с письмами Алексея Яковлевича Шпакова (1868–1927)⁴⁰, совершенно забытого теперь автора нескольких крупных работ по русской истории XVI–XVII вв.⁴¹, доктора государственного права, более 20 лет проработавшего в одесских вузах, в том числе в 1903–1920 гг. на кафедре исто-

³⁴ ЦГИА Украины. Ф. 2042. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

³⁵ Там же. Д. 84. Л. 2.

³⁶ Там же. Д. 68. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 343. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 41. Л. 3.

³⁹ РГИА. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 258. Л. 1–21.

⁴⁰ См. о нем: *Загоровский Е.* Профессор А.Я. Шпаков (Некролог). Одесса, 1927.

⁴¹ См. например: *Шпаков А.Я.* Стоглав: Его значение для истории русского права, по поводу официального или неофициального происхождения этого памятника. Киев, 1903; *Он же.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного. Киев, 1904. Ч. 1.

рии русского права Новороссийского университета. Будучи учеником Владимирского-Буданова, он отличался от других его "аспирантов" по тематике своих работ: труды Шпакова посвящены истории не литовского права, а великорусского. Единственное найденное письмо Шпакова адресовано филологу И.А. Шляпкину. Помеченное 2 ноября 1904 г., оно содержит благодарность за присылку текста "Сказки о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникова", введенной Шляпкиным в научный оборот. "Сказка" привела Шпакова в восторг "как историка права": "Вы обнаруживаете здесь глубокое знание и тонкое понимание приказного судопроизводства во второй половине XVII в."⁴², – писал он адресату.

Несколько особняком среди учеников Владимирского-Буданова стоит Григорий Васильевич Демченко (1869 – не ранее 1939). Начав как исследователь права Великого княжества Литовского ("Наказание по литовскому статусу в его трех редакциях". Киев, 1894), затем он перешел к занятиям преимущественно современным уголовным правом и теорией права⁴³. До 1920 г. Демченко работал в Варшавском и Киевском университетах, затем эмигрировал, так же как и Ясинский, в Югославию, где был профессором юридического факультета в Суботице.

Три письма Демченко известному юристу и философу Е.В. Спекторскому описывают обстоятельства избрания последнего на вакантную кафедру истории философии права в Киеве⁴⁴. (Спекторскому суждено было стать последним ректором Университета Св. Владимира.) Открытка И.И. Янжулу повествует о маршруте заграничной поездки Демченко⁴⁵. Более информативно письмо в адрес Максимейко из Варшавы от 18 января 1898 г. Только что начавший там преподавательскую карьеру, Демченко делился своими первыми впечатлениями от Варшавского университета: "В Варшаве с внешней стороны жизнь прекрасная, благоустроенная, библиотека отличная (в три раза больше киевской). Но общественной жизни собственно нет никакой и с этой стороны Варшаву нельзя сравнивать не только с Москвой, но даже и Харьковом или с Киевом. Среди коллег есть более или менее симпатичные люди; но варшавский тон отличается от киевского или московского – нет той простоты отношений. На факультете и в совете у нас, как и везде, нелады". Особенно волновал Демченко "жесточайший, обостреннейший национальный вопрос"⁴⁶.

Таковы письма Владимирского-Буданова и его учеников. Многие из них, как показано выше, имеют значительную историографическую ценность.

Современником Владимирского-Буданова был Федор Иванович Леонтович (1883–1911) – второй "отец-основатель" школы истории "западно-русского" права, один из адептов историко-сравнительного метода. В отличие от Владимирского-Буданова, старавшегося не обременять себя никакими государственными постами, Леонтович удачно сочетал научную деятельность с административной: став уже в 35 лет доктором государственного права, он параллельно с чтением в 1865–1892 гг. лекций по кафедре истории русского права Новороссийского университета занимал в нем последовательно должности ректора (1869–1877), декана юридического факультета (1879–1881) и проректора (1881–1882). Выслужив установленный срок, он, однако, не оставил преподавания и перешел на кафедру истории русского права в Варшавский университет (до 1902 г.).

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1317. Л. 1.

⁴³ Главный труд ученого (магистерская диссертация): *Демченко Г.В.* Судебный прецедент. Варшава, 1903.

⁴⁴ ИР ЦНБ. Ф. III. № 56 499–56 501.

⁴⁵ СПб. ФА РАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 312.

⁴⁶ ЦГИА Украины. Ф. 2042. Оп. 1. Д. 71. Л. 3–3 об.

Письма Леонтовича, относящиеся к 1870–80-м гг., посвящены, в основном, выполнению служебных обязанностей. Таковы 23 письма славяноведа В.И. Григоровичу (1871–1876) с благодарностями за поздравления, присылку книг в библиотеку университета и пр.⁴⁷, письмо филологу из Вены И. Язно, объясняющее правила устройства иностранцев на работу в российские университеты⁴⁸. Таковы письма Н.А. Попову⁴⁹, А.Ф. Бычкову⁵⁰, Н.Н. Мурзакевичу⁵¹. Два письма М.И. Стасюлевичу 1873 г. содержат просьбу о помещении в редактируемом им "Вестнике Европы" статьи Леонтовича о "задружно-общинном" характере политического быта древней России⁵². (После отказа Стасюлевича статья была напечатана в ЖМНП в № 6–8 за 1874 г.) Подобного рода сюжетам посвящены и более поздние письма Леонтовича, 1894 г. – профессору Варшавского университета А.Л. Блоку⁵³, академику К.Н. Бестужеву-Рюмину⁵⁴. Последние годы жизни Леонтовича, несмотря на уход в отставку со всех постов, были наполнены активной научной работой. Продолжали выходить из печати многочисленные статьи ученого. Обстоятельства их опубликования в ЖМНП освещены в шести письмах к Э.Л. Радлову⁵⁵.

Значительно большей историографической ценностью обладают письма ученика Леонтовича, Федора Васильевича Тарановского (1875–1936). Выпускник Варшавского университета, Тарановский был доцентом и профессором Варшавского (1899–1906), Юрьевского университетов (1908–1917), Демидовского юридического лица в Ярославле (1906–1908). В 1917 г. был избран профессором Петроградского университета (еще с 1912 г. читал там лекции в качестве приват-доцента). Уехав затем на Украину, он был деканом юридического факультета Екатеринославского университета, в 1918 г. стал одним из основателей ВУАН. Однако сотрудничество с белогвардейцами в конце концов привело его к эмиграции. С 1920 г. вплоть до смерти он – профессор Белградского университета по кафедре славянских законодательств. (Таким образом, в Югославии работали три представителя школы истории "западно-русского" права.) Научная биография Тарановского складывалась так, что наряду с курсом истории русского права, он часто вынужден был читать и теоретический курс энциклопедии права.

Архивы Москвы, Киева и Петербурга содержат значительное количество писем Тарановского. Большая коллекция имеется в РО ИРЛИ. В 17 письмах Радлову (1903–1909) находится информация об издании различных статей Тарановского в ЖМНП⁵⁶. Подобные же сюжеты – в письме к редактору "Нового Слова" М.М. Гаккебуш⁵⁷ и к Н.Н. Ермолинскому – составителю сборника в память великого князя Олега Константиновича, чьим учителем законовещения был Тарановский⁵⁸. В этом же архиве хранятся и чрезвычайно важные для характеристики исторических взглядов Тарановского – семь писем к Н.П. Павлову-Сильванскому 1902–1908 гг. В этих письмах Тарановский вы-

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 86. К. 4. Д. 72. Л. 1–6; Д. 73. Л. 1–40.

⁴⁸ Там же. Ф. 239. К. 17. Д. 14. Л. 54–55.

⁴⁹ Там же. Ф. 239. К. 12. Д. 30. Л. 1–1 об.

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 120. № 881. Л. 1.

⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 603. Д. 139. Л. 1.

⁵² Там же. Ф. 293. Оп. 1. Д. 796. Л. 1–2.

⁵³ Там же. Ф. 654. Оп. 6. Д. 44.

⁵⁴ Там же. Ф. 24 (К.Н. Бестужев-Рюмин). № 24 882.

⁵⁵ Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 902. Л. 1–12.

⁵⁶ Там же. Д. 1551. Л. 1–30.

⁵⁷ Там же. Ф. 549. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.

стует как безусловный сторонник теории феодализма Павлова-Сильванского, подробно рассказывает о собственных научных планах⁵⁹.

В СПб ФА РАН хранятся пять писем Тарановского А.С. Лаппо-Данилевскому 1911–1917 гг. Знакомство двух историков произошло после того, как Тарановский начал заниматься изучением юридической идеологии русского абсолютизма XVIII в. и попросил у Лаппо-Данилевского консультацию⁶⁰. Затем переписка продолжилась в связи с обстоятельствами, сложившимися вокруг Юрьевского университета в 1915–1916 гг.: из-за приближения фронта возник план эвакуации на восток России. Тарановский выступил решительным противником этого: "Будучи насковзь человеком западным и нервным, я страшусь ссылки на дальний восток Европы и сидения в Перми, где заниматься наукою нельзя, учить будет некого и придется тянуть канитель истинно бюрократической видимости дела"⁶¹, – писал он Лаппо-Данилевскому. Но поскольку надежд на оставление университета в Юрьеве у Тарановского было немного, он обратился к Лаппо-Данилевскому с просьбой посодействовать в "причислении" к Академии наук для научной работы (такие прецеденты бывали ранее). Это позволяло остаться в Петрограде. Тарановский предполагал заняться подготовкой к изданию екатерининского Устава благочиния, что было близко его научным интересам. Судя по письмам, такое решение состоялось, и лишь февральские события 1917 г. и переезд Тарановского на Украину не дали ему завершить намеченное⁶².

Наибольшим количеством писем Тарановского обладает ИР ЦНБ НАН Украины. Это, во-первых, 58 писем к Е.В. Спекторскому⁶³. Первые письма освещают обстоятельства замещения вакантной кафедры истории русского права в Варшавском университете, поскольку "Леонтович, не возвращаясь с Кавказа, подал оттуда в отставку и кафедра освободилась"⁶⁴. Во многих письмах говорится о научной деятельности Тарановского. Так, 2 января 1914 г. он рассказывал: «Пришлось писать "Земские соборы" для Энциклопедического словаря Брокгауза – Ефрона. Увлёкся и обработал вопрос монографически: и для курса пригодится, и статья вышла, смею думать, не совсем шаблонная»⁶⁵.

Часть писем характеризуют общественно-политические позиции ученого. С началом первой русской революции он безоговорочно стал на кадетскую платформу (хотя формально не был членом партии). "За напускным англоманством лучшие традиции найдете у кадетов"⁶⁶, – уверял он адресата. Есть в письмах Спекторскому и меткие, хотя весьма субъективные оценки представителей научного мира начала века: «Питирима Сорокина я видел и слышал в нашем кружке прогрессивных деятелей в Петрограде (внедумский прогрессивный блок). Могу сказать о нем одно: не грядущий, а уже пришедший хам. Говорят, однако, что некоторые круги намечают его в "социологи" на не занятое до сих пор место Н.К. Михайловского»⁶⁷. Размышляя о современной науке, Тарановский печально констатировал: "Старики уходят в могилу, и наше

⁵⁹ Там же. Разряд. III. Оп. 2. Д. 1179–1185. Опубликованы: Письма Ф.В. Тарановского Н.П. Павлову-Сильванскому / Публ. С.И. Михальченко // Проблемы социальной истории Европы: От античности до нового времени. Брянск., 1995. С. 174–184.

⁶⁰ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 365. Л. 1.

⁶¹ Там же. Л. 7 об.

⁶² Там же. Л. 9–9 об.

⁶³ ИР ЦНБ. Ф. III. № 56 745–56 801; Ф. 43. № 256.

⁶⁴ Там же. № 56 746. Л. 1 (от 3 ноября 1902 г.).

⁶⁵ Там же. № 56 786. Л. 1 об.

⁶⁶ Там же. № 56 752. Л. 3 (от 1 декабря 1906 г.).

⁶⁷ Там же. № 56 800. Л. 3 (от 7 мая 1916 г.).

поколение становится представителем состояния русской науки. Это не воображение, не желание, а факт". А достойных представителей среди сверстников он находил немного. "Поневоле остается тесный круг, куда я отношу Вас, историков, – юристы очень слабы. Вот и варишься в приятельском соку"⁶⁸, – с грустью заключал Тарановский.

Меньше писем, адресованных В.И. Вернадскому. Их всего пять, но они важны для воссоздания научной биографии Тарановского⁶⁹. Письма проливают свет на ранее совершенно неясные обстоятельства жизни ученого на Украине во время гражданской войны. Будучи избранным деканом юридического факультета вновь открытого Екатеринославского университета, он, однако, стремился в Харьков для занятия там кафедры истории западно-русского (т.е. фактически, украинского) права, но правительство гетмана П. Скоропадского никак не утверждало украинские кафедры в университетах, и Тарановский просил Вернадского помочь и ускорить утверждение⁷⁰.

Той же осенью Тарановский принимает активное участие в создании Украинской академии наук. Формировалась она не без проблем: "Если меня оставят в намеченном составе, то я по-прежнему избираю кафедру сравнительной истории права, а на историю западно-русского права пойти не могу". Причина такой позиции в том, что на последнюю из перечисленных кафедр вначале планировался хорошо знакомый Ф.В. Тарановскому И.А. Малиновский, но оргкомитету академии не понравились его политические взгляды и его решили заменить политэкономом поляком Р.М. Орженциком. "Я хотя и не выступаю политически, – писал Тарановский – но образ мыслей Малиновского вполне разделяю, а посему возможное отставление его меня сильно смущает"⁷¹.

Тарановский, к его большому сожалению, не смог попасть на организационное собрание академии, так как железная дорога между Киевом и Екатеринославом была перерезана петлюровцами и проезд стал невозможен⁷². Вскоре историк стал участником белого движения. "Принял предложение войти в состав Особого Агитационного Отряда Отдела Пропаганды Особого Сопровождающего при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России, – сообщал он Вернадскому. – Состою в отряде с половины июля ст. ст. и работаю в нем. Побывал на Кавказе, теперь в Крыму [...] В ближайшее время еду в Симферополь и организую там курсы политического просвещения"⁷³.

Кроме писем и записок Тарановского, охарактеризованных выше, в архивах находится еще несколько: В.И. Герье – с уточнением названия статьи московского историка⁷⁴ и А.А. Боровому – об обстоятельствах представления диссертации последнего к защите в Юрьеве⁷⁵.

Подводя итог в целом, можно с уверенностью констатировать, что письма членов школы истории "западно-русского" права служат важным источником для анализа общественно-политических и научных взглядов ученых, прояснения "темных" фактов их творческих биографий.

⁶⁸ Там же. № 56 800. Л. 3 об.

⁶⁹ Там же. Ф. 1. № 27 014–27 019.

⁷⁰ Там же. № 27 014. Л. 1 (от 24 сентября 1918 г.).

⁷¹ Там же. № 27 017. Л. 1 об.–2 (от 7 ноября 1918 г.).

⁷² Там же. № 27 018. Л. 1 (от 26 ноября 1918 г.).

⁷³ Там же. № 27 019. Л. 1–2 (от 25 августа 1919 г.).

⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 70. К. 53. Д. 54. Л. 1–1 об.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 697. Л. 1–6 (пять писем от 1911 г.).

**ФОНД Н.П. ЧУЛКОВА
В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ГОРОДА МОСКВЫ**

В богатом собрании МИГМ особое место занимают фонды выдающихся москвоведов – П.В. Сытина, П.Н. Миллера, И.П. Машкова, Б.С. Земенкова, Н.П. Чулкова и др. Рукописное наследие этих ученых – неиссякаемый источник сведений по истории Москвы с древнейших времен до XX в., к которому часто обращаются историки наших дней. Настоящая работа посвящена обзору фонда Н.П. Чулкова, находящегося в МИГМ (Ф. 8168. 90 дел.).

В отличие от Сытина, Миллера и Машкова, знаменитых своими капитальными трудами и активной деятельностью в обществе по изучению Москвы имя Н.П. Чулкова менее известно¹. В круг научных интересов Николая Петровича Чулкова (1870–1940) входили генеалогия, москвоведение, архивоведение, изучение экслибрисов, некрополеведение, вспомогательные исторические дисциплины. Труды Чулкова – небольшие, но содержащие богатый фактический материал, работы в различных изданиях, обстоятельные словарные статьи, подробные рецензии и важные добавления (зачастую публиковавшиеся без подписи), редактирование и подготовка к печати многочисленных сборников архивных документов – рисуют нам скромный облик "чернорабочего науки", как называл генеалогов Л.М. Савелов.

Николай Петрович родился 12 ноября 1870 г. Его отец – Петр Петрович – служил по интеллигентской части в западных губерниях России и вышел в отставку в чине генерал-майора. После окончания историко-филологического факультета Московского университета Чулков поступает на службу в МАМЮ, переименованном после революции в Московское отделение Юридической секции ЕГАФ, затем в Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического Архива РСФСР, где проработал до 1930 г. Служба в МАМЮ, где на первых порах работой Чулкова руководил опытный архивист, историк и краевед Владимир Владимирович Шереметевский (1863–1943)² определила характер научной деятельности Николая Петровича. Одной из первоочередных задач, стоявших перед архивистами МАМЮ, было описание всего многочисленного комплекса дел, которое приходилось начинать почти с нуля. Впоследствии Чулков отмечал важные заслуги управляющего архивом Д.Я. Самоквасова, положившего начало этой работе³. В 1893–1908 гг. Чулков работал над редактированием описей и изданий архива и составлением многотомного

¹ О Н.П. Чулкове существует следующая литература: *Петрова О.В.* О родословных справочниках с рукописными дополнениями и исправлениями генеалогов // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 217–220; *Рыкова О.В.* Генеалогия и фонды личного происхождения: опыт отечественной практической генеалогии: Дис. ... канд. ист. наук. (Б-ка ИАИ РГГУ). М., 1985; *Рыкова О.В.* Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 87–92; *Рыкова О.В.* Указатель родословных из фонда Н.П. Чулкова // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 37–41; *Иванова Л.В., Матвеева О.В.* Чулков Николай Петрович // Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Библиограф. справочник / Сост. Л.В. Иванова. М., 1996. С. 176–177; *Шокарев С.Ю.* "Замечательный знаток всех Московских родословных". Николай Петрович Чулков, 1870–1940 // Краеведы Москвы. М., 1997. Вып. 3. С. 253–272.

² О нем см.: *Ткачева Н.К.* Старейший архивист В.В. Шереметевский // СА. 1978. № 2. С. 37–38; *Ястржембский Д.А.* Московский архивариус. Владимир Владимирович Шереметевский, 1863–1943 // Краеведы Москвы. Вып. 3. С. 211–227.

³ *Чулков Н.П.* Д.Я. Самоквасов как управляющий МАМЮ // Древности: Труды Археографической комиссии ИМАО. М., 1914. Т. XXIII, вып. 2. С. 428–439.

"Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ". Возглавив в 1908 г. отделение Литовской метрики (содержавшее архив Великого княжества Литовского), Чулков составил план описания документов, по которому и была начата работа.

Архивный материал всегда для Чулкова был основой в его научных изысканиях. Недаром А.А. Новосельский говорил, что всю жизнь руководствовался примером В.В. Шереметевского, Н.П. Чулкова и С.К. Богоявленского, от которых вынес убеждение, что "историк, не работающий в архиве, не может называться ученым"⁴.

Основные труды Чулкова в дореволюционный период – исследования по генеалогии родов Де-Витте, кн. Хованских, гр. Зотовых, кн. Прозоровских и других, а также многочисленные статьи в "Русском биографическом словаре" (Чулков был редактором 4 и 5-го томов) и других биографических изданиях. Эти работы снискали Николаю Петровичу славу знатока русской истории XVII–XIX вв. и ее источников. Десять ученых и краеведческих обществ Москвы, Петербурга и других городов избрали Чулкова своим членом. Из них стоит выделить императорское Московское археологическое общество (ИМАО) и Историко-родословное общество в Москве (ИРО).

Избранный в 1899 г. членом ИМАО, Чулков в 1907 г. вошел в созданную обществом комиссию "Старая Москва", которой было суждено, пережив само ИМАО, сыграть важную роль в изучении Москвы и Московского края в 1920-е годы. В 1905 г. Чулков становится членом-учредителем, членом Совета и секретарем ИРО, основанного выдающимся русским генеалогом Л.М. Савеловым. Этому обществу принадлежит ведущая роль в развитии отечественной генеалогической науки в начале XX в. Чулков участвовал в издательской деятельности общества, печатая свои труды в "Летописи ИРО", редактировал сборник научных трудов, посвященный Л.М. Савелову. В связи с этим у Чулкова хранились и вошли в его фонд (ОРФ ГЛМ. Ф. 230, насчитывающий 506 ед. хр. сер. XIX в. – 1941 г.) рукописи трудов и подготовительные материалы к ним многих генеалогов – В.В. Руммеля, Г.А. Власьева, Ю.В. Арсеньева, Н.В. Мятлева и др. Важно, что после революции Чулков не только не оставил занятий генеалогией, объявленной чуждой новому строю наукой, но и продолжал публиковать генеалогические исследования, включая их, согласно конъюнктуре времени, в русле евгеники и литературоведения. Чулков даже находил возможность преподавать генеалогии наряду с геральдикой и сфрагистикой в Московском университете, Институте философии, литературы и истории, Историко-архивном институте в 1929–1933 гг.

После революции Москва занимает значительное место в научной и общественной деятельности Чулкова. Подобно другим членам "Старой Москвы" он активно участвовал не только в изучении истории Москвы, но и в охране ее памятников. В 1921–1930 гг. он был членом различных органов охраны московского некрополя и занимался составлением списков выдающихся деятелей, погребенных на кладбищах Москвы.

Труды Чулкова по московской тематике разнообразны: это места в Москве, связанные с деятельностью декабристов и литераторов, история отдельных местностей, улиц, домов. Активно участвуя в деятельности "Старой Москвы", Чулков стал членом ее юбилейных комиссий – декабристской, пушкинской, толстовской, комитетов по увековечению памяти Ф.М. Достоевского и А.С. Грибоедова. Задачи комиссий были схожи – увековечение памяти писателя, выявление мест, связанных с его жизнью и творчеством, поиск новых мате-

⁴ Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского, М., 1975. С. 18.

риалов, сбор воспоминаний. Занятия темой "Москва литературная" сблизили Чулкова с организатором Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичем. В 1932 г. Чулков поступил на работу в комиссию по созданию ЛМ и в дальнейшем проработал в музее вплоть до своей смерти.

Историческая топография Москвы интересовала Чулкова еще с начала 1920-х годов. На заседаниях "Старой Москвы" им были прочитаны доклады: "О планах (1790 и 1804 гг.) местности, где стояли Спасские Водяные ворота" (1922), "Об истории здания Малого Театра" (1924), "О домах В.И. Баженова в Москве по архивным данным" (1924). Работа над темой "Декабристы в Москве", начатая в связи со 100-летним юбилеем восстания, и изучение московских адресов литераторов еще больше углубила интерес Чулкова к истории московских улиц и домов.

Видимо, начало собиранию материалов по исторической топографии Москвы, составляющих основу фонда Чулкова в МИГМ, было положено Николаем Петровичем в 1920-е годы. В 1934–1937 гг. как знаток старой Москвы Н.П. Чулков вошел в состав историко-архивной бригады по строительству московского метрополитена, которую возглавлял Миллер. И.Л. Андроников, оставивший проникновенные воспоминания о Н.П. Чулкове, так описывает его работу в комиссии по строительству метрополитена: "Он так хорошо знал эту старую Москву, что когда строили первую очередь метро, обратились к нему за советом. Один он мог точно указать, где в районе Остоженки... были в старину глубокие подвалы и старые, заброшенные колодцы, которые могли встретить на своем пути строители метро.

Старик повел комиссию по Остоженке и прилегающим к ней переулкам – палочкой указывал границы бывших барских особняков, объяснял, в каком углу двора был погреб, в каком – колодец"⁵.

Здесь надо сказать об одной удивительной способности Чулкова – его феноменальной памяти. "Обладает совершенно изумительной памятью, благодаря которой является живой энциклопедией для всевозможных справок"⁶, – писал В.Д. Бонч-Бруевич. "Уж никто лучше него не мог сказать Вам, кто к кому ходил в гости, где чей дом стоял и где кто умер. На все эти вопросы, если только в его силах было ответить на них, Николай Петрович давал самые подробные разъяснения. И чаще всего прямо на память. А память у него была изумительная"⁷.

Несомненно, память Чулкова охватывала не только множество биографических и генеалогических сведений о московском и русском дворянстве и купечестве XVII–XIX вв., но и сведения об исторической топографии. В этом отношении воспоминания Андроникова о работе Чулкова в комиссии по строительству метро, рисующие его способность как бы видеть сквозь время и землю, не кажутся преувеличением. Той же способностью соотносить архивные данные об исторической топографии с видом местности, измененном временем, обладал и П.Н. Миллер⁸.

Результатом работы Чулкова в комиссии по строительству метрополитена стала его статья "Застройка по трассе от Кропоткинских ворот до Теплового переулка" в сборнике "По трассе первой очереди метрополитена". Структура статьи, подробно освещающей историю домовладения этого района, свидетельствует, что ее основой являлись собранные Чулковым подготовительные материалы по исторической топографии. Эти же материалы были исполь-

⁵ Андроников И.Л. Я хочу рассказать Вам... : Рассказы, портреты, очерки, статьи. М., 1971. С. 18.

⁶ Цит. по: Рыкова О.В. Генеалогия и фонды личного происхождения... С. 70–71.

⁷ Андроников И.Л. Указ. соч. С. 18.

⁸ См.: Рабинович М.Г. Неутомимый москвовед Петр Николаевич Миллер. 1867–1943 // Краеведы Москвы. 1995. Вып. 2. С. 106.

зованы Н.П. Чулковым при написании путеводителя "Пушкинская Москва", составленном в соавторстве с П.Н. Миллером и Н.Р. Левинсоном к 100-летию юбилею со дня смерти поэта.

Николай Петрович Чулков скончался 3 ноября 1940 г. и был погребен на Новодевичьем кладбище. Часть архива, включающая рукописи его статей, родословные росписи дворянских и купеческих родов, труды и материалы других генеалогов, коллекцию документов, была передана в 1941 г. его сестрой Ольгой Петровной Жуковой в ГЛМ, откуда некоторые материалы попали в РГАЛИ (Ф. 544, содержащий 68 ед. хр. за 1826–1938 гг.). Материалам Чулкова, находящимся в ГЛМ, посвящена статья О.В. Рыковой⁹. Судьбу другой части, включающей материалы по истории Москвы, освещает Д. 90 в фонде Н.П. Чулкова в МИГМ (папка с надписью "Архив Н.П. Чулкова" (дело начато в марте 1941)). На обороте папки рукой Н.П. Миллера сделаны следующие записи:

"Н.П. Чулков умер 3.XI.40 г. в 11 ч. утра; кремация б.XI. в 23 1/4; похороны на Новодевичьем кладбище 15.XII в 14 ч.¹⁰

29.XII 1940. Были у О.П. Жуковой и условились насчет архива.

20 января 1941 были у О.П. и взяли первую пачку архива Н.П. Чулкова (33 тетради).

21 января 1941 сын О.П. принес еще 5 пачек архива¹¹.

16.VI.41 из Исторического музея вернули часть книг¹².

Находящаяся в папке справка С.К. Богоявленского и П.Н. Миллера о значении архива Н.П. Чулкова (датирована 8 мая 1941 г.) свидетельствует, что архив был приобретен Институтом истории АН СССР. За один печатный лист материалов была назначена цена в 150 руб., а всего приобретено 15 печатных листов¹³. Там же находится опись архива, составленная Миллером.

В 1954 г. архив был передан из Института истории в Музей истории и реконструкции города Москвы. В отделе документальных фондов МИГМ находится рукопись (43 л.) И.Л. Огороковой "Архив Н.П. Чулкова как источник по исторической топографии города Москвы (по материалам фонда, находящегося в Музее истории города Москвы)", написанная после 1987 г. В ней автор приводит дату поступления архива в музей (1954), к сожалению, не указывая источника этого сообщения¹⁴.

Работа Огороковой содержит значительный историографический обзор. Подробно рассматриваются основные этапы изучения исторической топографии Москвы, связанные с трудами И.М. Снегирева, И.Е. Забелина, Н.А. Скворцова, П.В. Сытина и других исследователей. Биографические сведения о Чулкове кратки и не всегда точны, но архив исследован подробно и в приложении дано его описание.

Прежде чем рассмотреть выводы Огороковой, обратимся к самому архиву.

⁹ Рыкова О.В. Указатель родословных из фонда Н.П. Чулкова // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж, 1993. Вып. 2. С. 37–42.

¹⁰ Эта запись дает возможность точно определить дату смерти Чулкова. Извещение о смерти (Вечерняя Москва. 1940. 4 нояб.) ошибочно говорит, что Чулков скончался 2 ноября 1940 г. Показания Миллера подтверждаются и другим архивным источником – приписками к родословной Чулковых, сделанными, видимо, О.П. Жуковой. См.: ОРФ ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 92. Л. 21 об.

¹¹ Константин Евгеньевич Жуков (род. в 1913 г.).

¹² МИГМ. Ф. 8168. Д. 90. Л. 1 об. (171 об.). Судьба библиотеки Чулкова мало известна. Часть книг находится в собрании ГЛМ. См.: Петрова О.В. О родословных справочниках с рукописными дополнениями и исправлениями генеалогов // АЕ за 1976 год М., 1977. С. 217–220. В собрании МИГМ книги Чулкова нам не встречались.

¹³ МИГМ. Ф. 8168. Д. 90. Л. 2. (172).

¹⁴ Огорокова И.Л. Архив Н.П. Чулкова как источник по исторической топографии Москвы: По материалам фонда, находящегося в МИГМ. С. 12, 13. Рукопись.

Основное место в материалах занимают тетради (1–59, 61–64, 67, 74–78), в которых содержатся сведения по истории домов, приведенных в порядке сплошной застройки по улицам. К примеру, история д. № 10 по Большой Кисловке освещается Н.П. Чулковым так:

"Б. Кисловка. Д. 10.

1629 два двора: 1) Федора Стрешнева; 2) Ивана Матюшкина.

XVII век: 1) Ивана Федоровича Стрешнева на углу Кисловки (сборник чертежей В.И. Ламанского, черт. XV) [...] 2) Ивана Павл. Матюшкина. Слева Кисловка.

1702 – боярина Петра Ив. Матюшкина (План XVII в. "Старая Москва". Вып. 1. Стр. 67, воспроизвед. у Гильденберга. Стр. 51).

1725 стл. Ив. Петр. Матюшкина.

– его жены Прасковьи Петровны.

1738 его сына, отставного прапорщика Ив.Ив. Матюшкина, в приходе у Бориса и Глеба, 42 × 38 кв. саж., между двором М.Г. Нарышкина и Кисловкой (Пер. кн. 1, 34, № 151). 2) Камергера Мих. Григ. Нарышкина, в приходе у Дмитрия Селунского, 39 × 20 кв. саж., между переулком и двором И.И. Матюшкина (Пер. кн. 1, 34, № 150).

1751 сына И.И. Матюшкина, секунд-майора Петр Ив. Матюшкина (Пер. кн. VII, 58).

1763 его же, палаты и двор, правее сада. Справа и сзади двор графа К.Г. Разумовского (П.к. № 3447, д. 21).

1765 28 марта кн. Дм. Мих. Голицына, купил за 200 р. по Воздвиженке 374 [слово неразб.], по Кисловке 57 с., справа 40 с., сзади 33 с. (акт. кн. X, 134, 196).

– генерал-майора кн. Мих. Голицына.

1773 20 июля прокурора полоцкого наместничества Матвея Вас. Зиновьева.

1778 каменный двухэтажный дом с подъездом с Кисловки (П.к. 621, д. 36).

1781, 13 марта Екат. Елафорд. купила за 9500 р. часть владения, выходявшего на Воздвиженку; задняя часть 19 марта продана соседу слева полковнику Степ. Гавр. Племянникову (акт. кн. XII, 120).

1797 ее же.

1809 № 334 тайн. сов. Е.Е. Масловой, 13 покоев.

1815 подполковника Ив. Ари... [неразб.] Терского. В 1812 главный корпус уцелел, службы и конюшни сгорели.

1817 № 334/32 его же, 13 покоев.

1818 его же, строится дом.

1828 ген.-майора Фед. Ив. Мосолова, 44 покоев.

1832 № 328/124 его же, 42 покоев.

1837 его же, оценка 102 000 р. асс.

1849 №№ 124 отставного поручика Ник. Петр. Воейкова. По Никифорову ("Из прошлого Москвы, 109") принадлежал Степ. Никол. Воейкову, долго пустовал.

1850 полковника гр. Александра Дм. Толстого.

1851 его же, 67 1/2 покоев.

1856 его же, построен новый дом. По словам гр. М.Д. Бутурлина дом построен в 1850-х гг. для графа Ник. Дм. Толстого французским архитектором Симоном из белого камня – плитами (Рус. арх. 1898, 1, 414).

– племянников его Лачиновых.

1859 апрель Ив. Фед. Базилевского.

1867 № 123 действ. ст. сов. Фед. Ив. Базилевского, золотопромышленника.

1882–1900 его же. В это время в доме жил. св. кн. Петр Гр. Волконский, затем здесь был литературно-художественный кружок.

1906 графини Екат. Леонт. Игнатъевой.

1906–1917 – Экономического общества Московского военного округа. Экономическое общество купило владение в 1906 г. и разместилась первоначально во флигеле, где раньше были меблированные комнаты (Базилевского). В 1910 г. был объявлен конкурс на проект эксплуатации владения с устройством помещений для нужд общества и доходных домов. В 1912–1913 выстроен на месте сада перед домом по принятому к руководству проекту, но при осуществлении радикально измененному согласно выявившимся при разработке хозяйств. соображениям пятиэтажный дом построен по проекту и под наблюд. арх-ра С.Б. Залесского (Путевод. Арх. общ. 298–300).

После революции помещается кооператив Московского военного округа¹⁵.

Этот отрывок показывает степень полноты и точности сообщаемых Чулковым сведений и его источниковую базу. Как видно, Чулков использовал данные Актových и Переписных книг, дела Управы благочиния и другие архивные материалы, а также разнообразную литературу.

¹⁵ МИГМ. Ф. 8168. Д. 22. Л. 23 об – 24 об.

Тетради Чулкова, как отметили Огорокова, составляют две основные группы. В тетрадах 1, 10, 15, 16, 20, 21, 23, 32, 34, 37, 55, 57–62 материал расположен по топографическому принципу и охватывает местности улиц Арбата, Мещанских улиц, Маросейки, Лубянки, Моховой, Покровки, Большой и Малой Никитских, Поварской, Тверской, Басманной, Остоженки, Пречистенки с прилегающими переулками. В тетрадах 11, 12, 17, 19, 25–31, 33, 35, 38–45, 47–54, 61 материал расположен по алфавиту улиц от Арбата до Яузского бульвара. Наконец, тетради 13, 14, 22, 24, 46, 56, 63, 64, 67, 74–78 содержат бессистемные заметки по истории различных домовладений, улиц и церквей.

Видимо, первоначально материал располагался в более упорядоченном виде. Описи архива 1941 (П.Н. Миллера) и 1949 свидетельствуют, что в это время архив находился в связках, причем расположение тетрадей было произвольным. После разделения на дела (в данном случае – тетради), принятая нумерация отразила порядок размещения материала в связках. Этим и объясняется несоответствие нумерации внутреннему строю расположения материала. Так, тетради 25, 26 включают историю домовладений по улицам на букву "А"; 27, 28 – "Б"; 30, 47 – "В", 48 – "Г", тетради 49–54 от "Д" до "К", затем нумерация снова сбивается – "Л" – 17, "М" – 31 и т.д.

Огромное значение материалов Чулкова несомненно. Как отметила Огорокова, заслугой Чулкова является то, что он собрал сведения по рядовой застройке старой Москвы. По материалам Чулкова можно восстановить историю практически любого здания в центре Москвы.

Именно это привлекает к архиву Чулкова современных исследователей – москвоведов и архитекторов. Но, к сожалению, используя данные Чулкова, далеко не все исследователи указывают источник своих сведений. Публикация материалов Чулкова привела бы к более корректному обращению с авторскими правами ученого и одновременно сделала бы эти сведения доступными для широкого круга исследователей.

Огорокова выделяет в тетрадах Чулкова три стадии обработки материала. Сведения по истории сплошной застройки, расположенные по топографическому принципу, представляют собой последнюю степень обработки; данные, размещенные по алфавитному принципу, отражают стадию отбора и являются подготовительными; наконец, существуют черновые разрозненные заметки¹⁶. С этим наблюдением можно согласиться, однако, не следует полагать, что Чулков собирал материалы сначала по алфавиту улиц, а затем группировал их по топографии. Видимо, тетради с топографическим и алфавитным расположением материала составлялись одновременно, дополняя друг друга, однако, ряд районов Чулкову был известен лучше, отсюда и большая насыщенность "топографических" тетрадей.

Одним из любимых Чулковым районов была Остоженка. В МИГМ находится рукопись его работы "Остоженка. Исторический очерк застройки и заселения улицы с XIV по XX век"¹⁷. В сокращенном виде эта статья была опубликована в сборнике комиссии по строительству метрополитена¹⁸.

Соседнему с Остоженкой району Чулков посвятил доклад "Прошлое территории Парка культуры и отдыха", прочитанный на заседании "Старой Москвы" в 1929 г.¹⁹. Текст его доклада – (21 лист машинописи) – находится в МИГМ²⁰.

¹⁶ Огорокова И.Л. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁷ МИГМ. Ф. 8168. Д. 69.

¹⁸ Чулков Н.П. Застройка по трассе от Кропоткинских ворот до Теплового переулка // По трассе первой очереди московского метрополитена. Л. 1936. С. 52–57.

¹⁹ См. об этом: Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989. С. 149.

²⁰ МИГМ. Ф. 8168. Д.82.

Кроме этих рукописей в МИГМ находится еще один труд Чулкова – "Заметки по истории домов, находящихся под охраной Губмузея"²¹. По всей видимости, это второй экземпляр и черновые материалы работы, составленной Николаем Петровичем для музейного отдела МОНО, о котором упоминает характеристика, данная Чулкову в конце 1930-х годов²². Чулков рассказывает об истории знаменитых зданий Москвы – Голицынской больницы, "дома-комода" Трубечких, палат Аверкия Кирилова, Лефортовского дворца, Малого и Большого театров, Английского клуба и др. Полный список этих зданий, включающий 219 памятников, составлен О कोरोковой²³.

Кроме этого, немаловажное значение имеют и другие материалы Чулкова, носящие в основном справочный характер: список мест, где жил и бывал А.С. Пушкин в Москве; друзья и знакомые А.С. Пушкина в Москве²⁴; заметки о местности Нескучного сада; хронология событий в Москве с 1147 по 1489 г.; картотека по усадьбам различных губерний с указанием библиографии; список московских генерал-губернаторов, вице-губернаторов и обер-полицеймейстеров с конца XVIII в., также с указанием литературы; заметки о погребенных на Ваганьковском кладбище (по участкам), в том числе и сделанные во время визуального осмотра могил; планы различных домовладений и местностей²⁵.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что публикация тетрадей Н.П. Чулкова со сведениями по исторической топографии Москвы, несмотря на сложность их подготовки к печати, явилась бы важным и благодарным делом, поскольку материалы, собранные Николаем Петровичем, не только не утратили своего значения, но еще долго будут крупнейшим достижением москвоведения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список улиц, история домовладений по которым освещена у Н.П. Чулкова

Александровская ул. (25)*	Бахметьевская ул. (27)
Алексеевская ул. (24)	Берсеневская наб. (27), (36)
Андреановский пер. (9), (10)	Благовещенский пер. (27)
Антиповский пер. (25), (56), (61)	Богословский пер. (26), (24)
Аптекарский пер. (61)	Богословский пер. на Бронной (27)
Арбат ул. (1–4), (24), (25), (56)	Богословский пер. на Дмитровке (27)
Арбатская пл. (1), (6), (57)	Богоявленский пер. (53)
Армянский пер. (11), (56)	Божедомка Новая ул. (27)
Архангельский пер. (11), (12), (25)	Божедомка Старая ул. (27)
Афаньевский Большой пер. (1), (5), (6), (25), (26), (56), (57), (62)	Боженинский (Божениновский) пер. (27), (46)
Афанасьевский Малый пер. (6)	Болвановка ул. (64)
Баннный пер. (10)	Болвановка Большая ул. (36)
Басманная Новая ул. (22–24), (56)	Болвановка Верхняя ул. (27)
Басманная Старая ул. (28), (56)	Больничный пер. (9), (10)
	Борисоглебский пер. (18), (27), (56)
	Бронная Большая ул. (6)

²¹ Там же. Д. 65, 66.

²² ОРФ ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 333. Л. 2.

²³ О कोरोкова И.Л. Указ. соч. Прил. С. 1–4.

²⁴ Эти материалы связаны с работой Н.П. Чулкова в Пушкинской комиссии "Старой Москвы" в 1927 г. Список мест, где жил и бывал А.С. Пушкин в Москве, был составлен Н.П. Чулковым совместно с Н.П. Розановым. См.: Миллер П.Н. Пушкинская комиссия "Старой Москвы" // Московский краевед. М., 1927. Вып. 2. С. 87.

²⁵ МИГМ. Ф. 8168. Д. 68–87.

* В скобках даются номера тетрадей.

Бронная Малая ул. (6–8), (22), (24)
Брюсовский пер. (59), (59)
Бутинковский (Бутиковский) пер. (5), (32), (58)
Бутырская ул. (27)

Ваганьковский пер. (24), (90)
Варварка ул. (29), (53)
Варсонофьевский пер. (14), (29)
Васильевский пер. (8)
Введенский пер. (90)
Вишняковский пер. (8)
Власьевский Большой пер. (29), (57)
Власьевский Малый пер. (2), (36), (57), (62)
Воздвиженка ул. (20), (22), (29), (57)
Воздвиженский Большой пер. (29)
Воздвиженский 2-й пер. (35)
Вознесенская ул. (29)
Волков пер. (29)
Волхонка ул. (29), (36), (61)
Волхонский 2-й пер. (29)
Воробьевы горы (24)
Воронцово поле ул. (47)
Воротниковский пер. (22), (56), (57)
Воскресенская пл. (47)
Всеволожский пер. (32), (47), (58)
Всехсвятская ул. (24), (47)
Вятская ул. (47)

Гагаринский пер. (5), (47), (56), (57)
Газетный пер. (24), (59)
Гарднеровский пер. (47)
Гендриков пер. (47)
Георгиевский пер. (15), (47), (59)
Глазовский пер. (47)
Глинищевский пер. (24), (47), (59)
Гнездиновский Большой пер. (47)
Гнездиновский Малый пер. (59)
Гоголевский бульв. (57)
Годениновский пер. (3), (4), (13), (25), (47)
Голутвинский 1-й пер. (47)
Гончарная ул. (48)
Гончарный 1-й пер. (48)
Гончарный 2-й пер. (48)
Гороховская ул. (36), (48)
Гранатный пер. (48)
Грохольский пер. (10), (48)
Грузинская Большая ул. (48)
Грузинская Малая ул. (48)
Грузинский пер. (48)
Грузины (24)
Гусятников пер. (48)

Даев пер. (29)
Даниловская ул. (50)
Девичье поле (24)
Девичьего поля проезд (46), (49)
Десяткинский пер. (49)
Дегтярный пер. (22), (42), (49)
Демидовский Большой пер. (49)
Денежный пер. (25), (49), (56)
Денисовский пер. (49)
Дербеневский пер. (49)
Дмитровка ул. (64)
Дмитровка Большая ул. (19), (36), (49), (56), (59)

Дмитровка Малая ул. (49), (56)
Доброслободский пер. (50)
Долгий пер. (50)
Долгоруковская ул. (8), (60), (61)
Долгоруковский пер. (50), (59)
Домниковская ул. (22), (50)
Донская ул. (50)
Дорогомилловская Большая ул. (50), (50)
Дурасовский пер. (50)
Дурнов пер. (32)
Дурновский пер. (50), (64)

Екатерининская пл. (36)
Елоховская ул. (36), (40)
Ермолаевский пер. (7), (22)
Еропкинский пер. (32), (51), (57), (58)

Житная ул. (51)

Зарядье (51)
Зацепа ул. (51)
Зачатьевский пер. (51)
Зачатьевский 1-й пер. (58)
Зачатьевский 2-й пер. (32)
Зачатьевский 3-й пер. (32)
Звонарский пер. (51)
Златоустинский пер. (15)
Златоустинский Большой пер. (51)
Златоустинский Малый пер. (51)
Знаменка ул. (11), (51)
Знаменский пер. (61)
Знаменский Большой пер. (51)
Знаменский Малый пер. (20), (22), (24), (29), (51)
Золоторожская ул. (51)
Зубовская пл. (51)
Зубовская ул. (46), (51)
Зубовский бульв. (36), (51), (56–58)
Зубовского бульвара пр-зд (32)

Ивановский Большой пер. (52)
Ивановский Малый пер. (52), (63)
Ивановский пр-зд (52)
Ильинка ул. (53)
Ильинский пер. (32)
Ильинский 2-й пер. (52)
Ипатьевский пер. (53)
Ильинский пр-зд (58)

Кабачкий пер. (52)
Кадашевская наб. (52)
Казенный Малый пер. (52)
Каковинский Малый пер. (52)
Каланчевская ул. (52)
Калашный пер. (52)
Калошин пер. (52)
Калужская ул. (24)
Калужская Большая ул. (36), (52)
Калужская Малая ул. (52)
Камергерский пер. (59)
Капельский пер. (9)
Каретный Большой пер. (52)
Каретный ряд ул. (56)
Кирочный пер. (52), (61)
Кисельный Большой пер. (14), (52)
Кисельный Малый пер. (52)
Кисловка ул. (21)

Кисловский Большой пер. (22), (52), (57)

Кисловский Малый пер. (52), (56)

Кисловский Нижний пер. (22)

Кисловский Средний пер. (52)

Китай город (53)

Козихинский Большой пер. (6), (54)

Козицкий пер. (59)

Козловский Большой пер. (54)

Козловский Малый пер. (54)

Колодезная ул. (54)

Колошин пер. (25), (56), (62)

Колпачный пер. (36), (54), (64)

Комиссариатская наб. (54)

Конюшенная ул. (45)

Конюшковский Большой пер. (54)

Конюшковский Малый пер. (12), (54)

Копьевский пер. (59)

Коровий брод ул. (36), (54)

Косомедьяновский пер. (54), (59)

Котельническая наб. (54)

Кочки ул. (46)

Кошельная ул. (24)

Крапивенский пер. (54)

Красносельская ул. (54)

Кремль (53)

Кремлевская наб. (61)

Крестовоздвиженский пер. (11), (22)

Кречетниковский пер. (11)

Кривоарбатский пер. (2), (11), (25)

Кривоколенный пер. (11), (12)

Кривоникольский пер. (13), (18)

Кропоткинский пер. (57), (58)

Кудринская пл. (12)

Кудринский пер. (12)

Кузнецкий мост ул. (19), (24)

Кузнецкий пер. (59)

Кукуйский пер. (56)

Лаврушенский пер. (17)

Лебяжий пер. (56)

Левшинский Большой пер. (14), (19), (33), (57)

Левшинский Малый пер. (57)

Ленивка ул. (29)

Леонтьевский пер. (24), (59)

Лесная ул. (56)

Лесной пер. (32)

Лесной Нижний пер. (32), (58)

Лопухинский пер. (58)

Лубянка ул. (24)

Лубянка Большая ул. (14), (15), (19), (29)

Лубянка Малая ул. (14), (15)

Лубянская пл. (15), (53)

Лубянский пр-зд (15)

Лужнецкая ул. (17)

Лужники (24)

Лялин пер. (17)

Мажуровский пер. (32)

Мамонтовский пер. (17)

Мансуровский пер. (57), (58)

Маросейка ул. (15), (16), (31)

Марьяна роща (56)

Масленников пер. (10)

Медвежий пер. (42)

Медынский тупик (56)

Мерзляковский пер. (17), (61)

Мертвый пер. (19), (57)

Мещанская 1-я ул. (9), (56)

Мещанская 2-я ул. (9), (10)

Мещанская 3-я ул. (10), (56)

Мещанская 4-я ул. (31)

Милютинский пер. (13), (14)

Моисеевская пл. (31)

Молочный пер. (32)

Молчановка Большая ул. (13), (18), (56)

Молчановка Малая ул. (18), (39)

Монетный Старый пер. (31)

Монтъевский пер. (56)

Моховая ул. (20–22), (24), (31), (36), (56), (64)

Мясницкая ул. (13), (15), (24), (31), (36)

Мясницкий пр-зд (13), (15), (31)

Напрудная слобода (24)

Нашокинский пер. (57)

Неглинная ул. (19)

Неглинный пер. (61)

Неглинный пр-зд (24)

Немецкая слобода (61)

Немецкая ул. (61)

Неопалимовский 1-й пер. (61)

Несвижский пер. (61)

Нескучный сад (24)

Никитская Большая ул. (7), (21), (24), (34), (59), (64)

Никитская Малая ул. (36), (56), (57), (59)

Никитская ул. (20)

Никитский бульв. (36), (61)

Николаевский Большой пер. (4)

Николаевский Малый пер. (4)

Николо-Воробьевский пер. (61)

Николо-Заяцкий пер. (61)

Николопесковский Большой пер. (25)

Николопесковский Малый пер. (25), (56)

Николо-Ямская ул. (36), (43)

Никольская ул. (53), (56)

Никольский пер. (56)

Новинский бульв. (12), (56), (61)

Новоконюшенный пер. (61)

Новотихвинская ул. (61)

Обжорный пер. (33)

Оболенский пер. (33), (46)

Обухов пер. (14), (19), (33)

Овчинниковский Большой пер. (33)

Овчинниковский Малый пер. (33)

Овчинниковский Средний пер. (33)

Ордынка Большая ул. (33)

Оружейный пер. (33)

Остоженка ул. (24), (32), (46), (56), (58), (60), (64)

Павловская ул. (36)

Патриарший пер. (35)

Петровсригский пер. (16), (35)

Петровка ул. (19), (35), (36), (56)

Петровский бульв. (24), (35)

Петровский парк (24)

Петропавловский пер. (63)

Пименовская ул. (35)

Плотников пер. (3), (25), (35)

Плющиха ул. (35), (46)

- Поварская ул. (3), (17), (30), (55), (56)
 Погодинская ул. (56)
 Подколокольный пер. (36), (63)
 Подкопаевский пер. (63)
 Покровка ул. (36), (56)
 Покровский бульв. (36), (56), (63)
 Полуэжтов пер. (24), (32), (57), (58)
 Полянка Большая ул. (36)
 Померанцев пер. (32)
 Посланников пер. (61)
 Почтовая ул. (35)
 Предтеченская Большая ул. (35)
 Предтеченский Верхний пер. (35)
 Предтеченский Нижний пер. (35)
 Пресненская Большая ул. (35)
 Пресненская Средняя ул. (35)
 Пречистенка ул. (14), (32), (36), (37), (56), (57), (58)
 Пречистенка наб. (32), (58)
 Пречистенские ворота (37)
 Пречистенский бульв. (37), (56), (57)
 Протопоповский пер. (10)
 Прудовый пер. (35)
 Путинниковский пер. (35)
 Пятницкая ул. (35)
- Р**
 Расторгуевский пер. (38)
 Раушская наб. (38)
 Ржевский пер. (18), (38)
 Рождественская ул. (19), (38)
 Рождественский бульв. (13), (38), (56)
- С**
 Савеловский пер. (32), (39)
 Савинский пер. (47)
 Садовая ул. (24), (42), (56)
 Садовая Большая ул. (8), (22), (39)
 Садово-Земляная ул. (36), (51)
 Садово-Кудринская ул. (8), (12), (36), (39)
 Садово-Самотечная ул. (39)
 Садово-Спасская ул. (22)
 Садово-Триумфальная ул. (56)
 Садово-Черногрязская ул. (22)
 Салтыковский пер. (59)
 Самарский пер. (10)
 Самокатная ул. (39)
 Самотека ул. (24)
 Свиный пер. (64)
 Селезневская ул. (39)
 Сенная пл. (3)
 Серебряный пер. (4), (36), (39)
 Серединский пер. (9)
 Серпуховская Большая ул. (35)
 Серпуховской Малый пер. (17)
 Сивцев вражек ул. (5), (56), (57), (62)
 Скатертный пер. (17), (40)
 Смоленская-Сенная пл. (36), (41)
 Смоленская пл. (4)
 Смоленская ул. (41)
 Смоленский бульв. (14), (24), (41), (56), (57)
 Собачья площадка пл. (18), (36), (40)
 Соймоновский пр-зд (32), (58)
 Сокольниче шоссе (40)
 Солянка ул. (24), (36), (40), (63)
 Соляновский пр-зд (15)
 Софийская наб. (36), (40)
- С**
 Спасо-Глинищевский пер. (16), (36)
 Спасопесковский пер. (5), (25), (40)
 Спасская Большая ул. (40)
 Спиридоновка ул. (40), (56)
 Спиридоновский пер. (7), (8)
 Сретенский бульв. (13)
 Сретенский пер. (14), (15)
 Старая пл. (53)
 Старокирочный пер. (35)
 Старокопищенский пер. (2), (24), (25), (40), (56), (57), (61), (64)
 Старопанский пер. (53)
 Старопименовский пер. (22), (40), (42), (64)
 Старосадский пер. (16), (36), (40)
 Столешников пер. (40)
 Столовый пер. (17)
 Страстная пл. (42), (56)
 Страстной бульв. (56)
 Сушевская ул. (40)
 Сыромятинский пер. (40)
 Сытинский пер. (6), (40)
- Т**
 Тверская ул. (17), (18), (36), (42)
 Тверская-Ямская ул. (42)
 Тверской-Ямской пер. (8)
 Тверской бульв. (6), (15), (36), (42), (56), (59)
 Театральная пл. (36)
 Теплый пер. (46)
 Тишинская пл. (8)
 Токмаков пер. (42)
 Толмачевский пер. (36)
 Толмачевский Большой пер. (42)
 Толстовский Большой пер. (42), (56)
 Трехпрудный пер. (17), (61)
 Трехсвятительский Большой пер. (56), (64)
 Трехсвятительский Малый пер. (56), (63), (64)
 Трифоновская ул. (9)
 Троилинский пер. (4), (25), (64)
 Троицкий 1-й пер. (42), (58)
 Трубецкая ул. (43), (46)
 Трубниковский пер. (11), (56), (61), (64)
 Трубный Малый пер. (61)
- У**
 Усачев пер. (43)
 Успенский пер. (56)
 Успенский Большой пер. (43)
 Успенский Малый пер. (43)
 Ушаковский 1-й пер. (32), (58)
 Ушаковский 2-й пер. (32), (43), (58)
 Ушаковский 3-й пер. (32)
- Ф**
 Филипповский пер. (6), (32)
 Фуркасовский пер. (15)
 Фурманский пер. (22)
- Х**
 Хамовники (24), (44)
 Хамовническая наб. (44)
 Хамовническая ул. (46)
 Хамовнический 3-й пер. (46)
 Харитоньевский пер. (22), (44)
 Харитоньевский Малый пер. (44)
 Хитровский пер. (63)
 Хлебный пер. (17)
 Хлудовский пер. (44)
 Хлыновский тупик (59)

Хомутовский тупик (22)
Хоромный тупик (44)
Храма Христа Спасителя наб. (24), (61)
Хрущевский пер. (44), (57)

Царицынская Большая ул. (35)
Царицынская Малая ул. (35), (46)
Цветной бульв. (44)

Черкасский Большой пер. (53)
Черниговский пер. (45)
Чернышевский Большой пер. (7), (24), (59)
Чернышевский Малый пер. (7), (59)
Чертольский пер. (57)
Чистопрудный бульв. (45)

Чистый пер. (57)
Чудовка ул. (45), (46), (51)

Шелапутинский пер. (36), (45)
Шемилевский 2-й пер. (45)
Шереметевский пер. (21), (22), (57)
Штатный пер. (14), (32), (57), (58)

Щипковский 3-й пер. (35)

Юшков пер. (13)

Якиманка Большая ул. (45)
Яузская ул. (36)
Яузский бульв. (45), (63)

В.А. Муравьев

СПРАВОЧНИК ИСТОРИКА РОССИИ

Выход из печати первой книги словаря-справочника "Государственность России"¹ – событие незаурядное и долгожданное. В течение трех последних десятилетий для того, чтобы навести справку о том или ином государственном или церковном учреждении России, историки пользовались широко известным учебником Н.П. Ерошкина и указателем к нему, а также вышедшими в 1964–1966 гг. в Лейдене на немецком языке справочниками И. Смолича и Э. Амбургера, охватывающими период с начала XVIII в. по 1917 г., и, несмотря на свои высочайшие достоинства – все же неполными и не связанными с системой российских архивов, хранителей фондов этих учреждений.

Новый справочник – результат напряженного исследовательского труда большой группы историков-архивистов, представляющих ВНИИДАД, государственные архивы России (РГАДА, РГИА, РГВИА, РГА ВМФ, ГАРФ) и ИАИ РГГУ. Организационным и координирующим центром работы стал ВНИИДАД; финансовую поддержку изданию оказала администрация Тюменской области во главе с Л.Ю. Рокецким.

Первое неоспоримое достоинство словаря-справочника – значительно расширенный по сравнению с предшествующими указателями словник. Он шире как по хронологии (конец XV в. – февраль 1917 г.), по номенклатуре наименований (наряду с государственными и церковными учреждениями включены единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления), так и, главным образом, по глубине охвата – упоминаются даже мелкие и мельчайшие кратковременно существовавшие департаменты, комиссии, конторы, банки, инспекции и т.п. Последнее, в принципе, могло быть выполнено исключительно опытными научными работниками ВНИИДАД, государственных архивов и ИАИ РГГУ на базе фондов архивов. Опубликованных источников для этого недостаточно.

¹ Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления, конец XV в. – февраль 1917 г.: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. А–Г / Редакция: В.Д. Банасюкевич, В.И. Буганов, С.М. Каштанов, О.Ф. Козлов, А.И. Комиссаренко, М.В. Ларин, Р.Г. Пихоя, А.Д. Степанский, В.А. Федоров, В.Ф. Янковая / Сост.: О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая. 325 с.

Замечательное свойство словника и статей словаря-справочника состоит в том, что он содержит двойные (при статье и отдельным выделением в словнике) отсылки ко всем бытовавшим наименованиям того или иного учреждения (например, Азиатская часть Главного штаба, Азиатский отдел Главного штаба, Азиатский отдел управления 1-го генерал-квартирмейстера Главного штаба, Азиатское отделение Главного штаба), а при статьях о центральных учреждениях, располагавших сетью исполнительных органов, имеется перечень этих органов (см., например, перечень при статье "Адмиралтейств-коллегия").

Статьи словаря-справочника содержат сведения о времени образования, преобразований, ликвидации учреждений, об их месте в системе государственного аппарата, назначении, обязанностях и полномочиях и их изменении, о документах, определявших порядок деятельности учреждений, чиновном составе (нередко с указанием рангов), структуре, изданиях учреждений (если таковые были), о специфических особенностях деятельности. Столь же обстоятельны статьи о единицах административно-территориального, церковного и ведомственного деления, раскрывающие не только правовые основы образования, функционирования и ликвидации этих единиц, но и реальную картину их существования (см., например, статью "Градоначальство"). Последний принцип, однако, выдержан неравномерно: так, крайне скудно и схематично написана статья "Губерния", богаче и информативней могла бы быть статья "Генерал-губернаторство".

Достоинство словаря-справочника – и в его научно-исследовательском характере: примерно треть, если не более, включенных в первую книгу учреждений, в лучшем случае бегло упоминается в литературе или не упоминается вовсе; в отношении другой трети – информация скудна, несистематична и, порой, ошибочна. Преодоление такой ситуации требовало обращения к законодательным документам, ведомственным публикациям, в большинстве же случаев – непосредственно к архивным материалам. Эта работа щедро отражена авторами статей и составителями книги в прилагаемых к статьям указаниях на источники. Исследовательский характер присущ многим статьям Ю.М. Эскина, Б.Б. Давыдова, И.В. Карпеева, О.Ф. Козлова, Т.Г. Архиповой, А.С. Сенина, А.Н. Ерошкиной и др.

Работа со словарем-справочником удовлетворяет не только профессиональные запросы историка и историка-архивиста; книга в значительной мере аккумулирует исторический опыт. Так, при решении весьма большого для современности вопроса о реабилитации пострадавших в войнах и катастрофах, который до сих пор не получил достойного организационного решения, небесполезно ознакомиться со статьей "Александровский комитет о раненых"; при преобразовании административно-территориального устройства и местного управления полезные статьи, отражающие опыт и многочисленные трудности соответствующих реформ в прошлом.

Новизна и оригинальность издания вызывают, естественно, целый ряд пожеланий, возражений, примечаний. Очень жаль, что редакторы и составители не подчеркнули должным образом роль Н.П. Ерошкина в возникновении замысла и рождении подобного труда, не выявили судьбу предшествующей рукописи, подготовленной им совместно с петербургскими историками и архивистами. Повидимому, недостаток энциклопедического опыта сказался и в несоразмерности ряда статей. Так, статья "Академия наук" заметно меньше по объему, чем статья "Академия художеств", слишком малый объем отведен для уже упомянутой статьи "Губерния" и др. Излишне дублирование некоторых материалов, словарные сокращения иногда грешат нарушением языковых норм (см., например, "чл.-корры" на с. 36). Два принципиальных вопроса не получили пока определенного решения. В словаре-справочнике такого уровня и назначения обязательно следовало бы указать архивные фонды учреждений, подобно тому, как

это тщательно сделано в отношении общественных организаций в вышедшей энциклопедии "Политические партии России" под редакцией В.В. Шелохаева. В этом же справочнике фонды указаны от случая к случаю, если не существуют или мало представлены печатные материалы. Не решен вопрос и о круге упоминаемых в статьях исторических лиц – глав учреждений или известных лиц, причастных к их деятельности. Думается, что обязательно должны быть включены фамилии, по крайней мере, тех лиц, что вошли в обязательную номенклатуру энциклопедических изданий XX в. Наконец, в издании есть совершенно непростительные промахи. Так, в статье "Государственная Дума" указывается, что последняя образована манифестом 17 октября 1905 г. (!): автору, оказывается, не только неведомы указы от 6 августа и 11 декабря 1905 г., но и принципиальная разница между указом и манифестом, декларацией и учреждением. К счастью, число подобных ошибок невелико.

В целом же, в результате многолетней и трудоемкой работы историков-архивистов положено начало изданию на высоком научном уровне одного из самых необходимых в профессиональной, ученой и общественной деятельности справочников.

М.А. Варшавчик

МОНОГРАФИЯ Г.В. БОРЯКА О НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВНОМ НАСЛЕДИИ УКРАИНЫ*

Тема монографического исследования Г.В. Боряка представляет большой научный и практический интерес. Проблема актуализации архивного наследия принадлежит к тем проблемам, от решения которых зависит выполнение украинской исторической наукой задач, стоящих перед ней на современном этапе развития Украины. Конечно, процесс актуализации архивного наследия, архивной информации не завершается ее археографическим описанием, как не завершается он не только публикацией источников, но даже выработкой наукой нового исторического знания на основе источников. Актуализация потенциальной исторической информации, которую содержат источники, достигает включения этого значения в общественные информационные процессы, в социальную информацию как совокупность "задействованных" обществом знаний, полученных наукой. Но археография вообще, и камеральная в частности, выступают как ступень и важная предпосылка формирования и обогащения социальной исторической информации, информационной оснащенности общества.

Автор прав, когда, рассматривая археографию как специальную отрасль исторической науки, выделяет камеральную археографию, как отдельное, "легитимное" направление этой отрасли. Вводя и различая понятия национального-государственного архивного фонда Украины и архивного наследия украинского народа, Г.В. Боряк раскрывает эти понятия и обозначает состав последнего, который не зависит от времени и места создания, вида, формы собственности и территориальной принадлежности.

* *Боряк Г.В.* Національна архівна спадщина України та державний реєстр "Археографічна Україніка": Архівні документальні ресурси та науково-інформаційні системи / Національна академія наук України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Інститут рукописів Центральної наукової бібліотеки ім. В.І. Вернадського; Головне архівне управління при Кабінеті Міністрів України. Київ, 1995. 354 с.

Анализ архивного законодательства, исторических особенностей отложения документов по истории Украины на протяжении столетий, необходимость более четкого юридического обозначения вопросов государственной принадлежности архивных фондов и учета норм международного права приводит автора к выводу о том, что оптимальным и вообще единственно возможным путем решения задачи использования национального наследия должен стать его обобщенный реестр в виде археографического описания (С. 178). Понятие "документальной украиники" рассмотрено в монографии довольно подробно (С. 44–60).

Монографию характеризует системный, точнее – системно-функциональный подход к определению объекта и задач археографии. Ее функции и задачи поданы в связи с предметом и задачами смежных отраслей исторической науки, прежде всего источниковедения и архивоведения. Такой подход действует на протяжении всего исследования и становится особенно плодотворным тогда, когда автор в конце переходит к рассмотрению структуры и методики создания археографических описаний разного уровня, содержания археографической статьи описания.

Археография в описании автора, и это справедливо, предстает как специальная и самостоятельная отрасль научных исторических знаний, которая в "снятом" виде вбирает в себя методы источниковедческого анализа архивных документов, особенно те, которые восстанавливают происхождение и объективное содержание их информации, и достижения архивоведения, особенно в сфере документной классификации и создания научно-справочного аппарата архивов.

Правда, на конституировании археографии в системе исторической науки, ее дефинитивном определении сказались неполная обозначенность ее понятий и терминов, которые бы адекватно отражали структуру науки истории. В науковедческой литературе и, в частности, в теоретическом источниковедении не всегда выдерживается принцип субординации понятий и категорий, который является условием четкой структуризации науки. Смешиваются понятия специальных отраслей исторической науки, которые являются ее познавательными подсистемами (источниковедение, историография, архивоведение, археография) и специальных исторических дисциплин, как компонентов этих специальных отраслей. Состояние разработки этой проблемы в некоторой степени, независимо от автора, сказалось и на монографии. Археография квалифицируется то как специальная отрасль исторической науки (что правильно), то как специальная историческая дисциплина (что неточно), а камеральная археография обозначается уже как специальная отрасль этой дисциплины. И уже совсем противоречит всей логике монографии утверждение, например, что археография является "наиважнейшей дисциплиной источниковедческого цикла среди специальных исторических дисциплин" (С. 156). С давних времен известно, что о терминах лучше не спорить, а договариваться, но в данном и других подобных случаях речь идет уже не только о терминах, а и о категориальном аппарате науки. Да и сам автор справедливо указывает на задачу выработки однозначных терминов и четкости в аппарате понятий (С. 269).

Сильной стороной монографии является широкое использование автором историографических методов исследования. Все рассматриваемые вопросы подаются в контексте их возникновения и развития. Это позволило концентрировать внимание на историческом опыте развития архивного дела, в частности на формировании состава архивов и структурировании архивных фондов и коллекций, создании научно-справочного аппарата на Западе, в России, на Украине, отбирать из этого опыта то, что прошло испытания, и опираться на него, а также обозначить новые задачи и возможности археографии, прежде всего в создании Государственного реестра "Археографическая украиника". Обзор истории создания научно-справочного аппарата архивов приводит автора к

выводу о том, что " всю историю исканий можно представить как драматическую историю исканий идеальных и оптимальных путей и вариантов создания и улучшения научно-справочного аппарата архивов" (С. 223). Автор отдает должное достижениям нескольких поколений украинских архивистов и археографов, которые проанализировали, подытожили и систематизировали ценный опыт камеральной работы (С. 223–225).

Несколько уточняя их хронологические рамки, автор соглашается с предложенным в литературе выделением четырех этапов развития архивного дела в советское время, но дополняет эту периодизацию для Украины следующим этапом – с начала 90-х годов, в условиях достижения Украиной независимости. Но вряд ли следует соглашаться с характеристикой четвертого этапа (80-е – начало 90-х годов), который был как будто " периодом полной стабилизации методологических и методических принципов и положений, которые были унифицированы в Правилах 1984 года" (С. 224). Ведь как раз в эти годы архивное дело, как и историческая наука в целом, оказались в состоянии некоего методологического вакуума, когда принципы "классового подхода", "партийности" проявили свою научную несостоятельность, а принципы объективности, историзма больше декларировались, нежели внедрялись. Что же касается "полной стабилизации методологических и методических принципов и положений", то такая "полная стабилизация", очевидно, вообще вряд ли достижима и нужна, потому что они пребывают в движении, развитии, свидетельством чего является и сама рецензируемая монография.

Все разделы монографии содержат весомые наблюдения и выводы, и, вместе с тем, наиболее оригинальным, по моему мнению, является четвертый раздел – "Камерально-археографические информационные системы и задачи создания Археографического реестра национального архивного наследия Украины" (АРУ). В нем наиболее органично теоретические выкладки соединяются с разработкой камерально-археографической методики, с обоснованием и конкретными рекомендациями по поводу структуры и содержания АРУ. Автор обозначает "сферы" типовой статьи в археографическом описании, которая должна включать выяснение источников происхождения описываемых объектов, их содержания, часовых координат, географической локализации документа, указание форм передачи информации, эвристическую сферу (С. 290–299). Как показано, именно тут наиболее наглядно выступает необходимость соединения археографической методики с методиками источниковедения и архивоведения.

В разделе взвешено, без лишней эйфории, но и без какой-нибудь недооценки (что часто объясняется просто некомпетентностью исследователей), анализируются возможности новейших информационных технологий и технических средств для археографической реконструкции национального источникового наследия, наиболее полного, в современных условиях, введения ее в научный оборот.

Г.В. Боряк выделяет основные виды или уровни археографических описаний. К ним он относит описи "коллективные" (охватывают все фонды и коллекции определенного архива или ряда архивов), "групповые" (группы "родственных" документов) и "тематические" (документы по определенной актуальной теме). Учитывается опыт эдиционной археографии, которая имеет среди своих достижений все эти виды публикаций документов. Что касается терминологии, то она может уточняться. Не совсем понятно, что означает определение "коллективные описания", какой коллектив имеется тут в виду. Наверное для таких описаний больше подходило бы название, опять-таки взятое из опыта публикаций – "корпусные". Да и определение "групповых" описаний не полностью поясняется. Ведь они тоже "коллективные", и чем они "родственны" – видом до-

кументов, происхождением, содержанием или другими признаками? Возможно, важнее было бы выделить видовые описания.

Отдельно стоит вопрос о подготовке тематических описаний. Автор сам относится к ним с определенной осторожностью, анализируя печальный опыт тематических публикаций советского периода, когда тематика публикаций, передача текстов подгонялись под заранее заданную цель, что приводило к редукции, а то и извращению источников (С. 146). Безусловно, отрицать право на существование тематических описаний и публикаций было бы неправильно. Это наиболее оперативный и "удобный", с точки зрения актуализации злободневной источниковой информации, вид археографических изданий. Однако как раз эта злободневность скрывает в себе опасность субъективистских искажений исторического процесса. Именно корпусные и видовые публикации и описания, без единичных исключений любых источников, могут предупредить это.

Необходимо остановиться и на настойчивых рекомендациях автора монографии подходить к описываемым источникам "выборочно", что неоднократно подчеркивается.

Возможно, мы имеем здесь определенное терминологическое недоразумение. Метод выборки при использовании источников, исключительно класса массовых источников, является научным методом, имеет математико-статистическое обоснование. Согласно этому методу из всей совокупности массовых источников, которые характеризуются повторяемостью информации, выделяется (при помощи разных типов выборки) определенное их количество, данные которых отвечают требованиям представительства, т.е. максимально совпадают с данными, которые мог бы получить исследователь при полном обследовании всей генеральной совокупности объектов. "Выборочно" же описывать источники, которые с точки зрения археографа актуальны, значит снова-таки не учитывать субъективистские перекручивания. Хотя сам археограф может быть искренне уверен, что его "выборка" отвечает требованиям объективности.

Из приведенных размышлений можно сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, учитывая трудоёмкость и дороговизну фундаментальных описаний, бесспорное преимущество следует отдавать корпусным и видовым описаниям и публикациям, содержание которых непреходяще, а в тематических изданиях необходимо строго придерживаться представления источников во всей их совокупности. Во-вторых, имеет смысл разрабатывать методологию и методику описания массовых источников. Возможно, что как раз тут будет полезен метод статистической выборки.

Вернемся еще к некоторым вопросам понятийного и терминологического характера. Это замечание не столько в адрес автора, сколько по поводу общепринятых, кажется, в археографии категорий и соответствующих им терминов. Некоторые возражения вызывает выражение "археография архивных и рукописных источников". В данном случае термин "рукопись" – буквальный перевод с латинского "манускрипт", который в мировой науке закрепился за рукописными книгами эпох античности и раннего средневековья. И корректно было бы употреблять этот термин в устоявшемся виде, как международный, или переводить как "рукописные книги", потому что рукописи вообще составляют основной массив именно архивных источников.

Некоторого уточнения требует и представление об археографическом описании как об "источнике документального уровня", или "вторичном источнике". При таком употреблении теряется основное различие между источником и научной литературой ("пособием"). Так как источник характеризуется непосредственным отражением реальных событий, между ним и субъектом исследования – историком – не стоит никакой другой субъект, который предлагал бы свое видение, свое изложение событий вместо самих событий. Автор точно отмечает,

что "когда археограф проводит источниковедческое изучение рукописи... такое описание может оцениваться как самостоятельное исследование" (С. 41). Значит описание – это уже пособие (по принятой в источниковедении терминологии), созданное на основе источников, а не сам источник. Описание можно, в крайнем случае расценивать не как "факт-источник", а как артефакт, новообразование, которое возникло при участии исследователя-археографа.

Подчеркиваю, что эти и другие возможные замечания следует рассматривать не как указания на недостатки работы, а как "информацию для размышления". Как настоящее новаторское исследование монография нацеливает на дальнейшее изучение ее проблематики.

Монографию Г.В. Боряка несомненно следует оценить как крупный вклад в украинскую археографию, в необходимое дело создания источниковой украиники, в украинскую историческую науку в целом. Ее отличают высокий научно-теоретический уровень, соединенный с постановкой конкретных методических рекомендаций.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н.П. ЧУЛКОВА*

1893

Рец. на кн.: Хайновский И.А. Раскопки великокняжеского дворца древнего града Киева, произведенные весной 1892. Киев, 1893 // Археолог. изв. и заметки ИМАО. М. Т. 1. С. 186–187.

Рец. на кн.: Савелов Л.М. Опыт библиографического словаря по истории и генеалогии дворянства. М., 1893 // РА. М.Кн. 1, вып. 3. С. 456–457.

1896

Рец. на кн.: Сецинский Е.И. Город Каменец-Подольский. Киев, 1895 // Археол. изв. и заметки ИМАО. М. Т. IV. С. 244–257.

1898

Ерофей Павлович Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века // РА. М. Кн. 1, вып. 2. С. 177–190.

К родословной Воронцовых // Там же. С. 291.

Рец. на: Труды ученых архивных комиссий (Изв. Тамб. учен. арх. комиссии. Вып. XVII. 1896; Изв. Тавр. учен. арх. комиссии. 1897. № 27; Журн. заседаний Костром. губ. учен. арх. комиссии. 1897. 26 авг., 16 сент.; Отчет о деятельности Яросл. губ. учен. арх. комиссии за 1897 г.; Изв. Калуж. учен. арх. комиссии. 1897. № 5; Труды Ряз. учен. арх. комиссии. 1897; Труды Орлов. учен. арх. комиссии. 1897; Журн. заседаний Симб. учен. арх. комиссии. 1897. 4 янв., 3 марта, 5 мая // Древности: Труды Археогр. комиссии ИМАО. М. Т. I, вып. 1. С. 145–146.

Рец. на кн.: Дело о патриархе Никоне: Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной библиотеки. СПб., 1897 // Там же. С. 150–151.

Рец. на кн.: Архив Государственного Совета. Т. IV, ч. III. СПб., 1897 // Там же. С. 151.

1900

К родословной князей Прозоровских // РА. М. Кн. 2, вып. 2. С. 291.

1901

Архивные данные о Е.П. Хабарове // Древности: Труды Археогр. комиссии ИМАО. М. Т. XVIII. С. 99.

Леонтьев Михаил Иванович // Сборник биографий кавалергардов. СПб., Т. 1. С. 27–30.

Шаховский Алексей Иванович // Там же. С. 124–127.

Воронцов Михаил Илларионович // Там же. С. 228–240.

Шувалов Петр Иванович // Там же. С. 240–252.

1903

Рец. на кн.: Милорадович Г.А., гр. Родословная книга Черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. I–II // РА. М. Кн. №, вып. 4. С. 703.

С.С. Слущкий (некролог) // РА. М. Кн. II, вып. 6. С. 302–304.

1904

Зубов Платон Александрович // Сборник биографий кавалергардов. СПб. Т. 2. С. 168–180.

Витт Иван Осипович // Там же. С. 448–458.

1906

Уваров Федор Петрович // Сборник биографий кавалергардов. СПб. Т. 3. С. 1–10.

Чернышев Александр Иванович // Там же. С. 78–91.

Де-Прерадович Николай Иванович // Там же. С. 103–107.

Гагарин Андрей Павлович // Там же. С. 124–125.

Гагарин Федор Федорович // Там же. С. 135–137.

Киселев Павел Дмитриевич // Там же. С. 144–159.

Лобанов-Ростовский Александр Иванович // Там же. С. 163–165.

Вильегорский Матвей Юрьевич // Там же. С. 263–265.

Муханов Сергей Иванович // Там же. С. 268–290.

Панин Александр Никитич // Там же. С. 314–317.

Пусловский Владислав Войтехович // Там же. С. 379–382.

1907

Московское купечество XVIII и XIX вв. (генеалогические заметки) // РА. М. Кн. III, вып. 12. С. 489–502.

Заметка // ЛИРО. М. Вып. 2 (10). С. 47.

1910

Великий князь Дмитрий Донской. СПб. 29 с.

Княгиня Татьяна Васильевна Хованская и ее дети // ЛИРО. М. Вып. 4 (24). С. 41–51.

1911

Заметка о Е.И. Поповой (московской купчихе) // РА. М. Кн. III, вып. 9. С. 160.

Примеч.: Самарин Ю.Ф. Сочинения. Письма. М. Т. 12.

Княгиня Татьяна Васильевна Хованская и ее дети. М. 13 с.

* Составитель С.Ю. Шокарев

Литературу о Н.П. Чулкове см. в обзоре его фонда (наст. изд. С. 299).

1912

Доклад, читанный в заседании Императорского Московского археологического общества, посвященный памяти Д.Я. Самоквасова 7 декабря 1911 г. // Описание документов и бумаг МАМЮ. М. Кн. XVII. С. V–XVI.
Введение: Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сб. МАМЮ. М. Т. 6. С. 1–IX.

1914

Две поправки // ЛИРО. М. Вып. 1/2 (37/38). С. 57–58.
Рец. на кн.: Кашкин Н.Н. Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1; 1913. Т. 2 // Там же. С. 58–60.
Ред.: Русский биографический словарь. [Т. 4]. Гааг – Гербель. М. (перезд. М., 1991).

1915

Ред.: Сборник статей, посвященный Л.М. Савелову. М. 329 с.
Де Витте // Там же. С. 210–223.
Де Витте [Отд. отд.]. М. 24 с.
[Библиография] // РА. Кн. III, вып. 9/10. С. 218–219.
Происхождение Н.М. Зотова // РА. Кн. III, вып. 12. С. 327–332.
Слущкий Сергей Сергеевич // ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М. Т. II. Биографический словарь членов общества, список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. С. 326–327.
Холмогоров Василий Иванович // Там же. С. 393.
Шмелев Григорий Григорьевич // Там же. С. 410.

1916

Примеч.: Из переписки Бирона с кн. А.И. Шаховским // РА. Кн. I, вып. 4. С. 381–396.
Ред.: Русский биографический словарь. М. [Т. 5]. Герберский – Гогенлоэ (перезд. М., 1995).

1923

Нечаев В.В. // АД. Кн. 1. С. 145.
Беляев И.С. // Там же. С. 145–148.
Цветасв Д.В. // Там же. С. 149–152.
Лукьянов Г.Г. // Там же. С. 152–153.
Ельчанинов И.Н. // Там же. С. 153.
Рец. на кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в бывшем МАМЮ. М. 1921. Кн. XXI // Там же. С. 169–170.

1924

Род Толстых // Русский евгенический журнал. М. Т. 1, вып. II. С. 308–320.

1925

Примеч.: Из дневников великого князя Константина Николаевича // КА. Кн. III (X). С. 217–260.
Список декабристов, погребенных в Москве //

Листок краеведа Московской губернии. М. № 3. С. 30–31.

1926

Подг. к печ.: Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Следственные дела о преступниках, принадлежащих к Тайному обществу Соединенных славян. Л. Т. V. 493 с.
Следственные дела членов общества Соединенных Славян // Там же. С. 463–481.

1927

Генеалогия декабристов Муравьевых // Русский евгенический журнал. Т. V, вып. 1. С. 3–20.
Л.Н. Толстой в Московском архиве Министерства юстиции // КА. Кн. III (XII). С. 245–250.

1928

Декабристы в Москве // Московский краевед. М. Вып. 6. С. 6–12.

1930

Пушкин-москвич // А.С. Пушкин в Москве: Труды об-ва изучения Моск. губ. М. Вып. 7. С. 49–91.

1931

Подг. к печ.: Материалы по истории революционного движения народов СССР: Крестьянство и националы в рев. движении. Разинщина. М.; Л. 428 с.
Архивы СССР. Древлехранилище Московского центрального исторического архива. Разрядно-Сенатский отдел (бывший Московский Архив Министерства Юстиции) // АД. Вып. III/IV. С. 24–25.

1932

Москва и декабристы // Декабристы и их время: Труды моск. и ленингр. секций по изучению декабристов и их времени. М.; Л. С. 291–322.
Алф. указ.: Чичерин Б.Н. Воспоминания. Путешествие за границу. М. Т. 3. С. 131–144.

1933

Ф.В. Кречетов – забытый радикальный публицист XVIII в. // ЛН. М. Т. 9/10. С. 453–470.
Ред.: Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевских, 1506–1933. М. Гл. 1. Достоевские в XVI–XVII вв. [Сост. под руководством Н.П. Чулкова и на основании собранных им материалов] 443 с.
Алф. указ.: Из дневника Л. Тихомирова 1907 // КА. Кн. 6. (LXI). С. 82–128.

1934

Алф. указ.: Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М. С. 432–473.

Ред.: Тургенев И.С. Рукописи, переписка, документы. М. 183 с.

Застройка по трассе от Кропоткинских ворот до Теплового переулка // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.; Л. С. 52–57.

Пушкинская Москва: Путеводитель. М. 231 с. (совм. с Н.Р. Левинсоном Н.П. Миллером).

Ред.: Декабристы (письма, архив, материалы). М. 570 с.

Доклад о родословных справочниках и о значении первоисточников для генеалогии на примере родословных Апраксиных и Белосельских [Опублик. в ст.: Рыкова О.В., Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993. Вып. 1. С. 88–92].

Статьи в энциклопедических изданиях*

Русский биографический словарь. М., СПб.; Пг, 1896–1918. Т. 1–25.

[Т. 21]. Фабер–Цявловский. СПб., 1901.

Хабаров Е.П. С. 259–261; Хитрово А.С. С. 328; Хитрово А.З. С. 328; Хитрово А.П. С. 329; Хлопко-Косолап. С. 338; Хлопова М.И. С. 338–339; Хованский А.И. С. 373–374; Хованский И.А. С. 375–376; Хованский И.А. Тараруй. С. 376–379; Хованский И.И. С. 379; Хованский И.Н. С. 379.

[Т. 4]. Гаг–Гербель М. 1914 (перизд. М., 1991).

Гаг Ф.Е. С. 1; Габерцеттель И.И. С. 8–9; Габлиц К.И. С. 10–14; Габриелли К. С. 14–15; Габриэль. С. 15; Гавенский Х. С. 15; Гавловский А.Г. С. 15–16; Гаврилково М.Ф. С. 18; Гаврилково С.Ф. С. 18–19; Гаврилово А.И. С. 19; Гаврилово А.М. С. 19–20; Гаврилово Д.В. С. 20; Гаврилово И.В. С. 20–21; Гаврилово М.Г. С. 21–22; Гавриил Альбицкий. С. 25; Гавриил Амалиев. С. 25; Гавриил Великошапка. С. 32–33; Гавриил Любомудров. С. 43; Гавриил Огинский. С. 43; Гавриил Туския. С. 51; Гавриил. С. 51–52; Гагара В.Я. С. 53–54; Гагарина А.П. С. 54–55; Гагарин А.И. С. 55–56; Гагарин А.П. С. 56–57; Гагарин А.Ф. С. 57; Гагарин В.А. С. 58–59; Гагарин Г.Г. С. 64–66; Гагарин Г.И. С. 66–67; Гагарин И.А. С. 67–68; Гагарин Л.Н. С. 74–75; Гагарин Н.С. С. 83–84; Гагарин П.С. С. 88–89; Гагарин П.С. С. 88–89; Гагарин П.А. С. 89; Гагарин С.С. Ветчина. С. 91; Гагарин С.В. С. 91–92; Гагарин С.И. С. 92–93; Гагарин С.С. С. 94–95; Гагарин Ф.С. С. 95; Гагарин Ф.С. С. 95; Гагарин П.П. С. 95–96; Гагарин П.С. С. 96; Гагемейстер Л.А. С. 97–98; Гагрин Д. С. 101; Гаден С. С. 102–103; Гаевский С.Ф. С. 111–112; Гайдебуров П.А. С. 113–114; Гайдовский–Потапович Н.М. С. 114–115; Гайль И.Х. С. 115; Гакман И.-Ф. С. 117; Галактин Белоозерский. С. 126; Галактион епископ Сарский. С. 128; Галактион епископ Суздальский. С. 128; Галанин И.Д. С. 128; Галатте де жепола С. 129; Галафеев А.В. С. 129–130; Галахов А.П. С. 130–131; Галахов А.П. С. 131; Галенздовский С. С. 140; Галлер-Фиони Г.И. С. 176–177; Галлидей В.М. С. 177; Галлидей М. С. 177; Галл Р.Р. С. 177–178; Гальберг И.И. С. 180; Гальямин В.Е. С. 183–184; Гамазов М.А. С. 184; Гамалея А.М. С. 184–185; Гамалея А.А. С. 185; Гамалея Е.Я. С. 188; Гамалея И.А. С. 188–189; Гамалея М. С. 190; Гамалея М.А. С. 190; Гамалея М.Л. С. 190; Гамалея М.М. С. 190–191; Гамалея С.И. С. 195–196; Гамба Ж.Ф. С. 196; Гамбургер А. С. 197; Гамбург А. С. 197; Гамбуков К.И. С. 197; Гамель И.Х. С. 197–199; Гамен А.Ю. С. 199–200; Гамм А.И. С. 204–205; Гампельн К. С. 205; Гамперле И.Ф. С. 205; Гампер Е.Е. С. 206–207; Ганвей Д. С. 207–208; Гангарт И.Б. С. 208; Гангбелов С.Г. С. 210–21931; Гардини Ф. С. 211; Ганецкий И.С. С. 211–213; Ганзен А.Г. С. 213; Ганнибал А.П. С. 215–217; Ганнибал И.А. С. 217–218; Гантович К.Е. С. 219; Ганф И.Ф. С. 219–220; Ганчар (Гончаров) О.С. С. 220–221; Ган Е.Ф. С. 221–222; Ган П.В. С. 227–229; Ган Ф.И. С. 229; Гарве Э.В. С. 229–230; Гардер Д.Д. С. 230–231; Гардер И. С. 231; Гардер Ф.Я. С. 231; Гарелин Я.П. С. 232–233; Гаретовский И.А. С. 234; Гарнак Ф.К. С. 235–236; Горнич-Гарницкий Ф.М. С. 236–237; Гаряс В.И. С. 239–240; Гартинг М.Н. С. 240–242; Гартман Б.И. С. 242; Гартман Ф.Е. С. 244–245; Гартунг Н.И. С. 245; Гаскоин К.К. С. 258–259; Гаспари А.Х. С. 259–260; Гасстаген Х.Г. С. 259–260; Гассельгрэн И. С. 260–261; Гассинг А.И. С. 261; Гасс И.Б. С. 261–262; Гастингс М. С. 264–265; Гаттенбергер Ф.И. С. 270; Гаугер К.Ф. С. 273; Гауке И.И. С. 273–274; Гауровиц И.С. С. 278–279; Гауэншильд Ф.М. С. 280–281; Гафнер Э.И. С. 281–282; Гаурин И.Ф. С. 288; Гвинтовка М.Н. С. 292–293; Гвоздев И.П. С. 294–295; Гвоздев П.А. С. 295–296; Гвоздиковский И. С. 297; Ге И.Н. С. 297–298; Гебдон И. С. 298–300; Гебель К. С. 300; Гебенштейт И.Х. С. 301; Геблер Ф.В. С. 301–302; Гевлич А.П. С. 303; Гедда М.Ф. С. 303–304; Геденберг Ф.Ф. С. 304; Геденштром М.М. С. 304–306; Гедеоново А.М. С. 306–308; Гедеон. С. 311; Гедеон Антонский. С. 311; Гедеон Балабан. С. 312–315; Гедеон Вихров. С. 316; Гедеон Грембецкий. С. 322; Гедеон Мошатин. С. 326; Гедеон Святополк-Четвертинский. С. 328–329; Гедеон Фомин. С. 332; Гедеон, архимандрит. С. 332; Гедехен А.А. С. 333;

* Статьи подписанные и неподписанные.

Гедике Ф.Ф. С. 333; Гедлингер И.К. С. 333; Гедримович П.А. С. 333; Гедройц И.А. С. 334; Геевский С.Т. С. 335; Геен Н.К. С. 335–336; Геен Ф.К. С. 336; Гезен А.М. С. 336–337; Гедатен-де-Ротвиль И.О. С. 337; Гейдене В. С. 337–339; Гейденрейх И.Г. С. 339; Гейман В.А. С. 345–348; Гейман Г.Е. С. 348; Гей-ман Р.Г. С. 348–350; Гейм И.А. С. 350–352; Гейнзиус Г. С. 352; Гейнрих Х.-Л. С. 353; Гейнсон. С. 353; Гейнцельман И.Г. С. 359–360; Гейрот А.Ф. С. 360; Гейрот Ф.Ф. С. 360–361; Гейсмар Ф.К. С. 365–368; Гейтман Е. С. 368–369; Гейфельдер И.-Ф. С. 369–370; Гейфельдер О.Ф. С. 370–372; Геласий Климентьев. С. 372–373; Геласий, игумен. С. 374; Геласий, митрополит. С. 374–375; Гельбке В.Ф. С. 377; Гельвих Г.К. С. 378; Гельтергоф Ф. С. 382; Гельфрейх Б.Б. С. 384; Гемпиан А.П. С. 387–388; Гендриков А.И. С. 388; Гендриков И.С. С. 388–389; Геннадий Гонзов. С. 396–402; Геннадий Андреевский. С. 402; Геннадий Баранович. С. 403; Геннадий Дроздовский. С. 407; Геннадий Дубенский. С. 407; Геннадий Кожин. С. 409; Геннадий Челноков. С. 411; Геннадий Шумов. С. 411–412; Геннадий, епископ Суздальский. С. 413; Геннекен И.П. С. 413–414; Геннингер К.И. С. 414–415; Геннинг И.Я. С. 415; Геннинг Ф.Х. С. 416; Генслер И.С. С. 421–422; Генци С.-Г.-Р. С. 422–423; Ген В.Е. С. 423–425; Георги И.-Г. С. 425–428; Георгиевский И.В. С. 428; Георгиевский И.В. С. 428–429; Георгиевский И.С. С. 429; Георгиевский П.Е. С. 429–430; Георгий, митрополит. С. 432; Георгий Щербицкий. С. 440; Георгий Андреевич. С. 441–442; Георгий II Болеслав Тройденевич. С. 442–444; Георгий Васильевич Дмитровский. С. 444–445; Георгий Васильевич Углицкий. С. 445–446; Георгий Витовтович. С. 446; Георгий Владимирович Долгорукий. С. 446–451; Георгий Владимирович Пинский. С. 451; Георгий Всеволодович, вел. кн. С. 451–454; Георгий Данилович Московский. С. 454–457; Георгий Дмитриевич. С. 457; Георгий Жирославич. С. 457; Георгий Романович Одоевский. С. 460; Георгий Ярославич Туровский. С. 460–461; Гепнер К.Ф. С. 461–463; Герарди Ф.П. С. 466; Герард И.К. С. 467; Герасимов Д. С. 467–469; Герасимов М.А. С. 470; Герасим преподобный Вологодский. С. 471–472; Герасим Ионин. С. 476; Герасим, схимонах. С. 482; Гербель К.Г. С. 485–486; Гербель Р. С. 493–494.

[Т. 5]. Герберский-Гогенлоэ. М., 1916 (переизд. М., 1995).

Герсеванов Н.Б. С. 86–89; Герстнер Ф.-А. С. 90–92; Гертнер И. С. 93–94; Гертруда С. 94–95; Герц К.К. С. 136–139; Гершельман Р.И. С. 140; Гершельцвейг А.Д. С. 141–142; Герштценцвейг Д.А. С. 143–144; Гессе П.И. С. 147; Гессен-Гомбургская А.И. С. 147–149; Гессен-Гомбургский Л.-Г.-В. С. 149–151; Гессен-Дармштадский Ф. С. 151–152; Гессен-Филиппсталь-Бархфельдский Э. С. 152; Гесс де Кальве Г.Г. С. 158–159; Гести В.И. С. 159–160; Геттэ Р.-Ф. С. 161–163; Гец П.П. С. 165–166; Гечевич Л.В. С. 167–168; Гзель Г. С. 168–169; Гижицкий В.К. С. 175–176; Гика И.К. С. 179; Гиллер А. С. 183–184; Гильдебрант Г.Х. С. 184–186; Гильфердинг И. С. 205–206; Гине А.В. С. 217; Гиновский Я.В. С. 219; Гитворт-Дзевалтовский А.-К. С. 222–223; Гинтылло И.Х. С. 223; Гиппинг А.-И. С. 224–225; Гиппиус Д.И. С. 227–228; Гиппиус О.Г. С. 228–229; Гирс Ф.К. С. 238; Гирштовт П.А. С. 238–239; Гиршфельд Л.-М. С. 239–241; Гладкий О.М. С. 246–248; Глазов М.Ф. С. 262–263; Глазов П.М. С. 263–264; Глазунов И.И. С. 264–265; Глазунов И.П. С. 265–266; Глазунов И.И. С. 266; Глазунов М.П. С. 266–267; Глинка Д.Г. С. 273–274; Глинка В.Л. С. 318–319; Глушковский А.П. С. 336–339; Глебовский И.Е. С. 341; Глебов А.И. С. 352–353; Глебов И.В. Ощера. С. 353–354; Глебов И.И. Ощерин. С. 354–355; Глебов М.Н. С. 364–365; Глебов П.Н. С. 370–372; Глебов С.Ф. С. 373; Глебов Ф.Б. С. 379–380; Глебовы. С. 382; Говоров К.Г. С. 431–432; Говорский К.А. С. 433–434.

Большая Советская Энциклопедия. М. 1934. Т. 62.

Шувалов П.А. С. 740; Шувалов П.П. С. 740–741; Шувалов П.А. С. 741.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ И.П. ШАСКОЛЬСКОГО*

1940

- Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // ВИЖ. № 7. С. 90–95.
Борьба русского народа за невские берега. М., 47 с.
Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII–XIV вв.) // ИЖ. № 4/5. С. 102–112.

1941

- Емь и Новгород в XI–XIII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. № 80. Вып. 10. С. 93–115.
Профессор М.Д. Приселков: [Некролог] // Там же. С. 1–2 (без подп.)
Как и когда мы били финских захватчиков. Л. 26 с.
Нарва // ВИЖ. № 1. С. 126–130.
Таллин // Там же. С. 121–125.

1944

- Петсамо (Печенга) // Пропаганда и агитация. № 19/20. С. 62–64.

1945

- Договоры Новгорода с Норвегией // ИЗ. Т. 14. С. 38–61.
Посольство Александра Невского в Норвегию // ВИ. № 1. С. 112–116.
Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.). Л. 126 с. Совм. с Н.А. Казаковой.
Рец.: Древние города русской земли [Лихачев Д.С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Л., 1945. 104 с.; Дмитриев Ю.Н. Псковская земля. Л., 1945. 75 с.] // Пропаганда и агитация. № 10. С. 56–59.
Рец. на кн.: Учен. зап. Яросл. гос. пед. ин-та. Вып. 1. Гуманит. науки. Ярославль, 1944. 232 с. // ВИ. № 2. С. 150–151.

1946

- Vene rahva ajaloolised sidemed Baltimaade rahvastega IX–XVII s. // Tallinn: Poliitiline kirjandus. 87 s. [Исторические связи русского народа с народами Прибалтики. На эст. яз.]

1947

- Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х годов XIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. Eesti rahva poliitilise ajaloo algeroodist // Eesti bolševik. № 2. P. 72–87 [О начальном периоде полит. истории эст. народа. На эст. яз.]

1949

- Предание о Сигтунских вратах и его достоверность // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. № 112. Вып. 14. С. 120–135.
Сигтунский поход 1187 г. // ИЗ. Т. 29. С. 135–163.

1950

- Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // ИЗ. Т. 35. С. 294–303.
О емской теории Шёгрена и ее последователях // Изв. Карело-Финского фил. АН СССР. № 1. С. 93–98.
Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск 167 с.
Рец.: Замятин Г. // ВИ. 1951. № 6. С. 115–118; Гардин Е.С. // Ленинское знамя (Петрозаводск). 1952. 12 февр.

1951

- Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. // Изв. Карело-финского фил. АН СССР. № 2. С. 3–23.
Некоторые вопросы древнейшей истории Таллина // Тез. докл. на пленуме Института истории материальной культуры АН СССР, посвящ. вопросам археологии Прибалтики. 1951. М. С. 48–49.
Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 8. № 3. С. 267–276.
Папская курия – главный организатор крестовых агрессий 1240–1242 гг. против Руси // ИЗ. Т. 37. С. 168–188.

1952

- Карелия в Новгородское время // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. / Под ред. А.Я. Брюсова. [Макет] Петрозаводск. Гл. 2. § 1–4. С. 40–99.
Борьба против шведской интервенции в начале XVII в. // Там же. Гл. 4. С. 173–208.
Карелия в годы Северной войны 1700–1721 гг. // Там же. Гл. 6. С. 294–352.
Карелия в первой половине и середине XVIII века // Там же. Гл. 7. С. 353–435.
О первоначальном названии Кольского полуострова // Изв. ВГО. Т. 84, вып. 2. С. 201–204.
Против извращений начальной истории города Таллина // Большевик Эстонии. № 5. С. 32–40.
Рец.: Новые исследования по истории и культуре Карелии и карел [Гурина Н.Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. Т. 20. С. 77–142; Маслова Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1951. Нов. сер. Т. 11. 139 с.; Глаголева А.П. Олонецкие металлургические заводы при Петре I // ИЗ. 1950. Т. 35. С. 170–198; и др.] // На рубеже. 1952. № 4. С. 81–88.

* Составитель Т.И. Шаскольская

© Т.И. Шаскольская

1953

- Борьба Александра Невского против крестовно-армянской агрессии конца 40–50-х годов XIII в. // ИЗ. Т. 43. С. 182–200.
- Лодейнопольская верфь. (К 250-летию со времени основания) // Морской и речной флот. № 2. С. 29–30.
- Манипуляции современных фальсификаторов истории Эстонии // Коммунист Эстонии. № 8. С. 36–47.
- Основание Петровского завода // На рубеже. № 6. С. 51–56.

1954

- Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // Геогр. сб. М.; Л.: Т. 3: История географических знаний и географических открытий. С. 146–159.

1955

- Открытая польская интервенция 1609–1611 гг. и нарастание борьбы русского народа за свою независимость // Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV – начало XVII в. М. Гл. 3. § 8. С. 538–554.
- Шведская интервенция. Народная война против шведских оккупантов // Там же. Гл. 3. § 10. С. 563–576.
- Карелы // Там же. Гл. 4. § 2а. С. 628–640.
- Саамы, ненцы, ханты и манси // Там же. Гл. 4. § 2. С. 648–660.
- Рец.: Ценный вклад в нашу историческую картографию [Карты. Прил. к кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма, IX–XV вв. М., 1953. Ч. 1 // Изв. ВГО. Т. 87. Вып. 1. С. 77–81.

1956

- Рец. на кн.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л. 1954. 491 с. // Изв. ВГО. Т. 88. Вып. 3. С. 305–307.

1957

- К изучению первобытных верований карел (погребальный культ) // Ежегодник МИРА. Т. 1. С. 214–221.
- К 70-летию А.И. Андреева // Изв. ВГО. Т. 89. Вып. 3. С. 262–264 (без подл.).
- Обсуждение первого тома "Очерков истории Ленинграда", 1955 // Изв. ВГО. Т. 89. Вып. 2. С. 175–176. Совм. с Р.Л. Золотницкой.
- Рец.: Очерки по истории Ленинграда [Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. 1. 896 с.; 1957. Т. 2. 886 с.; 1956. Т. 3. 1044 с.] // ВАН. № 8. С. 118–120. Совм. с И.А. Баклановой.

1958

- Находка остатков поселения русских промышленников XVIII в. на Шпицбергене // Изв. ВГО. Т. 90. Вып. 2. С. 183–185.
- О первоначальном названии города Таллина // Изв. ВГО. Т. 90. Вып. 4. С. 387–390.

- "Описание трех путей" Афанасия Холмогорского // ТОДРЛ. Т. 14. С. 457–460.
- Произведения древнерусского искусства в экспозиции музея // Ежегодник МИРА. Т. 2. С. 333–341.
- Скандинавская археологическая экспедиция 1955 г. // Изв. ВГО. Т. 90. Вып. 2. С. 206.
- Скандинавская экспедиция 1955 г. на Шпицберген (открытие остатков становища русских поморов XVIII в.) // СЭ. № 4. С. 95–98.

1959

- В.Н. Бернадский (1890–1959): [Некролог] // Изв. ВГО. Т. 91. Вып. 6. С. 560. Совм. с Р.Л. Золотницкой.
- [Выступление] // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы [за] 1958 г.: [Материалы сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 9–12 декабря 1958 г.]. Таллин. С. 160–161.
- Рец. на кн.: Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М. 1957. 246 с. // ИССР. № 5. С. 172–173.
- Рец. на кн.: Сканд. сб. Таллин, 1956. Вып. 1. 265 с.; 1957. Вып. 2. 333 с.; 1958. Вып. 3. 356 с.; 1959. Вып. 4. 288 с. // ВИ. № 12. С. 159–166.

1960

- Неизданные труды С.А. Геденова и А.А. Куника по варяжскому вопросу // ВА. № 6. С. 53–56. Совм. с Т.И. Лысенко.
- Норманская теория в современной буржуазной историографии // ИСССР. № 1. С. 223–237.
- Приозерск: Ист. очерк: Корела – Кексгольм – Приозерск. Л. 127 с. Совм. с В.И. Громыным, Л.П. Потемкиным. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1963. 147 с.; 3-е изд., испр. и доп. Л., 1978. 158 с.
- Сост.: Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в. 1861–1904: Сб. док. М.; Л. 666 с. Совм. с И.А. Баклановой.
- Рец.: J. Pu // Českoslov. časopis historizne. 1964. № 4. P. 616–617.
- Сост.: Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сб. док. / Отв. ред. М.П. Вяткин, И.Н. Фирсов. М.; Л. 654 с. Комментар. к док. № 1–126. Совм. с М.Б. Давыдовой, А.И. Юхтом; Введение. § 1, 2. С. 5–12.
- Рец.: Вайнштейн О.Л. // ВИ. 1961. № 6. С. 136–139; Johansen P. // Hansische Geschichtsblätter. 1962. Jg. 80. S. 212.

1961

- Политические отношения Новгорода и карел в XII–XIV вв. // Новгород. ист. сб. Вып. 10. С. 117–136.
- Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М. С. 376–399.
- Современные норманисты о русской летописи // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей. М.; Л. С. 335–373 (ТЛОИИ. Вып. 3).

Тихвин: Ист.-краев. очерк. Л. 184 с. Совм. с Л.А. Файнштейн; 2-е изд., испр. и доп. Л., 1984. 192 с. Совм. с Л.А. Файнштейн, М.Л. Самушенковой.
Ред.: Адашкина В.И., Вассель И.П., Риор Э.М. Выборг и его окрестности: (крат. путеводитель). Л. 163 с.

1962

О возникновении города Колы // *ИЗ.* Т. 71. С. 270–279.

Публикация документов ЦГАДА в Норвегии // *ВА.* № 4. С. 106–109.

Рец.: Капитальный марксистский труд по истории Эстонии [История Эстонской ССР. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века / Под ред. А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961. 955 с.] // *Коммунист Эстонии.* № 5. С. 79–86.

Рец.: Правда, идущая из глубины веков [Лихачев Д.С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л. 1961. 120 с.] // *Новый мир.* № 2. С. 279–281. Совм. с Д.М. Гурвичем.

1963

Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV вв. // *АЕ* за 1962 год. С. 71–78.

Географическое изучение Карелии русскими людьми (до XVIII в.) // *Изв. ВГО.* Т. 95. Вып. 6. С. 522–527.

Крестьянская война и польско-шведская интервенция начала XVII в. // *Краткая история СССР: В 2 ч.* М.; Л. Ч. 1. С. 167–177.

То же на англ. яз. // *A short history of the USSR.* М., 1965. Pt 1. P. 116–123.

То же на фр. яз. // *Histoire de l'U.R.S.S. de l'antiquité à nos jours.* М., 1967. P. 94–100.

То же на исп. яз. // *Compendio de historia de la URSS.* М., 1966. Pt 1. P. 119–126.

Основные проблемы периодизации истории скандинавских стран // *Тез. докл. науч. конф. по истории, экономике, языку и лит-ре скандинавских стран и Финляндии.* Тарту. С. 5–6.

Рец. на кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма: Сб. статей / *Ред. кол.*: В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, М.М. Штранге. М., 1962. 429 с. // *ВИ.* № 1. С. 130–133.

1964

Жалованная грамота Михаила Федоровича любекским купцам 1636 г. // *Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию проф. С.Н. Валка.* М.; Л. С. 358–363 (ГЛОИИ. Вып. 7).

Проблемы периодизации истории скандинавских стран // *Сканд. сб.* Вып. 8. С. 349–369.

Русские мастера-кожевники в Швеции в XVII в. // *ИСССР.* № 2. С. 215–217.

Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л. 216 с.

Рец.: Anderson E. // *The American Historical*

Review. 1967. Vol. 72. N 2. P. 567–568; Angermann N. // *Hansische Geschichtsblätter.* 1965. Jg. 83. S. 254; Ellersieck H.E. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden. 1966. N 4. S. 595; Esper T. // *Kritika: A review of current soviet books of russian history.* 1965. Vol. 1. N 3. P. 19–22.

Рец. на кн.: Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962. 289 с. // *Изв. ВГО.* Т. 96. Вып. 1. С. 78–80.

Рец. на кн.: Сканд. сб. Таллин. 1962. Вып. 5. 399 с.; 1963. Вып. 6. 350 с.; Вып. 7. 350 с. // *ВИ.* № 11. С. 125–128.

1965

Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л. 221 с.

Рец.: Košnar L. // *Archeologické rozhledy.* 1966. T. 18. N 6. S. 737–738; Terras V. // *Jarzbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden. 1966. N. 3. S. 436–437; Widera B. // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas.* 1969. Bd. 13/2. S. 219–224.

Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (путешествие Григория Истомы) // *Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв.* М.; Л. С. 7–30.

Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л. 36 с.

Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. // *Сканд. сб.* Вып. 10. С. 83–107.

Рец. на кн.: Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А.П. Смирнова. М. 1963. 144 с. // *Сов. археология* № 1. С. 317–320. Совм. с А.Н. Кирпичниковым.

Отв. ред.: Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнич. истории и генезиса культуры. М.; Л. 264 с.

1966

Восстановление русской торговли с шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // *Сканд. сб.* Вып. 11. С. 61–80.

Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. // *Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура): Сб. статей.* М. С. 7–34.

Письменные источники о Ледовом побоище // *Ледовое побоище 1242 с.: Труды компл. экспед. по уточнению места Ледового побоища.* М.; Л. С. 169–240. Совм. с Ю.К. Бегуновым, И.Э. Клейнбергом.

Торговля России с Прибалтикой и Западной Европой в XVII в. // *Тез. докл. и сообщ. конф. по истории эконом. связей Прибалтики с Россией.* Рига. С. 13–15.

Установление прямых торговых сношений России со Швецией после Столбовского мира 1617 г. // *СВ.* Вып. 29. С. 139–158.

1967

- Волнения приписных крестьян Заонежья в 40-х годах XVIII в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И.И. Смирнова. Л. С. 128–177. (ТЛОИИ. Вып. 9).
- Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей. Л. С. 128–177 (ТЛОИИ. Вып. 10).
- Иван Александрович Голубцов: [Некролог] // Изв. ВГО. Т. 99. Вып. 3. С. 260–262.
- IX – начало XIII в. // Краткий очерк истории русской культуры (с древнейших времен до 1917 г.). Л. С. 9–60. Совм. с Ю.А. Лимоновым.
- Памятники русской архитектуры XIV–XVI вв. в городе Корела // Культура и искусство Древней Руси: Сб. статей в честь проф. М.К. Каргера. Л. С. 123–130.
- Про деякі сучасні буржуазні концепції в питанні про походження слова "Русь" // УІЖ. № 7. С. 96–105.
- Рец. на кн.: Рабочее движение в скандинавских странах и Финляндии: Сб. статей. М. 1965. 257 с. // Сканд. сб. Вып. 12. С. 285–289.

1968

- Историческая география // ВИД. Вып. 1. С. 96–118.
- Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII в.? // СА. № 3. С. 115–117.
- Об изучении проблем исторических связей Финляндии и России (с древн. времен до 1917 г.) // Тез. докл. 4-й всесоюз. конф. по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск. Ч. 1. С. 122–123.
- Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. // Тез. докл. и сообщ. конф. по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига. С. 12–13.
- Торговля России с Прибалтикой и Западной Европой в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. статей. Рига. С. 59–74.

1969

- Советские исторические атласы // ВИД. Вып. 2. С. 115–120. Совм. с И.П. Гассом.
- Suomen historian tutkimus Leningradissa // Historiallienen Aikakauskirja. № 2. S. 114–121.

1970

- Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики [Сб. статей]: Рига. С. 9–21.
- Русско-норвежский договор 1326 года // Сканд. сб. Вып. 15. С. 63–72.
- Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. статей. Л. С. 9–63 (ТЛОИИ. Вып. 11).

- Чл. редкол.: Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л. 404 с. Совм. с Н.Е. Носовым.
- Рец.: Кан А.С., Хорошкевич А.Л. // ИСССР. 1971. № 6. С. 188–190.
- Отв. ред.: Коган М.А. Отечественные путешественники XIX–XX вв.: К 125-летию Географического общества СССР. Л. 32 с. (публичные лекции, прочитанные в Лектории им. Ю.М. Шокальского. Вып. 12).
- Recent developments in the Normanist controversy // Varangian problems. Copenhagen. P. 21–38 (Scando-Slavica. Suppl. 1).

1971

- Историческая география в трудах М.Н. Тихомирова // АЕ за 1969 год. М. С. 218–225.
- Норманская проблема на современном этапе // Тез. докл. 5-й всесоюз. конф. по изучению сканд. стран и Финляндии. М. Ч. 1. С. 43–45.
- Русское мореходство на Балтийском море в XVII в. // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В.В. Мавродина. Л. С. 148–156.
- Эстония и Древняя Русь // Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn. S. 115–132.
- Науч. ред.: Псков: Очерки истории: Сб. статей. Л. 367 с.
- Рец.: Пахрин Ю. Город, в котором мы живем // Псковская правда. 1972. 24 февр.

1972

- Важная предпосылка борьбы России за Балтику в XVII – начале XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л.В. Черепнину. М. С. 368–373.
- О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы науч. сессии пол. и сов. историков. Киев. С. 55–66.
- Развитие ремесла и возникновение мануфактуры в Карелии в XVI–XVIII вв. // Материалы к сов.-фин. науч. симп. по истории ремесла и возникновения мануф. промышленности (XIV–XIX вв.), 11–15 декабря 1972 г. Л. С. 21–36.
- Русско-шведские переговоры 1626 г. // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти акад. Е.В. Тарле. Л. С. 224–242.
- Судьба государственного архива Великого Новгорода // ВИД. Вып. 4. С. 213–228.
- Ред.: Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск. 672 с.

1973

- О характере общественных отношений в "эпоху викингов" // Тез. докл. 6-й всесоюз. конф. по изучению сканд. стран и Финляндии. Таллин. Ч. 1. С. 59.
- Участие крестьянства Карелии в работах на военные нужды в первые годы войны // Материалы по истории Европейского Севера

- СССР: Сев. археогр. сб. Вологда. Вып. 3. С. 200–214.
- Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI в. // История географических знаний и открытий на Севере Европы: [Сб. статей]. Л. С. 109–131.
- Отв. ред.: История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л. 147 с.
- Venäjä ja Itämeren kysymys 1100 – 1400 –luvulla // Historiallen arkisto. N 66. S. 1–25.
- 1974**
- Вопросы истории СССР на VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии // ИСССР. № 4. С. 231–232. Совм. с А.С. Серегиным.
- Вопросы торговли в русско-шведских дипломатических отношениях на рубеже 20-х и 30-х годов XVII в. // Сканд. сб. Вып. 19. С. 70–84.
- 80-летие В.И. Равдоникаса // ВИ. № 12. С. 127–129. Совм. с Т.Д. Белановской.
- Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси: Посвящ. 70-летию М.К. Каргера: [Сб. статей]. Л. С. 70–72.
- Патриархально-родовой строй (эпоха железа до конца VIII в. н.э.) // История Швеции / Редкол.: А.С. Кан и др. М. С. 54–61.
- Возникновение раннеклассового общества и варварского государства // Там же. С. 62–82.
- Формирование и развитие национального централизованного государства XVI – начало XVII в. // Там же. С. 149–174, 176–179.
- Первый и второй советско-финские симпозиумы по социально-экономической истории // Сканд. сб. Вып. 19. С. 253–254.
- Рец. на кн.: Сельнес К. Норвегия – Россия, соседние народы за тысячу лет (Selnes Kåre. Norge–Russland, grannfolk gjennom tusen år. Oslo; Bergen; Tromsø. 1972. 232 s.) // ИСССР. № 2. С. 196–199.
- Рец. на кн.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. 1972. 388 с. // ИСССР. № 1. С. 194–200. Совм. с В.М. Бейлисом, В.В. Мавродиным, И.Я. Фрояновым.
- Чл. редкол.: История Швеции. М. 720 с.
- Рец.: Jungar S. Sovjethistorikernas Sveriges historia // Historisk Tidskrift för Finland. 1975. N 3. S. 194–197.
- 1975**
- [Выступление] // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике: Материалы II советско-финского симпозиума по социально-экономической истории, [Ленинград], 13–14 декабря 1972 г. Л. С. 136–137; 178–179.
- Развитие ремесла и возникновение мануфактурной промышленности в Карелии в XVI–XVIII вв. // Там же. С. 100–110.
- Успіхи і труднощі у вивченні норманської проблеми за останні десятиріччя // УІЖ. № 8. С. 71–80.
- Рец. на кн.: Атлас поселений Финляндии 1560-х годов. Форсса, 1973. Suomen asutus 1560-luvullan kartasto (Bebyggelsen i Finland på 1560-talet atlas). Forssa. 1973 // Изв. ВГО. Т. 107, вып. 6. С. 543–544.
- Рец. на кн.: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М. 1973. 221 с. // ИСССР. № 1. С. 194–196.
- Чл. редкол.: Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. Л. 200 с. Совм. с А.С. Каном, Ю.Ю. Кахком, Н.Е. Носовым.
- Cele wojen szwedzkich przeciwko Rosji w XVI i początkach XVII w. // Zapiski historyczne. Toruń. N 2. S. 37–54.
- Hauptrichtungen und -wege in den Handelsbeziehungen Rußlands mit Westeuropa im 16. und 17. Jahrhundert // Hansische Studien III: Bürgertum–Handelskapital–Städtebünde. Weimar. S. 46–57 (Abhandlungen zur Handels- und Sozialgeschichte. Bd 15).
- То же на рус. яз.: Основные направления и пути торговых сношений России с Западной Европой в XVI–XVII вв. // 5-й Международный конгресс по экономической истории: Докл. М.; Л., 1976. Т. 6. С. 65–74.
- 1976**
- Изучение истории скандинавских стран советскими учеными // Вопр. истории Европ. Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск. С. 116–133.
- Исследование истории Прибалтики XIII–XVIII вв. советскими учеными (1945–1975) // Turun Historiallinen Arkisto. № 31. S. 58–68.
- Проблемы развития феодализма в Финляндии // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. Л.; М. Ч. 1. С. 79–81. Совм. с А.С. Жербиным.
- Советская наука о происхождении карел // Происхождение Карелии: Докл. семинара. [Йоэнсуу] 30 июня – 2 июля 1976 г. Йоэнсуу. Сер. гектограмм А. № 24Б. С. 19–40. Совм. с А.С. Жербиным.
- Рец. на кн.: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М. 1974. 111 с. // Изв. ВГО. Т. 108, вып. 4. С. 345–346. Совм. с Е.А. Савельевой.
- 1977**
- Вопросы истории СССР на VII Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии // ИСССР. № 4. С. 224–226.
- Материалы по истории России XVI–XVII веков в Государственном архиве Финляндии // СА. № 1. С. 102–106.
- Русский рукописный атлас XVIII в. в финляндском архиве // Изв. ВГО. Т. 109, вып. 1. С. 101–102.
- "Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья": Науч. совещ. на каф. археологии ЛГУ // Сканд. сб. Вып. 22. С. 307–309. Совм. с Г.С. Лебедевым.

- Этническая структура Новгородского государства // Новгород древний – Новгород социалистический. Археология, история, искусство: Материалы науч. конф. Новгород. С. 16–17.
- Die Normannentheorie in der sowjetischen Geschichtsschreibung // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Bd 21/2. S. 145–161.
- То же на рус. яз.:* *Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси: Историогр. очерки.* Л., 1978. С. 152–165.
- 1978**
- Борьба Руси против крестовоной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 245 с.
Рец.: Матузова В.И., Джаксон Т.Н. Цикл исследований о борьбе в Восточной Прибалтике XII–XIV вв. // *ВИ.* 1988. № 12. С. 133–136; Мельникова Е.А. // *ИСССР.* 1989. № 1. С. 202–205; Angermann N. // *Hansische Geschichtsblätter.* 1980. Jg. 98. S. 229; Ellersieck H.E. // *The American Historical Review.* 1981. Vol. 86. N 2. P. 425; Lind J. *Novgorods kamp mot den svenska korstågsaggression // Historisk Tidskrift för Finland.* 1979. Årg. 64. N 3. S. 290–295; Łowmiański H. // *Zapiski historyczne.* 1980. T. 45, z. 3. S. 151–154.
- Города Северо-Западной России в XIV–XVI вв. // *Город в Северо-Восточной Европе в новое и новейшее время (XV – середина XX в.).* Таллин. С. 5–34. Совм. с Н.А. Казаковой.
- Историко-географические предпосылки основания Петербурга // *Из истории феодальной России: Статьи и очерки: К 70-летию со дня рожд. проф. В.В. Мавродина.* Л. С. 149–153.
- Образование Древнерусского государства // *Советская историография Киевской Руси: Историогр. очерки.* Л., С. 128–141.
- Развитие древнерусской государственности в XI – первой половине XIII в. // *Там же.* С. 142–151.
- Советско-финский симпозиум историков // *ВИ.* № 8. С. 179–180.
- Этническая структура Новгородского государства // *Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей.* М., С. 32–39.
- Сост., ред. переводов:* *Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из советских архивов.* М.; Стокгольм. 296 с. Совм. с М.Б. Давыдовой, Х.А. Пийримяэ, Н.В. Сеницыной и др.
Рец.: Давидсон К., Кан А.С. // *ВИ.* 1979. № 11. С. 165–168; Коваленко Г.М. // *СА.* 1980. № 5. С. 74–76; Рухманова Э.Д. // *ИСССР.* 1980. № 5. С. 202–205; Kuujo E.A. *Swedish-soviet publication on seventeenth century sources // The Scandinavian economical history review.* 1979. Vol. 27. N 2. P. 185–187; Peterson C. // *Historisk Tidskrift för Finland.* 1983. Årg. 68. N 2. S. 185–190.
- Отв. ред.:* Рыздзевская Е.А. *Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: материалы и исследования // Древнейшие государства на территории СССР, 1978. М.* 240 с.
Чл. редкол.: *Советская историография Киевской Руси: Историогр. очерки.* Л. 279 с.
Särdrag i feodalismens utveckling i Karelen (1000–1600) // Historisk Tidskrift för Finland. Årg. 63, h. 3. S. 259–269. Совм. с А.С. Жербиным.
Suomalainen väitöskirja Leningradissa // Suomen antropologi. N 4. S. 212–216.
- 1979**
- Была ли Швеция IX–XI вв. самой отсталой страной Европы? // *VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск. Ч. 1.* С. 141–143. Совм. с М.Б. Свердловым, Г.С. Лебедевым.
- Историческая география // *Советское источниковедение Киевской Руси: Историогр. очерки.* Л. С. 201–208.
- Советская литература по историографии Киевской Руси // *Там же.* С. 243–249.
- Топонимика и этнонимика // *Там же.* С. 158–162. Совм. с А.И. Поповым.
- Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии // *ВИД.* Вып. 11. С. 113–134.
- Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // *Финно-угры и славяне: Докл. первого сов.-фин. симп. по вопросам археологии.* [Ленинград], 15–17 ноября 1976 г. Л. С. 41–48.
- Советско-финский симпозиум по сравнительной социально-экономической истории // *ВИ.* № 6. С. 149–150.
- Шведские архивные материалы Ингерманландии (Ижорской земли) XVII в. в архивах Финляндии, Швеции и СССР // *VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск. Ч. 1.* С. 79–80.
- Рец.:* *Русско-финские связи XIX – начала XX в. на страницах "Исторического журнала Финляндии"* [Historisk Tidskrift för Finland. 1978. N 1] // *ИСССР.* № 6. С. 209–210. Совм. с В.Н. Возгриным.
- Ред.:* Коваленко Г.М. *Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703).* Л. 104 с.
- Ред.:* Суни Л.В. *Очерки общественно-политического развития Финляндии (50–70-е годы XIX в.).* Л. 247 с.
- Чл. редкол.:* *VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск. Ч. 1.* 226 с.; Ч. 2. 129 с.
- Чл. редкол.:* *Советское источниковедение Киевской Руси: Историогр. очерки.* Л. 264 с.
Рец.: Пронштейн А.П. // *ИСССР.* 1980. № 5. С. 186–189.

1980

- Вопросы истории СССР на VIII Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии в Петрозаводске // ИСССР. № 3. С. 218–220.
- О русско-норвежских связях // История Норвегии. М. С. 101–102, 156–158, 202–204.
Рец.: Cieślak T. Komunikaty Instytutu Baltyskiego. 1981. R. 18, z. 33. S. 111–118.
- Отв. ред.: Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков "Россия и Финляндия. 1700–1917". Л. 190 с. Совм. с Ю.С. Кукушкиным.
- Suomen lounaisrannikon suhteista Venäjään 1100–luvulla // Turun historiallinen arkisto. 1980. N 34. P. 52–63.
- Talopoikaisliikkeitä 1500–luvun lopun Suomessa ja sen peruspiirteet // Historiallinen aikakauskirja. 1980. N 2. S. 112–120. Совм. с А.С. Жербиным.

1981

- Восстановление русской торговли с шведскими владениями после Валиесарского перемирия 1658 г. // Сканд. сб. Вып. 26. С. 61–72.
[Выступление] // Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность: Материалы V сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории. 9–11 октября 1978 г. Л. С. 61–62, 124–125.
- Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. М. С. 43–54.
- Крестьянская война в Финляндии в конце XVI в. // ВИ. № 8. С. 76–90. Совм. с А.С. Жербиным.
- Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // ВИД. Т. 12. С. 271–281. Совм. с В.Е. Возгринам.
- О роли норманнов в Древней Руси в IX–XI вв. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Uppsala 20–22 avril 1979. Uppsala. P. 203–214.
- Отв. ред.: Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность: Материалы V сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории. 9–11 октября 1978 г. Л. 158 с. Совм. с Н.Е. Носовым.
- Ред.: Экономические связи между Россией и Швецией в XVI в.: [Сб. док.]. М. Вып. 1. 188 с.; Вып. 2. С. 189–392.
- Förbindelser mellan östra Europa och Skandinavien // Festskrift tillägnad Matts Dreijer på hans 80-årsdag 31.01.1981. Mariehamn. S. 245–253 (Ålands Folkminnesförbund. Bygdeserie, N 5).

1982

- Михаил Иванович Белов: [Некролог] // ВИ. № 1. С. 189.
- Особенности развития феодализма в Карелии (XI–XVI вв.) // ИСССР. № 4. С. 132–141. Совм. с А.С. Жербиным.
- Шведское великодержавие // IX Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литерату-

ры и языка сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. Тарту. Ч. 1. С. 101–102.

- Рец. на кн.: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978 // Сов. археология. № 2. С. 288–291. Совм. с Д.А. Мачинским.
- Рец. на кн.: Скрынников Р.Г. Россия накануне "Смутного времени". М. 1980. 205 с. // ИСССР. № 3. С. 189–193.
- Ред., предисл.: Раскин А.П. Скандинавские страны: Рекомендат. библиогр. указатель. М. 95 с.
- Ред.: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: [Сб. док.] М. Вып. 3. С. 393–604.
- Отв. ред.: Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX вв. Л. 158 с.
- Kaksi Suomen 1600–luvun historiaan liittyvää asiakirjaa SNTL:n historiantutkimusinstituutin Leningradin osaston arkistossa // Turun Historiallinen Arkisto. N 37. S. 131–135. Совм. с В.Е. Возгринам.
- Russland unter Peter I. in der sowjetischen Historiographie // Historiographische Forschungen zur Geschichte Rußlands. Halle. S. 197–219 (Beiträge zur Geschichte der UdSSR; 3). Совм. с А.И. Копаневым.

1983

- Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии: Межвуз. сб. Л. С. 35–51 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7).
- Рец. на кн.: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Л. 1980. Ч. 1: Мангазейский морской ход. 164 с.; М., 1981. Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землетроходцев XVI–XVII вв. 148 с. // СЭ. № 4. С. 154–156. Совм. с Т.А. Бернштам, Б.И. Шаньгиной.
- Рец. на кн.: Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции, XIII–XV вв. М., 1980. 360 с. // Сканд. сб. Вып. 28. С. 180–183.
- Ред.: Савельева Е.А. Олаус Магнус и его "История северных народов". Л. 135 с.
- Ред.: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л. 238 с.
- Чл. редкол.: Карелы Карельской АССР / Ред. кол.: А.С. Жербин (руководитель) и др. Петрозаводск. 288 с.
- Venäjä ja Suomi Pohjan sodan vuosina (1700–1721) // Suomalais-Neuvostoliittolaiset historiantutkijoiden symposiumit, Helsinki, 22–24 октября 1979; Petroskoi, 21–23 октября 1981. Helsinki. S. 15–30 (Historiallinen Arkisto. N 80). Совм. с Ю.Н. Беспятым.
- То же на рус. яз.: Россия и Финляндия в годы Северной войны (1700–1721) // Труды VIII Советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск, 21–23 октября 1981 г. Л., 1985. С. 22–23. Совм. с Ю.Н. Беспятым.

География русского рынка середины XVII в. по сведениям шведского чиновника П. Лофельдта // География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев): Сб. науч. тр. Л. С. 49–65.

Историко-географические предпосылки возникновения и развития Архангельска // Роль Архангельска в освоении Севера: Тез. докл. Всесоюз. конф. Архангельск, июнь 1984. Архангельск. С. 43–45.

Новые материалы архивов Хельсинки, Тарту и Москвы по аграрной истории северо-западной России // Северо-Запад в аграрной истории России: Сб. науч. тр. Калининград. С. 3–8.

О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгор. ист. сб. Вып. 2(12). С. 188–202.

Устройство шведского гостиного двора в Новгороде после Столбовского мира 1617 г. // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск. С. 102–111.

Отв. ред.: География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев): Сб. науч. тр. Л. 105 с.

Борьба со Швецией за возвращение утраченных новгородских владений (конец XV в.) // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тез. докл. и сообщ. науч. симп. [Новгород, 29–31 мая 1986 г.]. Новгород. С. 9–10.

Возвращение Россией берегов Невы – выхода к Балтийскому морю // ВИ. № 9. С. 43–53.

Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. С. 95–99.

Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв. // Сканд. сб. Вып. 30. С. 113–123. Совм. с М.Б. Свердловым.

Норманская проблема в исторической науке 1970-х – 80-х годов // 10-я Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М. Ч. 1. С. 122–124.

Положение крестьянства в Ижорской земле в конце XVI – начале XVII в. // Северо-запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Калининград. С. 98–104.

Рец.: Новый труд по истории русско-скандинавских связей [Engman M. St Petersburg och Finland. Migration och influens 1703–1917. Helsingfors, 1983. 453 s.] // ИСССР. № 2. С. 209–210. Совм. с Ю.Н. Беснятых.

Keskiaikaisten kaupunkien, Tallinnan, Riian, Viipurin ja Turun syntyminen Itämeren itärannalle // Suomalais-neuvostoliittolainen historiantutkijoiden symposium. Riika, 1–7 декабря 1985 г. Helsinki. S. 9–29 (Historiallinen Arkisto. T. 88).

То же на рус. яз.: Возникновение средневековых городов на восточных берегах Балтики

(Таллин, Рига, Выборг, Турку) // Труды X Сов.-фин. симпозиума историков. Рига, 2–4 декабря 1985 г. Л., 1988. С. 12–26.

New phenomena in the Baltic trade of Russia in the seventeenth century // The Scandinavian economic history review. Vol. 34. № 1. P. 41–53.

Venäjän luoteisosan asuttaminen ja taloudellinen käyttöönotto 1400-luvun lopulle asti // VIII Suomalais-Neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi turussa 2–6 сентября 1984 г. Tammissaari. S. 69–81 (Turun Historiallinen Arkisto. 41).

Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л. 176 с.

Рец.: Матузова В.И., Джаксон Т.И. Цикл исследований о борьбе в Восточной Прибалтике XII–XIV вв. // ВИ. 1988. № 12. С. 133–136; Мельников Е.А. // ИСССР. 1989. № 1. С. 202–205.

Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII – начало XIV в. Петрозаводск. 141 с.

О судьбе архивных материалов г. Ниеншанца // ВИД. Т. 18. С. 333–342.

Памяти Александра Михайловича Линевого: [Некролог] // Сов. археология. № 1. С. 300–301. Совм. с Ю.А. Савватеевым, А.Д. Столярком.

Шведский источник об осаде Нотебурга Петром I // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л. С. 216–222.

Внешняя политика Новгородского государства в XIII в. (основные направления) // Внешняя политика Древней Руси: Юбил. чтения, посвящ. 70-летию со дня рожд. чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–22 апреля 1988 г.: Тез. докл. М. С. 116–117.

Первая советско-финляндская публикация источников // Историография дореволюционной Карелии. Петрозаводск. С. 89–100. Совм. с З.В. Дмитриевой.

Роль Таллина во внешней торговле России в первой половине XVII в. // Вопросы истории Европейского Севера: Соц.-экон. проблемы: Межвуз. сб. Петрозаводск. С. 85–93.

Русь и прибалтийско-финские племена в VII–XIII вв. // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: Сб. тез. М. С. 15–16.

Рец.: Недочеты новой книги о Северной войне [Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.А. и др. История Северной войны 1700–1721 гг. М. 1987. 212 с.] // ВИ. № 8. С. 163–164.

Чл. редкол.: Труды X Советско-финляндского симпозиума историков. Рига, 2–4 декабря 1985 г. Л. 133 с.

Ижорская земля (Ингерманландия) в последние месяцы шведской власти (1702–1703) // Древнейшие государства на территории СССР, 1987. М. С. 145–151.

Начало шведского господства в Ижорской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование) / Руководитель авторского коллектива А.Л. Шапиро, Л. Разд. 4, гл. 1. С. 188–192. Совм. с Ю.Н. Беспятых.

Развитие землевладения в Ижорской земле в XVII в. // Там же. Гл. 2. С. 193–199. Совм. с Ю.Н. Беспятых.

Население Ижорской земли в XVII в. // Там же. Гл. 3. С. 200–205. Совм. с Ю.Н. Беспятых.

Русские люди в Стокгольме в XVII в. // Историко-культурный семинар "Стокгольм–Петербург". Ленинград, 23–25 октября 1989 г.: Тез. докл. Л. С. 3–4.

Русь и племена севера Восточной Европы (IX–XIV вв.) // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма: [Сб. тез.] М. С. 11–13.

Становление советской науки по истории Финляндии // XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М. С. 68–69.

Третий крестовый поход шведских рыцарей на восточные берега Балтики (1293 г.) // СВ. Вып. 52. С. 130–145.

1990

Историческая география и смежные историко-географические дисциплины // География и культура: Материалы к IX съезду Географического общества СССР. Л. С. 118–120.

Невская битва (к 750-летию) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г.: Тез. докл. С. 139–140.

Советская наука по истории Финляндии // Советское финно-угроведение: Опыт и проблемы: Сб. науч. тр. Л. С. 3–6.

Walka Rusi przeciwko ekspansji niemieckich zakonów cysterskich w XIII wieku // Ekspansja niemieckich zakonów cysterskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku: Materiały z konf. historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988. Toruń. S. 103–120.

1991

Памятники русско-византийского искусства на острове Готланд // ВИД. Т. 23: XVIII Международный конгресс византистов. Москва, 8–15 августа 1991 г. С. 134–143.

1992

Д.В. Бубрих и его теория происхождения карельского народа // Д.В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. Л. С. 78–81.

Древний Таллин на путях между Западом и Востоком // Цивилизация Северной Европы: Средневековый город и культурное взаимодействие: [Сб. ст.]. М. С. 29–37.

Переселение финских крестьян в Ингерманландию в XVII в. // Население Ленинградской области: Материалы и исслед. по истории и trad. культуре: Сб. науч. тр. СПб. С. 80–89.

Финские ученые в Императорской Санкт-Петербургской академии наук (первая половина и середина XIX в.) // Советско-Финляндский симпозиум "Императорская Санкт-Петербургская академия наук и Финляндия". Санкт-Петербург, 24–26 сентября 1991 г.: Тез. докл. сов. участников. СПб. С. 10–12.

1993

Время и семья Малоземовых. М. 46 с. Совм. с П.А. Малоземовым, А.П. Гуляевым.

То же на англ. яз.: Time and the Malosev family. М.

Конфликт Новгорода со Швецией в 1337–1339 гг. // Новгор. ист. сб. Вып. 4(14). С. 52–71.

Р.Б. Мюллер (1896–1989) // ВИД. Т. 24. С. 292–298. Совм. с К.Н. Сербиной.

Окончание русско-шведского политического сближения конца 20-х – начала 30-х годов XVII в. // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. тр. Петрозаводск. С. 13–21.

Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах юго-восточной Прибалтики // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М. С. 98–101.

Старейшее известие о русском торговом селении на территории будущего Петербурга (начало XVII в.): По материалам Стокгольм. архива // Феодальная Россия. Новые исследования: Сб. науч. ст. СПб. С. 42–45.

1994

Д.В. Бубрих и советское финно-угроведение // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Памяти Д.В. Бубриха: Сб. науч. тр. СПб. С. 3–10.

Крестьянство Ингерманландии (Ижорской земли) в XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб. С. 142–146.

О трактовке некоторых вопросов истории формирования Древнерусского государства // Мавродинские чтения: Материалы и докл. Санкт-Петербург, 10–12 октября 1994 г. СПб. С. 3–5.

Основатель русского финно-угроведения: К 200-летию со дня рождения академика И.А. Шёгрена // ВРАН. Т. 64, № 12. С. 1128–1130.

Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб. 190 с.

- Рец.:* Некрасов Г.А. // Отечественная история. 1995. № 6. С. 186–189.
- Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма: историограф. обзор // ОИ. № 2. С. 155–160.
- Сведения об истории Руси X–XIV вв. в исландских анналах // ВИД. Т. 25. С. 231–239.

1995

- Невская битва 1240 года в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха: Исслед. и материалы. СПб. С. 15–23.
- Сражение на Неве (к 750-летию) // Князь Александр Невский: Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. [Загл. обл.: Колпица: Тез. науч.-практ. конф.] СПб. С. 61–69.

В печати

- Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // ВИД. Т. 26. Совм. с В.Е. Возгриным, Т.А. Шрадер.
- Новгородские владения на берегах Ботнического залива. XIII–XIV вв. // Новгород. ист. сб. Вып. 6(16).
- Промыслы Беломорской Карелии // Русский Север и Ийгерманландия: Сб. СПб. (Ист. этнография. Вып. 5).
- Novgoroder Handel in Stockholm im 17. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 52.

Статьи в газетной периодике, популярных журналах, детских изданиях

- Блестящая победа: К 700-летию Невской битвы // Смена. 14 июля.
- Орешек – Нотебург // На страже родины. 1940. 14 авг.
- Микита Галаган // На страже родины. 1940. 30 авг.
- Эстонское восстание 1222–1224 гг. // На страже родины. 1940. 4 сент.
- Михаил Илларионович Кутузов // На страже родины. 1940. 12 сент.
- Русский народ в борьбе за национальную независимость (К 560-летию Куликовской битвы) // На страже родины. 1940. 8 сент.
- Ледовое побоище // На страже родины. 1941. 30 июня.
- Александр Невский // Рыбинская правда. 1942. 25 сент.
- Джакомо Гваренги: 200 лет со дня рождения выдающегося зодчего нашего города // Смена. 1944. 20 сент.

- Основание Кронштадта (240 лет; 1704–1944) // Огонек. 1944. № 41/42. С. 13.
- Первая морская битва русского флота // Костер. 1945. № 7/8. С. 12–13.
- Лужичане. Славянский народ на реке Шпрее // Огонек. 1945. № 15/16. С. 14.
- В Центральном музее связи // Огонек. 1945. № 18. С. 11.
- Рождение Балтийского флота // Там же. № 26. С. 14–15.
- У истоков многовековой дружбы // Сов. Эст. 1946. 2 марта.
- Изучение истории Прибалтики в Ленинграде // Там же. 23 нояб.
- История Прибалтики в трудах советских ученых // Сов. Латвия. 1947. 4 сент.
- Красная площадь // Там же. 6 сент.
- Новые работы по истории Новгорода // Новгород. правда. 1947. 26 дек.
- Михаил Илларионович Кутузов // Там же. 1948. 28 апр.
- По страницам истории // Изучай свой край: Книга юного краеведа. Л. 1951. С. 247–265.
- Знаменательная дата // Ленинская правда. 1953. 3 апр.
- Начало строительства Балтийского флота: К 250-летию // На вахте. 1953. 5 апр.
- Новые работы по истории Новгорода // Новгород. правда. 1953. 19 апр.
- Первая морская победа на Балтике: К 250-летию // На вахте. 1953. 19 мая.
- Полезная книга [Рец. на кн.: По водным путям Северо-Запада: Путеводитель / Сост. Г. Евгеньев (Г.В. Пашенко). Л. 1956. 270 с.] // Смена. 1956. 30 авг.
- Внешняя политика Новгорода в XIII–XV вв. // Новгород. правда. 1959. 21 авг.
- Новгородский исторический сборник [Рец. на кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1936–1959. Вып. 1–9(1)] // Новгород. правда. 1959. 6 сент.
- Великий Новгород и Эстония // Там же. 1961. 2 марта.
- Крепость Копорье // Балтийский луч. 1963. 1 июня.
- [Интервью] / Мисонжников Б. На карте – устье Невы // Веч. Ленинград. 1980. 29 янв.
- Где находилось селение "Старый Выборг" (разгадка тайны) // Старый Выборг. 1991. № 2 (апрель).

Статьи в энциклопедиях

- БСЭ. 2-е изд. М., 1956–1957.
- Ульфльот // Т. 44. С. 213–214.
- СИЭ. М., 1961–1971.
- Валиесарский договор 1658 // Т. 2. Стб. 936.
- Варяги // Там же. Стб. 990–991; Ореховский (Ореховецкий мир) // Т. 10. Стб. 610–611.

65 ЛЕТ ИСТОРИКО-АРХИВНОМУ ИНСТИТУТУ РГГУ

СПИСОК АВТОРЕФЕРАТОВ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА И КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ЗАЩИЩЕННЫХ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ МГИАИ-РГГУ В 1989–1996 гг.¹

В 1989–1996 гг. в РГГУ (до апреля 1991 г. – МГИАИ) работали три диссертационных совета по историческим наукам: два докторских и один кандидатский, в которых защищались диссертации по всеобщей истории, отечественной истории, историографии, источниковедению, архивоведению, музееведению, теории и истории культуры.

Анализ тематики диссертаций, защищавшихся в советах РГГУ в этот период свидетельствует о том, что наиболее стабильно были представлены диссертации по отечественной истории, источниковедению и архивоведению.

В 1989–1996 гг. в РГГУ защищено 34 диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, в том числе 12 – преподавателями Историко-архивного института и 118 кандидатских диссертаций, в том числе 20 – преподавателями, 70 – аспирантами ИАИ².

Настоящий список авторефератов диссертаций дан в хронологическо-алфавитной последовательности (по датам публикации авторефератов). В начале каждого года приводятся сведения об авторефератах докторских диссертаций, отмеченные буквой Д.

1989 г.³

1. *Климов С.Н.* Военно-организаторская деятельность Коммунистической партии в Средней Азии, 1917–1924. Д
2. **Козлов В.П.* Русская археография конца XVIII – первой четверти XIX в. Д
3. **Королев Г.И.* Теория публикации исторических источников в социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Д
4. **Самошенко В.Н.* Центральные исторические архивы дореволюционной России XVIII – начала XX в. в Д

5. ***Вяликова Л.В.* Московское городское самоуправление в 1912 – феврале 1917 гг.
6. ***Егоров Н.Д.* Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 г.
7. ***Журавлев С.В.* Источники по созданию "Истории фабрик и заводов" Москвы в 1931–1938 гг.
8. *Кириченко О.А.* Славянофильство на рубеже 50–60-х годов XIX в.: Ист. концепция и общ.-полит. программа.
9. ***Кручинина Е.В.* Биографическая хроника В.И. Ленина периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Источников. анализ.

¹ Подготовили Л.В. Тропкина, А.Б. Ситникова. Список авторефератов за 1949–1970 гг. см.: АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 332–337; за 1971–1980 гг. см.: АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 269–274; за 1980–1989 гг. см.: АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 249–256.

² Авторефераты диссертаций преподавателей ИАИ отмечены знаком *, аспирантов – знаком **.

³ Учтены авторефераты диссертаций, не вошедшие в АЕ за 1989 год.

10. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX в.
11. Очнева Н.П. Министерство земледелия и государственных имуществ, 1894–1905: К вопросу о кризисе аграрной политики самодержавия накануне революции 1905–1907 гг.
12. Рыбалкин В.П. Пограничные войска северо-западных рубежей страны в Великой Отечественной войне, 1941.
13. **Ударова О.В. Источники по истории освоения целинных и залежных земель на Южном Урале, 1954–1963.
14. Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией. На примере Москвы.
15. **Юсунов Р.К. Рабочие Узбекистана в период перехода от войны к миру и в годы восстановления народного хозяйства, 1945–1950.
16. Медведева Г.А. Научно-справочный аппарат к аудио-визуальным документам государственных архивов: Состояние и перспективы развития автоматиз. поиска док. информации.
17. **Пронина Л.И. Научно-исследовательская деятельность Центральных государственных архивов СССР в 1960–1980-х годах и проблемы ее совершенствования: На примере ЦГАОР СССР и ЦГАНХ СССР.
18. **Розанова И.Е. Главполитпросвет РСФСР, 1920–1930.
19. **Топчиева И.В. Советские художники в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945.
20. Тулепбергенов Т.Т. Идеино-воспитательная работа партийных организаций Казахстана в трудовых коллективах нефтяной и нефтехимической промышленности, 1976–1985.
21. **Яценко В.В. Деятельность партийных организаций областей Центрального Черноземья по развитию связей науки и промышленного производства, 1976–1985.

1990

1. Адушкин Н.Е. История становления и развития социально-классовой структуры Мордовской АССР 1917–1985. Д
2. Бурдей Г.Д. Социальные функции советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны. Д
3. Нгуен Ван Тхам. Проблемы определения ценности документов Государственного архивного фонда СРВ и комплектования документальными источниками государственных архивов. Д
4. *Сотникова С.И. Источниковедение русских карт XVII – начала XX в. Д
5. Субаев Н.А. Деятельность Коммунистической партии по установлению, укреплению и развитию интернациональных связей трудящихся страны Советов с рабочим классом зарубежных стран: По материалам парт. организаций Поволжья и Приуралья в 1918–1926 гг. Д
6. Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период первой мировой войны, 1914–1918: Всероссийский земский союз. Всероссийский союз городов, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет. Д
7. Автократов А.В. Военно-исторические архивы дореволюционной России.
8. **Басина Г.М. Состав и деятельность руководящих профсоюзных органов в конце 20–30-х годов.
9. Веденева Т.П. Становление и развитие системы документации по социальному обеспечению трудящихся в СССР.
10. **Дмитриева Т.В. Историко-партийные взгляды В.И. Ленина в советской историографии (вторая половина 20 – начало 30-х годов).
11. **Кондратенко А.Н. Материальный уровень жизни советских служащих в 1921–1928 гг.
12. **Кузнецова Р.В. Документы о жизни и деятельности академика И.В. Курчатова, 1895–1989: История, проблемы комплектования, систематизации и использования фонда личного происхождения.
13. Леонидов В.В. Московское восстание 1771 г.: Источников. исследование.
14. **Лысак А.А. Социально-политическое и хозяйственное положение экономических крестьян Европейского Севера в 60–80-х годах XVIII в.: По материалам Вологодской, Великоустюжской и Архангелогородской провинций.
15. *Мальшикин С.А. Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и его "Описание Отечественной войны в 1812 году".
16. Медведева Г.А. Научно-справочный аппарат к аудио-визуальным документам государственных архивов: Состояние и перспективы развития автоматиз. поиска док. информации.
17. **Пронина Л.И. Научно-исследовательская деятельность Центральных государственных архивов СССР в 1960–1980-х годах и проблемы ее совершенствования: На примере ЦГАОР СССР и ЦГАНХ СССР.
18. **Розанова И.Е. Главполитпросвет РСФСР, 1920–1930.
19. **Топчиева И.В. Советские художники в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945.
20. Тулепбергенов Т.Т. Идеино-воспитательная работа партийных организаций Казахстана в трудовых коллективах нефтяной и нефтехимической промышленности, 1976–1985.
21. **Яценко В.В. Деятельность партийных организаций областей Центрального Черноземья по развитию связей науки и промышленного производства, 1976–1985.

1991

1. *Архипова Т.Г. Высшие и центральные государственные учреждения РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Организация и основные направления деятельности. Д
2. Волченко А.В. Отечественная историография рабочего класса Сибири 1917 – середины 30-х годов. Д
3. Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в Советской России, 1917–1925. Д
4. Гальперина Б.Д. Документальные публикации по истории трех российских революций. Д
5. Колесник И.И. Зарождение и развитие историографических знаний в России, XVIII – начало XIX в. Д
6. Кушнин А.Г. Генезис политико-административного устройства Советской России. Д
7. Солодкин Я.Г. Русская публицистика начала XVII в.: Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и "Временника" Ивана Тимофеева. Д
8. Усанов В.И. Историография истории горнозаводского Урала 30–90-х годов XIX в. Д

тов центральных государственных архивов г. Москвы в народнохозяйственных и социально-культурных целях, 1960–1980.

1992

9. *Беляков В.В.* Организация и деятельность школьных детских домов и интернатов Московской области в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945.
10. *Бухерт В.Г.* История Архива Межевой канцелярии (Центрального межевого архива), 1768–1939.
11. *Ван Там Тху.* Система архивных справочников к документам государственных архивов СРВ: Опыт сов. архивоведения и его применение в СРВ.
12. *Герасимова И.В.* Документационное обеспечение управления научно-исследовательской деятельностью высшей школы, 1917–конец 1980-х годов.
13. *Журавлева В.И.* Проблемы политической и социальной жизни России конца XIX в. в общественном мнении США.
14. *Иванов В.А.* Источники по истории губернского чиновничества 50–60-х годов XIX в.: На примере Моск. и Калуж. губ.
15. *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945.
16. *Красников А.А.* Население Мордовии в 20–30-е годы. Структура, воспроизводство, миграция.
17. *Леонтьева О.Г.* Формирование комплекса документов по истории сельского хозяйства: На примере Тверск. обл., 1985–1990.
18. *Маркин О.А.* Патриотическое воспитание моряков-североморцев накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945: На примере экипажей надводных кораблей.
19. *Мышов Н.А.* Петроградская революционная армия труда и ее деятельность по восстановлению народного хозяйства в 1920 г.
20. *Наумов В.П.* Организация и внутриполитическая деятельность Конференции при высочайшем дворе, 1756–1762.
21. *Павлович М.К.* Оружейная палата XVIII в. – учреждение, мастерская, музей.
22. *Паскаль А.Д.* Источники по истории славяномолдавской книжности XV–XVI вв.: По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда.
23. *Пека О.В.* Архивы и архивные документы в политической жизни советского общества в 1920–1930-е годы.
24. *Петрова Н.А.* Архивное дело в России в годы 1-й мировой войны, 1914–1918.
25. *Резникова Т.И.* Программа "Интеркосмос". Становление, реализация, проблемы, 1967–1990.
26. *Сгадлева Л.В.* Публикация документов по истории национально-государственного строительства в СССР советскими архивными учреждениями, 1960–1980.
27. *Сорокина Т.В.* Публикация документов по истории индустриализации СССР советскими архивными учреждениями в 1960–1980-е годы.
28. *Тараканова И.Г.* Использование документов центральных государственных архивов г. Москвы в народнохозяйственных и социально-культурных целях, 1960–1980.
1. *Добрушкин Е.М.* Теоретические проблемы отечественной археографии. Д
2. *Лозунов А.П.* Революция 1905–1907 годов и российская социал-демократия. Д
3. *Стрекопытов С.П.* Организация управления наукой СССР в условиях складывания тоталитарного режима (20–30-е годы). Д
4. *Филимонов С.Б.* Историческое краеведение в России и документальные памятники, 1917–1929. Д
5. *Альтман М.М.* Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: Из опыта работы ЦГА СССР и гос. архивов Российской Федерации.
6. *Афанасьева В.И.* Революционная и государственная деятельность Д.И. Курского.
7. *Бойченко Л.Д.* Проблемы теории и методики использования документов по истории народного хозяйства: На примере государственных и ведомственных архивов Карелии, 1960–1980-е годы.
8. *Деревянко И.В.* Военное Министерство России в период русско-японской войны 1904–1905 гг.
9. *Кац А.А.* Фонды личного происхождения Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС) г. Москвы: Комплектование, состав, научное использование.
10. *Комарицын С.Г.* А.И. Рыков – глава Советского правительства (1924–1930): Опыт полит. биографии.
11. *Кононова А.Ю.* Частновладельческое крестьянство Нижегородского края во второй половине XVII в.: Миграционные процессы.
12. *Кузнецов С.Л.* Формирование и деятельность органов ЦКК–НК РКИ: Историография проблемы. 1923–1934 гг.
13. *Лопырева Т.А.* Социал-демократическая политика на страницах газеты "Звезда" (1910–1912).
14. *Тараканова С.В.* Межархивные информационные системы к документам Государственного архивного фонда СССР, 1960–1990.
15. *Тропольская Н.Г.* Палеографический анализ надписей на памятниках прикладного искусства XVII–XVIII вв.: По фондам Гос. Ист. Музея.
16. *Хубова Д.Н.* Устная история и архивы. Зарубежные концепции и опыт.
17. *Юрчикова А.Ю.* Синдикаты как форма управления государственной промышленностью, 1921–1929.
18. *Якушев С.В.* Комплектование Централь-

ного партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС историко-партийными документами, 1929–1991.

1993

1. *Магидов В.М. Кинофотофонодокументы. Проблемы историографии, архивоведения и источниковедения. Д
2. *Ходаковский Н.И. Моделирование информационных процессов социальной памяти общества: Архивовед. аспекты. Д
3. Д'Амато Джузеппе. Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI вв. как исторический источник.
4. **Быкова Л.А. Родословные книги Тверской губернии 1785–1917 гг. как источник по истории русского провинциального дворянства.
5. Воскобойникова Н.В. Источники по истории революционных событий 1917 г. в Нижегородской губернии: Типология, структура, источниковед. анализ.
6. **Исакова Е.В. Документы Российского государственного архива экономики (РГАЭ) в системе научного знания: Архивовед. аспект.
7. **Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX – начала XX в. III отделение с.е.и.в. канцелярии и Департамент полиции МВД.
8. Соболева Н.Ю. Документы архивов институтов биологического профиля АН СССР как источники по истории науки.
9. *,**Столярова Л.В. Кодикология древнерусских памятников письменности. Надписи XI–XIV вв. как объект кодикологического исследования.
10. **Шербина Т.А. Отечественные публикации архивных документов по истории русской армии в период первой мировой войны 1914–1918 гг.

1994

1. Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография. Д
2. *Березовая Л.Г. Самосознание русской интеллигенции начала XX в. Д
3. Алексеева Е.В. Архивоведческая мысль в СФРЮ, 1945–1991.
4. *Астахов А.Б. Всероссийский союз городов, 1914–1918.
5. Быков А.В. Денежное обращение на территории Европейского Севера России в первой половине XVII в.
6. *,**Ермакова И.Н. Становление и развитие советского государственного делопроизводства, 1917–1959.
7. Заворотная Л.А. Научно-исторические общества в России в XIX – начале XX в. и развитие русской нумизматики.
8. **Зайцева Л.П. Знаменная коллекция Центрального музея Вооруженных Сил как исторический источник по истории Советской Армии, 1918–1945.

9. **Курляндский И.А. Проблемы реконструкции архивных фондов (в работах советских исследователей 1917–1991 гг.)
10. *Лезов С.В. Канонические евангелия. История и современное состояние их исследования.
11. *,**Плютко П.А. История и опыт реконструкции архива А.А. Богданова (Малиновского (1873–1928)): Документы А.А. Богданова и документы о его жизни и деятельности в российских и зарубежных архивах.
12. *,**Прокопенко Н.А. ИТАР–ТАСС как источник комплектования Архивного фонда России фотодокументами.
13. Середва Н.В. Городовые магистраты последней четверти XVIII в.: Источниковед. исследование по материалам Твер. губ.
14. *,**Шарова А.В. Евгений Алексеевич Косминский и советская историческая наука 1920–1950-х годов.

1995

1. Бурков В.Г. Историографические аспекты отечественных фалеронимов и фалеристики, 1710–1993. Д
2. Соловьев В.М. Отечественная историческая мысль о восстании С.Т. Разина. Д
3. *Старостин Е.В. Зарубежное архивоведение: Проблемы истории, теории и методологии. Д
4. Белозерова В.Г. Проблемы хранения, оформления и реставрации традиционной живописи в Китае.
5. **Берснева И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири: Межпартийный блок "Политический центр" – ноябрь 1919 – январь 1920 гг.
6. **Егоров А.Н. Архив конституционно-демократической партии: Опыт реконструкции по материалам кадетских организаций Арх., Вологод., Олонек. и Новгор. губ.
7. Куликов В.И. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1878–1881.
8. Лобаикова Т.А. Публикации источников генеалогического и биографического характера о доме Романовых (издания второй половины XIX – начала XX в.).
9. **Наумов О.Н. Московская генеалогическая школа конца XIX – первой половины XX в.
10. Середва В.Н. У истоков Тверского краеведения: Ист.-краевед. деятельность в Твери в 70-е годы XVIII в.
11. *,**Туровцева С.В. Фотографические альбомы по истории войн России второй половины XIX – начала XX в.: Опыт архивовед. и источниковед. исследования.
12. *Фролов А.И. Музееведческая мысль в России XIX – первой трети XX в.
13. **Шулепникова Е.И. Архивы Европейской России в годы революции и гражданской войны (проблема сохранности документов).

1. Селезнева Л.В. Российский либерализм на рубеже XIX–XX веков и европейская политическая традиция. Д
2. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в "Повести временных лет". Д
3. **Алексеева Л.К. Источники о жизни и творчестве В.В. Маяковского в собрании Государственного литературного музея: Проблемы интерпретации.
4. *, **Афанасьева Л.П. Личные архивы и коллекции деятелей диссидентского движения России в 1950–1980 гг.
5. *, **Барышева Е.В. В.И. Невский – историк и археограф.
6. **Болтнева О.Ю. Викжель и формирование первой политической оппозиции Советскому правительству, 1917.
7. *, **Глебова И.И. Отечественные публикации источников по истории внутренней политики России конца XIX – начала XX в.
8. **Еришов В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг.
9. **Кондрашкина Е.С. Кодикология лицевых литургических рукописей Москвы рубежа XVI–XVII вв.
10. *Плакса М.В. Отечественные публикации документов по истории кризиса политической системы в России в годы первой мировой войны, 1914–1917.
11. **Попов Н.А. Труды русских историков второй половины XIX в. как источники по истории формирования исторической психологии.
12. **Санин О.Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.
13. **Фельдман Д.З. Документы РГАДА по социально-экономической истории евреев в России. Вторая половина XVIII–XIX вв.
14. Хитерер В.М. Документы по еврейской истории в киевских архивах, XVI–XX вв.

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ КАФЕДРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА РГУ

Конференции, проводимые кафедрой, стали важнейшей составляющей научной жизни института и университета. Разнообразие проблематики и широта хронологического охвата, обязательная постановка проблемных докладов привлекают внимание специалистов не только из России, но и из ряда зарубежных стран, 100–120 заявленных докладов на каждой конференции – это привычные для организаторов масштабы. Успеху этих научных встреч способствует также и то, что кафедра умеет представить в качестве тем конференций вызывающие особый интерес направления исследований в сфере гуманитарных наук. Организаторы всегда исходили из представления о том, что источниковедение как направление, научная дисциплина играет интегрирующую роль в современном гуманитарном знании, выполняет роль метода комплекса наук о человеке. Следуя такому пониманию источниковедения, разрабатываемому кафедрой в течение многих десятилетий, проблематика конференций лежит в сфере источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и изучения их взаимосвязей с другими науками гуманитарного цикла.

Кафедра всегда утверждала в своей деятельности принцип преемственности, творческого восприятия и продолжения научных традиций, заложенных выдающимися представителями отечественной исторической науки, разрабатывавшими проблемы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: А.С. Лаппо-Данилевским, М.Н. Тихомировым, первыми заведующими кафедрой А.Н. Сперанским и А.И. Андреевым. В течение нескольких недавних лет жизни ушли профессора, сделавшие неизмеримо много для научного становления кафедры. В 1980 г. не стало А.А. Зимина. В 1990 г. – А.Л. Станиславского, заведующего кафедрой и инициатора проведения первой в стране конферен-

⁴ Учены авторефераты диссертаций, защищенных до 1 декабря 1996 г.

ции по генеалогии, и В.Б. Кобрина. В 1991 г. – заведующего кафедрой в 1960–1976 гг. Е.А. Луцкого¹. Конференции 1990–1993 и 1995 гг. были посвящены их памяти.

Мировая практика научных встреч выработала и разные традиции их проведения. Организуя свои конференции – всероссийские (всесоюзные) и международные – по охвату участников, кафедра полагает, что каждая конференция не только обсуждает те или иные научные проблемы, а участники ее представляют результаты своих исследований, новые методики, вводят в научный оборот неизвестные ранее исторические источники, но и подводит итоги исследований, определяющих место этих проблем в сфере проблематики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Особенно важно то, что в период, когда научное общение значительно затруднено по причинам и политическим, и экономическим, конференции кафедры помогают выявлять специалистов, работающих по данной тематике в разных районах России и зарубежом, определять перспективные направления развития гуманитарных наук. Таким образом, корпус докладов и сообщений, представляемых ежегодно, является и показателем состояния источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, а также достаточно репрезентативен для суждения о динамике гуманитаристики, формирования научных школ и направлений.

Проведение научных встреч такого масштаба требует совместных усилий многих научных центров, поэтому соорганизаторами конференций выступают другие кафедры и институты РГГУ, а также Археографическая комиссия РАН и Институт российской истории РАН.

Традицией конференций стало представление программных теоретических докладов, готовящихся кафедрой, и подведение итогов, где обобщаются материалы сообщений и их обсуждений. К началу конференции кафедра стремится выпускать сборники тезисов и материалов. Программы некоторых конференций представлены в "Вестнике гуманитарной науки" (М., 1994. № 1 (15). С. 3–4; 1996. № 2 (28). С. 7–10).

Отчеты о конференциях с итогами обсуждения докладов публикуются в научной периодике:

Морозов Б.Н., Муравьев В.А., Простоволосова Л.Н. Первая конференция по генеалогии // История СССР. 1990. № 2. С. 219–221; Чтения памяти А.А. Зимины. Чтения памяти А.Л. Станиславского // История СССР. 1991. № 5. С. 220–221; *Простоволосова Л.Н.* Чтения памяти В.Б. Кобрина // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 89; *Б.М.* Первая конференция по генеалогии // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1993. Вып. 1 (45). С. 73; *Б.М.* Историко-родословная тематика на чтениях памяти А.Л. Станиславского // Там же. С. 73–74; *Б.М.* Доклады по генеалогии на чтениях памяти В.Б. Кобрина // Там же. С. 74–75; *Казаков Р.Б.* Источниковедение XX столетия // Кентавр. 1993. № 2. С. 133–142; [*Румянцева М.Ф.*] О конференциях, проводимых кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исслед. деятельность, обществ. организации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1994. С. 176–177; *Kazakov R.B., Prostovolosova L.N., Rumjanceva M.F.* Quellenkunde am Historischen Institut für Archivwesen // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. В.: Akademie Verlag, 1994. Bd. 1: RuBland im 20 Jahrhundert. S. 183–189; *Майорова А.С.* Конференция *Казаков Р.Б.* "Источниковедение XX столетия" // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 354–355; *Казаков Р.Б.* Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: [Обзор докл. науч. конф. в РГГУ 29–31 января 1996 г.] // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 113–116.

¹ Кафедра вспомогательных исторических дисциплин, 1939–1989: Ист. справка: Библиогр. список изданий / Сост.: О.М. Медушевская, А.Т. Николаева, Л.Н. Простоволосова / Под ред. В.А. Муравьева; МГИАИ. М., 1989. 43 с.; *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин / Отв. ред. О.М. Медушевская; МГИАИ. М., 1990. 71 с.

Ниже публикуется содержание сборников тезисов докладов и сообщений восьми конференций, проведенных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ в 1988–1996 гг., а также содержание сборника тезисов конференции "Исторический источник: Человек и пространство", проведенной кафедрой совместно с Археографической комиссией РАН в феврале 1997 г. и посвященной памяти заведующего кафедрой в 1943–1949 гг. профессора А.И. Андреева и профессора кафедры В.К. Яцунского.

Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. докл. и сообщений межвуз. науч. конф. Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г. / Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), В.Б. Кобрин, М.П. Лукичев, В.Д. Назаров, Л.Н. Простоволосова, А.Л. Станиславский, Е. Иванова (секр.); Мин-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Головной совет по архивовед., документовед. и науч.-тех. информации, МГИАИ. М., 1989. 140 с. 350 экз.

Содерж.: Введение. С. 3; *Кобрин В.Б.* Перспективы развития генеалогических исследований. С. 4–7; *Кулаков В.И.* Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам "из прус". С. 7–8; *Назарова Е.Л.* Генеалогия местных родов в Ливонии и эволюция их ленного землевладения. С. 9–11; *Павлов А.П.* Проблема "боярство и дворянство" XVI–XVII вв. и генеалогия. С. 12–14; *Баненис Э.Д.* Личность И.С. Сапеги и судьба рода Сапег. С. 15–16; *Нарбут А.Н.* Родословие Нарбутов. С. 16–18; *Семенченко Г.В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х годов. XV в. С. 18–21; *Котляров А.Н.* К изучению генеалогического состава детей боярских "двора" Ивана III. С. 21–22; *Каптанов С.М.* Кто был Карл, "сестричич" Василия III? С. 22–26; *Кольцова Н.Е.* Династия Крымских Гиреев во второй половине XV – первой половине XVI вв. С. 26–27; *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Массовые источники по генеалогии новгородского дворянства и его эволюции в XVIII в. С. 27–29; *Сокуров В.Н.* О роде князей Черкасских. С. 29–31; *Кадик В.А.* Генеалогия ростовских дворян XVIII в. С. 31–33; *Таценко С.Н.* Служилые чингисиды и их связь с русской аристократией в XVI в. С. 33–35; *Сапожников С.А., Шмаров Ю.Б.* Генеалогия рода Араповых. С. 35–37; *Думин С.В.* Опыт историко-генеалогического исследования смоленской шляхты в XVII–XVIII вв. С. 37–42; *Рикман В.Ю., Сапожников С.А.* Генеалогия рода Апрельных. С. 42–43; *Булакова Л.А.* Становление профессиональных династий российской интеллигенции. С. 43–46; *Демченко А.А.* Генеалогия Н.Г. Чернышевского. С. 46–47; *Аксенов А.И.* Генеалогия и уездные купеческие общества Подмосковья XVIII в. С. 47–50; *Черных В.А.* Родословная Анны Ахматовой. С. 50–51; *Киселев И.А.* Генеалогический состав боровского дворянства во второй половине 16–17 вв. С. 52–53; *Кучкин В.А.* Гости-сурожане "Сказания о Мамаевом побоище". Кто они? С. 54–56; *Варенцов В.А.* Генеалогия крупнейших торговых фамилий Новгорода XVII в. С. 56–58; *Шилов В.В.* Происхождение и состав купечества подмосковного города в конце XVII – начале XVIII вв. (Гостиняя сотня Серпухова). С. 58–61; *Булычев А.А.* Из истории дворянского рода Крабовых в последней четверти XVI–XVII вв. С. 61–64; *Мейерович М.Г.* О складывании пролетарских династий в России: На материалах Ярославской Большой мануфактуры. С. 64–66; *Филатов Н.Ф.* Бобыльско-крестьянский род лысковчан-нижегородцев XVII в. Антроповых. С. 67–68; *Медушевская О.М.* Социальный состав мореходов XVIII в. С. 68–69; *Кротов М.Г.* Опыт изучения генеалогии крепостного крестьянства по массовым источникам: На материалах селца Захарова. С. 69–70; *Кузнецов Е.В., Золотов В.И.* Опыт изучения нового дворянства в Англии XV в. С. 70–72; *Эльфонд И.Ф.* Проблемы генеалогии в политической публицистике Франции второй половины XVI в. С. 72–74; *Минаков С.Т.* Генеалогический фактор политической борьбы во Франции в 40–50-е годы XVII в.: На материале исследования политической деятельности маршала Тюренна. С. 74–76; *Хорошкевич А.Л.* Печать князя всея Руси: сфрагистическая и генеалогическая традиции. С. 77–79; *Назаров В.Д.* Дворовая тетрадь: Проблемы источниковедения. С. 80–83; *Люткина Е.Ю.* Генеалогический состав мит-

ропочных светских слуг: Историография проблемы и ее дальнейшее изучение. С. 83–85; *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII в. как источник по истории высшего служилого сословия России. С. 86–87; *Бычков М.Е.* Родословные росписи XVI–XVII вв. в системе памятников русской общественной мысли. С. 87–89; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Родословная роспись дворян Палицыных. С. 89–90; *Козляков В.Н.* Источники по генеалогии Ярославского дворянства XVII в. С. 90–93; *Катагощина М.В.* Родословные книги Московской губернии конца XVIII–XIX вв. С. 93–95; *Баранов К.В.* Опыт генеалогии мелкопоместного дворянского рода (XVI–XVIII вв.); Источники. С. 96; *Быкова Л.А.* Дворянская родословная книга Тверской губернии 1786–1797 гг.: Источники. История составления. С. 97–100; *Дубровский А.М.* Историография и генеалогия. С. 100–102; *Румянцева В.В.* Состояние изучения генеалогии и геральдики в УССР. С. 103–104; *Сахаров И.В.* Генеалогия и библиография. С. 104–107; *Севастьянова А.А.* Генеалогические материалы в трудах провинциальных историков второй половины XVIII в. С. 107–109; *Краско А.В. С.Д.* Шереметев – русский историко-генеалог. С. 110; *Калантырская И.С., Леренман М.М.* Архив Савелова в Государственном Историческом музее: Обзор фонда. С. 110–112; *Присенко Г.П.* Генеалогия в исследованиях тульских историков XVIII–XX вв. С. 112–114; *Морозов Б.Н., Понсов В.А.* О методике составления родословных росписей русских дворянских родов (XIV – начало XX в.). С. 115–120; *Беленький И.Л.* Генеалогия и биографика. С. 120–122; *Шенелев Л.Е.* Функционирование родственных отношений в русском обществе XVIII – начала XX вв. как проблема генеалогических исследований. С. 123; *Сахаров И.В.* Организация генеалогических исследований на общественных началах: Опыт работы научного семинара "Генеалогия и история семей" в Ленинграде. С. 124–126; *Рикман В.Ю.* Опыт применения ЭВМ в генеалогических исследованиях. С. 126–127; *Бойко В.П.* Место генеалогии в изучении сибирской буржуазии XIX в. С. 127–130; *Казачков В.А., Ольдерогге Г.Б., Рикман В.Ю., Сапожников С.А., Хохлов В.П., Афанасьевы Д.Н. и М.Д., Скоморохова И.Л.* К вопросу о создании генеалогического фонда участников Отечественной войны 1812 г. С. 131–133; *Писаренко Э.Е.* Генеалогия дома Строгановых в научном наследии А.А. Введенского. С. 133–136.

Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. / Отв. ред.: Ю.Н. Афанасьев, А.Н. Новосельцев; Редкол.: В.Б. Кобрин, В.А. Муравьев, В.М. Панях, А.А. Преображенский, Л.Н. Простоволосова, А.Л. Станиславский, А.Л. Хорошкевич; АН СССР. Ин-т ист. СССР, МГИАИ. М., 1990. [Вып. I–II]. 324 с. 500 экз.

Содерж.: [Вып. I]. *Кобрин В.Б., Хорошкевич А.Л.* Предисловие. С. 3–4; *Аверьянов К.А.* "Записи по истории сел" митрополичьей копийной книги. С. 5–8; *Агафонов А.И.* Казачество Российской империи: Некоторые историогр. и методол. проблемы изучения. С. 9–12; *Алексеев Ю.Г.* Белозерская уставная грамота 1488 г. – первый законодательный акт единого Русского государства. С. 13–15; *Амосов А.А.* Заметки о некоторых историографических мифах: О датировке Лицевого летописного свода. С. 16–17; *Ананий Б.В., Лебедев С.К.* Ричард Сутерланд – банкир Екатерины II. С. 18–21; *Анхимова Ю.В.* К вопросу о времени взятия в опричнину Ростова и Ярославля. С. 22–25; *Афферики Д.* Образ Ивана Грозного в трудах С.Б. Веселовского. С. 25–26; *Баненис Э.Д.* Литовская метрика и архив Великого Княжества Литовского. С. 27–29; *Буганов В.И.* А.А. Зимин о народных движениях в феодальной России. С. 29–30; *Бурдей Г.Д.* Споры об Иване Грозном в историографии и культуре военных лет, 1941–1945. С. 31–32; *Бычкова М.Е.* Русский феодал в глазах иностранцев, XVI–XVII вв.: Методы источниковед. анализа. С. 33–34; *Вовина В.Г.* Особенности позднего русского летописания. С. 35–38; *Воскобойникова Н.П.* О ссылке князя В.В. Голицына с семьей в Пустоозерский острог. С. 39–42; *Галко В.И.* Спорные вопросы истории Древней Руси XI–XIII вв. и методика исторического источниковедения. С. 43–46; *Гальцов В.И.* Описание архива Посольского приказа 1632 года как источник информации о документах Царского архива XVI в.

С. 46–48; *Голицын Ю.П.* Установление дворянской монополии на винокурение в середине XVIII в. С. 48–50; *Гонца Г.В.* К изучению отношений Молдавии и России в первой половине XVI в. С. 51–55; *Горский А.А.* Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы (XIV в.). С. 56–57; *Граля И.* "Федор Рос" византийского кодекса середины XIII в. С. 58–60; *Дашкевич Я.Р.* Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси. С. 61–62; *Дмитриев М.В.* Старец Артемий и религиозно-общественная борьба в украинско-белорусских землях во второй половине XVI – начале XVII в. С. 63–64; *Добродомов И.Г.* Комплекс источников по этнической истории буртасов в X–XVII вв. С. 65–66; *Добрушкин Е.М.* К проблеме установления текста публикуемого документа в археографии: Историогр. аспект. С. 66–69; *Дубровский А.М.* К характеристике государственно-юридического направления в отечественной историографии. С. 70–71; *Думин С.В.* "Татарщина" в земельном праве Великого Княжества Литовского. С. 72–75; *Дячок О.А.* Политическая и социально-экономическая история народов СССР в "Хронике Сарматии" Александра Гваньини. С. 76–80; *Ермолаев И.П.* Создание Приказа Казанского двorca и отражение его деятельности в документах Государственного архива России XVII в. С. 80–82; *Заборовский Л.В.* Некоторые спорные и малоисследованные проблемы источниковедения внешнеполитической истории России XVII в.: Статейные списки: По материалам середины 50-х годов. С. 83–86; *Иванов В.И.* Формирование Сумского посада в XVI–XVII вв. С. 86–87; *Ивина Л.И.* Эволюция состава уездного дворянства второй половины XV–XVI в.: На примере Угличской земли. С. 88–92; *Каменский А.Б.* Историческое сознание русского общества середины – второй половины XVIII в. С. 92–95; *Каменцева Е.И.* Символика печатей духовенства из собрания Отдела нумизматики ГИМ. С. 95–97; *Карев Д.В.* Вхождение Белоруссии в состав Российской империи глазами современников и в историографической традиции конца XVIII–XX вв. К проблеме влияния политики на историческое видение минувшего. С. 97–102; *Каштанов С.М.* К вопросу о понятии "достоверность" в применении к активным источникам. С. 103–106; *Киреева Р.А.* Первое вето: [Неопубликованные работы А.А. Зимина о В.О. Ключевском]. С. 107–108; *Кобрин В.Б.* Из истории Старицкого удела и двора. С. 109–111; *Ковальский Н.П.* Структура источниковой базы по социально-экономической истории Украины XVI–XVII вв. С. 112–116; *Козлова Н.В.* Из истории формирования общественного сознания купечества в XVIII в. С. 117–120; *Козлов В.Н.* Служилый "город" Ярославского уезда в конце XVI – первой половине XVII в. С. 121–125; *Колычева Е.И.* К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного ("Темные места" о землевладении служилого князя М.И. Воротынского в годы опричнины). С. 125–130; *Комиссаренко А.И.* Царизм и земельные владения духовенства в конце XVIII – первой половине XIX в. С. 130–132; *Котляров А.Н.* Княжеские "дворы" в неофициальном летописании XV в. С. 133–136; *Крамми Р.* Истоки власти бояр в XVII в.: Потомки верховских служилых князей. С. 137–140; *Кривошеев Ю.В.* Москва и москвичи в начале XIII в. С. 140–143; *Кром М.М.* К вопросу о позиции западно-русских и белорусских городов в период войн России с Великим Княжеством Литовским конца XV – первой трети XVI в. С. 144–147; *Кулмажатов Д.С.* Посольские книги по связям России с Хивой второй половины XVII в. как историко-лингвистический источник. С. 148–150; *Левуцкая Н.В.* Синодики переславских монастырей как исторический источник. С. 151–153; *Лизунова О.Г.* Дело Воронцовых и И.И. Кубенского: Из истории политической борьбы 40-х годов XVI в. С. 154–155; *Лимонов Ю.А.* Работы А.А. Зимина о Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. и изучение проблемы баскачества. С. 156–157; *Липаков Е.В.* Роль казанской ссылки 1565 г. в формировании дворянства и светского феодального землевладения в Казанском крае. С. 157–159; *Лурье Я.С.* Вопросы методики источниковедения в работах и письмах А.А. Зимина. С. 160–162.

[Вып. II]. *Майорова А.С.* Кто был автором "Введения к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи" (1745 г.)? С. 163–166; *Медушевский А.Н.* Указ о майорате 1714 г. С. 170; *Мезин С.А.* Историк XVIII века И.И. Голиков. С. 171–174; *Михальченко С.И.* XVI век в исторической концепции М.В. Довнар-Запольского. С. 174–177; *Морозов Б.Н.* Частные архивы как источник для изучения

социальной структуры русского общества XVII в. С. 178–181; *Морозов В.В.* О парадигме, историографии и Алексее Адашеве. С. 181–182; *Морозова С.А.* К исследованию одной источниковедческой загадки: Интерполяции в так называемой Хрущовской Степенной книге и методика их анализа. С. 183–186; *Морозов Л.Е.* О методике изучения повествовательных источников А.А. Зимина. С. 187–190; *Мустафаев Т.Т., Гаджиева С.М.* Азербайджан в русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 190–192; *Назаров В.Д.* Опричнина в контексте современной историографической ситуации: Заметки и размышления. С. 193–198; *Никитин Н.И.* К вопросу о взаимоотношениях пришлого и коренного населения Урала и Сибири в XVI–XVIII в. С. 199–203; *Ниче П.* Москва – третий Рим? С. 205; *Оя Т.Ф.* Об источниках по истории установления границ Лифляндии и Эстляндии в XVIII в. С. 206–207; *Павлов А.П.* О начальном этапе становления воеводского управления в России. С. 208–211; *Панеях В.М.* Время возникновения древнерусского частного акта: Историогр. заметки. С. 211–214; *Пашин С.С.* Холопы в Галицкой (Червонной) Руси XI–XV вв. С. 215–218; *Петрова О.И.* Боярское правительство в период Смутного времени. С. 218–220; *Плигузов А.И.* Апокрифическое "Правило святых отец 165 на обидящих божиа церкви". С. 221–224; *Подградская Е.М.* Взаимовлияние Молдавии и ряда стран Центральной и Восточной Европы на культуру ремесленного производства (XVI–XVII вв.). С. 225–227; *Попнэ А.В.* Становление почитания Владимира Великого. С. 228–231; *Пушкарев Л.Н.* Некоторые вопросы источниковедения русской общественной мысли X – начала XIX в. С. 232–235; *Рабинович М.Г.* Обряды жизненного цикла у русских горожан в XVI в. С. 236–238; *Рыков Ю.Д.* Строгановские рукописные и старопечатные книги в фондах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. С. 238–241; *Санынов Б.В.* А.А. Зимин и датировка "Слова о полку Игореве". С. 242–245; *Севастьянова А.А.* История русского средневековья в отечественной провинциальной историографии второй половины XVIII в. С. 245–249; *Синицина Н.В.* Спорные вопросы истории нестяжательства, или О логике исторического доказательства. С. 250–254; *Сокуров В.Н.* Включение кабардинских земель "черкасских и горских князей" в титул русского царя и политические реалии. С. 255–259; *Станиславский А.Л.* Тоталитаризм XX века и проблема опричнины в трудах Л.М. Сухотина. С. 259–263; *Торке Г.Й.* Так называемые земские соборы.: К вопросу о сословно-представительной монархии в России. С. 263–266; *Уо Д.К.* По поводу фальсификации письменных источников и представлений о ней на Древней Руси. С. 266–267; *Федорин К.Д.* Печатный приказ как тип государственного учреждения допетровской России. С. 267–270; *Флоря Б.Н.* Новые данные о биографии Ивана Бегичева. С. 271; *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука: Некоторые наблюдения. С. 271–273; *Фроянов И.В., Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* О социальных основах развития письменности и грамотности в Древней Руси. С. 273–279; *Фурсов А.И.* Российское государство XVIII в. и "административная система" сталинизма: Ист. связи и аналогии. С. 279–284; *Хорошкевич А.Л.* Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного. С. 285–290; *Хорошкевич А.Л.* Русь, Русия, Московия, Россия, Московское государство, Российское царство. С. 290–291; *Хоффманн П.* Россия и Реформация. Заметки о немецко-русских культурных отношениях в первой половине XVI в. С. 292; *Чекунова А.Е.* Слуги и служебники в вотчинном хозяйстве конца XVII – первой половине XVIII в. С. 292–294; *Черкасова М.С.* Хозяйственная документация Троице-Сергиева монастыря конца XVI – первой четверти XVII в. С. 295–298; *Швейковская Е.Н.* Приходо-расходные книги XVI–XVII вв.: Типология и классификация. С. 299–302; *Шмидт С.О.* А.Ф. Адашев и Ливонская война. С. 303–306; *Щапов Я.Н.* Из истории советской исторической науки (проф. В.Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920–1930-х годов). С. 306–309; *Юрганов А.Л.* Духовная Василия III и завещательная традиция XIV–XVI вв. С. 310–313; *Яковенко Н.Н.* О роли княжеской прослойки в этнической консолидации земель Правобережной Украины. Конец XVI – первая половина XVII в. С. 313–316.

Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. / Ред. кол.: В.А. Му-

равьев (отв. ред.), В.Б. Кобрин, Б.Н. Флоря, А.Б. Каменский, С.П. Мордовина, Л.Н. Простоволосова, И.Л. Беленький, В.Д. Назаров; Гос. комитет РФ по делам науки и высш. школы. МГИАИ. М., 1991. 280 с. 300 экз.

Содерж.: Предисловие. С. 3–4; *Флоря Б.Н.* Научное творчество А.Л. Станиславского. С. 5–12; *Беленький И.Л.* А.Л. Станиславский: Реализм исторического мышления. С. 13–15; *Станиславский А.Л.* Источники о русском походе П.К. Сагайдачного 1618–1619 гг. в московских архивах. С. 16–17; *Станиславский А.Л.* Русские документы в Главном архиве древних актов в Варшаве. С. 18; *Аверьянов К.А.* Московские "сорок сороков". С. 19–21; *Акинъшин А.Н.* Купеческо-дворянские семьи в жизни провинциального города XVIII–XIX вв. (Гарденины, Савостьяновы, Тулиновы в Воронеже). С. 22–23; *Андреев И.Л.* Дворянство в Московском восстании 1648 г. С. 24–25; *Андрянов Б.В.* Историко-географические закономерности взаимодействия общества и природы. С. 26–28; *Анисимов Е.В.* Самодержец в системе государственной власти (Петр I и реформа государственного аппарата 1718–1724 гг.). С. 29–31; *Баранов К.В.* Историография Поганой книги. С. 32–33; *Беспярых Ю.Н.* Перевод иностранных повествовательных источников как источниковедческая задача. С. 34–35; *Богатова Г.А.* Русская историческая лексикография: К вопросу об использовании и сохранности картотечных собраний). С. 36–37; *Богатырев С.Н.* Путила Михайлов: Поместный дьяк и опричный казначей. С. 38–39; *Бойко В.П.* Из истории дворянского рода Базилевских. С. 40; *Брянцев М.В.* Источники пополнения приказнослужителей в городах Юго-Западного края в начале XVIII в. С. 41–42; *Буганов В.И.* Допросы разинцев как исторический источник. С. 43; *Булгаков М.Б.* Автобиографии посадских людей первой половины XVII в. как массовый исторический источник. С. 44–45; *Булычев А.А.* О колдовском заговоре против бубонной чумы: По материалам архива Разрядного приказа. С. 46–48; *Быкова Л.А.* Методы и приемы изучения дворянских родословных книг 1785–1917 гг. С. 49–51; *Бычкова М.Е.* Генеалогия в изучении формирования сословной структуры русского общества. С. 52–53; *Варенцов В.А.* Торговый дом новгородского гостя Семена Гаврилова во второй половине XVII в.: Материалы к биографии. С. 54–55; *Вовина В.Г.* К изучению состава правительственных верхов эпохи Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. С. 56–57; *Высокова В.В.* Типология исторических источников. С. 58–59; *Герасимова Е.С.* К истории рода Безобразовых: По данным родословных росписей 1687 г. и актовых материалов конца XV–XVII вв. С. 60–61; *Гралья И.Ч.* Падение московского канцлера. С. 62–63; *Григорьева Н.Е.* Заговоры XVII–XIX вв. как исторический источник. С. 64; *Гущина Е.В.* Заводчики Мальцевы (четыре поколения в русской промышленности). С. 65–66; *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси. С. 67–68; *Дегтев С.В.* Об источниках "Мерила праведного": Предварительные наблюдения. С. 69–70; *Демидова Н.Ф.* Эволюция структуры русского городского казачества XVII в. С. 71–72; *Дмитриев К.В.* Изучение проблем исторической географии Великого княжества Литовского в белорусской историографии XIX–XX вв. С. 73–75; *Добродомов И.Г.* Имена собственные как источник для истории буртасов. С. 76–78; *Добрушкин Е.М.* Концепция истории отечественной археологии и проблемы археологической теории. С. 79–81; *Долгих А.Н.* Абсолютизм, дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой половине XIX в. С. 82–83; *Долгова С.Р.* "Повседневные записки" А.Д. Меншикова как исторический источник эпохи Петра Первого. С. 84; *Дубровский А.М.* Неофициальная версия истории России: К характеристике исторических воззрений А.П. Спундэ. С. 85–86; *Думин С.В.* Историко-родословное общество в Москве: Традиции и современность. С. 87; *Елисейев Г.А.* Апокрифические тексты в средневековой русской историософии. С. 88; *Елисейева О.И.* Реконструкция записок Г.А. Потемкина к Екатерине II за 1774–1776 гг. С. 89–90; *Ермолаев И.П.* Местные органы управления в России XVI–XVII вв.: К историографии вопроса. С. 91–92; *Жаринов Г.В.* Роспись владений членов Государева двора 1653 г. С. 93–94; *Загоровский В.П.* О методах анализа исторических источников при определении дат основания южнорусских городов в XVI в. С. 95–96; *Илизаров С.С.* Роль стереотипов в компенсации текстовых лакун. С. 97–98; *Ингерфлом К.С.* Самозванство и

коллективные представления о власти в русской истории XVII–XX вв. С. 99–100; *Кадик В.А.* Эволюция структуры ростовского служилого "города" в XVII в. С. 101–102; *Казаков Р.Б.* "Стояние на Угре" в "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. С. 103–104; *Каменицкий А.Б.* "Записки" Екатерины Второй: Попытка нового прочтения. С. 105–106; *Камкин А.В.* Волостной архив XVIII в. С. 107–108; *Карев Д.В.* Историческое сознание белорусского крестьянства в XIX – начале XX в.: Проблема влияния полит. и идеол. факторов. С. 109–111; *Кашианов С.М.* К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. С. 112–115; *Киселев И.А., Крапивин С.В.* Землевладение "московских чинов" в Боровском уезде в XVII в. С. 116–117; *Кистерева С.Н.* "Окупленные люди" в жалованных грамотах XV в. С. 118–119; *Князева Е.Ю.* К вопросу об истории текста "Сказания о Тихвинской иконе". С. 120–122; *Князьков С.Е.* О квалификации политических преступлений конца XVI – начала XVII в. С. 123–124; *Кобзарева Е.И.* Официальная версия Смуты в наказах послам. С. 125–126; *Кобрин В.Б.* Еще раз о "записках Генриха Штадена". С. 127–128; *Козлова Н.В.* Экономические предложения купцов и законодательство российского абсолютизма во второй четверти XVIII в. С. 129–130; *Козляков В.Н.* Служилые "города" в Первом ополчении 1611–1612 гг. С. 131–132; *Коллманн Н.Ш.* Проблема чести женщины в Московской Руси, XVI–XVII вв. С. 133–134; *Кононова А.Ю.* Изменение численности тяглого населения Закудемского стана Нижегородского уезда в период между переписями 1646 и 1678 гг. С. 135–136; *Королев Г.И.* Печатные справочники и публикации источников по сфрагистике и геральдике за рубежом. С. 137–138; *Кошелева О.Е.* Реконструкция росписного списка земельных владений думных чинов 1647/48 г. и его сведения о боярском землевладении. С. 139–140; *Кротов М.Г.* Семья вне семьи: Генеалогическое начало в формировании и функционировании социокультурных структур. С. 141–142; *Кучкин В.А.* Ханы Малой орды. С. 143–144; *Лаврентьев А.В.* К истории русского просвещения начала XVIII в.: Навигацкая школа в первые годы своего существования. С. 145–146; *Лапицкая К.А.* Источники по истории Соловецкого восстания 1668–1676 гг. С. 147–149; *Левицкая Н.В., Сукина Л.Б.* К вопросу об изучении надгробных плит XVI–XVII вв. некрополей Переславского уезда. С. 150–151; *Левицкая Н.В.* Монастырские вкладные книги Переславля-Залесского XVII в. С. 152–154; *Липаков Е.В.* Генеалогический состав казанского дворянства второй половины XVI – первой половины XVII в. С. 155; *Лукичев М.П.* Два документа к биографии дьяка Ивана Тимофеева автора "Временника". С. 156; *Люткина Е.Ю.* Десятия детей боярских рязанского архиепископа 1604 г. С. 157–158; *Максимович К.А.* "Пандекты" Никона Черногорца в славяно-русском переводе: Проблемы истории текста. С. 159–160; *Мангулев П.И.* Исторические представления русских старообрядцев-беспоповцев. С. 161–162; *Мацук М.А.* Мирские разрубные и платежные списки как источник о положении черносошного крестьянства Поморья XVII в. С. 163; *Медушевская О.М.* Источники о плаваниях русских мореходов на Алеутские острова во второй половине XVIII в. С. 164–165; *Медушевский А.Н.* Проблемы феодализма в русской исторической науке конца XIX – начала XX в.: Новые архивные материалы. С. 166–167; *Мельникова А.С.* К вопросу о социальной и финансовой политике правительства Михаила Федоровича после Смуты. С. 168; *Милов Л.В.* К истории домоводческого отношения к природе в России, XVIII в. С. 169–170; *Митрофанов Н.Н.* Генеалогия в ракурсе новейшего времени. С. 171–174; *Михальченко С.И.* Новый документ о социальной борьбе в частновладельческом городе в России начала XVIII в. С. 175; *Мишенкова М.В.* Н.П. Лихачев как исследователь родословий русского дворянства: По материалам личного фонда ЛО Архива АН СССР. С. 176; *Морозов Б.Н.* Родословная роспись князей Ростовских XV в. С. 177–178; *Мохначева М.П.* Журнал "Военный сборник" о географии и статистике казачьих войск России. С. 179; *Мустафина Д.А.* Социально-классовая структура в Казанском крае в начале XVII в. С. 180; *Мухамедов А.И.* Разрядный приказ XVI в.: Poleмика между Н.П. Лихачевым и Д.А. Корсаковым. С. 181; *Назаров В.Д.* "Князь великий Василий Иванович всеа Русии" – соправитель Ивана III. С. 182–185; *Нарбут А.Н.* Родословные двух древних родов Леонтьевых. С. 186–187; *Неволин Ю.А.* Влияние идеи "Москва – третий Рим" на традиции

древнерусского изобразительного искусства: Прогресс или первый шаг к разрешению? С. 188–189; *Никитин Н.И.* Об эстетическом восприятии природы человеком феодальной эпохи. С. 190–191; *Павлов А.П.* О практической реализации указа 1586/87 г. о подмосковных поместьях. С. 192–193; *Павлович М.К.* Новые источники по истории Оружейной палаты XVIII в. С. 194–195; *Павлов-Сильванский В.Б.* Источниковедение писцовых книг: К вопросам классификации и идентификации. С. 196–197; *Панеях В.М.* Б.А. Романов об издании "Духовных и договорных грамот..." и задачах археографии. С. 198; *Пашков А.М.* Предания о "панах" как источник по истории Смутного времени на Русском Севере. С. 199–200; *Присенко Г.П.* Научная биография В.А. Левшина и история российского просвещения. С. 201–202; *Простоволосова Л.Н.* А.И. Андреев и Петроградский археологический институт. С. 203–204; *Прохоров М.Ф.* О генеалогии крестьянской семьи в России в эпоху позднего феодализма. С. 205–206; *Прохоров М.Ф.* Жилые записи XVIII в. как исторический источник. С. 207–208; *Редин Д.А.* Классы и сословия в крестьянской войне 1773–1775 гг.: Мастерские и работные люди Уральских заводов. С. 209–211; *Рикман В.Ю.* Загадка псковских Львовых. С. 212–213; *Румянцева М.Ф.* Выходцы из казачества в местном звене государственного аппарата во второй половине XVIII в. С. 214–215; *Рыкова О.В.* К истории преподавания генеалогии в МГИАИ. С. 216–217; *Сапожников С.А.* Ассимиляция греческих дворянских родов в России: На примере семей Мавромихали, Анастасьевых, Кази. С. 218–220; *Светенко А.С.* К вопросу о создании и видовой принадлежности сочинений П.И. Рычкова о восстании Пугачева. С. 221–222; *Севастьянова А.А.* Историка русской провинции второй половины XVIII в.: Судьбы и время. С. 223–224; *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады в житецком списке Первого подмосковного ополчения 1611 г. С. 225–226; *Симонов Р.А.* И.С. Пересветов и гороскоп Ивана Грозного. С. 227–228; *Скрынников Р.Г.* Проблемы гражданской войны в России в начале XVII в. С. 229–230; *Смагина Г.И.* Академия наук и распространение просвещения в России в XVIII в. С. 231–232; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 233–235; *Сотникова С.И.* К вопросу об источниковедении исторической экологии. С. 236–237; *Сошников В.Е.* Служилые роды Воротынского уезда во второй половине XVI – первой половине XVII в. С. 238–239; *Старостин Е.В.* Архивология. С. 240; *Столярова Л.В.* О "стяжании" древнерусских рукописей XI–XIV вв. С. 241–242; *Строганов Л.С.* Переяславские села по духовным грамотам московских князей XIV в. С. 243–244; *Турилов А.А.* Восточнославянские генеалогические источники в книгохранилищах Афона. С. 245; *Тюренкова О.В.* Редкая русская гравюра в собрании Дмитровского музея: Обзор фонда. С. 246–247; *Федорин К.Д.* Центральные органы управления и церковь в России 1613 г. по материалам книг Печатного приказа. С. 248–249; *Хорошкевич А.Л.* "Гаралда вымол" в Новгороде. С. 250–251; *Хоруженко О.И.* Дипломы на дворянство и титулы XVIII в.: Проблемы выявления и учета. С. 252; *Черкасова М.С.* Новая писцовая книга земель Троице-Сергиева монастыря конца XVI в. С. 253–254; *Чернышева М.И.* К вопросу о греческих и латинских оригиналах источников Словаря русского языка XI–XVII вв. С. 255–257; *Шаховской Д.М.* О методике источниковедческого анализа материалов русского зарубежья. С. 258–259; *Швейковская Е.Н.* Мир – универсальная общественно-социальная структура феодальной России, XI–XVII вв. С. 260–261; *Шмидт С.О.* Предпосылки "устной истории" в историографической культуре России. С. 262–263; *Шубадева О.Б.* О датировке второй договорной грамоты великого князя Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским. С. 264–265; *Эскин Ю.М.* Смута и местничество. С. 266–268; *Юрганов А.Л.* О стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного. С. 269–270; *Афферика Дж.* Переписка князя М.М. Щербатова с Г.Ф. Миллером. С. 271–272.

Чтения памяти В.Б. Кобрин "Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма": "Тез. докл. и сообщений. М., 26–29 января 1992 г. / Редкол.: В.А. Муравьев, С.М. Каштанов, М.П. Лукичев, Л.Н. Простоволосова, А.А. Севастьянова, А.Л. Хорошкевич, Ю.М. Эскин, А.Л. Юрганов; РГГУ. ИАИ. М., 1992. 221 с., 1 л. портр. 400 экз.

Содерж.: *Севастьянова А.А.* Владимир Борисович Кобрин (1930–1990): Вехи биографии. С. 3–8; *Каштанов С.М.* Слово о Владимире Борисовиче Кобрине – ученом, человеке и гражданине. С. 8–11; *Маматова Е.П.* Владимир Борисович Кобрин: Ученый, коллега, человек. С. 11–15; *Лизунова О.Г., Петрова О.И.* В.Б. Кобрин как педагог. С. 15–16; *Панеях В.М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В.Б. Кобрин. С. 16–18; *Юрганов А.Л.* Представление о феодальном правовом государстве в последних работах В.Б. Кобрин. С. 18–20; *Смирнов И.В.* Этика истории в публицистических и популярных работах В.Б. Кобрин. С. 20–22; *Аверьянов К.А.* Волости и станы средневековой России. С. 23–26; *Алексеюнас В.* Литовские монеты XIV–XV вв.: Проблемы типологии. С. 26–28; *Андреев И.А.* "Служилый город" в политической борьбе XVII в. С. 28–30; *Балашова Ю.П.* Документы ЦГАДА о формировании экономических районов Подмосковья во 2-й четверти XVIII в. (Кашира и Каширский уезд). С. 30–31; *Баненис Э.* Традиции летоисчисления на стыке культур. С. 31–33; *Баранов К.В.* Легенды XVII в. о родопроисхождении новгородцев Апрельевых, Нееловых и Гурьевых. С. 33–35; *Булгаков М.Б.* Проезжие грамоты конца XVI–XVII в. как исторический источник. С. 35–36; *Бурсон А.Е.* Чин венчания на великое княжение Дмитрия-внука. С. 36–37; *Варенцов В.А.* Культура и быт новгородского купечества во второй половине XVII в. С. 38–40; *Вовина В.Г.* Н.Н. Писарев – деятель духовного просвещения России начала XX в. С. 40–42; *Глазьев В.Н.* Стрельцы новых русских городов "на поле" конца XVI в. С. 42–43; *Горский А.А.* О происхождении князя Изяслава, XIII в. С. 44–46; *Граля И.* Мотивы "Оршанского триумфа" в ягеллонской пропаганде. С. 46–50; *Данилевский И.Н.* Летосчислительная система Философа: К вопросу о хронол. анализе прямых временных указаний Повести временных лет. С. 50–51; *Дашкевич Я.Р.* Возникновение городов Юго-Западной Руси: Источники и современная мифологизация. С. 51–53; *Дворниченко А.Ю., Крывошеев Ю.В.* "Феодальные войны" или движения масс? С. 53–55; *Добродомов И.Г.* Что такое половинка сукна? С. 55–57; *Добрушкин Е.М.* Выбор объектов публикации в археографии: Теорет. аспект. С. 57–59; *Довгалло Г.И.* Проблемы собирания и копирования памятников письменности в письмах русских и зарубежных ученых к П.И. Севастьянову. С. 59–61; *Дубровский А.М.* Судьба историка и вулгаризация науки. С. 61–63; *Елисеев Г.А.* Апокрифические тексты в "Великих Минеях Четиях". С. 63–64; *Елисеева О.И.* Русский язык Екатерины II в ее письмах Г.А. Потемкину (1774–1776). С. 65–66; *Ермаков П.Б.* Проблемы изучения происхождения тамбовских духоборцев. С. 66–69; *Ермолаев И.П.* Источниковая база изучения истории Средне-Волжского края второй половины XVI в. С. 69–70; *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Документация посольства кн. Н.И. Одоевского "с товарищи" 1656 г. как источник по истории польско-российских дипломатических контактов в XVII в. С. 70–72; *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне в Поморье в XVII в. С. 72–73; *Иванов Ю.Н.* Политическая деятельность казанских архиереев во второй половине XVI в. С. 73–74; *Казакос Р.Б.* Некоторые приемы использования источников о начале Москвы в "Историях" В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина. С. 74–76; *Каменский А.Б.* Князь Курбский и князь Щербатов: Из истории русской общественной мысли. С. 76–79; *Каменцева Е.И.* Миф о "золоченом фунте Монетного двора 1747 г." как исходной величине российских мер веса. С. 79–82; *Карев Д.В.* "Черная Русь": Распространенные историогр. версии и конкретные ист. реалии. С. 82–85; *Каштанов С.М.* О типе Русского государства в XIV–XVI вв. С. 85–92; *Кистерев С.Н.* Об объектах налогообложения в XV в. С. 92–94; *Князев Е.А.* Сравнительная характеристика монастырских уставов Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. С. 94–96; *Князева Е.Ю.* Датировка I пространной редакции "Сказания о Тихвинской иконе" С. 96–98; *Кобзарева Е.И.* Отражение в наказах русским послам международного положения России во второй половине XVII в. (1654–1686). С. 98–100; *Козляков В.Н.* К изучению истории дворянского сословия XVII в. С. 100–102; *Комиссаренко А.И.* Источники по истории феодально-вотчинного хозяйства духовенства Северо-Запада России в 20–60 годах XVIII в. С. 102–104; *Королев Г.И.* Зарубежная литература о происхождении городских гербов в странах Центральной Европы. С. 104–105; *Крамми Р.О.* Старообрядчество –

народная религия? С. 106–107; *Кромм М.М.* Испомещение служилых людей на новоприсоединенных западно-русских землях, Первая половина XVI в. С. 107–109; *Лунаков Е.В.* Василий Петрович Морозов: Опыт биографии деятеля "Смутного времени". С. 109–110; *Ломононский И.С.* Новый летописец о причинах и хронологии "Смутного времени". С. 110–112; *Лукичев М.П.* К вопросу о происхождении митрополита Игнатия – историка и публициста XVII в. С. 112–114; *Майорова А.С.* Деятельность Саратовской губернской ученой архивной комиссии по собиранию документов XVII–XVIII вв. С. 114–116; *Мацук М.А.* Государственные повинности и предпринимательство черносошных крестьян Поморья в XVII в. С. 116–117; *Медушевская О.М.* Два подхода к проблеме методов исторического исследования. С. 118–120; *Медушевский А.Н.* Табель о рангах как предмет сравнительно-источниковедческого исследования. Конец XVII – начало XVIII в. С. 120–122; *Межова К.Г.* Источники о роли религии в мировоззрении и планах декабристов. С. 122–123; *Морозов Б.Н., Павлов А.П.* К истории землевладения князей Шуйских. С. 124–126; *Мохначева М.П.* Крестьянский вопрос на страницах журнала "Атеней". С. 126–127; *Муравьев В.А., Простоволосова Л.Н.* Преподавание исторической географии в МГИАИ. С. 128–130; *Мухамадеев А.А.* Проблемы истории феодальной России в переписке Д.А. Корсакова. С. 130–131; *Назаров В.Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III. С. 131–134; *Нарбут А.Н.* Анатолий Николаевич Турунов и род Туруновых. С. 134–135; *Наумов О.Н.* Род Н.И. Новикова. С. 136–137; *Низов В.В.* О вятском летописании XV в. С. 137–140; *Павленко Н.И.* Михаил Петрович Погодин. Личность и место в отечественной историографии. С. 140–145; *Павлов А.П.* К вопросу о характере представительства на Земском соборе 1598 г. С. 145–147; *Паскаль А.Д.* Об особенностях славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. С. 147–148; *Пашин С.С.* Червонорусские судебные книги XV в. как источник по истории феодального землевладения в Червонной Руси XIV в. С. 149–150; *Пашкова Т.И.* Хозяйственно-административные функции местных властей (наместников и волостелей) в первой половине XVI в. С. 150–151; *Прохоров М.Ф.* Ведомости о "колодниках" как источник по истории выступлений крестьян России в середине XVII в. С. 152–154; *Рикман В.Ю.* Почетное гражданство и его генеалогия. С. 154–156; *Румянцева М.Ф.* Анахронизмы в указании на социальное происхождение чиновников в формулярных списках 70–90-х годов XVIII в. С. 156–158; *Рыков Ю.Д.* Письмо Тимохи Тетерина и Марка Сарыхозина к боярину М.Я. Морозову: К вопросу о ранней истории текста. С. 158–160; *Сапожников С.А.* Количественные и качественные оценки при проведении генеалогических исследований. С. 161–163. Табл.; *Севастьянова А.А.* О "направлениях" в русской историографии XVIII в. и местных традициях исторической мысли. С. 164–165; *Сотникова С.И.* Об исторической экологии. С. 165а–165б; *Солодкин Я.Г.* О происхождении и спорных вопросах биографии Ивана Тимофеева. С. 166–167; *Столярова Л.В.* Мария Дмитриевна – жена псковского князя Довмонта. С. 167–170; *Строганов Л.С.* Александровская слобода до опричнины Ивана Грозного. С. 170–171; *Терещенко А.А.* Применение источниковедческого анализа при исследовании топонимии Москвы. С. 171–172; *Тихонок И.А.* Загадка архимандрита Евфимия. К истокам конфликта Иосифа Волоцкого и митрополита Зосимы. С. 172–176; *Тугова Т.А.* О несохранившихся актах архива Соловецкого монастыря XVI в. С. 176–177; *Тюренкова О.В.* Еще один экземпляр Минеи общей 1600 г. С. 177–179; *Фаизов С.Ф.* Тугры крымского ханского двора из собрания татарских грамот ЦГАДА СССР. С. 179–180; *Фаизова И.В.* Материалы Герольдмейстерской конторы о реализации Манифеста о вольности дворянской в практике дворянской службы. С. 180–182; *Флоря Б.Н.* О Земском соборе 1642 г. С. 182–183; *Фокина М.А.* Роль пофондовых публикаций документов городских учреждений первой четверти XVIII в. в изучении городской реформы Петра Великого. С. 183–185; *Формозов А.А. И.Е.* Забелин и А.Н. Островский. С. 185–186; *Хелли Р.* Цены в Московской Руси в XVII в. С. 186–188; *Хорошкевич А.Л.* Единорог большой государственной печати Ивана Грозного. С. 188–192; *Хоруженко О.И.* О наследовании дворянства и титулов в XVIII в. С. 192–194; *Чекунова А.Е.* Русское мемуарное наследие конца XVII–XVIII вв.: Происхождение и эволюция. С. 194–195; *Черкасова М.С.*

Об источниковедческом изучении троицких писцовых книг 1590-х годов. С. 196–197; Швейковская Е.Н. Общинная власть в системе феодально-административного управления России XVII в. С. 198–200; Шмидт С.О. Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений. С. 200–203; Эскин Ю.М. Местничество и майорат. С. 203–205; Список опубликованных работ д.и.н., проф. В.Б. Кобрин / Подгот. к печ. А.Л. Юрганова. С. 206–215. 140 назв.

Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 28–30 января 1993 г. / Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), И.Л. Беленький, В.В. Кабанов, Р.Б. Казаков (секр.), О.М. Медушевская, Е.И. Пивовар, Л.Н. Простоловцова, М.Ф. Румянцева, А.К. Соколов; РГГУ. ИАИ. М., 1993. 215 с. 1 л. портр. 200 экз.

Содерж.: Предисл. С. 10–11. **Теория источниковедения и методы исследования.** Беленький И.Л. Источниковедение отечественного XX века: Некоторые предпосылки дисциплинарной и временной парадигм. С. 11–15; Соколов А.К. Источниковедение XX века: Modus operandi. С. 15–17. Кабанов В.В., Муравьев В.А. К построению курса источниковедения истории советского общества. С. 17–27; Георгиева Н.Г. Некоторые теоретические проблемы источниковедения. С. 27–28; Соничев А.Ю. К вопросу о путях совершенствования теории и методики исторического источниковедения. С. 29–30; Лубский А.В. Герменевтика и источниковедение. С. 30–32; Корсунский И.С. "Общее материаловедение XX в." и проблемы источниковедения. С. 32–34; Гельман-Виноградов К.Б. Глобальная трансформация документальных источников на рубеже тысячелетий. С. 34–36; Мякушев С.Д. Вспомогательные исторические дисциплины советского периода отечественной истории: Проблемы и перспективы развития. С. 36–38; Ласунский О.Г. Эскилибрисистика как прикладная историко-культурная дисциплина. С. 38–40; Королев Г.И. Символика политических партий и движений как средство общественной коммуникации и исторический источник. С. 40–41; Зайцева Л.П. Междисциплинарный подход к изучению знамен как исторического источника. С. 41–42; Высокова В.В. Видовая эволюция исторических источников в динамике общественного развития. С. 42–44; Грицкевич В.П. Особенности отраслевого исторического источниковедения: На примере источниковедения истории медицины. С. 44–45; Елпатьевский А.В. Источниковое значение оценок российской действительности в публикациях зарубежных посетителей России в первой трети XX в.: На примере испаноязычных путешественников. С. 45–46; Горяева Т.М. Методы реконструкции художественного процесса: Анализ источников цензуры. С. 46–47; Божкова С.Г. Проблемы источниковедения на кафедре истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. С. 47–48; Грицкевич В.П. О преподавании курса источниковедения зарубежной истории в высших учебных заведениях. С. 48–50; Ходаковский Н.И. Моделирование информационных процессов социальной памяти общества и модель автоматизированного рабочего места историка-архивиста. С. 50–51; Бонюшкина Л.Е. О создании банка данных "Персональный состав Совнаркома (1917–1941)". С. 51–52; Уланова А.С. Проблемы создания и использования банка данных по городским Советам первых послереволюционных лет. С. 52–54; Магидов В.М. Кинофотофонодокументы Архивного фонда Российской Федерации – историчекая база исторических исследований. С. 54–55; Диментман Д.А. Фотодокументальные коллекции Государственного исторического музея: Проблемы источниковед. анализа. С. 55–56; Хубова Д.Н. "Устная история" и источниковедение: Историческое интервью, инициативное документирование или "фабрикация" исторического источника? С. 57–59. **История источниковедения.** Столярова Л.В. Современная кодикология: Историогр. аспект. С. 59–60; Колычева Е.И. Об исследовании генеральных и местных писцовых описаний в Русском государстве XVI в.: На примере Ярослав. уезда. С. 61–63; Швейковская Е.Н. Приходные и расходные книги XVI–XVII вв. в отечественной историографии 1930–1990-х годов С. 63–65; Солодкин Я.Г. Методические аспекты реконструкции летописных памятников в трудах В.И. Корещко. С. 66–67; Сукина Л.Б. Русская миниатюра XVII в. К истории источ-

никовед. изучения. С. 68; *Комиссаренко А.И.* Выявление и методы исследования источников по истории формирования секуляризационной политики российского абсолютизма в середине XVIII в.: Историогр. и эвристические аспекты. С. 68–70; *Прохоров М.Ф.* Отечественная историография о методах изучения массовых источников по истории крестьянского движения в России XVIII в. С. 70–72; *Чекунова А.Е.* А.Т. Болотов в памяти потомков. С. 72–73; *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений М.М. Сперанского: Вопросы источниковедения в 1916–1919 гг. С. 74–75; *Корнеев В.Е.* Устная история: 20-е годы. С. 75–77; *Филимонов С.Б.* Краеведческие издания 1917–1929 гг. как источник по истории отечественного источниковедения. С. 77–78; *Журавлев С.В.* Источниковедение советского законодательства: основные итоги и перспективы исследования. С. 78–79; *Казаков Р.Б.* Проблемы источниковедения в "Трудах МГИАИ". С. 79–81; *Бачинин А.Н.* Историография и компиляция: О 3-м томе "Истории России" Д.И. Иловайского. С. 82–83; *Петров А.Е.* А.Е. Пресняков в современном источниковедении. С. 83–84; *Попов Н.А.* Труды Л.П. Карсавина как источник по истории становления исторической психологии. С. 84–85; *Бычкова М.Е.* Вспомогательные исторические дисциплины в 20-е годы. Деятельность Н.П. Лихачева. С. 85–86; *Каменцева Е.И.* В.К. Лукомский после Октября 1917 г. К 110-летию со дня рождения. С. 87–88; *Кроневальд И.В.* Лекционный курс Ю.В. Готье по истории народов СССР (1936/37 г.): Анализ текста. С. 89–90; *Шмидт С.О.* М.Н. Тихомиров и сфера источниковедения. С. 90–91; *Корников А.А.* Из истории отечественного источниковедения новейшего времени. Г.П. Саар – источниковед, исследователь. С. 91–93; *Медушевская О.М.* К проблеме интеграции гуманитарного и естественно-научного знания: Научное наследие В.К. Яцунского. С. 93–94; *Румянцева М.Ф.* Статистические источники и массовые источники: Соотношение понятий. С. 94–96; *Простоловцова Л.Н.* Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в Историко-архивном институте в конце 40–50-х годов: По переписке А.И. Андреева и В.К. Яцунского. С. 96–97; *Юрганов А.Л.* Личность ученого источниковеда и проблема "научной честности": По материалам личного архива В.Б. Кобрин. С. 98–99; *Медушевский А.Н.* Макс Вебер и русская революция: Принципы и методы исследования. С. 99–101. **Источники по истории XX века.** *Капитанов С.М.* Акты новейшего времени. С. 101–103; *Ланской Г.Н.* "Памятная записка" П.Н. Дурново как источник по истории менталитета российской бюрократии начала XX в. С. 104; *Циунчик Р.А.* Выборы в I Думу по донесениям В.А. Дмитриева-Мамонова С.Ю. Витте (1906 г.). С. 104–106; *Квакин А.В.* То, что мы знаем, мешает нам увидеть то, что мы видим: О новой ситуации в анализе комплекса источников по истории отечественной интеллигенции первой трети XX в. С. 106–108; *Мохначева М.П.* Архивные источники о журнале "Мир искусства" (1898–1904). С. 108–110; *Доманова С.А.* Судьба архива А.Ф. Кони. С. 110; *Седов А.В.* Источники по истории Февральской революции в деревне. С. 111–112; *Тюков Н.А.* Бюллетени Аграрного кабинета Министерства земледелия Временного правительства как источник по подготовке аграрной реформы в 1917 г. С. 112–114; *Покровский А.С.* К вопросу о представительности советских организаций на II Всероссийском съезде Советов р. и с.д. 25–26 октября 1917 г. С. 114–116; *Хитрина Н.Е.* Провозглашал ли декрет "О земле" полную национализацию земли? С. 116–117; *Илизаров С.С.* Была ли встреча Председателя СНК В.И. Ленина с группой петроградских ученых 8 ноября 1917 г.? С. 118–119; *Смирнова Т.М.* "Экспроприация экспроприаторов" в Советской России: О регистрации представителей бывших эксплуататорских классов в Москве и Петрограде осенью 1919 г. С. 119–120; *Злоказов Г.И.* Материалы первого ВЦИК Советов как комплекс источников по истории революционных событий 1917 г. С. 120–121; *Офицеров В.А.* Информационная ценность материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. в изучении отечественной истории. С. 122–123; *Теплова Е.Ф.* Декреты Советской власти как исторический источник по истории монументальной пропаганды. С. 123–124; *Ходяков М.В.* Источники о взаимоотношениях предпринимателей и рабочих Петрограда в 1917–1918 гг. С. 124–126; *Шкаровский М.В.* Новые источники по истории Русской православной церкви периода гражданской войны в ЦГА Санкт-Петербурга. С. 126–127; *Будаев Д.И.* Местная

периодическая печать как источник по изучению революции 1917 г.: На материалах Смол. губ. С. 128; *Воскобойникова Н.В.* Источники по истории революционных событий в Нижегородской губернии, Февраль-октябрь 1917 г. С. 129–130; *Царевская Т.В.* Бюджетные обследования рабочих семей: Проблемы обработки и использования. С. 130–131; *Насибуллина Т.В.* Проблема изучения жизни и быта рабочих в годы индустриализации: По материалам специальных исследований. С. 132–133; *Яров С.В.* Протоколы профсоюзных собраний как источник для изучения политической психологии рабочих Петрограда в 1921–1923 гг.: По материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. С. 133–134; *Осокина Е.А.* Материалы Наркомата внутренней торговли и Наркомата снабжения как источник для изучения становления системы централизованного распределения товаров в 30-е годы. С. 134–136; *Манькин В.А.* Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: Исслед. перспективы и возможности. С. 136–137; *Миронова Т.П.* Крестьянские письма как исторический источник по изучению общественного сознания крестьянства 20-х годов. С. 137–138; *Тяжелникова В.С.* Самоубийство в Советской России 20-х годов: К вопросу о характере корпуса источников. С. 139–140; *Хандурина Е.В.* Новые подходы и источники в изучении хлебной проблемы в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. С. 140–141; *Сорокина Т.В.* О публикациях по истории индустриализации СССР. С. 141–143; *Овсянников А.А.* Источники о нелегальной оппозиции в СССР в 30-е годы. Документы архива Л.Д. Троцкого. С. 143–144; *Акинъшин А.Н.* Архивные материалы Воронежского УКГБ в изучении истории края 1920–1960-х годов. С. 145–146; *Демина Л.И.* Вопросы отечественной истории на страницах журнала "Советское краеведение" (1930–1936). С. 146–148; *Храмкова Е.Л.* Документальные сборники о России военных лет. С. 148–149; *Сенявская Е.С.* Фронтовой фольклор как источник по социально-исторической психологии. С. 149–151; *Кожурин В.С.* Письма как источник по изучению динамики массового сознания в годы Великой Отечественной войны. С. 151–153; *Мухин М.Ю.* Опыт обработки и анализа опросных листов граждан СССР, репатрированных в 1945–1951 гг. С. 153–154; *Леонтьева О.Г.* К вопросу об источниках социально-экономической истории колхозной деревни 1940–1950-х годов: По материалам Твер. архивов. С. 154–155; *Майорова А.С.* Документы театров, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области. С. 155–157; *Хрипко М.Л.* Музейная инвентарная книга как исторический источник. С. 157–158; *Пушай Т.К.* Историко-культурный и краеведческий журнал "Тверская старина": Замысел. Воплощение. Перспективы. С. 158–160; *Туровцева С.В.* Фотоальбомы как объект источниковедения. С. 160–161; *Прокопенко Н.А.* Фотодокументы как объект источниковедческой критики: Из опыта изучения фото документов ИТАР-ТАСС. С. 161–163; *Андреанов Б.В.* Аэрокосмические снимки как исторический источник. С. 163–164; *Коляда В.А.* Фонодокументы "Устной истории" как разновидность исторических источников. С. 164–165; *Рикман В.Ю., Сапожников С.А.* Источники нового Департамента герольдии Российского дворянского собрания. С. 166–167; *Агеева Е.А.* Сочинения писателей-старообрядцев второй половины XX в. как источник для изучения современного народного миропонимания: По писаниям А.К. Килина, А.Г. Мурачева, Родиона Уральского. С. 167–169; *Смилянская Е.Б.* О формировании источниковой базы для изучения позднего старообрядчества. С. 169–171; *Струкова Е.Н.* Независимая печать: К вопросу о термине и хронологических рамках. С. 171–172; *Афанасьева Л.П.* История диссидентского движения 50–80-х годов в России: Собираение источников. С. 172–175; *Ивошинская Л.А.* Периодическая печать эмиграции как источник по истории российского зарубежья. С. 175–176; *Маслов Н.Н.* Вокруг августовского путча 1991 г. Попытка систематизации источников. С. 176–178; *Беленький И.Л.* Художественная литература, литературоведение, историческое источниковедение. С. 178–182; *Памяти Евгения Алексеевича Луцкого (8 декабря 1907 – 20 сентября 1991 г.). Луцкий Е.А.* Эсеровская историография аграрной революции в России 1917–1918 гг. С. 183–194; *Молчанов Л.А.* Творческий портрет Е.А. Луцкого. С. 194–196; *Медушевская О.М., Простоволосова Л.Н.* Е.А. Луцкий. Страницы биографии. С. 196–203; *Томан Б.А.* Мой учитель. С. 203–205; *Илизаров Б.С.* Слово о Е.А. Луцком – ученом и человеке. С. 205–206; *Хитрина Н.Е.* О

научной школе профессора Е.А. Луцкого. С. 206–208; *Синцов Ю.Я.* Облик наставника. С. 208–209; *Кабанов В.В.* Памяти мастера источниковедческого анализа. С. 209–213.

Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тез докл. и сообщений науч. конф. М., 27–29 января 1994 г. / Ред. кол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), Е.И. Каменцева, М.П. Лукичев, О.Н. Наумов (секр.), Л.Н. Простоволосова, М.Ф. Румянцева; РГГУ. ИАИ. М., 1994. 189 с. 200 экз.

Содерж.: *Муравьев В.А.* Предисл. С. 4; *Каменцева Е.И.* Вспомогательные исторические дисциплины в современном мире: Проблемы классификации, исследования, историографии, преподавания. С. 5–12; *Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г.* Л.М. Савелов как историк воронежского дворянства. С. 13–14; *Александров А.А.* Первая научная биография М.М. Сперанского: К истории создания. С. 14–15; *Александров Д.Н., Пчелов Е.В.* Князь П.В. Долгоруков – генеалог. С. 15–17; *Алявдин В.И.* Об общности происхождения нескольких родов Ушаковых, внесенных в "Общий гербовник". С. 17–18; *Алявдина Т.Т.* Представители эстляндской линии баронов фон Бистрам в кампании 1812 года и их современные потомки. С. 18–19; *Амозова Л.Н.* Преподавание исторической географии на историческом факультете Петрозаводского государственного университета. С. 20; *Андрюш-Табак С.Г.* Исторические традиции в современном гербе на примере Молдавии. С. 21–22; *Андрюшайтите Ю.В.* Первое в России пособие по филиграммам. С. 22–23; *Антонович М.* Биографический фактор в геральдико-генеалогическом творчестве Войцеха Вийука Кояловича (1609–1677). С. 23–25; *Антонов Д.Н.* Реконструкция крестьянских родов: Практик. опыт на материалах села Ясная Поляна Крапивенского уезда Тул. губ. С. 25–26; *Антонова И.А.* Генеалогия и биографика в современных исторических исследованиях. С. 26–27; *Анхимюк Ю.В.* О времени составления Пространной редакции разрядных книг в свете палеографических данных списка князя Д.М. Пожарского. С. 28–29; *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов – археограф. С. 29–31; *Беленький И.Л.* Текст в "чужой одежде", или "мир авторства" и эдиционное поведение как отчуждение текста. С. 31–34; *Белецкий С.В.* Властные структуры средневекового Пскова: По памятникам сфрагистики и данным Псковской Судной грамоты. С. 34–37; *Белоконь Е.А.* Каллиграфия и каллиграфы конца XVIII – первой четверти XIX в. С. 38; *Белоконь Е.А., Пружинин А.В.* Палеография и вычислительная техника – проблема взаимовлияния: Современное состояние и прогноз. С. 38–40; *Богатырев С.Н.* Психохистория и вспомогательные исторические дисциплины. С. 40–41; *Борисов И.В.* Русская спортивная эмблема. С. 42–43; *Бруцкая Л.А.* Вспомогательные исторические дисциплины в изучении поздних летописей. С. 43–44; *Будаев Д.И.* Использование вспомогательных исторических дисциплин в трудах краеведов XIX – начала XX вв.: по Смоленским материалам. С. 44–45; *Бурков В.Г.* Историография отечественных фалеронимов и фалеристики. С. 45–46; *Войцеховская И.Н.* Из опыта преподавания специальных исторических дисциплин в Киевском университете. С. 46–47; *Володихин Д.М.* Книжные списки библиотеки Типографской школы как памятники отечественной библиографии XVII в.: Проблемы атрибуции. С. 47–48; *Воскобойникова Н.В.* Генеалогические изыскания в нижегородском краеведении. С. 48–49; *Ганкевич В.Ю.* К проблеме генеалогии крымско-татарского рода Гаспринских. С. 49–50; *Голованова М.П.* Символика цвета русских государственных знамен. С. 50–51; *Грицкевич В.П., Белецкий С.В., Саверкина И.В.* Преподавание специальных источниковедческих дисциплин в Санкт-Петербургском институте культуры. С. 51–52; *Гульчинский В.И.* "История иностранной библиографии" К.Р. Симона: К возникновению замысла. С. 52–53; *Данилевский И.Н.* Перспективы изучения летосчислительных систем древнерусских летописных сводов. С. 53–54; *Демидова Н.Ф.* Указ Петра I об обучении "цифирной мудрости". С. 54–56; *Демина Л.И.* Издание трудов С.М. Соловьева в типографии Московского университета, 50–70-е годы XIX в. С. 56–57; *Дмитренко М.Ф.* Из опыта составления и издания библиографии и учебного пособия по специальным историческим дисциплинам. С. 57–59; *Езеев А.Б., Карпенко С.В.* Символика Добровольческой армии, 1918 г. С. 59; *Жервэ Н.Н.* Труды митрополита Евгения (Бол-

ховитинова) по истории Русской церкви. С. 60–61; *Зайцева Л.П.* Вексиллология: Просвет. и культурол. аспекты. С. 62; *Залевский В.* Преподавание библиографии: Концепция. С. 62–63; *Зверев С.В.* Западноевропейские монеты в русском денежном обращении в период Смуты. С. 63–64; *Иванова К.П.* Забытая экспедиция. С. 64–65; *Иванова К.П.* Художественно-одаренные люди из рода Клодтов: Генеалог. заметки. С. 65–66; *Иерусалимский Ю.Ю.* Пролетарская печать 1905–1907 гг.: Проблемы публикации. С. 67–68; *Илларионова Л.И.* Архитектурные общества России и их издания. С. 68–69; *Каганович Б.С.* К биографии О.А. Добиаш-Рождественской. С. 69–71; *Казаков Р.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины и Н.М. Карамзин в историографии первой половины XIX в. С. 72–73; *Казаков Р.Б.* Об издании М.П. Погодиным биографии Н.М. Карамзина. С. 73–76; *Каменский А.Б.* Генеалогия и русское общество XVIII в. С. 76–77; *Карев Д.В.* Белорусско-литовская шляхетская генеалогия в конце XVII – первой половине XIX в.: Состояние и социал.-полит. факторы развития. С. 77; *Каушинов С.М.* К истории денежного счега средневековой Руси. С. 78–81; *Ковалева М.Д.* Граф Сергей Дмитриевич Шереметев как историк рода. С. 81–82; *Колосова И.О.* Сфрагистика и историческое краеведение. С. 82–83; *Комиссаренко А.И.* Денежная система России в русле инфляционных тенденций конца XVIII – начала XIX в. С. 83–84; *Коньков Н.Л.* Сибирская метрология. С. 84–85; *Королев Г.И.* Классификации вспомогательных исторических дисциплин за рубежом. С. 85–87; *Корсунский И.Л.* Актуальность идей "общей теории книговедения" и "философии книги" первой трети XX в. С. 87–88; *Кручинин А.С.* Денежные знаки Войска Донского: Страница истории гражданской войны. С. 88–90; *Ланской Г.Н.* Гербы польских дворянских родов Российской империи: К вопросу о заимствовании элементов польской геральдики. С. 90; *Лесман Ю.М.* Фигуративные изображения XI–XIV вв. как источник для изучения хронологии украшений балтийско-североморского региона. С. 91–92; *Лившиц С.Б.* Периодика как источник о деятельности издательства "Новая Деревня" (1922–1929). С. 92–93; *Липаков Е.В.* Из опыта преподавания генеалогии в Казанском университете. С. 93–94; *Лобашкова Т.А.* Вопросы просопографии, генеалогии и иконографии в публикациях, подготовленных великим князем Николаем Михайловичем. С. 94–96; *Лоточникова Е.В.* Из истории миграции российского населения на Северный Кавказ (территория Черноморского казачьего войска) в конце XVIII – первой половине XIX в. С. 96–97; *Лукичев М.П.* К истории создания Большой Государственной книги 1672 года. С. 97–98; *Маркова Е.Е.* Создание атласа истории Украины и перспективы развития исторической географии и картографии в Украинском государстве. С. 98–99; *Медведев И.П.* Об авторстве византийского раздела "Хрестоматии по истории средних веков", 1939 г.: В.Н. Бенешевич. С. 99–100; *Медведев М.Ю.* Кастильская династия: Нерешенные геральдические проблемы. С. 100–101; *Медушевская О.М.* Вспомогательные исторические дисциплины: Особая система методов гуманитарного познания. С. 101–102; *Морозов Б.Н.* Иона Соловецкий – книжник и каллиграф конца XVI – начала XVII в. С. 102–104; *Мохначева М.П.* Преподавание "исторических дисциплин" и учебно-методические издания на историко-филологическом факультете Дертского университета. С. 104–105; *Мусин А.Е.* Церковная археология в ряду вспомогательных исторических дисциплин. Ее место в церковной истории и общей археологии. С. 105–107; *Нарышкин А.К.* Опыт чтения курса "Вспомогательные исторические дисциплины" на радиотехническом факультете Московского энергетического института. С. 107–108; *Наумов О.Н.* Геральдика и Историко-родословное общество в Москве. С. 108–110; *Наумов О.Н.* Из истории русской генеалогии первой половины XX в.: Жизнь и деятельность В.С. Арсеньева. С. 110–112; *Нерод В.А.* Хронологические исследования как специфическая форма отражения исторического времени: Историогр. аспект. С. 112–113; *Никулин М.В.* "Описание сельского духовенства" И.С. Беллюстина и общественная борьба вокруг русской православной церкви в конце 1850-х – начале 1860-х годов. С. 113–115; *Онучин А.Н.* Спецкурс "Историческая генеалогия" на историческом факультете Пермского университета. С. 115–116; *Онучин А.Н., Вахабов В.К.* Справочник "Кто есть кто в российской генеалогии": Круг персоналий, источники и принципы составления. С. 116–117; *Павленко С.Ф.* Вклад А.М. Лазаревского в развитие вспомога-

тельных исторических дисциплин в Украине в конце XIX в. С. 117–118; *Пашков А.М.* Из истории городских гербов Олонецкого края в XVIII в. С. 118–119; *Петрова Н.Г.* Об изучении вспомогательных исторических дисциплин в Гуманитарном лицее. С. 119–120; *Платонов А.А.* "Опись личной библиотеки академика Евгения Евсигнеевича Голубинского со включением всех заметок, сделанных им на книгах": Неизвестная работа И.А. Голубцова. С. 120–121; *Приймак Н.И.* Мемуары как исторический источник в оценке С.Н. Валка. С. 122; *Прохоров М.Ф.* Записные книги крепостных актов XVIII в. С. 122–124; *Прохоров М.Ф.* Численность и размещение помещичьих крестьян Центрально-нечерноземного района России в середине XVIII в. С. 124–126; *Пчелов Е.В.* Геральдика как источник для изучения менталитета. С. 126–127; *Ражнев Г.В.* Смоленский герб и краеведение. С. 127–128; *Румянцева М.Ф.* К вопросу о чеканке медных плат в 20-е годы XVIII в. С. 128–130; *Румянцева М.Ф.* Об издании Адрес-календарей во второй половине XVIII – первой половине XIX в. С. 130–131; *Русина О.Н.* Последние Стрешневы и их герб. С. 131–132; *Рыкова О.В.* Собрание Ю.Б. Шмарова и научно-справочный генеалогический центр в Государственном музее А.С. Пушкина. С. 132–133; *Санцевич А.В.* О системе вспомогательных исторических дисциплин. С. 133–134; *Симонов Р.А.* Новое о загадочной букве "пе" как цифровом знаке 800 в кириллице. С. 134–136; *Синдеев В.В.* О жалованной грамоте Петра I на графское достоинство Я.В. Брюсу (публикация в журнале "Гербовед"). С. 136–138; *Смирнова Т.Н.* Герб рода графов Шереметевых. С. 138; *Солодкин Я.Г.* Проблемы вспомогательных исторических дисциплин в трудах В.И. Корецкого о русском летописании. С. 139–140; *Тархова Н.С.* Вопросы дипломатики, палеографии и сфрагистики в документах периода Гражданской войны в России 1918–1920 гг.: На примере документов Российского государственного военного архива. С. 140–141; *Травкин С.Н.* Нумизматика и изучение средневековой истории Бессарабии. С. 142–143; *Тропольская Н.Г.* Палеографический анализ надписей на памятниках прикладного искусства XVII–XVIII вв. С. 143–144; *Филимонов С.Б.* Краеведение и вспомогательные исторические дисциплины, 1917–1929. С. 144–145; *Хайрутдинов Р.Р.* Генеалогические аспекты интеграции татарской знати и российского дворянства на рубеже XVIII–XIX вв. С. 145–146; *Хведченя С.Б.* Картографирование исторических памятников. С. 147; *Хорууженко О.И.* Об определении разновидностей щитов в геральдике. С. 147–148; *Чекунова А.Е.* Государственная и народная метрология XVII – первой четверти XVIII в. в России: По материалам архива Донского монастыря. С. 148–149; *Черемисина Н.М.* О преподавании курса "Историческая библиография" в Московском государственном институте культуры. С. 150–151; *Чирскова И.М.* "Чтения в Обществе истории и древностей российских": История и цензура (60–70-е годы XIX в.). С. 151–152; *Ширяков И.В.* Золотые Ивана III: К вопросу о поводе, времени и месте чеканки. С. 153–154; *Шавинская Л.Л.* Н.И. Горбачевский – исследователь белорусской, литовской, польской, русской и украинской письменной старины. С. 154–155; *Эскин Ю.М.* К вопросу о реконструкции "местнического архива". С. 155–156; *Юрганов А.Л.* Методические аспекты датировки духовной Ивана Грозного. С. 156–157; *Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н.* Основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин Александр Николаевич Сперанский (1891–1943). С. 157–169; *Муравьев В.А., Простоволосова Л.Н.* Генеалогия в Историко-архивном институте. С. 169–174; *Простоволосова Л.Н.* Историческая библиография в Историко-архивном институте. С. 174–175; [*Румянцева М.Ф.*] О конференциях, проводимых кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. С. 176–177; [*Простоволосова Л.Н.*] Программы курсов, учебники и учебные пособия, изданные кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. С. 178–183.

Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. М., 26–28 января 1995 г. / Ред. кол.: Ю.Н. Афанасьев (отв. ред.), Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов (зам. отв. ред.), Е.П. Маматова, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева, А.Н. Сахаров (отв. ред.), Л.В. Столярова, А.Л. Хорошкевич; РГГУ, РАН. Ин-т рос. ист. М., 1995. Ч. 1–2. 690 с. 50 экз.

Содерж.: *Каштанов С.М.* Предисловие. С. 16–18; *Каштанов С.М.* Александр Александрович Зимин. Штрихи к портрету. С. 19–23; *Мамотова Е.П.* Вспоминая Александра Александровича Зимина... С. 23–29; *Литвин А.А.* Эпистолярное наследие А.А. Зимина. С. 29–32; *Простоловцова Л.Н.* А.А. Зимин и А.И. Андреев: Из биограф. хроники (письма А.А. Зимина А.И. Андрееву). С. 33–35; *Илизаров С.С.* Разбуженный Словом А.А. Зимина. С. 36–38; *Дубровский А.М.* Ученый и общая концепция отечественной истории. С. 39–42; *Шишкин И.Г.* А.А. Зимин и проблема образования Древнерусского государства. С. 42–44; *Аксенов А.И.* Записки московского купца Н.Ф. Котова о военных действиях 1812 г. С. 45–47; *Александров А.А.* Указ 24 ноября 1597 г. и проблема крепостного права в концепции М.М. Сперанского. С. 47–51; *Алексеев Ю.Г.* К вопросу о формировании политического самосознания Российского государства. С. 51–53; *Амелькин А.О.* Агиографические сказания как исторический источник. С. 53–56; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* "Академическое дело" 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика). С. 57–58; *Анисимова Т.В.* К вопросу о датировке Троицкого списка Хроники Георгия Амартола. С. 58–63; *Антонов Д.Н.* Метрические книги с точки зрения фактической достоверности демографического события. С. 63–66; *Антонова И.А.* Методические приемы внутренней критики приходских регистров и актов гражданского состояния в учебнике по исторической демографии Л. Анри. С. 66–70; *Анхимюк Ю.В.* К проблеме изучения частных разрядных книг. С. 70–74; *Балашова Ю.П.* Документы РГАДА о формировании экономических районов Подмосковья во второй четверти XVIII в. (Клин и Клинский уезд). С. 74–81; *Баранов К.В.* Боярин (происхождение термина). С. 81; *Бачинин А.Н.* "Сказания князя Курбского": Эпизод из истории публикаторской деятельности Н.Г. Устрялова. С. 82–84; *Беленький И.Л.* Категориальные и метафорические смыслы понятия "время" в языке историографии. С. 84–86; *Белецкий С.В.* Древнерусские печати с изображением Христа Вседержителя и святого: Проблема принципиальной атрибуции. С. 86–93; *Белоконь Е.А.* Обзор малоизвестных документов XIX в. о "Слове о полку Игореве". С. 93–97; *Бенцианов М.М.* Великокняжеский двор в конце XV – начала XVI в. С. 97–102; *Богатырев С.Н.* Английские источники о России XVI – начала XVII в.: Итоги и перспективы изучения. С. 103–107; *Богданова Т.М.* Представления о медицине в русском обществе конца XVI–XVII вв. (по данным РГАДА). С. 107–110; *Бойчук Л.Л.* П.И. Фонвизин и его "Назидательные правила". С. 111–112; *Брянцев М.В.* Землевладение военно-служилого населения юго-западных городов России в конце XVII – начале XVIII в. С. 113–115; *Булгаков М.Б.* О городской и острожной повинностях горожан в первой половине XVII в. С. 115–119; *Буравченко Н.Д.* К истории книгописания на северо-востоке Руси в XV в. С. 119–120; *Бурков В.Г.* К истории первых русских знаков отличия. С. 120–124; *Бурсон А.Е.* О времени и обстоятельствах создания первоначальной редакции чина поставления и венчания на царство Ивана IV. С. 124–128; *Бурица В.И.* Древнерусские лицевые псалтыри: Новая разновидность худ. оформления. С. 128–132; *Бычкова М.Е.* Рим и император Август в русских родословиях XVI–XVII вв. С. 132–135; *Виденеева А.Е.* О штабах Ростовской духовной консистории в 1770-х – первой половине 1780-х годов. С. 135–138; *Вдовина Л.Н.* Мир русской дворянской усадьбы второй половины XVIII в.: Повседневность и идеал. С. 139–142; *Вовина В.Г.* К вопросу о методе составления поздних летописных сочинений. С. 142–146; *Володихин Д.М.* Место методики С.М. Середонина в историографической традиции источниковедения "Россики". С. 146–148; *Воскобойникова Н.В.* У истоков Нижегородской ярмарки. С. 149–152; *Галанов М.М.* Семейство Нарышкиных и политическая борьба в России в последней четверти XVII в. С. 152–154; *Горский А.А.* О времени и причинах перехода Брянска под власть смоленских князей. С. 155–156; *Грицкевич В.П.* Белорусские лекари в Московском государстве в XVII в. С. 157–161; *Данилевский И.Н.* Смысл хронологического расчета 6360 года в Повести временных лет. С. 161–163; *Демина Л.И.* В.И. Сергеевич как историк крестьянства. С. 164–166; *Добродомов И.Г.* Что такое распана? С. 167–168; *Добрушкин Е.М.* Археографическая теория и источниковедческая практика: К вопросу о взаимосвязи. С. 169–172; *Долгова С.Р.* Судьба архива княжны Таракановой в России: Из политической истории России

Екатерининской эпохи. С. 172–173; *Ермакова М.Е.* Организация работы в Гравировальной мастерской Оружейной палаты. С. 174–177; *Жервэ Н.Н.* Труды архиепископа Макария (Миролюбова) о древностях Новгородской земли. С. 178–187; *Ивашкин С.Н.* Об участии А.П. Чехова в переписи жителей о. Сахалин в 1890 г. С. 187–190; *Ивина Л.И.* Дипломатический анализ данных грамот фонда Троицко-Сергиева монастыря XV – начала XVI в. С. 190–195; *Илларионова Л.И.* Из истории изучения архитектурного наследия России Московским архитектурным обществом: Источниковед. аспект. С. 195–202; *Козаков Р.Б.* Рукописные памятники из собрания А.И. Мусина-Пушкина в "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. С. 202–206; *Каменский А.Б.* Проблема престолонаследия в России XVIII в. С. 206–210; *Каменский А.Б.* "Записка для составления законов Российских" кн. А.А. Безбородко в контексте истории реформ в России. С. 210–215; *Каменцева Е.И.* Неизвестная работа А.И. Юшкова о григорианской календарной реформе. С. 215–219; *Каппелер А.* Малоизвестная немецкая газета об опричнине. С. 219–221; *Карсель Орти М.М.* Преподавание палеографии и дипломатики в Испании. С. 222–227; *Каштанов С.М.* Исторические параллели: Иван III и Карл Мартелл. С. 227–228; *Каштанов С.М.* О титуле московских государей XV–XVIII вв. С. 228–236; *Каштанов С.М.* К вопросу о "золотых деньгах" как налоге в XVI в. С. 236–239; *Кац В.Ю.* Еще раз об источниках "Записок о России" Манштейна (происхождение сведений о походе Миниха 1737 г.). С. 239–242; *Кистерев С.Н.* К вопросу о длительности действия норм русско-греческих договоров X в. С. 243–246; *Коваль В.Ю.* "Корсунский мираж": К вопросу о русско-херсонских связях. С. 247–249; *Коваль В.Ю.* Проблемы истории Ростислава Рязанского. С. 250–253; *Ковригина В.А.* Значение генеалогических сведений в изучении "московских иноземцев" XVII – первой половины XVIII в. С. 253–255; *Козляков В.Н.* Провинциальное дворянство в Смутное время. С. 256–260; *Колычева Е.И.* "Служилые" князья и "слуги" в России конца XV–XVI вв.: На примере князей Воротынских. С. 260–266; *Комиссаренко А.И.* Материалы Комиссии о духовных имениях и Коллегии экономии как источник по истории секуляризационной политики российского абсолютизма в конце 50 – начале 60-х годов XVIII в. С. 267–269; *Кондрашкина Е.С.* Ананьинское евангелие рубежа XVI–XVII вв.: Кодиколог. исследование. С. 269–279; *Коньков Н.Л.* "Двинская служба" ростовских князей в 1397–1398 гг. С. 279–282; *Корнеев И.В.* Историк Н.Я. Данилевский о причинах русских смут XVII и XVIII вв. С. 283–286; *Королев Г.И.* Источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, археология и экология. С. 286–289; *Кривошеев Ю.В.* О вечевых традициях в Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. С. 289–292; *Кром М.М.* Сведения по истории России конца XV – первой трети XVI в. в Хронике Бернарда Ваповского. С. 292–297; *Курукин И.В.* О преподавании истории в школе и формировании массового исторического сознания в XVIII – начале XIX в. С. 297–298; *Лавров А.С.* Боярская дума и стрелецкое восстание 1682 г.: К постановке проблемы. С. 299–303; *Леушин М.А.* Источниковедение и партийная организация Историко-архивного института в 1947 г.: Один документ. С. 303–307; *Лобанов Н.А.* Россия глазами немецкой публицистики XVII в. С. 307–311; *Лобачев С.В.* Избрание и поставление на патриаршество Никона. С. 311–315; *Лохина Т.В.* Светские рукописные сборники последней трети XVIII в. как исторический источник. С. 315–318; *Лукичев М.П.* С.Ф. Чижинский – переводчик и дипломат XVII в. С. 319–322; *Лурье Я.С.* К истории "Просветителя". С. 322–324; *Майорова А.С.* Материалы допросов участников Пугачевского восстания как биографический источник. С. 324–327; *Малов А.В.* Закат ушкуйничества в XV в. и судьба его наследия. С. 328–330; *Марасинова Е.Н.* Об изучении происхождения оппозиционных настроений: Вопросы методики. С. 331–336. *Медведев И.П.* О несостоявшемся участии В.Н. Бенешевича в академическом издании Русской Правды. С. 336–340; *Медушевская О.М.* Русская дипломатика частных актов: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в общественном сознании XX в. С. 340–342; *Мезин С.А.* В.О. Ключевский о древнерусской культуре. С. 342–347; *Мельник А.Г.* Иконография ростовских святых по письменным источникам. С. 347–351; *Милютенко Н.И.* Эймундова сага и русские источники о смерти Святополка Окаянного. С. 351–354; *Михайлов А.А.* Использование списков раненых для изучения русской военной истории XVII в. С. 355–

361; *Михальченко С.И.* К вопросу о киевской школе отечественных историков. С. 361–363; *Морозов Б.Н., Симонов Р.А.* Календарные мотивы "Учения Кирика" (1136 г.) у Ионы Соловецкого (последняя четверть XVI в.). С. 363–369; *Мохначева М.П.* Популяризация истории в журналах И.И. Мартынова. С. 369–372; *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства. С. 372–378; *Наумов О.Н.* Русский историк и архивист А.И. Юшков. С. 378–385; *Неудахина Е.Ю.* Учебная литература конца XVIII в. как источник по истории деятельности С.-Петербургской учительской семинарии. С. 385–389; *Низов В.В.* К истории вятско-нижегородских отношений в конце XIV – первой половине XV в. С. 389–395; *Никулина С.А.* К вопросу о некрополе Свенского монастыря XVI–XVII вв. С. 396–400; *Овчинников Р.В.* Источники для биографической атрибуции реальных исторических персонажей А.С. Пушкина: На примере "Истории Пугачева", "Капитанской дочки" и других произведений "пугачевского" цикла. С. 401–403; *Павленко А.А.* Иноземные художники в Москве в XVII – начале XVIII в. С. 403–408; *Павлов А.П.* К вопросу об отмене тарханов в 1584 г. С. 408–411; *Павлович М.К.* Фонд Верхоспасского собора в Отделе рукописных, печатных и графических фондов Московского Кремля. С. 412–415; *Пашин С.С.* Еще раз о грамотах кн. Лава Даниловича Галицкого. С. 415–418; *Перхавко В.Б.* Средневековая Русь и международная торговля хлебом. С. 418–423; *Петров К.В.* Дворяне Собакины и их рукописи: К истории книжных собраний XVII в. С. 423–428; *Плотников А.Б.* Кондиции, их происхождение и дальнейшая судьба в ходе событий 1730 г. С. 428–431; *Полевой Н.А.* Применение дисперсионного анализа при изучении истории хлебного рынка в России XVIII в. С. 431–433; *Полуцкая С.В.* Учреждение патриаршества в России и Брестская церковная уния: Некоторые исторические параллели. С. 433–439; *Портнов Л.О.* Иностранные путешествия второй половины XVII в. о перспективах взаимоотношений России и Европы. С. 439–443; *Пронштейн А.П.* О вузовском курсе теории и методики исторического исследования. С. 443–448; *Пронькин А.Е., Балдин К.Е.* Промышленное развитие Ивановского края в XVIII в. С. 448–451; *Прохоров М.Ф.* Записные книги протестованных векселей XVIII в. С. 451–456; *Прохоров М.Ф.* Помещичьи крестьяне XVIII в. в отечественной историографии нового времени. С. 456–460; *Пулькин М.В.* Источники для изучения имущественного положения сельского приходского духовенства в XVIII в.: По материалам Олонецкой епархии. С. 460–463; *Пчелов Е.В.* Предки Рорика Ютландского. С. 464–468; *Ремпель П.Б.* Распространение духоборческой секты в Тамбовской провинции. С. 468–474; *Романова А.А.* "Предисловие святцам" и русский перевод трактата Дюрана. С. 475–479; *Ромашин И.Е.* Литературно-критическая и философская деятельность тульского просветителя П.С. Батурина (1740–1803 гг.). С. 479–483; *Рубан Ю.И.* Как молились в Древней Руси? С. 483–494; *Румянцева М.Ф.* Российское законодательство XVIII в. как законодательство нового времени. С. 495–497; *Рыков Ю.Д.* Малоизвестный рукописный синодик Московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями. С. 497–505; *Саатчян Г.Р.* Картографические источники "Книги Большому Чертежу": Вопросы реконструкции. С. 506–508; *Сазонов С.В.* "Молитва мертвых за живых" в русском летописании XII–XV вв. С. 508–517; *Самарин А.Ю.* Политическая борьба в начале царствования Федора Алексеевича и ссылка А.С. Матвеева. С. 517–520; *Сванидзе Д.В.* Значение скандинавских источников для реконструкции отношений Скандинавии и Древней Руси. С. 520–522; *Севастьянова А.А.* Формирование нового "ментального оснащения" в культуре русской провинции второй половины XVIII в. С. 522–524; *Седов П.В.* "Почесть", "поминки" и "посулы" в московских приказах XVII в. С. 524–529; *Середа В.Н.* К вопросу об источниках формирования исторических представлений у тверского историка 70-х годов XVIII в. Д.И. Карманова. С. 529–534; *Середа Н.В.* Городское гражданство России в последней четверти XVIII в. С. 534–538; *Сидорова М.В.* Семейная жизнь Дубельтов: По письмам Анны Николаевны Дубельт. С. 538–544; *Симонов Р.А.* Запись о числах в послании Ф.И. Карпова. С. 544–548; *Скоробогатов А.В.* Расстановка политических сил при вступлении на престол Павла I. С. 548–550; *Солодкин Я.Г.* Новый летописец и публицистика Смутного времени. С. 550–556; *Сосно В.А.* Присоединение Белоруссии к России и судьбы

крестьянства: Последняя треть XVIII в. С. 556–560; *Столярова Л.В.* Еще раз о дате Евсевиева евангелия. С. 560–563; *Столярова Л.В.* К истории переписки псковского Изборного Октоиха конца XIV в. С. 563–572; *Страхова Я.Г.* Эпистолярное наследие митрополита Евгения (Болховитинова) как источник для изучения его исследовательской деятельности. С. 572–576; *Строганов Л.С.* К вопросу об омонизации термина "опричнина" в царствование Ивана Грозного С. 576–578; *Сукина Л.Б.* Миниатюры синодиков XVII – начала XVIII в.: Ист. аспект. С. 578–581; *Тихонова В.Б.* Служилый город второй половины XVII в. по десятиям Пензенского края. С. 582–586; *Тропин Н.А.* К исторической географии Елецкой земли XIV – начала XV в. С. 586–591; *Тугова Т.А.* Коллекция грамот из ризницы Соловецкого монастыря: К истории документального корпуса. С. 591–600; *Тюренкова О.В.* Синодики середины XVII в. в собрании Дмитровского музея. С. 601–604; *Филина Е.И.* Свидетельства иностранцев о России как источник по истории внутривосточной борьбы середины XVII в. С. 605–609; *Фокина М.А.* Источники по истории городской реформы Петра Великого. С. 610–612; *Формозов А.А.* П.Н. Милюков и археология. С. 612–613; *Хорихин В.В.* Домострой как источник по истории экономических представлений городского населения России конца XV – первой половины XVI в. С. 613–619; *Хорошкевич А.Л.* Смирение и высокоумие: У истоков русского национального характера. С. 619–621; *Хоруженко О.И.* К вопросу о подлинности диплома Петра I князю И.С. Могиле. С. 621–629; *Хохлов Н.А.* Российская православная миссия в Пекине и ее вклад в изучение духовной культуры Китая. С. 629–635; *Хромов О.Р.* Русские лубочные издания XVII–XVIII вв. как исторический источник: К проблеме датировки. С. 635–640; *Цыб С.В.* О летописном источнике "Памяти и похвалы князю Владимиру". С. 640–644; *Чекунова А.Е.* Анекдоты о М.В. Ломоносове. С. 644–647; *Черкасова М.С.* К изучению организационной структуры Троице-Сергиева монастыря в XV–XVII вв. С. 647–652; *Чирскова И.М.* История России XVIII в. и цензура второй половины XIX в. С. 653–662; *Шапошник В.В.* Церковь и государство на пути к Стоглавomu собору (1547–1550). С. 662–667; *Швейковская Е.Н.* Русский Север в XVI–XVII вв.: Традиционализм как тип соц.-экон. развития. С. 667–672; *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы "Петербург–Москва". С. 673–677; *Юрганов А.Л.* К прочтению некоторых "темных мест" завещания Ивана Грозного. С. 677–679; *Юрчикова А.Ю.* Формирование государственной доктрины российского абсолютизма в первой четверти XVIII в. С. 679–682; *Янин В.Л.* Из истории новгородско-московских отношений в XV в. С. 683–690.

Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 29–31 января 1996 г. / Редсовет: Н.И. Басовская (председ.), С.О. Шмидт (председ.), С.Н. Бройтман, Г.И. Зверева, Р.Б. Казаков, А.Б. Каменский, Е.И. Каменцева, О.М. Медушевская, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева; Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), С.Н. Бройтман, Г.И. Зверева, Р.Б. Казаков (отв. секр.), О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Гос. комитет РФ по высш. образ. РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспом. ист. дисциплин; РАН. Археогр. комиссия. М., 1996. 448 с. 190 экз.

Содерж.: От редакции. Источниковедение: современная парадигма, междисциплинарные и компаративные аспекты. С. 3–5; **I. Теоретические проблемы компаративного метода.** *Медушевская О.М.* Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: Проблемы методологии. С. 6–27; *Бройтман С.Н.* Проблема исходной формы образа в сравнительно-историческом освещении. С. 27–29; *Кашианов С.М.* Источниковедческие основы компаративного метода в истории. С. 30–35; *Румянцева М.Ф.* Компаративное источниковедение. С. 35–49; *Мельников Ю.Н.* Типы, классы и рода в системе исторических источников. С. 49–52; *Кононенко М.А.* Контент-анализ как метод: Аналит. обзор. С. 52–59; *Илизаров Б.С.* Парадоксы компаративистики. С. 59–61. **II. Сравнительное изучение культур: Современные проблемы компаративистики в литературоведении, истории, антропологии.** *Грацианская Л.И.* Источниковедческие проблемы компиляции: На материале "Географии" Страбона. С. 62–65; *Селина Т.И.* Методологические аспекты

обычноправового источниковедения. С. 66–68; *Акопова Т.В.* Древние законодательные памятники как источник для изучения правового и нравственного состояния общества: Сравн.-ист. подход. С. 68–70; *Пчелов Е.В.* Исторический эпизод начала XI в. и русско-скандинавские взаимосвязи. С. 70–72; *Бибиков М.В.* Источниковедческие проблемы византийской просопографии: К датировке прототипа Изборника Святослава 1073 г. С. 72–75; *Данилевский И.Н.* Древнерусские переводы канонических и апокрифических сакральных текстов как исторический источник. С. 75–77; *Елисеев Г.А.* Архаические образы Бога в древнерусских апокрифах. С. 77–80; *Пчелов Е.В.* К вопросу об источниках "Младшей Эдды". С. 80–82; *Аранов Д.Ю.* Русь и Восток в XIII в.: К вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории. С. 82–84; *Зайцев И.В.* Золотые отражения (Буддийская сутра и тюркский эпос). С. 85–86; *Столярова Л.В.* Производство рукописных книг во Франции и России в XI–XIV вв.: Сравн. аспект. С. 86–90; *Родионова О.А.* Древнерусская агрография XIV – начала XV в. и ее византийские параллели в контексте сравнительного источниковедения. С. 90–92; *Явнилович К.В.* "Цветочки св. Франциска Ассизского" и "Житие Сергия Радонежского" Епифания Премудрого. С. 92–94; *Золотов В.И.* Сравнительно-историческое изучение источников по социальной истории Англии XV в. С. 94–97; *Бурсон А.Е.* Сравнительный метод в изучении чинов коронования московских государей в конце XV–XVI вв.: На примере чина поставления на великое княжение Дмитрия-внука. С. 97–100; *Юрганов А.Л.* Правда и вера Ивашки Пересветова в контексте мировой культуры. С. 100–101; *Амелькин А.О.* О некоторых параллелях событий русской истории в трагедиях Шекспира. С. 101–103; *Богданова Т.М.* История медицины в России: Компаративный аспект. С. 103–104; *Каменский А.Б.* Системный кризис и реформы в России и Турции: Опыт сравн. анализа. С. 104–108; *Блюмина О.Л.* Сравнительный анализ кондиций 1730 г. и шведских документов XVII–XVIII вв., "до государственного устройства относящихся". С. 108; *Болтунова Е.М.* Письма леди Рондо и записки Н.Б. Долгорукой: Сравн. анализ. С. 109–110; *Моисеенко Г.О.* Труд Чезаре Беккариа "О преступлениях и наказаниях" и наказ Екатерины II в Уложенную комиссию: Сравн. анализ. С. 110–113; *Лавринович М.Б.* Право города Фрейбурга XII–XIII вв. и Жалованная грамота городам 1785 г.: Возможности сравн. подхода. С. 114; *Моряков В.И.* Компаративный метод в изучении просветительской мысли России и Франции второй половины XVIII в. С. 115–117; *Чекунова А.Е.* Компаративные аспекты интерпретации термина "анекдот" в XVIII в. С. 117–119; *Губина Н.Ю.* Дневник Д.К. Адамса и воспоминания об Александре I и Наполеоне I графини Шуазель-Гуфье: Сравн. анализ. С. 119–122; *Введенская О.И.* Образ Италии в письмах Сильвестра Щедрина и книге Стендаля "Рим, Неаполь, Флоренция". С. 122–123; *Литвиненко Н.А.* Творчество Жорж Санд в свете некоторых проблем современной компаративистики. С. 124–126; *Высокова В.В.* Законодательные акты западного конституционализма как предмет сравнительного источниковедческого исследования. С. 126–128; *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России и их западные источники. С. 128–132; *Цветков Ю.Л.* Диалог двух культур: Стефан Георге и Гуго фон Гофмансталь. С. 132–135; *Арсентьева Н.Н.* К вопросу о типологии лирики русского и испанского "серебряного века". С. 135–141; *Самсонова Н.В.* Кризис святочной литературы: Трансформация "Рождественского" текста. С. 141–144; *Орлицкий Ю.Б.* Русское версе в кругу источников и параллелей. С. 144–149; *Кукулин И.В.* Хармс и Гете. С. 149–151; *Эванс-Ромейн К.* Заметки об источниках пастернаковского "Шопена". С. 151–152; *Кальнина Е.И.* Мемуары М. Ригони Стерна "Сержант на снегу" и А. Тарасова "Записки русского гарибальдийца": Сравн. анализ. С. 153; *Большакова А.Ю.* Межлитературность и конвенциональный читатель русской деревенской (онтологической) прозы. С. 154–156; *Мазанцев Ш.А.* Сравнительно-историческое изучение билингвизма в литературе. С. 157–158; *Антонец В.Е.* Документальная реконструкция театрального спектакля: Герменевтический опыт и источниковедение. С. 158–160; *Долгих А.Н.* Россия в контексте мировой цивилизации: К использованию компаративного метода. С. 160–163. **III. Компаративный метод в междисциплинарных исследованиях.** *Алексеев С.В.* Данные социальной типологии как источник по ранней истории славян. С. 164–167; *Миляева Е.О.* Историсофские

схемы XI и первой половины XVI вв. в памятниках древнерусской литературы: Сравн. анализ. С. 167–170; *Артамонов Ю.А.* Статья 6618 г. Повести временных лет об "огненных столпах" и ее литературные источники. С. 170–172; *Пашин С.С.* Dispositio червонорусских актов второй половины XIV–XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. С. 172–175; *Кольчева Е.И.* Влияние земельной собственности на эволюцию формулы и судьбу частных актов в России XIV–XVI вв. С. 175–178; *Черкасова М.С.* Междисциплинарные связи в изучении библиотеки и архива Троице-Сергиева монастыря XIV–XVII вв. С. 178–181; *Кошелева О., Мартин Р., Морозов Б., По М.* Опыт создания историографического банка данных состава Боярской Думы XV – начала XVII вв. С. 181–184; *Шапошник В.В.* Об источниках первых "царских" вопросов: Пятая глава "Стоглава". С. 184–187; *Солодкин Я.Г.* О приемах использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина. С. 187–191; *Булгаков М.Б.* О составе таможенной документации первой половины XVII в. С. 191–194; *Глазьев В.Н.* Источники о событиях в Воронеже 25–29 июня 1648 г.: Проблема интерпретации. С. 194–196; *Орленко С.П.* Челобитные иноземных мастеров Золотой и Серебряной палат: Опыт источниковед. анализа. С. 196–199; *Лукичев М.П.* К вопросу о достоверности сведений боярских списков второй половины XVII – начала XVIII в. С. 199–202; *Прохоров М.Ф.* "Офицерские" описи как источник по истории помещичьих крестьян России середины XVIII в. С. 202–205; *Елисеева О.И.* Мифологизация образа Г.А. Потемкина в историческом сознании современников. С. 205–209; *Середа Н.В.* Изучение функций магистратов в отечественной историографии. С. 209–211; *Бекирова Г.Т.* Проблемы этнографии крымских татар в источниках личного происхождения конца XVIII–XIX вв.: Сравн. анализ. С. 211–214; *Скоробогатов А.В.* Камер-фурьерские журналы как источник по истории жизни и деятельности императора Павла. С. 214–216; *Лужановский А.В.* Историзм сравнения: Сравн.-ист. принцип в определении момента возникновения русского рассказа. С. 216–218; *Малкина В.Я.* Принцип сюжетной незавершенности в английском и русском романтизме. С. 219–220; *Батицев М.В.* Источники по истории литературного вкуса эпохи "Золотого века русской культуры": Сравн. анализ. С. 221–223; *Лохина Т.В.* Некоторые аспекты применения компаративного метода в работе с источниками рукописной культуры первой трети XIX в. С. 223–225; *Савинков С.В., Фаустов А.А.* От "героя времени" к "лишнему человеку": Сравнение как ист.-культ. величина. С. 226–229; *Давыдов Б.Б.* Новые источники по истории русско-австрийских отношений конца 30-х годов XIX в. С. 229–230; *Кандаурова Т.Н.* Возможности и перспективы компаративного анализа при изучении истории военных поселений в России. С. 230–233; *Мохначева М.П.* "Неофициальная часть" губернских ведомостей: Познават. возможности сравн. источниковедения. С. 233–236; *Горячева А.В.* Журнал "Северный цветок" и модные журналы 50–60-х годов XIX в. С. 236–238; *Наумов Е.Ю.* Дополнительность как форма компаративности: На материале эпистолярных источников. С. 238–242; *Доманова С.А.* Переписка А.Ф. Кони: Проблемы сравн. изучения. С. 242–244; *Тишунина Т.Б.* Переписка С.Д. Шереметева как исторический источник: Проблемы сравн. исследования. С. 244–246; *Анисова А.Н.* От "наброска" к лирической книге: К вопросу об источниках книг Б. Пастернака "Сестра моя – жизнь" и "Темы и вариации". С. 246–248; *Хитрина Н.Е.* Вопрос о собственности на землю и формах наделения землей крестьян в документах буржуазных общественных организаций и партии кадетов в 1917 г. С. 248–252; *Душенко К.В.* Понятия "белые", "белогвардейцы", "белая армия" в небольшевистской печати времен гражданской войны. С. 252–255; *Карпенко С.В.* Мемуарные источники о причинах конфликта между Деникиным и Врангелем. С. 255–258; *Карпенко Е.Ю.* Сравнительный анализ советских и эмигрантских газет весны 1921 г. о Кронштадтском восстании. С. 258–260; *Сабенникова И.В.* Русское зарубежье: Сравн.-ист. анализ. С. 260–263; *Грибенчикова О.А.* Источники по истории российского предпринимательства в эмиграции. С. 263–265; *Анферова Е.И.* Массовые источники по истории российской эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев (1921–1923). С. 266–268; *Богдан Е.Б.* Казачество в эмиграции: вопросы сравнительного анализа источников. С. 268–270; *Демина Л.И.* Компаративный анализ мемуаристики историков русского зарубежья: проблемы эволюции жанра. С. 270–273; *Белоконь Е.А.* Источники о нац.

полит. ориентации второй волны эмиграции: По материалам архива Курганова–Керенского. С. 273–277; *Тархова Н.С.* Крестьянство, армия и власть: Из опыта работы с документами РГВА. С. 277–280; *Садков В.Н.* Переписи служащих Наркомата юстиции 1918 и 1922 гг.: Источниковед. анализ. С. 280–281; *Воскобойникова Н.В.* Письма как исторический источник по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сравн. анализ. С. 282–284; *Леушин М.А.* "Товарищ Софинов – ответственный научный работник, офицер, коммунист, преподаватель, и его поведение недостойно...": Сравн. анализ двух партийных документов. С. 284–286; *Илизаров С.С.* Фундаментальная наука периода "оттепели": Распознавание образа под личиной канона. С. 286–287; *Молчанов Л.А.* Современная отечественная мемуаристика (1985–1995): Опыт сравнительного изучения. С. 287–292; *Зеленко Л.В.* Источники изучения идейно-политических взглядов русского национального движения в годы перестройки (1981–1991): Опыт сравн. анализа. С. 293–297; *Молчанов Л.А.* Становление российского федерализма (1990–1993): Сравн.-ист. анализ. С. 297–303; *Горяева Т.М.* Журналистика: Сравн. методы исследования. С. 303–306; *Тяглов И.В.* Некоторые особенности идеологических конструкций в современной российской прессе. С. 306–310; *Иноземцева З.П.* Письма граждан в средства массовой информации – источник личного происхождения: Сравн.-ист. метод исследования. С. 310–312; *Никитина Д.Х.* О слагаемых текста в устной истории. С. 313–316; *Хубова Д.Н.* Лицом к лицу в тексте: Книги отзывов. С. 316–321; *Садовников С.И.* Сравнительный подход к источникам в поисковой работе: На примере деятельности Историко-архивного поискового центра "Судьба". С. 321–323. **IV. Компаративистика и вспомогательные науки гуманитарного знания.** *Савин В.А.* Компаративный метод в выявлении существенных характеристик документа. С. 324–326; *Цыб С.В.* Сравнительный метод в историко-хронологических исследованиях. С. 326–329; *Данилевский И.Н.* Общие характеристики древнерусского лунно-солнечного календаря: Хронология и компаративистика. С. 329–332; *Симонов Р.А.* О календарном стиле статьи 6615 г. Повести временных лет: опыт компаративного анализа. С. 332–334; *Рубан Ю.И.* О сравнительном изучении календарно-литургических источников: Предвар. замечания. С. 334–337; *Рудаков В.Н.* Хронологические указания о событиях 8 сентября 1380 г. в памятниках Куликовского цикла. С. 337–340; *Симонов Р.А.* Использование методов компаративистики при анализе текстов о длительности дня и ночи. С. 340–343; *Саатчян Г.Р.* Классификация отечественных картографических источников XVI – начала XVIII вв. С. 343–347; *Саатчян Г.Р.* Картография западноевропейская и русская до начала XVIII в.: Сравн. анализ. С. 347–350; *Сотникова С.И.* Русские географические чертежи XVII в. в системе изобразительных источников: Опыт компаративного анализа. С. 350–351; *Наумов О.Н.* Зарубежная генеалогия и развитие методики родословных исследований в России в первой половине XX в. С. 352–354; *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Регистрация акта рождения во Франции и в России в середине XIX в. С. 355–359; *Демченко А.А.* Научная биография как тип исследования: Проблемы источниковедения. С. 360–362; *Каменцева Е.И.* Некоторые аспекты применения компаративного метода в российской геральдике. С. 362–364; *Бушков В.Г.* Компаративные аспекты в фалеристике. С. 364–367; *Зайцева Л.П.* Вексиллология: Междисциплинарные аспекты. С. 367–370; *Королев Г.И.* Аспекты сравнительного изучения эмблематики политических партий и движений. С. 370–373; *Грицкевич В.П.* Источниковедение истории музейного дела и проблемы историко-сравнительного подхода. С. 373–375; *Беленький И.Л.* К вопросу о характере представления знаний в отечественной ретроспективной отраслевой библиографии социальных и гуманитарных наук. С. 375–376; *Бабкин Н.А.* Историческая библиография в научном творчестве историков. С. 376–379. **V. Научное наследие отечественной компаративистики.** *Швейковская Е.Н.* "Методология истории" А.С. Лаппо-Данилевского и "Апология истории, или Ремесло историка" М. Блока: Опыт источниковед. сопоставления. С. 380–385; *Пашков А.М.* Об одном источнике "Истории российской иерархии" Амвросия Орнатского. С. 385–387; *Ермольцев Д.А.* Из истории отечественной компаративистики: Протоиерей С.К. Сабинин. С. 387–390; *Бачинин А.Н.* Шевырев и Карамзин. С. 390–395; *Александров А.А.* Реформы в России и Европе: Тема сравнения в

книге М.А. Корфа "Жизнь графа Сперанского". С. 395–397; *Попов Н.А.* К.Д. Кавелин: Вопросы становления ист.-психол. концепции. С. 397–399; *Корнеев И.В.* "Постижение истории" А.Дж. Тойнби и "Россия и Европа" Н.Я. Данилевского: К вопросу о методах сравн.-ист. исследования. С. 399–401; *Корников А.А.* Ученый и его статус в контексте эпохи: С.Н. Быковский – источниковед, исследователь. С. 401–403; *Шишкин И.Г.* Три "центра" Руси восточных источников IX–X вв. в советской исторической литературе. С. 403–406; *Галанов М.М.* Компаративный метод в изучении сословно-представительных учреждений России и Западной Европы в российской историографии. С. 406–408; *Комиссаренко А.И.* Компаративистские параллели в оценке секуляризации земельной собственности духовенства в России и Европе в эпоху кризиса феодальных структур: Историогр. и источниковедческие аспекты. С. 408–412; *Шмидт С.О.* Компаративный метод в отечественном историческом краеведении (до 1930-х годов). С. 412–415; *Присенко Г.П.* Компаративный метод в изучении истории краеведения. С. 415–417; *Ланской Г.Н.* Компаративный метод в изучении историографических источников новейшего времени: Источниковед. и методол. аспекты. С. 417–421; *Михальченко С.И.* О возможности междисциплинарного подхода при изучении понятий "школа" и "направление" в исторической науке. С. 421–422. VI. **Круглый стол преподавателей.** *Румянцева М.Ф.* Курс "Компаративное источниковедение": Опыт преподавания. С. 423–430; *Казаков Р.Б.* Компаративистика в источниковедческом семинаре факультета архивного дела ИАИ РГГУ. С. 430–432; *Осокина И.В.* Учебная литература по вспомогательным историческим дисциплинам во второй половине XIX – первой половине XX в.: На примере учебников палеографии. С. 432–435; *Белоконь Е.А.* Методы и возможности традиционной палеографии и палеографии с применением средств Multi-media. С. 435–439.

Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конференции. Москва, 3–5 февраля 1997 г. / Редкол.: О.М. Медушевская (отв. ред.), И.Н. Данилевский, Р.Б. Казаков, Е.И. Каменцева, М.Ф. Румянцева, Г.Р. Саатчян (отв. секр.); РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспомога- т. ист. дисц.; РАН. Археогр. комис. М., 1997. 335 с.: ил., 2 л. портр. 180 экз. Рез. англ. яз.

Содерж. **От редакции.** Проблема "человек и пространство" в современной системе знания / [Медушевская О.М., Муравьев В.А., Простоволосова Л.Н., Румянцева М.Ф., Саатчян Г.Р.]. С. 18–23. I. **Доклады пленарного заседания.** *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человека и общества: Ист. география в системе ист. наук. С. 24–35; *Медушевская О.М.* Исторический источник: Человек и пространство. С. 35–61; *Шмидт С.О.* М.Н. Тихомиров как историк-географ. С. 61–62; *Беленький И.Л.* Концепт "Историческое пространство" в социальном и гуманитарном знании: Аспекты междисциплинарности. С. 62–67; *Уколова В.И.* Римская империя и проблема "смысла" исторического пространства. С. 67–69; *Каиштанов С.М.* Этапы большого пути: От Белого моря до Москвы: По запискам англичан середины XVI в. С. 69–83. II. **Образ мира: Пространство культуры и культура пространства.** *Сотникова С.И.* Картографический образ пространства в гуманитарном и естественно-научном знании: Метод. аспект. С. 84–85; *Зайцев И.В.* Древнетюркские поминальные оградки и представления древних тюрков о пространстве. С. 85–88; *Бибииков М.В.* Человек и пространство в византийской историографии. С. 88–89; *Мельникова Е.А.* Пространственная ориентация и принципы землеописания древнерусского летописца. С. 90–91; *Данилевский И.Н.* О том, как летописец совместил пространство со временем, и что из этого следовало. С. 91–93; *Маркедонов С.М.* Образ Азова в донских казачьих повестях "Азовского цикла". С. 93–95; *Дутчак Е.Е.* Географическое пространство в картине мира старообрядцев-странников второй половины XIX–XX вв. С. 95–97; *Приль Л.Н.* Образ мира в бытовом дневнике старообрядца. С. 97–99; *Лобачева А.И., Лохина Т.В.* Образ города в путеводителе: По материалам московских путеводителей. С. 99–101; *Бачинин А.Н.* "Дом Ведрина" в Москве: М.П. Погодин в интерьере. С. 101–103; *Пчелов Е.В.* Лунная карта "Нового Альмагеста": От географии к селенографии. С. 103–105; *Артамонов Ю.А.* Семантика мотива "спотыкающегося коня" в Повести временных лет. С. 105–107; *Рудаков В.Н.* Отъезд Дмитрия Донского в Кострому в

оценке автора "Повести о нашествии Тохтамыша". С. 107–109; Чекунова А.Е. Скандинавия и Финляндия конца XVIII – начала XIX в. в восприятии русского гардемарины графа Федора Петровича Толстого. С. 109–111; Вишленкова Е.А. Образ Пруссии в русских эпистолярных источниках первой четверти XIX в. С. 111–113; Батшев М.В. Немецкие дневники братьев Тургеневых начала XIX в. С. 113–114; Родионова Н.А. Ермоловский Кавказ в "Записках" испанского революционера Хуана ван Галена. С. 114–116; Доманова С.А. "Два блага вечны на земле: природа и искусство": Образы российской провинции и Европы на страницах писем А.Ф. Кони. С. 116–118; Пархоменко Т.А. Культурное пространство России и революционное время в дневниках князя В.М. Голицына. С. 119–121; Белоконь Е.А. Народничество и вторая волна российской эмиграции: Перемещение в пространстве и остановка во времени: По материалам архива Курганова-Керенского. С. 121–123; Елпатьевский А.В. С другой стороны Атлантики: Из латиноамер. россики. С. 123–126; Еремин А.И. Население провинции и реформы начала XX в. С. 126–127; Молчанов Л.А. Информационное пространство: Информ. отношения с зарубежными государствами в годы гражданской войны (1918–1920). С. 128–130; Грацианская Л.И. К проблеме "популяризации" научных достижений в античности: постановка вопроса. С. 130–132; Лисицына Т.А. Пространственные образы жизненного мира в языке науки и искусства XVIII в. С. 132–135; Бурдина Н.В. Человек и пространство: Изобразит. источник. С. 135–137; Чувилова И.В. Художественное собирательство в социокультурном контексте провинциального города. С. 137–139; Столярова Л.В. Библиогеография средневековой Руси XI–XIV вв. С. 140–141; Перевалов В.А. Книжные вклады династии Романовых в XVII в.: Географ. аспект исследования. С. 142–144; Марчана П.П. Человек и пространство в готическом мире: На примере повести Н.М. Карамзина "Остров Борнгольм" и новеллы Э.А. По "Падение дома Ашероф". С. 144–146; Орлицкий Ю.Б. Пространственные ориентиры в заглавии поэтического сборника. С. 146–148; Мазур Л.Д. Роль природной среды в объемно-пространственном развитии городов Владимирской губернии. С. 148–149; Шустова Ю.Э. Совокупность письменных, вещественных и изобразительных источников как осуществление диалога культур: На примере памятника ренессансной архитектуры – львовской Успенской церкви. С. 150–152; Зорин А.А. Пейзажный романтический парк в конце XVIII – начале XIX в. С. 152–153. Агеева Е.А. Подмосковные Гуслицы – влиятельный центр старообрядческой культуры XVIII–XX в. С. 154–155; Воскобойникова Н.В. Из истории Нижегородской промышленной и художественной выставки: К 100-летию со дня проведения. С. 156–157; Илларионова Л.И. Русская архитектура глазами И.Ф. Барцевского. С. 157–160; Ястремский С.И. "Под ненужную сеткой долгот и широт": Проблема взаимоотношения человека и пространства в "африканских" фотографиях Н.С. Гумилева. С. 160–162; III. **Историческая география: Источники, проблемы, исследования.** Трофимова О.В. Историко-географические свидетельства эпохи гугенотского движения во Франции XVI–XVII вв. С. 163–164; Хазанова С.И. Географические и топографические сведения Пискаревского летописца. С. 165; Ткаченко В.А. Список книг "писма и меры" Т. Хлопова "с товарищи" 1584–1586 гг. как источник по исторической географии Радонежского уезда. С. 166; Кириченко Л.А. Актовый материал 1584–1641 гг. о расширении вотчины Троице-Сергиева монастыря в Московском, Переяславском и Дмитровском уездах. С. 167–169; Саатчан Г.Р. Географическое описание южной части Московского государства ("Роспись чертежу украинских городов...") конца XVI в. С. 169–171; Глазьев В.Н. Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г. как источник по исторической географии и топонимике. С. 171–172; Булгаков М.Б. "Сыски" первой половины XVII в. как источник по историческому краеведению. С. 173–174; Демин М.А. Автохтонное население в этногеографических обзорах сибирских летописей. С. 174–176; Литвин А.А. Планы городов и крепостей России первой четверти XVIII в. как исторический источник: По фондам Российского гос. воен.-ист. архива. С. 176–178; Давыдов Б.Б. Документы Российского государственного военно-исторического архива о посещении персидским принцем Хозрев-Мирзой военных поселений. С. 178–179; Кандаурова Т.Н. Военные поселения кавалерии: Опыт ист.-геогр. анализа статистических атласов. С. 179–182; Козлов М.В. "Карта промышленности Евро-

пейской России..." Павла Крюкова середины XIX в. С. 182–184; *Мохначева М.П.* "Доходчивая география": Карманные книжки, издаваемые от РГО. С. 184–186; *Плотникова Г.Н.* Карты как источник по истории сельского хозяйства и крестьянства пореформенной России. С. 186–188; *Хомякова Н.В.* Обзор личных фондов Государственного архива Пермской области, содержащих сведения по исторической географии. С. 188–190; *Гончарова В.В.* Походный журнал генерал-майора Генерального штаба Федотова: Новый источник, содержащий ист.-геогр. информацию. С. 190–192; *Корников А.А.* Источники в науках о человеке: Биография в историко-географическом пространстве социокультурного процесса. С. 193–194; *Воротилина Н.Г.* Газета "Коммуна" как источник по истории восстановления г. Воронежа из руин (1943–1953). С. 194–195; *Толстова Н.Н.* Статистические источники по истории российского села 1970-х годов: По материалам Горьк. обл. С. 196–197; *Низовцев В.А., Онищенко М.В., Шейко С.Н.* Возможности применения исторических материалов в ландшафтных исследованиях. С. 197–200; *Кренке Н.А., Низовцев В.А.* Ландшафтный подход к реконструкции природопользования в Подмоскowie в железном веке. С. 200–201; *Низовцев В.А., Онищенко М.В.* Методика ландшафтного анализа динамики лесистости ландшафтов Центральной России на основе изучения картографических материалов XVIII–XIX вв. С. 202–203; *Антонов С.И.* Межевые карты XVIII–XIX вв. как инструмент исследования пространственной структуры современного культурного ландшафта. С. 203–205; *Борсук О.А.* Карта – источник информации о состоянии гидрографической сети. С. 205–207; *Шипилова Л.М.* Использование старых гидрографических карт для выявления закономерностей колебаний активности динамики береговой зоны. С. 207–208; *Маматова Е.П.* Методика составления исторической карты по писцовым книгам первой четверти XVII в.: На примере Русского уезда. С. 209–211; *Золотов В.И.* Изменение аграрного пейзажа и развитие средневекового общества в Западной Европе. С. 211–213; *Колычева Е.И.* Освоение лесного пространства в России XI–XVI вв. С. 213–215; *Антонов С.И., Борсук О.А.* Межевой план XVIII в. усадьбы "Сатино" – источник сведений о рациональном природопользовании. С. 215–216; *Козлов В.И.* Северо-восточная провинция Первого Болгарского царства: Время, пространство, общество. С. 216–218; *Строганов Л.С.* Волость Великая слобода в Переславском уезде XV–XVI вв.: Ист.-геогр. реконструкция территории. С. 218–220; *Саатчян Г.Р.* К вопросу о российской картографии рубежа XVI–XVII вв.: Картографирование территории города Царева-Борисова. С. 220–221; *Ермаков В.В.* Русская колонизация Восточного Закамья: Ист.-геогр. аспект. С. 221–223; *Виденева А.Е.* Сельские подворья Ростовского архиерейского дома по описи 1763 г. С. 223–225; *Малолетко А.М.* Аланы в Сибири. С. 225–227; *Прохоров М.Ф.* Географическое размещение повинностей крестьян Подмоскowie в середине XVIII в. С. 227–229; *Комиссаренко А.И.* Географические параметры социальной стратификации населения Вятки в XVIII в. С. 229–231; *Ревинский Д.О.* География обладателей привилегий на изобретения в Российской империи 1812–1870 гг. С. 231–234; *Кретинин С.В.* Германия, Австрия, Срединная Европа или...? К вопросу о трактовке этнонима "немецкий" применительно к социал-демократии Германии и Австрии (до 1939 г.). С. 234–235; *Бойко Ю.В.* Региональные аспекты адаптации российских эмигрантов к условиям жизни во Франции (1900–1930-е годы). С. 235–237; *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция в географическом пространстве мировой истории (20-е годы XX в.). С. 237–239; *Пчелов Е.В.* Древнерусские города IX – начала XI вв. по письменным известиям: К вопросу о достоверности поздних источников по истории Руси. С. 240–241; *Варфоломеев А.Г., Филлимончик С.Н.* Об истории формирования системы расселения Петрозаводска. С. 242–243; *Малафеева С.Л.* Москва и Московский край: История развития. С. 243–244; *Прохоров М.Ф.* Филевско-Кунцевская местность Москвы: Основные этапы формирования и развития. С. 244–246; *Дмитриева И.А.* Современный Лефортовский район на картах Москвы XVII и XVIII вв. С. 246–248; *Скоробогатов А.В.* Геополитическая проблематика в программе Павла Первого. С. 248–249; *Александров А.А.* Власть и пространство империи: По материалам личного архива М.М. Сперанского. С. 249–251; *Ланской Г.Н.* Геополитические аспекты развития России конца XIX – начала XX в. С. 251–253; *Бахтурина А.Ю.* Польский вопрос в Совете министров 1914–1917: Источниковед. аспект. С. 254–257; *Глебов А.Г.* Вопрос о

первоначальном расселении англосаксов в Британии и историческая топонимика. С. 257–259; *Коновалова И.Г.* К проблеме интерпретации географических названий в средневековых источниках: На примере сочинения ал-Идриси. С. 259–260; *Белова О.В.* Географические названия в памятниках древнеславянской "естественнонаучной" литературы. С. 260–262; *Шилов А.Л.* Древняя этническая граница в Северном Приладожье по данным топонимии. С. 262–264; *Шилов А.Л.* Исторические свидетельства и этимология топонимов Карелии. С. 264–266; *Попов С.А.* Топонимия Воронежской области в диахроническом аспекте. С. 267–268; *Лобанов А.И.* К вопросу о этимологии гидронима "Чистые пруды". С. 268–269. **IV. Историко-географические исследования.** *Казиков Р.Б.* З. Доленга-Ходаковский и Н.М. Карамзин: Эпизоды из истории исторической географии. С. 270–273; *Демина Л.И., Мохначева М.П.* Алтайский центр историко-географических исследований во второй половине XIX – начале XX в. С. 273–276; *Бразевич С.С.* Военно-географические и военно-статистические исследования в России: Конец XIX – начало XX в. С. 276–278; *Курас Г.М.* Вопросы исторической географии в научном наследии Черниговской губернской ученой архивной комиссии. С. 278–279; *Умбрашко К.Б.* Пространственно-временные характеристики исторических источников в представлении М.П. Погодина и П.Н. Милюкова. С. 280–281; *Попов Н.А.* Социально-психологическое пространство: Статьи В.О. Ключевского о культуре как источники исторической психологии. С. 281–282; *Абросимова С.В.* Историко-географические исследования в творческом наследии академика Д.И. Яворницкого: Источниковед. аспект. С. 283–284; *Михальченко С.И.* Историко-географические труды А.М. Андрияшева. С. 284–286; *Сафонова Е.В.* С.Д. Яхонтов как историк Рязанского края. С. 286–288; *Медведева Н.Ю.* Природный фактор в работах М.А. Островской о Русском Севере. С. 288–289; *Тагильцева Н.Н., Пыцко М.О.* Традиции городоведения в трудах краеведов 1920-х годов. С. 289–291; *Ястржембский Д.А.* Пространственно-временные операции художника-краеведа при поиске взаимосвязи с прошедшей реальностью: На основе опыта работы Б.С. Земенкова с ист. источниками. С. 291–293. **V. Проблемы пространства во вспомогательных исторических дисциплинах.** *Шульга П.И., Шульга Н.Ф.* О мерах длины у племен Алтая в скифское время: Некоторые выводы по материалам погребальных и культовых сооружений. С. 294–295; *Кучеренко Э.И.* Использование знаний о линейных размерах земли в древнерусских системах мер и весов. С. 296–298; *Каменцева А.Е.* Человек и пространство: Измерение пространства в России XVI–XIX вв. С. 298–300; *Симонов Р.А.* Об опыте измерения земельных пространств Ермолаем-Еразмом: Середина XVI в. С. 300–301; *Андриеш-Табак С.* Территориальный говорящий герб: Топонимика, переходящая в геральдику: Теорет. рассуждения на опыте Республики Молдова. С. 302–304; *Королев Г.И.* Гребы в географических трудах XIV–XVII в. С. 304–305; *Бурков В.Г.* Орденосные города как явление советской наградной системы. С. 305–307; *Матисон А.В.* Историко-географические аспекты изучения генеалогии российского купечества XVIII – начала XX вв. С. 307–309; *Быстров А.В., Иерусалимский Ю.Ю., Пахомычев С.В.* География русских фамилий: Традиц. и компют. анализ. С. 309–310. **VI. Пространство истории: Историко-софские проблемы.** *Илизаров Б.С.* Пространство истории. С. 311–314; *Илизаров С.С.* К вопросу о когнитивных и социальных функциях истории: Функция забывания. С. 314–316; *Хубова Д.Н.* Человек в новых пространственных измерениях: Симуляция ландшафта и события. С. 316–317; *Румянцева М.Ф.* Эволюционное и коэкзистенциальное пространство истории: К вопросу об эволюции видов ист. источников как критерии периодизации ист. процесса. С. 317–320; *Виноградов Г.Н.* Обоснование возможностей постструктуралистской интерпретации феномена "исторический источник". С. 320–322; *Хорхордина Т.И.* "Следователь" или исследователь?: Человек и единое арх.-информ. пространство. С. 322–324; *Мазидов В.М.* Визуальная антропология в аспекте историко-ведения: Теорет. и практ. аспект. С. 325–327; *Александров Е.В.* Принципы создания визуально-антропол. документов. С. 327–329; *Гедрович Ф.А.* Технические особенности документов по визуальной антропологии и их роль в источниковедческой практике. С. 329–331; *Козьмин В.А.* Методические основы формирования этнографического источника. С. 331–333; Summary. С. 334–335.

Р.Б. Казиков

III. ПУБЛИКАЦИИ

РЕЧЬ АКАДЕМИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА НА ЗАСЕДАНИИ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В ПАМЯТЬ 100-летия АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П.М. СТРОЕВА

Автограф публикуемой речи академика С.Ф. Платонова обнаружен не в его личном фонде (описание которого издано РНБ), а в фонде Археографической комиссии. Очевидно, текст был предназначен для публикации в очередном томе Летописей занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). Это – текст публичного выступления с указаниями на полях ссылок на первоисточники. (Такая же манера составления и речи памяти Н.М. Карамзина 1926 г., опубликованной в 1993 г.)*

Об этой речи узнаем из Отчета о деятельности Академии наук за 1928 г. В подразделе "Археографическая комиссия" отмечено, что в отчетном году состоялось 13 ее заседаний: "Особенным многолюдством (до 150 человек) отличалось заседание Комиссии в Малом Конференц-зале АН 30 марта, посвященное 100-летию Археографической экспедиции (1828–1834 гг.). После вступительного слова Президента АН председатель АК акад. С.Ф. Платонов произнес речь о значении Археографической экспедиции в деле изучения русской истории. Ученый секретарь АК А.И. Андреев прочел очерк деятельности экспедиции 1828–1834 гг. На следующий день в помещении АК была открыта выставка, посвященная экспедиции; причем выставку эту посетило свыше 500 чел. В связи с столетием Археографической экспедиции АК получила много приветствий от ученых учреждений и отдельных лиц"^{2*}.

Речь С.Ф. Платонова и по содержанию, и по стилистике близка к его речи, произнесенной к 100-летию со дня кончины историографа Н.М. Карамзина в 1926 г. Она становится важным источником для изучения историографических и общественных взглядов знаменитого историка, и безусловно, может рассматриваться как значительный историографический источник при изучении истории отечественной археографии, с успехами которой – по убеждению С.Ф. Платонова – тесно сплетались периоды развития российской исторической науки.

С.О. Шмидт

30 марта 1928

Сегодня мы торжествуем столетнюю годовщину дня 18-го марта 1828 года по старому стилю, дня, который считаем начальным моментом существования Археографической экспедиции П.М. Строева. Именно 18/30 марта 1828 года

* Неизданная статья С.Ф. Платонова / Подг. А.Н. Артизов, Б.В. Левшин // ОА. 1993. № 2.

^{2*} Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1928 год. Вып. 1. Общий отчет. Л., 1929. С. 277–278.

Строев¹ представил президенту Академии наук Уварову² проект плана задуманного им ученого археографического путешествия по России при объяснительной записке, в которой вспоминал ученые "путешествия и академиков в разные годы и по разным областям совершенные", и указывал на то, что "Академия Наук в особенности обязана обратиться к продолжению оных ученых путешествий". Результатом дела, возбужденного Строевым и было учреждение Археографической экспедиции 1828–1834 гг., повлекшей за собой образование постоянной Археографической комиссии, которая т.о. находится на пороге второго столетия своей ученой трудовой жизни.

Если требуется дать короткое определение того, что представляла собой А[рхеографическа]я Э[кспедици]я Строева, то надлежит сказать, что это была одна из ученых экспедиции Академии Наук, составивших еще в XVIII веке, по выражению Строева, "венец ея славы". Нет, конечно, нужды распространяться здесь об этих экспедициях и об их значении. В начале XIX века существовало мнение, что ученый мир наш обязан именно Академическим экспедициям всем тем, что он знал "о географии, статистике и естественном положении России". И позднее роль ученых путешествий, руководимых Академией, ценилась очень высоко: их почитали "замечательнейшим фактом в развитии географического изучения России". Преобладает представление, что Академические экспедиции, в противоположность экспедиции Строева, имели в виду изучение только географии, фауны и флоры посещаемых мест, этнографии и экономики населения. Но сам Строев обращался мыслью к знаменитому Миллеру³ и пояснял Уварову, что "без его поездок по Зауральским странам многие эпохи нашей истории остались бы навсегда темными, даже потерянными". И кроме Миллера Ив[ан] Ив[анович] Лепехин⁴, Петр.Борисович Иноходцов⁵ и другие русские путешественники не упускали случая записать в своих дневниках и путевых записках исторические сведения в виде легенд и преданий, а также и точных фактических данных. В этом отношении они все одинаково дорожили самым разнородным материалом, какой удавалось им собрать и почитали (выражаясь словами Вас[илия] Мих[айловича] Севергина⁶), что "единой из обязанностей академика есть собранные наукой сведения распространять в Российском государстве".

Таким образом Строев, предлагая Академии археографическое путешествие, не измышлял чего-либо нового и небывалого. Он стремился лишь к тому, чтобы возобновить академическую практику предшествующих десятилетий и направить внимание Академии на такие материалы, которые в прежних изысканиях академиков не играли первенствующей роли. В окружавшей современности Строев видел попытки археологических и археографических экскурсий и даже сам в них участвовал. В ученой среде, составляющей "кружок" "канцлера" Румянцева⁷, созрела мысль обозреть монастырские библиотеки кругом Москвы, и Строеву была поручена в 1817 г. поездка с этой целью, давшая блестящие в смысле находок результаты. Успех первой поездки повел к тому, что Строев, Калайдович⁸ и сам старик Румянцев не раз повторяли археографические экскурсии по монастырям Московской центральной области. Из практики этих ученых разведок собственно и выросла известная речь Строева, которую он произнес 14 июля 1823 г. в Обществе И[стории] и Др[евностей] Р[оссийских] о необходимости "исторической экспедиции" по всей России. Независимо от Румянцевского кружка, и даже раньше его, мыслью о желательности исторического исследования нашей провинции уже интересовались в Петербурге. В 1809 году Алексей Ник[олаевич] Оленин⁹ и Конст[антин] Матв[еевич] Бороздин¹⁰ уже готовили ученое путешествие по России, в программу которого входили и археографические разведки. Специально для них приглашен был Бороздиным Александр Иван[ович] Ермолаев¹¹, привезший в СПб. из трехлетнего путешествия не мало ценнейших рукописей.

Нова в предложении Строева была не мысль об археографической экспедиции; нова была постановка этой экспедиции. Как в своей речи 1823 года в Обществе Ист[ории] и Др[евностей], так и в обращении к Уварову в марте 1828 года Строев говорил о необходимости охватить экспедицией *всю* Россию, а не одну какую-нибудь ее часть, собрать "письменные памятники нашей истории и древней словесности, рассеянные на обширном пространстве от Белого моря до степей Украинских и от границ Литвы до хребта Уральского"... "Цель археографического путешествия по России есть обстоятельное познание *всех* (буде возможно) письменных памятников и пособий Отечественной истории", – такова деловая формула в "положении", проектированном Строевым для его экспедиции. В 1823 году в изложении Строева смелая мысль Строева отзывалась юношеской утопией; в 1828 г. она получила характер делового проекта, – по его словам, "созрела от 12-летнего опыта и трудов по разным частям отечественного деесписания". И Академия нашла предложение Строева исполнимым: она решила отправить Археографическую экспедицию по всей России вообще.

Известны результаты Археографической экспедиции. Начиная свое путешествие, Строев писал: "Стать в ряду знаменитых членов-путешественников Академии – вот моя награда, вот мечта моего честолюбия!" Можно сказать, что он достиг своей мечты. Экспедиция поставила его в ряд наиболее замечательных деятелей нашей исторической науки XIX столетия.

В развитии этой науки в XIX веке были два периода особого подъема и оживления. Первый был связан с появлением "Истории" Карамзина¹²; второй был связан с появлением так называемой историко-юридической школы на кафедрах Московского университета. Оба эти явления весьма известны, и о них нет нужды вообще распространяться. Но нам необходимо отметить, что и тот, и другой периоды тесно сплетались с успехами нашей археографии. Карамзин начал "строить" русскую историю в то самое время, когда слагался и стал действовать Румянцевский кружок. С постепенным развитием и совершенствованием своего исторического творчества Карамзин все ближе и теснее связывал себя с архивными фондами, которыми ему служили Бантыш-Каменский¹³ и Малиновский¹⁴, и с рукописными сокровищами, которые находили и накапливали деятели Румянцева в Москве, а также и археографы (вроде А.И. Ермолаева) в Петербурге. Во второй половине "Истории" Карамзина изобилие рукописного приказного, летописного и литературного материала поднимало изложение Карамзина на небывалую научную высоту, что ясно свидетельствовало об успехах русской археографии и в свою очередь само служило стимулом для новых поисков письменной старины. Иногда Карамзин даже прямо ставил задания для археографических разысканий. Так, Строеву в 1818 г. он разъяснял, что "отвечает" за существование *трех* редакций русских хронографов и этим направлял его на детальное изучение соответственного материала, тогда мало еще знакомого Строеву. Малиновскому в 1820 г. он посылал просьбу для X тома "Истории" искать, помимо архивных дел, другого рода рукописи: "кроме дел найдете ль и других бумаг любопытных?.." Но чаще Карамзину приходилось благодарить своих ученых корреспондентов за их добровольное усердие к его историческому труду. Вообще знакомство с эпистолярным материалом, относящимся к деятельности наших историков и археографов в первой четверти XIX века, показывает высокую степень их научного воодушевления и подъем их ученой энергии. Их работы шли согласно и дружно, в одном направлении, с одинаковым увлечением первоисточниками истории и древнейшими памятниками словесности.

Подобную же картину видим и в годы Археографической Экспедиции. Сведения об экспедиции входили в Академические отчеты и в Журнал М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения], проникали и в другие, частные журналы ("Сын

Отечества"). Были случаи, что Уваров особенным порядком распространял сведения о документах, открытых Строевым ("Чин венчания ц. Василия Шуйского"). Официальным образом Экспедиция рекомендовалась по епархиям и губерниям. По всем этим причинам вызывалось внимание к экспедиции всех так или иначе заинтересованных вопросах археографии лиц. Не только историки и словесники по специальности (как Устрялов¹⁵, Снегирев¹⁶ и многие другие), не только любители старины (как граф Федор Андр[еевич] Толстой¹⁷, А.Н. Муравьев¹⁸), но и лица, казалось бы, стоявшие в стороне от работы Строева, проявляли большой интерес к ней. М.М. Сперанский¹⁹ думал найти через Строева дополнительные указы и законы к своему "Полн[ому] Собр[анию] Зак[онов] Росс[ийской] Имп[ерии]". Дерптский профессор Walther Friedrich Clossius²⁰, в своих поисках греческих и латинских рукописей, уцелевших якобы от библиотеки Ивана Грозного, рассчитывал на содействие Строева и поддерживал с ним сношения. Известный финансист Юлий Андр[еевич] Гагемейстер²¹ мечтал получить от Строева материалы для дополнения его "Розыскания о финансах древней России" (СПб., 1833). Словом Строева в его путешествии сопровождали знаки общего интереса и сочувствия от самых скромных почитателей русской рукописной старины до самой высокой особы Николая I, который, если верить словам Уварова, задержал у себя "на несколько месяцев" четыре тома собранных Строевым документов и прочел их сам "от доски до доски". В этом отношении Экспедиция Строева представила собою яркий факт в развитии нашей археографии. Но не в этом только было ее научное значение.

Когда материалы, добытые Археографической Экспедицией, поступили в распоряжении Археографической Комиссии и началась их разборка, а затем и публикация, выяснились результаты предприятия Строева именно такие, о каких он мечтал в 1823 году, или же почти такие, но во всяком случае чрезвычайно важные. Строев надеялся своим путешествием привести в ясность всю совокупность летописного материала, сохранившегося в стране, и говорил: "тогда, имея в виду сотни списков летописей, мы будем избирать лучшие и напечатать не два или три из них (случайно попавшиеся и плохие), но целое собрание летописцев и писателей русской истории, обработанное критически". Археографическая Комиссия получила от Строева сведения именно о сотнях летописных списков, – и ее "П[олное] С[обрание] Р[усских] Летописей" явилось первым действительно критическим и систематическим изданием русских летописных сводов. Около полувека оно было основным и даже единственным источником для ученого пользования древнейшим летописным материалом, пока примером А.А. Шахматова исследователи не были обращены непосредственно к изучению списков важнейших сводов. Таким образом в истории изучения летописей труды Строева составили важнейшую по значению грань. Равным образом и актовый материал, добытый Строевым, привезенный или в его знаменитых ларцах или указанный им Археографической Комиссии, составил эпоху в изучении древнего гражданского быта. Изданные Комиссией "Акты" вместе с "Полным Собр[анием] З[аконов] Р[оссийской] Империи" Сперанского открыли историкам-юристам самую возможность постановки многих тем по истории права, а не только новые способы их решения. Вообще появление в свет в 30-х и 40-х годах XIX столетия изданий Арх[еографической] Комиссии создало совершенно новую обстановку для ученой работы в сфере изучения русского прошлого и само по себе явилось крупнейшим фактом в истории нашей науки. Вот почему люди, понимавшие настоящее положение дела, почитали археографическое путешествие Строева крупным подвигом и очень высоко ставили заслуги Строева. Я помню, как нам, студентам I курса, Изм[аил] Ив[анович] Срезневский²² с большим воодушевлением, даже с волнением объяснял значение экспедиции Строева, называя его подвижником науки²³.

Впечатление от деятельности Строева и связанных с нею публикаций Археогр[афической] Комиссии было тем сильнее, что одновременно с ними в области нашей науки произошло событие иного рода, но равной важности. Я разумею появление на наших университетских кафедрах представителей так называемой германской исторической школы с ее методами и постулатами. В лице С.М. Соловьева²⁴, К.Д. Кавелина²⁵, Б.Н. Чичерина²⁶ наша история и история права получили исследователей с строгими научными приемами и определенными взглядами на сущность исторического процесса. И вот эти исследователи свои первые (если можно так выразиться, программные) труды строили исключительно, или почти исключительно на изданиях Археогр[афической] Комиссии. "История отношений между русскими князьями Рюрикова дома" С.М. Соловьева построена целиком на "П[олном] Собр[ании] Русск[их] Лет[описей]" и в этом своем виде была бы немислима без текстов, изданных Арх[еографической] Комиссией. Б.Н. Чичерин в предисловии к "Обл[астным] учреждениям России в XVII веке" объяснял, что "источники, которыми он пользовался при розысканиях, были преимущественно "П[олное] С[обрание] Законов" и "Акты, изданные Арх[еографической] Комиссией". Он прибавлял, что "источники эти чрезвычайно обильны", что новые издания, конечно, кое в чем их дополняют, но что их достаточно, чтобы "понять существенный характер" изучаемых с их помощью явлений. Ученики первых ученых деятелей "исторической школы" так же смотрели на богатый, хотя и случайный актовый фонд, пущенный в ход со времени Арх[еографических] Экспедиций, и на нем основывали свои изыскания. И это длилось также, как с летописными, почти полвека, пока новые поколения исследователей не сознали необходимости идти за источниками прямо в архивы и там работать над внутренне цельными и полными архивными фондами учреждений или предприятий.

Да, на целые полвека Строевские материалы обусловили собою ученую работу исследователей русского прошлого. И если "История" Карамзина подвела итоги всему тому, что сделал для русской истории XVIII век, и открыла возможность дальнейшего движения вперед, не считаясь с пережитками этого XVIII века, то Строевское предприятие дало для этого движения вперед твердую базу и научный фундамент. Археографическая Комиссия, созданная в 1834 г. и реализовывавшая в своих изданиях результаты труда Строева, для данного движения вперед сделала в первые свои годы не менее того, что сделали с своей стороны исследователи, изучавшие ее материал. Вспоминая свое начало, в нем она чтит и чтит именно эту заслугу – положить основание для надежного движения вперед, для серьезного ученого искания истины в тесном общении с первоисточником знания, с документом. Именно в этом общении Комиссия и теперь видит залог настоящего прогресса исторической науки.

СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 1а. Д. 56. Л. 1–15.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Строев Павел Михайлович (1796–1876)
- ² Уваров Сергей Семенович (1786–1855)
- ³ Миллер Федор Иванович (Герард Фридрих) (1705–1783)
- ⁴ Лепехин Иван Иванович (1740–1802)
- ⁵ Иноходцев Петр Борисович (1742–1806)
- ⁶ Севергин Василий Михайлович (1765–1826)
- ⁷ Румянцев Николай Петрович (1754–1826)
- ⁸ Калайдович Константин Федорович (1792–1832)
- ⁹ Оленин Алексей Николаевич (1763–1843)

- ¹⁰ Бороздин Константин Матвеевич (1781–1848)
¹¹ Ермолаев Александр Иванович (1780–1828)
¹² Карамзин Николай Михайлович (1766–1826)
¹³ Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814)
¹⁴ Малиновский Алексей Федорович (1762–1840)
¹⁵ Устрялов Николай Герасимович (1805–1870)
¹⁶ Снегирев Иван Михайлович (1793–1868)
¹⁷ Толстой Федор Андреевич (1758–1849), он не был графом
¹⁸ Очевидно, Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874)
¹⁹ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839)
²⁰ Клоссиус Вальтер-Фридрих (1796–1838)
²¹ Гагемейстер Юрий Андреевич фон (1806–1878)
²² Срезневский Измаил Иванович (1812–1880)
²³ См. об этом: *Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пб., 1921. Кн. 2. С. 104–109
²⁴ Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879)
²⁵ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885)
²⁶ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904)

ПИСЬМО С.Ф. ПЛАТОНОВА 16 СЕНТЯБРЯ 1929 г.*

16.IX.1929

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Сегодня я получил Ваше любезное письмо и очень благодарю Вас за великодушную готовность приютить меня. Со смертью дорогого М.М. Богословского я потерял в Москве очаг, а бременить собою много семейную Маргариту Михайловну Егорову просто не хватает духа, несмотря на настойчивые зовы их милой семьи.

В отношении удобств вряд ли Вы сочтете меня требовательным. Постараюсь Ксению Ивановну и Вас собою не беспокоить.

Когда приеду, сказать не могу. Не ранее 22-го–23-го: такая суeta теперь в Академии!

Уважающий Вас С. Платонов

Мой Питерский адрес:
Ленинград, 22. Улица
Красных Зорь, 75, кв. 13.

Всего лучшего!

*РО ИМЛИ. Ф. 312. Оп. 1. № 1 (ксерокопия)
Публикация М.А. Айвазяна.*

Публикуемое письмо является ответом на письмо А.Н. Сперанского от 13 сентября 1929 г., находящееся ныне в фонде академика С.Ф. Платонова (РНБ. Ф. 585. № 4219). Его текст приводится полностью: "Глубокоуважаемый Сергей Федорович! С.В. Бахрушин сообщил мне о Вашем приезде в ближайшем будущем в Москву и о том, что Вы находитесь в некотором затруднении относительно места остановки на время Вашего пребывания в наших краях. Я и жена будем очень рады видеть Вас у себя и постараемся по возможности смягчить неизбежные в современных квартирных условиях неудобства. С теми же из них, которые для нашей квартиры неустранимы, Вас может познакомить

* Письмо приобретено на аукционе в 1996 г. Ксерокопия документа хранится в РО ИМЛИ.

Александр Игнатьевич. Если эти неудобства не покажутся Вам значительными и Вы не будете иметь в виду ничего лучшего, буду ждать Вас к себе и буду ждать с большим удовольствием. Уважающий Вас А. Сперанский". В верхнем левом углу адрес: Москва, М. Бронная, д. № 10, кв. 31.

Ознакомившись с письмом, публикуемым М.А. Айвазяном, я довольно скоро выяснил фамилию адресата – круг московских ученых, с которыми в ту пору мог быть знаком С.Ф. Платонов, не так велик, и, если это историк, то он должен быть из "старой школы", а не из окружения М.Н. Покровского. Когда возникло первое предположение, обратился к данным некрополя Новодевичьего кладбища, где захоронен прах основателя кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ профессора А.Н. Сперанского, умершего в 1943 г. Оказалось, что его супругу (скончавшуюся в 1938 г.) действительно звали Ксенией Ивановной¹. Затем попросил составителя каталога архива С.Ф. Платонова в РНБ², ученого секретаря РНБ В.А. Колобкова выяснить нет ли в личном фонде академика подходящего по дате письма А.Н. Сперанского, и мне была любезно передана ксерокопия письма, публикуемого выше.

Содержание письма академика интересно и как показатель его намерения приехать в Москву, и как свидетельство личных связей лиц его круга незадолго до ареста и фальсификации "Академического дела" историков. Известно, – и по годовым отчетам, и по его переписке – что Платонову для его исследований о России XVII–XVIII вв., необходимы были занятия в московском архиве, и, приезжая в столицу, он останавливался обычно в квартире академика Михаила Михайловича Богословского, скончавшегося 20 апреля 1929 г. Богословские проживали в Денежном переулке, недалеко от Девичьего поля, где еще в 1880-х годах построили здание для МАМЮ и куда перевозили затем и другие архивные материалы. Егоровы – член-корреспондент Академии наук историк-медиевист Дмитрий Николаевич и его супруга Маргарита Михайловна – тоже проживали близко к Девичьему полю – д. 7 по Большому Могильцевскому переулку³, но, видимо, Платонову казалось там жить менее удобно, чем на Бронной – впрочем, тогда трамвайные линии связывали прямо район Бронных и с Девичьим полем, и с Садовым кольцом.

Можно предполагать, что С.Ф. Платонов намерен был в последней декаде октября 1929 г. побывать в Москве не только для архивных занятий, но и в связи с "суетой в Академии" – тогда уже работала проверяющая ее Комиссия, нагнетала атмосферу ленинградская пресса, и жизнь Платонова стала явно беспокойной⁴. Он мог рассчитывать на получение в Москве какой-либо дополнительной информации тем более, что лишился постоянного ее источника в письмах М.М. Богословского (академики были в дружеских отношениях, что нашло отражение и в частых доверительных письмах друг другу). Имелась надежда и на встречу с недавно избранным академиком Д.Б. Рязановым, к которому он относился с большой симпатией и почитал своим покровителем в правительственной сфере⁵.

¹ Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища / Сост. С.Е. Кипнис. М., 1995. С. 146.

² См.: Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог. СПб., 1994. Вып. 1.

³ Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 92.

⁴ См.: Колобков В.А. Сергей Платонов: Год накануне ареста // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX–XX вв. Сб. научн. тр. Л., 1991. С. 17 и сл.; Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 68–75; Он же. Сергей Федорович Платонов и "Дело Платонова" // Россия XX век: Советская историография. М., 1996. С. 230–236; Он же. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 544–549.

⁵ См.: Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 39–40, 44.

В письмах упомянуты лица, имена которых затем связали с фальсифицированным "Академическим делом" историков – А.И. Андреева, С.В. Бахрушина, семьи Егоровых, покойного М.М. Богословского⁶. Не коснулись ли преследования и А.Н. Сперанского?

Выясняется также и давнее знакомство "домами" москвича Сперанского и ленинградца Александра Игнатьевича Андреева – тогда ученого секретаря возглавляемой Платоновым Археографической комиссии. Становится понятным, почему Андреев после реэвакуации (когда его ленинградское жилище оказалось разрушенным) на рубеже 1942 и 1943 гг. "некоторое время жил у А.Н. Сперанского"⁷, пригласившего его профессором своей кафедры. После кончины Сперанского⁸ он и возглавил ее.

Любопытно письмо С.Ф. Платонова и как памятник эпистолярного мастерства, с характерными для его стиля словоупотреблениями, сохраняющими признаки устной и письменной речи прежних лет: "бременить", "приютить", "настойчивые зовы", "Питерский адрес". То же обнаруживаем и в публикуемой в данном томе АЕ речи на заседании в память столетия Археографической экспедиции П.М. Строева: "...торжествуем столетнюю годовщину", "столетие ученой трудовой жизни"...

С.О. Шмидт

ЛЕКЦИЯ Б.С. ЗЕМЕНКОВА "КАК СМОТРЕТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА"

Борис Сергеевич Земенков; известный среди москвоведов как выявитель, исследователь и реставратор значимых для истории культуры старых зданий (часто перестроенных или снесенных), родился в Москве, в 1902 г. на Плющихе, в семье служащего городской сберегательной кассы. Поступив в 16 лет в Училище живописи, ваяния и зодчества, начинающий график (ученик В.А. Фаворского, И.И. Куприна) посещает также студию стиховедения, где слушает В.Я. Брюсова, Андрея Белого, Вяч. Иванова, примыкает к экспрессионистской группе Ипполита Соколова, издает опыты в стихах, графике и по теории направления. С середины 1920-х годов в обществе художников "Бытие" увлекается городским пейзажем. Желание писать дома, связанные с Чеховым, приводит его к председателю "Старой Москвы" П.Н. Миллеру. Знакомство с ним стало для Земенкова поворотным пунктом: он принимается за установление и реконструкцию памятных мест, за выявление их причастности к истории и культуре. Художник-москвовед создает более 200 графических изображений (карандаш, акварель, гуашь), в том числе реставраций, посвященных историко-культурным достопримечательностям Москвы (1939–1954) и Подмосковья

⁶ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

⁷ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 15. На с. 39–43 этого издания помещена автобиография А.Н. Сперанского.

⁸ Своеобразный интерес приобретает вопрос установления путей поступления этого документа на аукцион В АЕ за 1969 год был опубликован составленный М.Б. Булгаковым обзор фонда профессора А.Н. Сперанского, хранившегося тогда в архиве МГИАИ. Как выяснилось, к началу 1980-х годов некоторые упомянутые в обзоре документы уже не были обнаружены в фонде. Такое отношение к хранящейся документации в архиве МГИАИ побудило Н.Ф. Демидову поднять вопрос о передаче фонда А.Н. Сперанского в АРАН. В составленной в архиве в 1992 г. описи фонда, получившего № 1935, отсутствует ряд писем, адресованных Сперанскому, в частности, все письма С.Н. Валка, и другие документы.

(1944–1947), серии "Москва 1941 года" и "Истра. Новый Иерусалим" (до и после разрушения: 1939–1942).

Судя по последним датированным акварелям, в 1954 г. исследователь целиком перекладывается с графики на литературу, готовит и публикует книги "Тоголь в Москве" (М., 1954), "Памятные места Москвы" (М., 1959), помещает 66 очерков в сборнике "Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков" (М., 1962). Монография "Щепкин в Москве" по материалам, собранным Земенковым, выходит уже после его кончины под редакцией И.С. Романовского (М., 1966)¹.

С конца 1940-х годов историк входил в состав ученого совета Музея истории и реконструкции г. Москвы. 12 октября 1963 г. на своей даче в Абрамцеве он неожиданно уходит из жизни, оставляя музею собрание своей графики (начавшее там формироваться еще при жизни москвоведа) и основной массив личного архива; переданные сюда же коллекция открыток и небольшая библиотека были впоследствии расформированы по темам.

Автором данного предисловия начато планомерное изучение и подробное описание земенковских рукописей из упомянутого архива².

Публикуемый текст (судя по незначительной правке – чистовик) с авторским заголовком "Как смотреть литературные места" (МИГМ. ОФ. 26064/16) представляет собой подготовленную письменно публичную лекцию, раскрывающую систематизированные краеведом методы преподнесения и возможности восприятия историко-культурного памятника (в этом контексте – дома или усадьбы), а также понимание исследователем смысла и значения такого памятника в рождении и воспитании "исторического чувства". Для максимального сохранения особенностей стиля рукопись публикуется с земенковскими, нестандартными, сокращениями имен, а в некоторых случаях – с его же ненормативными синтаксисом и орфографией. Рассчитанное, видимо, на широкую, в том числе неподготовленную, аудиторию, выступление в приводимых примерах опиралось на имена, в русской культуре знаменитые и не требующие здесь отдельного комментария.

Исключение могут составить разве что представитель западнического крыла московских мыслителей, врач и переводчик Шекспира Николай Христофорович Кетчер (1809 (по другим данным около 1806) – 1886) и известный в свое время лiterator Болеслав Михайлович Маркевич (1822–1884).

Упоминание последнего в докладе 1940–50-х годов особенно примечательно, так как даже в 1971 г. библиографический словарь "Русские писатели" трактует его за борьбу с нигилизмом как "ярого реакционера" и защитника всякого регресса.

Д.А. Ястржембский

¹ Сочинения, не упомянутые в тексте "Предисловия": Авдотьино. Чеховская Истра // Подмосковье: Сборник. М., 1946. С. 7–22, 105–125; По чеховским местам в Москве // Литературные экскурсии по Москве. М., 1948. С. 177–209; В.Г. Белинский в Москве // ЛН. М., 1951. Т. 57. С. 375–394; Авдотьино. Виноградово. Черная Грязь. Большие Вяземы и др. (всего 31 очерк, некоторые из них написаны в соавторстве) // Подмосковье: Экскурсии и туристские маршруты. [М.], 1956; Очерки московской жизни. [О Москве первой половины XIX века.] М., 1962 (предисл., примеч., составл. и подготовка текста).

² О Земенкове также см.: *Лидин В.Г.* У художников. М., 1972. С. 110–117; *Киселева Е.Г.* Среди друзей и близких // В мире книг. 1980. № 2. С. 79–80; *Муравьев В.Б.* Борис Сергеевич Земенков // Куранты. 1989. Вып. III. С. 249–258; *Он же:* "Поправляйте и продолжайте". Борис Сергеевич Земенков. 1902–1963 // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы.) М., 1995. С. 260–280.

КАК СМОТРЕТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА

Область обозрения литературных памятников – полнота восприятия их содержания – являются настолько обособленными, специфичными, своеобразными, что будет вполне правильно поставить вопрос о том, как же надо их смотреть.

Можно прожить несколько лет на территории такого памятника или в соседстве с ним, и, однако, содержание его окажется вами не воспринятым, "закрытым" для вас.

Будучи архитектурно грамотным человеком, можно без предварительного обследования поехать осматривать какой-либо неизвестный вам памятник архитектуры. В отношении мемориального памятника такая поездка будет безрезультатной.

Чем это вызвано? Выражаясь фигурально, можно сказать, что основная особенность литературно-мемориального памятника заключается в том, что его содержание заключено не в самом памятнике, а как бы "стоит" за ним. Обычно мемориальный памятник дорог нам не сам по себе, а в связи с событиями, в нем происходившими, в связи с проживанием в нем какого-либо значительного представителя нашей истории или культуры. Именно это наполняет его содержанием, создает его ценность. Нередко его архитектурные качества ничтожны. Вспомним дом, где жил Чехов в Истре, дом связанный с темой "Трех сестер" там же, дом Шкулева (автора "Мы кузнецы и друг наш молот") в Люблине, даже усадьбу Чайковского в Клину. Если бы взять их обособленно от их содержания – все они будут самыми заурядными постройками, каких в соседстве можно найти не мало. Лишь события с ними связанные наполняют их тем содержанием, которое заставляет нас волноваться и благоговеть перед ними. И в этом плане мемориальный памятник является, может быть, наиболее портретно-человеческим, так как только через интимно-человеческие стороны мы можем понять и постичь его. Выбор данного дома свидетельствует или о личных вкусах данного лица, или о его экономике, что являлось отображением его творческих успехов; обстановка, характер дома свидетельствует об условиях его труда; наконец, зная, что писалось, что творилось здесь, мы можем поставить перед собой задачу, понять, как окружающее переосмысливалось писателем, найти следы обстановки и быта в его творчестве. Изучая данный мемориальный памятник, мы как бы входим в самую сердцевину писательского творчества, в творческую лабораторию.

Вот почему без предварительного уяснения содержания мемориального памятника почти что безрезультатно его посещение. В самом деле, если вы архитектурно грамотный человек, попавший впервые на территорию архитектурного памятника, вы сможете определить стиль постройки, примерное время постройки, любуясь ритмом отдельных архитектурных элементов, понять степень его художественной ценности; его обстановка, обозрение расскажут, как автор чувствовал и владел пространством. Все эти критерии окажутся бесполезными перед мемориальным памятником, где иногда одна деталь, без предварительного знания о ней, может оказаться для вас незаметной, а между тем, ее рассказ может быть существенней, значительней ряда факторов, находящихся в поле зрения. Пример – Бабино, где ныне нет и дома, где жил Чехов, и флигеля Левитана, но если спуститься к Истре, то можно обнаружить в воде свай купальни, с постройкой которой связан чеховский, всем известный, "Налим".

В нашей практике мы нередко встречаемся и с таким моментом, когда памятник мемориальный является и памятником архитектурным. Лично я, когда мне приходилось показывать Подмоскovie, вторую сторону нередко стремился смазывать, отстранять. Совершенно сознательно. Дело в том, что глубоко раз-

лично восприятия памятника архитектурного и мемориального. В памятнике архитектурном, чем больше я всматриваюсь в него, анализируя его построение, тем больше я "вхожу" в него, в существо его ценности. В мемориальном же памятнике я, говоря образно, должен "вообразить", представлять, как, предположим, Пушкин или Чехов ходили здесь, какие были деревья, так ли шли дорожки. Что писалось здесь, как это соответствует настроению места. Если это экскурсия, то задача вызвать эти ощущения, перенести слушателя в то время, которое определяет ценность памятника, ложится на руководителя. Если хотите, в этом есть известное начало творческой работы. Путем известного умелого подбора фактов, цитат, писательских высказываний он должен заставить жить памятник, он должен для экскурсантов не быть только строительной коробкой, а превратиться в красноречивую страницу, повествующую о думах и трудах писателя.

Как видите наша психика при восприятии этих различных категорий памятников работает различно.

Небезынтересно, что если в одном и том же памятнике мы встречаем обе категории, их взаимоотношения враждебны, стремятся вытеснить одна другую. Например, Лермонтовское Средниково. Эта интереснейшая в зодческом отношении усадьба совершенно не имеет своей детальной строительной истории. Здесь все внимание пошло по линии мемориальной. Обратное мы видим с Остафьевым. Этот замечательный памятник, имеющий ряд зодческих статей, по существу, совершенно не обследован в мемориальном отношении, хотя он и связан с такими крупнейшими именами, как Карамзин, Пушкин, Вяземский, Жуковский, Гоголь и др., если не считать ряда легкомысленных статей в путеводителях, украшенных такими перлами, как сообщение о том, что в Остафьеве Грибоедов играл женскую роль в комедии Фонвизина "Недоросль".

Еще разительнее это обстоятельство с Царицыным. Здесь архитектурная история памятника абсолютно выключила из поля нашего зрения его богатейшее мемориальное прошлое. А, между тем, какая богатейшая цепь имен проходит через историю этого места и почти в течение полутора столетий: Кантемир, Державин, Вяземский, Панаевы, Герцен, Тургенев, Достоевский, Островский, Чехов, Леонид Андреев, Андрей Белый и др. Это настолько богатейший материал, что с полным основанием можно было бы сделать специально литературную экскурсию по Царицыну или даже отдельную работу о нем, как о литературном месте.

Итак, мы условились, что для посещения литературного памятника необходимо предварительное выяснение всех материалов с ним связанных. Однако здесь надо предостеречь против тех легенд и домыслов, которыми нередко "обрастают" памятники и (которые. – Д.Я.) с такой силой бытуют в местном населении, что нужна упорная работа, чтобы их поколебать. Возьмем хотя бы могильники вятичей, которые упорно котируются в Подмосковье как могилы французов. Подчас такие легенды не имеют под собой никакого, даже искаженного, основания, возникают произвольно. Так, например, в Москве существует, вероятно, до четырех десятков домов, из которых немалая часть построена во 2-й половине XIX в., в которых жил Наполеон, а несколько меньше – "Салтычиха". Последней без всякого основания упорно приписывается владение, очевидно по созвучию, Салтыковка, когда ее усадьбами были Троицкое и Теплый стан, как явствует из следственного дела. В Салтыковке мне пришлось жить в юности и достаточно наслушаться о призраках в парке и в развалинах "дворца" (в кавычках), который был просто незаконченной постройкой 80-ых годов. Вы представляете насколько искажается образ места, его содержание, если мы окажемся в плену таких сведений, – но которые сами по себе могут

представлять любопытный материал – но это уже другая тема – в качестве своеобразного краеведческого фольклора, словесного творчества, что небезынтересно было бы и записывать и анализировать, но уже не в качестве научного материала, а в качестве творчества местных жителей.

Я однажды за одну фразу купил дореволюционный полубошный путеводитель. В нем сообщалось, что после отмены Екатериной строительства дворца в Царицыне Баженов пошел в парк и там повесился. С научной точки зрения это смешно, но если увидеть в этом своеобразное переосмысление местным населением большой драмы художника, это приобретает совершенно другое звучание.

Хочется остановиться еще на одной подробности: легенда оказывается сильнее действительности. Так, например, ленинградские старожилы рассказывали мне, что население великолепно знает мифический дом "Пиковой Дамы" на Литейном, а лишь узкому кругу специалистов знаком подлинный дом на Морской, где жила княгиня Голицына. Чехововед Соболев оставил нам чрезвычайно любопытные в этом плане записи о его поездке в Истру. И ямщик, и библиотекарьша, и отдельные прохожие с беспелеяционной уверенностью показывали ему дом "Трех сестер" в Истре, где, как известно, зародилась идея этой пьесы у Чехова, но совершенно игнорировали тот момент, что сами три сестры это не реальные лица, а плод Чеховского творчества. В то же время дом полковника Маевского, командовавшего в Истре батареей, отчасти прототипа Вершинина, где Чехов осваивал быт артиллерийского офицерства, где бывал поручик Егоров (Тузенбах пьесы) – дом вдобавок описанный Чеховым в рассказе "Детвора" – забылся, исчез из поля внимания зрителя.

Насколько подчас художественная правда может оказаться сильнее жизненной свидетельствуют "Записки" Немировича-Данченко. Вспоминая Мелихово, он описывает липовую аллею, которая упирается в озеро, как в "Чайке". На территории этой усадьбы имеется, как известно, лишь небольшой прудок в четверть этой залы, который, при всем желании, назвать озером никак нельзя. Декорации к "Чайке", писавшейся в Мелихове, стали для Немировича-Данченко самим Мелиховым.

Из чего же слагается мемориальное содержание памятника? По существу, если мы возможно полно и красочно сможем осветить темы *жизни и творчества* (подчеркнуто Земенковым. – Д.Я.) писателя в данном месте, памятник начнет жить, превратится в красноречивого рассказчика. Причем, нередко одна тема обуславливает, вызывает появление другой. Чеховская семья в Бабкине любила прогулки. По другую сторону Истры стояла одинокая Полевшинская церковь. Надо обратить внимание экскурсантов, что в Чеховские годы в соседстве домов не было. "Эта церковь, – свидетельствует брат писателя, – с ее домиком для сторожа у почтовой дороги дала брату Антону мысль написать "Ведьму" и "Недоброе дело". Так жизненный факт – прогулка – вызывает творческий акт.

Чтобы понять – если так можно выразиться, погрузиться в атмосферу памятника – весьма важно уяснить, как внешняя обстановка осваивалась писателем. Эти примеры помогут нам взглянуть на окружающее глазами самого писателя. Особенно богатый материал дает нам поэтическое творчество.

Я помню ясный чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых,
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница

– так описывает Мураново поэт Баратынский.

Мотивы Середникова мы видим в раннем творчестве Лермонтова, в "Послании к Юдину" Пушкин рисует Захарово, весь ранний цикл Блоковских стихов воспроизводит нам Шахматово.

Подобные творческие свидетельства приобретают особую остроту, так как они совмещают в себе помимо фактических данных, так же и творческое отношение к ним, личное восприятие автором данной местности. Зачитывая их на месте мы как бы смотрим на данную местность глазами самого художника, уясняем, что было близко ему, волновало его, что отстранялось, т.е. тем самым как бы входим в его внутреннюю творческую лабораторию.

Пример из смежной области. Живя в Истре, я решил обследовать раннее творчество Левитана, жившего в Бабкине – что же им здесь написано? В фондах Третьяковской галереи мне удалось познакомиться с его этюдами этого периода. Что же оказалось? По существу, Левитан игнорировал подистринский пейзаж, с его низким горизонтом, клубящимися облаками, четко видимыми далями – пейзаж, по существу, эпический, созвучный скорее Васнецову или Рериху. Он находил отдельные уголки, по существу, не типичные для данной местности, но типичные для его творчества. Работая здесь, он писал, по существу, не Истринские, а "Левитановские" места.

Наоборот, Истринский быт с древним почтмейстером, запечатленный в "Экзаме на чин", больными крестьянами (рассказы "Токарь", "Беглец"), провинциальными интеллигентами, столь многократно проходящими сквозь творчество Чехова, необычайно отвечали, как сырьевой материал, его писательскому труду. В одном из первых писем отсюда он пишет: «стоя на всеобщей в полумраке галлерей и сводов, придумываю темы для "звуков сладких". Тем много». После 7 лет проживания здесь Чеховы уезжают на лето в Луку. Брат его, Михаил, вспоминает: "Жизнь на Украине почему-то не давала ему столько тем, как в предшествовавшем годе (т.е. в Истре и в Бабкине): он интересовался ею только платонически". Чрезвычайно важное и характерное свидетельство.

Следовательно, только зная материал, стоящий за памятником, понимая, какую роль он играл в творческой биографии писателя, мы можем его понять и оценить.

Если этот материал не отразился в переписке писателя, не зафиксирован в мемуарах его близкими, мы можем с весьма недоуменным чувством стоять перед памятником. Возьмем творчество Толстого. Все мы знаем, что Анна Каренина бросается под поезд на ст. Обираловка. Чем же определился выбор именно этого места для финального, завершающего роман, эпизода? Только ответ на это может нам раскрыть подлинное значение и содержание этой точки. С чисто литературоведческой точки зрения слово "Обираловка" своей грубостью, очень конкретно ассоциирующимся смыслом, никак не вяжется со словесной тканью романа. Оно, очевидно, притягивало внимание писателя какими-то иными признаками – тем более, что подобный факт, от которого отправлялся Толстой, произошел под Тулой. Как-то, чем-то биографически (лично) Обираловка была связана с Толстым, какой-то, к сожалению, лишь ему понятный круг ассоциаций заставляет его уточнять место завершения романа станцией Обираловка. А между тем, нам не известна ни одна усадьба в ее соседстве, где он бывал; ни одна поездка по этой дороге, связанная с какими-либо эпизодами, могшими оставить след у него. Я пытался консультироваться с крупнейшими специалистами по Толстому (Гусев, Серг.Льв. Толстой) – полная неясность. Даже изучал историю дороги. Тема Обираловки – это образец краеведческой загадки.

Как видите, для восприятия мемориального памятника мы должны обладать сведениями рисующими возможно полней события в нем ("в здании, в усадьбе", – Д.Я.) в дни проживания здесь лица нами особо ценимого. Для чего это нужно? Осматривая памятник, мы должны мысленно попытаться перенестись в те дни, в

ту эпоху. По существу, восприятие такого памятника является своеобразным историческим чувством. Мы должны пытаться в своем ощущении вызвать в себе этот облик возможно достоверней и подлинней. Вот здесь общение со старожилками может нам быть весьма полезным. Что подверглось перестройке, изменилось в планировке, сохранились, добавились или уничтожились зеленые насаждения – вот круг совершенно конкретных вопросов, требующих настоятельно уточнения. Для нас это важно потому, что такого порядка изменения меняют и внутренний облик здания, вызывают в нас совершенно иное представление о жизни и быте в данном здании. Для музея Маяковского мне пришлось выполнять довольно сложную и кропотливую работу: восстановить вид этого здания, как оно выглядело в дни проживания здесь поэта. На первый взгляд странная задача. Посетители находятся в самом мемориальном здании, для чего же его надо еще раз показывать в экспозиции? Оказывается, нынешнее состояние застройки этого владения вызвало настолько превратные представления о быте здесь великого поэта, что явилась настоятельная необходимость восстановить вид владения 1920-ых гг. В прошлом это захудалый особнячок таганского купца-толстосума. По-обширному, по площади, двору было трудно пройти, настолько он был захламлен мелкими флигелями, сарайчиками, кладовыми. Над домом нависала мрачная закопченная четырехэтажная стена соседнего дома. Фасад здания с улицы был почти не виден, загороженный высоким, глухим забором. Ныне он заменен легкой ажурной изгородью, площадь двора, освобожденная от построек, превращена в цветник. К самому зданию пристроено помещение библиотеки, воздушное и легкое. Наконец, площадь ("торца". – Д.Я.) бокового здания превращена в грандиозную мемориальную доску, где по облицовке высечены слова Маяковского: "Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю атакующий класс". В результате сегодняшний посетитель говорит: "Да, позвольте, Маяковский жил на приморской вилле".

Чрезвычайно важно первое впечатление от усадьбы. Именно в этот момент слагается у нас ее образ, основное о ней представление. Здесь при проведении экскурсий мы сталкиваемся с рядом, пожалуй, непреодолимых трудностей. Дело в том, что большинство усадеб, как правило, повернуто лицом к шоссе, откуда въезжали. Последнее нередко не совпадает с железной дорогой, откуда мы приезжаем. Мы не можем включиться в ощущение усадьбы, подобно лицам в ней жившим. Это обязывает и перестраивать материал беседы, подчеркивая, что мы входим с "черного хода", с интимной стороны. Таковы Горенки, Середниково, Ивановское под Подольском, имеющее большую литературную историю. Достаточно сказать, что все действие романа Маркевича "Четверть века назад" происходит на ее территории. Очевидно, особое значение надо придать концу беседы у лицевой части усадьбы. Последнее ощущение от нее, подводя итог, должно закрепить в нашей памяти стройный обобщающий образ жизни в ней, ее значения.

Хотелось бы отметить, что и пейзаж нередко может быть весьма действенным рассказчиком. Выше мы уже отмечали, что окрестности Шахматова нашли свое многократное запечатление в поэзии Блока – следовательно, несмотря на отсутствие усадьбы, оно не перестало быть Блоковским местом. То же с Бабкиным. Дорога оттуда на Истру описана Чеховым в "Верочке", поляна за рекой – место многократных вечерних театрализованных развлечений Чехова и Левитана, с берегом реки связаны "Налим", "Дочь Альбиона", наконец, это место его углубленных писательских размышлений. Как мы знаем, Чехов любил эту предварительную работу – обдумывание замысла – проделывать с удочкой в руках. В этом плане нельзя не посетовать на гибель двух громадных ветел на берегу Клязьмы в имении Станиславского Любимовка, описанных в воспоминаниях Вишневого. Ведь под ними задумывался "Вишневый сад". Лес,

обступающий Покровское–Засекино, усадьбу Герцена, совершенно иначе осмысливается нами, когда мы узнаем, что здесь во время страстных поисков грибов шли взволнованные философские споры Герцена, Грановского, Кетчера, а Щепкин, относившийся к сбору грибов, так сказать, профессионально и не желавший мешать его с мировоззренческими вопросами, предпочитал уходить сюда еще затемно, с фонарем.

Подчас даже растительность может быть объектом нашего внимания. Года полтора назад отдел мемориальных памятников вел со мной переговоры об участии в полном восстановлении Мелихова, как усадьбы. В план работ я включил специально цветоводческую тему. На территории усадьбы должны были быть посажены цветы лишь существовавшие здесь при Чехове. В своей переписке за этот период он этой теме уделяет столь большое внимание, начиная с деловых пожеланий о покупке тех или иных семян и кончая шутивными характеристиками, что они начинают приобретать литературное существование.

Небезынтересную деталь мы находим в воспоминаниях Андрея Белого о Дедове, принадлежавшем Коваленским, родственникам Блока. Его окрестности воспроизведены Белым в романе "Серебряный Голубь". Бывал здесь и Блок. Белый вспоминает некие белые колокольчики привезенные сюда Влад. Соловьевым из Пустыньки – имение поэта Алексея Толстого и пышно акклиматизировавшиеся. Есть стихи Вл. Соловьева им посвященные. Любопытно существуют ли они сейчас или, лишенные ухода, погибли на чуждом им севере?

Если к восприятию памятных мест отнестись с особой скупупулезностью, то даже время дня может иметь немалое значение. Ведь в зависимости от освещения тот же самый дом выглядит иначе, окрашивается разным настроением. Определенное состояние дня, состояние погоды – нередко является наиболее отвечающим данному писателю или его отдельному произведению. Если мы возьмем Шахматовский цикл стихов Блока, то таким доминирующим состоянием природы будут "закаты", "зори". Это определение почти не сходит с его страниц. Характерно, что один из циклов своих петербургских стихов он даже акцентирует названием на времени суток – "утро". И не просто "утро", а зимнее, снежное, в дымке – "Седое Утро". Вспомним, что любимым и наиболее продуктивным временем года у Пушкина была – осень; не городская, с уличной слякотью, а на природе, среди полей и лесов, в усадьбе.

Мне бы хотелось побывать в Средниково ночью. Лунное освещение романтизировало пейзаж старого заросшего парка и тем самым всецело отвечало юношеским романтическим настроениям самого поэта. В средниковской лирике 1830 г. Лермонтов постоянно возвращается к теме ночи, постоянно вводит в нее средниковский пейзаж. Знаменателен выбор названий: "Ночь", "Ночь I", "Ночь II", "Ночь III". Стихотворение же 1831 г. подписано: "(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили по па пугать)". В стихах действуют и сам парк:

"Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес",

его окраина:

"Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребрённые луной",

и Средниковский пруд –

"Все тихо – полная луна
Блестит меж ветел над прудом",

Середниковские постройки:

"Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим...

.....
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет", – и так далее.

Трудно при разовом экскурсионном посещении использовать время дня, рассчитать его и погоду, при ознакомлении с памятником. Но при более глубоко изучении этим фактором желательно воспользоваться. Ведь в этом случае мы на окружающий пейзаж смотрим глазами самого писателя, воспринимая данную местность сквозь призму его творчества.

Трудно оценить, уложить в единую формулу для всех случаев значение мемориальных памятников. Но надо отучиться от той мысли, что это только место, где жил ценимый нами автор. Их значение несоизмеримо шире и глубже. Нередко в них заключен ключ к пониманию какого-либо эпизода жизни или творчества писателя. Именно мемориальный памятник при правильном его понимании и при полном освоении может нам раскрыть совершенно неожиданно и очень убедительно образ писателя, его внутренний мир. Мне хочется в данном случае привести свидетельство Л.Н. Толстого. Все мы знаем сложность его отношений с Тургеневым – от нежной дружбы до взаимных вызовов на дуэль. Казалось бы, любая сторона должна знать наизусть другую. И что же мы находим в дневнике Толстого.

31 мая 1856 г. он записывает (Толстой гостил в это время у своей сестры возле Спасского Тургенева): "В пятом часу утра поехал верхом к Тургеневу... Дом его показал мне его корни и много объяснил, поэтому примирил меня с ним". Через облик усадьбы Толстой нашел путь к пониманию Тургенева.

Из этого мы должны исходить посещая литературные места. За архитектурой, за пейзажем, за тонкой планировкой усадьбы или парка мы должны искать образ **живого человека** (подчеркнуто Земенковым. – Д.Я.), творившего и мыслившего здесь. В этом задача посещения литературных мест. Мы должны приобщиться к его живым думам, к его настроениям, переживаниям; понять, что и почему черпал он из окружающей обстановки. Для этого мы должны перенестись в его время, смотреть его глазами, его чувствами пережить окружающий нас пейзаж.

Вот почему такое решающее значение приобретают наши фактические (предварительные) сведения о памятнике. От них мы должны отправляться, чтобы наши переживания не пошли по ложному, фантазирующему пути. Наша задача: возможно реальней, возможно глубже, возможно полней пережить, ощутить посещаемое нами место. Общение с мемориальными памятниками углубляет, расширяет, иногда наново окрашивает нам произведения художественной литературы.

Подытожим минимум этих необходимых предварительных данных (ведь сквозь них мы должны смотреть на памятник):

- 1) Прежде всего точные даты, когда жил здесь писатель – это уже может дать нам чувство времени, эпохи.
- 2) Образ жизни, встречи – какие дружеские встречи происходили здесь.
- 3) Факты творческой биографии – что писалось и при каких обстоятельствах здесь.

Отсюда вытекает и четвертый пункт: отразилось ли данное место в его творчестве и как, были ли, как материал, использованы – и как использованы – соседствующие места.

5) В какой мере данное состояние памятника соответствует времени проживания здесь писателя. Если изменилось, то что и как. Может быть в нашем

восприятию нам придется даже проделать некоторую реставрационную работу. Что же поделывать – в некоторой мере восприятие литературных мест есть работа творческая. В этом ее большая трудность, но и большая увлекательность. Каждый мемориальный памятник есть книга большого красноречия. Не всегда легко раскрыть ее страницы. Но результаты сторицей окупят наши труды. Нередко любимые наши произведения, или жизнь автора, мы как бы наново прочтем через памятник.

Под'итоживая свои мысли мне хотелось бы закончить словами замечательного русского художника Сурикова: "Я, как в Москву приехал, прямо спасен был... Я в Петербурге еще решил "Стрельцов" писать. Задумал я их еще когда в Петербург из Сибири ехал. Тогда еще красоту Москвы увидал. Памятники, площади – они дали ту обстановку, в которой я мог поместить свои сибирские впечатления. Я на памятники, как на живых людей смотрел – расспрашивал их "Вы видели, вы слышали, вы – свидетели..."" (подчеркнуто Земенковым. – Д.Я.).

МИГИ. ОФ. 26064/16.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ В ПИСЬМАХ (Письма В.И. Малышева В.Н. Автократову)

В 1996 г. исполнилось 20 лет, как ушел от нас выдающийся археограф, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Иванович Малышев, проводивший более четырех десятилетий неутомимую деятельность по собиранию древних русских рукописей. Эта работа получила в дальнейшем широкое развитие в стране благодаря энергичной поддержке академика М.Н. Тихомирова и основанной им в 1956 г. Археографической комиссии.

В 1949 г. В.И. Малышев основал Древлехранилище Пушкинского Дома (с количеством более 7 тыс. рукописей). Владимир Иванович старался как можно быстрее ввести рукописи в научный оборот, публиковал в ТОДРЛ, АЕ, в журнале "Русская литература" статьи об археографических экспедициях, обзоры новых поступлений¹. В 1960 г. вышла его книга об усть-цилемских рукописных сборниках XVI–XX вв.², о которой написали рецензии известные историки, литературоведы, библиофилы. Содержательную рецензию опубликовал в № 1 за 1962 г. научно-информационный бюллетень "Вопросы архивоведения". Ее автором был заместитель редактора этого издания, известный историк-архивист В.Н. Автократов (1922–1992). Владимир Николаевич, как вспоминает его вдова, историк-архивист, заслуженный работник культуры РСФСР М.И. Автократова, восхищался работой выдающегося археографа.

В составе значительного по объему и содержанию документов личного архива Владимира Николаевича, переданного Автократовой в ГАРФ³, имеется 5 писем В.И. Малышева за 15 января – 4 октября 1961 г., относящихся к работе историка-архивиста над рецензией на его книгу⁴.

Первое письмо – от 15 января 1961 г. – Владимир Иванович написал в ответ на обещание Автократова дать рецензию. Оно содержит важные сведения об археографических экспедициях В.И. Малышева, его личности, подвижнической

¹ Панченко А.М. В.И. Малышев как археограф // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 214–218.

² Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. / Отв. редактор Н.В. Устюгов. Сыктывкар, 1960. 214 с. Тираж 1000 экз.

³ О нем см.: Зелов Н.С., Хорхордина Т.И. Классик отечественного архивоведения (обзор личного фонда В.Н. Автократова) // ОА. 1995. № 6. С. 10–19.

⁴ ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 142. (далее сноски на д. 142 даны в тексте).

деятельности, планах дальнейшей работы по розыску усть-цилемских рукописных книг в хранилищах страны и поэтому публикуется здесь полностью. Остальные письма в основном дают сведения о рецензиях, написанных литературоведами, историками русской литературы и русской книжности и опубликованных в нашей стране и за рубежом. Они приводятся нами в извлечениях.

Уже 23 февраля 1961 г. Владимир Иванович сообщал Автократову о рецензиях И.Л. Андронникова, Н.П. Смирнова-Сокольского, А. Тунгусова в советских изданиях и А. Дедова "Древние повести Севера" в газете "Русские новости" (Париж, 1961. № 817. 27 янв.). 5 мая того же года А. Дедов публикует еще одну статью ("Повесть о самосожжениях") об усть-цилемских рукописях в той же газете (№ 851). "В статье дается оценка издания повести о Мезенских гаях и дается оценка работы в целом, – сообщал Малышев Владимиру Николаевичу 31 мая. – Упрекает меня за то, что я не указал возбудительной силы самосожжений. В остальном больше, чем надо расхваливает. На газету эту можно ссылаться, она издается при поддержке культотдела посольства и целиком на нашей стороне" (Л. 4).

В письмах от 11 августа, 4 октября 1961 г. Владимир Иванович сообщает о рецензии члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц "Памятники древней культуры" в сыктывкарской газете "Красное знамя" (1961. 5 авг.). В письме от 4 октября он пишет: "На книжку появилось много газетных рецензий (у нас и за рубежом), а мне хочется иметь серьезную, притом архивиста, археографа. Вот почему я и надоедаю Вам, – писал Малышев Автократову. – Последняя газетная рецензия была В.П. Адриановой-Перетц. Сообщал ли я Вам о ней? Она довольно большая, целый подвал, но тоже очень общая" (Л. 5). В том же письме вновь сообщает о двух рецензиях А. Дедова и впервые о рецензии В. Крымова "Записи без плана и задания" в газете "Новая заря" (Сан-Франциско. 1961. 29 июля) и "С разных листков" в газете "Новое русское слово" (Нью-Йорк. 1961. 26 июня). «Все 4 рецензии очень доброжелательные. А от Вл. Крымова я даже этого не ожидал, – писал Малышев. – Это глубокий старик, уехавший во Францию еще в 1916 г. (живет в Париже), бывший издатель журнала "Столица и усадьба", по происхождению московский старовер, купец. Написал, наверно, под впечатлением дедовских, парижских рецензий» (Л. 5).

«Получили ли Вы оттиск моей статьи "Старинные переплеты и рукописные находки"⁵? – обращался Малышев к Владимиру Николаевичу в упомянувшемся письме от 23 февраля. – Поскольку вопрос этот важный, то я хотел бы переработать ее для журнала "Вопросы архивоведения", страниц на 5–6 объемом. Можно ли это? Спросите, пожалуйста, в редакции" (Л. 2). "Получили ли Вы мое продолжение описания усть-цилемских рукописей?⁶ Я послал Вам давно, давно (оттиск из XVII в. "Трудов"), – спрашивал Владимир Иванович Автократова в письме от 31 мая. – Мне кажется, что посылал на А.А. Зимины. А Троицкий печатает рецензию в "Историческом архиве"⁷ (о ней Вы писали мне в последнем письме)?» (Л. 4). На статью в XVII т. ТОДРЛ В.Н. Автократов сослался в своей рецензии, замысел же опубликовать статью на ту же тему в "Вопросах архивоведения" не осуществился. Позже на страницах бюллетеня, появился обзор В.И. Малышева "Старославянские и русские рукописи Дублинского университета"⁸.

В.Н. Автократов в своей рецензии на книгу "Усть-цилемские рукописные

⁵ Русская литература. 1960. № 4. С. 188–190.

⁶ Малышев В.И. Усть-цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII.

⁷ Возможно, речь идет о рецензии С.М. Троицкого "Сборник документов о русско-шведских экономических отношениях" (ИА. 1961. № 3).

⁸ Вопр. архивоведения. 1964. № 1. С. 118.

сборники XVI–XX вв." отметил большой интерес к ней читателей не только Коми АССР, но и далеко за ее пределами. Указал рецензии, о которых ему сообщил автор, дополнил их список работой Л. Домановского "Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв." (Новый мир. 1961. № 9). Книга В.И. Малышева, – считал Владимир Николаевич, – заслуживает внимания не только историков русской литературы и широких кругов местной интеллигенции. Специфический интерес она представляет для архивистов, участников археографических экспедиций. С этой стороны и охарактеризовал книгу В.М. Малышева выдающийся историк-архивист, осуществив тем самым выраженное Владимиром Ивановичем пожелание.

Н.С. Зелов

Письмо В.И. Малышева В.Н. Автократову

15 января 1961 г.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Ваше письмо мне вручили по пути на аэродром. Спасибо Вам за обещание написать рецензию. В Ленинград я вернулся 23 и в тот же день пошлю Вам книгу. Думаю, что к этому числу Сыктывкар уже придет мне заказанное количество экземпляров. Мне трудно писать, что надо отметить в рецензии, это Вам виднее. Но должен сказать, что изучение рукописной традиции определенного района, такое изучение, какое начал я, проводится впервые. Благодаря этому удалось установить целое культурное гнездо, существовавшее несколько веков на севере, местную рукописную традицию, носителем которой являлся трудовой народ. В результате археографической работы в Усть-Цилемском крае проявились интересы, литературные вкусы жителей этого края в XVII–XX вв. (У меня ведь закончена вторая часть работы, куда вошли все остальные рукописи собрания. Удалось выявить также имена местных писателей XVII–XIX вв. (И.С. Мяндин, Тимофей Иванович и др[угие]). Мне думается, что только изучая письменность и книжную традицию определенного района, можно составить представление о культуре этого края в прошлые века. Такое изучение может выявить много нового и интересного и неожиданно представить культуру края совсем в другом виде, чем мы представляем. Как хорошо было бы, если бы кто-нибудь занялся таким же изучением письменной традиции в Карелии, Керженце, других мест, где долго жила рукописно-книжная традиция. Я, например, собираюсь поискать усть-цилемские рукописные книги в хранилищах Москвы, Ленинграда, Архангельска и других городов, чтобы полнее представить объем и содержание местной письменности. Тогда в след[ующем] издании "Очерков по истории Коми АССР" уже не будут говорить, что о письменности усть-цилемов 17–19 вв. мы ничего сказать не можем. Такую же работу можно проделать и по другим областям нашей страны. Теперь цель моей работы в Усть-Цилемском районе Вам будет понятна. Я считаю, что давно пора нашим археографам и рукописникам заняться "выяснением" культуры определенных районов. Такая работа выявит немало интересных книжных людей из народа, о которых мы сейчас и не знаем, выявит местные школы письма, местные почерка. А это очень важно и для палеографов, которые местными письмами 18–19 вв. не занимаются.

Вот, пожалуй, и все, на что мне хотелось бы обратить Ваше внимание.
Всего хорошего.

В. Малышев

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1996 г.

20 февраля на заседании Археографической комиссии обсуждены планы подготовки к изданию собрания сочинений академика С.Ф. Платонова. С.О. Шмидт сообщил, что эту работу комиссия будет проводить совместно с Российской национальной библиотекой, где хранится архив С.Ф. Платонова. Он поделился также своими предварительными соображениями о составе и принципах построения будущего издания, рассчитанного на шесть томов. Г.А. Елисеев, назначенный составителем первого тома, рассказал о первых результатах выявления по печатным источникам ранних работ С.Ф. Платонова.

29 мая в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге состоялось выездное заседание Археографической комиссии РАН, посвященное памяти доктора исторических наук А.А. Амосова. Вступительное слово С.О. Шмидта и выступления публикуются в настоящем ежегоднике.

4 июня на заседании Археографической комиссии В.В. Морозов сделал доклад о заседании памяти А.А. Амосова в Санкт-Петербурге. Рассказав о наиболее интересных выступлениях он отметил, что не было ни одного сообщения, посвященного педагогической деятельности А.А. Амосова, между тем как один из его учеников – А. Власов стал доктором исторических наук. В.В. Морозов также сообщил, что в Санкт-Петербурге готовится к печати сборник статей об А.А. Амосове.

18 июня Археографическая комиссия заслушала доклад Т.В. Лохиной о командировке в Санкт-Петербург для работы с архивными материалами над "Сводным каталогом личных архивных фондов Отечественных историков: XVIII век" в СПб ФИВ РАН, ФИРИ РАН, АРАН, РГИА, ОР БАН и ОР РНБ. Провела работу по уточнению и дополнению справочных материалов ряда российских историков, в том числе М.И. Антоновского, Е.П. Елагина, Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова, М.М. Щербатова и др. Т.В. Лохина обнаружила новые документы о биографии и творчестве некоторых отечественных историков XVIII в. Занималась выявлением материалов, хранящихся в архивах не в личных фондах историков, а в других личных

фондах, коллекциях, собраниях. Работа Т.В. Лохиной осложнялась состоянием научно-справочного аппарата в ряде хранилищ Санкт-Петербурга, в частности в архивах РАН и СПб ФИРИ РАН. Все собранные материалы дополнили готовящийся к выходу в свет "Сводный каталог отечественных историков".

9 июля прошло заседание комиссии, на котором А.Л. Лифшиц отчитался о своей работе над изданием "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в", хранящихся в Санкт-петербургских архивах и библиотеках. Он посетил БАН, РНБ, СПб ГУ, ФИРИ РАН. В архивах РАН и ИРЛИ просмотрел около 200 рукописей XIV в. Из них примерно у 40% уточнил датировки или полностью передатировал, а также уточнил описания для Сводного каталога. В заключение А.Л. Лифшиц отметил тяжелое состояние архивных фондов и острую нехватку квалифицированных специалистов по древнерусским рукописям, что безусловно усложняет работу над созданием Сводного каталога.

10 сентября состоялось заседание комиссии, на котором В.А. Черных сделал сообщение о результатах своей работы над "Летописью жизни и творчества Анны Ахматовой". Первая часть Летописи (1889–1917) в соответствии с грантом РГНФ издана (М., 1996). Продолжается работа над второй частью летописи (1918–1940), на В.А. Черных вновь получил грант РГНФ.

22 октября прошло заседание Археографической комиссии, посвященное поездке О.А. Князевской в Вильнюс, состоявшейся с 5 по 17 октября 1996 г. Был заслушан отчет О.А. Князевской о работе, проведенной в Вильнюсе. Цель поездки – работа в Центральной научной библиотеке АН Литвы над Каталогом славяно-русских рукописей XIV в. и уточнение датировки славянских рукописей XIV–XV вв. Помимо этого, в Литовском государственном университете О.А. Князевская прочитала две лекции для студентов 2–3-х курсов славянского отделения, а также на тему "Об употреблении буквы ѿ в древнерусских рукописях XIV в." и сообщение "О принципах составления словоукладателя к публикациям древнеславянских текстов" – на заседании кафедры славянского языкознания.

3 декабря на заседании комиссии С.О. Шмидт сделал сообщение о поездке в Санкт-Петербург на торжественное заседание в честь юбилея Д.С. Лихачева.

На том же заседании Б.Н. Морозов рассказал о выступлении на 28-м Национальном съезде Американской ассоциации содействия славянским исследованиям в Бостоне (США) с докладом "Новые подходы к изучению древнерусских частных архивов", и вызвавшим пристальное внимание американских коллег. Он

принял участие в праздновании 100-летия изучения славянских языков и литературы в Гарвардском университете, где была открыта выставка славянских рукописей и книг XII–XX вв. Отметил присутствие многих русских исследователей и архивистов на съезде. Б.Н. Морозов встречался с представителями всех трех "волн" русской эмиграции и поделился впечатлениями об их жизни.

А.И. Лобачева

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Библиограф. указатель. М., 1996. 112 с. Сост. И.Е. Тамм при участии Г.А. Елисеева и Л.И. Шохина. Науч. ред., предисл. С.О. Шмидт (РАН; АК; Научная библиотека РГГУ).

Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Часть I (1889–1917) М.:

Эдиториал УРСС, 1996. 111 с. (РАН. Институт славяноведения и балканистики; АК).

Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 29–31 января 1996 г. Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1996. 448 с. (РГГУ; ИАИ; РАН; АК).

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ УРАЛЬСКОГО АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Условия, в которых развивается большая часть отечественных наук гуманитарного направления, в том числе и археология, редко дают повод к оптимизму. При отсутствии необходимых возможностей для продолжения исследований, издания монографий, сборников, решить проблему в определенной степени сможет совместная работа ученых. В этом плане положительным опытом является сотрудничество уральских археографов: Лаборатории археографических исследований (ЛАИ) Уральского государственного университета (УрГУ) и Отдела истории книги Центральной научной библиотеки (ЛАИ) Уральского отделения РАН. В течение нескольких последних лет предпринята совместная работа по описанию книжного собрания Древлехранилища ЛАИ УрГУ, а также старопечатных и рукописных книг из фондов библиотек и музеев Уральского региона. Одновременно при ограниченных финансовых возможностях сотрудничество позволяет решить и проблему оплаты малотиражных изданий.

Результатом подобной практики стал выпуск ряда сборников научных трудов, описаний рукописных и печатных книг Древлехранилища, монографий. Отметим следующие:

Книга в культуре Урала XVI–XIX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1991. 164 с. Этот межвузовский сборник научных трудов посвящен проблемам истории книжной культуры Урала и сопредельных территорий в XVI–XIX вв., в котором анализируется состав книжных собраний церковных иерархов XVII–XVIII вв., изу-

чаются дворянские и крестьянские библиотеки, публикуются книжные описи. В связи с историей местной книжно-русской традиции рассматриваются вопросы идеологии и общественного сознания.

Памятники литературы и письменности Зауралья. Екатеринбург, 1996. Т. 2, вып. 1. 298 с.; вып. 2. 129 с. Трм 1 (также в двух выпусках) был издан в 1991 г.

Первый выпуск второго тома продолжает публикацию источников по истории общественного сознания крестьянства Зауралья периода феодализма. В него входят: аналитическая статья, описание книг и рукописей Талицкого собрания УрГУ, Талицкого и Пышминского собраний Челябинского государственного университета; документы и литературные сочинения, созданные на исследуемой территории. В издании впервые публикуются историко-литературные и документальные памятники, связанные с развитием общественно-политической мысли, духовной культуры и классовой борьбы крестьянского населения Зауралья XVII–XIX вв. Во второй выпуск вошли "Родословие часовенных Зауралья", переписка воевод о розыске и наказании беглых раскольников (в том числе и отписка 1688 г. тюменского воеводы Н.И. Колобова царям Ивану и Петру о гари в д. Другановой Тюменского уезда), решения Тюменского собора часовенных 1840 г.

Третий том "Памятников..." – "Книжная традиция Невьянских заводов и культурные процессы на Урале в XVIII–XX вв." (25 п.л.) – будет содержать описание и текстологию не-

скольких старообрядческих оригинальных сочинений.

От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки Российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994. 151 с.

Авторы: П.И. Мангилев, И.Л. Манькова, А.Г. Мосин, Н.А. Мудрова, А.Т. Шашков.

Коллективная монография является результатом многолетней работы уральских археографов по выявлению и публикации материалов по истории церковно-монастырской книжности Уральского региона на протяжении трех столетий. В книге исследуются состав и источники формирования библиотек 9 монастырей и пустынь (подробно рассмотрены книжные фонды Хлыновского Успенского, Верхотурского, Николаевского, Невьянского Богоявленского и Далматовского Успенского монастырей), Вятского и Тобольского архиерейских домов, собраний сибирских митрополитов – Филофея Лецинского и Антония Нарожницкого. Приводятся все имеющиеся данные о сохранившихся до нашего времени книгах и рукописях. В приложении впервые публикуется 18 описей рассматриваемых библиотек, относящихся к первой половине XVIII в.

Починская И.В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург, 1994. 182 с.

В монографии рассмотрены причины и условия возникновения старообрядческого книгопечатания, выявлены организаторы и инициаторы этого дела, реконструирована деятельность типографий, работавших на старообрядческий рынок.

Монография включает альбом орнаментики старообрядческих изданий Варшавы, Вильно, Гродно, Могилева, Почаева, Супрасля, Чернигова, что позволяет специалистам атрибутировать старообрядческие издания с ложными выходами и дефектные экземпляры. Даны полные научные описания ряда изданий указанных типографий.

Разработан проект издания Каталога старопечатных и рукописных книг Древлехранилища ЛАИ УрГУ. Он предусматривает дать в выпусках I–V краткое описание книг и рукописей, полученных Уральской археологической экспедицией за 1974–1993 гг. Затем планируется выпустить описания новых поступлений за каждые три года. На сегодняшний день получены из печати:

Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища ЛАИ УрГУ. Екатеринбург, 1994–1997. Ч. 1–4.

Первая часть (Сост.: С.А. Белобородов, И.Л. Манькова, А.В. Полетаев. Екатеринбург, 1994. 152 с.) содержит описание рукописей I–VIII собраний, с указателем имен, упомянутых в записях.

Вторая часть (сост.: С.А. Белобородова, И.Л. Манькова, А.В. Полетаев. Екатеринбург, 1995. 118 с.) включает описание рукописей VIII–XIV собраний, с указателем имен, упомянутых в записях.

Третья часть (Сост: И.В. Починская, Н.А. Мудрова, Н.А. Борисенко. Екатеринбург, 1995. 176 с.) включает описание старопечатных книг I–XIV собраний, а также указатель памятников, изданий по типографиям и алфавитный указатель имен.

Четвертая часть (Сост: С.А. Белобородов, И.Л. Манькова, Е.А. Полетаева. Екатеринбург, 1997. 136 с.) содержит описание рукописных книг с XV по XXV собрание, с указателем имен, упомянутых в записях.

Пятая часть каталога (в печати) завершает описание старопечатных книг XV–XXV собраний, поступивших на хранение до 1993 г. включительно.

Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Сб. научн. трудов. Екатеринбург, 1994. 270 с.

Статьи сборника посвящены теоретическим и практическим проблемам реконструкции книжных собраний России эпохи феодализма и капитализма. Анализируется состав общественных и частных библиотек Севера России, Урала и Сибири XVII–XX вв. Исследуются проблемы авторства рукописей, написанных в некоторых книжных центрах. Ряд статей содержит публикацию текстов не известных ранее описей книжных собраний и других материалов для реконструкции библиотек.

Починская И.В., Вознесенский А.В., Мангилев П.И. Старообрядческое книгоиздание XVIII – начала XX вв. Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996 (10 п.л.)

"Материалы к словарю" включают статьи по истории типографий и персоналии некоторых лиц, причастных к старообрядческому книгоизданию. Недостаточная степень изученности темы позволяет говорить об этих "Материалах" только как о предварительных, как о попытке свести воедино информацию, имеющуюся в литературе и выявленную в архивах на сегодняшний день.

Книга состоит из трех частей. В первую, подготовленную А.В. Вознесенским и И.В. Починской, вошли статьи по истории старообрядческого книгопечатания XVIII – первой четверти XIX в.

Вторая часть, написанная И.В. Починской, посвящена книгопечатанию второй половины XIX – начала XX в. Этот период совершенно не исследован, практически отсутствует литература, затрагивающая проблемы издания книг старообрядцами в это время, поэтому раздел написан главным образом на основе архивных материалов и старообрядческой периодики.

Для того, чтобы дать возможность исследователям атрибутировать издания второй половины XIX – начала XX в., в разделе в качестве выявленных образцов шрифтов публикуются в натуральную величину страницы (или фрагменты страниц) из изданий некоторых типографий.

Третий раздел книги написан П.И. Мангилевым. В него вошли статьи по истории гектографического и стеклографического тиражирования книг.

Книга имеет указатели: именной и географический, а также "План-схему расположения старообрядческих типографий XVIII – начала XX в".

Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. 182 с.

Сборник научных трудов посвящен 50-летию со дня рождения Р.Г. Пихои, создателя уральской археографической школы. В сборник вошли работы, главным образом учеников Р.Г. Пихои, а также его коллег-археографов.

Статьи имеют широкую тематику. В них рассматриваются вопросы эволюции социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии XVIII–XIX вв., производства бумаги на Урале, взаимодействия письменной и устной традиций в культурном комплексе русского населения Урала на примере праздника Кириопасхи, крещения аборигенного населения Урала, древнерусской музыкальной культуры (Азбуки, Ирмологии), взаимоотношений власти и монастырей, истории библиотек XVIII – начала XX в., старообрядческого книгопечатания второй половины XIX – начала XX в., отражения теории антихриста в сознании старообрядцев конца XX в., затронуты пробле-

мы природопользования и появления первых городов на Урале, рассмотрены отдельные литературные памятники (Слова св. Нифонта, "Наказ" В.Н. Татищева).

Мосин А.Г. Библиотека Лаврентия Горки: Материалы к реконструкции. Екатеринбург, 1997. 140 с.

Книга посвящена воссозданию состава библиотеки епископа Вятского и Великопермского Лаврентия Горки (1671–1737), одного из активных сподвижников Петра I. Впервые публикуются тексты каталога библиотеки, составленного владельцем в 1737 г., и описи книг, поступивших после его смерти в Московскую канцелярию Синода. Комментарии к публикациям документов содержат атрибутирование несохранившихся книг из библиотеки епископа Лаврентия и полное научное описание принадлежавших ему книг, выявленных в библиотеках Москвы и Кирова.

Таким образом, опыт работы последних лет позволяет и в дальнейшем планировать совместные исследования и публикацию их результатов.

Ю.В. Клюкина

К 5-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В ПЕНЗЕ

Музей В.О. Ключевского был открыт в Пензе как филиал Объединенного краеведческого музея. Открытие его было приурочено к двум памятным датам: 150-летию со дня рождения и 80-летию со дня кончины Ключевского. Музейная экспозиция разместилась в двух небольших деревянных домиках на бывшей улице Поповке (ныне улица Ключевского), где прошли детские и юношеские годы Василия Осиповича. Открытию музея предшествовал ряд мероприятий по увековечению памяти великого историка – в 1966 г. на мемориальном доме была установлена памятная доска и улица получила свое современное название. В 1989 г. были начаты работы по созданию музея.

Улица Ключевского – один из немногих сохранившихся уголков городской деревянной архитектуры середины XIX в. В связи с этим при создании музея предусматривалось максимальное сохранение той исторической среды, в которой формировался будущий историк. Музейный комплекс создавался как центр исторического наследия в Пензе и предполагал максимальное сохранение облика бывшей Поповки, по которой Василий Ключевский хаживал учащимся духовного училища, а затем семинаристом и позже. Будучи уже маститым профессором, он так писал о милой его сердцу улице: "Наша улица – улиц столичных краса. Т.е. губернских, и притом одного из самых

скромных городков... Она недлинна, но крива. И вся прелесть ее состоит в том, что маем она вся тонет в цветущих садах, что заслужило ей репутацию деревни"¹. Такова эта улица и сегодня.

Музейный комплекс на Поповке включает в себя мемориальный дом, в котором В.О. Ключевский жил с 1851 по 1861 г. и дом их соседей Шевыревых, вплотную прилегающий к первому, что позволило объединить их внутренним переходом и создать единую музейную экспозицию с кольцевым маршрутом. Перед создателями музея стояла сложная задача – необходимо было раскрыть и основные черты сложного жизненного пути крупнейшего историка предреволюционной России, и показать его место в истории исторической науки, и его тесную связь с пензенским краем. Учитывая особенности мемориального комплекса, создатели музея решили – и это решение испытало проверку временем – главное внимание уделить биографии пензенского периода, используя ту информацию, которая изначально была заложена в памятнике – мемориальном доме. Его бережно реставрировали: полностью восстановили планировку дома, его внешний облик. В силу того, что практически не сохранились мемориальные вещи из дома Ключевских, перед авторской группой (автор проекта художественного решения – Яков Башев, художник, Москва; автор научной концепции – Елена Крючкова, Пенза)

¹ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 339.

стояла задача – восстановить в экспозиционном показе ту культурную среду, которая с раннего детства окружала будущего историка, способствовала формированию его мировоззрения. В экспозицию введены образцы православного культа – отец В.О. был священником, но именно в доме отца у мальчика зародился интерес к русской истории, где он читал книги Татищева, Ломоносова, Щербатова. Блок экспозиционных материалов исторически точно изображает быт семьи Ключевских после переезда в Пензу, и в целом экспозиционное решение, по мнению специалистов, "представляет собой исторически достоверное, интеллектуально и эмоционально убедительное повествование о том, что дали для его (Ключевского. – Е.К.) жизни и ученой карьеры двадцать лет жизни на родине"².

Рассказ о пензенском периоде жизни В.О. Ключевского предвзывает показ основных научных интересов историка. "Переход" из мемориального дома в соседний не формален – он позволяет ощутить разительные перемены, наступившие в жизни Ключевского после его переезда в Москву и, в то же время напоминает о той неразрывной связи, которые соединяют его с детством, с Поповкой. На небольшом пространстве, отведенном под экспозицию раздела "Научная, педагогическая и общественная деятельность В.О. Ключевского", показаны успехи бывшего семинариста и обобщены итоги его жизни. Эпизоды московской биографии историка повторяют элементы экспозиции в мемориальном доме – ведь привычки бывшего бурсака перешли к маститому профессору. Весь уклад жизни В.О. на ул. Житной в Москве повторяет его пензенские привязанности. М.М. Богословского казалось, что в доме было что-то напоминавшее собою домик сельского священника.

Тематика второго раздела обширна. Излагая фактическую сторону этого периода жизни историка, сопоставляя различные источники и подводя посетителя к определенным размышлениям, материалы музейной экспозиции помогают прийти к выводу о том, что Ключевский – феномен русской культуры. Мы говорим о нем как об историке, источниковеде, литературоведе, незаурядном литераторе и тонком ценителе искусства. В.О. получил всеобщее признание не только как талантливый исследователь, автор многих статей и монографий и всемирно известного "Курса русской истории", но и как мастер художественного слова, как великолепный лектор – каким успехом пользовались его лекции!

Учитывая большую ответственность сотрудников музея перед тем фактом, что открытый в Пензе в 1991 г. музей Ключевского – единственный в стране и, по замыслу его создателей, должен нести функции центра исторического наследия, коллектив музея ведет

большую работу по сохранению имеющихся и сбору новых материалов, связанных с жизнью В.О., его творчеством. За пять лет существования музея фонды значительно пополнились, как материалами о В.О. и его родственниках, изданием его работ разных лет, так и типологическими краеведческими экспонатами. Музей В.О. Ключевского является не только центром изучения наследия В.О., "но и средоточием изучения социокультурной жизни Пензы... средоточием изучения провинциальной культуры"³. Складывается историческая библиотека, первым вкладом в которую была большая коллекция периодических изданий середины XIX – начала XX в., переданная музею областной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова. Ценность коллекции состоит в том, что в представленных в ней журналах "Русская мысль", "Исторический вестник", "Вестник Европы" и других в свое время печатались труды и статьи Ключевского и многочисленные рецензии на них, а также воспоминания его современников. Журнальная периодика помогла сотрудникам музея обратиться к такой теме, как "Ключевский и русская периодическая печать", показать еще один аспект его деятельности – журнальные публикации.

В 1992 г. в музей поступила коллекция книг по истории и исторической географии из библиотеки К.В. Кудряшова, включающая в себя более 200 книг. Его библиотека, наиболее интересные книги из которой переданы в дар музею, была приобретена в свое время основателем и первым председателем Археографической комиссии академиком М.Н. Тихомировым, под редакцией которого в 1956–1959 гг. было издано 8-томное собрание сочинений Ключевского. Затем библиотека перешла в собственность Археографической комиссии, а часть книг, о которой говорилось выше, по инициативе председателя АК С.О. Шмидта, передана в историческую библиотеку музея.

Кроме того, библиотека регулярно пополняется трудами ученых, участвующих в пензенских научных конференциях, посвященных изучению роли Ключевского в истории исторической науки и смежных с ней дисциплин. Первая такая научная конференция "В.О. Ключевский и современность" проводилась в мае 1991 г., по результатам ее работы выпущен сборник⁴. В октябре 1996 г. была проведена Вторая всероссийская научная конференция "В.О. Ключевский и его время". Обе конференции состоялись при поддержке Археографической комиссии РАН. Первая конференция, посвященная жизни и творчеству нашего великого земляка, положила начало ежегодных Ключевских чтений по проблеме "История и культура", проводимых на базе Пензенского педагогического университета. В конференциях и чтениях активное участие принимают сотруд-

² Арзамасцев В.П. История – в мемориальном пространстве // Мир музея. 1994, № 2, С. 7.

³ Доброе утро (Пенза). 1996. 18–20 окт.

⁴ Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995.

ники музея, которым удалось за время существования музея значительно расширить и углубить данные о родственных связях В.О. Ключевского, о Пензе времен проживания здесь семьи, о семинарском круге общения Василия Ключевского. Так, А.Н. Плешковым составлена расширенная генеалогическая схема родов Ключевских и Мошковых, благодаря налаженным связям с архивохранилищами других городов. И.В. Гундоровой удалось установить судьбы

членов "семинарского кружка", ранее не известные, ведется активная поисковая работа потомков историка по боковым линиям – семьям Вирганских и Бородиных. В планах сотрудников – выпуск книги "В.О. Ключевский и Пензенский край", где и будут обобщены и опубликованы ранее не известные материалы биографии В.О. Ключевского.

Е.А. Крючкова

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ КРАЕВЕДУ Н.А. МИЛОНОВУ

9 сентября 1996 г. в Доме-музее В.В. Вересаева в Туле – литературном филиале объединения "Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей" – была открыта выставка под названием "Вся жизнь – альма-матер" (1973–1994), посвященная жизни и деятельности Николая Александровича Милонова, уроженца и Почетного гражданина Тулы, профессора кафедры литературы Тульского государственного педагогического института, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Известный специалист в области литературного краеведения Н.А. Милонов всю жизнь отдал изучению литературной истории Тульского края. Его вдова, Нона Александровна Милонова, недавно передала в фонды тульского музейного объединения для создания личной коллекции ученого около 400 экспонатов, отражающих основные этапы его подвижнической жизни.

Авторскому коллективу Дома-музея В.В. Вересаева удалось представить на выставке основную часть этого ценного мемориального поступления. Экспонируются семейные фотографии, личные фото Н.А. Милонова разных лет, разнообразные биографические материалы, личные вещи. Представляют интерес и его детские рисунки, ведомости успеваемости в школе, литературный дневник, сохранившиеся книги юношеских лет, письма с фронта в годы Великой Отечественной войны.

Широко представлены материалы, характеризующие многолетний педагогический труд Николая Александровича. Это дипломы об окончании учебных заведений и аспирантуры, конспекты его лекций в ТГПИ, разработанные им учебные программы по литературному краеведению, образцы работ его студентов, высокие награды за преподавательский труд, другие экспонаты.

Большой интерес представляет комплекс экспонатов, относящихся к тульским литературным трудам Милонова. Это, прежде всего, подготовленные им с использованием богатого литературного материала на высоком археографическом уровне вышедшие в Туле книги: "Писатели Тульского края" (1963), "Русские писатели и Тульский край" (1982), альбом "Тульский край в рисунках В.А. Жуковского" (1975, 2-е изд., 1982); книги "В.В. Вересаев и Тула" (1987) и последняя работа Н.А. Милонова "Г.И. Успенский и Тула", изданная после смерти автора в 1995 г. Некоторая часть обширной переписки Н.А. Милонова, относящейся к его работе над этими книгами, представлена письмами и фотографиями потомков А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, писателей-уроженцев тульского края или связанных с ним своим творчеством.

Среди экспонатов о теоретической деятельности Н.А. Милонова центральное место отведено его монографии "Литературное краеведение" (М., 1985), выпущенной как учебник для педагогических вузов страны. Экспонируются и ученые труды различных вузов с публикациями научных докладов и сообщений Н.А. Милонова, фотоснимки о его участии в научных конференциях по вопросам краеведения.

Экспозиция воссоздает облик заслуженного педагога, краеведа, ученого, потомственного тульского интеллигента. Напутственно звучат запечатленные на выставке слова Н.А. Милонова, обращенные к землякам: "Культура не иссякнет никогда; она, как родник, может пробиваться в глубинных пластах, но все равно найдет путь и выльется чистой рекой, питая людские души".

И.Г. Соколова

МАРТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С.Б. ОКУНЯ 1995 И 1996 гг.

24 марта 1995 г. в Михайловском (Инженерном) замке открылись научные чтения памяти известного историка, профессора Ленинградского университета Семена Бенциановича Окуня (1907–1972). Инициаторами чтений выступили ученики С.Б., Международный благотворительный фонд спасения Петербурга–Ленинграда, Русский музей. Время и место проведения научных чтений связаны с памятными событиями марта 1801 г. и убийством Павла I, ставшими своего рода визитной карточкой С.Б. Окуня – профессора и лектора. Многие петербуржцы помнят яркие, артистичные лекции Окуня в университете и для широкой публики, посвященные павловскому времени, а также Александру I и Николаю I.

24 марта 1995 г. заседание открыл профессор Ю.Д. Марголис (СПбГУ) докладом "С.Б. Окунь – ученый, педагог, человек". Марголис подчеркнул редкую органичность профессиональных и человеческих черт облика С.Б. "Семен Бенцианович был щедро одарен, – говорилось в докладе. – С уверенностью можно сказать, что, если бы захотел, он успешно занимался бы литературой, живописью, музыкой... Из числа подобных людей история выбирает тех, кому предстоит стать интерпретаторами нового знания". Прошедший многолетнюю школу работы в ЦГИА, учившийся у М.И. Ахуна, А.А. Шилова, В.К. Лукомского С.Б. с 1937 г. и до конца своих дней оставался профессором университета. Поколения студентов и аспирантов, слышавшие его, а также те, кто учился истории по написанному С.Б. Окунем еще в 1939 г. и многократно переизданному лекционному курсу, воспринимали его как одного из "лучших профессоров советской высшей школы". «Мы понимаем теперь, – говорил Ю.Д. Марголис, – а многие понимали и тогда, чем содержательно его курс противостоял официальным установкам. Например, тем, что он был густо "населен" и вмещал замечательные портреты типических русских людей "от царя до псаря" ... действовавших в истории, что они оказались все растасканы на цитаты. В скольких работах, например, цитировалось то знаменитое место, где С.Б. говорит, что в сумасшествии Павла слишком много логики, чтобы считать его по медицинской части».

Окунь был признан и как исследователь первой величины, публикатор, знаток документа, декабристоведа, автор книги о М.С. Луине и Российско-американской компании, статей о вольной поэзии конца XVIII – начала XIX в., историзме художественной прозы. "Если попытаться определить основную черту деятельности С.Б. Окуня как ученого, – сказал Марголис, – то я бы назвал в первую очередь его стремление

освободиться от жестких тисков методологии, оторванной от источниковой базы. Он и делал это – без призывных ключей, без проклятий, разумеется в высшей степени сдержанно. Второе, что не может не бросаться в глаза, это упорное, постоянное стремление С.Б. уйти от повторения обыденного. Трудно было заставить его быть вторым в изложении каких-то сюжетов, связанных с историей. Он предлагал оригинальные решения. Если эта возможность открывалась – перо его двигалось гораздо быстрее. Третья его черта – способность творить в любых жанрах, помимо жанра строго академического. Он был талантливым писателем, замечательным оратором, златоустом, эти лекции, наверное, без преувеличения можно было бы отнести к театрализованным представлениям".

Тема о С.Б. Окуне, как ученом и педагоге, неотделима от разговора о нем как о человеке громадного обаяния. Ощущение праздника оставалось не только от его лекций, слушателями которых были студенты университета, преподаватели всех гуманитарных вузов города, рабочие Васильевского острова, но также и от повседневного с ним общения.

Выраженная Ю.Д. Марголисом надежда на то, что память о С.Б. будет закреплена традицией научных встреч, посвященных проблемам социальной и политической истории близкого С.Б. XIX в., истории исторической науки, нашла горячий отклик у присутствовавших. В обсуждении доклада Ю.Д. Марголиса приняли участие академик Б.В. Ананьич, Г.А. Тишкин (Академия культуры), А.Л. Пунин (Академия художеств) и др. Своими воспоминаниями о С.Б. Окуне также поделились И.П. Лейберов (Гуманитарный университет профсоюзов), Н.И. Сергеева (Академия культуры), Н.И. Яковкина (СПбГУ). Т.Н. Жуковская (СПбГУ) познакомила слушателей с составом и степенью сохранности научного архива С.Б. Окуня, переданного в СПб ФИРИ (Ф. 299).

Научные чтения 1995 г. завершились презентацией книги Ю.Д. Марголиса "Семен Бенцианович Окунь: жизнь историка, рассказанная его книгами, документами и свидетельствами современников" (СПб., 1993).

Потребность продолжения начатого разговора о творческом наследии С.Б. Окуня, традициях университетского преподавания, судьбах петербургской-ленинградской исторической науки выразилась в том, что уже в 1996 г. были организованы Вторые мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке. Открывая их, директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга–Ленинграда А.Д. Марголис, сказал: есть все основания

надеяться, что уникальный памятник архитектуры – реставрируемый Михайловский замок "станет подлинным центром культурной и научной жизни Нового Петербурга, а мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в его стенах – традиционными".

Программа Вторых научных чтений памяти С.Б. Окуня не исчерпывалась анализом его творчества и биографии, а охватила широкий круг исторических и источниковедческих проблем. Так, Е.Р. Ольховский (Сельскохозяйственная академия) посвятил свой доклад работе С.Б. Окуня над книгой "Путиловец в трех революциях" (Л., 1933), созданной в рамках программы по составлению истории фабрик и заводов. Докладчик обратил внимание на археографические, содержательные, структурные особенности названного сборника документов, тщательность, с которой С.Б. и его соавторы следовали строгим нормам издания исторических документов, когда традиции считались "пережитками буржуазной исторической науки".

Л.М. Предтеченская (Институт общего образования), учившаяся у С.Б. Окуня в первые послевоенные годы, в своем выступлении обратила внимание на программу и форму курса лекций С.Б. и его многочисленных спецкурсов по истории культуры. Было сказано, что С.Б. по существу предвосхитил методологические требования, предъявляемые к преподаванию истории культуры и предмету "Мировая художественная культура", введенному в систему высшего и среднего образования в последние годы. Лекторский дар и диапазон С.Б. Окуня закономерно делали его слушателей сопричастными излагаемым событиям.

Т.Н. Жуковская (СПбГУ) посвятила свое выступление источниковедческому значению художественной литературы, осознанному такими профессиональными историками, как С.Б. Окунь и А.В. Предтеченский. Будучи оба университетскими профессорами и коллегами, они почти одновременно ставили вопрос о взаимосвязи художественного и научного осмысления исторического факта. Творчество О.Д. Форш и Ю.Н. Тынянова, обосновавшего, как показал С.Б. Окунь в своих статьях, "право художника на вымысел", является лучшим примером взаимопроникновения двух смежных областей гуманитарного знания. В докладе подчеркивалось, что историография как научная дисциплина стоит перед постановкой проблемы функционирования самого текста научного исследования, который управляет сознанием другого историка и через десятилетия.

События павловского царствования и царевубийства марта 1801 г., ставшие предметом специальных исследований С.Б. Окуня, были отражены в выступлении научного сотрудника Михайловского замка М.Б. Асварица. В докладе "Павел I в Михайловском замке (к

истории мифотворчества)" впервые мифологизированной истории последних "сорока дней" жизни императора в новой резиденции противопоставлялась реальная летопись жизни замка, политические и военные планы императора, раскрывались некоторые историко-психологические источники легенды о последних днях Павла.

Доклад М.М. Сафонова (СПб ФИРИ) был посвящен малоизвестным аспектам биографии декабриста М.С. Лунина, в частности, организации распространения его сибирских писем, которая отнюдь не была "подвигом одиночки". Эта проблема, разработанная с источниковедческой стороны С.Б. Окунем и Н.Я. Эйдельманом, не может быть признана окончательно решенной.

Декабристская тема была продолжена историком и писателем *Я.А. Гординым*, поднявшим вопрос о степени организационной подготовки выступления 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Представления о нем, как о вооруженной демонстрации "обреченного отряда", опровергаются, по мнению Гордина, обнаружением многодневной, разветвленной организационной подготовки лидерами Северного общества самого выступления и практикой вербовки сторонников, сомкнувшейся с "заговором генералов" во главе с М.А. Милорадовичем против Николая I.

Т.В. Андреева (СПб ФИРИ) посвятила свой доклад предпосылкам междуцарствия, порожденного фактом внезапной смерти Александра I в Таганроге. Были тщательно проанализированы дошедшие до нас документы, отразившие это событие, в том числе мало привлекавшиеся до сих пор, в контексте полученных в последние дни жизни Александра I известий о подготовке выступления тайного общества во 2-й армии.

Вторые научные чтения памяти С.Б. Окуня завершило выступление директора Михайловского замка, ученицы Окуня *Е.Я. Кальницкой*, посвященное проблемам научной реставрации интерьеров дворца и тому значению, которое придавалось резиденции "романтического императора" в разное время деятелями отечественной науки и культуры.

Завершив свою работу, участники чтений еще раз высказались об очевидной насущности подобных научных штудий, обращенных как к судьбам исторической науки, так и к конкретным спорным проблемам отечественной истории в Новое время, которые, будем надеяться, действительно станут традицией.

Материалы обоих мартовских чтений памяти С.Б. Окуня вышли из печати¹ при поддержке Международного благотворительного фонда спасения Петербурга–Ленинграда.

Т.Н. Жуковская

¹ Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научных конференций. СПб., 1996.

КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПАМЯТИ Н.И. ПРОКОФЬЕВА

19 ноября 1996 г. в МПГУ им. В.И. Ленина состоялась конференция "Актуальные проблемы изучения древнерусской литературы и русской литературы нового времени", посвященная памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Николая Ивановича Прокофьева (1909–1995).

Видный исследователь древнерусской книжности, текстолог, архивист, педагог, Н.И. Прокофьев внес заметный вклад в изучение отечественного рукописного наследия и поэтики русской средневековой литературы. Им была проведена большая работа по выявлению и публикации новых, более совершенных списков ряда малоизученных памятников древнерусской литературы, видений, хождений, притч, эстетических трактатов XII–XVII вв., осуществлен новый перевод "Слова о полку Игореве", изданы уникальные учебные пособия и антологии. Историко-литературные и теоретические труды ученого предопределили некоторые перспективные направления современной медиевистической русистики¹.

Во вступительном слове В.В. Кускова (МГУ), открывшего конференцию, было отмечено, что научная и педагогическая деятельность Прокофьева способствовала становлению и развитию самостоятельной исследовательской школы, представители которой успешно работают в академических учреждениях, университетах, педагогических институтах и музеях России. В работе конференции участвовали историки, текстологи, литературоведы и лингвисты.

Основными направлениями работы конференции были: источниковедение и текстология

(доклады С.В. Минеевой (МГУ) "О редакции Жития Зосимы и Савватия Соловецких в составе Великих Миней Четых митрополита Макария", А.И. Филлюшкина (ВГУ) «Когда был написан "Домострой"?»), герменевтика древнерусских литературных памятников (доклады И.Г. Добродомова (МПГУ) «Курыне "сведоми къмети" "Слова о полку Игореве" в свете осетинских данных», А.О. Амелькина (ВГУ) «Скрытая цитата в "Слове о полку Игореве" и проблема мировоззрения его автора», Л.И. Алехиной (ЦМИАР) "Мотив небесного заступничества за Русскую землю в воинских повестях периода монголо-татарского нашествия", О.В. Глаковой (ИМЛИ) «Тема "ума" в "Повести о житии Петра и Февронии"; идейно-художественная структура текста», А.В. Каравашкина (МПГУ) "Идея преемственности власти в России XVI в.", поэтика древнерусской литературы (доклады Н.В. Трофимовой (МПГУ) "О приемах изображения внутреннего мира человека в воинских повестях", Д.И. Иванова (ЦМИАР) «Значение тропов в создании образцов исторических лиц в "Сказании о Мамаевой побоище"»), влияние древнерусской литературы на русскую литературу нового времени (доклады О.М. Буранка (Самарский пед. ин-т) "Древнерусская литературная традиция в творчестве Феофана Прокоповича", В.В. Кускова (МГУ) "Традиции древнерусской литературы в творчестве А.С. Пушкина", Н.И. Пак (Калужский пед. ин-т) «Традиции житийного жанра в "Преподобном Сергии Радонежском" Бориса Зайцева»).

А.В. Каравашкин

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 75-ЛЕТИЮ Е.В. ЧИСТЯКОВОЙ

15 ноября 1996 г. в актовом зале № 1 Российского университета дружбы народов (РУДН) состоялось заседание доктора исторических наук профессора кафедры истории России, члена бюро Археографической комиссии при Отделении истории РАН, члена Императорского православного палестинского общества, участника ассоциации изучения Русской Америки Елены Викторовны Чистяковой.

По сути дела, отмечались сразу три юбилея: 16 ноября 1921 г. Е.В. родилась в Москве в семье

учителей. В грозном 1941 г., когда студент истфака МГУ Владимир Аронович Дунаевский возвращался из тверского госпиталя, где лечился после травмы, полученной в ополчении, молодые люди поженились. Однако медовый месяц провели врозь: В.А. Дунаевский отправился обратно в 8-ю Краснопресненскую дивизию, которая обороняла Москву под Ельней, а Елена Викторовна осталась в Москве, и под бомбежкой рыла оборонительные рубежи в Нахабино, дежурила ночами около дома на

¹ Список трудов Н.И. Прокофьева напечатан в книге "Герменевтика древнерусской литературы" (М., 1995. Сб. 8. С. 319–330) и в межвузовском сборнике его памяти "Литература Древней Руси" (М., 1996. Вып. 7. С. 3–14).

Гоголевском бульваре, ждала хоть какого-нибудь известия от мужа. С тех пор прошло 55 лет. Наконец, третьим юбилеем было 25-летие работы Е.В. в РУДН, куда она перешла вместе с И.А. Кудрявцевым и Т.В. Батаевой из МГИАИ, где сложилась невероятно тяжелая обстановка в связи с назначением ректором С.И. Мурашова (впоследствии был уволен).

Казалось бы много воды утекло с тех пор, но отличительной чертой юбилея Е.В. была не остальгия по прошлому, а устремленность в будущее. Это пронизывало все выступления: заведующего кафедрой истории России РУДН В.М. Козьменко, проректора РУДН А.П. Ефремова, зам. декана вновь созданного гуманитарного факультета Н.Н. Нарбута.

В коротком вступительном слове Елена Викторовна охарактеризовала три направления своей работы: педагогическое, научно-исследовательское и, как она выразилась, "для души" – историографическое. Все эти направления, конечно, подкреплялись неустанными научными розысканиями, о чем свидетельствует внушительный список работ Елены Викторовны¹, статьи о ней В.И. Буганова и Т.В. Батаевой².

Все эти публикации отражают неустанную полувековую научно-исследовательскую и методическую работу юбиляра, на счету которой более 130 публикаций, из них 15 монографий и отдельных брошюр. (Часть в соавторстве с др.)

Но самым плодотворным, пожалуй, был неустанный подвижнический труд педагога. Работа в ВГУ, МГИАИ и РУДН, Е.В. подготовила и обучила русской истории тысячи студентов. 20 человек под ее руководством защитили кандидатские диссертации, один – докторскую, на подходе следующие, шесть человек работают в РУДН. Все выступавшие на вечере отмечали ее многолетний педагогический труд. Среди них были и пришедшие на вечер академик РАО С.О. Шмидт, В.И. Моряков (МГУ), преподаватели РГГУ Е.В. Старостин,

А.И. Комиссаренко, В.А. Муравьев, В.Л. Керов (РУДН), А.М. Дубровский (Брянский пед. ин-т), Н.С. Ватник (Коломенский пед. ин-т), а также все вручавшие поздравительные адреса. В адрес юбиляра и кафедры поступили многочисленные приветствия и поздравления. По примеру своего учителя академика М.Н. Тихомирова, подарившего библиотеку Владивостокскому университету, Е.В. и ее муж безвозмездно передали в Мордовский государственный университет целый автобус книг. Вместе с благодарностью и поздравлением в ответ им прислали печатный каталог из 1505 книг на русском и 95 – на иностранных языках. Адрес подписали ректор Мордовского университета Н.П. Макаркин и директор Института социологических исследований Н.М. Арсентьев, директор научной библиотеки А.В. Смольянов, а также ученики и друзья из Саранска Н.Г. Куканова, И.С. Максимов, В.Б. Смирнова. Прислали свое приветствие директор ИРИ РАН чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров, академик Н.Н. Болховитинов, Археографическая комиссия РАН за подписью академика РАО С.О. Шмидта, который был сокурсником Елены Викторовны и лично выступил с яркой речью. Поступили также поздравления и теплые пожелания из Воронежа (А.З. Винников, Н.Т. Сапронова, Т.А. Скворцова) из Новосибирска (академик Н.Н. Покровский, Е.И. Матханова), Волгограда (В.Н. Косторниченко, Д.М. Туган-Барановский), из Санкт-Петербурга (истфак СПбГУ, И.Н. Олегина), Ростова-на-Дону (А.П. Пронштейн с семьей, В.С. Савчук), Томска (А.Г. Жеравина, Б.Г. Могильницкий), Казани (О.В. Синецын, Г.П. Мягков), Электростали Московской области (Н.А. Родионова) и мн. др.

Редакционная коллегия "Археографического ежегодника" присоединяется ко всем добрым пожеланиям, желает юбиляру здоровья и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Т.В. Батаева, В.М. Савин

¹ Список печатных работ Е.В. Чистяковой / Сост. Т.В. Батаева // Вестн. РУДН. Сер. ист. и филос. М. 1993. № 1. С. 154–165. Список печатных трудов Е.В. Чистяковой // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 268–272; Чистякова Елена Викторовна: 75 лет со дня рождения / Сост. А.П. Богданов // [Отд. изд. в сер. "Ученые Российского университета дружбы народов"]. М., 1996. 24 с.

² Буганов В.И. От редактора // Е.В. Чистякова. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987; *Он же*. Е.В. Чистякова как источниковед и историограф // АЕ за 1991 год. С. 182–188; Батаева Т.В. К 70-летию Елены Викторовны Чистяковой // Историография, источниковедение отечественной истории. Сб. науч. тр. М., РУДН. 1993. С. 153; *Она же*. Наш ведущий профессор (к юбилею Е.В. Чистяковой) // Вестн. РУДН. Сер. ист. и филос. М. 1993. № 1. С. 134–138; *Она же*. Савин В.М. Жизнь, посвященная науке // Дружба (РУДН). 1996. 11 нояб. С. 3.

ЮБИЛЕЙ О.Г. ЛАСУНСКОГО

5 мая 1996 г. исполнилось 60 лет со дня рождения известного ученого – литературоведа и историка, исследователя провинциальной культуры, книговеда, профессора кафедры русской литературы Воронежского государственного университета, кандидата филологических наук, главного редактора вестника литературоведения и языкознания "Филологические записки", члена Археографической комиссии РАН (с 1988 г.) Олега Григорьевича Ласунского. Он является также членом Союза российских писателей, председателем Воронежского историко-культурного общества, членом редколлегии журнала "Библиография" (Москва) и научно-редакционного совета сборника "Книга. Исследования и материалы" (Москва), сопредседателем Всероссийской ассоциации библиофилов, членом правления Союза краеведов России и правления Добровольного общества книголюбов России, лауреатом региональных премий – имени Е.П. Петряева (Киров) и В.П. Бирюкова (Челябинск), почетным членом многих книголюбительских организаций (Москва, Санкт-Петербург, Киров, Одесса, Харьков и др.).

Библиографический перечень печатных работ О.Г. Ласунского насчитывает более тысячи названий. Он автор и составитель более пяти книг и справочно-библиографических пособий. Его "Власть книги" выдержала в нашей стране три издания (Воронеж, 1966; Москва, 1980; 1988) и сыграла немалую роль в подъеме массового отечественного книголюбительства. Монография О.Г. Ласунского "Литературно-общественное движение в русской провинции" (Воронеж, 1985) в значительной мере опередила новейший поворот исторической науки к осмыслению регионального фактора в духовных процессах, протекавших в старой России. Многочисленные труды О.Г. Ласунского в этой области знания создали важный для местных ученых прецедент, способствовали усовершенствованию соответствующей теоретико-методологической базы и необходимого исследовательского инструментария.

В связи с юбилеем на филологическом факультете Воронежского государственного университета 14 мая 1996 г. прошли специальные научные чтения, среди организаторов которых были и Археографическая комиссия РАН. Вступительное слово произнес ректор ВГУ профессор В.В. Гусев, охарактеризовавший уникальный вклад О.Г. Ласунского в гуманитарные науки и общественную жизнь края и России в целом; он высоко оценил многогранную деятельность юбиляра. Ряд докладов был посвящен непосредственно виновнику торжества, в них анализировались различные аспекты его научной, педагогической и творческой деятельности (профессора А.А. Слинько, доцент

В.М. Акаткин, А.Н. Акиншин). Особое внимание было уделено функционированию личных фондов О.Г. Ласунского в составе Научной библиотеки ВГУ (заведующая Отделом редких книг НБ ВГУ Г.С. Ланцузская) и Областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина (ученый секретарь ОУНБ Т.Н. Цыплакова).

Темы остальных докладов и сообщений были так или иначе связаны с основными направлениями исследовательской и разыскательской работы О.Г. Ласунского (профессора А.М. Абрамов, М.Д. Карпачев, Г.Ф. Ковалев, В.Ш. Кривонос (Елец), Е.Г. Мушенок, Б.Т. Удодов и др.). О подготовке нового словаря псевдонимов русских писателей, деятелей культуры и науки рассказал заведующий сектором источниковедения и библиографии русской литературы XVIII – начала XX в. Института мировой литературы РАН А.П. Толстяков. Были оглашены текст доклада известной славистки, профессора Миланского университета Анастасии Пасквинелли (Италия) о мемуарной прозе писателя Русского зарубежья М.А. Осоргина (О. Г. Ласунский активно содействовал возвращению на Родину литературного наследия этого прозаика и эссеиста), а также приветственное письмо председателя Археографической комиссии РАН С.О. Шмидта, который, к сожалению, не мог быть лично на чтениях.

Были зачитаны поступившие в адрес юбиляра телеграммы и поздравления от коллег и друзей из Москвы, Петербурга, Ельца, Киева, Кирова, Одессы, Сургута, Челябинска и др. На юбилей О.Г. Ласунского откликнулись его корреспонденты из Англии, Италии, США, Франции. В заключение чтений О.Г. Ласунский вручил присутствующим экземпляры только что вышедшего шестого выпуска "Филологических записок", а ему была вручена Почетная грамота администрации Воронежской области.

20 мая 1996 г. в лекционном зале ОУНБ Воронежская организация СРП и Воронежское историко-культурное общество провели творческую встречу с О.Г. Ласунским. Собравшиеся были ознакомлены с приветствиями от правления СРП (А. Жигулин, И. Золотусский, И. Шкляревский и др.), комитета по культуре областной администрации (Ю.С. Соловьев), городского управления культуры (И.П. Чухнов), клуба "Вятские книголюбцы" (Н.Е. Петряева, А.Л. Рашковский, В.К. Семибратов), коллектива областной типографии, дирекции ОУНБ петербургского Дома ученых РАН (В.А. Петрицкий и др.), Международного сообщества книголюбов (С.Г. Шувалов) и других организаций. На встрече были зачитаны литературные произведения, вышедшие ограниченным тиражом к юбилею О.Г. Ласунского, их авторы – В.Ф. Панкратов

(Воронеж), В.А. Кислюк (Челябинск) и М.А. Грузов (Киев).

В апреле–мае 1996 г. заседания, посвященные 60-летию О.Г. Ласунского, состоялись в книголюбительских организациях Киева, Кирова, Орла, Петербурга и других городов. Появились статьи "Служение печатному слову" (Библиография. 1996. № 2), Е.Л. Немировского "Человек и книга: Олег Ласунский" (Книжное обозрение. 1996. 30 апр.). Интервью и статьи,

посвященные юбиляру, опубликованы в воронежских газетах. Его коллеги по филологическому факультету профессор И.А. Стернин и старший преподаватель В.В. Инютин подготовили полнометражный видеофильм "Житель родного города".

Чествование профессора О.Г. Ласунского стало крупным событием в интеллектуальной и культурной жизни Воронежа.

А.Н. Акинъшин

К ЮБИЛЕЮ В. Д. БАНАСЮКЕВИЧА

11 июня 1996 г. состоялось заседание Ученого совета ВНИИДАД, на котором отмечалось 60-летие члена Археографической комиссии, заместителя директора института по научной работе, заслуженного работника культуры Российской Федерации, кандидата исторических наук Вячеслава Дмитриевича Банасюкевича.

Юбилера сердечно поздравили заместитель руководителя Федеральной архивной службы В.А. Еремченко, директор ВНИИДАД М.В. Ларин, заместитель начальника Управления научной информации и международных связей Федеральной архивной службы Т.Ф. Павлова, директор ЦГАМО Л.А. Наумова, заместитель директора ЦХСД В.Ю. Афиани, главные редакторы журналов: "Отечественные архивы" – Ю.Б. Живцов и "Исторический архив" – А.А. Чернобаев. С большим чувством о юбиляре и его деятельности говорил директор ИАИ РГГУ Е.В. Старостин, декан факультета технотронных архивов В.М. Магидов, заведующая кафедрой документоведения Т.В. Кузнецова, заведующий кафедрой археографии ИАИ РГГУ А.Д. Степанский, сотрудники ВНИИДАД и коллеги по научной работе. Все выступавшие единодушно отмечали и фундаментальный вклад Банасюкевича в развитие документоведения и архивного дела, и его привлекательные душевные качества.

После армейской службы В.Д. Банасюкевич поступил в МГИАИ, который окончил в 1964 г., получил специальность историка-архивиста. Еще в годы учебы проявились его неординарные способности к научно-исследовательской работе, он принимал активное участие в деятельности студенческого кружка по источниковедению, а написанная под руководством С.О. Шмидта дипломная работа "Источниковедческий обзор некоторых материалов по истории НОТОВСКОГО движения 1918–1925 гг." стала основой опубликованной статьи (ИСССР. 1965. № 2).

Свой трудовой путь В.Д. Банасюкевич начал со скромной должности в Архивном управлении Мособлсполкома. С февраля 1968 г. – старший научный сотрудник ВНИИДАД, затем заведующий сектором, заведующий отделом документального обеспечения управления, уже несколько лет плодотворно трудится на посту заместителя директора института по научной части.

Успешно занимаясь проблемами документоведения и источниковедения, в 1977 г. В.Д. Банасюкевич подготовил и блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему "Управленческая документация как исторический источник (на примере Министерства угольной промышленности СССР за 1971–1975 гг.)", научный руководитель – Е.А. Луцкий.

Вячеслав Дмитриевич ведет большую научно-исследовательскую работу в области документоведения и архивоведения. Его перу принадлежит более 30 печатных работ, среди них такие фундаментальные труды, как "Вопросы терминологии управленческой документации" (СА. 1974, № 4), "Вопросы формирования теории документоведения" (в соавторстве) (Развитие советского документоведения, 1917–1971: Сб. науч. трудов. М., 1983), "О правовых аспектах международного перемещения архивных документов" (ОА. 1994, № 2) и ряд других.

Под руководством и при непосредственном участии В.Д. Банасюкевича разрабатывались и внедрялись в практику Единая государственная система документационного обеспечения управления, государственные стандарты на документы, общероссийские классификаторы документной информации, новейшие информационные системы.

Ему в наибольшей степени обязаны организацией ресурсного обеспечения, четкой координацией занятий специалистов различного профиля для разработки системы документационного обеспечения федеральных органов власти, системы государственного регистра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации, а также новой редакции основных правил работы государственных архивов.

Вячеслав Дмитриевич ведет большую и плодотворную педагогическую и научно-общественную работу: преподает в Государственной академии государственной службы, Государственной академии управления, РГГУ, многолетний член редколлегии журнала "Отечественные архивы".

В 1996 г. В.Д. Банасюкевич – делегат и один из авторов доклада "Сотрудничество в кризисных ситуациях: международные действия по спасению архивов" – представлял ВНИИДАД на XIII Международном конгрессе архивистов в Пекине.

Н.И. Химина

ЮБИЛЕЙ Ю.Б. ЖИВЦОВА

13 сентября 1996 г. исполнилось 60 лет главному редактору журнала "Отечественные архивы" Юрию Борисовичу Живцову. Поздравить юбиляра пришли руководители Росархива, ВНИИДАД, Историко-архивного института РГГУ, Археографической комиссии РАН, ряда федеральных архивов, члены редколлегии журнала, многочисленные друзья и коллеги.

Окончив исторический факультет Московского государственного университета (1963), Юрий Борисович работал в Бородинском военно-историческом и Государственном историческом музеях; участвовал в экспедициях по сбору материалов для экспозиций.

В 1968–1980 гг. Ю.Б. Живцов трудился в издательстве Московского университета, редактировал научный журнал "Вестник Московского университета", серию "История". Он работал с материалами по широкому кругу проблем отечественной и зарубежной истории, археологии, этнографии, искусства.

Свыше 15 лет Юрий Борисович связан с деятельностью архивов, будучи сначала заместителем, а с октября 1994 г. – главным редактором ведущего архивоведческого периодического издания в стране – журнала "Советские (с 1992 г. – Отечественные) архивы". Ю.Б. Живцов стремится поддерживать в редакции атмосферу творчества, заботиться о профессиональном росте молодых кадров.

Юрия Борисовича хорошо знают во многих архивных учреждениях России и стран СНГ. Он регулярно участвует в работе научных и научно-методических советов архивов. Приобретенные за годы творческой деятельности исследовательские навыки позволили ему подготовить ряд оригинальных публикаций, в том числе по

истории российской промышленности конца XIX–XX вв., связанные с родословной В.И. Ленина, и др.

Много теплых слов на юбилее было сказано в адрес редакции журнала, которая сумела в условиях сложного переходного периода сохранить свое лицо, обновить тематику публикаций, привлечь к сотрудничеству новых авторов. В выступлениях подчеркивалось, что "Отечественные архивы" – периодическое издание, на страницах которого публикуются актуальные и глубокие работы по архивоведению и документальной истории, освещается полезный практический опыт российских архивистов, дается необходимый информационный материал. Документальные публикации журнала отличаются умелый и неконъюнктурный подход к выбору тематики, неплохое археографическое оформление.

Журнал много делает для популяризации документов Архивного фонда Российской Федерации, способствует совершенствованию деятельности архивных учреждений, оказывает заметное влияние на формирование и исследование источниковой базы по истории Отечества.

За годы своей трудовой деятельности Ю.Б. Живцов неоднократно поощрялся благодарностями, грамотами, награжден знаком "Отличник архивного дела".

Поздравляя Юрия Борисовича со знаменательной датой, друзья и коллеги отмечали его глубокие знания, большую эрудицию, доброжелательность и скромность – те качества, которые снискали заслуженный авторитет и уважение среди архивистов и историков.

В.В. Ситникова

**ВИКТОР
ИВАНОВИЧ
БУГАНОВ
(1928–1996)**

23 февраля 1996 г. на 68-м году жизни скончался Виктор Иванович Буганов – известный историк, археограф, источниковед, писатель, член-корреспондент РАН и РАО, член Археографической комиссии РАН, действительный член Нью-Йоркской академии наук и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, доктор исторических наук, профессор. Всю свою научную и общественную жизнь он провел в Институте истории СССР АН СССР (ныне – Институт российской истории РАН): возглавлял Летописную группу, руководил сектором, впоследствии – Центром по изучению и публикации источников, девять лет были отданы работе в качестве заместителя директора института.

Когда пишешь об уходе из жизни Учителя, то первое ощущение, это – нереальность происшедшего. Затем вспоминаются незначительные бытовые подробности, которые создают впечатление, что он рядом: мудрые глаза с озорной искоркой, заразительный смех, любимая мелодия ("Маленькая ночная серенада" Моцарта). Буганов – в домодедовском лесу, на обрыве у речки Рожайки, веселый тамада в кругу друзей и учеников, вдумчивый собеседник у костра. Себя он в шутку любил называть: "Одинокий монах под дырявым зонтиком".

В то же время, Виктор Иванович был ярким представителем классического типа ученого-эн-

циклопедиста и просвещенного патриота – типа, увы, редкого в наши времена. Обширные исторические познания сочетались в нем с литературным даром, с тонким восприятием природы, музыкальной и художественной культуры.

Думается, что в истории Буганов, прежде всего, был большим знатоком архивных материалов, опытным археографом и источниковедом. Архивист по специальности, он стал учеником двух председателей Археографической комиссии – М.Н. Тихомирова и С.О. Шмидта, которые определили в провинциальном студенте врожденное чувство источника, питавшее его постоянное стремление к познанию.

Выходец из крестьянской семьи, Виктор Иванович через всю жизнь и творчество пронес сыновью любовь к тихой и скромной природе Подмосковья и родным корням Рязанщины, взрастившим его душу. Дстойно и широко прошел он по жизни, не жалея себя в труде, радости, любви к людям и Отечеству. Но где бы ни был ученый и чем бы он ни был озабочен, он всегда работал – будь то горы Приэльбрусья, калмыцкая степь или больница. Итог такого подвижнического служения науке впечатляющ: более 20 монографий, сотни статей и публикаций. Общее научное наследие исследователя превышает 500 наименований, и это, не считая неопубликованных текстов, над которыми он

трудился до последнего своего дня¹. Его творчество задолго до кончины уже стало предметом специального изучения².

В историческую науку В.И. Буганов пришел в середине 50-х годов, когда в нашем обществе намечались новые тенденции, послужившие прологом "Оттепели" 60-десятых. Для историков все более становилось очевидным, что научное представление о прошлом не может основываться на высказываниях и цитатах – для этого необходимы привлечение всех доступных источников и их описание, изучение, классификация и интерпретация. Молодого талантливого студента наставляли его первые учителя – С.О. Шмидт и академик М.Н. Тихомиров, затем постоянно поддерживали авторитетные ученые-историки – Л.Г. Бескровный, А.И. Клибанов, Б.А. Рыбаков, С.Л. Утченко, Л.В. Черепнин.

В студенческие и аспирантские годы сложился спектр научных интересов В.И. Буганова, полученная школа определила характер его дальнейшей творческой жизни. В исследовательской деятельности Виктора Ивановича важнейшее место занимали изучение и публикация письменных источников средневековой России, в первую очередь – разрядных книг XV–XVII вв.

Среди других направлений в его научном творчестве выделяются циклы работ по источниковедению и историографии русского летописания; источниковедению, историографии и истории классовой борьбы в России XVII–XVIII вв.; истории русских городов; военной истории; по общим проблемам истории, источниковедения и историографии. Особую группу составляют историко-литературные портреты С.Т. Разина, Е.И. Пугачева, К.Ф. Булавина, И.И. Болотникова, Петра Великого, а также биографические очерки о предстателях Дома Романовых. Отдельного упоминания требует многогранная деятельность Виктора Ивановича, связанная с изучением истории народов, вошедших в состав Российского государства.

Свое первое крупное исследование – источниковедческое изучение, классификация и интерпретация разрядных книг – В.И. Буганов писал под руководством М.Н. Тихомирова и успешно защитил в качестве кандидатской диссертации 14 июня 1955 г. В 1962 г. оно было опубликовано, а с 1966 г. началась серийная публикация разрядных книг, продолжавшаяся под его руководством почти 30 лет.

Что сделал Виктор Иванович, продолжая в изучении разрядных книг традиции своих предшественников, ученых-источниковедов? Надо сказать, что имена С.Б. Веселовского, С.В. Бахрушина, С.К. Богоявленского, Н.П. Лихачева,

П.Н. Милюкова, А.Н. Насонова, А.А. Шахматова были для него священны. До В.И. Буганова исследователи оперировали тремя десятками списков разрядных книг. Он нашел, описал и систематизировал более 260 списков в архивах Москвы, Ленинграда и других научных центров, включая зарубежные древлехранилища.

Свою задачу Виктор Иванович видел в том, чтобы рассмотреть время, причины появления разрядных книг, выявить разновидности, редакции и проследить эволюцию их текстов в XVI–XVII вв. Он понимал, что значение и использование разрядных книг как исторического источника зависело от решения вопросов взаимоотношения официальных и частных редакций, характера заполнения разрядных книг разнообразными государственным, частными актами и нарративными памятниками.

В.И. Бугановым впервые дана подробная, обоснованная тщательным источниковедческим, текстологическим анализом, классификация списков разрядных книг последней четверти XV–первой половины XVII в. Исследователь доказал, что в основе их начальной части лежат летописные записи Московского летописного свода конца XV в. и местные епископские памяти. Однако, с середины 70-х годов XV столетия разрядные записи стали вестись относительно регулярно в качестве официального документа. Особое внимание ученый обратил на "государев разряд" 1584 г., не исследованный его предшественниками. При том, что древнейшие записи разрядных книг являлись основным источником при составлении "государственных разрядов", которые стали своеобразными каноническими сводными текстами.

Хотя круг интересов В.И. Буганова был чрезвычайно широк, теме разрядных книг он остался верен в течение всей жизни, углубляя свои выводы, расширяя их источниковую базу новыми находками. В серии статей, написанных в 70–80-х годах, он ввел в научный оборот ряд новых списков разрядных книг XVII в., проанализировал "дворцовые разряды" первой половины XVII в., "Книги разрядные 1613–1636 гг." Специальные работы посвящены источнику кам и историко-культурному значению разрядных книг.

И самое главное, по его мнению, – публикацию столь ценного и сложного источника Буганов всегда считал наиболее важной, трудоемкой. Он был составителем, редактором, автором вступительных статей и комментариев всех 13-ти выпусков разрядных книг. В основе публикаций лежала разработанная им схема взаимосвязей списков и редакций. В последние

¹ См.: Список печатных трудов В.И. Буганова // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 278–287; Виктор Иванович Буганов: Библиогр. указатель / Изд. Археогр. центра. М., 1993.

² См.: *Богданов А.П.* Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода в трудах В.И. Буганова // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 3–21; *Плигузов А.И.* Источниковедение отечественной истории в трудах В.И. Буганова // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1989. М., 1989. С. 59–76; *Козлов В.П., Рожкин Н.М.* В.И. Буганов – творческий путь // ОА 1993. № 4. С. 28–39.

десятилетия, после Полного собрания русских летописей, это – наиболее систематическое издание источников по истории России феодального периода.

Виктор Иванович любил путешествовать, хорошо знал местную и региональную историю, разбирался в особенностях эпоса различных народов, помнил по имени-отчеству практически всех, с кем когда-либо встречался, не говоря уже об обстоятельствах жизни и превратностях судьбы каждого из своих учеников. Только теперь понимаешь, что это было проявление глубокого уважения к человеческой личности, все та же тяга к первоисточнику.

Результатом его поездок и архивных разысканий 50-х годов стала серия публикаций – первые обнаруженных им письменных памятников или их списков. Это – "Сказание о смерти царя Федора Ивановича и вцарении Бориса Годунова", составленное в начале XVII в. и вписанное в разрядные книги под 1598 г.; грамота ливенскому воеводе И.О. Полеву 1595 г. о посылке стоялых голов с Ливен для контроля сторожевых постов и сбора вестей о передвижении крымцев и казаков; описание похода С.Ф. Курбского и И.И. Салтыка Травина 1499–1500 гг. в Югорскую землю; повесть о набеге крымцев в 1572 г.; грамота Ивана Грозного боярину И.В. Меньшому-Шереметеву 1573 г.; частное описание похода на Полоцк 1563 г., составленное в 1570-х – начале 1580-х годов.

Примечательно, что к новым темам своих источниковедческих штудий Виктор Иванович шел в определенной мере через источники, обнаруженные им в ряде списков разрядных книг, хотя, конечно, определяющую роль сыграл тот знаменательный перелом в развитии исторической науки, который происходил в середине 1950-х годов, перелом, предопределивший повышенное внимание к методике источниковедения, истории классово-борьбы, переосмысление, потребовавшее расширения источниковой базы и ее критического анализа.

В 1949 г., благодаря усилиям и авторитету академика Михаила Николаевича Тихомирова, была возобновлена прерванная в 30-х годах серия "Полное собрание русских летописей". С 1959 г. В.И. Буганов начинает работать под руководством М.Н. Тихомирова в Летописной группе Института истории СССР АН СССР. По предложению учителя он обращается к изданию русских летописей – одной из самых важнейших разновидностей источников по истории Отечества. Школа, которую получил молодой ученый, работа с древнейшими памятниками истории, стала основой всей его последующей творческой жизни. Первым результатом стало издание общерусского свода середины XVI в. – Вологодско-Пермской летописи.

Будучи ученым секретарем, а затем заместителем М.Н. Тихомирова в Летописной группе, после его кончины в 1965 г., Виктор Иванович под руководством академика Б.А. Рыбакова становится преемником одного из важнейших дел учителя. Группе предстояла большая работа по

совершенствованию и продолжению серии ПСРЛ. Виктор Иванович подготовил аналитические обзоры и дал общие оценки русской и советской литературы, достижений в области изучения русского летописания.

Вскоре он выступил как составитель, редактор и автор вступительной статьи к XXXI тому ПСРЛ – "Летописцев последней четверти XVII в." Затем под редакцией В.И. Буганова были опубликованы Хроники: Литовская и Жмойтская и Быховца; летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного, Холмогорская летопись и "Двинской летописец", Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы, белорусско-литовские, сибирские, славяно-молдавские и Радзивилловская летописи, именной и географической указатели к Ипатьевской летописи. Совместно с В.И. Корецким В.И. Буганов опубликовал московский летописец второй половины 30-х годов XVII в. из Музейного собрания ГБЛ. Им же составлен обзор летописных заметок о московских восстаниях второй половины XVII столетия и напечатан краткий московский летописец конца XVII в. из фондов Ивановского областного краеведческого музея. Проблемам дальнейшего издания русских летописей В.И. Буганов посвятил несколько докладов на всесоюзных конференциях и на заседании секции ученого совета Института истории СССР АН СССР.

В последнее десятилетие в Отделе источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР (Института российской истории) под руководством В.И. Буганова был подготовлен еще ряд томов ПСРЛ, в которые вошли: Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского, Летописец Переславля Суздальского, Густынская летопись, Краткие летописцы XVI–XVII вв. До последних своих дней он оставался заместителем ответственного редактора томов ПСРЛ, считая это издание гордостью отечественной исторической науки.

В кругу друзей и учеников Виктор Иванович не раз вспоминал, что со школьной скамьи чувствовал постоянный интерес к волнующим и трагическим событиям "бунташного" XVII столетия. Поэтому неудивительно, что темой докторской диссертации, защищенной им в 1968 г., стали "Медный бунт" 1662 г., так называемая "Хованщина" 1682 г. и стрелецкий "мятеж" 1698 г. Реализации этого замысла способствовали его находки в архивах и рукописных отделах библиотек летописных источников со сведениями о классово-борьбе в XVII в.

Продолжая традицию М.Н. Тихомирова, В.И. Буганов изучение темы "Московские восстания второй половины XVII в." сопровождает изданием источников. Сразу же после публикации монографии о восстании 1662 г. ученый издает сборник документов о нем, возглавляет работу над публикацией документальных свидетельств о "Хованщине" и стрелецком восстании 1698 г. Серию специальных статей и изданий источников исследователь посвятил московским "мятежам" второй половины XVII в.

В отличие от своего предшественника К.В. Базилевича, В.И. Буганов значительно расширил источниковую и событийную канву "Медного бунта" 1662 г. Для источниковедческого анализа было привлечено следственное дело 1662 г. в гораздо более полном объеме, чем в публикации А.Н. Зердалова. Автор доказал существование и обнаружил в делопроизводстве Разрядного приказа неизвестное ранее сыскное дело 1662 г., составленное московской сысковой комиссией. Для анализа он впервые использовал переписку Разрядного приказа с воеводами, материалы переписной книги Оружейной палаты, отдельно исследовал записки русских и иностранных современников восстания. Так, составляя, как он любил выражаться, "мозаику" из различных показаний участников восстания, Виктор Иванович впервые воссоздал максимально полную картину "Медного бунта".

Итогом длительного изучения В.И. Бугановым истории московских восстаний конца XVII в. стала монография под аналогичным названием. Известно, сколь неоднозначна в историографии оценка этих событий. Спектр мнений колеблется от признания восстаний реакционными бунтами, направленными против назревших в то время программ преобразований, до представления их народными, антикрепостническими по социальной сущности. Виктор Иванович выступил сторонником последней точки зрения и использовал для ее обоснования широкий и разнообразный набор аргументов.

Учитель никогда не чурался своего "крестьянского" происхождения. В последние годы часто говорил: "Я всего лишь интеллигент первого поколения". Но для него это обстоятельство всегда было стимулом к умножению своих познаний и в какой-то степени объясняет его исключительное трудолюбие. Работая над серией исследований о крестьянских войнах в России, Виктор Иванович считал себя в неоплатном долгу перед далекими предками. Одним из его любимых выражений были строки "Задонщины": "Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей". На основе источниковедческих реконструкций и исторических построений историк пытался отразить "реальный жизненный процесс и деятельность индивидов каждой отдельной эпохи". Первыми подступами к этой теме в начале 70-х годов были статьи и главы о "крестьянской войне" под руководством С.Т. Разина. Тогда же появляются обобщающие историографические, аналитические статьи, выступления Буганова по истории и перспективам изучения "крестьянских войн в России XVII–XVIII вв." В 1974 и 1975 гг. он публикует источниковедческие статьи, в которых анализирует разинские прокламации и предлагает реконструкцию "повстанческого архива" разинского войска.

Продолжением серии стали работы о крестьянских войнах XVII–XVIII вв. под руководством И.И. Болотникова, К.А. Булавина, Е.И. Пугачева. Конкретно-исторические построения "Истории Крестьянских войн в России"

В.И. Буганов сочетал с проблемными источниковедческими и историографическими работами по этой теме.

В результате кропотливой работы ученым был собран обширный материал, который позволил не только рассказать о классовой борьбе в России в целом, но и рассмотреть ее в контексте народных движений периода феодализма в Восточной Европе; ему же принадлежат работы об отечественной военной истории, истории Городового приказа, политического сыска в России XVIII столетия.

Немало внимания в своем творчестве В.И. Буганов уделял историографическим проблемам источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода. С особым вниманием он относился к творчеству своих современников, исследователей старшего поколения. По глубокому убеждению Виктора Ивановича, их опыт, научное наследие, традиции, или, как он говорил, "школа" составляли основу настоящего профессионализма и прогресса в исторической науке. Он издал впервые труд русского историка XIX в. И.Д. Беляева; принимает участие в качестве редактора и автора вступительных статей к исследованиям А.А. Зимина, а также в серии неопубликованных работ выдающегося знатока источников академика С.Б. Веселовского. Этими же соображениями руководствовался он, когда писал о тех, с кем был дружен, у кого учился и с кем работал. С удивительной теплотой и любовью написаны исследования-очерки В.И. Буганова об учителях М.Н. Тихомирове, И.У. Будовнице, Л.Г. Бескровном, А.Н. Насонове, А.И. Клибанове, С.Н. Валке, В.Т. Пашуто, Б.А. Рыбакове, Н.Н. Улащике, В.И. Корецком, А.А. Зимине, М.В. Нечкиной, В.А. Александрове, А.Г. Манькове, С.О. Шмидте, Е.В. Чистяковой.

В начале 80-х годов заметно проявился художественно-публицистический талант В.И. Буганова. Серия "Жизнь замечательных людей" пополнилась написанными им книгами о предводителях крестьянских войн Е.И. Пугачеве, К.А. Булавине и И.И. Болотникове. Уже будучи серьезно больным, он завершил книгу "Разин и разинцы", сам прочел корректуры книги и провел подготовительную научно-техническую работу для ее издания. Весь цикл художественно-публицистических работ объединяет гармоническое соединение строго научного подхода, обобщенного с литературным рассказом. Виктор Иванович широко использовал различные виды источников – документы правительственных органов, повстанческих властей и учреждений, проводя тщательную критику их свидетельств. Читателю не навязываются привычные стереотипы, а дается материал собственного осмысления исторических процессов. Содержание работ убедительно доказывает, что развитие абсолютизма, расширение в интересах дворянства феодальной эксплуатации обостряло классовый антагонизм, подводило Россию к социальному кризису и оcherдной гражданской войне. Идеология восставших никогда не под-

нималась выше представлений о монархической форме правления, но в острой борьбе постепенно формировались требования антикрепостнического содержания. Есть в книгах В.И. Буганова еще одно немаловажное достоинство – внимательно прослеженный национальный фактор крестьянских выступлений. По его мнению, именно совместные действия народов многонациональной России подтачивали основы феодального общества.

Авторскому стилю Виктора Ивановича как художника присущи увлекательность и живость в изображении людей, событий, умение увидеть в них самое колоритное, выявить героико-драматические черты и на этом срезе показать подлинный характер и душу героев. Перед читателем предстают такие черты их характеров как широта натуры, оптимизм, бесстрашие, удаля, доброта и отзывчивость. Успеху книг, безусловно, способствует знание автором народных говоров, преданий, песен, причетов и поговорок. Их использование придает его трудам лирическую окраску и образность.

В публицистическом стиле написана книга "Мир истории. Россия в XVII столетии". Своеобразна панорама пути, который прошла наша Родина в этот сложнейший период своего исторического развития. В книге рассказывается о Смутном времени, Крестьянской войне, борьбе с польской и шведской интервенцией, воссоединении Украины с Россией, восстания Степана Разина; о существенных изменениях, которые затронули практически все сферы жизни: государственное устройство и армию, внутреннюю и внешнюю политику, финансы и суд, взаимоотношения государства и церкви, культуру и быт. Заслуга автора в том, что им обобщены новейшие достижения в изучении одной из переломных эпох истории нашего Отечества.

Будет справедливым отметить, что в своих работах Виктор Иванович издавна уделял большое внимание повстанцам, вышедшим из среды бесправного и угнетенного народа. Но с годами противоположная сторона – имущий, правительственный лагерь – все более привлекали его внимание. Одной из первых стала работа "Петр Великий и его время". Разгадка содержания книги в ее названии. Автор с успехом показал, насколько поиски и стремления великого преобразователя находили отклик в сердцах ближайших сподвижников. Справедливы, оригинальны и современны многие наблюдения – размышления В.И. Буганова, возникавшие в процессе работы над темой. Например: "Многим Петр I был недоволен, многое хотел исправить, обновить, но никогда он не мыслил превратить Россию в какой-то сколок, копию другой страны". Или то, что для царя не существовало разницы между властолюбивой сестрой, вельможами и рядовыми стрельцами. До конца жизни не смог Петр Алексеевич понять, что недовольство существующим порядком у тех и других имело разные причины. На высоком художественном уровне, с элементами подлинного драматизма написаны

главы "Трагедия отца и сына", "Последние заботы. Кончина". В книге звучит живой голос истории, и читатель ощущает непосредственную сопричастность с событиями того бурного времени. Многие поднятые в работе вопросы, связанные с ломкой старого уклада и решительными преобразованиями, актуальны и сегодня.

Начатую тему В.И. Буганов продолжил серией статей-очерков о московских воеводах конца XIV–XVIII в. и книгой "Полководцы XVIII в.", которую он написал в соавторстве со своим старшим сыном к.и.н. А.В. Бугановым. Работы охватывают деятельность русских полководцев, прославивших наше Отечество в ходе войн за национальную независимость со времени образования Русского государства до создания Российской империи. В них читатель найдет характеристики военных деятелей, с одной стороны, широко известных, с другой – мало или совсем неизвестных. Например, наряду с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, Петром Великим, о деяниях которых написаны научные труды, статьи и романы, читатель встретит здесь имена малоизвестных полководцев, таких как Даниил Васильевич Щеня – победитель литовцев и ливонских рыцарей, один из главных героев взятия Смоленска в 1514 г.; князь Михаил Иванович Воротынский – активный участник взятия Казани (1552), победитель полчищ крымского хана Менгли-Гирея в 1572 г. (битва при Молодях); петровские полководцы – братья Апраксины, Михаил Голицын, Аникита Репнин, Христофор Миних и др.

В очерках, основанных на хорошем знании источников и специальной литературы, внимательный читатель обнаружит новые подходы в освещении ряда вопросов военной истории России. Например, события, связанные с окончательным освобождением от ордынского ига (1480), в книге характеризуются не как пассивное "стояние" на р. Угре, а как серия активных и ожесточенных сражений войск Ивана III с ордой Ахмет-хана. Рассматривая деятельность военачальников эпохи Петра I, Виктор Иванович анализирует не только известные события (битва при Лесной, Полтавская баталия), но и ряд других, менее знакомых операций, скажем, в Ливонии, окрестностях позднейшего Петербурга, Финляндии. Написанные ярко, образно, красочно, книга и статьи-очерки привлекли внимание широкой читательской аудитории и получили положительные отзывы в печати.

Среди книг Буганова, написанных в жанре научно-популярной литературы, представляет интерес "Сокровищница документов прошлого", в которой, совместно с М.И. Автократовой, при участии А.П. Богданова, М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина, он рассказывает об истории и документальных богатствах Российского государственного архива древних актов.

Неотъемлемой частью научной деятельности Виктора Ивановича всегда была работа с рукописными собраниями библиотек и архивов. Где бы ни был ученый, исследовательский азарт

и научная интуиция нередко приводили его к открытиям, а любовь к путешествиям, новым местам и людям немало способствовали этому. Будучи в Киеве, Ульяновске, Томске, он обнаружил летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в.; в Тобольске – список хроники Литовской и Жмойтской, который после соответствующего изучения был положен в основу публикации в ПСРЛ; в Иванове – летописец "от Адама" конца XVII в.; с использованием новых архивных материалов написана книга об истории Серпухова и Серпуховского уезда в XVI – начале XVII в.

В архиве Франке в Галле (Германия) он отыскал краткий летописец начала XVII в., в Финляндии – неизвестный список Синодика опальных Ивана Грозного. В Парижской Национальной библиотеке исследователь обнаружил, описал и позднее ввел в научный оборот значительное количество неизвестных ранее источников по отечественной истории XV–XVIII вв. Наиболее интересные из них были опубликованы: жалованные грамоты молдавских господарей Стефана III Великого (1491), Петра Хромого (1575, 1576), Радула (1624); поместные акты и акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в.; новые источники о текстильной промышленности Москвы (указ Анны Иоанновны 1736 г.) и документы о Камчатке (рапорты Верхнекамчатской приказной палаты 1767–1768 гг., написанные на бересте). Интересные источники были выявлены и в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (Германия). В свою очередь, труды В.И. Буганова также известны и нашли признание за рубежом. Его книги, статьи и публикации переиздавались и выходили впервые в Париже и Афинах (1965), Мехико, Монтевидео и Буэнос-Айресе (1967), Риме и Бухаресте (1972), в Берлине (1976, 1977, 1979, 1985, 1986), Варшаве (1977), Хельсинки (1982, 1983, 1984) и Манчестере (1984), Лондоне (1989), Брюсселе (1990), в последние годы – в США, Эфиопии, Бельгии и Венгрии.

Большой научный опыт, многолетняя практика издания и редактирования источников (разрядные книги, ПСРЛ и др.), сборников статей ("Летописи и хроники", "Источниковедение отечественной истории", "Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода"), работа в редколлегии журнала "Советские архивы", руководство Центром по изучению и публикации источников, девятилетнее пребывание на посту заместителя директора Института истории СССР АН СССР, а также активная работа в составе нескольких ученых советов помогли В.И. Буганову не только сформулировать проблемы отечественного источниковедения, но и определить перспективные направления его развития.

В известной евангельской притче говорится: "Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". Виктор Иванович в личных беседах со своими учениками не раз говорил: "Надо жить и вырабатываться так, чтобы

остатка не было". И он с завидным упорством следовал этому правилу, даже когда уже было тяжело болел. Богатая палитра его интересов, научная жертвенность не могли не отразиться в работах учеников, пятнадцать из которых защитили кандидатские диссертации и пять – докторские. В результате расширился круг исследуемых источников, продолжают развиваться традиции археографической работы, издания и изучения не одного документа, а целых комплексов.

Среди них: летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. (А.П. Богданов); боярские списки (А.Л. Станиславский); источники по истории московского восстания 1771 г. (В.В. Леонидов); материалы и реконструкция состава архива русских митрополитов XIV–XVI вв. (А.И. Плигузов), прихода-расходных книг северных монастырей XVII в. (В.И. Иванов); источники по истории городских служилых корпораций XVIII в. (В.Н. Козьяков); издание и изучение разрядных, боярских и посольских книг XVI–XVII вв. (О.Н. Новохатко, М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин); источники формирования бюрократии в России в XVIII в. (А.Н. Медушевский); источники и историография истории Калмыкии (Б.Э. Боваев). Ряд его учеников посвятили свои исследования источниковедению археографии и историографии (Д.В. Карев, В.П. Козлов, А.Б. Каменский); а также – генеалогии (О.В. Рыкова).

Свое стремление поделиться научным опытом и знаниями Виктор Иванович распространял не только на своих учеников. Немало сделано им и для российской системы школьного образования. Прежде всего, для изучения истории в школе: написаны методические пособия, статьи для учителей и учеников, вышедшие в столичных и местных изданиях. В 1995 г. издательство "Просвещение" опубликовало два тома школьного учебника "История России" для 10-х классов, которые В.И. Буганов написал совместно с А.Н. Сахаровым и П.Н. Зыряновым.

Однако, несмотря ни на какие обстоятельства, изменения и веяния времени, Виктор Иванович всегда оставался верным идее издания и изучения источников, считая, что такая работа никогда не устареет, а, наоборот, с годами ее значение только будет возрастать. Он мечтал вслед за ПСРЛ, начать фундаментальное академическое серийное издание документов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. Думается, что реализация этой идеи была бы для него лучшей памятью и развитием его творческого наследия.

Безвременная кончина Виктора Ивановича – огромная потеря для науки и для его близких. Вслед за своим учителем – М.Н. Тихомировым – В.И. Буганов через всю жизнь пронес и исполнил завет наших предков: жить и работать так, "чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла".

Н.М. Рогожин

**ПЕТР
АНДРЕЕВИЧ
КОЛЕСНИКОВ
(1907–1996)**

Почетный член Российской академии образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин городов Вологда и Устюжны, многолетний член Археологической комиссии РАН, доктор исторических наук, профессор Петр Андреевич Колесников скончался 27 мая 1996 г. в Вологде¹. Известный ученый по праву считается основателем вологодской исторической школы, патриархом исследователей истории и культуры Европейского Севера России, Учителем многих поколений историков, краеведов, архивных и музейных работников, школьных учителей истории. Почти 30 лет Петр Андреевич бесменно руководил Вологодским проблемным объединением по аграрной истории Европейского Севера России и Северным отделением Археологической комиссии РАН.

Проживший практически весь нынешний век Петр Андреевич щедро делился своим жизненным опытом с учениками, коллегам, друзьями. Последние годы особенно любит вспоминать о противоречивых событиях уходящего столетия. Поэтому, вероятно, именно его "Размышления о пережитом"² открыли вологодскую серию "Политические раздумья".

Родившись в кубанской станице Старошербиновке, что близ г. Ейска, П.А. Колесников познал прелести южных российских уголков и с раннего детства ощутил трудности крестьянского земледельческого труда. Приходилось вместе с членами семьи пахать землю, выполнять другие сельскохозяйственные работы.

Занимался воспитанием младших братьев и сестер. Увидел П.А. Колесников и весь "спектр" борьбы политических партий за власть на Кубани. Кубань известна особенно тяжелыми условиями становления советской власти. Казаков не щадили ни белые, ни красные, ни другие "цветные" армии. Детство П.А. Колесникова окрасилось в черные тона после убийства у него на глазах бандитами мамы. Чувствуя тяжелое положение семьи, Петр Андреевич решил отправиться во "взрослую" жизнь. Он вынужден был уехать на Север. Причиной ухода из родных мест также явилось близкое его родство со станичными атаманами в Старошербиновке. Позднее, уже на исходе 30-х годов, узнал о репрессиях в семье.

Особенно ценил П.А. Колесников годы жизни на Кубани за "первые университеты", которые преподнесла ему там судьба, за стойкость и выносливость, утвердившиеся в его характере. П.А. Колесников имел возможность общаться и с представителями российской дореволюционной интеллигенции: преподавателями, юристами, учеными, актерами, оказавшимися после революции в Ейске, а затем эмигрировавшими. В семейной школе, где Петру Андреевичу довелось некоторое время учиться, преподавал профессор Санкт-Петербургского университета и его жена (фамилия в памяти П.А. не отложилась). Они привили будущему историку исследовательский подход в обучении, научили правильно, по-научному, читать книги, обсуждать и письменно излагать мнение о них:

¹ Некрологи см.: Красный Север (Вологда) 1996. 1 июня; Русский Север (Вологда) 1996. 29 мая; Вологод. новости. 1996. 28 мая; Первое сентября (М.). 1996. 8 июня.

² Колесников П.А. Размышления о пережитом. Вологда, 1992.

актеры внушили Петру Андреевичу любовь к театру и искусству; ученые давали возможность заработать немного денег перепиской рукописей, что также, вероятно, прибавило интерес к научным изысканиям.

Перемена места жительства в конце 20-х годов бесспорно определила судьбу П.А. Колесникова. Именно на Севере он прошел путь от учителя сельской начальной школы до известного ученого, профессора Вологодского университета, почетного академика РАО.

Знакомство с северным крестьянским миром у Петра Андреевича произошло тогда, когда его, молодого специалиста, направили в глухую деревушку работать избачом. Северная деревня к 30-м годам мало изменилась в организации общественной жизни. Долго сохранялась патриархальность, и П.А. Колесников, уже будучи известным ученым, неоднократно об этом упоминал в своих научных трудах. Пришлось ему встретиться и со старообрядцами. Заведующий РОНО поручил молодому учителю организовать для детей старообрядцев школу. Известно, что представители этого религиозного течения с недоверием относились к "иноверцам", новым явлением в общественной жизни. Убедить крестьян организовать школу Петру Андреевичу удалось путем бесед, благодаря знанию Библии и староцерковного письма.

Работа в школе во многом определила и дальнейший жизненный путь Петра Андреевича: начальная и 9-летняя школа, школа колхозной молодежи и обучение грамоте крестьянских детей – вот неполный перечень его деятельности в деревне. Повстречал он в это время и немало интересных людей, которые познакомили его с фольклором, народной культурой, обычаями и традициями северного крестьянства. П.А. Колесников работал в школах Харовского, Нюксенского, Вожегодского, Устюженского районов Вологодской области.

Великая Отечественная война прервала педагогический труд Петра Андреевича. Служба в армии, затем снова преподавательская работа – в Саратовском Суворовском училище. Сначала – офицер-воспитатель, а потом – старший преподаватель истории. П.А. Колесников любил вспоминать период жизни в Саратове. Подопечные "суворовцы", потерявшие родителей во время войны, нуждались в особенной теплоте, любви и соучастии педагога. Он частенько оставался с ребятами, принимал активное участие в их жизни. Воспитанники с любовью относились к своему наставнику, о чем свидетельствует переписка, сохранившаяся в архиве ученого. В Саратове П.А. Колесников закончил экстерном педагогический институт.

Второй своей "малой родиной" Петр Андреевич считал провинциальный городок Устюжну. Именно с изучения истории этого города П.А. Колесников начал путь историка³. Совмещая учительскую деятельность с научными

исследованиями, Петр Андреевич познакомился с усадебными библиотеками помещиков Батюшковых, Неплюевых, Мусиных-Пушкиных, Макшеевых, Ушаковых, источниками по истории железодобывающих промыслов XVI–XVIII вв., актовыми документами. П.А. Колесников явился инициатором создания в селе Даниловском, бывшей усадьбе Батюшковых, народного музея, его перу принадлежит одно из лучших в российской батюшковедении исследование генеалогии рода великого поэта. Познакомился он в Устюжне и с интересными людьми: учителем А.А. Поздеевым, исследователем литературной истории "Ревизора" Н.В. Гоголя, родственниками известной пианистки начала XX в. В.У. Сипягиной-Лилиенфельд, потомками великого поэта – В.Н.; Е.Н. и С.Г. Батюшковыми, многими исследователями творчества поэта.

Знакомство с видным ученым Н.В. Устюговым дало новый импульс в научно-исследовательской деятельности. П.А. Колесников занялся изучением социально-экономической истории Тотемского посада в XVI–XVII вв. Защитив кандидатскую диссертацию по данной теме, П.А. Колесников стал первым из школьных учителей истории Вологодской области обладателем ученой степени. Позднее, уже работая в Вологде, он неоднократно обращался к истории своей "малой родины", опубликовал монографию, статьи в краеведческих и центральных изданиях.

Вологодский период жизни Петр Андреевич посвятил научной и преподавательской деятельности. В 1960 г. заведующего Устюженским РОНО П.А. Колесникова направили на кафедру педагогики Вологодского пединститута. Вскоре он стал преподавать и на кафедре истории. Кафедра истории уделяла большое внимание краеведческой работе. В Вологде были опубликованы следующие книги: "Вологда и ее окрестности" (1957), "Экспурии по родному краю" (1963), "Летопись города Вологды" (1963), "Материалы по истории местного края" (1967), "Вологжане – Герои Советского Союза" (1959), "Вологжане – генералы и адмиралы" (1969), "Имена вологжан в науке и технике" (1968). Активным автором в них был П.А. Колесников. В конце 60-х годов он стал проректором по науке института, инициатором учреждения кафедры истории СССР и ее первым заведующим, в должности которого проработал 12 лет.

Это были годы важных научных и организационных достижений. В 1967 г. по инициативе Петра Андреевича создается Вологодское проблемное объединение по истории крестьянства и сельского хозяйства. Объединение собрало вокруг себя ученых страны, преподавателей вузов, краеведов, учителей и студентов. За 30 лет проведены десятки конференций, годичных собраний, издано множество научных сборников. В 1969 г. по предложению П.А. Колесникова

³ Камкин А.В. Петр Андреевич Колесников – историк Устюжны // Устюжна: Краевед. альманах. Вологда, 1995. Вып. 3.

решением Бюро Отделения истории АН СССР было образовано Северное отделение Археографической комиссии. Оно стало одним из первых региональных центров Археографической комиссии, созданных на базе вузовской науки. Издательская деятельность Северного отделения представлена значительным количеством изданий, в составе которых статьи, обзоры, публикации документов, информации о работе архивов и музеев Севера. В них дана источниковедческая характеристика многих документальных памятников: писцовых и переписных книг, летописей и актовых книг, подворных описей, историко-географических комментариев, камеральных описаний, обывательских книг, переписей населения, приговоров и прошений крестьян, уставных грамот, владенных записей, документов советского периода⁴. С конца 60-х годов Петр Андреевич становится признанным лидером среди историков Русского Севера, душой и организатором многих общих программ и исследовательских проектов.

Петр Андреевич настойчиво внедрял в организацию коллективных исследований принципы координации усилий различных научных центров и учреждений Севера, Москвы и Ленинграда, а также кооперации их средств и возможностей. Это давало в тех условиях поразительный эффект: число научных изданий 1960–1980-х годов, выпущенных в Вологде, Архангельске, Сыктывкаре, Петрозаводске под редакцией П.А. Колесникова и под эгидой созданных им обществ, превышает 100 именованных. Не лишним будет заметить, что всем им свойственны некоторые общие черты, отражающие и научно-методические подходы самого Петра Андреевича – приоритет аграрной и источниковедческой проблематики, широкая хронология тем, многоаспектность исторических поисков, тщательность и высокая требовательность к интерпретации источникового корпуса. Он поощрял постановку новых тем, любил искать, выражаясь его языком, "новые подветвы" к уже традиционной проблематике.

Большими достижениями отмечены 60–70-е годы и в научном творчестве самого Петра Андреевича. Исследования П.А. Колесникова по истории северного крестьянства, материальной и духовной культуре Европейского Севера, истории северо-русского города XVI–XVIII вв., археографии, источниковедению и историографии истории Европейского Севера России отражены в монографиях, которые уже сегодня

вошли в золотой фонд североведения: "Северная деревня в XV – первой половине XIX в." (Вологда, 1976), "Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в." (Вологда, 1971), "Северная Русь: Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в." (Вологда, 1973. Вып. 2). Довольно много и обобщающих коллективных монографий, вышедших под его редакцией: "История северного крестьянства" (Архангельск, 1984, 1985. Т. 1, 2), а также серии сборников "Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник" (Вологда, 1970–1980. Вып. 1–8).

Всероссийскую известность приобрели мероприятия по описанию документальных памятников в краеведческих музеях Вологодской области под названием "Вологодская программа". Результатом этой акции стало издание под общей редакцией Петра Андреевича 11 выпусков каталога-путеводителя "Памятников письменности в музеях Вологодской области"⁵.

Признание общественности и научных кругов получил опыт возглавляемого П.А. Колесникова поискового движения по сбору и публикации фронтовой переписки⁶.

Хорошо знавший ценность данного вида исторического источника, Петр Андреевич привлек к работе студентов, учителей, и тем самым не упустил время для их изучения. Собран огромный "пласт" эпистолярного наследия Великой Отечественной войны, изданы два сборника: "Письма с фронта 1941–1945" и "Письма с фронта и на фронт". Второй сборник потребовал особых усилий при его подготовке, так как включал в себя синхронную переписку военных действующей армии и их родственников в тылу. Сегодня уже подготовлен последний, третий том этого сериала, посвященный эпистолярному наследию участников войн XX столетия.

Историю Великой Отечественной войны Петр Андреевич изучал с особым трепетом. Подвижничество и активное участие ученого и педагога позволили в Вологодской области издать "Книгу-мемориал" и два тома книги "Реквием. 1941–1945", осуществить издание много-томной "Книги Памяти Вологодской области", начать издание серий "Вологжане – труженики тыла" и "Ветераны Великой Отечественной"⁷. Опыту вологжан в увековечении памяти защитников Отечества были посвящены Тихо-

⁴ Колесников П.А. Публикация документальных памятников в деятельности Северного Отделения Археографической комиссии АЕ СССР // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 32–41; Камкин А.В., Колесников П.А. Юбилей Северного Отделения Археографической комиссии АН СССР // ИСССР. 1985. № 2.

⁵ См. об этом: Амосов А.А., Колесников П.А. Опыт и перспективы описания документальных памятников в местных хранилищах // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 164–169.

⁶ Тихомиров С.А. Проблемы изучения эпистолярного наследия участников Великой Отечественной войны // Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны. Вологда, 1995. С. 124–125.

⁷ Судаков В.В. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв второй мировой войны: Источниковед. аспект // Уроки и проблемы... С. 6–10.

мировские чтения 1995 г., приуроченные к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне⁸.

Последние годы Петр Андреевич трудился над книгами "Родословие Вологодской деревни" (Вологда, 1990), "Путешествия в родословия" (Вологда, 1997).

Преподавательская и научная деятельность в Вологодском пединституте (с 1995 г. – университете) принесла доктору исторических наук, профессору Петру Андреевичу Колесникову широкую известность⁹. Воспитанники ученого защитили около десятка кандидатских диссертаций и занимаются научно-исследовательской деятельностью во многих уголках нашей страны. К 85-летию Петра Андреевича ученики и коллеги посвятили своему Учителю межвузовский сборник научных трудов "Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера" (Вологда, 1992), который

открывался и заканчивался его публикациями. Признанием заслуг Петра Андреевича Колесникова в деле образования и воспитания подрастающего поколения явилось избрание его почетным членом РАО. Вслед за академиком Д.С. Лихачевым он стал вторым почетным членом РАО и первым обладателем этого почетного звания из педагогов провинции.

Петра Андреевича характеризовала большая личная скромность, простота в общении, подлинная интеллигентность. Его дом, несмотря на аскетизм быта, всегда отличался радушием и искренним гостеприимством. Многие шли сюда, чтобы поделиться своими проблемами личного характера, и Петр Андреевич, тонкий психолог, всегда давал мудрый совет. Сотни людей остро ощущают всю глубину утраты и хранят вечную благодарность ему за счастье общения.

А.В. Камкин, С.А. Тихомиров

⁸ Подробный обзор заседания см.: *Лохина Т.В.* Тихомировские чтения // ОА. 1995. № 5. С. 106–107. Материалы чтений опубликованы в АЕ за 1995 год. См.: *Судаков В.В.* Источниковедческие проблемы увековечения памяти защитников Отечества и опыт привлечения к поисковой работе учащихся и педагогов // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 181–190.

⁹ См. об этом: *Амосов А.А.* Археография в трудах П.А. Колесникова // АЕ за 1987 год. М., 1988.

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ
РОГОВ
(1935–1996)**

9 июля 1996 г. скончался известный российский ученый, исследователь истории русской духовной культуры и межславянских культурных связей, главный редактор журнала "Славяноведение", член Бюро Археографической комиссии РАН, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, кандидат исторических наук Александр Иванович Рогов.*

Научная деятельность Александра Ивановича началась в молодой тогда еще Археографической комиссии, куда он был приглашен на работу после окончания в 1957 г. исторического факультета МГУ своим научным руководителем и первым председателем Комиссии академиком М.Н. Тихомировым, по заслугам оцененным редкую эрудицию и широту научных интересов своего дипломника.

Плановой научной работой А.И. Рогова в бытность сотрудником Археографической комиссии было составление справочника "Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей СССР" (М., 1962)¹. Эта книга принадлежит к числу незаслуженно забытых – она оказалась как бы в тени вышедшего год спустя "Справочника-указателя печатных описаний славяно-русских рукописей" (Сост. Н.Ф. Бель-

чиков, Ю.К. Бегунов, Н.П. Рождественский. М.; Л., 1963), и это несправедливо, поскольку "Сведения" А.И. Рогова содержат достаточно подробную информацию о каждом из рассматриваемых собраний.

С работой над справочником отчасти были связаны и поездки по провинциальным архивохранилищам, отразившиеся в опубликованных научных отчетах, где вводился в научный оборот новый, малоизвестный столичным исследователям материал².

Не остался А.И. Рогов в стороне и от начавшейся тогда в Москве полевой археографии. М.Н. Тихомиров, много времени и сил уделявший вопросам выявления, сохранения и пропаганды древнерусского письменного наследия (и эту черту в полной мере унаследовал его ученик) предпринял первый "зондаж" сибирского старообрядчества на перспективность поисков в этой среде и в этом регионе рукописной и старопечатной книги; живыми "зондами" стали А.И. Рогов и В.Б. Павлов-Сильванский, предпринявшие во время экспедиций 1959 и 1960 г. разыскания у "семейских" Забайкалья. Выбор кандидатур оказался удачным не только по непосредственным результатам экспедиций (привезены были рукописи и старопечатные

* Некрологи см.: *Славяноведение*. 1996. № 6 (А.А. Турилов); *Славяне и их соседи*. Вып. 7. Межконфессиональные отношения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в Средние века и раннее Новое время: Сборник памяти А.И. Рогова (Б.Н. Флоря). В печати.

¹ Список научных трудов А.И. Рогова публикуется в сборнике "Славяне и их соседи" (Вып. 7).

² *Бем Ю.А., Рогов А.И.* О библиотеке рукописных и старопечатных книг, обнаруженной на территории Бурятской АССР // *ИА* 1959. № 4. С. 241–243; *Рогов А.И.* О некоторых материалах Государственного архива Тульской области // *АЕ* за 1958 год. М., 1960. С. 306–309; *Он же.* Русские рукописи Государственного музея Татарской АССР в Казани // *АЕ* за 1959 год. М., 1960. С. 311–317.

книги XVI–XIX вв.)³. Годы спустя глава и патриарх сибирской археографии, академик Н.Н. Покровский особо подчеркнул осторожность и благожелательность молодых исследователей, отсутствие поспешности и непродуманности при работе в столь специфической среде, которые могли бы навредить как им самим, так и археографам, пришедшим туда позднее⁴. Привезенные из этих экспедиций рукописи и книги некоторое время хранились в Архиве АН СССР в Москве (фонд "Библиотека Археографической комиссии"), а позднее вполне логично были переданы в Новосибирск, где ониполнили растущее собрание ГПНТБ СО АН.

После окончания в 1964 г. аспирантуры в Институте славяноведения Александр Иванович остается работать в нем до конца своих дней. Среди его научных интересов все большее место занимают проблемы межславянских культурных взаимоотношений, в связи с этим трансформируется и отношение к изучению рукописной книги. В работах середины 1960-х – первой половины 1970-х годов эта тема оказывается лишь одним из аспектов его многогранной научной деятельности, обычно включенной в более широкую проблематику. В кандидатской диссертации А.И. Рогова и созданной на ее основе книге ("Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения": стрыйковский и его Хроника". М., 1966) значительное место уделено спискам восточнославянских переводов Хроники Стрыйковского и их судьбе в России и на Украине, без чего нельзя адекватно оценить роль памятника в развитии восточнославянской историографии XVII–XVIII вв. "Побочным" результатом одной из командировок в Польшу явился обстоятельный обзор кириллических рукописей в хранилищах этой страны⁵, известный, правда, больше польским исследователям, чем отечественным, для которых почти традиционно "rolopica (даже по месту издания) pop legatur".

Столь же обстоятелен опубликованный несколько ранее (написан в соавторстве с Н.Н. По-

кровским) обзор собрания М.Н. Тихомирова, переданного основателем Археографической комиссии в ГПНТБ СО АН – безусловно одной из самых значительных частных рукописных коллекций нашего времени⁶. Ценным в археографическом отношении исследованием явилась и небольшая книга "Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности", вышедшая в 1970 г. в серии "Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы"⁷. Под этим камуфлирующим (знак времени) названием скрывалось издание и исследование текстов житий чешских святых – князя Вячеслава и его бабушки Людмилы – еще в древности получивших широкую известность в литературе Киевской и Московской Руси. Во вступительной статье А.И. Рогов подробно анализировал пути распространения этих памятников в древнерусской письменности, затронув попутно проблему формирования Пролога (в составе которого сохранились краткие обработки текстов) – можно сказать, главного четьего сборника русского средневековья.

В это же время А.И. Рогов пишет рецензии на книги, посвященные славянским рукописям – и на научные⁸, и на научно-популярные⁹. Появление первой из рецензий вызвано давним и стойким интересом и любовью Александра Ивановича к средневековой православной живописи – область знания, в которой он (как и во многих других) работал вполне профессионально и плодотворно. Достаточно напомнить, что после смерти В.Н. Лазарева в 1976 г. он руководил (и не формально) диссертацией Н.А. Киселева, посвященной орнаментике южнославянской рукописной книги XII–XIII вв.

С середины 1970-х годов история средневековой рукописной книги отходит на задний план исследовательских интересов А.И. Рогова, проявляясь лишь спорадически. Однако практически до последних дней Александр Иванович оставался активным членом редакционной коллегии Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (с 1991 г. – в

³ Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 216–221; Они же. Рукописные и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1960 г. // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 208–214.

⁴ Покровский Н.Н. Методика комплексных археографических экспедиций: Опыт экспедиций СО АН СССР // Тихомировские чтения 1970 г. М., 1970. С. 26–27.

⁵ Рогов А.И. Кириллические рукописи в хранилищах Польши // Studia zrodloznawcze. Warszawa; Poznań, 1969. Т. XIV.

⁶ Рогов А.И., Покровский Н.Н. Собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (Новосибирск) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162–172.

⁷ Позднее эта работа в расширенном виде была опубликована на чешском языке в коллективной монографии. См.: Staroslověnské legendy českeho původu : Nejstarší kapitoly z dejn česko-ruských kulturních vztahů. / Spolupracovali A.J. Rogov, E. Blahova a V. Konzal. Praha, 1976.

⁸ Рогов А.И. Две книги о болгарской миниатюре XIV в. // Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 102–103 (рец. на кн.: И. Дуйчев. Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1963; М.В. Шепкина. Болгарская миниатюра XIV в. Исследование Псалтыри Томича. М., 1963).

⁹ А.И. Рогов [Рец.] // В мире книг 1972. № 3. С. 124–125. Рец. на кн.: Н.Н. Розов. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971.

России, странах СНГ и Балтии), постоянно участвовал в конференциях и совещаниях, связанных с проблемами описания рукописей, внимательно читал и редактировал методические материалы, связанные с этим важным научным справочником. В 1972–1985 гг. он непосредственно курировал работу по составлению Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (вышел в свет в 1986 г.)¹⁰. Само включение Александра Ивановича в члены редакционной коллегии СК (человека без академических титулов и не сотрудника хранилища) явилось лучшим свидетельством признания его авторитета и незаурядных познаний в области археографии.

Уделяя много внимания педагогической деятельности (особенно в 1960–1970-х годах, когда он преподавал на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ) А.И. Рогов заботился и о подготовке археографических кадров. Речь здесь не столько о том, что он вел практические занятия по палеографии (на дневном отделении это были группы кафедр истории СССР периода капитализма и социализма, для студентов которых предмет носил явно проходной характер). Но для студентов кафедр истории СССР периода феодализма и источниковедения Александр Иванович старался организовать археографическую практику, чтобы закрепить полученные в процессе обучения познания по палеографии. Такая практика проходила под его руководством в 1970 и 1971 гг. в Суздальском отделении Владимиро-Суздальского музея заповедника, где студенты-историки по окончании третьего курса описывали коллекцию кириллических книг XVI–XIX вв.; позднее, к сожалению, этот добрый почин не получил продолжения.

Начиная с 1966 г.¹¹, почти 10 лет, Александр Иванович бесменно и безвозмездно руководил научным семинаром в Отделе рукописной и редкой книги НБ МГУ, готовившем кадры специалистов-археографов (преимущественно из студентов филологического факультета) для работы в полевых условиях, читая комплексные лекции по истории Русской церкви, церковному календарю, кругу богослужения и репертуару средневековой славянской книжности. Поэтому в дальнейших больших успехах археографических экспедиций МГУ немалая заслуга принадлежит Александру Ивановичу.

Своих учеников (к сожалению, немногочисленных) А.И. Рогов стремился направить к изучению рукописных источников (прежде всего книг), справедливо полагая в этом хорошую школу формирования исследовательских навыков. Он любил, чтобы студенты приходили к нему с собственной темой, которую он при собеседовании искусно поворачивал в источниковедческое русло, открывая перед будущим дипломником перспективу подлинного научного поиска.

Научный талант Александра Ивановича в сочетании с душевной щедростью создавали вокруг него совершенно особую духовную атмосферу. Рядом с ним всегда было много людей различных профессий, взглядов и интересов, неизменно попадавших под обаяние его незаурядной личности. Это наглядно продемонстрировал вечер его памяти в московском Доме ученых 27 марта 1997 г., когда Голубой зал с трудом смог вместить его друзей, учеников и почитателей, хотя собралась несомненно меньшая их часть. В своих трудах и в памяти людей, знавших и любивших его, Александр Иванович Рогов будет жить долго.

А.А. Турилов

¹⁰ Воробьев М.Н., Рогов А.И. К выходу в свет "Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР" // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 49–55.

¹¹ См. Тихомировские чтения. 1970 г. С. 77.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ,
ПОМЕЩЕННЫХ В "АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЕЖЕГОДНИКАХ"
ЗА 1987–1996 гг.***

I. Статьи и сообщения

- Аласания Г.Г.* Археографическая деятельность Т.П. Енукидзе 1989. С. 145–149
- Александров А.А.* Академик А.С. Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского 1994. С. 268–269
- Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского 1993. С. 172–188
- Андрюшайтите Ю.В.* Материалы о собирании коллекций водяных знаков И.П. Лаптевым и Н.М. Михайловским 1990. С. 73–82;
1991. С. 75–86
1992. С. 145–155
- Андрюшайтите Ю.В.* Новые материалы о книге И.П. Лаптева 1824 г. 1988. С. 91–92
- Андрюшайтите Ю.В.* О составлении перечня справочников водяных знаков, имеющих в крупнейших хранилищах СССР 1993. С. 113–127
- Андрюшайтите Ю.В.* Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой трети XIX века. 1994. С. 93–109;
1996. С. 112–129
- Артемьев А.Р.* Книжный фонд академика М.Н. Тихомирова в собрании научной библиотеки Дальневосточного государственного университета 1991. С. 141–144
- Артизов А.Н.* Л.В. Черепнин в Московском обществе истории и древностей российских 1990. С. 160–163
- Артизов А.Н.* Борис Николаевич Тихомиров (1989–1939): Материалы о жизни и деятельности. Список трудов Б.Н. Тихомирова 1989. С. 110–123
- Афанасьев А.К.* Дневник М.Н. Волконского – новый источник о восстаниях рабочих людей на мануфактурах Демидова и Гончарова в 1752 г. 1990. С. 66–72
- Афиани В.Ю.* Археографические особенности изданий "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина 1991. С. 23–32
- Афиани В.Ю.* Начало журнальной археографии в России в XVIII в. 1987. С. 26–34
- Афиани В.Ю.* О журнальной археографии 1988. С. 15–24
- Афиани В.Ю.* Становление журнальной археографии в России в первой трети XIX в. 1989. С. 28–37
- Бажанова Л.К., Демидова Н.Ф.* К 90-летию со дня рождения Екатерины Николаевны Кушевой 1989. С. 150–153
- Бакунина Т.А.* Воспоминания об А.А. Кизеветтере. (К 60-летию со дня его кончины) (предисловие А.И. Серкова) 1993. С. 209–214
- Банасюкевич В.Д., Ларин М.В.* 30 лет ВНИИДАД 1996. С. 49–56
- Бекедин П.В.* Пушкинскому Дому 90 лет 1996. С. 57–64

* Составила Н.А. Долдобанова. Алфавитный указатель... за 1957–1966 гг. // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 455; за 1967–1976 гг. // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 320; за 1977–1986 гг. // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 333.

От редакции: В Археографической комиссии подготовлен (составитель Н.А. Долдобанова) "Указатель изданий Археографической комиссии и ее региональных отделений". В справочник включены сведения о всех материалах, помещенных в АЕ, ВИД и других периодических изданиях Отделений АК за 1958–1996 гг., а также Указатель имен авторов и лиц, о которых опубликованы материалы.

- Беленький И.Л.* К проблеме изучения идейного контекста "Методологии истории" А.С. Лаппо-Данилевского. 1994. С. 274–275
- Беленький И.Л.* Путь научного поиска. (К юбилею О.М. Медушевской) 1992. С. 212–220
- Бем Ю.О.* М.Н. Тихомиров – основатель Археографической комиссии АН СССР 1990. С. 198–200
- Бердинских В.А.* Е.Д. Петряев – писатель и ученый: Список работ Е.Д. Петряева (1973–1987) 1988. С. 111–116
- Бердинских В.А.* А.А. Спицын в письмах С.Ф. Платонову 1995. С. 148–150
- Богатырев С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть первая (1550-е годы) 1992. С. 119–133
- Богатырев С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть вторая (1560–1570) 1993. С. 94–112
- Богатырев С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть третья (1571–1572). Заключение 1994. С. 64–81
- Болховитинов Н.Н.* Академик А.Л. Нарочницкий как исследователь и публикатор архивных источников. (К 80-летию со дня рождения) 1987. С. 158–163
- Брук Ян, ван ден.* Архивы и региональная история. (О роли Нидерландского архивного дела в изучении региональной и местной истории) 1992. С. 200–203
- Буганов В.И.* К 80-летию со дня рождения А.И. Клибанова 1990. С. 167–171
- Буганов В.И.* А.Г. Маньков – археограф, источниковед, историк феодальной России XVI–XVII вв. 1995. С. 170–178
- Буганов В.И.* Е.В. Чистякова как источниковед и историограф 1991. С. 182–188
- Булатова Р.В., Князевская О.А.* Археографическая деятельность Д. Богдановича в 1950–1980-х годах 1988. С. 124–127
- Булдаков В.П., Разгон А.И.* А.Я. Грунт – историк Великого Октября 1987. С. 153–157
- Бухерт В.Г.* Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского 1994. С. 155–164
- Бухерт В.Г.* Д.Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX в. 1993. С. 128–139
- Бухерт В.Г.* Д.Н. Блудов и создание Государственного архива МИД 1996. С. 138–142
- Бухерт В.Г.* "Вполне преданный революционной пропаганде" (С.Ф. Платонов под "негласным наблюдением" полиции) 1995. С. 151–152
- Бухерт В.Г.* О работе П.И. Бартенева в архивах Министерства иностранных дел 1991. С. 99–104
- Бухерт В.Г.* Проект декрета СНК РСФСР 1919 г. "О переработке в бумагу записей капиталистического хозяйства и прежних правительственных учреждений" 1990. С. 113–120
- Вахтина П.Л., Вольфцун Л.Б.* История архива Российской национальной библиотеки 1995. С. 120–126; 1996. С. 130–137
- Волкова Н.Б.* Информационная деятельность ЦГАЛИ СССР. (К 50-летию создания) 1991. С. 3–14
- Володихин Д.М.* Патриаршие книгописцы и золотописцы конца XVI–XVII вв. 1995. С. 60–72; 1996. С. 79–87
- Гальперина Б.Д.* Документальные публикации по истории трех российских революций (опыт публикатора) 1992. С. 162–182
- Гальченко М.Г.* О древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева 1992. С. 77–84
- Гварамия Р., Курцикидзе Ц.* К юбилею Елены Павловны Метревели 1993. С. 236–239
- Гиппиус А.А., Турилов А.А.* К юбилею Ольги Александровны Князевской 1990. С. 173
- Голубцов В.С.* К истории поисков партийных и советских архивов 1917–1918 гг. на Урале 1988. С. 58–72
- Горизонтов Л.Е.* 60-летие научной деятельности Юльюша Бардаха 1996. С. 226–228
- Горяева Т.М., Луначарский Е.Л.* Документальный фонд советской радиожурналистики 1987. С. 119–131
- Григина И.Р., Илизаров С.С.* 40 лет археографической серии "Научное наследие" 1989. С. 3–18
- Данилюк Ю.З., Табачник Д.В.* В.И. Стрельский – археограф, архивист и историк-краевед 1988. С. 117–123
- Демидова Н.Ф.* В.О. Ключевский как председатель "Общества истории и древностей Российских" (1893–1905) 1991. С. 87–98

- Дзидзигури Ш.В., Аласания Г.Г.* Археография и источниковедение в трудах Р.К. Кикнадзе 1990. С. 164–166
- Дмитренко В.П., Тарле Г.Я.* Ученый-аналитик. (К 90-летию со дня рождения Э.Б. Генкиной) 1991. С. 145–149
- Добровская А.В., Горбунов И.Ю., Мироненко С.В.* Государственный архив Российской Федерации: История формирования и комплектования (1920–1995) 1995. С. 9–28
- Добрушник Е.М.* С.Н. Валк – археограф и преподавание археологии в МГИАИ 1988. С. 152–153
- Добрушник Е.М.* Научное наследие С.Н. Валка в преподавании археологии 1989. С. 134–144
- Добрушник Е.М.* О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археологии 1987. С. 92–102
- Дорошенко В.В.* Уроки историка Б.В. Брежго (Предисловие С.О. Шмидта) 1993. С. 215–221
- Дубровский А.М.* "Веский учебник" и архивные материалы 1996. С. 181–195
- Елисеева О.И.* История и перспективы издания переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина 1993. С. 172–196
- Емченко Е.Б.* Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника 1992. С. 109–118
- Житомирская С.В.* А.А. Герцен в работе над биографией Герцена 1996. С. 211–213
- Журавлев В.В.* С.Н. Валк и историко-партийное источниковедение 1988. С. 144–145
- Загоскина И.В.* С.Н. Валк и подготовка сборника "Декреты Советской власти" 1988. С. 146–148
- Закс А.Б.* Д.А. Равикович – музейвед-архивист 1995. С. 168–169
- Закс А.Б.* Н.Л. Рубинштейн – во главе научной работы Государственного исторического музея (1943–1949) (По материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям) 1989. С. 124–133
- Закс А.Б.* Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка 1993. С. 197–201
- Иванов А.Е.* Московский археологический институт – центр российского исторического культуроведения 1994. С. 47–63
- Иванова Л.В.* Полвека, отданные науке. (К 80-летию со дня рождения академика М.П. Кима) 1988. С. 128–130
- Кабанов В.В., Курносов А.А.* Археография и источниковедение в творчестве С.И. Якубовской 1991. С. 150–159
- Казанцев Б.Н.* Архивные документы о численности промышленно-производственного персонала черной металлургии СССР в 1946–1955 гг. 1990. С. 152–159
- Карпеев И.В.* Архивные источники о роли армии во внутренней политике царизма в 1907–1914 гг. 1988. С. 46–51;
- Каштанов С.М.* К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья 1988. С. 25–30;
1989. С. 50–54;
1990. С. 34–40;
1991. С. 33–41
- Каштанов С.М.* Современные принципы издания латинских грамот 1983. С. 37–48;
1984. С. 75–87;
1985. С. 52–67;
1986. С. 46–58;
1987. С. 35–44
- Киреева Р.А.* Из истории советской исторической науки конца 1940-х годов. Первое вето в научной жизни А.А. Зимина 1993. С. 222–228
- Ковальский Н.П., Абросимова С.В.* Из истории Екатеринославской ученой архивной комиссии (1903–1916) 1988. С. 52–57
- Ковальченко И.Д., Кутьев В.Ф., Б.Г. Литвак* – архивист, археограф, источниковед. (К 70-летию со дня рождения) 1989. С. 163–165
- Козлов В.П.* Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. 1987. С. 54–64
- Коляда В.А.* Граммофонные пластинки – разновидность фонодокументов отечественной истории 1993. С. 82–93

- Комарова И.И.* Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России 1989. С. 80–87
- Комарова И.И.* Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. 1990. С. 83–102
- Кондратьев В.А.* О выявлении и публикации писем борцов за социалистическую революцию и победу Советской власти. (На примере сборника "Письма славы и бессмертия") 1987. С. 82–91
- Корзун В.П.* Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) 1994. С. 255–262
- Корнеев В.Е.* Северное отделение Единого партийного архива (1929–1939 гг.) 1990. С. 148–151
- Коровайников В.Ю.* Группа содействия Истпарту ЦК ВКП(б) 1989. С. 97–98
- Королев Г.И.* Истоки археографии 1993. С. 72–81
- Королев Г.И.* Иностранная интерпретация статуса теории и методики издания исторических источников 1989. С. 38–49
- Королев Г.И.* О сущности и функциях регестов (на зарубежном материале) 1990. С. 26–33
- Королев Г.И.* Факсимильные публикации исторических памятников за рубежом 1992. С. 23–38
- Кукушкина М.В.* Раздвигловская летопись: из истории подготовки факсимильного издания 1994 г. 1995. С. 140–147
- Курносов А.А.* О К.Н. Тарновском 1991. С. 168–169
- Курносов А.А., Стрижков Ю.К.* Пять лет трудов историка. (К 80-летию академика А.М. Самсонова) 1988. С. 134–137
- Курносов А.А.* Собрание документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны: тенденции и проблемы 1990. С. 3–8
- Кусов В.С.* О составлении каталога русских географических чертежей XVI–XVII вв. 1989. С. 65–71
- Кушева Е.Н.* Воспоминания о Сигизмунде Натановиче Валке 1988. С. 154–156
- Лаврентьев А.В.* Об одном несохранившемся указе Петра I ("Обстоятельная роспись" Азовского флота 1696 г.) 1990. С. 54–65
- Лавров А.С.* Смотровый список Троицкого похода 1689 г. 1991. С. 53–59
- Левшин Б.В.* М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР 1990. С. 191–197
- Леушин М.А.* "Политическое значение архивов": концепция М.Н. Покровского в социально-историческом контексте 1996. С. 163–180
- Линд Дж.Х.* Творческий путь Кнуда Расмуссена (К 10-летию со дня смерти) 1995. С. 160–166
- Литвак Б.Г.* Археография и историческое исследование 1992. С. 3–10
- Лохина Т.В.* Светский рукописный сборник в России конца XVIII – первой половины XIX века. Происхождение и бытование источника 1996. С. 94–111
- Лукашевич А.А.* К истории публикации ордеров Г.А. Потемкина и П.А. Зубова 1988. С. 41–45
- Лукичев М.П., Морозов Б.Н.* К истории организации официального летописания XVII в. 1992. С. 134–144
- Мазин К.А.* Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX в. (Проект архивной реформы И.Е. Андреевского) 1989. С. 88–93
- Медушевская О.М.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание 1994. С. 238–254
- Миронец Н.И.* Публикация сборников революционных песен в 1917–1922 гг. 1987. С. 65–72
- Михайлова Н.М.* О подготовке Истпартком издания протоколов съездов и конференций Коммунистической партии 1990. С. 137–147
- Михеева Г.В.* К 75-летию со дня смерти Х.М. Лопарева 1993. С. 202–208
- Михеева Г.В.* М.В. Машкова – историограф библиографии. (К 85-летию со дня рождения) 1994. С. 165–169
- Молчанов Л.А.* Деятельность Е.А. Луцкого в области источниковедения и археографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. (К 80-летию со дня рождения) 1987. С. 177–182
- Морозов Б.Н.* "Книга Послание Курбского" в библиотеке Н.Г. Строганова начала XVII в. 1990. С. 41–45
- Мосин А.Г.* К 25-летию археографического открытия Вятки 1992. С. 204–206
- Москалев М.В.* О проекте создания Государственного Совета по охране памятников старины и художественных сокровищ (1917–1918) 1989. С. 94–96

- Мясников В.С.* Академик С.Л. Тихвинский как источниковед. (К 70-летию со дня рождения) 1988. С. 138–143
- Назаров В.Д.* Источниковедение и специальные исторические дисциплины в творчестве А.Д. Горского 1991. С. 170–177
- Невежин В.А.* О последней книге академика А.М. Самсонова 1995. С. 290–294
- Новохатко О.В.* Служебные назначения по записным разрядным книгам XVII в. 1994. С. 82–92
- Олмстед Х.М.* К изучению библеистики Максима Грека. Перевод четвертой книги Маккавеев на церковно-славянский язык 1992. С. 91–100
- Охотина Н.А.* О времени основания Валаамского монастыря: Перспективы изучения источников 1992. С. 85–90
- Павлюченко Э.А.* К 80-летию С.В. Житомирской 1996. С. 217–221
- Панель В.М.* М.Н. Тихомиров в "Академическом деле" 1930 г. 1993. С. 36–39
- Пека О.В.* Кадровая политика органов управления архивным делом и место архивов в политической системе советского общества 1992. С. 191–199
- Пихоя Р.Г.* Размышления об архивной реформе 1994. С. 3–17
- Плютто П.А.* А.А. Богданов и М. Горький: эпистолярная история одного разрыва 1993. С. 189–196
- Поздеева И.В.* 30 лет полевой археографии Московского университета (1966–1995) 1995. С. 48–59
- Покровский А.С.* Е.Н. Городецкий как археограф и источниковед истории Великого Октября. (К 80-летию со дня рождения) 1987. С. 164–176
- Покровский А.С.* Список участников II Всероссийского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов: набросок социально-политического портрета 1994. С. 110–154; 1995. С. 73–115
- Покровский Н.Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х годов 1994. С. 18–46
- Покровский Н.Н.* К 70-летию со дня рождения Д.И. Тверской 1995. С. 167
- Приймак Н.Н.* Разработка С.Н. Валком источниковедения ленинского наследия в 20–30-е годы 1987. С. 144–152
- Простоволосова Л.Н.* О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) 1994. С. 276–280
- Ромодановская Е.К.* Н.Н. Покровский как источниковед и археограф. (К 60-летию со дня рождения) 1990. С. 174–178
- Румянцева М.Ф.* Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII в. 1991. С. 64–74
- Рыбаков С.П.* В.В. Ложкин – историк-источниковед 1993. С. 229–235
- Рыбаков С.П.* Новые данные о втором выпуске работы В.И. Ленина «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» 1990. С. 103–112
- Рыбаков С.П.* Рисунок В. Каррика – подарок Е.Д. Стасовой В.И. Ленину 1991. С. 105–110
- Рыбаков Ю.Я.* Археографическая деятельность В.В. Лукьянова. Список работ В.В. Лукьянова 1988. С. 107–110
- Рыкова О.В.* Д.М. Шаховской – историк и генеалог. (К 60-летию со дня рождения) 1994. С. 170–173
- Савицкая Р.М.* Произведения В.И. Ленина периода подготовки Октября, март– октябрь 1917 г.: Вопросы археографии и источниковедения 1988. С. 3–14
- Самборский Я.Ю.* Материалы к биографии К.А. Гвоздева в Российском государственном архиве экономики 1995. С. 116–119
- Санцевич А.В.* Ф.П. Шевченко – археограф и архивист. (К 75-летию со дня рождения) 1989. С. 154–157
- Сапунов Б.В.* Информационные материалы о Западной Европе в Москве в XVII в. 1991. С. 47–52
- Семенченко Г.В.* О хронологии троичских актов второй половины XV в. 1987. С. 45–53
- Семенченко Г.В.* О хронологии актов Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. 1988. С. 31–40
- Семенченко Г.В.* О хронологии актов Северо-Восточной Руси XV в. 1989. С. 55–64
- Середа В.Н.* К истории создания топографического описания Тверского наместничества в 70–80-х годах XVIII в. 1989. С. 72–79

- Сизинцева Л.И.* Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930–1931 гг. 1991. С. 114–136
- Соболь В.С.* Архивные материалы о деятельности Академии наук по охране документальных памятников в первые годы революции 1990. С. 131–136
- Соловьева И.Д.* Вкладные надписи на иконах Александро-Свирского монастыря 1991. С. 42–46
- Соловьева Т.Б.* Справочник "Привилегированное купечество в России второй половины XVI – первой четверти XVIII в. (гости, гостиная и суконная сотни)" 1996. С. 88–93
- Тараторкин Ф.Г. А.С.* Лаппо-Данилевский и проект создания "Истории России" на английском языке (1915–1918 г.) 1994. С. 270–273
- Тарле Г.Я.* Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию. Часть первая (1917–1921) 1996. С. 143–162
- Тарновский К.Н.* "Тетради по империализму" как часть личного научного архива В.И. Ленина: время создания, структура, принципы организации 1987. С. 3–15
- Теньтюков В.И.* Из истории разработки декрета 1918 г. "О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения" 1990. С. 121–130
- Тюменцев И.О.* Документы троцких осадных седельцев 1608–1611 гг. из русского архива Я.П. Сапеги 1990. С. 46–53
- Турилов А.А.* Малоизвестные системы восточнославянской киешной тайнописи 1992. С. 101–108
- Умбрашко К.Б. М.П.* Погодин: Путь к биографии Н.М. Карамзина 1996. С. 196–298
- Фаизов С.Ф.* Статейный список Гаврилы Михайлова (третья четверть XVII в.): Попытка условной реконструкции 1991. С. 60–63
- Фалькович С.М.* Археография и архивное дело в творчестве В.А. Дьякова. (К 70-летию со дня рождения) 1989. С. 158–162
- Федоров-Давыдов Г.А.* К 60-летию В.Л. Янина 1989. С. 168–171
- Филлимонов С.Б.* Малоизвестные материалы о деятельности академика М.Н. Тихомирова в 1918–1923 гг. 1988. С. 104–106
- Филлимонов С.Б.* Малоизвестные материалы о разработке в 1920-е годы методов издания документов 1991. С. 111–113
- Флоря Б.Н.* К 60-летию В.А. Кучкина 1993. С. 240–242
- Хайретдинов Х.Х.* К юбилею академика Александра Гейштора 1996. С. 222–225
- Халимов Н.Б.* К истории формирования собрания восточных рукописей АН Туркменской ССР 1988. С. 85–90
- Ханпира Э.И.* Архивоведческое терминоведение: Из опыта словарной работы 1987. С. 103–118
- Цаплин В.В.* Вклад ЦГАНХ СССР в развитие советского архивного дела 1987. С. 16–25
- Черных В.А.* Археография и власть. (О попытке создать Государственную археографическую комиссию в 1944 г.) 1991. С. 137–140
- Черных В.А., Шеламанова Н.Б.* К юбилею Лидии Петровны Жуковской 1990. С. 172
- Чернышов В.Д. М.А.* Ильин – архивист и краевед. (К 70-летию со дня рождения) 1989. С. 166–167
- Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров и Восток* 1990. С. 201–205
- Чирков С.В.* Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. 1989. С. 19–27
- Чирков С.В.* Из истории факсимильного издания письменных памятников в России (XIX – начало XX в.) 1992. С. 11–22
- Чирков С.В.* Историк петербургской школы о И.Е. Забелине 1995. С. 309–313
- Чирков С.В. В.О. Ключевский и отечественная археография* 1990. С. 9–25
- Чирков С.В. А.С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии* 1994. С. 263–267
- Чирков С.В.* Некоторые проблемы теории археографии в трудах С.Н. Валка 1988. С. 149–151
- Чирков С.В. А.Е. Пресняков – археограф и архивист. (К 125-летию со дня рождения)* 1995. С. 29–34
- Чирков С.В. М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин* 1990. С. 206–209
- Чирков С.В. М.Н. Тихомиров и Полное собрание русских летописей* 1992. С. 207–211

- Чихачева Е.В.* К вопросу об авторах «Очерка истории кружка "чайковцев"» 1992. С. 156–161
- Чиркова Е.А.* Издательская деятельность Министерства иностранных дел России и русская печать в 60–70-х годах XIX в. 1993. С. 140–146
- Чубинидзе Э.К.* Вопросы общего источниковедения на страницах журнала "Архивное дело" 1988. С. 73–84
- Шаханов А.Н.* Архивный труженик С.М. Соловьев 1995. С. 301–308
- Шаховский Д.М.* Приемы изучения источников по русской генеалогии в новейшей исследовательской практике 1988. С. 93–103
- Шмидт С.О.* Вступительное слово [на заседании памяти С.М. Соловьева и И.Е. Забелина] 1995. С. 296
- Шмидт С.О.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и Археографическая комиссия. (К 90-летию со дня рождения ученого) 1996. С. 214–216
- Шмидт С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков 1992. С. 39–76
- Шмидт С.О.* К 80-летию академика Б.А. Рыбакова 1988. С. 131–133
- Шмидт С.О.* К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова 1990. С. 210–213
- Шмидт С.О.* К 70-летию со дня рождения К.Н. Тарновского 1991. С. 160–167
- Шмидт С.О.* К юбилею Д.Б. Рязанова 1995. С. 35–47
- Шмидт С.О.* А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох 1994. С. 229–237
- Шмидт С.О.* Переписка М.Н. Тихомирова с Н.А. и А.М. Земскими 1993. С. 45–52
- Шмидт С.О.* Слово об А.А. Амосове [Памяти А.А. Амосова. Заседание в Пушкинском Доме 29 мая 1996 г.] 1996. С. 229–236
- Шохин Л.И.* Н.В. Калачов во главе Московского архива министерства юстиции (по неопубликованным документам) 1987. С. 132–143
- Шохин Л.И.* Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России: (Опыт характеристики по архивным документам) 1992. С. 183–190
- Шохин Л.И.* К истории журнальных публикаций архивистов во второй половине XIX в. 1993. С. 147–156
- Шохин Л.И.* Литература 1984–1990 годов о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова 1990. С. 216–217
- Шохин Л.И.* Неопубликованная работа С.Д. Шереметева о Смутном времени "Лев Сапега и Федор Шереметев" 1994. С. 185–190
- Шохин Л.И.* С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях 1994. С. 191–221
- Штайндорф Л.* Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI веке 1996. С. 65–78
- Шумейко М.Ф.* Архивы и власть. (К истории документальных собраний бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов) 1995. С. 127–139
- Шумейко М.Ф.* Деятельность Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы 1987. С. 73–81
- Эджертон В.* Первые и последние встречи с Ю.Г. Оксманом 1995. С. 153–159
- Юрганов А.Л.* Источниковедение в трудах Г.В. Семенченко 1991. С. 178–181
- Янин В.Л.* В гостях у археологов. (Из литературного творчества М.Н. Тихомирова) 1993. С. 57–69
- Янин В.Л.* К 40-летию открытия берестяных грамот 1991. С. 15–22

Тихомировские чтения

- Андропова М.В.* М.Н. Тихомиров как исследователь кормчих книг 1993. С. 15–19
- Евдокимова Е.М.* Хроника заседания [посвященного 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова] 1993. С. 3–8
- Костюхина Л.М.* М.Н. Тихомиров в рукописном отделе Исторического музея 1993. С. 13–14

- Левшин Б.В.* Академик М.Н. Тихомиров в своих воспоминаниях (по документам АРАН) 1993. С. 20–28
- Лифшиц А.Л.* Хроника заседания "Архивный фонд России. Новые информационные возможности" 1994. С. 174–177
- Лифшиц А.Л.* Хроника заседания [посвященного 40-летию Археографической комиссии РАН] 1996. С. 3–4
- Лохина Т.В.* Хроника заседания [посвященного 50-летию Победы в Великой Отечественной войне] 1995. С. 179–180
- Мироненко М.П.* Хроника заседания [по теме "Отечественная история, археография и архивоведение в условиях перестройки"] 1989. С. 172–175
- Мироненко С.В.* Архивная теория и практика на страницах "Археографического ежегодника" 1996. С. 26–30
- Морозов Б.Н.* Хроника заседания [посвященного 60-летию основания МГИАИ] 1990. С. 179–190
- Охотина Н.А.* Хроника заседания [по проблемам изучения истории Октябрьской революции] 1987. С. 183–185
- Поздеева И.В.* Археографическая комиссия и развитие полевых археографических исследований 1996. С. 31–42
- Паскаль А.Д.* Хроника заседания ["1917 год в России: новые документы, новые публикации"] 1992. С. 221–223
- Староверова И.П.* Новые поступления в личный фонд М.Н. Тихомирова 1993. С. 29–31
- Степанский А.Д.* Проблемы публикации исторических источников в "Археографическом ежегоднике" 1996. С. 23–25
- Судаков В.В.* Историковедческие проблемы увековечения памяти защитников Отечества и опыт привлечения к поисковой работе учащихся и педагогов [Тихомировские чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне] 1995. С. 181–190
- Торстенсен Ф.А.* Хроника заседания [посвященного факсимильным изданиям исторических источников] 1991. С. 189–190
- Турилов А.А.* О работе над "Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV века". (К 30-летию выхода в свет "Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв.") 1996. С. 16–22
- Храмкова Е.Л.* М.Н. Тихомиров в Самаре в 1919–1923 гг. (По материалам Государственного архива Самарской области) 1993. С. 9–12
- Черных В.А.* Об изданиях Археографической комиссии 1996. С. 12–15
- Чирков С.В.* Проблемы историографии в трудах Археографической комиссии 1996. С. 43–48
- Шаховской Д.М.* М.Н. Тихомиров в Париже 1993. С. 32
- Шмидт С.О.* Вступительное слово [на Тихомировских чтениях, посвященных 40-летию Археографической комиссии РАН] 1996. С. 5–11
- Шохин Л.И.* Хроника заседания 1988. С. 159–164

II. Обзоры, описания, библиография

- Андрюшайтите Ю.В., Лифшиц А.Л., Мироненко М.П.* Новые английские справочные издания по славяно-русской палеографии и россижке. 1993. С. 311–318
- Афиани В.Ю.* Документальные сокровища Эрмитажа 1989. С. 265–266
- Белозерова И.В.* Личный архив А.М. Разгона (ГИМ). 1991. С. 239–243
- Библиография авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте (1980–1989 гг.) (подг. А.И. Розанов, под ред. В.А. Муравьева) 1990. С. 249–256
- Библиография изданий Московского государственного историко-архивного института (1980–1989 гг.) (подг. А.И. Розанов, под ред. В.А. Муравьева) 1990. С. 257–259
- Бобков В.Н.* Церковные и монастырские архивы Казанской губернии в первые годы советской власти 1991. С. 195–199

- Буганов В.И.* Русские рукописи XVI – первой половины XIX в. в Славянском отделе Хельсинкского университета 1990. С. 218–228
- Бухерт В.Г.* Как создавался "Очерк истории Министерства иностранных дел" (1900–1902 гг.) 1994. С. 281–284
- Бухерт В.Г.* Распространение подложных указов среди старообрядцев в первой половине XIX в. 1987. С. 200–203
- Быкова Л.А.* Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве, 1919 г. 1993. С. 289–308
- Варшавчик М.А.* Монография Г.В. Боряка о национальном архивном наследии Украины 1996. С. 311–315
- Воробьева Н.П.* Об эпистолярных коллекциях Научной библиотеки Тартуского государственного университета 1989. С. 176–177
- Враская О.Б., Гранстрем Е.Э.* Французская миниатюра в книжных собраниях Советского Союза 1987. С. 288–289
- Вялова С.О.* Глаголические рукописи XI–XVI вв. в хранилищах СССР 1987. С. 186–188
- Ганелин Р.Ш.* А. Лооринг и его неосуществленный исследовательский замысел 1988. С. 252–257
- Гофман П.* Деятельность А.Н. Радищева в Коммерц-коллегии (обзор материалов) 1987. С. 189–199
- Демина Л.И.* "Автобиографические заметки" Е.Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903–1924 гг.) 1992. С. 248–253
- Довгало Г.И.* Документы личного архива Е.Н. Ошаниной 1989. С. 253–255
- Дубровский А.М.* Неопубликованные работы П.П. Смирнова в ОР ГБЛ 1988. С. 228–233
- Дулов А.В.* Обзор личного фонда В.И. Дулова 1989. С. 249–252
- Елпатьевский А.В.* М. Нелькен и ее книга "Кремлевские башни" 1993. С. 270–281
- Елпатьевский А.В.* Рамон Х. Сендер и его книга "Мадрид-Москва" 1996. С. 282–288
- Журавлев С.В.* Документы об участии Историко-археографического института АН СССР в создании "Истории фабрик и заводов" (1931–1933 гг.) 1989. С. 213–215
- Журавлев С.В.* К вопросу о роли ЦАУ СССР и РСФСР в выявлении документов по истории фабрик и заводов СССР в 1930-е годы 1988. С. 185–192
- Жучкова И.Л.* Новые материалы к биографии историка А.А. Покровского. (По документам ЦГАДА) 1989. С. 230–233
- Зелов Н.С.* Комплектование ЦГАОР СССР в 1975–1986 гг. документами участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за советскую власть 1987. С. 269–277
- Земскова И.Е.* Обзор личного фонда писателя С.С. Смирнова в ЦГАЛИ СССР 1987. С. 250–259
- Иванова Л.В.* "Старая Москва" и увековечение памяти В.О. Ключевского 1991. С. 200–202
- Калантырская И.С.* Е.И. Самгина и ее архив 1994. С. 296–301
- Карев Д.В.* Неопубликованные историко-географические труды М.К. Любавского 1987. С. 278–283
- Кац А.А.* Личные фонды советских государственных и общественных деятелей в ЦМММ 1992. С. 236–247
- Кельнер В.Е.* Дневник В.А. Бильбасова. (Из архива издателя и редактора) 1987. С. 210–219
- Кирющенко Н.В.* Обзор материалов по истории Великой французской революции и международных отношений последнего десятилетия XVIII в. в архиве Воронцовых 1989. С. 178–186
- Киселева Л.И.* "Газета средневековой книги". (О новом периодическом издании западноевропейских медиевистов) 1987. С. 290–294
- Киселева Л.И.* Проблемы описания средневековых рукописей 1988. С. 272–274
- Ковалев И.В.* Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н.Н. Воронина 1988. С. 261–267
- Ковалев И.В.* Отзывы на труды Д.С. Лихачева в архиве Н.Н. Воронина 1991. С. 244–247
- Ковалев И.В.* Судьба книги Н.Н. Воронина "Андрей Боголюбский". (К 90-летию со дня рождения ученого) 1994. С. 290–295

- Коваленко Г.М.* Фонд Г.Л. Замятина в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина 1989. С. 234–235
- Козлов В.Ф.* Судьбы памятников архитектурной старины в 1920-х – начале 30-х годов. (По протоколам Центральных государственных реставрационных мастерских) 1990. С. 240–244
- Коица С.А.* Обзор фонда Н.В. Тимофеева-Ресовского 1989. С. 256–264
- Колесник И.И.* Конспект лекций С.М. Соловьева по русской историографии 1988. С. 201–209
- Кончин Е.В.* Опекушинский архив 1993. С. 309–310
- Королев Г.И.* Публикации источников в зарубежных социалистических странах Европы по истории Великого Октября 1987. С. 260–268
- Кравченко В.В.* Личный фонд Д.И. Баголя в рукописном отделе Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета 1988. С. 222–227
- Курапова Е.Р.* Материалы М.Н. Тихомирова и о нем в личных фондах Архива РАН. [К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова] 1993. С. 40–44
- Курбанов Г.Н.* Новые поступления бухарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника 1988. С. 268
- Кызласова И.Л.* Из эпистолярного наследия Н.П. Кондакова 1988. С. 209–221
- Литвин А.Л.* Документальные публикации по истории гражданской войны в Среднем Поволжье 1988. С. 193–200
- Лысенко Т.И.* Материалы И.И. Любименко по вопросам архивоведения 1989. С. 236–238
- Малкова-Лихтенштейн М.Г.* Архивные материалы Е.С. Лихтенштейна 1991. С. 235–238
- Мажуга В.И.* Описание латинских рукописей V–XII вв. в ГПБ 1988. С. 269–271
- Мельник А.Н.* Творческие материалы личного фонда Р.А. Орбели 1989. С. 222–229
- Мельник А.Н.* Творческие материалы личного фонда С.Д. Яхонтова 1991. С. 214–220
- Митрофаненко В.В., Сулова Е.С.* Фонд В.А. Романовского в Государственном архиве Ставропольского края 1991. С. 227–229
- Михальченко С.И.* Личный фонд М.В. Довнар-Запольского в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве 1994. С. 285–289
- Михальченко С.И.* Неопубликованная "История Белоруссии" М.В. Довнар-Запольского 1992. С. 254–258
- Михальченко С.И.* Неопубликованные письма В.Б. Антоновича и историков его школы в архивах России и Украины 1993. С. 282–288
- Михальченко С.И.* Неопубликованные письма ученых школы истории "западно-русского" права в архивах России и Украины 1996. С. 289–298
- Муравьев В.А.* Справочник историка России 1996. С. 309–310
- Научные конференции кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ. [К 65-летию Историко-архивного института РГГУ]** 1996. С. 334–361
- Никитин Е.Н.* Архив историка П.П. Парадизова 1988. С. 237–251
- Омельчук Д.В., Филимонов С.Б.* Следственное дело С.Н. Булгакова (1922 г.) 1995. С. 320–321
- Орлов Б.М.* Русские о Земле Израила 1992. С. 259–261
- Парова Л.М.* К истории Кавказской археографической комиссии (по новым архивным материалам) 1988. С. 176–184
- Паскаль А.Д.* Новый справочник по старобрядческим изданиям конца XVIII – начала XIX в. 1992. С. 262–266
- Петров Ф.А., Яновский А.Д.* Наполеон. Его семья Его сподвижники. (Автографы из собрания ГИМ) 1992. С. 224–235; 1993. С. 246–269
- Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности 1989. С. 187–198
- Плютто П.А.* Дневник профессора И.А. Шляпкина 1989. С. 216–221
- Плютто П.А.* Документы А.А. Богданова (Малиновского) в архивохранилищах страны 1991. С. 203–213
- Пономарева И.Г.* О хронологии ранних Калезинских актов 1993. С. 243–245
- Понсов В.А.* Обзор личного архива участника Великой Отечественной войны Ю.А. Силенчука 1990. С. 245–246

- Попов А.В.* Архивный фонд эмигранта Н.А. Троицкого: Материалы по изучению истории России 1994. С. 302–307
- Простоволосова Л.Н.* Архивные материалы о библиографии в творчестве И.И. Полосина 1991. С. 221–226
- Пушкарев Л.Н.* Нужная полезная книга (о монографии М. Абашидзе) 1992. С. 278–280
- Пшеничный А.П.* Руководитель советской архивной службы Я.А. Берзин 1987. С. 242–249
- Ромашин И.Е.* Делопроизводственные источники "Топографического описания Тульской губернии" Ф.Г. Дильтея 1996. С. 266–270
- Рыкова О.В.* Издания Ж. Феррана по истории генеалогии и иконографии российского дворянства 1995. С. 322–326
- Сергеев П.А.* Деятельность Н.М. Дружинина в секции по изучению декабристов и их времени при Всесоюзном обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1924–1934 гг.) 1988. С. 234–236
- Соболев В.С.* Неопубликованная работа А.И. Андреева 1957 г. о развитии вспомогательных исторических дисциплин в СССР 1987. С. 284–287
- Сочинения М.Н. Тихомирова и литература о его жизни и деятельности (1990–1994).* [К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова] (сост. Г.А. Елисеев) 1993. С. 70–71
- Список авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук, защищенных в МГИАИ – РГГУ в 1989–1996 гг. [К 65-летию Историко-архивного института РГГУ] (подг. Л.В. Тропкина, А.Б. Ситникова) 1996. С. 330–333
- Список печатных трудов А.А. Амосова 1996. С. 259–265
- Список печатных трудов В.Э. Богграда (1917–1986) (сост. М.А. Бенина, предисл. Л.А. Мандрыкиной) 1987. С. 295–297
- Список печатных трудов В.И. Буганова (сост. А.П. Богданов) 1988. С. 278–287
- Список печатных трудов А.Д. Горского 1991. С. 260–262
- Список печатных трудов В.В. Дорошенко 1991. С. 263–267
- Список печатных трудов А.В. Елпатьевского 1991. С. 272–274
- Список печатных трудов Л.П. Жуковской (за 1990–1995) (подг. И.В. Левочкин) 1994. С. 308–309
- Список печатных трудов А.Б. Закс (К 90-летию со дня рождения) (сост. Д.А. Равикович) 1989. С. 268–270
- Список печатных трудов М.П. Ирошникова (подг. Е.З. Панченко, А.Ф. Тугова) 1994. С. 310–316
- Список печатных трудов С.М. Каштанова 1992. С. 308–316
- Список печатных трудов О.А. Князевской (сост. Н.А. Охотина) 1990. С. 274–277
- Список печатных трудов Б.Г. Литвака (сост. Л.И. Шохин) 1989. С. 271–275
- Список печатных трудов Ю.Г. Оксмана (К 100-летию со дня рождения) (сост. К.П. Богаевская, В.А. Черных) 1995. С. 327–340
- Список печатных трудов академика С.Ф. Платонова (с 1923 г.) (подг. В.А. Колобков) 1993. С. 319–320
- Список печатных трудов Ю.Г. Оксмана (К 100-летию со дня рождения) (сост. К.П. Богаевская, В.А. Черных) 1995. С. 327–340
- Список печатных трудов академика С.Ф. Платонова (с 1923 г.) (подг. В.А. Колобков) 1993. С. 319–320
- Список печатных трудов А.М. Разгона (сост. Э.С. Угрюмова) 1990. С. 270–273
- Список печатных трудов академика Б.А. Рыбакова (с 1978 г.) (подг. И.А. Гей) 1993. С. 321–323
- Список печатных трудов Е.В. Саростина. (К 60-летию со дня рождения) (подг. И.П. Старостина) 1995. С. 341–343
- Список печатных трудов А.Д. Степанского 1994. С. 317–320
- Список печатных трудов Е.В. Чистяковой 1991. С. 268–271
- Список печатных трудов Н.П. Чулкова, (подг. С.Ю. Шокарев) 1996. С. 316–319
- Список печатных трудов И.П. Шаскольского (подг. Т.И. Шаскольская) 1996. С. 320–329
- Список печатных трудов С.О. Шмидта (подг. Л.И. Шохин, О.Б. Гайсина) 1992. С. 281–307
- Толмачев А.Л.* Архив семьи Болотовых 1990. С. 229–239
- Турилов А.А.* Новые пособия по археографии 1990. С. 247–248
- Федулин А.А.* Обзор публикаций статистических источников о населении г. Москвы в 1917–1923 гг. 1987. С. 220–228

- Фалалева М.В.* Фонд Романовых в собрании ОПИ ГИМ 1996. С. 270–281
- Филимонов С.Б.* Материалы периодики Центрального бюро краеведения 1920-х годов о собирании и использовании историко-революционных источников 1987. С. 229–241
- Французова Е.Б.* Указатель опубликованных писцовых и прочих описаний городов и посадов конца XV–XVI в. 1991. С. 248–259
- Фруменкова Т.Г.* Архивное наследие Г.Г. Фруменкова 1991. С. 230–234
- Чирков С.В.* Доклад М.Н. Тихомирова "Об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР" 1988. С. 258–260
- Чирков С.В.* Книга об учителе 1988. С. 275–277
- Шарова А.В.* Из эпистолярного наследия академии Е.А. Косминского 1989. С. 239–248
- Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича 1992. С. 267–277
- Шмидт С.О.* Обзор изданий статистических комитетов 1989. С. 267–268
- Шокарев С.Ю.* Фонд Н.П. Чулкова в Музее истории города Москвы 1996. С. 299–308
- Шохин Л.И.* Дневник И.С. Беляева 1991. С. 191–194
- Шохин Л.И.* К истории публикации документов МАМЮ во второй половине XIX – начале XX в. 1988. С. 165–175
- Шохин Л.И.* О московских архивистах-современниках первой русской революции 1995. С. 314–319
- Шохин Л.И.* О подготовке серийного документального издания "Сборник Московского архива Министерства юстиции" 1989. С. 199–212
- Ярославцев Я.А.* Документы Литературного фонда о жизни и быте русских писателей второй половины XIX – начала XX в. 1987. С. 204–209

III. Публикации

- Автобиография А.И. Маркевича (подг. В.Ф. Козлов) 1987. С. 312–316
- Археографическое воззвание К.Н. Бестужева-Рюмина (подг. Р.А. Киреева) 1988. С. 292–295
- А.П. Барсуков об аудиенции у Николая II (Письма Барсукова к графу С.Д. Шереметьеву) (подг. Л.И. Шохин) 1993. С. 331–338
- С.К. Богоявленский в РГАДА (подг. Л.И. Шохин) 1995. С. 365–371
- В первые месяцы Великой Отечественной войны. (Из дневниковых записей генерала армии И.Р. Апанасенко) [50 лет Победы в Великой Отечественной войне] (подг. А.А. Кац) 1995. С. 208–212
- Война... война! (Из воспоминаний историков-ветеранов Великой Отечественной войны) (восп. Басова А.В.) 1990. С. 295–299
- Н.Н. Воронин. Слово в память Михаила Николаевича Тихомирова (подг. И.В. Ковалев, С.О. Шмидт) 1988. С. 316–318
- Воспоминания А.Д. Педосова о выступлении маршала Г.К. Жукова в Академии общественных наук (1966 г.) (подг. И.И. Комарова) [50 лет Победы в Великой Отечественной войне] 1995. С. 282–289
- Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома (подг. Б.Н. Морозов) 1987. С. 298–308
- Б.Д. Греков в архиве Успенского Тихвинского монастыря [К 150-летию со дня рождения председателя имп. Археографической комиссии графа С.Д. Шереметева] (подг. В.Г. Бухерт) 1994. С. 222–225
- Два неизвестных документа Д.Б. Рязанова (подг. Я.Г. Рокитянский) 1995. С. 351–361
- Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне [50 лет Победы в Великой Отечественной войне] (подг. В.А. Неветжин) 1995. С. 191–207
- Две царские грамоты семье Коробановых в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США (подг. Э. Казинец, Р. Карлович, Д. Роланд) 1991. С. 275–280
- Департамент полиции о "вредном направлении" В.И. Семевского (подг. Н.А. Троицкий) 1992. С. 319–323
- Доклад М.М. Богословского о В.О. Ключевском на заседании общества "Старая Москва" (подг. С.Б. Филимонов) 1991. С. 304–305

- Доклад Д.И. Довгялло "Археографические работы в Белоруссии на Первой Всебелорусской конференции архивистов" (подг. М.Ф. Шумейко) 1994. С. 321–327
- Докладная записка К.К. Злобина об издании документов по истории дипломатии (подг. В.Г. Бухерт) 1995. С. 345–347
- Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина Академией наук (1914–1917 гг.) (подг. В.Ю. Афиани) 1991. С. 281–289
- Документы о попытке государственного переворота в октябре 1913 г. (подг. М.К. Шаццлло) 1987. С. 309–311
- Записка В.Д. Дувакина "О моей работе на кафедре научной информации МГУ" (подг. В.Ф. Тейдер) 1989. С. 306–313
- Записка И.Е. Забелина о комплектовании фондов Исторического музея (подг. В.Б. Шарков) 1995. С. 348–349
- Записка С.Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С.Д. Шереметева [К 150-летию со дня рождения председателя имп. Археографической комиссии графа С.Д. Шереметева] (подг. и предисл. С.О. Шмидта) 1994. С. 178–184
- Записка М.Н. Тихомирова 1956 г. о составлении "Московского некрополя" (подг. С.О. Шмидт) 1989. С. 305–306
- Заседание Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде (подг. Р.Ш. Ганелин) 1989. С. 291–304
- Из истории публикации документов "дела о патриархе Никоне" (подг. В.Г. Бухерт) 1993. С. 324–330
- Из переписки Т.Н. Грановского с П.В. Павловым (1850 г.) (подг. Р.Г. Эймонтова) 1988. С. 288–291
- Из сборника "Их призвание – история" (подг. Е.Ю. Буртина) 1991. С. 305–318
- История одной рецензии в письмах. (Письма В.И. Малышева В.Н. Автократову) (подг. Н.С. Зелов) 1996. С. 378–380
- Лекция Б.С. Земенкова "Как смотреть литературные места" (подг. Д.А. Ястржембский) 1996. С. 369–377
- Мемуары В.А. Дьякова [50 лет Победы в Великой Отечественной войне] (подг. Л.Е. Горизонтов) 1995. С. 263–281
- "Не могу молчать..." (Письма Н.А. Рожкова В.И. Ленину 1919, 1921 гг.) (подг. С.В. Журавлев) 1991. С. 298–303
- Неопубликованное предисловие Н.А. Бердяева к сборнику 1918 г. (подг. Е.В. Бронникова, О.В. Волобуев) 1991. С. 290–297
- Неопубликованное предисловие Л.Б. Каменева к переизданию "Колокола" А.И. Герцена (подг. В.В. Крылов) 1994. С. 328–356
- Неопубликованная статья "О фигуре умолчания в исторической науке" В.П. Данилова и С.И. Якубовской (1965) (подг. А.А. Курносков) 1992. С. 324–336
- От Москвы до Берлина (Из воспоминаний историков-ветеранов Великой Отечественной войны) (восп. М.С. Альперовича) 1990. С. 290–295
- Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести "Иван Грозный" А.Н. Толстого (подг. К.А. Аверьян, предисл. С.О. Шмидта) 1988. С. 296–313
- Первая зима блокады. (Дневник ленинградца П.В. Клушанцева). [50 лет Победы в Великой Отечественной войне] (подг. Д.Г. Шеваров) 1995. С. 213–262
- Письма С.Ф. Платонова А.Ф. Кони (подг. В.Г. Бухерт) 1995. С. 351–354
- Письмо С.Ф. Платонова 16 сентября 1929 г. (подг. М.А. Айвазян, коммент. и послесл. С.О. Шмидта) 1996. С. 367–368
- Письмо Д.Б. Рязанова 1935 г. по вопросу приобретения Институтом Маркса-Энгельса библиотеки В.И. Танеева (подг. В.Е. Корнеев) 1995. С. 362–364
- Письмо М.Н. Тихомирова В.И. Язвицкому (1953). [К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова] (подг. Р.Б. Казаков) 1993. С. 53–56
- Письмо М.Н. Тихомирова 1955 г. о происхождении славян и Древней Руси (подг. П.А. Плютто, предисл. С.О. Шмидта) 1988. С. 314–315
- С.Ф. Платонов об историках: приветствие А.Я. Ефименко (1910), отзыв о научной работе М.И. Смирнова (1929) (подг. С.О. Шмидт) 1993. С. 341–342
- Последние письма Д.Б. Рязанова (подг. В.Е. Корнеев) 1993. С. 343–348
- Прелюдия 41-го. (Из воспоминаний историков-ветеранов Великой Отечественной войны) (восп. Б.Г. Литвака) 1990. С. 286–290
- Программа лекций С.Н. Валка по источниковедению отечественной истории XVIII–XIX вв. (1923) (подг. С.О. Шмидт) 1993. С. 341–342

- Речь академика С.Ф. Платонова на заседании историко-археографической комиссии в память 100-летия Археографической экспедиции П.М. Строева (*подг. С.О. Шмидт*) 1996. С. 362–366
- Родословная роспись дворян Палицыных (*подг. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский*) 1989. С. 276–290
- Б.А. Романов о типе комментариев к судебникам 1497 и 1550 гг. (*подг. В.М. Панеях*) 1990. С. 278–285
- Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) (*подг. И.О. Тюенцев*) 1992. С. 317–318

IV. Хроника

- Акинъшин А.Н.* Юбилей О.Г. Ласунского 1996. С. 391–392
- Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в "Археографических ежегодниках" за 1987–1996 гг. (*подг. Н.А. Долдобанова*) 1996. С. 408–423
- Андрюшайтите Ю.В.* Международный семинар, посвященный Э. Лауцвичюсу 1994. С. 364–365
- Аржанова Е.М.* Международная конференция, посвященная Д.Б. Рязанову 1995. С. 375
- Б.П.* Юбилей Пушкинского Дома 1995. С. 377–378
- Бажанова Л.К.* Заседание памяти Е.Н. Кушевой 1990. С. 310–311
- Батаева Т.В., Савин В.М.* Заседание, посвященное 75-летию Е.В. Чистяковой 1996. С. 389–390
- Блескина О.Н.* Об открытии в г. Санкт-Петербурге выставки "Рукописная иллюстрированная книга" 1991. С. 328–329
- Бубнов Н.Ю.* Всесоюзный методологический семинар "Проблемы описания рукописей на современном этапе" 1991. С. 326–327
- Быстрова Н.Б., Катагощина М.В.* Две неизданные рукописи И.Е. Забелина 1990. С. 312

- В Отделениях Археографической комиссии** 1987. С. 320; 1988. С. 325; 1989. С.321; 1990. С. 303–304; 1991. С. 325

- Виноградов Ю.А.* Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Г.А. Князева 1987. С. 329
- 80-летие П.А. Колесникова 1987. С. 328
- Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археографии 1988. С. 329–330
- Выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями 1988. С. 328

- Дмитриева З.В.* Заседания Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии в 1995 г. 1995. С. 376–377

- Е.Г.* Конференция, посвященная 100-летию создания Губернских ученых архивных комиссий 1994. С. 359
- Евдокимова Е.М.* Деятельность Археографической комиссии в 1993 г. 1993. С. 349–350

- Жуковская Т.Н.* Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня 1995 и 1996 гг. 1996. С. 387–388

- Ильин М.А.* В память о Н.М. Карамзине (заседание "Историограф Н.М. Карамзин в Твери") 1994. С. 360

- К.А.* Всесоюзная научная сессия в Кутаиси 1988. С. 331.
- Калантьерская И.С.* Публикация эпистолярного наследия декабристов из собрания ОПИ ГИМ 1990. С. 312–313

- Каравашкин А.В.* Конференция историков русской литературы памяти Н.И. Прокофьева 1996. С. 389

- Киселева Л.И.* 40 лет Отделу рукописной и редкой книги и картографии БАН 1993. С. 351–353

- Клейменова Р.Н.* Общество любителей Российской словесности 1995. С. 378–380
- Клюкина Ю.В.* Научные издания Уральского археографического центра 1996. С. 382–383

- Князевская О.А.* Новая публикация славянской рукописи из ГИМ: Норовская псалтырь—среднеболгарская рукопись XIV в. 1989. С. 329
- Князьков С.Е.* Юбилей научного студенческого кружка [МГИАИ] 1990. С. 309–310
- Кобяк Н.А.* Археографические экспедиции 1992 г. 1992. С. 339
- Кобяк Н.А.* Археографические экспедиции 1994 г. 1994. С. 358–359
- Кобяк Н.А.* Археографические экспедиции 1995 г. 1995. С. 374–375
- Кобяк Н.А.* Археографические экспедиции 1990 г. I. Полевые исследования кириллической книжной традиции 1990. С. 304–306
- Кобяк Н.А., Плагузов А.И.* Об издании Великих Миней Четьих митрополита Макария. (Хроника заседания во Фрайбурге) 1994. С. 365–366
- Краско А.В.* Шереметевские чтения в Петербурге. [К 150-летию со дня рождения председателя Археографической комиссии С.Д. Шереметева] 1994. С. 226–228
- Крючкова Е.А.* К 5-летию музея В.О. Ключевского в Пензе 1996. С. 384–385
- Л.А.* Деятельность Археографической комиссии в 1994 г. 1994. С. 357–358
- Лавров В.М.* Ученый, наставник, человек (Чтения памяти Е.Н. Городецкого) 1994. С. 361–364
- Лепехин М.Т., Жервэ Н.Н.* Конференция конца 1992 – начала 1993 г., посвященные 225-летию со дня рождения Митрополита Евгения (Болховитинова) 1992. С. 346–352
- Лобачева А.И.* Деятельность Археографической комиссии в 1996 г. 1996. С. 381
- Лохина Т.В.* Деятельность Археографической комиссии в 1995 г. 1995. С. 372
- Лохина Т.В.* Хроника заседания. [Памяти С.М. Соловьева и И.Е. Забелина] 1995. С. 295
- Люткина Е.Ю.* К 100-летию И.А. Голубцова 1987. С. 329–330
- Мажуга В.И.* Заседание, посвященное памяти А.Д. Люблинской 1987. С. 328–329
- Майорова А.С.* Конференция "Источниковедение XX столетия" 1993. С. 354–355
- Мироненко М.П.* Деятельность Археографической комиссии в 1989 г. 1989. С. 314–320
- Мироненко М.П., Торстенсен Ф.А.* Деятельность Археографической комиссии в 1991 г. 1991. С. 319–322
- Мироненко М.П.* Заседание, посвященное К.Н. Тарновскому 1991. С. 330–332
- Мицуров В.В.* Заседание памяти Ш.М. Левина 1995. С. 383–386
- Морозов Б.Н.* Деятельность Археографической комиссии в 1990 г. 1990. С. 301–303
- Морозов Б.Н.* Заседание памяти Н.Я. Эйдельмана 1991. С. 333–334
- Морозов Б.Н.* Хроника заседания [посвященного памяти М.Н. Тихомирова. (К 25-летию со дня смерти)] 1990. С. 214–215
- Мосин А.Г.* Международный семинар славистов в Свердловске 1990. С. 307–308
- Мустафина Д.А.* Археографическая конференция в Казанском университете 1988. С. 330–331
- Невская В.А.* Карамзинская научная конференция 1991. С. 329–330
- Новые издания Археографической комиссии 1987–1996
- Охотина Н.А.* Хроника совместного заседания Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященного столетию со дня рождения С.Н. Валка 1988. С. 157–158
- Охотина Н.А.* Деятельность Археографической комиссии в 1987 г. 1987. С. 317–319
- Охотина Н.А.* Первое совещание по филигранологии 1987. С. 323–326
- Охотина Н.А., Турилов А.А.* Совещание "Вопросы описания орнаментальных украшений в славяно-русских рукописях XIII–XV вв." 1989. С. 324–327
- Памяти А.А. Амосова.* Заседание в Пушкинском Доме 29 мая 1996 г. [Доклад С.О. Шмидта; выступления] 1996. С. 229–258
- Паскаль А.Д.* Деятельность Археографической комиссии в 1992 г. 1992. С. 337–338
- Полосин В.В.* Второе рабочее совещание по проблемам восточной археологии 1990. С. 308–309
- Простоволосова Л.Н.* 50-летие кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ 1989. С. 328
- Семенова А.В.* Юбилей А.А. Преображенского 1995. С. 381–382
- Ситникова В.В.* Юбилей Ю.Б. Живцова 1996. С. 394
- Соколова И.Г.* Выставка, посвященная краеведу Н.А. Милонову 1996. С. 386
- Состав Археографической комиссии 1988. С. 319–321

Украинская республиканская археографическая конференция	1988. С. 332
<i>Химица Н.И.</i> К юбилею В.Д. Банасюкевича	1996. С. 393
<i>Хохлов Р.Ф.</i> 70 лет на службе культуре. [Дмитровский историко-художественный музей]	1988. С. 332–333
<i>Ч.В.</i> Археографические экспедиции 1991 г.	1991. С. 326
<i>Ч.С.</i> Научная конференция в Пензе по истории культуры российской провинции	1995. С. 376
<i>Черных В.А.</i> Археографические экспедиции 1987 г.	1987. С. 321–322
<i>Черных В.А.</i> Археографические экспедиции 1988 г.	1988. С. 326–327
<i>Черных В.А.</i> Археографические экспедиции 1989 г.	1989. С. 321–323
<i>Черных В.А.</i> Археографические экспедиции 1990 г.	1990. С. 306–307
II. Полевые исследования книжной традиции на восточных языках.	1990. С. 306–307
<i>Черных В.А.</i> Археографические экспедиции 1993 г.	1993. С. 350–351
<i>Черных В.А.</i> Первая Всероссийская выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями	1987. С. 327
<i>Чирков С.В.</i> 70-летие С.О. Шмидта	1992. С. 340–345
<i>Шохин Л.И.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1988 г.	1988. С. 322–324
<i>Некрологи</i>	
Владимир Николаевич Автократов (1922–1992) (см. В.Д. Банасюкевича, О.Ф. Козлова, В.Ф. Янковой)	1992. С. 357–358
К кончине Вадима Александровича Александрова (1921–1994) (см. Н.Н. Покровского)	1994. С. 367–369
Александр Ильич Копанев (1915–1990) (см. А.А. Амосова)	1990. С. 325–326
Ираклий Луарсабович Андроников (1908–1990) (см. С.О. Шмидта)	1990. С. 319–322
Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) (см. С.О. Шмидта)	1989. С. 330–332
Виктор Иванович Буганов (1928–1996) (см. Н.М. Рогожина)	1996. С. 395–400
Евгения Эдуардовна Гранстрем (1911–1991) (см. Лебедевой И.Н.)	1991. С. 335–337
Лев Александрович Дмитриев (1921–1993) (см. Е.К. Ромодановской)	1993. С. 362–364
Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) (см. Л.Е. Горизонтова)	1995. С. 387–390
Леонард Адамович Дербов (1909–1994) (см. Н.А. Троицкого, Г.Д. Будея, В.А. Осипова, С.И. Стама, И.Д. Парфенова)	1994. С. 374–375
Василий Васильевич Дорошенко (1921–1992) (см. М.И. Козина)	1992. С. 359–360
Николай Васильевич Ефременков (1920–1933) (см. А.Н. Кудимова, В.А. Смирнова, И.Г. Серегина)	1993. С. 356–357
Людия Петровна Жуковская (1920–1994) (см. И.В. Левочкина)	1994. С. 370–371
Архимандрит Иннокентий (1940–1994) (см. А.А. Турилова)	1994. С. 372–373
Владимир Борисович Кобрин (1930–1990) (см. А.А. Севастьяновой, А.Л. Хорошкевич)	1990. С. 327–328
Слово об Иване Дмитриевиче Ковальченко (1923–1995) (см. А.Г. Голикова)	1995. С. 391–393
Петр Андреевич Колесников (1907–1996) (см. А.В. Камкина, С.А. Тихомирова)	1996. С. 401–404
Евгений Алексеевич Луцкий (1907–1991) (см. О.М. Медушевой, Л.Н. Простоволосовой, С.О. Шмидта)	1991. С. 341–342
Галина Николаевна Моисеева (1922–1993) (см. Ю.В. Стенник)	1993. С. 358–359
Владимир Борисович Павлов-Сильванский (1929–1992) (см. Б.Н. Флори)	1992. С. 355–356
Александр Владимирович Ратнер (1948–1991) (см. А.П. Шикмана)	1991. С. 343
Соломон Абрамович Рейсер (1905–1989) (см. А.Л. Гришунина)	1989. С. 333–334
Александр Иванович Рогов (1935–1996) (см. А.А. Турилова)	1996. С. 405–407
Николай Николаевич Розов (1912–1993) (см. В.М. Загребина)	1993. С. 360–361
Виктор Иванович Рутенбург (1911–1988) (см. М.П. Ирошников, Л.Г. Климанова, В.А. Шишкина)	1988. С. 334–335
Юрий Яковлевич Рыбаков (1935–1991) (см. Б.Г. Литвака, С.О. Шмидта)	1991. С. 338–340
Александр Михайлович Самсонов (1908–1992) (см. С.О. Шмидта)	1992. С. 353–354
Ксения Николаевна Сербина (1904–1990) (см. А.И. Копанева)	1990. С. 323–324
Александр Лазаревич Станиславский (1939–1990) (см. А.Б. Каменского)	1990. С. 314–317
Ирина Евгеньевна Тамм (1934–1990)	1990. С. 318
Константин Николаевич Тарновский (1921–1987) (см. Б.Б. Дубенцова)	1987. С. 331–333
Зинаида Владимировна Удальцова (1918–1987) (см. С.П. Карпова)	1987. С. 334–335
Натан Яковлевич Эйдельман (1930–1989) (см. А.И. Володина, С.В. Житомирской, Н.Н. Покровского)	1989. С. 335–337

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АД	– "Архивное дело"
АЕ	– "Археографический ежегодник"
АК	– Археографическая комиссия
АРАН	– Архив Российской академии наук
БАН	– Библиотека Российской академии наук
БСЭ	– "Большая советская энциклопедия"
ВА	– "Вопросы архивоведения"
ВАН	– "Вестник АН СССР"
ВГО	– Всесоюзное географическое общество
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВИ	– "Вопросы истории"
ВИД	– "Вспомогательные исторические дисциплины"
ВИ КПСС	– "Вопросы истории КПСС"
ВНИИДАД	– Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВРАН	– "Вестник Российской академии наук"
ГАВО	– Государственный архив Вологодской области
ГАРО	– Государственный архив Ростовской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГАУ СССР	– см. Главархив
ГАФ СССР	– Государственный архивный фонд СССР,
ГБЛ	– Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина
ГИМ	– Государственный Исторический музей
Главархив	– Главное архивное управление при Совете министров СССР
ГЛМ	– Государственный литературный музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГПНТБ СО АН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН
ДСВ	– "Декреты советской власти"
ЕГАФ	– Единый Государственный архивный фонд
ЖМНП	– "Журнал Министерства народного просвещения"
ЗОР ГБЛ	– "Записки отдела рукописей ГБЛ"
ИА	– "Исторический архив"
ИАН	– "Известия АН СССР"
ИАИ	– Историко-архивный институт
ИЗ	– "Исторические записки"
ИЖ	– "Исторический журнал"
ИИ СССР	– Институт истории СССР АН СССР
ИИФФ СО АН	– Институт истории, филологии и философии СО АН
ИМАО	– Императорское московское археологическое общество
ИМЛИ	– Институт мировой литературы РАН
ИОЛЯ	– "Известия Отделения литературы и языка РАН"
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИРЛИ	– Институт русской литературы РАН
ИСССР	– "История СССР"
КА	– "Красный архив"
ЛГАЛИ	– Ленинградский государственный архив литературы и искусства
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет

ЛН	– "Литературное наследство"
ЛИРО	– "Летопись историко-родословного общества"
МАИ	– Московский археологический институт
МАИРСК	– Международная ассоциация по изучению и распространению славянской культуры при ЮНЕСКО
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– "Материалы и исследования по археологии СССР"
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МИРА	– Музей истории религии и атеизма
НА ИРИ РАН	– Научный архив Института российской истории РАН
НАН Украины	– Национальная академия наук Украины
НБ МГУ	– Научная библиотека МГУ
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НЛО	– "Новое литературное обозрение"
ОА	– "Отечественные архивы"
ОИДР	– Общество истории и древностей Российских при Московском университете
ОЛДП	– Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	– Отдел рукописной и редкой книги БАН
ОР ГБЛ	– Отдел рукописей ГБЛ
ОР ГИМ	– Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РГБ	– Отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	– Отдел рукописей и редких книг РНБ
ОРФ ГЛИМ	– Отдел рукописных фондов ГЛИМ
ПГУ	– Пермский государственный университет
ПД	– Пушкинский Дом
ПОКМ	– Пермский областной краеведческий музей
ПСЗ	– "Полное собрание законов Российской империи"
ПСРЛ	– "Полное собрание русских летописей"
РА	– "Русский архив"
РАН	– Российская академия наук
РАО	– Российская академия образования
РВ	– "Русский вестник"
РГА ВМФ	– Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РИО	– Русское историческое общество
РНБ	– Русская национальная библиотека
РО ПД	– Рукописный отдел Пушкинского Дома
РС	– "Русская старина"
РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	– "Советские архивы"
СВ	– "Средние века"
СГГД	– "Собрание государственных грамот и договоров"
СИБАЛ	– Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья
СИЭ	– "Советская историческая энциклопедия"
СО АН	– Сибирское отделение АН СССР
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПб ФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПб ФИВ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

СПб ФИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
СЭ	– "Советская этнография"
ТГИМ	– "Труды Государственного Исторического музея"
ТЛОИИ	– "Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР"
ТМГИАИ	– "Труды МГИАИ"
ТОДРЛ	– "Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ"
УІЖ	– "Український історичний журнал"
ЦГАЛИ СПб	– Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Министерства обороны
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ СССР	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАНХ	– Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГИА Украины	– Центральный государственный исторический архив Украины
ЦМИАР	– Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева
ЦПА	– Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЦХСД	– Центр хранения современной документации
ЧОИДР	– "Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете"

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

*Тихомировские чтения 1996 года,
посвященные 40-летию Археографической комиссии РАН*

<i>А.Л. Лифшиц.</i> Хроника заседания.....	3
<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово.....	5
<i>В.А. Черных.</i> Об изданиях Археографической комиссии.....	12
<i>А.А. Турилов.</i> О работе над "Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV в." (К 30-летию выхода в свет "Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв.").....	16
<i>А.Д. Степанский.</i> Проблемы публикации исторических источников в "Археографическом ежегоднике".....	23
<i>С.В. Мироненко.</i> Архивная теория и практика на страницах "Археографического ежегодника".....	26
<i>И.В. Поздеева.</i> Археографическая комиссия и развитие полевых археографических исследований.....	31
<i>С.В. Чирков.</i> Проблемы историографии в трудах Археографической комиссии.....	43
* * *	
<i>В.Д. Банасюкевич, М.В. Ларин.</i> 30 лет ВНИИДАД.....	49
<i>П.В. Бекедин</i> (Санкт-Петербург). Пушкинскому Дому 90 лет.....	57
<i>Л. Штайндорф</i> (Мюнстер). Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI веке.....	65
<i>Д.М. Володихин.</i> Патриаршие книгописцы и золотописцы конца XVI–XVII веков (окончание).....	79
<i>Т.Б. Соловьева.</i> Справочник "Привилегированное купечество в России второй половины XVI – первой четверти XVIII веков (гости, гостиная и суконная сотни)".....	88
<i>Т.В. Лохина.</i> Светский рукописный сборник в России конца XVIII – первой половины XIX века: Происхождение и бытование источника.....	94
<i>Ю.В. Андрияшайтите.</i> Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой трети XIX века (окончание).....	112
<i>П.Л. Вахтина</i> (Санкт-Петербург), <i>Л.Б. Вольфцун</i> (Санкт-Петербург). История архива Российской национальной библиотеки (окончание).....	130
<i>В.Г. Бухерт.</i> Д.Н. Блудов и создание Государственного архива МИД.....	138
<i>Г.Я. Тарле.</i> Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию. Часть первая: 1917–1921.....	143
<i>М.А. Леушин.</i> "Политическое значение архивов": концепция М.Н. Покровского в социально-историческом контексте.....	163

<i>А.М. Дубровский</i> (Брянск). "Веский учебник" и архивные материалы.....	181
<i>К.Б. Умбрашко</i> (Новосибирск). М.П. Погодин: путь к биографии Н.М. Карамзина	196
<i>С.В. Житомирская</i> . А.А. Герцен в работе над биографией Герцена.....	211
<i>С.О. Шмидт</i> . Дмитрий Сергеевич Лихачев и Археографическая комиссия (К 90-летию со дня рождения ученого)	214
<i>Э.А. Павлюченко</i> . К 80-летию С.В. Житомирской.....	217
<i>Х.Х. Хайретдинов</i> . К юбилею Александра Гейштора.....	222
<i>Л.Е. Горизонтов</i> . 60-летие научной деятельности Юльюша Бардаха.....	226

Памяти Александра Александровича Амосова

Заседание в Пушкинском Доме 29 мая 1996 г.

<i>С.О. Шмидт</i> . Слово об А.А. Амосове.....	229
Выступления: Н.Ю. Бубнов (СПб.), М.П. Ирошников (СПб.), Ю.Г. Алексеев (СПб.), М.В. Кукушкина (СПб.), Е.К. Ромодановская (Новосибирск), В.В. Морозов, Т.Ф. Волкова (Сыктывкар), Г.В. Маркелов (СПб.), В.С. Соболев (СПб.), О.П. Лихачева (СПб.), Н.Г. Павловский (Екатеринбург), В.Г. Пионтек (СПб.), В.И. Чернышев (СПб.), Н.И. Николаев (СПб.), М.Д. Эльзон (СПб.), Н.С. Серегина (СПб.), О.Д. Амосова (СПб.), С.О. Шмидт.....	237
Список печатных трудов А.А. Амосова.....	259

II. Обзоры, описания, библиография

<i>И.Е. Ромашин</i> (Тула). Делопроизводственные источники "Топографического описания Тульской губернии" Ф.Г. Дильтея.....	266
<i>М.В. Фалалеева</i> . Фонд Романовых в собрании ОПИ ГИМ.....	270
<i>А.В. Елпатьевский</i> . Рамон Х. Сендер и его книга "Мадрид–Москва".....	282
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск). Неопубликованные письма ученых школы истории "западнорусского" права в архивах России и Украины	289
<i>С.Ю. Шокарев</i> . Фонд Н.П. Чулкова в Музее истории города Москвы.....	299
<i>В.А. Муравьев</i> . Справочник историка России.....	309
<i>М.А. Варшавчик</i> (Киев). Монография Г.В. Боряка о национальном архивном наследии Украины.....	311
Список печатных трудов Н.П. Чулкова (подг. <i>С.Ю. Шокарев</i>).....	316
Список печатных трудов И.П. Шаскольского (подг. <i>Т.И. Шаскольская</i> , Санкт-Петербург).....	320

65 лет Историко-архивному институту РГГУ

Список авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук, защищенных в диссертационных советах МГИАИ-РГГУ в 1989–1996 гг. (подг. <i>Л.В. Тропкина, А.Б. Ситникова</i>).....	330
Научные конференции кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ (подг. <i>Р.Б. Казаков</i>).....	334

III. Публикации

Речь академика С.Ф. Платонова на заседании Историко-археографической комиссии в память 100-летия Археографической экспедиции П.М. Строева (подг. <i>С.О. Шмидт</i>).....	362
---	-----

Письмо С.Ф. Платонова 16 сентября 1929 г. (подг. <i>М.А. Айвазян</i> , коммент. и послесл. <i>С.О. Шмидта</i>).....	367
Лекция Б.С. Земенкова "Как смотреть литературные места" (подг. <i>Д.А. Ястржембский</i>).....	369
История одной рецензии в письмах. (Письма В.И. Малышева В.Н. Автократову) (подг. <i>Н.С. Зелов</i>).....	378

IV. Хроника

<i>А.И. Лобачева</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1996 г.....	381
Новые издания Археографической комиссии	382
<i>Ю.В. Ключкина</i> (Екатеринбург). Научные издания Уральского археографического центра	382
<i>Е.А. Крючкова</i> (Пенза). К 5-летию музея В.О. Ключевского в Пензе.....	384
<i>И.Г. Соколова</i> (Тула). Выставка, посвященная краеведу Н.А. Милонову.....	386
<i>Т.Н. Жуковская</i> (Санкт-Петербург). Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня 1995 и 1996 гг.....	387
<i>А.В. Каравашкин</i> . Конференция историков русской литературы памяти Н.И. Прокофьева.....	389
<i>Т.В. Батаева, В.М. Савин</i> . Заседание, посвященное 75-летию Е.В. Чистяковой.....	389
<i>А.Н. Акинъшин</i> (Воронеж). Юбилей О.Г. Ласунского.....	391
<i>Н.И. Химица</i> . К юбилею В.Д. Банасюкевича.....	393
<i>В.В. Ситникова</i> . Юбилей Ю.Б. Живцова.....	394
<i>Н.М. Рогожин</i> . Виктор Иванович Буганов (1928–1996).....	395
<i>А.В. Камкин</i> (Вологда), <i>С.А. Тихомиров</i> (Вологда). Петр Андреевич Колесников (1907–1996)	401
<i>А.А. Турилов</i> . Александр Иванович Рогов (1935–1996).....	405
Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в "Археографических ежегодниках" за 1987–1996 гг. (подг. <i>Н.А. Долдобанова</i>).....	408
Список сокращений.....	424

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 1996 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН*

Заведующая редакцией
"Наука – история" *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Графические работы выполнены
Г.П. Ушаковой

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Н.Л. Голубцова,*
Г.В. Дубовицкая, В.М. Ракитина

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

Л Р № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 27.04.98

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$, Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,1. Усл.кр.-отт. 35,1. Уч.-изд.л. 41,7
Тираж 600 экз. Тип. зак. 3760

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

готовится к печати книга:

Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. 31 л.

Книга председателя Археографической комиссии РАН академика Российской Академии образования С.О. Шмидта взаимосвязана содержанием с ранее вышедшими его монографиями "Становление российского самодержавства" (название второго дополненного издания "У истоков российского абсолютизма") и "Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного". Это – собрание статей 1950-х – 1990-х годов. В разделе "Социально-политическая история. Государственный строй" – статьи о венчании на царство и наименовании "Московское государство", о дьячестве и приказном делопроизводстве, Адашеве и митрополите Макарии, реформах 1550-х годов, об опричнине и внешней политике, аграрной истории и городе. В разделе "Культура. Публицистика" помещены статьи о сочинениях Ивана Грозного, Курбского и других памятниках общественной мысли, Лицевом летописном своде, библиотеке Ивана Грозного, посольских книгах. Много внимания уделено проблемам современной историографии.

Для историков, филологов, архивистов, преподавателей и студентов.

Археографической комиссией РАН готовится к печати монография доктора исторических наук Александра Александровича Амосова (1948–1996) "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование". 25 л. (издательство УРСС), посвященная вопросу о времени и обстоятельствах создания Лицевого летописного свода – крупнейшего в отечественной культуре памятника письменности, повествующего о всемирной истории от сотворения Мира и о российской истории до 1568 г. В рукописях около 10 тыс. листов большого формата и около 16 тыс. миниатюр. Лицевой свод – в поле зрения ученых более двух веков, однако подобное комплексное и буквально полистное исследование предпринимается впервые. История складывания Лицевого свода и редактирования частей его о времени Ивана Грозного прослеживается на основе последовательного изменения водяных знаков по методике, разработанной автором. Принципиально новым является и раздел, посвященный анализу формальных признаков миниатюр и выявлению семантики языка художника средневековья на столь широком материале.

Для специалистов-историков, искусствоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, сотрудников архивов и музеев.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пушкино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90;
тел. (095) 334-98-59*

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДИК

1996